КЭТРИН КУРТЦ

Год короля Йавана

Год короля Йавана

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

КЭТРИН КУРТЦ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

KATHERINE

KURTZ

King's Javan Year

КЭТРИН

КУРТЦ

Год короля Йавана

Издательство
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
К93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz
KING'S JAVAN YEAR
1992

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Перевод с английского Натальи Баулиной

Иллюстрации Владислава Асадуллина

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 7.02.02 г. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 41,16. Тираж 10000 экз. Заказ № 387.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»

ISBN 5-17-011450-8

© Katherine Kurtz, 1992
© Перевод. Н. Баулина, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ГОД КОРОЛЯ

Келдор
Толан
Меара
Истмарк
Грекота
Кэрбери
Ренгарт
Гвиннед
Торент
Графство
Кулди
Ремут
Лендорские горы
Конкардин
Монастырь
св. Иллтида
Коннаит
Найфорд
Мурин
Монастырь
св. Уллтана
Планнед
Финанна
Ховикк
Пустыня

Пролог

Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои[1]

Ранним утром в июне темноволосая девочка, которой было поручено присматривать за голубями, вскарабкалась по приставной лестнице и, осторожно пригнувшись, выбралась на плоскую крышу донжона. Местные жители считали эту старую квадратную каменную башню на пологом холме необитаемой. Подступы к ней повсюду заросли густым колючим кустарником, и вид у укреплений был такой, будто они развалятся от первой же хорошей бури.

Однако если бы людям довелось узнать, что, в действительности, творилось в недрах этой башни, они были бы весьма удивлены. Юная Шона Мак-Грегор и ее голуби имели к этому самое непосредственное отношение. Несколько дюжин серых птиц важно расхаживали, ворковали и чистили перышки в специально сооруженных клетках. Сощурившись на ослепительно-белый диск солнца, Шона убрала выбившиеся из косы пряди волос. В воздухе не было

---

[1] 1-е Коринфянам 15:25

ни ветерка, и зной уже делался невыносимым. Обычно ночью птицы не прилетали, но сегодня их появилось целых две. Вот они — расхаживали по парапету, клевали зерна и перекликались с голубями в клетках...

Стараясь не делать резких движений десятилетняя девочка осторожно подобралась поближе. Вскоре опытные маленькие руки уже прижали к груди первую птицу и нащупали шнурок, которым к ее лапке был привязан небольшой деревянный цилиндр. Темные глаза девочки расширились, когда она прочитала короткое послание. Затем, сунув его в карман, она отправила птицу в клетку к остальным голубям и принялась охотиться за ее спутницей.

Второе послание в точности повторяло первое. Несомненно, его отправили, чтобы убедиться, что хотя бы одно из них достигнет адресата. Перегнувшись через парапет башни, Шона отыскала взглядом своего любимого старшего брата, который во дворе следил сейчас, как конюх выгуливает крупного гнедого жеребца, — великолепное животное, которое казалось совершенно не на своем месте в столь убогом окружении... Второго голубя она просто выпустила, не тратя времени на то, чтобы отворять для него в клетку, и бросилась вниз по лестнице, глотая слезы. Внизу во дворе сын объявленного вне закона графа Эборского был полностью поглощен заботами о своей новой лошади. Джесс Мак-Грегор, потомок воинов, и сам прирожденный солдат в свои неполные двадцать лет, был невысок ростом, но крепко сложен. Золотистые искорки сверкали в глубине карих глаз, от взгляда которых мало что могло укрыться. Летнее солнце покрыло бронзовым загаром его оливковую кожу и высветлило длинные каштановые

волосы, которые он завязывал сзади в хвост. Сейчас на нем была светлая полотняная рубаха с длинными рукавами, расстегнутая у ворота, и кожаные штаны для верховой езды.

Обращаясь к своему собеседнику, рослому бородатому мужчине в фартуке кузнеца, он указал мозолистой рукой на передние ноги жеребца.

— Смотри, видишь, он все равно идет неровно.

— Да, верно, — согласился кузнец. — Попробую еще раз переделать эту подкову. Но если опять не выйдет, то скоро уже не останется копыта, чтобы ее прикрепить.

— Ладно, сделай как получится, — отозвался Джесс. — Спасибо, Нед.

Кузнец взял у конюха поводья и отвел лошадь обратно в конюшню, а Джесс заметив какое-то движение у подножия башни, поспешил обернуться и в тот же миг хрупкая фигурка в мальчишеской одежде, с растрепанными черными волосами бросилась к нему в объятия.

— Эй, Шона, дорогая, свет моей жизни, что случилось? — спросил он, заметив, что она плачет.

— Две птицы сегодня утром, — ответила она, утирая слезы рукавом. — И обе с одним и тем же посланием. Он умирает, Джесс.

Мгновенно напрягшись, брат на миг прижал ее крепче, утешительно погладил по голове, затем, взяв два клочка пергамента, направился обратно к башне и устремился в подземный ход.

Из башни проход вел в последний бастион объявленного вне закона ордена Святого Михаила, хотя михайлинцы сами давно уже прекратили свое существование как организация. Двадцать лет назад это подземное убежище служило штаб-квартирой Дери-

ни Камберу Мак-Рори и его друзьям, которые помогли сместить короля-Дерини Имре Фестилла и восстановили на троне Гвиннеда Синхила Халдейна. После смерти Синхила четыре года назад убежище вновь стало центром подпольной борьбы для людей и Дерини, которую на сей раз возглавил сын Камбера Джорем. Старший сын и наследник короля Синхила, которому еще не было двенадцати лет, когда он взошел на престол, так и не смог избавиться от влияния сановников-регентов, правивших Гвиннедом до его совершеннолетия. Законы, которые заставили принять юного Алроя в первый же год правления, разожгли и подхлестнули неприязнь к Дерини и к их магической власти, обвиняя чародеев во всевозможных злодеяниях. Именно это заставило Джорема, Джесса и их собратьев уйти в подполье и начать борьбу за восстановление равновесия.

— Две птицы сегодня утром, — без предисловия объявил Джесс, врываясь в библиотеку, где сидел за работой Джорем. — С одним посланием, и это совсем не то, что нам хотелось бы услышать.

Джорем бросил беглый взгляд на поданные ему листки и с тяжелым вздохом откинулся в кресле.

— Увы, этого следовало ожидать, — заметил он. — Садись, садись... Я надеялся, что мы протянем до конца лета, но... — Он пожал плечами и покачал головой. — Ладно, значит, придется действовать прямо сейчас. Ты перешлешь послание Анселю?

Джесс кивнул, вытирая пот со лба мозолистой рукой. Даже здесь, глубоко под землей, было душно и в воздухе ощущалась жара. И сам Джорем, всегда такой подчеркнуто опрятный, сегодня расстегнул ворот своей черной рясы.

Джессу до сих пор было странно видеть его в черном, а не в синем, как он привык. Но с тех пор, как был уничтожен орден михайлинцев, Джорем все чаще носил обычную священническую рясу. Впрочем, вряд ли что-то можно было назвать «обычным», говоря о Джореме Мак-Рори. И хотя сейчас ему было уже за сорок, и большую часть времени он проводил за книгами, за разговорами и за подготовкой их планов, все равно Джорем по-прежнему выглядел тем, прежним воином-рыцарем, готовым в любой момент ринуться в битву. Как и всегда, ряса сидела на нем аккуратно, точно влитая, и черный цвет ее резко контрастировал с серебристо-золотыми волосами. За последние годы седины в них прибавилось, но он по-прежнему стриг волосы коротко, как перед сражением, и на макушке выбривал небольшую тонзуру, по обычаю михайлинцев, словно напоминание, большей частью для самого себя, что в душе он по-прежнему оставался воином. Взгляд голубых глаз оставался все таким же зорким и проницательным, но теперь их окружала сеточка тонких морщинок. Их не было в прежние времена, когда он был помощником и секретарем своего знаменитого отца.

С тяжелым вздохом Джорем запустил обе руки в шевелюру, а затем тяжело откинулся на спинку кресла.

— Все это очень некстати, — заметил он. — Впрочем, смерть всегда приходит невовремя.

— Думаешь, пора предупредить Кверона и Тависа? — спросил его Джесс.

— Боюсь, что да. Свяжись с Квероном и сообщи ему, что происходит. Скорее всего, у нас осталось всего несколько дней. Попроси их с Тависом, чтобы вырвались сюда к нам, как только смогут. Но самое

главное сейчас не вызвать никаких подозрений. Впрочем, мы сделали все, что в наших силах...

Джесс кивнул.

— Постараюсь связаться с ними в полдень, но, возможно, придется ждать до вечера.

— Тут уж ничего не поделаешь.

Джорем смял пергамент в комок, затем раскрыл ладонь и уставился на него. Через несколько секунд пергамент вспыхнул и рассыпался в прах. Джесс вздрогнул.

— Увы! Бедный Алрой, — прошептал Джорем, стряхивая пепел с ладони. — Король скоро умрет; и да здравствует новый король! Надеюсь лишь, что это будет *наш* король.

Глава 1

И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними[1]

Король Алрой умирал. Все это время Целитель Ориэль пытался убедить себя в обратном, но шестнадцатилетний юноша, изнывающий под насквозь промокшей от пота тончайшей простыней, уже несколько дней как не приходил в сознание. Лишь на короткие мгновения лихорадка выпускала его из своего липкого плена.

В один из таких моментов, чуть раньше сегодня утром, Алрой пришел в себя достаточно, чтобы обрести ясность мысли, и попросил, чтобы его кровать перенесли на нижний этаж дворца, в комнату, выходившую в сад, где через окна проникало хотя бы немного свежего воздуха. Поднявшийся с заходом солнца ветерок принес тяжелый аромат роз, но от жары не было никакого спасения, даже поздно ночью. Лето в этом году пришло рано и выдалось необыкновенно знойным. Первые недели июня скорее напоминали август. Воздух был неподвижным, душным, тяжелым от влажности. Даже Ориэль, всегда

[1] Исаия 3:4

одевавшийся подчеркнуто строго, был вынужден закатать рукава тонкой рубахи и расстегнуть ворот.

Молоденький паж поднес таз с прохладной водой, и Ориэль опустил в нее очередное полотенце, смочил его водой и сперва коснулся щеки своего пациента, а затем положил мокрую тряпку ему на лоб. Алрой Халдейн никогда не отличался крепким телосложением, но лихорадка словно спалила остатки плоти на его костях и сейчас он больше напоминал изваяние, которое уже готовили для его погребения в кафедральном соборе Ремута. Коротко подстриженные черные волосы прилипли к черепу, словно блестящая шапочка. Король застонал сквозь стиснутые зубы. Его била лихорадка, несмотря на удушающую жару летней ночи. Чуть раньше придворные лекари напоили его отваром маргариток, и даже Целитель со своими магическими способностями ничего не мог поделать против этих ужасающих приступов кашля, что разрывали легкие короля. Теперь он спал, но дыхание его оставалось хриплым и прерывистым. И Ориэль, и королевский лекарь сознавали, что жить юноше оставалось считанные часы.

— Ему... ему не стало лучше, сударь? — прошептал паж, взволнованно поворачиваясь к Целителю, когда Ориэль положил на лоб королю очередной холодный компресс.

Мальчика звали Фульк Фитц-Артур, он был на два года младше короля и приходился сыном одному из тех придворных, которые ожидали сейчас новостей за дверями опочивальни. Со вздохом Ориэль покачал головой и легонько коснулся кончиками пальцев влажных от пота висков короля. Хотя он точно знал, что обнаружит, но все же послал мысленный импульс глубоко в сознание умирающего, вновь считы-

вая то, что осознал уже давно, к вящему своему отчаянию. Болезнь почти без остатка уничтожила легкие Алроя, и они были полны мокроты. При дворе шептались, что тот же самый недуг сгубил и отца юного короля, и даже Целители, куда более искусные, чем Ориэль, не смогли спасти его. Но хотя Ориэль и сознавал это, чувство собственной беспомощности терзало его, и негодование на вселенскую несправедливость. Невзирая на почти божественные силы, которыми он обладал, он ничего не мог поделать, чтобы одолеть смерть. Никакая магия не могла больше помочь несчастному юноше.

Когда Ориэль убрал руки, Алрой неожиданно шевельнулся и застонал. Серые глаза его распахнулись, — похоже, он вновь пришел в себя. Зрачки были расширены под воздействием снадобий, которыми пичкали его лекари, но он все же сделал усилие, чтобы сфокусировать взгляд на Ориэле. Хрупкая рука протянулась из-под покрывала и тронула Целителя за запястье.

— Ориэль, сколько сейчас времени? — прошептал он.

— Скоро полночь, государь.

Целитель взял короля за руку и нагнулся к нему поближе.

— Вам нужно поспать. Если будете слишком много говорить, то опять приметесь кашлять.

— Я хочу видеть брата, — выдавил Алрой. — За ним послали?

Ориэль ласково сжал ладонь короля, прекрасно сознавая, что брат, за которым послали королевские советники, был совсем не тот, кого требовал к себе Алрой. Он обратил внимание, что Кольцо Огня

по-прежнему сверкало на пальце у короля. Он наотрез отказывался снять его.

— Принц Райс-Майкл ожидает снаружи, сир.

В присутствии юного Фулька Ориэль осторожно подбирал слова, дабы когда тот передаст их своему отцу, никто не смог бы усмотреть в них ни тени осуждения действий сановников.

— Позвать его к вам?

В тот же миг он именно к этому мысленно подтолкнул Алроя, ибо сам Ориэль не смел бы послать за Райсом-Майклом, а принц был единственным, кто сейчас мог хоть что-то предпринять.

И Алрой то ли по собственной воле, то ли повинуясь ментальному внушению, слабо кивнул.

— Да, пожалуйста, я бы хотел увидеть Райса-Майкла.

Склонившись над рукой Алроя, Ориэль на миг прижался к ней губами, затем отпустил ее.

— Оставайся с его величеством, Фульк, — велел он пажу. — И продолжай менять компрессы. Я позову его высочество.

Он был готов к тому, что сейчас придется пережить пару неприятных моментов, и чтобы подготовиться к этому хотя бы внешне, застегнул ворот рубахи и опустил рукава, а затем решительным шагом вышел в приемную, где ожидали советники короля.

Там сидели лорд Таммарон, отец юного Фулька, а с ним и архиепископ Хьюберт и один из его племянников, лорд Айвер Мак-Иннис. Райс-Майкл, младший брат короля, стоял у камина, одной рукой опираясь о холодный мрамор. Завидев Ориэля, он испуганно поднял на него глаза.

— Ну, как он? — спросил Таммарон, прежде чем принц успел открыть рот.

— Отдыхает, милорд. Мы делаем все, что возможно, — отозвался Ориэль. — Но он желает видеть своего брата. — С этими словами он устремил взгляд на Райса-Майкла.

Принц, которому через три месяца должно было исполниться пятнадцать лет, уже ростом и статью напоминал взрослого мужчину. Таким его старшему брату не стать уже никогда.

— Не угодно ли вам пройти со мной, ваше высочество?

И прежде чем кто-то из советников успел бы ему это запретить, Райс-Майкл устремился вслед за Ориэлем к дверям опочивальни, торопливо приглаживая взмокшие от пота волосы и расправляя тунику. Из-за жары он также постарался одеться полегче, на ногах у него были сандалии, а рукава он закатал повыше, — однако в своей синей тунике, какую полагалось носить наследному принцу, выглядел он весьма достойно. Что же касается архиепископа Хьюберта, то тот задыхался в своей пурпурной рясе, застегнутой до двойного подбородка, и темные круги пота выделялись на груди и под мышками.

— Ваше высочество, позвольте мне сопровождать вас, — начал было Хьюберт резким тоном, противоречившим формально-вежливым словам.

Однако он не успел даже подняться с кресла, когда Райс-Майкл уже подошел к дверям. Заслышав окрик архиепископа, принц поморщился от страха и неприязни, — по счастью, видеть это мог один лишь Ориэль. Но Райс-Майкл обернулся, лишь когда встал рядом с Целителем.

— Честно говоря, я бы предпочел увидеться с братом наедине, если не возражаете, — промолвил он, вздернув подбородок, и, похоже, сам удивился собст-

венной смелости. — Я... возможно, у меня больше не будет такой возможности...

Принц тут же отвел глаза. На лице его отразилась тревога за здоровье брата. Ориэль намеренно постарался не встретиться взглядом ни с кем из советников и подчеркнуто посторонился, чтобы дать принцу пройти. Он не сомневался, что рано или поздно ему придется ответить за такую дерзость, и все же закрыл дверь вслед за принцем и сам прошел за ним. Когда Ориэль повернулся, Райс-Майкл был уже у ложа короля. Взяв Алроя за руку, он прижался губами к его ладони. Почувствовав это, король открыл глаза. Ориэль остался рядом, но постарался стать как можно более незаметным. Однако он не мог уйти, зная, что скоро понадобится королю: если тот будет говорить слишком много, то на него опять нападет приступ кашля. Паж Фульк отошел подальше и унес с собой таз с водой и полотенцами, стараясь делать вид, будто не прислушивается ко всему происходящему в опочивальне.

— Алрой... — прошептал Райс-Майкл.

На губах короля появилась слабая улыбка.

— Ты здесь, — слабым голосом произнес он. — Я рад. Но где же Джаван? Я должен увидеть его.

Райс-Майкл шумно сглотнул, и звук этот прозвучал неожиданно громко в застывшем жарком воздухе ночи. Затем он прижался лбом к руке короля, которую по-прежнему сжимал в своих ладонях.

— Он в семинарии *Arx Fidei*, — прошептал он. — Ты же знаешь.

— Но он мой наследник! — Глаза Алроя расширились. — Я умираю...

— Нет, не может быть!

— Да, Райсем, это правда, — продолжил Алрой. Он назвал брата тем ласковым детским именем, каким не называл его уже много лет. — Я скоро умру, и эти глупцы, королевские лекари, ничего не смогут с этим поделать. И даже наш добрый мастер Ориэль тут совершенно бессилен.

Он бросил взгляд на Целителя, который в беспомощном отчаянии повесил голову.

— Разве ты не помнишь, как умер наш отец?

Король закашлялся, прикрывая рот свободной рукой; болезнь вновь брала свое. Ориэль положил руку ему на плечо, надеясь, что Фульк не заметит, как своими магическими способностями он старается облегчить состояние умирающего. В то же время Райс-Майкл стиснул ладонь короля, словно стараясь передать ему свои силы через связь братской любви. Он ли смог помочь ему, или то была магия Ориэля, но Алрой все же подавил приступ кашля.

— Я должен увидеть брата перед смертью, Райсем, — продолжил король, переведя дыхание. — Ты заставишь их послать за ним.

— Но я не могу... они не слушают...

— Послушают, если будешь настаивать, — возразил Алрой. — Ты ведь уже не ребенок. Ты уже год как совершеннолетний. А если они все же постараются обойти Джавана и сделать королем тебя, а они явно намерены это сделать, тогда впоследствии им придется держать ответ уже перед тобой как своим господином и повелителем. И без всяких регентов!.. Напомни им об этом. Как и о том, что у Халдейнов долгая память.

При этих словах Алроя искра надежды зажглась в глазах Райса-Майкла, ибо он действительно не желал

для себя короны. По праву та должна была принадлежать брату-близнецу короля.

— Ты прав, — прошептал он. — Я ведь совершеннолетний. И они уже больше не наши регенты. И если я все же стану королем, то заставлю их пожалеть о том, что они ослушались меня сегодня.

— А если они пошлют за Джаваном, — прохрипел Алрой, — ибо таково мое предсмертное желание, то, возможно, новый король, кто бы он ни был, проявит к ним снисхождение...

Алрой вновь закашлялся, и Ориэль понял, что больше не может сдерживать натиск болезни.

— Ступай теперь, — выдавил король после нового приступа кашля. — Если гонец отправится немедленно, он успеет вернуться к рассвету. Не думаю, что мне удастся протянуть дольше...

После этого приступ кашля начался с новой силой, и Ориэлю пришлось помочь королю сначала перекатиться набок, а затем сесть, и он жестом указал Фульку, чтобы тот принес еще отвара маргариток. Райс-Майкл с заплаканными глазами в последний раз сжал руку брата, затем развернулся и бросился вон из комнаты. У выхода он на пару мгновений замешкался, уперся обеими руками в стену и склонил голову, мысленно готовясь к грядущему столкновению, — но тут же выпрямился, как и подобает принцу, отворил дверь и вышел к троим сановникам, которые ожидали его снаружи.

— Король требует, чтобы сюда призвали нашего брата Джавана, — объявил он ровным голосом. — Таков и мой приказ.

Заметив, что Айвер Мак-Иннис уже готов возразить, он повелительно вскинул руку.

— И прежде чем вам придет в голову отказаться исполнить волю умирающего владыки, подумайте также о том, что вы намерены бросить вызов человеку, которого сами желаете видеть своим новым королем. Ибо, господа, если я и впрямь взойду на престол — хотя этого я менее всего желаю, — будьте уверены, что я не забуду сегодняшнюю ночь.

С этими словами он взглянул в упор на графа Таммарона и на архиепископа, толстяка Хьюберта, который, услышав слова принца, прикусил губу и коротко поклонился ему.

— Разумеется, желание короля закон для нас, ваше высочество. Но разве разумно будет отвлекать вашего брата от занятий? Король еще не при смерти. Он даже не просил о последнем причастии. Со всем уважением к вам, эти последние дни могут растянуться на недели и даже на месяцы, как то было с вашим благословенным отцом. У нас еще достанет времени послать за принцем Джаваном, если таково будет желание короля.

— Таков приказ короля, — возразил ровным голосом Райс-Майкл, стараясь побороть панику, которую не осмеливался показать, ибо слова Алроя о том, что он едва ли протянет больше чем до рассвета, напугали его до глубины души. — Я уже сказал вам, что король повелевает, дабы за его братом послали немедленно. Если вы не желаете повиноваться, я сам исполню его волю... — и торопливо выкрикнул: — Стража!..

Он вышел в коридор, прежде чем кто-либо из троих успел остановить его. Граф Таммарон едва успел ухватить Айвера за руку, чтобы тому не пришло в голову силой удержать принца. Заметив это,

Райс-Майкл с благодарностью кивнул графу, а Айвера смерил взглядом, полным презрения.

— Поберегись, Айвер Мак-Иннис, — произнес принц вполголоса. Двери распахнулись, и в них показался стражник в пурпурной накидке, цвета герба Халдейнов. — Если ты хоть раз посмеешь коснуться моего королевского высочества, обещаю, что ты не проживешь настолько долго, чтобы успеть пожалеть о своей дерзости.

Глаза его потемнели от гнева, однако мимо стражника он прошел, не сказав ни слова, ибо знал, что никто из дежуривших сейчас в коридоре, не осмелится выполнить его распоряжение, не получив сперва подтверждения от королевских советников. Ему нужен был кто-то из рыцарей помоложе.

Оказавшись в коридоре, он торопливо огляделся. В открытой галерее с колоннадой, что выходила на дворцовые сады, находились не менее дюжины рыцарей. Кто-то из них ожидал новостей о состоянии короля, другие просто искали ночной прохлады. Среди них Райс-Майкл отыскал того, кому он знал точно, что может доверять.

— Сэр Карлан, — окликнул он и поднял руку, чтобы привлечь внимание молодого человека.

Три года назад, прежде чем Джаван Халдейн, утомившись от тягот светской жизни удалился в монастырь, — ибо таково было официальное объяснение, — Карлан Кай Морган был последним из его оруженосцев. Несмотря даже на то, что, подобно всем прочим пажам и слугам, он был вынужден шпионить за своим господином и доносить о его действиях регентам, между оруженосцем и его хозяином возникло взаимное уважение и искренняя привязанность. Еще два года, перед посвящением в рыцари,

Карлан прослужил у короля, и Райс-Майкл знал от собственного пажа, сэра Томейса, что Карлан всегда с любовью и сочувствием отзывался о своем прежнем господине. Алрой произвел их обоих в рыцари в прошлом году на Рождество.

Теперь Райсу-Майклу оставалось лишь убедиться, жива ли еще в сердце Карлана былая привязанность и верность, и готов ли он отныне как рыцарь послужить Джавану, которому ранее служил в качестве оруженосца.

Как-никак королевские советники больше не были регентами и должны были во всем повиноваться королю, который уже два года как стал совершеннолетним, — пусть даже сейчас этот король был при смерти.

— Что вам угодно, ваше высочество, — спросил Карлан.

— Не только мне. — Райс-Майкл повысил голос, дабы его слышали остальные, желая привлечь как можно больше свидетелей. — Что гораздо важнее, таково желание его королевского величества. И воля его должна стать известна нашему будущему королю.

Вот так-то. И пусть все остальные тоже слышат это.

— Король требует, чтобы принц Джаван был немедленно призван ко двору.

Он увидел, как при этих словах лицо Карлана осветилось улыбкой и понял, что сделал правильный выбор.

— Поэтому прошу вас, соберите дюжину рыцарей в качестве эскорта, возьмите лошадей в королевских конюшнях и немедленно проследуйте в аббатство *Arx Fidei*, после чего сопровождайте его королевское высочество обратно в Ремут как можно скорей.

С мизинца левой руки он снял серебряное кольцо с гербом Халдейнов и протянул его Карлану.

— Я даю вам это в знак того, что вы исполняете поручение короля, — сказал он. — Знайте, что таково желание мое и его величества. А если брат мой усомнится, — он на секунду задумался, затем потянулся к мочке уха, — прошу вас, передайте ему вот это.

Торопливым движением он вытащил золотую серьгу, точно такую же, как некогда носил Джаван. Хотя брату и пришлось расстаться со своими драгоценностями, когда он отрекся от мирской жизни, тем не менее Джаван узнает ее и поймет, что принц расстался бы с этим украшением только в случае крайней необходимости, ибо эти серьги были подарком их отца, который он сделал братьям незадолго перед смертью.

Карлан пристально посмотрел на кольцо и на серьгу, затем кольцо для безопасности надел на безымянный палец, а серьгу завернул в носовой платок и бережно спрятал в кошель, висевший у него на поясе. Теперь ему требовалось еще переодеться, ибо хотя для дороги вполне подходила его простая туника с длинными рукавами и кожаный жилет, но на ногах у него были простые сандалии, как и у большинства рыцарей, прохаживавшихся сейчас на галерее, а эта обувь мало годилась для стремян.

— Я отправлюсь в путь как можно скорей, ваше высочество. — С этими словами Карлан опустился на одно колено перед принцем. — Даю вам клятву, как и в тот день, когда меня посвящали в рыцари, что я предан своему королю.

С этими словами он склонил голову и протянул руки Райс-Майклу, и тот стиснул их в своих ладонях,

в освященном веками жесте принятия сеньором верности вассала.

— Не только от себя, но и от имени нынешнего короля, и короля грядущего прошу вас, ступайте скорее, сэр Карлан, — прошептал принц. — Джаван будет нашим новым королем, а не я. Отправляйтесь же за ним, и поторопитесь, прошу вас.

Карлан повернулся и пошел прочь, торопясь созвать всех тех, кто сопроводит его в аббатство *Arx Fidei*. Райс-Майкл проводил его взглядом. Хотя сейчас он вел себя как настоящий принц и как мужчина, но чувствовал себя все равно словно нашкодивший мальчишка. Мелькнула даже мысль, не вздумает ли архиепископ Хьюберт подвергнуть его наказанию за дерзость, и что делать, если тот все же осмелится поднять на него руку... Он отлично помнил, как однажды архиепископ велел высечь Джавана за непослушание. Впрочем, Райс-Майкл не обязан был повиноваться Хьюберту так, как Джаван, ибо никогда не приносил монашеских обетов. Едва ли Хьюберт решится обойтись с ним так жестоко...

И все же мысль о том, как он проведет следующие несколько часов, пугала его. И еще больше страшило принца неминуемое столкновение с сановниками, которые ожидали у опочивальни умирающего короля.

Глава 2

Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего[1]

В трех часах езды от Ремута, в монастырском садике семинарии *Arx Fidei* царила тишина и покой. Здесь было так же жарко и душно, как и в столице, но у принца Халдейна, который нашел здесь убежище, имелось меньше причин для беспокойства, чем у Алроя и Райса-Майкла. Согласно монастырскому уставу после заутрени, основной ночной мессы, вся братия расходилась по своим кельям, и один только Джаван спустился в сад вместо того, чтобы вернуться к себе.

Он присел на гранитный парапет, окружавший пруд, где разводили карпов, – якобы для медитации. Это была одна из тех немногих привилегий, что он выторговал себе за два года пребывания в монастыре: наслаждаться в саду одиночеством, когда все аббатство спит. Добиться подобного снисхождения от строгого отца Халекса оказалось очень непросто, поскольку аббат не одобрял ни малейших отступлений от суровой дисциплины *Custodes Fidei*. От семинари-

[1] Откровение 3:11

стов здесь требовали полного и абсолютного подчинения.

По счастью, Джаван был необычным послушником. Хотя формально статус его был тот же, что и у прочих младших клириков, он все же являлся принцем крови. Происхождение давало ему право на некоторые привилегии. Однако даже для того, чтобы добиться этой уступки, потребовалось особое вмешательство архиепископа и несколько месяцев примерного поведения в *Arx Fidei*. Монахам все же пришлось признать, что Джаван наконец стал совершеннолетним, и, соответственно, имел право покинуть орден, когда пожелает.

Впрочем, ему не было нужды торопиться с подобным решением, ибо как с наибольшей пользой провести юные годы вероятному наследнику престола, — это был еще большой вопрос. Джаван полагал, что для него будет очень полезно получить здесь образование, пока он не станет действительно взрослым, поскольку королю это могло пригодиться в будущем... если только интриганам-сановникам не удастся каким-то образом обойти его в линии наследования и передать корону его младшему брату, который теперь также достиг совершеннолетия. Райс-Майкл был им больше по душе, поскольку его считали менее умным и гораздо более послушным.

С тяжким вздохом Джаван стащил с себя грубый нарамник с капюшоном, составлявший часть ненавистного облачения *Custodes Fidei*, хотя привычка все же заставила его аккуратно сложить его перед тем, как бросить на траву рядом с парапетом. Черная ряса семинариста, которую он носил, застегивалась на правом плече, и расстегнув крючки, он с наслаждением ослабил ворот. Затем он подвернул подол одея-

ния, развернулся и, подтянув левую ногу повыше, поставил ее на парапет, обхватил руками колено и, повернув голову, принялся бесцельно смотреть на воду.

На озаренной луной поверхности пруда отразилось бледное серьезное лицо с коротко остриженными черными волосами, слегка взъерошенными из-за капюшона. Отсюда он не видел выбритой тонзуры, и, при желании, мог бы вообразить себя мирянином и принцем, каковым мечтал быть в действительности.

Продолжая притворяться перед самим собой, — по счастью, никто не мог его видеть в этот момент, — он сбросил с левой ноги сандалию и опустил ступню в воду, а затем нагнулся и принялся снимать с увечной правой ноги специальный поддерживающий сапожок. Улыбаясь, он пошевелил пальцами, наслаждаясь новообретенной свободой, потер лодыжку, а затем эту ногу также опустил в воду.

Ил на дне был скользким и прохладным, и теперь принц заулыбался во весь рот. В шестнадцать лет у него не так часто выдавалась возможность так по-детски наслаждаться мелочами жизни, поскольку большую часть времени он был озабочен проблемами выживания. Ибо к Джавану Халдейну лучше всего подходило определение «лишний принц»...

А выживание отнюдь не являлось пустым словом. За те три года, что он провел в рядах *Custodes*, принц Джаван многому научился. И это относилось не только к богословским материям и необходимому обучению священника, которого надеялись из него сделать. Безропотно подчиняясь суровым ограничениям монастырской жизни и ежедневному кругу

служб и поклонений, он также обучался тайным искусствам лжи и притворства.

Он привык во всем полагаться лишь на себя самого, наблюдать и слушать, и поменьше говорить. Внешне Джаван во всем следовал программе духовного наставничества и учебы, которую предложил ему архиепископ Хьюберт и прочие королевские регенты, которые теперь стали советниками его брата. Со временем Джавану удалось заслужить их одобрение своей показной набожностью, а также благодаря несомненным академическим достижениям. Он также отвоевал себе небольшую свободу: хотя бы изредка он получил возможность возвращаться ко двору, хотя и старательно скрывал от сановников, насколько в действительности преуспел во всех науках, и в особенности старался ни в чем не показать и не выдать своих деринийских способностей, которые со временем сделались еще сильнее. Сам Хьюберт, нимало о том не подозревая, время от времени испытывал на себе влияние Джавана. Однако принц был чрезвычайно осторожен: ведь если он заставит Хьюберта действовать несвойственным тому образом, это неминуемо вызовет подозрения, и это будет стоить ему жизни.

Впрочем, даже если бы никто не заподозрил Джавана в попытке повлиять на архиепископа, тогда во всем обвинили бы одного из немногих Дерини, которые все еще пребывали при дворе. Их называли ищейками-Дерини, или «ручными Дерини советников». Согласно Рамосским уложениям, принятым вскоре после смерти отца Джавана, Дерини было официально запрещено занимать любые должности, а также становиться учителями или священниками, им не позволялось владеть никакой собственностью,

— а более всего Дерини запрещалось использовать их способности в любом виде под страхом немедленной смерти.

Единственным исключением являлись те Дерини, которых насильно заставили служить регентам, взяв в заложники их семьи. Свои способности они вынуждены были поставить на службу советникам. Зачастую исполняя эти обязанности, им приходилось предавать других Дерини, или же прибегать к запугиванию своих соплеменников. Некоторое время назад четыре или пять таких Дерини были приставлены непосредственно к регентам и еще несколько дюжин служили в войсках.

Сейчас их осталось гораздо меньше, поскольку беспрекословная покорность никогда не являлась отличительной чертой Дерини, а за неповиновение единственной карой, которую признавали регенты, была смерть и самих преступников, и всех членов их семей: жен, детей, даже младенцев — для них это не имело значения. Медленная смерть и пытки — вот что ожидало их. Джавану не раз приходилось наблюдать за подобными казнями, и память об этом была жива в его сердце.

Из тех, кому все же удалось уцелеть, самым заметным был Целитель Ориэль. Лениво болтая рукой в воде и любуясь тем, как отражается лунный свет в расходящихся волнах, Джаван гадал, как может выносить Ориэль такое странное существование. Конечно, ему на пользу играло то, что молодой король Алрой доверял своему Целителю-Дерини гораздо больше, чем лекарям-людям, которых он считал просто шарлатанами и невеждами. Бывшие регенты всячески старались подорвать это доверие, но тщетно. Разумеется, стоило советникам пожелать, и несчастно-

му Целителю вновь пришлось бы применить свои способности против других Дерини, однако, по крайней мере сейчас, покровительство короля давало ему хоть какую-то защиту.

Для Джавана было огромной удачей, что Ориэль оказался в Ремуте единственным, кто имел представление о его истинных способностях и планах. Он один знал, что принц сейчас просто пытается выиграть время и как следует подготовиться к тому моменту, когда должен будет заявить свои права на престол. Именно Ориэль ухитрялся время от времени передавать Джавану послания, сообщая о том, как в действительности обстоят дела со здоровьем его брата. Именно усиливающаяся болезнь Алроя и заставляла Джавана думать о короне. Последний раз принц виделся со своим братом-близнецом месяц назад, когда ему позволили вернуться в столицу их общий на день рождения.

Разумеется, у него не было ни единого шанса поговорить с братом наедине, поскольку советники распланировали весь визит буквально поминутно и наблюдали за всеми троими принцами неусыпным взором, который для стороннего наивного наблюдателя мог бы сойти за искреннюю преданность. Однако Джавану удалось урвать несколько минут для общения с Ориэлем, и тот на мысленном уровне с помощью своих способностей Дерини передал ему наиболее полный отчет.

Джаван не настолько хорошо владел искусством ментального общения, как ему бы того хотелось, поскольку, разумеется, со времени вступления в семинарию *Custodes* ему пришлось прекратить занятия со своими бывшими наставниками. И все же способности его значительно превышали то, что считалось бы

позволительным для обычного человека. Собственно, даже будучи Халдейном, он не имел на них права, поскольку подобной магией мог обладать один лишь король, а никак не наследный принц. И тем не менее, этот дар проявился у Джавана, и практически отсутствовал у Алроя. Джаван знал, что своими способностями он обязан тому, что сотворил с ним и с его братьями отец в ночь своей смерти. Но даже Джорем Мак-Рори, сын святого Камбера, и единственный из ныне живущих, кто присутствовал при этом обряде, ничего не мог рассказать ему.

Впрочем, что бы там ни случилось в ту давнюю ночь, результат явно пошел Джавану на пользу. Ибо уцелел он и смог дожить до этого возраста только благодаря магии Дерини. И оставалось лишь сожалеть, что способности эти никак не помогли Алрою, чье здоровье день ото дня становилось все хуже. Нынче ночью во время богослужения он особо помолился за выздоровление брата, ибо до этого весь день ощущал смутное беспокойство. Между близнецами и без того существовала психическая связь, но Джаван благодаря своим способностям ощущал ее все более отчетливо с каждым годом. А сейчас, когда все аббатство погрузилось в сон, предчувствие каких-то темных грядущих событий наваливалось все сильнее, и дурные предчувствия усиливались...

Закрыв глаза, Джаван постарался сконцентрироваться на этом ощущении, стараясь не обращать внимания на любопытных карпов, которые подплыли поближе и тыкались в его босые ноги. Ему удалось достичь состояния внутреннего равновесия и все же никакой ясности так и не наступило. Вскоре он был вынужден прекратить бесплодные попытки, ибо его вернул к реальности странный шум. За воро-

тами послышался стук копыт, и смутно знакомый голос вдруг окликнул из-за монастырской стены:

— Эй, кто-нибудь!

Неужели это Карлан? Джаван повернулся и прислушался. А голос снаружи вновь воскликнул:

— Привратник! Открывайте ворота! Откройте во имя короля! У меня послание для принца Джавана.

Это и вправду был Карлан! Джаван поспешно вытащил ноги из воды, принялся вытирать их полой рясы, а за стеной послышались другие голоса, шум отпираемых засовов, затем стук копыт по мощеному двору. Судя по количеству факелов, Джаван прикинул, что с его бывшим оруженосцем прибыло не меньше дюжины воинов. Когда голоса затихли, принц понял, что кого-то из монахов послали за аббатом, чтобы тот переговорил с Карланом.

Но что Карлан делает здесь в этот час? Едва ли рыцарь приехал сообщить о смерти Алроя, ведь он потребовал, чтобы его впустили именем короля. И пожелал увидеть *принца* Джавана...

Разумеется, возможно, что Алрой все же скончался, и королем провозгласили Райса-Майкла. Однако даже Ран и Мердок не настолько глупы, чтобы прислать с этой вестью к принцу его бывшего оруженосца.

Стало быть, вероятнее всего, Алрой еще жив, но часы его сочтены. Джаван быстро надел сандалию на здоровую ногу, а затем принялся застегивать на больной ноге особый сапожок. Теперь он понял, что за предчувствия так угнетали его весь день. Если Алрою стало хуже...

«Будь честен сам с собой, Джаван, — велел он себе. — Если Алрой умирает, тебе придется сражаться за корону. Будем надеяться, что ты к этому готов...»

Он застегивал последнюю пряжку на сапоге, когда факелы приблизились к калитке, что вела в сад и к церкви аббатства. С колотящимся сердцем он нагнулся и поднял нарамник, торопясь надеть его, прежде чем аббат заметит столь вопиющее нарушение дисциплины, — ибо вероятнее всего, Карлана приведет к нему именно отец Халекс, единственный, кто имел право сделать это.

Но затем Джаван все же решил рискнуть. Если его бывший оруженосец принес именно то известие, которого он ожидал, то ненавистное одеяние *Custodes Fidei* ему больше не понадобится. Заметив в свете факелов отца Халекса, сопровождавшего Карлана, Джаван нарочито медленно бросил нарамник в траву и застегнул ворот рясы.

При виде своего бывшего господина Карлан бросился вперед, опережая аббата, и опустился перед принцем на одно колено, отвесив ему почтительный поклон. Левой рукой он придерживал рукоять меча. На молодом рыцаре был парадный плащ, чтобы подчеркнуть, что он исполняет официальную миссию, однако на нем почти не было доспехов. Тем не менее Джаван отметил, что Карлан сохранил при себе и меч, и кинжал, даже в монастырских стенах, хотя ему и не позволили привести внутрь монастыря своих рыцарей.

— Ваше высочество, я принес важную весть из Ремута, — осторожно произнес Карлан, явно отдавая себе отчет, что и аббат, и двое сопровождавших его монахов, внимательно прислушиваются к каждому слову.

— Король? — тихо спросил Джаван, заранее страшась того, что он может услышать.

— Король жив, — выдохнул Карлан. — Но он требует, чтобы вы прибыли ко двору. Принц Райс-Майкл велел мне отправиться за вами. И велел вручить вам вот это, чтобы подтвердить, что послание исходит именно от него.

С этими словами рыцарь протянул руку, и Джаван, не сводя с него глаз, раскрыл ладонь, а затем взглянул на то, что лежало на ней. Это было кольцо Райса-Майкла, почти такое же, как кольцо самого Джавана, которое тот хранил в маленьком кожаном мешочке под матрасом в своей келье.

— Брат Джаван, — нарочито сурово обратился к нему аббат. — Все это мне крайне не по душе. Вы должны повиноваться уставу нашего ордена. И почему вы одеты столь неподобающим образом?

— Я не желал высказать вам неуважения, отец аббат. Но прежде всего я должен повиноваться королю, моему брату, — отозвался Джаван, намеренно игнорируя вопрос об одежде, и вновь взглянул на Карлана.

— Так это Райс-Майкл прислал тебя, Карлан?

— Да, милорд, ибо король был слишком слаб, чтобы самому объявить свою волю.

Сунув руку в кошель, висевший у него на поясе, Карлан достал сложенный платок и протянул его Джавану.

— Кроме того, чтобы подтвердить свою просьбу, принц просил передать вам вот это.

Джаван медленно развернул мягкую ткань, намеренно пряча содержимое от глаз отца Халекса. Это была золотая серьга, точно такая же, как та, которую его заставили снять, когда он принес обеты ордену. Это подтверждало срочность послания. Значит, речь шла действительно о королевской власти в Гвиннеде.

Стараясь, чтобы на лице не отразились владеющие им чувства, он медленно завернул серьгу обратно в платок и намеренно не обращая внимания на аббата, надел кольцо Райса-Майкла на правую руку, а затем вновь взглянул на Карлана.

— Мне нужно будет переодеться. — С этими словами он вернул юному рыцарю свернутый платок. — Присмотри вот за этим, ладно? Ты захватил для меня лошадь, или придется взять какую-нибудь из конюшен аббатства?

— Послушайте, брат Джаван... — возмущенно начал аббат.

— Нет, *принц* Джаван, милорд аббат, — возразил Джаван и гневно уставился на собеседника. — Я должен повиноваться воле короля. *Вашего* короля.

Задохнувшись, аббат негодующе обернулся за поддержкой к двоим монахам.

— Но вы же дали обет! Вы должны повиноваться мне!

— Мои обеты были лишь временными, милорд, — возразил Джаван негромко, но твердым голосом. — И теперь их срок подошел к концу. Я уезжаю. И если вы не хотите иметь дело с сэром Карланом и остальными рыцарями, что ожидают во дворе, то прошу вас посторониться и дать мне пройти. Сэр Карлан, не желаете ли сопровождать меня?

Онемевший аббат отпрянул, и Джаван уверенно двинулся прочь. Карлан молча последовал за ним. Монахи также уступили им дорогу.

— Конечно, я привел для вас лошадь, ваше высочество, — вполголоса сообщил ему Карлан. — Кроме того, я захватил с собой штаны и короткую тунику, если вам нужна нормальная одежда для верховой ез-

ды. Неприятно будет скакать верхом с голыми ногами.

— Нет, у меня есть все необходимое в келье. Осталось от последней поездки в Ремут, — отозвался Джаван. — Не слишком изысканно, но сойдет.

Отворив калитку, он повел Карлана через южный трансепт церкви к лестнице. Торопливо поднимаясь по ступеням, Джаван вынужден был ухватиться за веревку, заменявшую перила, чтобы не так хромать, — а наверху оглянулся через плечо на Карлана.

— Как там мой брат, Карлан? Ты видел его?

— Нет, сударь. Его волю передал нам Райс-Майкл. Но он сказал, что только что от короля, и вид у него был очень взволнованный. Я уверен, что мы вернемся в Ремут вовремя, но не думаю, что меня отправили бы за вами вот так, посреди ночи, если бы это не было действительно срочно. Кстати, Райс-Майкл здорово рисковал, когда послал меня сюда. Мне показалось, что архиепископ Хьюберт и остальные советники были против. Но они ничего не смогли сделать.

Оказавшись наверху, Джаван быстро повел молодого рыцаря по коридору. Он лишь слегка прихрамывал и не обращал внимания на сонных монахов, взволнованно выглядывавших из дормитория.

— Вот мы и пришли, — пробормотал принц и распахнул двери в свою крохотную келью.

Из ниши в коридоре он прихватил светильник, а оказавшись внутри, зажег факел. Затем поручил Карлану вернуть лампу на место, а сам принялся расстегивать рясу, одновременно составляя в уме план действий.

— Надеюсь, тебя не обидит, если я попрошу тебя мне помочь, как в те времена, когда ты был моим пажом, — заметил Джаван, когда молодой рыцарь

вернулся в келью. — Обувь и одежду для верховой езды возьми в сундуке, у постели. Я хочу, чтобы мы выбрались отсюда как можно скорее, прежде, чем аббат решит, что его рыцари *Custodes* в силах противостоять твоему эскорту.

Ухмыляясь, Карлан принялся за дело.

— Такая возможность и мне пришла на ум, ваше высочество, — весело заметил он, доставая сапоги, а затем принимаясь рыться в стопке одежды. — Но надеюсь все же, что присутствие дюжины вооруженных рыцарей во дворе слегка охладит пыл нашего доброго аббата. Вот эти вещи вам нужны? — спросил он, извлекая одежду из сундука.

Взглянув на него, Джаван кивнул. Карлан бросил на постель штаны и тунику.

— А что касается работы пажа, то я всегда считал, что те месяцы, что я провел у вас на службе, были для меня большой честью и истинной наградой. И надеюсь, вы будете настолько любезны, что примете мою службу, когда станете королем.

— Когда я стану королем...

Джаван запнулся и молча принялся стягивать с себя рясу. Развязав ненавистный пояс *Custodes*, он с трудом сглотнул и бросил на кровать, словно отвратительную змею, это переплетение алых и золотых вервий, цвета которых *Custodes Fidei* незаконно присвоили, чтобы укрепить свою миссию против Дерини.

— Надеюсь, ты без всяких заверений понимаешь, что менее всего на свете я желал бы стать королем, если это означает какой-то ущерб для моего брата, — негромко заметил Джаван.

Скинув с себя тяжелую рясу, он перешагнул через нее и присел на край постели. Теперь на нем бы-

ло лишь грубое нижнее белье — единственное, что дозволялось носить монахам.

— Как бы то ни было, нужно смотреть правде в глаза, — продолжил он, когда Карлан опустился перед ним на колени и принялся расстегивать обувь. — Надеюсь, никто не осмелится упрекнуть меня в том, что я недостаточно предан брату, но если он умрет, прежде чем сможет зачать наследника...

Карлан пристально взглянул на него, затем вновь занялся пряжками.

— Уж лучше вы, чем Райс-Майкл, — пробормотал он чуть слышно, не поднимая глаз. — О, я ничего не имею против вашего младшего брата, сударь. Но наследник все-таки вы. И только у вас хватит сил и характера противостоять советникам. Едва ли на это способен ваш брат. И уж тем паче на это был неспособен наш король.

В серых глазах Джавана вспыхнул гнев. Он сбросил со здоровой ноги сандалию.

— Алрой не виноват в том, что не мог им сопротивляться, — отрезал он. — Он всегда был хрупкого сложения. А после того, как регенты изгнали лорда Райса и епископа Элистера, придворные лекари постоянно давали ему успокоительные снадобья, даже когда он был вполне здоров. Я сперва не хотел этому верить, но потом убедился собственными глазами, в те немногие разы, когда мог побыть с ним наедине.

Расстегнув последнюю пряжку, Карлан стянул сапог с искалеченной ноги принца и поднял на него глаза.

— Это мастер Ориэль сказал вам, сударь?

Вопрос сей можно было понимать по-разному. Конечно, то, что Карлан приехал за ним сюда, под-

тверждало, что он верен троим братьям Халдейнам гораздо больше, нежели бывшим регентам. И все же Джавану не хотелось, чтобы рыцарь слишком тесно связал его с Дерини Ориэлем. Ни к чему, чтобы всплыла правда о его собственных способностях к магии.

Конечно, Джаван мог бы воспользоваться своим даром, чтобы еще больше заручиться поддержкой Карлана. Сейчас, когда он стоял на коленях у его ног, молодой рыцарь не успел бы вовремя отпрянуть, и Джаван вполне мог успеть коснуться его и задействовать их старую ментальную связь. Однако если Джавану суждено стать королем и использовать все возможности, чтобы удержать трон, то лучше опираться на людей, что будут верны ему по собственной воле, нежели по колдовскому принуждению.

Стараясь не выказать владевшей им тревоги, Джаван поднялся и принялся натягивать штаны. Затем он вновь обулся и сел, чтобы Карлан мог закрепить пряжки. Сапог на здоровую ногу он надел сам.

— В общем-то да, мастер Ориэль говорил мне об этом, — заметил он, решившись рискнуть, ибо подумал, что при необходимости всегда сможет изменить воспоминания Карлана, если заметит, что тот готов предать его. — Он этого не одобрял и решил, что мне следует знать об этом — особенно, учитывая, что я не просто брат Алроя, но и его наследник. Ты ведь прекрасно понимаешь, что королю никто не позволил бы в открытую возражать регентам независимо от его собственных мыслей и желаний.

Склонив голову, он пристально взглянул на Карлана, который застегивал последнюю пряжку.

— А что ты сам, Карлан? Помню, когда ты только поступил ко мне на службу, ты честно и откровенно

признался, что вынужден докладывать обо всем регентам. Мне было бы приятно верить, что в ту пору между нами возникла искренняя привязанность, и ты не просто отбывал со мной время. Но многое изменилось, когда я покинул двор. Ты стал оруженосцем короля, а значит, все клятвы, что ты дал ему, ты принес также регентам и советникам... — Он глубоко вздохнул. — Так что теперь я хотел бы знать, кому отныне принадлежат твоя преданность. Ты должен ответить мне на этот вопрос прежде, чем мы покинем аббатство.

Он использовал свой дар определять правдивость собеседника, но, к его вящему облегчению, Карлан был совершенно искренен с ним.

— Сударь, я служу вам, — темные глаза оруженосца бесстрашно взглянули в лицо принцу. — И всегда вам служил. Мне кажется, я начал понимать, что клятвы, это нечто большее, чем просто слова, как раз в то время, когда вы покинули двор. А с тех пор, как меня посвятили в рыцари, это сделалось еще более ясным. Кроме того, у вас есть и другие верные люди, о которых вы даже не знаете. Большей частью молодые рыцари, которые служили вам и вашим братьям, но также и некоторые из придворных постарше. Вы можете им доверять. Те, кто ожидают сейчас во дворе аббатства, готовы умереть ради вас, если понадобится.

— В самом деле? — изумленно пробормотал Джаван. В искренности и преданности Карлана он, в общем-то, был всегда уверен, но остального просто не ожидал. — Но готовы ли они *жить* ради меня, Карлан? Это может в наши дни оказаться гораздо сложнее. Советники удерживали власть слишком долго. Их поколение преследует совсем иные интересы.

Кроме того, их сыновья также занимают высокие посты. Я буду вынужден обращаться с ними чрезвычайно осторожно, иначе страна будет ввергнута в пучину гражданской войны... если только меня сперва не убьют.

Карлан заправил последний ремешок на сапоге Джавана и легонько шлепнул по нему ладонью в знак того, что закончил, — однако так и не поднялся с колен.

— Есть люди, готовые на все, чтобы помешать и тому, и другому, сударь, — сказал он, поднимая глаза на Джавана. — Мы даже осмелились за последние несколько недель обговорить с другими рыцарями наши действия и привлечь ваше внимание к некоторым областям, где нужно будет действовать очень быстро, когда вы займете престол. Там, в Ремуте, вас ожидают бумаги и люди, которые объяснят, что в них написано. Разумеется, никто из нас не осмелится указывать вам, что делать, однако там есть информация, которую никаким иным способом вам не получить. — Он сглотнул, и внезапно на лице его отразился испуг. — Вы... вы же не сердитесь на меня, сударь? Мы просто хотели помочь...

Джаван в изумлении уставился на Карлана, не в силах вымолвить ни слова. Он знал, что рыцарь говорит чистую правду, но лишь сейчас он начал осознавать истинное значение его речей. Хлопнув Карлана по плечу, он поднялся и с улыбкой покачал головой.

— Как я могу сердиться, Карлан? — произнес он вполголоса. — Ты подарил мне истинную надежду, тогда как прежде у меня были одни лишь пустые мечтания, и ничего более.

Но теперь пора было заняться практическими вещами, времени для разговоров больше не оставалось. Ибо если они немедленно не уберутся из аббатства, то все усилия молодых рыцарей пропадут втуне. И Джаван поспешно вернулся к сундуку у изножия постели, откуда вытащил тунику для верховой езды, которую одевал месяц назад, когда в последний раз ездил в Ремут. Она была черная, как и все прочие одежды, что он носил в аббатстве, с высоким воротом, подобно рясе, но длиной лишь до колен и с разрезами спереди и сзади, чтобы удобнее было скакать на лошади. При нынешней жаре в ней будет ужасно неудобно, потому что туника была из гораздо более плотной шерсти, чем сброшенная ряса; но тут уж ничего не поделаешь. Он должен быть похож на принца, а не на монаха, но никакой другой одежды не было.

Одеваясь, он не произнес ни слова, и Карлан тоже хранил молчание. Застегнув тунику, всю, кроме верхних трех пуговиц, Джаван вытащил из сундука простой черный кожаный пояс и застегнул его на талии. Затем извлек из-под матраса небольшой кожаный кошель. Внутри хранилось кольцо с гербом Халдейнов, отмеченное знаком второго сына, такое же, как у Райса-Майкла, и его собственная золотая серьга. Кольцо он одел на левый мизинец, слегка пригладил волосы костяным гребнем, а затем попросил Карлана помочь вдеть ему серьгу в мочку правого уха. В келье не было зеркала, и он не мог посмотреть, как выглядит, но судя по выражению лица Карлана, все было вполне сносно.

— Ладно, пора выезжать, — пробормотал он, в последний раз окидывая взглядом келью. — Остальное расскажешь мне по дороге. И будем надеяться, что

мы здесь не слишком задержались и во дворе по-прежнему все спокойно.

Карлан распахнул дверь, и прежде чем выйти, Джаван нагнулся и загасил факел, а затем совершенно невозмутимо последовал за молодым рыцарем по тускло освещенному коридору к лестнице. Он взял отсюда все, что мог, и больше не оглядывался назад.

Глава 3

Ты это делал, и я молчал; ты подумал, что я такой же, как ты[1]

Внизу, во дворе аббатства, в общем-то все было спокойно, но к полудюжине монахов и священников, которые в самом начале собрались при прибытии Карлана, присоединились теперь десяток рыцарей *Custodes*. Люди короля тревожно толпились у ворот, — у многих в руках были факелы, двое удерживали в поводу запасных лошадей. *Custodes* выстроились в две шеренги на ступенях аббатства, и большинство также прихватили с собой факелы.

Джавану хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию, когда он вышел из боковой двери вместе с Карланом. Следом за ними вылетел аббат и двое монахов. Если дело дойдет до вооруженного столкновения, шансы были неравные. *Custodes* числом превосходили рыцарей Карлана два к одному, и вооружены были лучше. Кроме того, на них были кирасы и поножи, а черные шлемы-бригадины с кольчужным воротом защищали голову и грудь. Королевские рыцари были в седле и при оружии, но доспе-

[1] Псалтирь 49:21

хов на них не было: из-за жары они надели лишь кожаные жилеты с вшитыми легкими стальными пластинами. И хотя в свете факелов Джаван не мог их разглядеть, но он точно знал, что на стене монастыря прячется по меньшей мере полдюжины лучников *Custodes*, которые ждут лишь приказа, чтобы спустить тетиву.

— Лорд Джошуа, — окликнул он, беря инициативу на себя и направляясь прямо к капитану *Custodes*. — Благодарю вас за оказанную мне честь. Я признателен, что вы предлагаете мне дополнительную свиту. Однако чтобы вернуться в Ремут, мне вполне хватит и тех рыцарей, что привел с собой по требованию короля сэр Карлан.

Капитан *Custodes* неуверенно покосился на аббата, но, слава Богу, не потянулся к мечу, висевшему у него на поясе.

— Отец аббат беспокоился, что эти люди могут попытаться забрать вас из монастыря против воли, брат Джаван, — произнес он.

Джаван позволил себе улыбнуться.

— Моя воля тут ни при чем, капитан, — отозвался он веско. — Сам король пожелал, чтобы я сопровождал этих людей в Ремут. Или вы намерены поставить под сомнение его приказ?

Капитан стиснул зубы, но прежде чем он успел ответить, аббат жестом остановил его и сделал шаг вперед.

— Насколько мне известно, король слишком болен, чтобы отдавать приказы, брат Джаван. А теперь я прошу вас вернуться в свою келью и ожидать официальных распоряжений из Ремута.

— Каких еще официальных распоряжений вам нужно? — возразил Джаван, протягивая аббату коль-

цо Райса-Майкла. — Мой брат, принц Райс-Майкл Халдейн, велит мне явиться ко двору от имени короля, который нынче лежит на смертном одре. Если кое-кто добьется своего и Райс-Майкл станет нашим новым королем, боюсь, он не слишком обрадуется, что кто-то осмелился оспорить его приказы. А если же наследование пройдет должным образом, и королем стану я, то, уверяю вас, я не забуду тех, кто пытался помешать мне. А теперь велите вашим людям разойтись. Или вы желаете, чтобы на этих освященных землях пролилась кровь?

— Вы не посмеете обнажить здесь сталь, — пробормотал аббат.

— Не я, милорд, ибо я безоружен, как видите, — возразил Джаван, поднимая руки. — Но люди короля получили приказ, равно как и я сам. И если вопреки воле короля вы заставите их обнажить мечи, то гнев короля падет на вашу голову, а не на мою.

Затаив дыхание, он ожидал продолжения, молясь лишь о том, чтобы его слова оказали должное воздействие.

— Со всем уважением к вам, я желаю вам доброго дня, милорд аббат, и прощаюсь с вами.

С этими словами он подозвал к себе жестом Карлана и уверенным шагом двинулся мимо капитала *Custodes* по ступеням аббатства к ожидавшим его рыцарям. Те двое, что держали запасных лошадей, подошли ближе, и остальные также поспешили столпиться вокруг Джавана и Карлана, чтобы прикрыть их от возможного нападения. При этом они повернулись спиной к рыцарям *Custodes* с совершеннейшим презрением, ибо сейчас любое проявление слабости могло стать для них роковым. В напряженном угрюмом молчании раздавалось теперь лишь цоканье ко-

пыт по каменным плитам и поскрипывание упряжи. Джавана била дрожь, когда Карлан помог ему взобраться на высокого гнедого жеребца, но он не позволил себе выказать ни тени страха или сомнений, и уверенно взял в руки поводья, а затем развернул лошадь к воротам. Остальные рыцари последовали за ним. У него все еще тряслись поджилки, когда вместе с эскортом они двинулись к воротам, и рядом с Карланом выехал Бертранд, который также, в свое время, был оруженосцем Джавана. Но к огромному облегчению принца никто не попытался задержать их. Наконец, они миновали ворота и по склону холма направились к дороге, переходя на рысь. Лишь тогда он позволил себе немного расслабиться.

* * *

Три часа спустя, когда первые лучи восходящего солнца уже показались из-за горизонта, они подъехали к городским воротам Ремута. Сменные лошади к тому времени также успели выдохнуться, ибо большую часть пути они проделали ровным галопом. Когда отряд приблизился к пробуждающемуся городу, один из рыцарей поскакал вперед, и едва лишь они оказались перед воротами, опускная решетка немедленно поднялась. Стражники торжественно приветствовали Джавана, и он проехал мимо, широко расправив плечи, стараясь выглядеть уверенным в себе. Вместе с Карланом и остальными рыцарями они двинулись по королевской дороге к замку на холме.

Во дворе замка царило необычайное оживление: там было полно лошадей, слуг в ливреях, вооруженных стражников и придворных. Зной уже сделался нестерпимым. Когда Джаван со своим эскортом въе-

хал во двор, навстречу ему высыпала толпа. Следом выбежал Райс-Майкл в сопровождении сэра Томейса, который некогда был его оруженосцем. Вид у принца был взволнованный; на плечах, несмотря на жару, красовалась парадная алая накидка. Братья встретились взглядом, Джаван натянул поводья и, перекинув правую ногу через луку седла, легко спрыгнул на землю. Карлан немедленно оказался рядом, и вместе они поднялись по ступеням, ведущим в тронный зал. Следом, не спуская рук с рукоятей мечей, с серьезным, почти угрожающим видом двинулись Бертранд и еще трое рыцарей.

Райс-Майкл бросился по ступеням им навстречу, и на его красивом лице было написано облегчение. Когда он потянулся, чтобы обнять брата, алая накидка слетела с плеч.

— Слава богу, ты здесь, — прошептал он, упираясь лбом в плечо брата. — И прежде всего дай набросить на тебя вот это, — добавил он прежде, чем отпустить Джавана. — Это самый явный символ, о котором я мог подумать на данный момент.

Джаван с облегчением кивнул, и брат, подняв накидку, набросил ее ему на плечи. По рядам придворных пронесся изумленный шепоток, особенно когда Райс-Майкл взял брата за руку и поцеловал; что до Джавана, то он не скрывал своего облегчения, — похоже, за Райса-Майкла можно было не беспокоиться, тот по-прежнему оставался верен ему. Когда рука об руку они двинулись внутрь, Джаван снял кольцо брата и передал хозяину. Карлан со своей свитой замыкали шествие.

— Ну как он? — вполголоса спросил Джаван у Райса-Майкла, приветственно кивая нескольким знакомым придворным.

По коридору они торопливо направились к лестнице.

— Не очень хорошо. Ночь он провел довольно спокойно после того, как велел мне послать за тобой... но все это лишь благодаря лекарствам.

— А что ему дают?

— Какую-то травяную настойку. — Райс-Майкл поморщился. — Да, она снимает боль и прекращает кашель, но из-за этого он все время дремлет, и пробудить его становится все сложнее. А жар не спадает. Большую часть времени, мне кажется, он едва осознает, что происходит вокруг.

— Удивительное дело, но мне почему-то кажется, что наши бывшие регенты этим успешно пользуются, — пробормотал Джаван.

— И я тоже воспользовался этим, когда взял на себя смелость послать за тобой. — С безрадостным смехом Райс-Майкл повел брата к короткой галерее, которая вела в крыло, выходящее в сад. — Мне даже пришлось пригрозить, что я припомню им это, если сам стану королем. Надеюсь, ты не в обиде?

— Конечно, нет. — Джаван в ответ улыбнулся, но на лице его была написана мрачная решимость. — Точно такими же словами мне пришлось принудить аббата отпустить меня. Но вернемся к Алрою. Помогают ему лекарства?

— Зависит от того, что ты понимаешь под словом «помогают», — отозвался младший брат. — В легких его все равно полно мокроты, просто он ее не отхаркивает, как будто организм не понимает, что это ему необходимо.

— А мастер Ориэль соглашается с таким лечением?

— Да. Пожалуй, это единственное, в чем они согласны с королевскими лекарями. Они... — Райс-Майкл сбился с шага и внезапно остановился, сглатывая слезы. Затем покачал головой. — Джаван, они говорят, у него легких почти не осталось. Ни Ориэль, ни кто-либо другой ничего не может сделать. Только помочь ему уйти спокойно. Он либо будет кашлем разрывать себе легкие на части, либо просто спокойно уснет...

Глядя, как Райс-Майкл отчаянно трясет головой, Джаван сам с трудом поборол слезы, скорбя о своем старшем брате, — ведь у него, на самом деле, изначально не было ни единого шанса уцелеть в той ситуации, в которой он оказался. Принц давно уже старался подготовить себя к подобным новостям, но теперь, когда слышал их в действительности, вынести это оказалось гораздо сложнее, чем он думал.

— Господи милосердный, но почему же все так случилось, — выдохнул он, стараясь взять себя в руки. — Боже, ему ведь всего шестнадцать. У него жизнь только начинается...

— Сир, там идет лорд Манфред, — шепотом окликнул принца Карлан, который незадолго до этого обогнал их с братом и теперь подозвал своих рыцарей поближе. — Я надеялся, он не успеет сюда так быстро.

Застыв на месте, Джаван постарался проглотить слезы, поднял глаза и вызывающе вздернул подбородок, глядя на первого из советников, которого он должен сейчас либо перехитрить, либо подчинить себе. Они столкнулись взглядами с Манфредом, и Джаван твердо сказал себе, что не он первым отведет глаза.

— Лорд Манфред, — произнес он без всякого выражения, когда тот подошел ближе.

— Ваше высочество, — отозвался тот холодным тоном с ноткой неодобрения в голосе.

Граф Кулдский мало изменился со времени их последней встречи с Джаваном. Волосы у него были посветлее, чем у его брата Хьюберта, и ростом он был чуть выше; но тогда как Хьюберт отличался невероятной толщиной, Манфред был всего лишь плотным, крупным мужчиной. Держался он по-солдатски прямо, и голубые глаза смотрели твердо.

Он пристально взглянул на Джавана, затем на Райса-Майкла с выражением, подозрительно напоминавшим отвращение, немедленно приметив и алый плащ на плечах у принца, и кольцо на его руке, и золотую серьгу в ухе, а также шестерых вооруженных рыцарей, сопровождавших его. Однако, каковы бы ни были его истинные чувства, в словах прозвучала лишь нарочитая тревога и забота. Он старался не оскорбить в открытую этого нового, неожиданного и нежеланного здесь пришельца.

— Вы прибыли как раз вовремя, ваше высочество, — произнес он. — Король бодрствует и ждет вас обоих. Мой брат попросил лекарей не давать ему никаких снадобий, пока я вас не отыщу. Пожалуйста, пойдемте со мной.

Он поклонился им коротко, почти дерзко, затем развернулся на каблуках и двинулся по коридору туда, откуда пришел, даже не глядя, следуют ли принцы за ним.

Разумеется, они поспешили следом. На ходу Джаван сбросил алый плащ и передал его Карлану, ибо жара уже стала невыносима даже здесь, в каменных стенах замка.

Когда они повернули по коридору, гул голосов сделался громче. Три широких ступени вывели их на открытую галерею, где ожидали пятнадцать или двадцать человек придворных. Те, кто сидели, немедленно поднялись на ноги при приближении принца. Некоторые поклонились, хотя приветствовали они братьев короля или лорда Манфреда, осталось неясным.

У последней двери справа перед ступенями Манфред остановился. Он отодвинул засов, распахнул дверь и отступил. На губах его, когда он поклонился Джавану, играла странная улыбка, которая совсем не понравилась принцу. Как он и опасался, в приемной ожидали уже все бывшие регенты. И, разумеется, там был брат Манфреда, Хьюберт Мак-Иннис, архиепископ Валоретский и примас всего Гвиннеда.

При появлении Джавана, Райса-Майкла и Карлана архиепископ встал. Повинуясь его повелительному жесту, Томейс, Бертранд и остальные рыцари остались снаружи, однако Райс-Майкл успел обменяться взглядами с Карланом, и тот немедленно встал спиной к открытой двери, чтобы помешать любым попыткам Манфреда затворить ее. Если кто-либо из принцев позовет их, то Карлан с остальными рыцарями немедленно придут к ним на помощь, невзирая на все указания архиепископа.

Джавану показалось, что за тот месяц, что они с Хьюбертом не виделись, прелат стал еще огромнее. Впрочем, возможно, такое впечатление производила его пурпурная ряса и пышное епископское облачение. Пухлой левой рукой тот теребил украшенное аметистами распятие, висевшее на мясистой шее, толстые розовые губы неодобрительно кривились. Завидев Джавана, он хотел было протянуть ему руку

с епископским кольцом для поцелуя, но, встретившись с принцем глазами, передумал и прижал ее к груди, всем своим видом изображая возмущение.

— Брат Джаван, вот уж не ожидали увидеть вас здесь! Неужто у вас нет обязанностей, требующих вашего присутствия в семинарии? Вы оставили аббатство без дозволения, и эта провинность будет стоить вам сурового наказания по возвращении в *Arx Fidei*!

Двое священников *Custodes* подошли ближе к архиепископу, и лишь теперь Джаван заметил, что в дальнем конце комнаты горят свечи, и увидел алтарный крест и дароносицу. Значит, Алрой действительно был совсем плох, если ему уже готовились дать последнее причастие.

Внимательным взглядом Джаван окинул присутствующих. Нужно было тщательно взвесить, что он сейчас ответит архиепископу. Конечно, при необходимости он мог бы с помощью ментальной силы контролировать Хьюберта, но это было тяжело сделать в присутствии стольких посторонних, и будет куда лучше, если ситуацию удастся разрешить обычным способом. Здесь были граф Таммарон, единственный из бывших регентов, к кому Джаван порой испытывал симпатию, и прыщавый сын Манфреда Айвер, к которому никто и никогда симпатии не испытывал. Кроме того, присутствовали двое сыновей графа Мердока: тощий, лукавый сэр Ричард, женившийся на дочери коннетабля, и грубый толстяк Кейшип, всего на год старше Джавана и короля, который мальчишкой бывало вечно лез в драку и почти всегда одерживал верх. Такова была юная поросль, — те, кого бывшие регенты всеми силами пытались протащить в королевский совет Гвиннеда; но Джа-

ван твердо сказал себе, что они добьются своего лишь, в буквальном смысле, через его труп.

— Я прибыл сюда не для того, чтобы спорить о монастырской дисциплине, архиепископ, — произнес он негромко, но уверенно. — Я здесь по приказу короля. Отныне мой первейший долг быть рядом с ним, покуда он жив, и принять корону, когда его не станет, ибо таково мое право по рождению.

При этих словах принца молодые придворные настороженно переглянулись, а Таммарон как будто бы смутился. Хьюберт выпрямился с видом крайнего негодования.

— Что, вы так легко отрекаетесь от своих обетов, брат Джаван? — воскликнул он. — Вы дали клятву мне и Богу. Вы не можете так просто отречься от нее, едва лишь пожелаете!

Упершись кулаками о бедра, Джаван смерил архиепископа взглядом.

— Я не позволю вам втянуть меня в этот спор, ваша милость, — произнес он ровным голосом. — И уж тем более не стану обсуждать вопрос о временных обетах, которые меня практически силой заставили принять, когда я еще не достиг совершеннолетия. Я пришел увидеть брата, ибо это он потребовал моего приезда. Его величество при смерти. И если в вас осталась хоть капля христианского милосердия, то прошу вас отойти и позволить мне исполнить его предсмертное желание.

И не слушая больше никаких возражений, Джаван двинулся вперед, а следом за ним, осторожно обойдя тушу архиепископа, вошел и Райс-Майкл. Утративший дар речи Хьюберт обратился к остальным советникам за поддержкой, но ответом ему были лишь мрачные взгляды. И не успел Хьюберт

опомниться, как принцы уже отворили дверь, ведущую в опочивальню короля. Джаван прошел вперед, а Райс-Майкл закрыл дверь за ним следом.

При их появлении Целитель Ориэль поднялся со стула в изголовье кровати. Он как раз выжимал очередное полотенце, чтобы утереть пот со лба короля, но теперь бросил тряпку обратно в таз, который поддерживал паж, и жестом отослал мальчика.

— Пожалуйста, подожди снаружи, Квирик, — пробормотал он. — Я тебя позову, когда ты понадобишься.

Мальчик поспешно удалился, испуганно кланяясь Джавану и Райсу-Майклу, который приоткрыл дверь, чтобы дать ему выйти. После чего Ориэль сказал:

— Спасибо, что приехали, ваше высочество.

Джаван со вздохом обошел постель с другой стороны и окинул взглядом неподвижную фигуру. Его брат король лежал почти такой же бледный, как и укрывавшие его простыни. Дыхание чуть заметно поднимало впалую грудь, под закрытыми глазами залегли темные тени. Черные как смоль волосы промокли от пота.

Джаван потянулся, чтобы взять брата за руку, заметив на пальце его отличительный знак Халдейнов — кольцо Огня, — но затем замер, вместо этого взглянул на Ориэля.

— Сколько ему еще осталось? — шепотом спросил он, глядя Целителю прямо в глаза.

— Не знаю точно, но продлевать его страдания было бы бессмысленной жестокостью, — прошептал тот ему в ответ. — Ибо он уже не может выздороветь. Сейчас я пытаюсь магией притупить боль. И сон этот тоже — моих рук дело, ибо снадобья боль-

ше не помогают. Но долго так удерживать его я не смогу.

— А если ты не станешь этого делать, — спросил его Джаван.

Ориэль склонил голову.

— Он отчаянно хотел увидеться с вами, мой принц. И хотел поговорить с вами в последний раз, будучи в ясном сознании... чтобы никакие зелья не туманили ему рассудок. Я обещал сделать все, о чем он просит. Увы, это означает, что вы не сможете поговорить с ним наедине, поскольку мне все время нужно оставаться рядом. И все же я постараюсь стать совершенно незаметным.

Джаван тяжело вздохнул.

— Да, понимаю. А после того, как мы поговорим? Когда он передаст мне свою последнюю волю?

— Тогда обещаю, что я дарую ему покой, — произнес Целитель, не глядя на принца. — Конечно, обеты Целителя запрещают мне дать ему смертельную дозу лекарства, но я погружу его в мирный сон, пока... пока он буквально не захлебнется в той жидкости, что заполняет его легкие. — Он сглотнул так, словно и в его собственных легких было полно воды. — Но он не будет больше страдать. Это лучшее, что я могу предложить, как только он откроет перед вами душу.

На глазах Джавана выступили слезы, и ему пришлось усиленно поморгать, чтобы вновь взять себя в руки.

— Исповедался ли он перед священниками? — спросил принц негромко. Я видел, что они принесли все для последнего причастия. — Это уже было совершено?

Ориэль поджал губы и покачал головой.

— Он сказал, что не примет последнего причастия ни от единого священника в Ремуте. Пару часов назад, пока он спал, оба архиепископа пришли и совершили помазание, и дали ему отпущение грехов. Но он наотрез отказался получить причастие от них или от их клириков. Возможно, вам удастся его переубедить.

Склонив голову, Джаван припомнил, как часто ему приходилось принимать причастие от Хьюберта. Он ненавидел этого человека, но заставлял себя мысленно отделить его от священного обряда, который тот выполнял как священник. Однако Алрой, пусть и запоздало, решился проявить твердость, и это говорило о его поразительной отваге. По счастью, Джаван знал, что хотя бы в этом он может помочь брату.

Однако у них были и иные очень важные заботы, помимо того, чтобы Алрою примириться с Создателем, с которым ему очень скоро предстоит встретиться лицом к лицу. Глубоко вздохнув, Джаван взял безвольную руку Алроя в свои ладони и поднес ее к губам, а затем вновь посмотрел на Ориэля.

— Пожалуйста, разбуди его, — произнес он негромко. — И я уповаю на то, что обеты, которые ты принес как Целитель, не позволят рассказать никому из посторонних о том, что произойдет в этой комнате.

Ориэль, кивнув, провел рукой над закрытыми глазами короля, а затем легонько коснулся кончиками пальцев обнаженного правого плеча. При этом прикосновении король потянулся, и когда серые глаза его распахнулись, в них не было боли. Он немедленно уперся взглядом в Джавана. Обметанные лихорадкой губы растянулись в улыбке, рука его слабо

стиснула пальцы брата. Он не скрывал своей радости.

— Ты здесь, — выдохнул он. — Райсем обещал, что привезет тебя. И он это сделал.

— Да, — согласился Джаван. — Точнее, за мной приехал Карлан, но это Райсем послал за мной. Мне позвать его сюда?

Алрой с трудом покачал головой. Взгляд его все это время не покидал Джавана.

— Нет. Мы еще успеем, — прошептал он. — Ориэль мне обещал. Но сперва я хотел передать тебе отцовское кольцо и Глаз Цыгана. Они принадлежат королю Гвиннеда, а я уже больше не король.

— Нет. Ты король, пока жив, — прошептал в ответ Джаван. — Я не возьму их, пока вы живы, государь.

Прикрыв глаза, Алрой слабо улыбнулся.

— Государь... Я ведь никогда им по-настоящему не был, да? Но у тебя должно получиться! Обещай, что сделаешься королем, каким мог бы стать я. И что все наши страдания не пройдут впустую.

— Обещаю, — прошептал Джаван и склонил голову, касаясь руки брата.

— И раз ты не хочешь пока взять кольцо... впрочем, я ведь тоже получил его только после смерти нашего отца, то возьми пока хотя бы Глаз Цыгана. Для меня это очень важно — увидеть, что ты носишь его, как когда-то носил наш отец.

Против такого компромисса Джаван возражать не мог, поскольку и сам Синхил в свое время передал Глаз Цыгана своему наследнику еще при жизни, точно так же, как теперь желал сделать Алрой. И все же у Джавана дрожали руки, когда он вытащил серьгу у брата из уха, и слезы текли по его щекам, когда

он вдел золотую проволоку себе в мочку. Свою собственную серьгу он передал Ориэлю и знаком показал ему, чтобы тот закрепил ее в ухе Алроя. И король слабо улыбнулся, касался исхудавшей рукой золотистого завитка.

— Вот я и снова всего лишь принц, — прошептал он. — Так оно гораздо лучше.

Взгляд серых глаз уперся в огромный рубин, украшавший теперь ухо Джавана.

— Да, и вот еще что, — сказал он через несколько секунд, насладившись этим зрелищем. — Что-то ведь случилось с нами в ту ночь, когда умер отец. Тебе удалось разузнать, что это было?

Джаван покосился на Ориэля, но молодой Целитель склонил голову, словно в молитве, и на первый взгляд казалось, что он слеп и глух ко всему происходящему. Да и, коли задуматься, уж если он не может доверять Ориэлю, то кому тогда вообще можно доверять?.. Кроме того, Джаван не смел отказать умирающему брату в его последней просьбе.

— В ту ночь в отцовской часовне провели особый обряд, — произнес он вполголоса, сам с трудом припоминая отрывочные картины происшедшего. — Тавис дал нам какое-то снадобье по приказу отца, но за всем этим стояли Дерини. Ты ведь знаешь, что именно от них отец получил свою магию, правда?

Алрой испытующе уставился на брата, но в глазах его таилось сомнение.

— Я слышал только какие-то слухи. Знаю, что он всегда умел определить, если мы говорили неправду. Он и в самом деле владел магией?

Джаван кивнул.

— Так мне сказал епископ Элистер. Он был замешан в то, что произошло той ночью. А также Райс,

отец Джорем и леди Ивейн. — Он опустил глаза. Джаван по-прежнему не мог припомнить в деталях все, что произошло тогда, хотя Ивейн во время их последней встречи и обещала, что когда придет время, он все вспомнит. Возможно, это случится сегодня, когда Алроя не станет.

— В любом случае это был именно отцовский обряд, а не деринийский, — продолжил Джаван, — и мне кажется, это должно было... помочь нам получить его магию... или хотя бы подготовить почву для этого... Я... по-моему, она должна была проявиться в тебе, его наследнике, после смерти отца. — Он испытующе уставился на брата. — Но ведь этого так и не произошло, верно?

С трудом сглотнув, Алрой слабо покачал головой.

— В таком случае, жизнь стала бы куда проще, — прошептал он. — Если бы я хоть овладел заклятием истины...

— По-моему, во всем виноваты те снадобья, которыми пичкали тебя регенты, — возразил Джаван, не желая, чтобы брат испытывал чувство вины. Впрочем, возможно, бывшие регенты и вправду были повинны в том, что Алрой так и не обрел магических способностей.

— Они ведь все время давали тебе разные лекарства...

Алрой на миг закрыл глаза и вновь покачал головой.

— Теперь это не имеет никакого значения, — выдохнул он, подавляя кашель. — Они сделали то, что сделали, а я не мог сопротивляться. Но... думаешь, магия перейдет к тебе, когда меня не станет?

Кивнув, Джаван стиснул руку умирающего брата.

— Отчасти я уже получил ее, — прошептал он. — Не думаю, что так оно и было задумано, однако это произошло. Все началось вскоре после смерти отца. Тавис считал, что, возможно, меня подтолкнуло то, что мы так долго работали с ним вместе. Я привык к тому, что он вводит меня в транс, когда использует свои способности Целителя, чтобы облегчить мне боль в ноге. Сперва мы обнаружили ментальные защиты. Это случилось в ту ночь, когда ему отрезали руку. Я сам не знал, что делаю, но хотел помочь. Тогда я полностью подчинил свои способности его воле, чтобы он распоряжался ими, как пожелает. И он... он сумел взять у меня энергию, проникнуть сквозь защиты, о которых мы даже не подозревали...

— Защиты... — Алрой произнес это слово чуть слышно, с оттенком страха и восхищения.

— Да, знаю, — согласился Джаван, — меня это тоже пугает. А с тех пор я стал гораздо сильнее. Алрой, мои способности почти такие же, как у Дерини. Если действовать осторожно, я даже могу контролировать людей. — На губах его мелькнула слабая усмешка. — Я все время делал так с Карланом, едва лишь разобрался в том, как это происходит. Но тут есть свои опасности, если кто-то об этом узнает...

Алрой вновь с трудом сглотнул, подавляя новый приступ кашля, и покосился на Ориэля, который по-прежнему стоял на коленях, словно погруженный в транс.

— Он знает, — прошептал Джаван в ответ на невысказанный вопрос. — Но кроме него больше никто, только те Дерини, что работали напрямую с отцом Джоремом.

— А Райсем? — прошептал Алрой, взглянув на младшего брата, который стоял на страже у дверей.

Джаван покачал головой.

— У меня не было возможности рассказать ему. Кроме того, после того, как меня удалили от двора, это только осложнило бы всем жизнь.

— Но теперь ты вернулся, — взволнованно произнес Алрой. — И ты ведь намерен остаться, правда?

Джаван слабо улыбнулся.

— Я не создан быть священником, — сказал он. — Хотя думаю, я понимаю, как тяжело было отцу отказаться от такой жизни, когда он должен был принять корону. Впрочем... семинария была прекрасным местом, чтобы прятаться там все эти годы и получить отличное образование, в то время, пока я мог спокойно повзрослеть. Я надеялся, что позднее благодаря такой подготовке смогу стать для тебя достойным помощником и советником, но боюсь, в глубине души уже тогда догадывался, что этому не суждено случиться. Мердок и его приятели никогда не позволили бы тебе править самому.

— Поэтому они и пичкали меня своими снадобьями, — пробормотал Алрой, закрывая глаза. — Эти травы были специально подобраны, чтобы лишить меня всякой воли к сопротивлению и способности мыслить независимо. Я это понял через какое-то время, но уже ничего не мог с этим поделать. И все равно, я ведь разрушил их планы, правда? По крайней мере, я дал тебе возможность выиграть время. Теперь ты на четыре года старше, чем был я, когда взошел на престол. У тебя не будет никаких регентов. И ты видишь их насквозь, ты не такой доверчивый, каким я был в свое время.

Джаван склонил голову, сглатывая слезы. Не было никакого смысла притворяться, будто Алрой не умрет.

— Я... я надеюсь, что мне больше повезет, — прошептал он. — Господи, как же мне хотелось бы сделать хоть что-то для тебя.

Алрой шумно вздохнул, слезы выступили на обведенных темными кругами глазах.

— Самое лучшее — это то, что ты здесь, — выдохнул он. — Я рад, что ты успел вовремя. Ориэль... Он обещал, что я не буду больше страдать. Но останься со мной... пожалуйста. Даже если будет казаться, что я уже совсем не в себе, все равно я буду знать, что ты здесь, рядом. Я не боюсь, просто мне бы хотелось...

Голос короля прервался, и Джаван склонился к нему поближе, вглядываясь в затуманенные серые глаза.

— Чего бы тебе хотелось? — выдохнул он.

— Я был бы рад в последний раз причаститься, — прошептал он, не глядя на Джавана. — Но я не желаю получать Святые Дары от Хьюберта, это было бы кощунством.

Его вновь одолел приступ кашля, такой сильный, что Ориэлю было уже не под силу справиться с ним из своего транса. Очнувшись, он вскочил на ноги и помог Джавану повернуть короля на бок. Алрой продолжал задыхаться, пока Целитель, наконец, не погрузил его в глубокий сон.

— Скоро придется давать ему лекарство, — пробормотал Ориэль, глядя на испуганного Джавана, когда наконец сумел справиться с приступом и отвлечься ненадолго. — Я еще могу вернуть его в сознание всего на пару минут, но пытаться сделать что-то сверх этого — лишь без нужды продлевать его страдания. Если считаете, что вам нужно еще что-то сказать друг дружке, решайтесь скорее.

Судорожно пытаясь измыслить, как лучше поступить, Джаван кивнул Ориэлю. Откуда-то из глубины сознания — и почему-то казалось, что здесь не обошлось без подсказки Ивейн, — в памяти его возникла странная картина... и он осознал, что происходящее сейчас очень напоминает то, что происходило с их отцом когда-то, много лет назад.

— Мастер Ориэль, если это для благого дела, то сможете вы вернуть его хотя бы еще на пару минут? — спросил он.

— Если только на пару минут, сир, — отозвался Целитель. — Что вы хотите сделать?

Джаван скривил губы в недоброй усмешке.

— Нечто такое, что едва ли понравится архиепископу, — отозвался он, подзывая поближе Райс-Майкла. — Райсем, пожалуйста, подойди сюда и побудь с ним. И не обращай внимания ни на какие крики и споры из соседней комнаты.

Глава 4

Вот, я отворил пред тобою дверь[1]

Озадаченный Райс-Майкл подошел к постели короля, и Джаван, застегнув доверху свою тунику, дружески потрепал брата по плечу, а затем направился к дверям. Глубоко вздохнув, он расправил плечи, отодвинул засов, распахнул дверь и прошел вперед, затворив ее за собой, но не запирая.

В королевской приемной за это время собралось еще больше придворных. В дверях, выходивших в коридор, стояли на страже Карлан и двое рыцарей, что сопровождали Джавана из аббатства. Вид у них был невозмутимый, почти расслабленный, но на самом деле чувствовалось, что они настороже. Сам Карлан стоял, прислонившись спиной к стене, скрестив руки на груди, готовый преградить путь любому, кто пожелает войти или выйти, против воли его принца. В коридоре Джаван заметил Томейса, Бертранда и еще нескольких рыцарей, которые также сопровождали его сегодня ночью.

Приемная была невелика, и стульев там было мало, но и те, кто сидели, при виде Джавана поспешно вскочили на ноги. Все взирали на принца с немым вопросом в глазах.

---

[1] Откровение 3:8

— Король еще жив, господа, — произнес он спокойно, — но конец близится. Архиепископ, простите, могу ли я с вами поговорить?

Раскрасневшийся Хьюберт, подозрительно косясь на принца, поднялся при этих словах и величаво двинулся вперед. Когда же Джаван попятился обратно в комнату, он последовал за ним, ибо принц знаком показал архиепископу, что желает, чтобы тот зашел к королю.

— Полагаю, это означает, что вы наконец образумились, брат Джаван, — вполголоса произнес Хьюберт, когда принц закрыл за ними дверь. — Могу ли я надеяться, что король сумел напомнить вам, в чем состоит ваш истинный долг?

Джавану стоило большого труда не выказать своего отвращения перед подобным лицемерием, и все же когда он заговорил, голос его звучал негромко и без выражения.

— Воистину так, ваша милость. Мне напомнили о моем христианском долге, который важнее всех личных соображений, — произнес он спокойно. — Мой брат всегда желал, как и подобает истинному сыну Церкви, получить утешение Святых Даров перед смертью. Насколько я понимаю, ночью над ним было совершено помазание, но он отказался получить причастие. Можете ли вы объяснить мне, почему?

Хьюберт возмущенно вскинул руки.

— Его королевское величество не в себе. Тому виной болезнь и лекарства. Я предложил ему причаститься, но он отказался.

— Однако теперь он готов принять Святые Дары, — возразил Джаван, мысленно прибавляя: «Только не от тебя».

Толстые розовые губы архиепископа изогнулись в самодовольной улыбочке.

— Разумеется, я буду счастлив сделать все необходимое. Никакой священник не мог бы отказать в подобной просьбе умирающему.

— Тогда, пожалуйста, сделайте это.

— Мне нужно совсем немного времени, — отозвался Хьюберт.

С деланным смирением склонив голову перед архиепископом, Джаван открыл дверь, чтобы позволить Хьюберту пройти, затем закрыл ее за ним и несколько мгновений стоял, упираясь лбом в притолоку, чтобы постараться успокоиться и сосредоточиться; после чего он обернулся и подозвал Райса-Майкла.

— Будь готов помочь мне, когда он вернется, — прошептал он. — А ты, Ориэль, пожалуйста, не удивляйся ничему, что бы ты ни увидел и ни услышал.

И Райс-Майкл, и Ориэль изумленно покосились на Джавана при этих словах, но в этот момент раздался тихий стук в дверь, и повернулась ручка. Прижав палец к губам, чтобы призвать их к молчанию, Джаван подвел Райса-Майкла поближе к себе и вперился взглядом в открывающуюся дверь.

Дверь медленно распахнулась и показались двое священников *Custodes* с изузоренными подсвечниками в руках; поверх черных ряс они надели белые епитрахили, и, судя по всему, обоим было очень жарко. Позади, с почтением прижимая к груди дароносицу, выступал взмокший розоволицый Хьюберт; его промокшую от пота пурпурную рясу также украшала пышная, расшитая золотом епитрахиль. Позади в комнате все преклонили колени из почтения к Святым Дарам.

Набожно перекрестившись, Джаван также поклонился, но не встал на колени. Райс-Майкл во всем повторял движения брата. Выпрямившись, Джаван уверенно двинулся вперед и обеими руками взялся за подсвечник, едва ли не силой выхватив его у изумленного монаха.

— Почтенные отцы, — обратился Джаван к священникам. — Сегодня мы с братом хотели бы стать служками при его милости, — он покосился назад на Райса-Майкла, подозвал его ближе, а затем уперся взглядом в Хьюберта. — Нижайше прошу вас позволить нам это, ваша милость. Мы уже исполняли эту роль при вас... и сейчас для нас это было бы очень важно — и для короля тоже.

Ошеломленный, Хьюберт несколько мгновений поколебался, но затем кивнул обоим клирикам, опуская их. Тяжелый подсвечник теперь оказался в руках у Джавана, и он почтительно склонил голову.

Когда за двумя священниками закрылась дверь, Джаван с братом отвесили Хьюберту подобающие поклоны, уверенно держа в руках подсвечники, а затем повернулись к кровати короля. Рядом на коленях стоял Ориэль.

Одной рукой он по-прежнему касался короля, удерживая с ним ментальную связь. Райс-Майкл подошел поближе к Целителю, а тем временем Джаван с архиепископом двинулись к другой стороне постели, — и в этот миг принц взялся свободной рукой за запястье Хьюберта. В тот же миг, воспользовавшись физическим контактом, он установил с ним мысленную связь и задействовал те рычаги контроля, которые установил очень давно, но которыми так редко осмеливался воспользоваться.

— Закройте глаза, архиепископ, — приказал он негромко, одновременно протягивая свой подсвечник Райсу-Майклу. — Закройте глаза и слушайте, что я вам скажу. Вы не можете мне сопротивляться.

Хьюберт безвольно повиновался. Райс-Майкл взял второй подсвечник и передал Ориэлю, чтобы тот поставил его на столик у кровати. И у принца, и у Целителя глаза расширились от изумления. Джаван, с яростно колотящимся сердцем, протянул свободную руку, чтобы подхватить дароносицу... и лишь в этот миг осознал истинную силу и могущество этого священного предмета, — и понял также, что всему, что он сделает сегодня, свидетелем станет само Божественное присутствие, содержащееся в Святых Дарах.

Джаван содрогнулся, когда до конца осознал это. В его душе не было и мысли о святотатстве, о неуважении к святыням; он всего лишь мечтал, чтобы брат его получил причастие так, как того желал, из тех рук, которые он уважает, а этого никак нельзя было сказать о Хьюберте. Надеясь, что Господь поймет и простит его, Джаван взял дароносицу у архиепископа и поставил ее на столик у постели, затем провел Хьюберта на другой конец комнаты и усадил на табурет, заскрипевший под весом прелата.

— Мой брат сейчас примет последнее причастие, архиепископ, — произнес он негромко, уверенно касаясь потного лба Хьюберта. — Но не из ваших рук. Пока я еще не сложил с себя монашеских обетов и потому имею право предложить ему этот дар. Вы же останетесь сидеть здесь с закрытыми глазами, вы не скажете и не сделаете ничего, и не будете ни о чем помнить. Засните поглубже; вы ничего не услышите, пока я не окликну вас по имени. То, что произойдет здесь сейчас, навсегда изгладится из вашей памяти.

Архиепископ даже принялся похрапывать, настолько глубок оказался его сон. Когда Джаван вернулся к постели брата, Ориэль взирал на него в изумлении, а Райс-Майкл — испуганно.

— Ориэль, пожалуйста, усади его, — прошептал Джаван и подхватил дароносицу.

Нежно, очень бережно Ориэль вновь повернул Алроя на спину, затем подхватил его за плечи и приподнял. Дыхание Алроя изменилось, когда Целитель повернул его; теперь оно вырывалось с влажным хрипом и присвистом. Ориэль прижал его к себе и правой рукой коснулся груди.

— Вернитесь теперь к нам, Алрой, — прошептал он королю на ухо, одновременно помогая ему вернуться в сознание и усиливая контроль над болью и теми рефлексами, что отвечали за приступы кашля.

Черные ресницы тотчас затрепетали, и серые глаза, открывшись, не выказали никаких признаков боли, хотя на несколько мгновений еще оставались сонными, — но затем сфокусировались на чаше в руке Джавана. Король удивленно заморгал, затем перевел взгляд на того, кто держал чашу.

— Святые Дары, — в восхищении пробормотал он. — Но что скажет Хьюберт...

— Забудь о Хьюберте, — вымолвил Джаван в ответ, качая головой. — Если уж ты не желал получить причастия от него, то должен принять его от меня. Сейчас.

Алрой кивнул, с трудом сглотнув, и серые глаза налились слезами. Джаван склонил голову над чашей, которую держал в руках и припомнил слова, которые так часто слышал в *Arx Fidei*, когда ухаживал за умирающими.

— О Господь Сил, Отец наш небесный, — начал он, переводя с латыни, чтобы Алрой лучше понимал слова молитвы, — молим тебя ныне избавить верного слугу твоего Алроя от всякого зла и укрепить его хлебом жизни, плотью Господа нашего Иисуса Христа, что живет и царствует во имя Твое во веки веков. Аминь.

— Аминь, — приглушенно отозвались Райс-Майкл, Ориэль и Алрой.

С дрожащими руками Джаван снял покров с дароносицы и отложил его на столик у кровати. Никогда прежде ему никому не доводилось давать последнее причастие, но он не раз видел, как священники делали это и теперь мог все повторить в точности. С почтением взяв гостию из золотой чаши, он поднял ее повыше, чтобы мог видеть Алрой.

— *Ecce Agnus Dei, qui tollis peccata mundi*, — произнес он вполголоса, вновь переходя на положенную латынь. — Се Агнец Божий, что принял на себя грехи мира.

— *Domine, non sum dignus...* — шепотом отозвался Алрой, и остальные повторили хором за ним. — Господи, я недостоин Твоего присутствия под моей крышей. Произнеси лишь слово, и душа моя будет исцелена...

С этими словами Джаван начертал знак креста над братом и вспомнил другую молитву, с почтением поднося гостию к устам брата.

— Прими, брат мой, эту пищу на твою дорогу, тело Господа нашего Иисуса Христа, и да сохранит Он тебя от всякого зла и приведет к жизни вечной. Аминь.

— Аминь, — прошептал Алрой, закрыл глаза и с трудом сглотнул.

— Джаван, — выдохнул он затем, прежде чем брат успел закрыть чашу. — И еще об одном я попрошу тебя...

— Да, что такое?

— А можно ли... чтобы вы с Райсемом и Ориэлем тоже приняли причастие. — Он слабо закашлялся. — Я знаю, что никто не может отправиться со мной... в этот последний путь, но... хотя бы часть дороги вы сможете проделать со мной?

Тронутый до глубины души, ибо он не ожидал подобной просьбы, Джаван склонил голову над золотой чашей, давая время и другим и себе приготовиться к принятию Святых Даров, а затем должным образом дал всем причастие. Закрывая дароносицу, он почти ничего не видел сквозь слезы, а когда вернул сосуд на столик у кровати, Алрой наконец зашелся в приступе давно сдерживаемого кашля.

Король вновь повалился набок, и даже когда Ориэль сумел побороть приступ, дышал он с огромным трудом. Тряпица, которую он прижимал ко рту, была вся в крови, но когда юный король вновь выпрямился на постели, лицо его было бледным и сосредоточенным. Взгляд его скользнул сперва по Райсу-Майклу, остановился на Джаване, затем он посмотрел на Ориэля и накрыл его руку своей.

— Я... думаю, пришло время... для этой чаши... мастер Ориэль... — с трудом сумел он выдохнуть. — Воздух со всхлипами вырывался из легких. — Я... никогда не отличался... особой отвагой...

— Неправда... Я всегда считал, что вы очень смелый, мой принц, — прошептал Ориэль в ответ, вслепую потянувшись за чашкой, которую заплаканный Райс-Майкл подал ему в руки. Но вам нет нужды больше тревожиться о смелости. Вы славно сражались,

и ангелы Господни, конечно, уже ждут вас. Вы упокоитесь на груди Господа.

Недрогнувшей рукой он поднес чашу к губам короля, другой рукой удерживая Алроя за плечи и продолжая ментальными усилиями подавлять его кашель, чтобы король мог осушить сосуд до дна. Глядя на них, Джаван вздрогнул, едва лишь Ориэль упомянул ангелов. Что-то мелькнуло в глубинах памяти, и возник образ иной чаши...

И внезапно воспоминания хлынули потоком. Воспоминания давным-давно сокрытые в самых недрах его сознания. Это была память о той давней ночи, когда умер их отец. Тогда прямо перед его смертью тоже была приготовлена чаша в присутствии Существ столь невероятной мощи, что при одной мысли о них у Джавана подгибались колени. Под напором этих ошеломляющих воспоминаний принц содрогнулся, ему пришлось ухватиться за край постели, чтобы не упасть. Ориэль тем временем вновь уложил Алроя на подушки. Но теперь, когда эти картины прошлого вставали перед его внутренним взором, Джаван точно знал, что он должен сделать сейчас, прежде чем Алрой уйдет в небытие, дабы та сила, которая так и не проросла в нем, вольным цветом расцвела у Джавана, его наследника. Стиснув левую руку брата в своих ладонях, он поднес ее к своим губам и склонился над ней, на несколько мгновений закрыв глаза.

«Они призвали Архангелов, чтобы засвидетельствовать то, что сделал наш отец и чтобы проводить его сквозь Врата Смерти, — подумал Джаван, крутя на пальце кольцо Огня и чувствуя, как постепенно сознание покидает Алроя. — Они призвали их к не-

му, а я должен сделать то же самое для тебя, дорогой брат.»

Мысленно он вознес молитву тем Силам, что уже являлись сюда по призыву Дерини, покровительствовавших роду Халдейнов.

«Услышьте меня, о могучие Архангелы, — выдохнул он. — Мне неведомо, как следует призывать вас, но я прошу сейчас, во имя того, кто вскорости пересечет грань миров и окажется в вашей власти. Я призываю вас — Рафаил, владыка Воздуха, Михаил, владыка Огня, Гавриил, владыка Воды, и Уриил, темный владыка Земли... Придите, молю вас, и примите того, кто скоро покинет мир живых, дабы предать его в любящие объятия Всемогущего Господа.»

К вящему его изумлению эта молитва была услышана. Джаван не осмеливался ни открыть глаза, ни даже поднять голову, но перед мысленным взором его внезапно встали расплывчатые фигуры неких Существ, окруживших постель умирающего. Казалось, они были очень высокими, гораздо выше, чем потолок комнаты, и одеты в прозрачные длинные одеяния, словно сотканные из серого тумана и пламени, и бледнейшего аквамарина, и черной зелени зимних елей.

Изумленный, он приоткрыл глаза всего на щелочку. Измученный, хрипло дышащий Алрой вновь рухнул на подушки и постепенно лишался чувств под действием снадобья, что дал ему Ориэль. Теперь он больше не боролся с той жидкостью, что заполняла его легкие, и уже очень скоро должен был захлебнуться в ней. Ориэль стоял рядом на коленях, одной рукой по-прежнему касаясь плеча короля, чтобы контролировать происходящее, но глаза Дерини беспокойно шарили над кроватью, — возможно, он хо-

тя бы отчасти ощущал то, что сотворил сейчас Джаван. Райс-Майкл, весь дрожа, прижимался лбом к правой руке Алроя, но Джаван сомневался, что брат способен узреть что бы то ни было.

— И поручит он тебя своим ангелам, — прошептал Джаван вслух, не сводя взгляда с Алроя... затем он закрыл глаза и мысленно потянулся к угасающему разуму брата. — Господи, да будет воля Твоя. В руки Твои предаем мы эту душу...

Он чувствовал, как дыхание Алроя становится все более слабым и затрудненным, однако перед мысленным взором духовная сущность брата понемногу восставала из оков плоти и делалась сильнее, высвобождаясь из измученной болезнью оболочки. Дух принял сперва сидячее положение, и невидящим взором уставился куда-то поверх правого плеча Джавана. Мысленно тот также обернулся и увидел человека, которого не видел уже много лет, — и никогда не видел *таким*.

Так близко, что, казалось, он мог бы дотронуться до него рукой, Джаван узрел величественную фигуру их отца Синхила. С плеч до лодыжек ниспадала пышная мантия Халдейнов; голову, лишь слегка седую на висках, украшала королевская корона Гвиннеда с переплетенными дубовыми листьями и крестами. Он торжественно поклонился, когда взглядом на мгновение встретился с Джаваном, но затем все его внимание оказалось приковано к одному лишь Алрою, и на лице застыло выражение радости и скорби. Он протянул руки старшему сыну.

Больше всего Джавану сейчас хотелось бы заговорить с отцом, но он не осмелился. Безмолвно и беспомощно он взирал, как дух Алроя окончательно высвобождается от оков плоти и словно поднимает-

ся на ноги с ним рядом. Рука призрака на мгновение коснулась его плеча, а другая указала на ту руку мертвеца, которую сжимал в своих ладонях Джаван, и на кольцо на пальце.

Затем бесплотный дух Алроя двинулся навстречу отцу, и они слились в объятиях. В то же самое время у Джавана возникло ощущение, словно мощные крылья бьют воздух вокруг, сотрясая его душу до самых глубин, вздымая ее с такой силой, что Джаван едва удерживался на ногах, и лишь цепляясь за обмякшую руку брата ему удавалось удержать связь с миром смертных. Под самый конец ему также почудился серебристый перезвон колокольчиков. Они звенели сперва громко, а затем все тише, тише, пока не замолкли совсем. И когда он наконец открыл глаза, то уже не сомневался, что Алрой скончался. Потрясенный, он заставил себя оглядеться по сторонам. Ориэль, похоже, также что-то ощутил, ибо сейчас стоял на коленях, обняв голову руками, упираясь лбом в край постели, и раскачивался всем телом. Райс-Майкл без стеснения рыдал, стискивая руку брата в ладонях.

Но сейчас Джаван не мог уделить им внимания. Для этого пока еще не пришло время. У него оставался один последний долг перед Алроем. Незаметным движением, не позволяя себе даже задуматься над тем, что он делает, он снял кольцо Огня с пальца брата, на краткий миг поднес его к своим губам и почтительно поцеловал. Затем, мысленно обращаясь к тем Существам, которых призвал сюда, в надежде, что они все еще были здесь, он надел кольцо себе на палец. Несмотря на жару, холодок прошел у него по спине... но больше он ничего не почувствовал. Джаван изумился — неужели это все? Впрочем,

что такое это *все*, он сейчас и догадываться не мог, ибо, наверное, никто, кроме Дерини или истинного святого не смог бы похвастаться, что пережил нечто подобное тому, что он испытал сегодня. А если вспомнить о неожиданном появлении отца, то нечего и удивляться, что больше в памяти не всплыло никаких воспоминаний о том, что было сделано той далекой ночью. Впрочем, сейчас не было времени беспокоиться об этом.

Нет, первейшим делом сейчас следовало убедиться в том, что он, и никто иной, станет новым королем. А для этого прежде всего нужно было решить вопрос с архиепископом Хьюбертом. Позже придет час, и возможно, ему удастся восстановить давно утраченные связи с его наставниками Дерини, и те помогут ему наконец должным образом развить унаследованные от отца и брата способности к магии.

Он надел кольцо обратно на палец мертвому Алрою и с трудом поднялся на ноги. Пора было заняться спящим архиепископом, но внезапно на него накатила волна такой усталости, что он едва не лишился чувств. Ухватившись за край постели, он с трудом восстановил равновесие. Ориэль мгновенно встревожился.

— Сир, — выдохнул он, вскинув голову. — С вами все в порядке?

С трудом сглотнув, Джаван попытался сфокусировать взгляд на Целителе. Мгновенное головокружение прошло, но этот приступ слабости напомнил ему о том, насколько сильно он устал. Ведь он провел бессонную ночь, затем скакал из аббатства до самого Ремута, а все, что довелось пережить с тех пор, лишь усилило недомогание.

— Ничего, я в порядке, — прошептал он. — Просто слишком много всего свалилось, а я почти не спал...

— Возможно, я смогу помочь, — отозвался Ориэль.

Джаван покачал головой.

— Сейчас нет времени. Если я лягу спать, то просплю, наверное, целую вечность.

— Тогда позвольте мне принять хотя бы временные меры, — предложил Ориэль. — А позже я к вам вернусь и подарю час Целительского сна...

Потянувшись, он взял Джавана за руку, чтобы оценить его состояние.

— Да, вам, и вправду, нужно отдохнуть. Без этого вам не выдержать противостояния с Советом по престолонаследию.

Джаван мгновенно помрачнел. Ориэль был прав. Совет по престолонаследию следовало созвать как можно скорей. Можно оттянуть на пару часов, но уж никак не позднее полудня, а еще следовало отдать необходимые распоряжения насчет похорон Алроя.

— Говоришь, можно сделать что-то по-быстрому? — переспросил он.

Кивнув, Ориэль обошел кровать и опустил руки на голову нового короля, слегка прижимая большие пальцы к векам, а остальные пальцы — к вискам.

— Расслабьтесь и представьте себе, что это просто обычная работа с Целителем, то же самое, что вы делали с Тависом, — произнес Ориэль невозмутимо, тогда как Райс-Майкл изумленно посмотрел на них обоих заплаканными глазами. — Вы почувствуете словно волну тепла... возможно, пару секунд будет кружиться голова.

Глубоко вздохнув, а затем выдохнув, Джаван опустил свои защиты и отдался на волю Целителя. Энергия хлынула не просто волной, а настоящим потоком, так что у него даже подогнулись коленки, и Ориэлю пришлось подхватить его за руку, чтобы не позволить Джавану упасть. Но когда он вновь пришел в себя, то почувствовал себя словно заново родившимся.

— Это чары, изгоняющие усталость, — пробормотал Ориэль, отступая на шаг и пристально вглядываясь в своего пациента. — Срок их действия тем меньше, чем сильнее приходится восстанавливать больному силы, и это невозможно повторять до бесконечности. Кроме того, когда чары рассеются, то усталость нахлынет очень внезапно и вы почувствуете себя даже хуже, чем прежде, но к тому времени я уже смогу о вас позаботиться. По крайней мере, еще пару часов вы наверняка протянете.

Джаван кивнул. Теперь, по мере того, как заклятие начинало действовать, он чувствовал себя все более отдохнувшим.

— Спасибо, я постараюсь не забыть.

Без улыбки Ориэль пристально уставился на Хьюберта, все еще похрапывающего в уголке на табурете.

— Лучше постарайтесь, чтобы забыл *он*, или нам всем грозит смерть.

Джаван кивнул и также покосился на архиепископа, затем перевел взгляд на Ориэля.

— О Хьюберте я позабочусь, — произнес он негромко. — А ты сделай все, что нужно, для Райсема.

— Конечно.

Расправив плечи, Джаван подошел к спящему архиепископу.

Изменить его воспоминания будет несложно, точно также, как и для Райса-Майкла.

— Архиепископ, слушайте внимательно все, что я вам скажу, — произнес Джаван тихим уверенным голосом и положил руку на запястье Хьюберта. — Сейчас вы придете в себя. Король умирает. Вы дали ему последнее причастие, и он принял его с миром. Теперь он нуждается лишь в ваших молитвах, чтобы спокойно отойти в мир иной.

Хьюберт зашевелился, затем голубые глаза его распахнулись и он со вздохом поднялся с табурета. Джаван подвел его к постели короля, продолжая удерживать власть над его сознанием, затем отпустил руку Хьюберта и преклонил колени. Архиепископ встал с ним рядом, набожно сложив руки на груди, а Джаван ласково взял ладонь брата и поцеловал ее.

— Теперь я начну читать молитву, архиепископ, а вы подхватите и продолжите, — прошептал Джаван. — Помните только, что смерть короля была легкой и безболезненной, и он умер в мире.

Глубоко вздохнув, он начал:

— Придите на помощь ему, о святые Господа нашего, придите и примите его, ангелы Господни, примите душу его и отдайте Всевышнему...

Часто моргая, Хьюберт подхватил молитву, и голос его звучал даже более проникновенно, чем Джаван мог бы надеяться:

— И пусть Христос, призвавший тебя, теперь примет тебя, и пусть ангелы возведут тебя в лоно Авраамово.

— Да примут душу твою, — произнес Джаван положенный ответ, зная, что сие уже произошло, — и предадут ее Всевышнему.

— Господи, да обретет он вечный покой.

— И да воссияет над ним Свет Вечный, — отозвался Джаван, а вместе с ним и Райс-Майкл, и Ориэль.

— Из врат ада...

— Спаси душу его, Господи, — произнес Джаван уверенно.

— Да упокоится он в мире.

— Аминь.

— Помолимся же, — продолжил Хьюберт и склонил голову над сложенными руками. — Господи, препоручаем тебе душу слуги Твоего Алроя, и пусть, когда он оставит сей мир, он пребудет с Тобой. Милостью Твоей бесконечной любви смой те грехи, что совершил он по слабости человеческой при жизни. И да благословит его Христос, наш Господь...

— Аминь, — отозвались остальные.

Джаван, который не сомневался, что Господь уже принял душу Алроя, медленно поднялся на ноги, и под пристальным взглядом Хьюберта вновь снял кольцо с пальца мертвого брата и надел его рядом со своим серебряным перстнем. В этот момент, прежде чем он успел сказать или сделать что-либо еще, Райс-Майкл потянулся, взял его за руку и прошептал: «Мой государь», — а затем склонился и поцеловал ее. То же самое с поклоном, презрев всяческую осторожность, проделал и Ориэль.

Несколько мгновений Хьюберт изумленно взирал на них. Джаван понятия не имел, как поступит сейчас архиепископ, поскольку он больше не контролировал его разум, но неожиданно тот нагнул голову, так, что это можно было даже принять за поклон.

— Значит, вы приняли решение, — произнес архиепископ. Голубые глаза его смотрели прямо и холодно. — Вы предпочли земной венец короне небесной.

— Надеюсь, что рано или поздно я получу и то, и другое, — невозмутимо отозвался Джаван. — Но, по чести, я не мог презреть свой долг перед моим родом.

Ориэль, стараясь не привлекать к себе внимания, натянул простыню на лицо Алроя. Хьюберт с тяжким вздохом направился к дверям.

— Что ж, отлично, — обреченным голосом произнес он. — Пойдемте же со мной... государь, и я объявлю о вашем решении придворным, что собрались снаружи. И да сжалится над всеми нами Господь!

Глава 5

Ибо Ты производил мой суд и мою тяжбу[1]

Удушающая жара летнего утра вновь навалилась на Джавана, когда они с Райсом-Майклом двинулись вслед за Хьюбертом к дверям. Там, снаружи, ожидали придворные, с которыми теперь Джавану предстояло иметь дело. Ладони его взмокли, кровь билась в висках. Он заставил себя вздохнуть поглубже, когда Хьюберт распахнул двери.

Все разговоры мгновенно стихли. Народу в королевской приемной еще прибавилось. Теперь там ожидало не менее двух десятков человек, одетых в черное. Роберт Уоррис, архиепископ Ремутский присоединился к придворным вместе с коннетаблем Удаутом и еще несколькими королевскими советниками. Они отступили, когда Хьюберт вошел в комнату, не сводя глаз с двух принцев Халдейнов, одному из которых предстояло теперь стать их новым королем.

Джаван сцепил руки, в надежде, что никто не увидит у него на пальце кольцо Огня, и не заподозрит, что таким образом он пытается не выдать охва-

---

[1] Псалтирь 9:5

тившую его дрожь. Зато Карлан мгновенно увидел на нем Глаз Цыгана и уже готов немедленно был опуститься на колени, но Джаван, перехватив его взгляд, незаметно покачал головой, решив, что пусть лучше Хьюберт первым возвестит о случившемся.

— Милорды, — негромко объявил архиепископ, сложив руки на груди. — Прошу вас помолиться о душе нашего покойного владыки, короля Алроя. — Он тяжело перекрестился и добавил. — *Requiem aeternam dona ei, Domine.*

— *Et lux perpetua luceat ei,* — подавленно прошептали остальные, опускаясь на колени вместе с Джаваном и Райсом-Майклом.

— *Offerentes eam in conspectu Altissimi. Kyrie eleison.*

— *Christe eleison, Kyrie eleison.*

Хьюберт прочел затем «Отче наш» и еще одну молитву, прося даровать вечный покой и вечный свет душе покойного короля.

— *Requiescat in pace,* — завершил он. — Да упокоится он в мире, — на что все остальные отозвались:

— Аминь.

Придворные вновь поднялись на ноги, глядя на принцев, но затем внимание их привлек новый персонаж, появившийся в дверях. Темноволосый мужчина с ястребиным носом в одеждах винного цвета, с баронской короной на голове и золотой цепью сделал несколько шагов вперед, придерживая перевязь меча и пристально уставился на архиепископа.

— Не желает ли милорд архиепископ сделать заявление относительно престолонаследия? — спросил он напрямик.

Хьюберт неловко откашлялся и замялся.

— Что касается нашего покойного повелителя, его величества короля Алроя Беренда Бриона Халдейна...

Его желание... и желание его отца было таково, что если он умрет, не оставив наследника, то престол должен отойти его брату.

— Престол должен отойти его брату *Джавану*, — поправил барон и обернулся к графу Таммарону. — Не так ли, милорд канцлер? Или право первородства больше не действует в нашем королевстве?

— Эй, эй, послушайте, — вмешался Айвер Мак-Иннис. — Райс-Майкл должен стать нашим новым королем!

— Не припоминаю, чтобы просил вас высказать свое мнение, милорд, — отрезал барон, надвигаясь на Айвера. Рука его легла на меч. — Я задал вопрос милорду канцлеру, который должен знать все о законах этого королевства. Прошу вас, ответьте, милорд Таммарон, действуют ли еще законы первородства в Гвиннеде, или нет?

У Таммарона был такой вид, что сейчас он явно предпочел бы оказаться где угодно, только не на этом месте, и все же он сделал шаг вперед и прочистил горло.

— Да, верно... По праву первородства, конечно, наследником является принц Джаван. Однако, мне дали понять, что речь шла... о том, что он уступит престол младшему брату, ввиду того, что почувствовал призвание к монашеству...

С этими словами он посмотрел на Джавана с надеждой, почти с мольбой. Но новый король нарочито скрестил руки на груди так, чтобы продемонстрировать кольцо Огня, сверкавшее на пальце рядом с фамильным перстнем Халдейнов.

— Не знаю, откуда взялась эта странная мысль, милорд канцлер, — произнес он. — Его милость архиепископ, разумеется, подтвердит, что я согласился не-

надолго испробовать монашескую жизнь, однако принес лишь самые простые временные обеты. Впрочем, даже будь они постоянными, такие клятвы можно сложить с себя, как это было сделано для моего отца... Как бы то ни было, я вполне готов принять корону.

— А я готов поддержать его! — воскликнул Райс-Майкл, схватил Джавана за руку и упал перед ним на одно колено. — Король умер, да здравствует король Джаван!

— Да здравствует король Джаван! — поддержал его Карлан, а за ним и остальные молодые рыцари. Все они обнажили мечи и вскинули их в жесте приветствия, провозглашая раз за разом имя Джавана, словно бросая вызов любому, кто осмелился бы им прекословить. Барон, который первым поспешил Джавану на выручку, также преклонил колено с довольным видом. За ним последовали остальные сановники и волей-неволей пришлось подчиниться и советникам короля, пока наконец все присутствующие в комнате, если не считать Хьюберта, не оказались на коленях. Архиепископ также склонился поцеловать руку короля.

В последовавшем молчании Джаван нагнул голову перед архиепископом, затем помог брату подняться и подал знак остальным встать. На левой руке его сверкало кольцо Огня, и отблески камня напоминали ему о важности задуманной миссии, даже если не все присутствующие верили в то, что это у него получится. Когда все поднялись на ноги, он заметил, что многие придворные с сомнением переглядываются, и нарочито уверенным жестом заложил пальцы за перевязь меча, чтобы они по-прежнему

видели кольцо у него на пальцы... а заодно и не могли заметить, как дрожат его руки.

— Благодарю вас, милорды, — сказал он. — Учитывая, что сейчас очень жарко, и мы все пережили нелегкую ночь, я буду краток. — Он глубоко вздохнул, приободрившись, что никто не осмелился прервать его, хотя и знал, что одержал только первую, самую малую победу.

— Прежде всего, что касается тела покойного короля, моего брата. — Он постарался обдумать этот вопрос заранее, еще в тот момент, когда покинул аббатство *Arx Fidei*, заодно поинтересовавшись у Карлана и у нескольких других рыцарей, когда они останавливались сменить лошадей, что собирались предпринять советники по этому поводу.

— Я решил, что тело брата будет выставлено для прощания в базилике святой Хилари до похорон. Королевская часовня слишком мала, — добавил он, заметив, что кто-то пытается возразить. — Церковь святой Хилари достаточно величественна для подобной церемонии, и брат очень любил ее. Кроме того, поскольку эта базилика находится в стенах замка, она доступна равным образом и обитателям дворца, и добрым жителям Ремута, которым хотелось бы явиться туда и засвидетельствовать королю свое почтение. Я попрошу сэра Гэвина, его бывшего оруженосца, организовать почетный караул и препроводить туда тело к полудню. В это время там должны начать служить торжественный молебен.

Покосившись на архиепископов, принц увидел, что Хьюберт кивнул в ответ на эти слова. Но Джаван не слишком обольщался: их столкновение с Хьюбертом Мак-Иннисом еще не было закончено.

— После мессы я хочу, чтобы весь день сегодня и завтра там стоял почетный караул. Похороны должны состояться в полдень послезавтра.

— Так скоро? — пробормотал кто-то в глубине комнаты.

— Какой стыд! — произнес кто-то еще.

— С похоронами его отца ждали целую неделю, — раздался недовольный голос слева.

Джаван прикусил язык, чтобы не сорвались резкие слова, и вздохнул поглубже.

— Отец скончался в феврале, и нам тогда не было нужды принимать во внимание жару, — обернулся он к смутьянам. — Или вы все позабыли, какая стоит погода? Я лично не забыл...

— Однако его высочество вероятно упустил из виду, что послезавтра воскресенье, — невозмутимо возразил архиепископ Оррис. — Разумеется, если вы и вправду желаете, чтобы похороны состоялись в день Господень, против всяких обычаев...

Джаван почувствовал, как внутри у него что-то сжалось и холодок побежал по спине. Он допустил первую ошибку. Не слишком серьезную, но он прекрасно сознавал, что ее используют против него при первой же возможности, если он не исправит свою оплошность прямо сейчас.

— Благодарю вашу милость за это напоминание, — сказал он негромко, склонив голову, словно извиняясь. — Я не спал всю прошлую ночь и потерял счет времени. Пусть тогда будет понедельник. Особые распоряжения по поводу похорон мы уточним завтра. Буду признателен вам за помощь, милорд архиепископ.

Оррис был слишком хорошо воспитан, чтобы торжествовать в открытую, в отличие от многих дру-

гих, находившихся в комнате. Джаван постарался не обращать на них внимания. У него было слишком много забот впереди.

— Следующее, что нам предстоит решить, это вопрос о непрерывности правления, — сказал он. — Посему я желаю, чтобы Совет о престолонаследии собрался немедленно после мессы. Граф Таммарон, как канцлер, будьте столь любезны, созовите всех советников покойного короля. Я сам извещу всех остальных, кого мне хотелось бы видеть на заседании.

Таммарон кивнул, однако вид у него был встревоженный.

— Благодарю вас, — Джаван вздохнул с облегчением и решил наконец, что пора совершить тактическое отступление. — А теперь соблаговолите извинить меня, милорды, мне нужно принять ванну и немного передохнуть. Я проделал долгий путь и совсем не спал прошлой ночью, чтобы поспеть к смертному одру брата. Я вернусь сюда до полудня, чтобы препроводить тело в базилику. Если же я понадоблюсь вам до того, вы можете найти меня в моих покоях или в апартаментах моего брата Райса-Майкла.

С этими словами без лишних церемоний он направился к дверям. Карлан и Райс-Майкл последовали за ними. Присутствующие расступились. Большинство, хотя бы внешне, оказывали принцу все подобающие знаки уважения, однако некоторые застыли, словно обратившись в камень.

Тот барон, что первым выступил в его поддержку, поклонился и отступил на пару шагов, встретившись глазами с принцем. Джаван не помнил, чтобы они встречались ранее при дворе. Мужчине на вид казалось хорошо за сорок, он был чисто выбрит; чер-

ные как вороново крыло волосы изрядно тронуты сединой. Сильный человек, в самом расцвете лет...

Впереди по коридору навстречу королю и его свите показался лорд Удаут, коннетабль. Он коротко поклонился Джавану, поравнявшись с ним.

— Сир, я не задержу вас надолго, — произнес он вполголоса. Всегда невозмутимый, способный выкрутиться из самой сложной ситуации, Удаут был коннетаблем Гвиннеда еще со времен отца Джавана, хотя многие другие сановники короны успели смениться за это время. В качестве коннетабля он отвечал также за безопасность короля и его свиты, а значит заручиться его поддержкой было особенно необходимо, поскольку жизнь Джавана зависела от него значительно в большей степени, чем даже от преданности дюжины молодых рыцарей, что сопровождали его сейчас.

— Лорд Удаут, — осторожно приветствовал его Джаван. — Что вы хотели мне сказать?

— Только лишь то, что я не имел никакого отношения к тому, что творилось здесь, — отозвался Удаут, жестом показав на апартаменты покойного короля. — Вы мой господин и повелитель по праву. Как ваш коннетабль, я намерен всячески обеспечивать безопасность вашу и этого замка против всех, кто осмелится вам противостоять.

Вздохнув с облегчением, Джаван подал Удауту руку.

— Благодарю вас, милорд, ваша верность значит для меня больше, чем вы можете себе представить.

— Мой господин, — Удаут склонился поцеловать руку королю. Затем с поклоном он положил руку на рукоять меча и посторонился, давая пройти Джавану и его свите, а сам направился в зал собраний.

Пока Джаван разговаривал с коннетаблем, Карлан отошел на пару шагов с сэром Гэвином и передал ему приказ нового короля относительно почетного караула. Джаван в сопровождении Райса-Майкла двинулся дальше по коридору, отвечая на приветствия рыцарей, которые встречались ему по пути, и, заметив Бертранда де Вилля, взглядом велел ему следовать за ними. Еще двое рыцарей сопровождали их, незаметно, но вполне действенно отсекая Джавана и Райса-Майкла от прочих придворных, кто желал бы сейчас переговорить с королем и его братом.

— Отлично, значит, Удаут с нами, — вполголоса заметил Джаван Бертранду, с трудом подавляя желание обернуться через плечо. — Но скажи мне, кто был тот барон, кто первым подал голос в мою защиту?

— Этьен де Курси, сир, — торопливо отозвался Бертранд, — его земли на юге, рядом с Мурином.

— Де Курси, — повторил Джаван. Это имя вызывало какие-то воспоминания, но он не мог точно вспомнить, какие. — А что у него за должность при дворе?

— По-моему, сир, он состоит при канцлере. Законник, мне кажется. Я знаком только с его сыном, — Бертранд немного помолчал. — Хотите, чтобы я привел его к вам?

— Нет, не сейчас. Мне, правда, нужно отдохнуть.

Судя по всему, Карлан уже заканчивал свой разговор с Гэвином и готов был двинуться дальше, а Райс-Майкл уже достиг конца коридора.

— Однако ты кое-что можешь сделать для меня, — с этими словами Джаван приготовился использовать свои способности, чтобы определить, правду ли отве-

тит ему молодой человек. — Но я желал бы, чтобы ты сохранил это в тайне.

Бертран с готовностью кивнул.

— Можете положиться на меня, сир.

— Да, благодарю тебя. Я просил мастера Ориэля, чтобы он пришел ко мне, как только сможет освободиться, скорее всего, где-то через час. Но мне бы не хотелось, чтобы об этом прознал Хьюберт и остальные. И все же мне нужно увидеться с ним. Он обещал помочь мне... с ногой. — Это была ложь, но вполне правдоподобная. — Боюсь, я немного перетрудил ее во время поездки.

Бертранд бросил взгляд на покалеченную ногу, стиснутую в особом сапоге.

— Мне жаль слышать это, сир. Я приведу его, как только смогу.

Джаван кивнул и повернулся к Карлану. Тот как раз подозвал к себе еще нескольких рыцарей из эскорта. Вместе с Джаваном они двинулись по коридору, ведущему в королевские апартаменты.

Их разговор не остался незамеченным. Когда король со свитой исчезли за поворотом коридора, а юный Бертранд начал проталкиваться обратно в покои Алроя, еще один человек постарался оказаться к нему поближе.

Теперь дверь в спальню покойного короля была широко открыта, и Этьен де Курси видел, что внутри королевские лекари о чем-то спорят с графом Манфредом и двумя архиепископами. Бертранда очень заинтересовало происходящее. Когда Этьен тронул его за локоть, он опасливо покосился на барона, но, узнав человека, который вступился за права нового короля, мгновенно успокоился.

— Какие-то неприятности? — шепотом спросил Этьен, так, чтобы только Бертранд мог услышать его.

Молодой рыцарь нарочито посмотрел в сторону, словно что-то в другом конце комнаты заинтересовало его, однако отозвался с готовностью:

— Не совсем. Просто король попросил, чтобы я кое-что сделал для него, и желательно втайне.

— А, понятно, — ответил Этьен, но не уточнил, что видел куда больше, чем мог бы предположить Бертранд. — Ладно, пойду посмотрю, не прибыл ли Гискард. Я уверен, что он захочет отстоять свою очередь в почетном карауле. Да и я тоже.

— Да, полагаю, каждый из нас постарается войти в список, — согласился Бертранд, — поговорите об этом с сэром Гэвином перед уходом.

— Непременно, — подтвердил Этьен.

Сделав это, Этьен де Курси протолкался сквозь строй придворных, все еще толпившихся за порогом королевской опочивальни, и прошел в парадный зал замка. Гискард был уже там; и, судя по всему, весть о смерти короля разнеслась по всему городу. Как раз в этот момент начали звонить колокола на церкви святой Хилари, — по одному удару за каждый год, прожитый королем. Эти звуки навели барона на печальные размышления, да и не его одного... Женщины вокруг всхлипывали, мужчины сурово хмурились. Когда прекратился перезвон, начали звонить гулкие колокола в соборе святого Георгия.

Сэр Гискард де Курси дожидался в одном из широких оконных проемов, стараясь поймать там хоть дуновение свежего воздуха. Оба мужчины были похожи внешне, с темными волосами, горбоносые, что

не оставляло никаких сомнений в их близком родстве.

На младшем сейчас были запыленные кожаные штаны для верховой езды, белая рубаха распахнута на горле. Меч и кинжал в потертых ножнах без всяких украшений выдавали в нем опытного бойца, но судя по запачканным чернилами пальцам правой руки, он также был человеком ученым. Неприметно оглянувшись по сторонам, он увлек отца поглубже в оконную нишу, и оба сделали вид, что разглядывают раскинувшийся внизу сад.

— Стало быть, все кончено, — первым прервал молчание Гискард.

Старший де Курси устало кивнул.

— Да, колокола подтвердили это, даже если у кого-то оставались сомнения. Все свершилось полчаса назад.

Со вздохом Гискард окинул критическим взглядом свои перепачканные пылью сапоги.

— Значит, слухи донеслись до нас почти сразу же. Были какие-то проблемы с престолонаследием?

Этьен чуть заметно улыбнулся.

— Я ожидал худшего. Но он прибыл вовремя, и это сыграло нам на руку... Мы и надеяться не могли на такую удачу, пока Райс-Майкл не послал за ним вчера ночью. Но посмотрим, окажется ли он на высоте. Первое испытание случится сегодня после полудня. Он потребовал, чтобы в церкви святой Хилари отслужили заупокойную мессу. Алрой будет лежать там еще три дня. А к вечеру ближе соберется Совет по престолонаследию. Так что едва ли ты успеешь пообщаться с кем нужно и вернуться к этому времени.

— Да, ничего не выйдет, — Гискард покачал головой. — Придется ехать позже вечером. А почему в церкви святой Хилари?

— Так пожелал Джаван. Подсказать ему другое решение не было возможности. Всю ночь там будет стоять почетный караул. Хотя бы это даст нам повод оказаться на месте. Я записал нас обоих на ночное бдение. Однако на Совете ему придется выступать без всякой поддержки.

— А он справится? — вполголоса спросил Гискард, искоса глядя на отца.

— Хороший вопрос, — отозвался Этьен. — Если справится, значит, он стоит того, чтобы за него побороться. Если же нет, то к ночи этот вопрос станет чисто риторическим...

* * *

Из спальни покойного короля архиепископы Оррис и Хьюберт прошли в сад, оставив умершего на попечение слуг.

— Что же произошло, — спросил Оррис, когда оба служителя Церкви остановились в тени под раскидистым деревом. — Почему он передумал?

Хьюберт покачал головой.

— Вероятно, помогло религиозное воспитание Джавана. Он убедил Алроя все же принять последнее причастие.

— Так он успел исповедаться?

Хьюберт пожал плечами.

— Он причастился ночью и попросил только лишь *Viaticum*.

— *Viaticum*... пищу в дорогу, — Оррис печально улыбнулся и покачал головой. — Бедный мальчик,

отец его умер точно так же, как мне говорили, но он был так молод. Вы полагаете... он ушел с миром?

Хьюберт попытался припомнить, когда же именно умер король, но никак не мог вызвать этот миг в своем сознании. Скорее всего, это случилось, когда они читали отходную молитву... Да, верно, так что кончина была мирной. Да, и ведь Целитель был там, он снял бы любую боль.

— По-моему, он... просто заснул, — отозвался он медленно. — Ему давали лекарства, так что он так и не пришел в себя перед смертью. Кто-то из лекарей вчера сказал мне, что он словно просто захлебнется... — Архиепископ покачал головой. — Судя по всему, он не слишком страдал.

Оррис взглянул на него с удивлением, но ничего не сказал.

— А вот Джаван меня поразил, — продолжил Хьюберт. — Я и правду был уверен, что его призвание истинно... Или по крайней мере, что он смирился.

Оррис хмыкнул.

— Ну, стало быть, мы ошибались. Но почему, во имя всего святого, де Курси так встал на его защиту? Я думал, он предан Таммарону.

— Похоже, он предан королю, — возразил Хьюберт. — Буду очень удивлен, если он не придет на Совет по престолонаследию. И если он туда заявится, и там будут еще многие из тех, кто поддерживает его, то лучше даже не пытаться нарушить порядок наследования.

— Тогда Джаван займет престол, — сказал Оррис. — И мы ничего не сможем с этим поделать.

— Это лишь временное отступление, — заверил его Хьюберт. — Дадим ему шанс, раз уж у нас нет другого выхода. Но если он будет создавать нам

проблемы, предоставим ему возможность самому свить себе веревку...

Оррис вскинул голову.

— Вы же не собираетесь убить его?! Он все-таки станет королем, помазанником Божьим!..

— Дражайший мой Роберт, — на лице Хьюберта было выражение оскорбленного достоинства. — Я же не цареубийца. Мальчик всегда был мне как родной сын.

— Хорошо, так что мы тогда будем делать, если он откажется подчиниться?

— Подождем, увидим, — отозвался Хьюберт. — Имеется немало способов добиться покорности от короля.

Глава 6

И отделит от себя врагов своих, и привлечет друзей [1]

Тем временем в покоях Райса-Майкла новый король разделся и с наслаждением окунулся в глубокую деревянную ванну, которую слуги поспешили наполнить водой. Ванна освежила его, а относительное одиночество было истинным наслаждением, однако Джаван сознавал, что не сможет продлевать это удовольствие до бесконечности. У него накопилось слишком много дел, нужно было встретиться с нужными людьми, и кроме того он просто опасался, что от усталости может заснуть и захлебнуться.

От этой опасности его уберегло возвращение Карлана. Тот растер его полотенцем, что еще больше помогло взбодриться, и теперь, смыв с себя пот и грязь путешествия, Джаван почувствовал себя словно заново родившимся. Вытирая своему господину голову, Карлан обратил внимание на выбритую тонзуру.

— Повезло еще, что у *Custodes* не бреют наголо, как в некоторых других орденах, — заметил оруженосец, глядя на выбритый круг размером с ладонь на

---

[1] Мудрость Иисуса 6:13

затылке у Джавана. — Но выглядеть будет скверно, пока волосы не отрастут. Когда это делали в последний раз, неделю назад?

— Вроде того, — отозвался Джаван. — Ненавижу ее.

Он с трудом выбрался из ванны, избегая ступать на больную ногу, затем завернулся в полотенце. Какое-то время ощущение прохлады еще сохранялось, но затем жара вновь взяла свое. Карлан тем временем принес чистую одежду.

Джаван был бы рад растянуться обнаженным на постели под балдахином и проспать целую неделю, но вместо того пришлось натянуть чистые штаны, тунику и пройти в гостиную. Там он сел у окна, в относительной прохладе. Легкий ветерок холодил кожу. Райс-Майкл продолжал развлекать его болтовней.

Вскоре появился Томейс, с первыми из обещанных документов, которые необходимо было прочесть. Затем Томейс с Карланом исчезли на несколько минут, а вернувшись, привели за собой молодых рыцарей из тех, кто сопровождал Джавана этой ночью. Среди прочих, там был и сэр Сорль Далриада, последний из оруженосцев Синхила, которых тот произвел в рыцари собственноручно. Он был на несколько лет старше, чем Карлан с Томейсом.

— Приветствую вас, сэр Сорль. — Джаван улыбнулся, когда темноволосый молодой рыцарь склонился перед ним в изящном поклоне. — Полагаю, вы тоже приложили к этому руку? — Он указал на бумаги, которые держал перед собой. — Помнится, вы увлекались юриспруденцией, еще когда были нашим наставником.

Сорль с улыбкой подтянул себе табурет и сел рядом с Джаваном, остальные двое рыцарей последова-

ли его примеру. К ним присоединился и Райс-Майкл, облаченный в просторную тунику из тонкого белого полотна.

— Увы, мои заслуги здесь не так велики, — отозвался Сорол. — Над этим поработали еще многие люди. Некоторых из них вы, наверное, даже не помните, но они хорошо помнят вас. К примеру, лорд Джеровен Рейнольдс и оба де Курси, отец и сын. Это барон де Курси подал голос в вашу защиту, когда старина Хьюберт вздумал играть в свои игры по поводу престолонаследия.

— А, я еще спрашивал Бертранда, кто он такой, — отозвался Джаван. — Имя его мне кажется знакомым, но в лицо я его не признал. Мы встречались прежде?

— Да, но с тех пор он сбрил бороду и усы, — пояснил Карлан. — Кроме того, и встреча ваша прошла при не слишком благоприятных обстоятельствах. Если помните, это он подарил вам с Алроем этот великолепный набор для игры в кардунет на день вашего тринадцатилетия, хотя боюсь, вам так и не довелось в него поиграть.

Джаван на несколько мгновений закрыл глаза, стараясь отогнать неприятные воспоминания о том дне. Набор для игры он помнил отчетливо: великолепная доска из эбенового и оливкового дерева, инкрустированная полудрагоценными камнями и слоновой костью... И фигурки тоже были великолепны, — в коронах королей и митрах архиепископах красовались настоящие самоцветы.

Но еще лучше он помнил, как закончился этот день, хотя и желал бы навсегда изгнать воспоминание из своей памяти. Именно тогда регенты напали на герцога Эвана Клейборнского, а Дерини Деклан

Кармоди сломался под невыносимым напряжением и поплатился за это своей жизнью и жизнями жены и двух маленьких сыновей.

— Помню, — произнес он негромко. — Ты прав, у него точно была тогда борода, он ведь из южных баронов, верно?

— Да, из Мурина, как и моя семья, — подсказал Карлан. — И отлично разбирается в законах, не хуже лорда Джеровена. Они оба уже несколько лет были помощниками канцлера. Вы правильно сделаете, если оставите их на службе. И этих двух красавцев тоже. Сэр Джейсон, сэр Робер...

Не успел он произнести эти два имени, как на пороге появились двое плечистых мужчин в одежде придворных стражников, один высокий и светловолосый, другой чуть пониже и с темными волосами. Оба носили бороды и уже начинали седеть. С широкой улыбкой они поклонились королю. Тот, что повыше, сэр Робер, держал в руках сложенную черную ткань.

— Я принес вам одежду полегче, сир, — сказал он, опускаясь на одно колено перед Джаваном. — Это жена сшила специально для вас, как только стало ясно, что скоро понадобится траурное одеяние. Вам и без того предстоит тяжелый день, ни к чему задыхаться в этой старой тунике, которая на вас была сегодня. К тому же не думаю, что вам хочется и дальше походить на семинариста.

— Совершенно верно, благодарю вас, Робер. — Джаван был тронут тактичностью стражника, и слова его подбодрили короля, хотя ему очень не хотелось вновь облачаться в черное.

Короткая туника с просторными рукавами была сшита из тончайшего полотна. Наверное, ничего луч-

шего он и не смог бы найти, и все же она была черного цвета.

— Я тоже кое-что принес вам, сир, — произнес второй рыцарь и также опустился на колено. Он принялся рыться в кошеле на поясе, украшенном его гербом и расшитом яркими нитями.

Джаван внезапно заметил, что у Робера был точно такой же кошель и вспомнил, что это они с Райсом-Майклом давным-давно подарили их обоим рыцарям. А кроме них — еще двоим, которых сегодня уже не было в живых. Пьедор погиб несколько лет назад во время приграничной стычки в Корунде, а Дэвин, брат Анселя Мак-Рори, отдал жизнь за короля в подстроенной врагами засаде...

Это воспоминание повлекло за собой и другие, еще менее приятные, ибо именно в тот день Тавис О'Нилл потерял руку. Однако в тот же самый день Джаван впервые осознал, что не похож на остальных людей, и сверхъестественная сила впервые пробудилась в нем.

Но он поспешил отогнал эти мысли, когда Джейсон достал наконец из своего кошеля свернутую полоску снежно-белой кожи, шириной в три пальца.

— Я вижу, ваше высочество, вспомнили свой подарок, — негромко произнес рыцарь и встряхнул белый кожаный пояс. Джаван увидел, что на конце его пришито простое золотое кольцо. — К сожалению, это не из той кожи, что ваше высочество купили в тот день, но я помню, как вам этого хотелось, и как вы сказали мастеру Тавису... Хотя вы, наверное, даже не знали, что я слышал ваш разговор... Вы сказали ему, что сомневаетесь, что когда-нибудь сможете носить белый пояс, если только не станете королем.

Мозолистыми пальцами рыцарь удивительно бережно погладил мягкую кожу. Взгляд его темных глаз уперся в Джавана.

— Но ныне я хочу сказать вам, сир, что вы заслужили этот пояс, даже до того как этим скорбным утром сделались королем. Вы заслужили его благодаря своей отваге и тому достоинству, с каким прожили эти долгие трудные годы, после того как умер ваш отец. Я также хочу сказать, что мы готовы, — все присутствующие здесь, а также и от лица тех, кого нет сейчас с нами, — мы готовы предложить вам посвящение в рыцари. Примите же его здесь и сейчас, ибо вы этого достойны.

Потрясенный, Джаван уставился на Джейсона, не в силах поверить в ту честь, которую готов оказать ему этот почтенный рыцарь. Рыцарство было его детской мечтой, от которой он отказался давным-давно ради выживания. Уже многие годы он не позволял себе даже вспоминать о белом поясе, уверенный, что никогда не получит его. А теперь все изменилось, и Джейсон сам предложил ему посвящение...

С трудом сдерживая дрожь, Джаван передал в руки улыбающемуся Карлану черную тунику и кипу бумаг. Несколько бесконечно долгих мгновений он безмолвно взирал на полоску белой кожи в руках Джейсона, а затем скрестил руки на коленях, чтобы не коснуться ее прежде времени.

— Сэр Джейсон, я... потрясен той честью, что вы готовы мне оказать, но не забывайте, что я все же калека... — Не удержавшись, он скосил глаза на свою больную ногу, и заморгал, чтобы скрыть слезы.

— Простите меня, господа, но вы не должны снижать свои требования ради меня, только чтобы доказать свою преданность, которая не нуждается в дока-

зательствах. Я благодарен вам так, что это нельзя выразить словами, за вашу поддержку и за то, какой опасности вы подвергаетесь, став на мою сторону, но вы не обязаны этого делать.

Однако, к вящему его изумлению, остальные рыцари лишь улыбнулись в ответ и опустились на колени, выжидающе взирая на Джейсона. Тот вздохнул и потянулся вперед, опираясь рукой о колено. Райс-Майкл отступил к окну, ибо сейчас он не был одним из них, и все же слезы радости блестели в его глазах, ибо он стал свидетелем события величайшей важности.

— Сир, — торжественно произнес Джейсон. — Думаю, я по-прежнему говорю от лица всех моих братьев-рыцарей, и заявляю вам, что никто из нас не сделает и шага из этой комнаты, и не шевельнет даже пальцем в вашу защиту, пока вы не согласитесь принять акколаду.

— Господа, боюсь, это только осложнит мое положение, — прошептал Джаван. — Когда я появлюсь перед советниками в таком виде, — он показал на пояс, — это лишь подстегнет тех из них, кто предпочтет видеть на троне моего брата, а не меня.

— Вам ни к чему пока надевать этот белый пояс на людях, — возразил Робер. — Для нас будет достаточно, если вы примете посвящение в тайне. Позднее, когда позволят обстоятельства, мы повторим церемонию со всей пышностью, ибо вы, как король, этого заслуживаете, и подданные ваши будут ожидать этого. Тогда вы сможете носить этот пояс напоказ, но не он сделает вас рыцарем. — Он кивнул Джейсону, который по-прежнему держал пояс в руках. — Пока что довольно и того, что *мы* будем знать, что король — один из нас... что мы принима-

ем его как равного и готовы следовать за ним в любую битву.

Не в силах сдержать дрожь возбуждения, Джаван окинул взглядом пять обращенных к нему лиц, трое совсем юных и два более старших. Такая вера в него пугала и вызывала благоговение. Наконец он вновь уперся взором в Джейсона.

— Что ж, отлично, — прошептал он.

Улыбаясь, Джейсон перекинул белый пояс через плечо и поднялся. Остальные также встали на ноги.

— Тогда преклоните колени, сир. Думаю, мы и без того потеряли довольно времени.

— Может, мне хотя бы накинуть тунику, — спросил Джаван, ибо сейчас он стоял перед ними в одних только черных чулках-шоссах.

Джейсон покачал головой и положил руки на плечи Джавану, силой заставляя опуститься на колени.

— Нет времени, парень. К тому же сейчас слишком жарко. Пусть это будет единственный раз, когда ты почувствуешь поцелуй стали на голой коже. И запомни как следует сей миг.

Стоя на коленях и не сводя взгляда с Джейсона, Джаван подумал, что едва ли когда-нибудь сумеет забыть. Молитвенно сложив ладони, он увидел, что остальные рыцари по двое встали рядом с Джейсоном. Тот обнажил меч и плашмя держал его перед стоявшим на коленях королем.

— Пусть этот клинок заменит меч вашего отца, которым сам он посвятил меня в рыцари двадцать лет назад, — произнес он негромко. — Поклянись же на нем, что будешь добрым и верным рыцарем, истинным королем своему народу.

Касаясь ладонями клинка поверх рук Джейсона, Джаван прошептал:

— Клянусь, и да поможет мне Бог.

После чего он прикоснулся губами к обнаженной стали. Затем Джейсон вскинул меч, поцеловал крестовину и приготовился исполнить акколаду. Джаван вновь сложил руки и склонил голову.

— Джаван Джешен Уриен Халдейн, — произнес торжественно Джейсон в то время как остальные рыцари возложили правую руку на рукоять меча. — Нарекаю тебя рыцарем во имя Отца... — клинок коснулся правового плеча Джавана, обжигая холодной сталью разгоряченную плоть, — ...и Сына... — клинок через голову Джавана переместился на левое плечо, — ...и Святого Духа.

Лезвие переместилось в третий раз, плашмя касаясь склоненной головы, леденя выбритую тонзуру, которую он проклинал всей душой, хотя и не отрекался от своего истинного Господа, которому служил все эти годы в семинарии. Там он был рыцарем Господним, — однако ненависть его была обращена не на Бога, а на людей, которые пытались его силой заставить его повиноваться и принять служение, склонности к коему он не чувствовал, дабы лишить его законного права на наследный трон

Рыцарь поднял меч. С глазами, полными слез, Джаван поднялся, не сводя взора с Джейсона и других четверых воинов, — те по-прежнему касались рукояти меча, которым его посвятили в рыцари. И когда Джейсон вложил клинок в ножны, Джавану пришлось откашляться, прежде чем он сумел прошептать: «Аминь».

— Поднимитесь же, сэр Джаван Халдейн, — провозгласил Джейсон, подавая ему правую руку. — По-

лагаю, сэр Карлан должен застегнуть на нем пояс, поскольку он младший из нас.

Карлан улыбнулся, но не принял полоску белой кожи из рук Джейсона.

— Нет, сэр Джейсон, это ваш долг, — возразил он. — Не только вы старший среди нас, но вы сами сделали этот пояс, и именно вы помогли принцу выбрать кожу для того первого пояса, который он так и не получил.

Робер кивнул.

— Он прав, Джейсон. Сделай это сам.

Со вздохом, но не скрывая удовольствия, Джейсон обвел остальных глазами, ожидая подтверждения, затем обернул поясом узкую талию Джавана и просунул его конец в кольцо, затем затянул и как следует закрепил петлю. Расправив пояс, он опустился на колени и сжал правую руку Джавана, с почтением касаясь ее губами. Затем сложил перед собой ладони в освященном веками жесте вассальной присяги.

— Мой король и повелитель, — произнес он. — Я ваш слуга, распоряжайтесь моей жизнью и телом. Верой и правдой буду я служить вам в жизни и смерти против всех опасностей, и да поможет мне Бог.

При этих словах Джейсона остальные рыцари также опустились на колени, готовые принести присягу. Дрожащими руками Джаван обнял Джейсона. Он был так взволнован, что не мог вспомнить точных слов, которыми надлежало ответить на принесенную клятву, но точно знал, что именно они все хотели от него услышать.

— Я принимаю твой обет, и клянусь также быть верным тебе, — начал он. — И покуда хватит сил, обе-

щаю быть добрым господином всем вам, защищать вас всем сердцем и всеми силами и всей своей мощью, и да поможет мне Бог.

Джейсон склонил голову перед своим господином, и Джаван уже повернулся к Роберу, чтобы принести ему ту же клятву, как внезапно стук в дверь нарушил торжественность этой минуты.

В тот же миг Джейсон вскочил на ноги и подошел к дверям, давая им знак поскорее закончить церемонию. Не тратя понапрасну времени, но и не слишком торопливо, Джаван повторил свою клятву верности Роберу и троим остальным рыцарям. Затем, поднеся палец к губам, вновь отвернулся и сел на стул. Из другой комнаты тем временем донеслись голоса. Карлан подошел к королю и наклонился, чтобы снять белый пояс. Он поспешил свернуть его, как раз когда вернулись Джейсон с Бертрандом, а вместе с ними появился и Целитель Ориэль.

— Кажется, вы хотели видеть мастера Ориэля, — произнес Джейсон. — Нога беспокоила вас после сегодняшней скачки. Бертранд привел его по вашему требованию.

Джаван глубоко вздохнул. Посвящение в рыцари эмоционально вымотало его, он чувствовал себя опустошенным... Или может быть, просто кончилось действие заклятия Ориэля, с помощью которого тот изгнал усталость. Эти рыцари одарили его своим доверием. Возможно, теперь, пришло время и ему довериться им.

— Да, я звал мастера Ориэля, — произнес он негромко, сдерживая зевок. — Он был моим Целителем после того, как Тавис О'Нилл покинул двор. И он многим рисковал ради меня, сообщая новости о здоровье брата, пока я был в семинарии. Если бы не

его отвага и помощь прошлой ночью, не думаю, что Райс-Майкл сумел бы вызвать меня сюда против воли советников.

Райс-Майкл торопливо кивнул, но рыцари удивленно переглянулись между собой, встревожено поглядывая на больную ногу Джавана.

— Простите нас, сир, — наконец подал голос Робер. — Мы все знаем, что нога причиняет вам беспокойство, но не подозревали, насколько это серьезно. По-моему, никто даже не предполагал, что вы нуждаетесь в помощи Целителя.

— Боюсь, я ввел вас в заблуждение, — отозвался Джаван, — и за это прошу прощения. Я призвал его вовсе не из-за ноги. Конечно, сегодняшняя скачка далась мне нелегко, ведь я уже давно не садился в седло, но на самом деле мне просто нужно как следует выспаться, прежде чем я предстану перед советом. В монастыре не слишком-то дают поспать, а вы сами знаете, как тяжело нам далась прошлая ночь. Один час Целительского сна лучше, чем несколько часов сна обычного. Я доверяю ему и знаю, что он сделает лишь то, о чем я его попрошу. Доверитесь ли ему и вы?

Сорль с подозрением взглянул на Дерини.

— Но разве он не верный слуга советников, сир? — спросил он. — Граф Таммарон и архиепископ Хьюберт нередко пользовались его услугами...

— Ориэль, ответь ему, — приказал Джаван.

Ориэль неуверенно поднял глаза на Сорля. В этот миг он казался очень юным и беззащитным.

— Я вынужден служить этим людям, милорд, — прошептал он. — Ибо они взяли в заложники мою жену и дочь, и я видел, как дорого заплатили другие Дерини, не пожелавшие подчиниться воле советни-

ков. Когда они еще были регентами, я был свидетелем, как они приказали убить семью Деклана Кармоди прямо у него на глазах. Некоторые из вас тоже видели это... и то, как регенты под пытками отняли жизнь у самого Деклана. Точно так же они поступят со мной и с моими близкими, если я осмелюсь бросить им вызов.

— И все же мастер Ориэль по доброй воле помогал мне, — произнес Джаван. — Я верю ему, независимо от того, Дерини он или нет. Но в ответ я обещал, что не стану принуждать его открыто делать выбор между мной и теми, кто держит его семью в заложниках. Он очень рисковал, когда согласился прийти сюда, ведь сановники знают, что со мною сейчас те, кто безоговорочно встал на мою сторону. По счастью, скорее всего, ныне они сами держат совет и, надеюсь, не заметят его отсутствия. И все же я не должен задерживать его слишком надолго. А я нуждаюсь в его помощи.

Он зевнул и в этот раз не сумел подавить зевок, бросил взгляд на Ориэля и поднялся на ноги.

— Вам придется простить меня, господа. Робер, сумеете ли вы отдать все необходимые распоряжения на ближайший час или около того?

— Самое главное — это решить, кого нам пригласить на совет, — отозвался Робер. — Еще нужно принять кое-какие решения относительно мер безопасности. Полагаю, советникам сильно не понравилось то, что вы сделали сегодня утром. Когда они слегка придут в себя, то наверняка надумают принять что-то в ответ.

Джаван медленно направился к опочивальне, стараясь идти как можно более ровно, чтобы не выказать хромоты. Один лишь вид огромной расстелен-

ной постели напомнил ему, насколько же сильно он устал.

— Я доверюсь вашему здравому суждению, Робер. Позовите всех тех, кто, по вашему мнению, сослужит мне лучшую службу. И сделайте все необходимое для безопасности в замке против любых распрей и беспорядков, которые могут подстроить наши бывшие регенты. — Он покачал головой и зевнул. — Прошу прощения. Карлан, разбуди меня, когда придет время одеваться и идти вниз. И, пожалуйста, можете оставаться здесь, в этих комнатах. Уверяю вас, вы никак не побеспокоите меня.

Карлан вывел всех рыцарей из опочивальни, подвел их поближе к оконной нише, а Джаван откинулся со вздохом на подушки и подвинулся, чтобы Ориэль мог сесть рядом с ним на постели.

— Спасибо тебе, что пришел, и за те слова, что произнес там, при всех, — прошептал он. — Ты сказал им ровно столько, сколько и должен был сказать.

Ориэль натянуто улыбнулся.

— Вы не оставили мне особого выбора, не правда ли?

Джаван, поморщившись, потер пальцами переносицу.

— Каждый из нас ведет свою партию, Ориэль. По крайней мере теперь, когда они знают, что ты на моей стороне, какова бы ни была причина, они будут защищать тебя. Я постараюсь сделать все возможное, как и обещал несколько лет назад. И все же я не могу быть повсюду одновременно, особенно в ближайшее время.

Ориэль обреченно пожал плечами.

— Неважно. Довольно и того, что они желают вам добра. — Он посмотрел на больную ногу Джава-

на. — Она и впрямь беспокоит вас или это была хитрость, чтобы завлечь меня сюда, как вы им и сказали?

Шевельнув ступней, Джаван нахмурил брови.

— Если говорить откровенно, то эта скачка после того, как я давно не ездил на лошади, далась мне с большим трудом. Но я переживу. Ты обещал мне Целительский сон. Думаю, у нас есть целый час.

Кивнув, Ориэль сжал в ладонях голову Джавана, прижимая большие пальцы к вискам.

— Часа нам хватит, хотя два было бы лучше. Можно ли погрузить вас в глубокий транс?

С глубоким вздохом Джаван закрыл глаза.

— Делай то, что считаешь нужным, — прошептал он.

— Благодарю.

Джаван ощутил, как разум Целителя прикасается к его защитам, и опустил их, уверенный, что Ориэль не злоупотребит его доверием.

— Расслабьтесь теперь, — вполголоса сказал Целитель. Разум его двинулся глубже внутрь сознания Джавана, толкая перед собой волну сна. Он словно погрузился в темную прохладную воду, и Джаван с наслаждением позволил ей унести себя глубже, еще глубже...

— Вот так, — прошептал Ориэль. — Я не буду устанавливать точное время пробуждения. Вы проспите до тех пор, пока Карлан не придет за вами. Может быть, он окажется столь добр, что подарит вам лишние четверть часа, а я пока позабочусь о вашей ноге...

Глава 7

Отвсюду окружают меня словами ненависти, вооружаются против меня без причины[1]

К полудню, когда Джаван отправился вниз, чтобы сопровождать тело брата в базилику святой Хилари, усталость его значительно уменьшилась, а уверенность в себе возросла, хотя ее и испытывали на прочность хмурые взгляды придворных, на которые он то и дело наталкивался, следуя с эскортом рыцарей к огромным дверям, ведущим во двор замка. Сэр Робер посоветовал им с Райсом-Майклом не возвращаться в королевские апартаменты, где скончался Алрой, а дождаться похоронной процессии снаружи.

Робер был с ним и сейчас, вместе с Джейсоном, Карланом, Сорлем, Бертрандом и Томейсом. Вшестером они плотно окружали Джавана и Райса-Майкла, защищая от любой опасности, но они не могли защитить Джавана от взглядов, которые он ощущал на себе, оценивающих, недоверчивых. Он старался вскинуть голову и расправить плечи, чтобы выглядеть по-королевски.

---

[1] Псалтирь 108:3

Но в такую жару это было нелегко, и стало еще труднее, когда они со свитой оказались под открытым небом. Солнце било по обнаженной голове, слепило глаза, казалось, будто его заживо бросили в костер, и даже в легкой тунике было невыносимо душно. Но по крайней мере теперь, когда все остальные также облачились в темные одежды, он не чувствовал себя так отвратительно в черном, и эта новая туника мало напоминала о его былом статусе послушника. К тому же он с удовольствием обнаружил, что здесь ворот вырезан довольно низко, а не сделан стоячим, как у монашеской рясы. Когда он впервые надел эту тунику, она показалась ему почти прохладной, но теперь, под палящим солнцем, ощущение прохлады ушло безвозвратно. Он прислушался к перезвону колоколов в церкви святой Хилари и в соборе внизу на холме. Они звонили по покойному королю.

Заслышав шум в здании, Джаван постарался выкинуть из головы все лишние мысли и подготовиться к приближению кортежа. Часть придворных спустились по лестнице, перешептываясь и пытаясь отыскать защиту от солнца в тени стен, но из зала с приближением процессии, возглавляемой огромным распятием ремутского собора, волной накатило молчание. Крест нес монах *Custodes Fidei* в полном черном одеянии и нарамнике с куколем. Капюшон был надвинут до самых бровей, затеняя его лицо. Мальчики-служки из собора сопровождали его с факелами, задыхаясь от жара в своих рясах, а позади шагал кадильщик, окуривая все вокруг остропахнущими благовониями.

Следом выступал Манфред Мак-Иннис, который нес в ножнах Державный Меч, и граф Таммарон, несший в руках пурпурную подушку, на которой лежа-

ла Державная Корона Гвиннеда, подлинная, а не та уменьшенная, которую сделали в свое время для коронации двенадцатилетнего Алроя.

А за короной несли и его самого. Катафалк покоился на плечах шестерых рыцарей. Алрой выглядел бледным, изможденным, руки его скрестили на груди, а тело обрядили в простую белую альбу, возможно, ту самую, в которой он был на миропомазании. От груди до пят его покрыли алой тканью с вышитыми золотом королевскими гербами, которая ниспадала по краям гроба на плечи рыцарей. Рядом с катафалком, склонив голову, шагал сэр Гэвин. Перед собой он нес меч, держа его за лезвие, словно крест.

Бок о бок шагали оба архиепископа, задыхаясь от жары в траурном облачении и митрах. Они приостановились, пока рыцари сносили тело Алроя вниз по ступеням во двор замка, чтобы позволить Джавану с Райсом-Майклом присоединиться к процессии позади гроба. Сразу же за ними выстроились и остальные придворные, и кортеж двинулся через двор в полном безмолвии, если не считать траурного перезвона колоколов.

Как и ожидал Джаван, в базилике было полно людей. Она дарила отдохновение от прямых лучей солнца, но не от жары. Он не сомневался, что службу отстоять будет невыносимо тяжело, но не подозревал, какое действие окажет сочетание такого количества свечей, благовоний и огромного количества людей, набитых в слишком тесное пространство. А ему еще надлежало справиться со своей скорбью и подготовиться к грядущим столкновениям на совете по престолонаследию. От пота туника прилипла к телу. Струйки пота стекали в глаза, волосы прилипли к

черепу. Воздух казался плотным, и дышать было невозможно.

Следующие два часа он провел словно во сне. Архиепископ Оррис отслужил заупокойную службу вместе с хором певчих, которых поспешно привел из своего собора, и Джаван вместе с младшим братом преклонил колени перед алтарем. Беспощадные солнечные лучи били сквозь окна церкви, резко очерчивая затянутый черным катафалк и его скорбную ношу, затмевая огоньки шести толстых свечей, так, что их почти не было видно. В головах катафалка, сверкая в солнечных лучах, покоилась Державная Корона на своей пурпурной подушечке, вокруг нее спиралью вился дымок благовоний. Со своего места на хорах Джаван видел, что поверх тела покойного короля граф Таммарон возложил Державный Меч Гвиннеда, таким образом, что рукоять покоилась у Алроя меж сложенных ладоней.

Сам не ведая как, Джаван сумел пережить мессу, после чего, сопровождаемый своими шестью рыцарями, он вновь вернулся в апартаменты Райса-Майкла. Там он скинул тунику и позволил Карлану ополоснуть его прохладной водой, и даже пару раз окунул голову в наполненный водой тазик, чтобы хоть немного освежиться. Робер заставил его поесть хлеба с сыром и немного ветчины. Он знал, что должен подкрепиться прежде, чем предстать перед советом, но аппетита не было вовсе. Однако кружка эля прибавила ему сил и уверенности в себе. Заканчивая завтрак, он просмотрел список рыцарей, которых Джейсон счел нужным позвать на совет, и выслушал его комментарии по основным вопросам. Кроме того, вниманию нового короля представили краткий спи-

сок основных дел, которые потребуют его внимания в ближайшем будущем.

Наконец, пришлось вновь одеваться. Карлан пригладил его волосы гребнем, а Райс-Майкл возложил на голову тонкую корону, которую он не носил никогда прежде — золотой обруч, украшенный тиснеными фигурками бегущих львов с переплетенными лапами и хвостами, — когда-то корона эта принадлежала Алрою. Он погляделся в полированное металлическое зеркало, что поднес ему Карлан, не сводя взор с короны, сверкавшей на черных волосах, и посмотрел себе в глаза, которые сейчас словно бы начисто утратили свой цвет, затем глубоко вздохнул и расправил плечи.

— Как по-твоему, похож я на короля? — шепотом спросил он брата.

Райс-Майкл кивнул с натянутой улыбкой.

— Вот и проверим, что по этому поводу думает совет.

* * *

Две дюжины рыцарей в накидках цветов Халдейнов ожидали Джавана со свитой у дверей зала совета. Все они были вооружены и готовы к бою. В их рядах он признал одного из помощников Удаута, который, судя по всему, и командовал этими рыцарями, однако добрая треть была из тех, кто сопровождал Джавана из семинарии *Arx Fidei*. Чуть в стороне он заметил также седовласого незнакомца и того горбоносого барона, что первым вступился за него в апартаментах Алроя. Оба были в черном, на поясе у них красовались мечи и кинжалы. Поблизости толпилось еще несколько рыцарей, и в их числе Джаван

заметил одного, очень похожего на отважного барона. Скорее всего, это был его сын или младший брат.

— Тот, что постарше, это лорд Джеровен Рейнольдс, сир, — прошептал ему на ухо Карлан. — А барона вы знаете, это Этьен де Курси. Там, сзади, его сын, сэр Гискард.

Джаван кивнул.

— Возможно, именно де Курси я буду обязан своей короной, — чуть слышно выдохнул он, заново изучая взглядом мужчину. — Он законник?

— Да, милорд. Так же, как и лорд Джеровен. Это они с де Курси трудились над набросками документов, которые вы видели сегодня за завтраком.

Лорд Джеровен и оба де Курси вместе с остальными рыцарями поклонились, когда Джаван поравнялся с ними.

— Приветствую вас, господа, — негромко бросил им Джаван, отвечая кивком на поклон. Но прежде, чем он успел сказать что-либо еще, Джейсон тронул его за локоть.

— Нам лучше поскорее войти, государь, — шепотом произнес он. — И без того у совета было добрых полчаса, чтобы остудить горячие головы.

Джаван криво усмехнулся.

— Тогда они должны быть мне благодарны. По крайней мере, это помогло им спастись от жары. — Он с удовольствием отметил, что большинство из тех, кто услышал шутку, заулыбались в ответ. — Но ты прав, не будем медлить. Пожелайте мне удачи, господа.

Рыцари расступились, ибо должны были оставаться снаружи, пока их не позовут; Карлан дал знак, и Томейс с Бертрандом распахнули двери Совета.

Внутри и впрямь было прохладнее, и дуновение воздуха освежило лицо Джавана, когда он сделал шаг вперед... Или то была лишь дрожь дурных предчувствий? Приглушенный ропот тотчас сменился шумом придвигаемых стульев. Дерево заскрежетало по камню, и раздался стук подошв. Зазвенели шпоры, и звякнули о дерево и камень ножны мечей.

Мысленно поклявшись, что никому не позволит запугать себя, Джаван переступил порог. Эта комната была ему знакома, — обитая золотистым дубом с высокими сводчатыми потолками. Потолок был выкрашен в синий цвет, а на нем позолотой красовались звезды. Налево окна в глубоких нишах выводили на залитый солнцем сад. Параллельно им был установлен длинный стол, и чтобы дойти до главы стола, он должен был пересечь весь зал целиком.

Не торопясь и стараясь не хромать, Джаван намеренно прошел между столом и окнами, так чтобы противникам пришлось смотреть на него против света. Вдоль длинной стены по другую сторону стола были установлены скамьи, и большинство из тех, кто его сопровождал, направились туда. Лишь Карлан и Джейсон последовали за ним, а Райс-Майкл уселся на противоположном конце стола. Граф Таммарон и архиепископ Хьюберт восседали по обе стороны кресла с высокой спинкой, украшенного гербом Халдейнов. Они поклонились при приближении Джавана. На столе рукоятью к креслу лежал вложенный в ножны Державный Меч, тот самый, что принадлежал его отцу, а затем брату... один из символов правления Халдейнов.

Джаван поднес кончики пальцев правой руки к губам, затем коснулся ими крестовины меча. Он сел, жестом велев остальным занять места, и оцениваю-

щим взглядом обвел людей, собравшихся вокруг стола.

Все было не так скверно, как он боялся. Не было ни Мердока, ни Рана, а этих двоих он опасался больше всего. Присутствовали, разумеется, архиепископ Оррис и лорд Удаут, сидевшие рядом с графом Таммароном по левую сторону стола. Райс-Майкл занял место на другом конце и справа от него сидел Манфред Мак-Иннис.

Но между Манфредом и Удаутом оказался человек, которого Джаван видел в последний раз три с лишним года назад, когда был учрежден орден *Custodes Fidei*. Прежде «брат Альберт» именовался Питером Синклером, графом Тарлетонским, но в тот день он отказался от графского титула, передав его старшему сыну и стал великим магистром *Equites Custodum Fidei* — Рыцарей Хранителей Веры, — жалкая замена лорду Джебедии Алькарскому, который некогда был великим магистром михайлинцев.

А напротив Альберта сидел человек, напрямую отвечавший за *Custodes Fidei*, их рыцарей и за все гонения на Дерини в последние пять лет, Полин Рамосский, сложивший с себя епископскую митру, чтобы стать верховным настоятелем нового ордена. Он также был урожденным Синклером, младшим братом Альберта. Оба приходились Таммарону пасынками по первому браку его супруги, хотя были почти одного с ним возраста. Джаван понятия не имел, насколько они близки с отчимом, но между собой братья, похоже, были в отличных отношениях. При одном взгляде на них обоих ему сделалось дурно. Он и представить не мог, что они входят в совет Алроя.

Он искоса взглянул на Карлана, который как раз пристраивался на табурет справа от Джавана. Джейсон же подсел к нему слева и передал письменный распорядок заседания. Джаван положил пергамент на стол перед собой.

— Благодарю вас, что так быстро ответили на мой призыв, господа, — объявил он, обводя взглядом стол. — Пусть лорд-гофмаршал объявит совет открытым.

Он ожидал, что сейчас поднимется Манфред, ибо гофмаршальский жезл слоновой кости лежал на столе перед ним, у его правой руки. Но, к изумлению Джавана, с места встал Альберт. Он взял жезл, перекинул его из левой руки в правую и поклонился королю, и лишь тогда Джаван заметил, что у Альберта меч висит справа, то есть он левша. Великий магистр *Custodes* в глазах Джавана напоминал огромную черную птицу-стервятника. Голос его звучал по-солдатски отрывисто и грубо:

— Милорды, я готов открыть этот первый совет Гвиннеда после кончины нашего возлюбленного короля Алроя Беренда Бриона Халдейна, и пусть справедливость, смягченная милосердием, возобладает в наших суждениях. Да будет так.

— Да будет так, — хором повторили остальные, и Альберт уселся обратно в кресло.

Однако он неверно произнес положенные слова. Альберт тщательно постарался избежать упоминания имени Джавана в качестве престолонаследника. Это был вызов, который необходимо принять и отразить немедленно, иначе все будет потеряно.

— Лорд Альберт, — произнес Джаван, почти не повышая голоса. — У меня было такое впечатление, что лорд Манфред Мак-Иннис по-прежнему являет-

ся гофмаршалом нашего королевства. Кроме того, поскольку это заседание совета посвящено престолонаследию, по-моему, положено упомянуть имя не только покойного короля, но и нового. Если в первом случае я ошибаюсь, то прошу вас, исправьте хотя бы вторую ошибку.

Но поднялся не Альберт, а Полин. Он встал нарочито медленно, не сводя глаз с Таммарона, сидевшего по левую руку от Джавана.

— Милорд канцлер, покуда мы не решили вопрос о должном порядке престолонаследия, лорд Альберт не обязан повиноваться требованиям брата Джавана, ибо они оба приносили обет послушания *мне*.

Джаван стиснул челюсти. Так вот как они собирались разыграть партию!..

Спрятаться сейчас за спину Таммарона и вернуться вновь к старому вопросу об обетах, данных Джаваном... Стараясь сдержать гнев, он наклонился вперед и тоже уставился на Таммарона, готовый использовать заклятие истины, чтобы установить, правду ли тот скажет в ответ.

— Таммарон, не отвечайте ему, — велел он канцлеру. — Поскольку отец Полин присоединился к нам только сейчас, он не знает, что мы уже обсуждали вопрос о временной природе моих обетов. Я давал лишь те клятвы, которые не могут стать помехой восшествию на престол или браку. Такие обеты позволительно сложить с себя, как это было сделано для моего покойного отца. Что же касается клятв, принесенных мною в стенах *Custodes Fidei*, спросите у архиепископа Хьюберта, и он подтвердит, что никогда за все эти годы я не высказывал желания, чтобы мои обеты стали постоянными.

Слегка поклонившись, Полин с улыбкой подал жест какому-то человеку, прятавшемуся в тени у дверей.

— Мой мудрый и щедрый покровитель, архиепископ примас Гвиннедский может не утруждать себя ответом на эти слова, — слащавым голосом произнес он. — Я подозревал подобный поворот дела и заранее попросил отца Марка Конкеннона, канцлера нашего ордена, который отвечает за семинарию, принести сюда письменный текст всех клятв, которые дал брат Джаван с тех пор, как был принят в *Ordo Custodum Fidei*. Прошу вас, освежите память брата Джаван, отец Марк. Уверяю вас, милорды, что это очень ответственные клятвы. Они обязывают его к безбрачию и к отречению от всего мирского. Не может идти и речи ни о короне, ни о престоле.

У облаченного в черное священника, показавшегося из-за спины Полина вид был довольно безобидный. Он низко склонил голову с тонзурой и потупил взор, а затем, приблизившись, передал Джавану несколько свитков пергамента.

Однако едва лишь тот пробежал глазами текст, как с изумлением и негодованием обнаружил, что перед ним слова, которых он никогда не произносил в действительности. В текст обетов были внесены легкие поправки. Большинство других людей их даже бы и не заметило, но они в корне меняли суть клятв. Однако в тот же миг Джейсон щелкнул пальцами, подавая знак людям, что сидели на скамьях у стены.

— Джеровен, Этьен...

Оба этих человека, которых он подозвал ближе, были искушены в законах. Старший, Джеровен, так-

же был автором документов, которые сейчас он разложил на столе рядом с теми, которые читал Джаван.

— По-моему, вот подлинный текст тех обетов, которые вы принесли, сир, — произнес он вполголоса, указывая на различия в тексте. — Наши друзья присутствовали на церемонии и немедленно записали все в точности. Честью клянусь, ошибки быть не может.

Ошибки быть не может...

— Что там такое? — Хьюберт подался ближе, стараясь расслышать обрывки разговора, тогда как Джаван судорожно пытался осмыслить сказанное.

Это возможно только в том случае, если кто-то из свидетелей был Дерини, или же его допрашивал позднее кто-то из Дерини... Неужели сам Джеровен Дерини?..

Стараясь, чтобы на лице не отразились владевшие им чувства, он постарался привести мысли в порядок, не сводя взора с разложенных листов пергамента. Одновременно он попытался прощупать сознание Джеровена. Нет, тот не был Дерини, либо у него были очень, очень хорошие защиты.

Однако в тот же момент Джавану пришла в голову идея, каким образом разрешить возникшее затруднение, ибо его дар отличать правду в речах людей подтверждала, что истинны именно слова Джеровена, а Полин Рамосский лжет.

Конечно, он не осмелится при всех открыть свои подлинные способности, однако в его распоряжении был Дерини, который вполне может разоблачить лжецов, или хотя бы просто создаст угрозу, что сделает это по приказу Джавана. В данном случае и этого было бы достаточно.

— Сэр Робер, — окликнул он негромко, жестом подзывая рыцаря поближе.

Выслушав инструкции Джавана, рыцарь кивнул и с ничего не выражающим лицом вышел из зала. Джаван, стараясь выглядеть куда более уверенным, чем он чувствовал себя на самом деле, вновь принялся сравнивать два набора документов.

— Все это весьма любопытно, отец Полин, — произнес он наконец, решившись, что бросит вызов непосредственно верховному настоятелю *Custodes*. — Несомненно, архиепископ Хьюберт подтвердит, что я очень много размышлял, прежде чем испробовать монашеское призвание. Решение это далось мне нелегко, и еще более ответственно я подошел к тому, чтобы принести обеты. Возможно ли в таком случае, что я дал бы эти клятвы, не сознавая в точности, к чему обязывал себя, в особенности, зная, что брат мой слаб здоровьем и может скончаться, не оставив наследников?

Полин уставился на него, не скрывая высокомерного презрения.

— Вы сын своего отца, брат Джаван. Огонь религиозного призвания ярко горел в его душе.

— Однако он сложил с себя сан священника, будучи призван королевским долгом, — напомнил Джаван.

— Верно, поскольку не мог уступить свое место никому другому, — возразил Полин. — Но у вас же есть брат.

— Так спросите его, высказывал ли я когда-либо намерение уступить престол ему, и имеет ли он желание занять его вопреки мне?

Однако Райс-Майкл не успел ответить, а Полин вмешаться, ибо этот миг двери на другом конце зала

распахнулись, и в проходе показался Робер, уверенно придерживающий за локоть перепуганного Ориэля.

— Но постойте... — начал было Хьюберт, когда Робер провел Целителя вдоль стола к тому месту, где восседали архиепископ и король. — Мастер Ориэль состоит на службе у меня и графа Таммарона...

— Сейчас его услуги требуются нам на общее благо, — возразил Джаван, коротким мысленным импульсом посылая указания Ориэлю. — Более того, я вполне могу потребовать, чтобы отныне он служил мне, ведь он уже несколько лет исполнял обязанности королевского Целителя. Не так ли, архиепископ? Вы согласны, граф Таммарон?

Не давая им возможности прервать его, Джаван продолжил:

— В любом случае сейчас я хочу лишь установить истину, ничего более. Отец Полин поставил под сомнение, насколько хорошо я помню принесенные обеты. Но если король не способен помнить точно, в чем он клялся и кому, тогда он недостоин носить корону. Мастер Ориэль, встаньте вот здесь, справа от меня, чтобы вас могли видеть и я, и отец Марк, и скажите нам всем, истинны ли его слова.

Он взвесил в руке пергаментные свитки, что передал ему отец Марк, и немигающим взором уставился на смутившегося священника.

— Является ли сие точной записью принесенных мною обетов, отче? — спросил он. — Прежде чем ответить, вспомните, что мастер Ориэль может точно определить, говорите ли вы правду, и объявит во всеуслышанье, если уловит ложь. Именно такую клятву он в свое время принес как Целитель, и *он* от нее не отступится.

Отец Марк слегка побледнел при этих словах Джавана и испуганно покосился сперва на Ориэля, а затем на Полина.

— Я... я не сам делал эти записи, милорд, — едва слышным голосом произнес он.

«Умный человек, — подумал Джаван, бросив взгляд на Ориэля. Целитель незаметно кивнул ему. — Он знает, что способности Дерини отличать истину от лжи ограничены, и умело избегает прямого вранья. Посмотрим, сумеет ли он уклониться и на этот раз...»

— Так кто же вел записи? — требовательно спросил Джаван.

Священник смутился окончательно.

— Ну... думаю, это был кто-то из тех, кто присутствовал на церемонии, милорд.

Джаван сощурился. Утверждение это, разумеется, было правдивым. Но не содержало никаких полезных сведений.

— Ладно, тогда кто вручил вам эти записи, отче?

— Мне кажется... их передали из канцелярии, милорд.

И вновь священник сумел уклониться от прямого ответа, который изобличил бы его. Но Джаван не терял терпения.

— Из канцелярии вашего ордена?

— Да, милорд.

— А знаете ли вы, кто именно передал вам их из канцелярии? Пока не называйте никаких имен, — добавил он. — Я просто хочу знать, знаете ли вы этого человека.

Побежденный, священник потупил глаза и пробормотал:

— Да, милорд.

Удовлетворенно кивнув, Джаван приготовился развить наступление.

— Очень хорошо. Теперь скажите нам, кто же именно передал вам записи.

Впрочем, в этот миг он уже был уверен в ответе.

— Я... я бы предпочел не отвечать, милорд.

— Да, не сомневаюсь, — пробормотал Джаван. — Может быть, попросим старшего по званию дать ответ за вас? Что вы об этом думаете, отче? — И он перевел взгляд на Полина, нетерпеливо ерзавшего в кресле на другом конце стола. — Или это поставит под удар вас обоих?

По комнате пронесся тихий шепоток, но Джаван невозмутимо продолжил:

— Что скажете, милорд верховный настоятель? Вы присутствовали при всех принесенных мною обетах. Не вы ли передали отцу Марку эти записи и велели представить их этому собранию как подлинные?

— Вы не вправе спрашивать меня об этом, — пробормотал Полин.

— Почему же, напротив, я имею полное право, — возразил Джаван. — Но что же двигало вами? Вы так сильно старались удержать меня подальше от трона. Вы считали, что брат мой будет более послушен вашей воле, и вы сможете с легкостью управлять им, особенно, если он будет благодарен вам за доставшуюся не по праву корону?

— Вы не имеете права требовать, чтобы я отвечал на эти вопросы, — мертвенным голосом отозвался Полин.

— А вы не имеете права указывать мне, о чем я могу или не могу спрашивать своих подданных, — и Джаван ткнул пальцем в листы пергамента. — Вы подготовили сами или велели подготовить поддель-

ные документы, дабы тем самым помешать мне занять престол. Клянусь пред Богом всемогущим и перед всеми собравшимися, что вот истинный текст принесенных мною обетов.

Вскочив, он схватил меч Халдейнов и извлек его из ножен. Передав ножны Джейсону, он поцеловал крестовину меча, где хранилась святая реликвия, затем перевернул, держа оружие за лезвие перед собою, словно крест.

— На этом мече, что принадлежал прежде моему отцу, а затем брату, именем всех королей Халдейнов, бывших допрежь меня, и всем, что воистину свято, я клянусь вам, что всегда намеревался и намереваюсь ныне взять то, что принадлежит мне по священному праву короля, если уж случилось так, что брат мой Алрой скончался, не оставив потомства.

— Что касается *Ordo Custodum Fidei*, я вступил в него лишь с той целью, чтобы получить передышку до того времени, пока повзрослею, и чтобы получить образование, достойное короля. Я хотел подготовиться принять корону, либо, если брат мой сумеет победить болезнь, чтобы стать верным его помощником и советником. Признаюсь перед вами с чистым сердцем, что сделал я это под ложным прикрытием, не имея подлинного влечения к религиозной жизни. Но этот вопрос решать мне и моему духовнику, а не этому совету. Я готов подчиниться любой процедуре, избранной милордом архиепископом, дабы сложить с меня монашеские обеты, ибо желаю исполнить свой королевский долг и обеспечить престолонаследие. — Он в упор взглянул на Хьюберта. — Однако здесь и ныне я стою пред вами как ваш истинный король!

И с этими словами он с силой вонзил острие меча в столешницу.

Сталь глубоко вошла в дерево и поранила пальцы его правой руки.

— Те, кто с этим не согласен, имеют мое дозволение удалиться из этого зала и из этого королевства.

— Отлично сказано, — выпалил Райс-Майкл, вскочив на ноги. Джейсон вскинул сжатый кулак, и оба хором закричали:

— Да хранит Господь короля Джавана!

К ним тут же присоединились Джеровен и Этьен де Курси, а затем и все прочие рыцари, сидевшие на скамьях вдоль стены: Робер, Бертранд и Томейс. Все они вскочили на ноги, выражая горячую поддержку королю.

Поднялся также и коннетабль Удаут, с силой ударив ладонью плашмя по столу. Это был единственный член совета, в преданности которого Джаван не сомневался. За ним неохотно последовали Таммарон, архиепископ Оррис и даже Манфред. Хьюберт тоже через силу поднялся на ноги, а за ним и молчавший допрежь лорд Альберт, которому явно не внушало особой уверенности присутствие такого количества вооруженных рыцарей.

Последним поднялся Полин, на лице его застыло ледяное отвращение.

Когда восторженные крики стихли, у Джавана сердце колотилось так, словно готово было выпрыгнуть из груди.

Он расцепил пальцы, стискивавшие лезвие меча Халдейнов, и заставил себя положить его на стол. На правой руке блестела кровь. Пальцы щипало, когда он попытался распрямить их, но, слава Богу, порезы оказались не слишком глубоки. От пережитых эмо-

ций у него закружилась голова, и все же он заставил себя двигаться размеренно и спокойно. Робер передал ему носовой платок, чтобы приложить к кровоточащей руке, но прежде он аккуратно вытер тканью лезвие меча. Конечно, можно было попросить Ориэля исцелить руку, однако не стоило привлекать к Дерини лишнего внимания. Теперь, когда самое сложное было позади, легкую царапину стоило и перетерпеть.

— Прошу вас, садитесь, господа, — сказал он и уселся в кресло.

Глава 8

Приятны царю уста правдивые, и говорящего истину он любит[1]

После столь бурного начала совет прошел сравнительно мирно. Полин тихо копил в душе злобу, тогда как Альберт повторно объявил об открытии совета, на сей раз положенными словами, открыто признав Джавана королем. Как и заведено, все члены совета подали прошение об отставке, но прошения эти Джаван сейчас не спешил ни принимать, ни отвергать, хотя ему до боли хотелось поскорее исключить Полина и Альберта — и желательно отправить их прямо в руки палача. Но, конечно, сейчас он никак не мог этого сделать.

Что же касается всех остальных, тут едва ли можно было что-либо изменить — по крайней мере, сейчас. Оба архиепископа занимали места в совете по давнему церковному праву, и отправить их в отставку было бы немыслимо. Хотя Джаван до глубины души презирал Хьюберта; но тот все же был довольно предсказуем, и он знал, что при необходимости сможет держать его под контролем. Оррис сам по себе

---

[1] Притчи 16:13

и вовсе не представлял опасности: скорее всего, он пойдет на поводу за тем, в ком почувствует силу.

Кроме того, Джаван намеревался оставить в рядах совета Таммарона и даже Манфреда, по крайней мере на ближайшее время, ибо они были искушены в делах управления и показали, что способны смириться с меняющейся ситуацией. Что касается Таммарона, то он и прежде был добр к Джавану и его братьям, даже когда Ран и Мердок показывали себя с наихудшей стороны. Что же до Манфреда, то как гофмаршал он был, в общем-то, вполне на своем месте, и Джаван не мог понять, зачем понадобилось сановникам ставить на этот пост. Возможно, просто интриги церковных иерархов... Но, может статься, была и иная причина.

Самым многообещающим, был, конечно же, лорд Удаут, который уже в открытую заявил о своей преданности. Это был способный и прямодушный человек, он никогда не шел на открытое столкновение и к тому же исполнял обязанности коннетабля еще при отце Джавана, а также при Алрое... И, разумеется, останется Райс-Майкл. Он имел право на членство в совете, будучи совершеннолетним наследником престола.

Оставалось еще пятеро советников, которые пока не прибыли в Ремут. С бароном Хилдредом проблем не будет. Этот кривоногий человечек гораздо больше интересовался лошадьми, чем политикой. В прошлом он всегда был верным другом Джавана, и тот надеялся, что он останется таковым и впредь.

Едва ли стоило ожидать трудностей и со стороны Фейна Фитц-Артура. Старший сын и наследник Таммарона, он удачно заключил брак с наследницей Кассана, и теперь его почти не видели при дворе. По

условиям брачного соглашения, предложенного князем Эмбертом Квиннелом, Кассан должен был превратиться в вассальное герцогство и войти в состав Гвиннеда после смерти его последнего правителя. Фейн и принцесса Анна должны были стать герцогом и герцогиней. Три года назад, как только Анна дала жизнь первенцу, к этому добавлено было, что именно этот младенец, нареченный Тамбертом, унаследует земли обоих своих дедов. Фейн и мать мальчика должны были стать регентами, пока Тамберт не достигнет совершеннолетия. Но на самом деле Фейну будет принадлежать почти необъятная власть. Это ничем не хуже, чем быть регентом при короле.

Точно также, лорд Боннер Синклер был слишком занят своими делами, ведь он был теперь графом Тарлетонским. Хотя, конечно, если дело дойдет до прямого столкновения, он во всем поддержит лорда Альберта, своего отца.

Таким образом, на его стороне будут все советники, кроме двоих *Custodes* и Рана с Мердоком. Никого из них Джаван не желал видеть в своем совете, хотя, если необходимо, с Полином и Альбертом он еще мог бы примириться на какое-то время, ибо разумнее было держать врага поближе, чтобы всегда иметь возможность знать, чем тот занят. Слишком опасно давать им возможность строить козни у него за спиной. А они неминуемо примутся интриговать, как только осознают, что он намерен отменить принятые ими законы против Дерини. Но у него будет больше шансов помешать их планам, если он сможет держать их под наблюдением. Но вот Ран и Мердок представляли собой куда большую опасность.

Как бы то ни было, по подсчетам Джавана, он мог назначить не менее полудюжины новых членов

совета, хотя, разумеется, сперва следует поговорить со всеми из них наедине и постараться проникнуть в их мысли. Только тогда можно будет принять окончательное решение. Но сейчас, продолжая совет, первым делом Джаван отпустил Ориэля, ибо прекрасно осознавал, что присутствие Дерини вызовет недовольство у старой гвардии, после чего постарался по возможности сократить заседание.

Основное и самое важное решение сейчас должно было касаться похорон в понедельник. Смерть Алроя не явилась неожиданностью, поэтому многое оказалось спланированным заранее, и сам Алрой успел сообщить свои последние пожелания Райсу-Майклу, и услышав об этом, Джаван непререкаемо заявил, что воля его покойного брата-короля должна быть исполнена неукоснительно. Джаван не позволил советникам втянуть себя в бесконечные обсуждения и не дал им слишком сильно расстроить Райса-Майкла, поэтому уже через час они закончили обсуждение большей части вопросов повестки дня. Что касается даты коронации, то до следующего собрания совета, он наотрез отказался обсуждать этот вопрос. Совет должен был состояться в следующий вторник.

— Сперва я должен похоронить брата, — заявил он им, когда Оррис попытался настаивать. — Позвольте мне сделать хотя бы это.

В воздухе повисло напряжение, и он ощутил, как слезы подступают к глазам. Но Оррис поспешно отступил, и более никто не осмеливался настаивать.

— Что ж, благодарю вас за все, господа, — объявил он наконец, надеясь, что теперь сможет ускользнуть. — Полагаю, вы извините меня, что я не отобедаю сегодня вместе с придворными. Но день был

слишком длинным и тяжелым... Все те, кто желал бы поговорить со мною завтра, могут попросить об аудиенции через сэра Джейсона.

Поднявшись, он вновь вложил меч Халдейнов в ножны, и советники также встали с мест. Он коротко кивнул им, а затем удалился вместе со свитой, унося меч в руке. Когда он добрался до бывших покоев Алроя, солнце уже висело над западным горизонтом. Апартаменты были подготовлены для нового владельца, и Карлан распорядился, чтобы в небольшой гостиной, примыкающей к опочивальне, подали легкий ужин. Вскоре в комнату набилось полно народу, и там стало очень жарко и душно. Но сейчас это никого не беспокоило.

Точно также всем было и не до еды. Много выпили вина, но никто даже не опьянел. Без всякой предварительной договоренности собрание превратилось в рабочее заседание. Каждый рыцарь по очереди представился новому королю, если тот еще не был с ним знаком, и изложил, в чем состоят его личные достоинства, семейные связи и чем еще он может быть полезен правителю. Джаван попросил Карлана вести записи, ибо знал, что едва ли сумеет запомнить все должным образом, учитывая, как тяжело дались ему последние двадцать четыре часа. На короткое время заглянул Ориэль, чтобы осмотреть раненую руку, но против усталости ничего предпринимать не стал.

— Лучше ложитесь поскорее, сир, — сказал он, отставляя в сторону тазик, в котором омыл порезы прежде, чем окончательно исцелить их. — Добрый сон — вот все, что вам нужно. Пусть они все вернутся утром, когда вы как следует отдохнете.

Он мог бы ничего и не говорить, Джаван и сам сознавал, как сильно он устал. Когда Ориэль ушел, он поел немного сыра и фруктов, выпил разбавленного вина, но, хотя это немного помогло взбодриться, он зевал все чаще и чаще, как ни старался это скрыть. И все же теперь он знал гораздо больше о тех людях, что встали на защиту его королевского права.

Больше всего интереса вызывали лорд Джеровен Рейнольдс и барон Этьен де Курси. Он уже твердо решил, что введет их в состав совета. Чуть позже, когда Робер, наконец, решил выгнать всех прочь, чтобы король мог немного отоспаться, де Курси попросил дозволения задержаться еще на пару слов.

— Я попрошу у вас всего несколько минут внимания, мой господин, — попросил он. — Я знаю, что вы очень устали после этого дня, но вопрос довольно важный, и должен оставаться в тайне.

Не слишком даже стараясь прикрыть очередной зевок — каждый из здесь присутствующих был уверен, что должен сказать королю нечто особенное, — Джаван взял подсвечник с каминной полки и поманил барона за собой в опочивальню, хотя дверь оставил открытой.

— Вы сами видите, в каком я состоянии, милорд, так что надеюсь, что это действительно важно.

Барон улыбнулся. Темные глаза его блеснули.

— Вы мой законный король и повелитель, — произнес он вполголоса. — Я и мое семейство желаем служить вам верой и правдой.

На это Джаван вежливо кивнул, с трудом подавляя зевоту, и поставил свечу на столик у постели, мечтая лишь о том, чтобы Этьен поскорее перешел к делу. У него уже не было сил бороться с усталостью,

и никакие заклятия Целителя здесь бы не помогли. Постель неудержимо манила его к себе.

— Вот почему я пришел к вам, мой господин, — продолжил барон, взял левую руку Джавана в свои ладони и коснулся кольца Огня. Взгляд его встретился со взором Джавана. — В какой-то момент завтра, я надеюсь... не могу сказать вам точно когда именно... мой сын Гискард постарается передать вам послание, которого вы так ждете. Хотя, возможно, вы и не надеялись получить эту весть так быстро...

Внезапно Джаван ощутил ментальное прикосновение к своим защитам, — не нападение, но лишь бережное касание чужого сознания. Едва не вскрикнув, он подался назад, мгновенно пробудившись от сонливости, и в изумлении уставился на Этьена. Мужчина чуть заметно улыбнулся и еще сильнее сжал руки Джавана.

— Вы вне опасности, мой господин.

— Но... кто послал вас? — Джаван сам мысленно постарался коснуться хорошо защищенного разума Дерини. — Неужели это...

— Не называйте пока никаких имен, сир, — шепотом перебил его Этьен и покачал головой. — Но узрите истину в моих словах. Я знаю, что вы на это способны. Я полностью в вашем распоряжении. Я готов отдать жизнь за вас, если потребуется. То же самое сделает и мой сын. К любому из нас вы можете обратиться, если только понадобимся. Но сейчас я прошу вас лишь об одном: если Гискард захочет увидеть вас, в любое время дня и ночи, оставьте распоряжение, чтобы его впустили, и выслушайте, что он вам скажет. Уверен, вы не потратите время зря.

Все было правдой, от первого до последнего слова. Джаван знал это наверняка, ибо был уверен в

своей способности отличать истину от лжи. А Этьен де Курси оказался Дерини... Хотя каким образом барону удалось сохранить это в тайне, Джаван не мог даже вообразить.

— Так значит, ваш сын сам придет ко мне? — озадаченно пробормотал Джаван, стараясь встретиться взглядом с Этьеном.

— Да, милорд. Гискард, мой сын. — Этьен склонился, чтобы поцеловать королю руку. — А теперь пусть Господь дарует вам мирный сон, мой господин. Если я вам понадоблюсь ночью, просто пошлите за мой. Сэр Карлан знает, где мои комнаты.

С этими словами, еще раз поклонившись, он отвернулся, чтобы уйти. В мозгу Джавана теснились вопросы, на которые он не знал ответа, но он не стал торопиться и отпустил барона. А пришел в себя лишь когда в спальню вошел Райс-Майкл, встревоженно тронул брата за плечо.

— Что-то не так? — спросил его Райс-Майкл, провожая удивленным взглядом Этьена де Курси.

— Нет, нет, ничего, — едва слышно отозвался Джаван. — Я просто устал.

— А чего хотел де Курси?

— О, просто заверить меня в своей преданности. — Джаван вновь зевнул, так, что едва не вывихнул себе челюсть.

— Господи Иисусе, — пробормотал он, когда зрение вновь вернулось к нему, — если я тотчас не залезу в постель, то кому-нибудь придется меня туда отнести.

Он потер глаза, стараясь хоть ненадолго еще отогнать сонливость и, прихрамывая, добрался наконец до огромной кровати с балдахином. Райс-Майкл последовал за ним и помог Джавану снять сапоги.

— Не знаешь, кто останется здесь сегодня ночью? — спросил его король, когда сапоги с глухим стуком упали на пол.

— Карлан и Бертранд, это точно, — отозвался Райс-Майкл. — И скорее всего либо Джейсон, либо Робер. Хочешь, я тоже останусь?

Джаван попытался расстегнуть пояс и одновременно задуматься над этим вопросом, но мозг и пальцы никак не желали действовать одновременно.

— Даже не знаю, так ли хороша эта мысль, — произнес он наконец, подавляя очередной зевок. — Сегодня многие могущественные люди здорово разозлились на меня. Если кто-то из них решит избавиться от источника своих неприятностей, не уверен, что рядом со мной безопасно находиться. С другой стороны, может, они откажутся от такой попытки, если ты будешь здесь. Сам-то ты хочешь остаться?

Райс-Майкл кивнул. Глаза его блеснули в свете свечей.

— Мне страшно, Джаван. Вокруг столько всего происходит. Я никак не могу понять, получится у нас все или нет. Но я точно не хочу сегодня спать один.

— Тогда полезай сюда, братишка, — Джаван с улыбкой похлопал ладонью по постели. — Я тоже не думаю, что расположен спать сегодня в одиночестве.

Когда через несколько минут Карлан вошел в опочивальню, то обнаружил обоих крепко спящими. Джаван раскинулся на спине, словно не просто уснул, а рухнул навзничь, потеряв сознание, тогда как Райс-Майкл свернулся в клубочек неподалеку, пряча голову под согнутой рукой.

Карлан покачал головой и улыбнулся, затем знаком велел Бертранду принести подстилку, а сам схо-

дил за мечом Халдейнов и пристроил его на положенное место на крючках в изголовье постели, где оружию всегда надлежало находиться, пока король спит. Двери, ведущие на балкон, широко распахнули, чтобы впустить хотя бы легкий ветерок, и напротив них Бертранд расстелил свою подстилку. Джейсон устроился на ночь в примыкающей гостиной, а Робер — у дверей, ведущих в коридор.

Удостоверившись, что стража на местах, Карлан закрыл дверь, ведущую в опочивальню и приставил к ней стул. Затем, подойдя к балконной двери, где готовился устроиться на ночь Бертранд, он поправил обнаженный меч рядом с его подстилкой. Бертранд поднял на него глаза:

— Не возражаешь взять на себя первый круг дозора?

Карлан покачал головой.

— Я привык бодрствовать вместе с ним в часовне, еще когда был его оруженосцем, — он покосился на постель, где спали братья. — Порой дремал я, порой он, а иногда мы вместе. Но обещаю, что сегодня я не сомкну глаз.

Бертранд усмехнулся.

— Ну, когда я был его оруженосцем, он еще не ударился в религию. Впрочем, полагаю, в то время ты даже не подозревал, что это все сплошное притворство.

— Я и сейчас не думаю, что он притворялся, — задумчиво отозвался Карлан. — По крайней мере, не до конца. Но согласен с тобой, это был очень умный план, и он помог ему уцелеть и дожить до этих лет. Где еще он мог так спокойно прожить все эти годы, как не в безопасности монастыря? Кроме того, он получил отличное образование, и не только из книг.

— Хм, полагаю, ты прав, — ответил Бертранд. — Признаюсь честно, у меня не хватило бы смелости сделать то, что он — по крайней мере, не в тринадцать лет. Может статься, из него выйдет очень неплохой король.

— Да, все может быть, — шепотом произнес Карлан. — Но ложись-ка ты лучше спать. Через пару часов я тебя разбужу.

Пробормотав в ответ что-то неразборчивое, Бертранд лег на подстилку и закрыл глаза. К тому времени, как Карлан задул все свечи, он уже тихонько похрапывал. Оруженосец на ощупь пробрался к дверям и занял свой пост на стуле.

* * *

В ремутском замке, в апартаментах, отведенных графу Манфреду Мак-Иннису, когда он находился в столице, собрались многие из тех, кому не давали покоя события сегодняшнего дня.

— Удаут всегда был предан королю, любому королю, — говорил граф Таммарон пятерым людям, собравшимся в гостиной Манфреда. Коннетабля среди них, разумеется, не было. — Я ничуть не удивился, когда он перешел на сторону Джавана. Но вот что меня действительно удивило, так это то, как быстро ему удалось привлечь стольких молодых рыцарей на свою сторону. Будь мальчик посмелее, мы бы все могли закончить сегодня день в темнице, а то и похуже.

— Никто не ожидал, что он постарается так быстро перехватить инициативу в свои руки, — отозвался Полин. — Сознаюсь, мне и в голову не приходило,

что он вздумает уже сегодня решить вопрос со своими обетами, и тем более, что привлечет мастера Ориэля.

— Да, скверный признак, что первой его мыслью было призвать на помощь Дерини, — задумчиво произнес Хьюберт. — Он всегда отрицал, что поддерживает отношения с кем-либо из этого племени, но это могло быть таким же обманным ходом, как и его желание принять монашеские обеты. События последних двух дней показали, как я ошибался на этот счет.

— Ну, пустые сожаления ни к чему хорошему не приведут, — возразил Полин.

— Верно, но, боюсь, я плохо оценил ситуацию, и это сильно затруднило наше с вами положение, — продолжил Хьюберт. — За последние три года мы позволили ему пройти самое жесткое обучение, развившее его умственные способности и укрепившее дух. Мы делали это нарочно, в надежде, что религиозная жизнь покажется ему достаточно интересной и захватывающей, а монастырские привычки постепенно войдут в кровь. Жесткая дисциплина должна была изгнать из головы самую мысль о возвращении в светскую жизнь и об участии в мирских делах. К несчастью, та же самая дисциплина, способствующая духовному росту, похоже, подстегнула в нем развитие независимой мысли, а это сделает его слишком опасным в качестве короля. В ту пору мы сочли, что риск вполне допустим. И все еще могло бы получиться по нашему, проживи Алрой чуть подольше.

— Однако он умер, — перебил его практичный Полин. — И если следовать букве закона, как бы сильно ни хотелось нам поступить иначе, Джаван является законным наследником. Так что придется сей-

час исходить именно из этого, покуда мы строим и иные планы. В следующие пару дней все его внимание уйдет на организацию похорон брата, а тем временем мы постараемся узнать как можно больше о его намерениях, планах, о его достоинствах и слабостях.

— Ну, как минимум, ему повредят юность и недостаток практического опыта, — заметил Оррис. — Возможно, по умственному развитию, он и стал бы нам достойным соперником, как мы имели шанс убедиться сегодня днем, но когда дойдет до физического столкновения... не стоит забывать, что ему всего лишь шестнадцать лет.

— Мне встречались отличные бойцы и в шестнадцать, — пробормотал себе под нос Манфред. — Та свита, которую он собрал сегодня за стенами зала совета, неплохое достижение для человека, которого не было при дворе добрых три года.

— Ну, им всем нет еще и тридцати, и они совершенно неопытны в бою, — небрежно возразил Альберт. — По счастью, королевство давно не воевало, и молодежи просто негде было набраться опыта. Конечно, на его стороне есть пара здравомыслящих людей. Тот же Удаут и его старшие помощники, а также сэр Джейсон и сэр Робер, но их не так много, и опыт их ограничен.

— Так же, как и у Джавана, — добавил Хьюберт. — Конечно, три года в стенах монастыря дали ему неплохое образование, но там он почти не имел возможности для физических упражнений. Так что, в отличие от большинства шестнадцатилетних юношей, в нем нет ничего от воина. Другими словами, он хил и слаб, а увечная нога станет еще большей помехой.

В ответ на это некоторые поспешили кивнуть, однако Таммарон покачал головой и пробормотал:

— Не слишком-то на это рассчитывайте.

— Почему же? — удивился архиепископ Оррис.

— Я говорю, не рассчитывайте на то, что увечная нога станет для него помехой, — повторил Таммарон, обводя собравшихся взглядом. — Он почти не хромал сегодня, даже после скачки из семинарии. В прежние дни такая поездка уложила бы его на несколько дней в постель, и он не встал бы оттуда без помощи Целителя, так что вряд ли после монастыря он сделался таким уж слабаком.

— Ну и пусть он почти не хромает, все равно, откуда взяться воинскому мастерству? — удивился Альберт.

— Да, но в прежние времена ему мешало именно увечье, — отозвался Манфред. — Вспомните, ведь именно мы с Мердоком наблюдали за обучением принцев. Он всегда отлично держался в седле, как прирожденный наездник, и мечом владел для своего возраста более чем прилично, а это было три года назад. Кроме того, из лука в тринадцать лет он стрелял лучше, чем, наверное, любой из нас, будь то на лошади или пешим.

Альберт хмыкнул.

— Ну, может, в седле он держится и неплохо. И, скорее всего, в скором времени наверстает боевое мастерство, как только вновь приступит к тренировкам. Все равно, я что-то не верю, чтобы он сумел в ближайшем будущем возглавить против нас войска. Да и лук — не слишком хорошая защита против врага, нападающего вблизи или со спины.

— Эй, помилуйте, — перебил его Таммарон. — Не желаю этого слышать, он все-таки король!

— Да, но судя по всему, станет королем, которого сложно держать в руках, — поджав губы, отозвался Хьюберт. — Однако не будем спешить с выводами, господа. Лорд Альберт, попрошу вас в будущем воздержаться от подобных замечаний. Джаван — наш государь и вполне может в будущем образумиться, осознав, каково реальное положение вещей. Может статься, все окажется не так скверно, как мы опасались. Тем временем, сдается мне, нам всем следовало бы немного поспать. Угнаться за этим шестнадцатилетним юнцом, вероятно, окажется посложнее, чем за его братом.

Но когда Оррис с Таммароном откланялись, Хьюберт жестом велел обоим священникам *Custodes* остаться. Полин при этом озадаченно взглянул на архиепископа, а Манфред, заранее подозревавший, о чем пойдет речь, запер на засов дверь.

— Мне хотелось бы сообщить одну важную вещь вам и лорду Альберту, — вполголоса объявил Хьюберт, вновь усаживаясь в гостиной. — Назовем это далеко идущим планом.

— И в чем же состоит этот далеко идущий план? — спросил Полин, обменявшись взглядом со своим братом.

— Ну, мне пришло в голову, что если мы все же не сумеем подчинить своей воле нынешнего короля, то, возможно, новый король окажется более покорным.

— Не желая выказать вам неуважение, архиепископ, — возразил Альберт, — замечу все же, что Райс-Майкл проявил редкостную для него отвагу и неповиновение, когда послал за Джаваном. Едва ли это свидетельствует о том, что нам будет легче управлять им, чем его братом.

— Согласен, — с легкостью отозвался Хьюберт и сложил потные руки на толстом животе. — Тогда мы будем контролировать его сына... его будущего сына, — поправился он, заметив изумленные взгляды собеседников.

— Вынужден раскрыть перед вами некоторые тайны исповедальни, дорогие собраться, — продолжил он. — В последнее время наш принц Райс-Майкл Халдейн страдает от первых приступов юношеской страсти. Объектом его воздыханий стала никто иная, как очаровательная юная подопечная моего брата, леди Микаэла Драммонд.

Альберт сложил губы, словно собираясь присвистнуть, и искоса взглянул на Манфреда, который также без труда догадался, что будет означать подобный брак. Но Полин лишь покачал головой.

— Джаван никогда этого не одобрит, — произнес он сухо.

— Если все сложится удачно, Джаван ни о чем не узнает, пока не будет слишком поздно, — возразил Хьюберт. — Вот уже шесть месяцев я втайне одобряю ухаживания Райса-Майкла. Пока весь двор в трауре, он будет вынужден держаться поскромнее. Но в то же самое время, это помешает принцу заговорить с братом о женитьбе. Я, э-э... высказал Райсу-Майклу предположение, что подобную мысль брат его, скорее всего, воспримет без особого восторга, поскольку жизнь в стенах монастыря не позволила Джавану как следует разобраться в вопросах плоти. Возможно, он даже будет завидовать брату, что в то время, пока он сам был заперт в семинарии, Райс-Майкл наслаждался свободой и пробуждением юношеской зрелости.

Полин с усмешкой покачал головой.

— Вам удалось соединить все сомнения отрочества со старым предубеждением, которые разделяют многие миряне насчет монахов, что якобы те, обреченные на целибат, мало смыслят в реальной жизни...

— Ну, так Райс-Майкл и есть настоящий миря-нин, — весело подхватил Хьюберт. — Так что на время он не посмеет молвить ни слова обо всем этом брату... пока не станет слишком поздно. — Улыбаясь, он пожал плечами. — А при таких условиях, думаю, ни у кого из нас не возникнет сомнений, имеем ли мы право засвидетельствовать брачные обеты уже после свершившегося факта.

— Ему исполнится пятнадцать только в сентябре, — указал Альберт. — А невеста еще моложе, насколько я помню. Нам придется немного подождать.

— Да, но совсем немного, — Хьюберт хмыкнул. — Они оба здоровые юнцы, и принц наш полон энтузиазма, он прямо-таки весь горит, сам мне об этом сказал... едва способен удержаться в рамках приличия. И, сознаюсь, что как священник, я не слишком осуждал его за это. Могу ли я надеяться, что вы простите мне этот грех, отец Полин?

Он бросил лукавый взгляд на верховного настоятеля *Custodes*, и тот ухмыльнулся ему в ответ.

— *Ego te absolvo*, — торжественно изрек Полин.

Альберт хмыкнул и скрестил руки на груди.

— Надеюсь, вам удастся обстряпать это дельце прежде, чем прознает Джаван. Возможно, вам и удалось убедить Райса-Майкла, что «лучше жениться, чем сгореть», но Джаван-то гораздо лучше сознает все последствия такого шага и понимает, что может произойти, как только у одного из них появится наследник...

— Значит, нам следует проследить, чтобы Джаван был слишком занят, чтобы даже думать о женитьбе, — возразил Хьюберт. — Едва ли мы сумеем помешать ему взойти на престол. И точно также сомнительно, чтобы он во всем покорно следовал советам своих мудрых сановников... Но надеюсь, я все же ошибся, мне нравился этот мальчик, да и сейчас нравится, однако если я все же прав, то нам следует предусмотреть необходимость, чтобы один из принцев, лучше всего Райс-Майкл, как можно скорее произвел на свет сына. Как только мы обеспечим наследника престола... Ну что ж, со слишком дерзкими молодыми людьми порой происходят несчастные случаи, и корона тогда переходит младенцу, а уж тому-то точно не обойтись без опытных регентов.

С этими словами он усмехнулся, поджав толстые розовые губы, и невинным взором голубых глаз окинул собеседников. Те одарили его ответной улыбкой.

Глава 9

Человек рассудительный скрывает знание[1]

В субботу утром Джаван проснулся от жары, на несколько часов позже, чем рассчитывал. Он весь взмок от пота, туника прилипала к телу, волосы также были влажными. Райс-Майкл уже встал с постели, и дверь в гостиную была распахнута настежь, так что Джаван слышал голоса, доносившиеся снаружи.

Перевернувшись на спину, он осмотрел комнату. С внутренней стороны балдахин на кровати был из бледно-желтого форсинского шелка с золотой нитью, а внизу шторы были подвязаны лентами из алого дамаска, отороченные золотисто-желтым. Лев Халдейнов, почти в натуральную величину, был вырезан в изголовье постели. Крючки, поддерживающие Державный Меч, были расположены таким образом, что казалось, будто лев сжимает клинок в лапах. Потянувшись, Джаван взял оружие в руки и вместе с ним опять лег в постель, прижавшись щекой к рукояти. Металл приятно холодил кожу.

«*Теперь я и вправду король*, — подумал он, поглаживая пальцем резьбу на ножнах. — *И что же дальше?*

---

[1] Притчи 12:23

Отец, что ты сделал со своими сыновьями в ночь, когда смерть забрала тебя? Что ты сделал со мной? Мне нужна помощь, я должен знать, как мне быть. Из всех, кто был там в эту ночь, остался один лишь Джорем. Я должен понять...»

Он застыл, вспомнив внезапно о вчерашнем разговоре с Этьеном де Курси. Этьеном де Курси, Дерини...

«Его сын должен принести мне какое-то послание, — сказал он себе. — *Это значит, что сын его тоже Дерини. Может быть, именно он принесет вести от Джорема. И тогда я узнаю все, что должен знать.»*

Эта мысль подстегнула его к действию. Он сел на постели, изогнулся, чтобы повесить меч на место, а затем встал, остерегаясь ступать на больную ногу. Он скинул с себя промокшую от пота рубаху и бросил ее в изножье постели, а затем прошел в уборную, чтобы облегчиться, и наконец направился в гостиную.

Райса-Майкла нигде не было видно, зато Бертранд и Карлан с удовольствием поглощали сытный завтрак, а на другом конце стола Робер и Джейсон корпели над бумагами вместе с Джеровеном Рейнольдсом и Этьеном де Курси. Этьен делал какие-то записки на листе пергамента. Завидев Джавана, все поднялись на ноги.

— Доброе утро, сир, — приветствовал его Робер. — Надеюсь, вам хорошо спалось?

— Да, спасибо, — отозвался Джаван, внезапно почувствовав неловкость от того, что оказался в центре внимания. — Жара меня разбудила. А где Райс-Майкл?

— Вернулся в свои покои, чтобы принять ванну и переодеться, — пояснил Карлан. — Я велел принести

вам воды, — добавил он и показал на деревянную бадью, установленную у оконной ниши. — Она как раз сейчас немного остыла. Думаю, вам едва ли понравилось бы купаться в кипятке.

— Это верно, благодарю тебя. Кто-нибудь искал со мной встречи, — спросил он, бросив украдкой взгляд на Этьена.

Барон молча покачал головой, а Джейсон ответил:

— Нет, сир. Мы работали кое над какими документами, что показывали вам вчера, и тут есть примерный набросок кандидатов в члены совета. Посмотрите, когда вам будет угодно.

— Но сперва примите ванну, оденьтесь и хоть немного перекусите, — продолжил Джейсон. — Я бы сказал, что ваш единственный долг сегодня, если не считать того, что мы сделаем здесь, в этой комнате, это навестить тело брата в базилике. И я бы посоветовал подождать с этим до вечера, когда станет попрохладнее.

— Да, я так и сделаю, — вполголоса отозвался Джаван и подошел к столу, чтобы отрезать себе кусок сыра.

Чуть позже, искупавшись и переодевшись, он ощутил сильный голод, и с удовольствием насытившись, сел за стол, чтобы прочесть все документы, которые для него подготовили, задавая вопросы, делая свои предложения и обсуждая все это с друзьями. Однако время шло и внутренняя неловкость лишь нарастала. Какие-то люди приходили и уходили, большей частью рыцари, из тех, кто сопровождал его во дворец из семинарии *Arx Fidei*, но тот, кого так ждал Джаван, так и не появился. Лишь во второй

половине дня Бертранд открыл дверь, и на пороге возник горбоносый Гискард де Курси.

Джаван не сводил с него взгляда, но, войдя в комнату, тот сперва подошел к отцу и склонился, чтобы что-то прошептать ему на ухо. Джаван сделал вид, что внимательно читает документ, который он держал в руках. Через пару мгновений Этьен бросил на него пытливый взгляд и поднялся. Гискард также выпрямился.

— Сир, могу ли я перемолвиться с вами парой слов наедине? — спросил его Этьен.

— Разумеется.

Отложив бумаги, Джаван встал и двинулся в опочивальню. Этьен с сыном последовали за ним. Этьен плотно закрыл за ними дверь и жестом велел подойти как можно ближе к дверям, ведущим на балкон.

— Сир, позвольте представить вам сэра Гискарда де Курси, моего сына, — вполголоса промолвил Этьен. — По-моему, официально вы не были знакомы.

— Приветствую вас, государь, — произнес Гискард.

На вид ему казалось чуть за тридцать, может быть, даже моложе. Темные глаза и волосы были точь-в-точь, как у отца, но нос не с такой горбинкой. Джаван поймал себя на том, что не может отвести от него взгляда.

— У вас есть послание для меня? — прошептал он.

Гискард пристально посмотрел на него в ответ и слегка поклонился.

— Верно, сир. Нынче ночью, когда замок заснет, я должен отвести вас в базилику, в небольшой кабинет рядом с ризницей, куда вы ходили заниматься с отцом Бонифацием. Увы, отец Бонифаций скончался, пока вы были в отъезде, но я уверен, что его пре-

емник не будет чинить нам препятствий. Как только мы окажемся там, я отведу вас к другу.

— К отцу Джорему?

— Да.

Джаван не сразу осознал, что все это время стоял, затаив дыхание, но теперь он испустил долгий, чуть слышный вздох. Он прошел на балкон, упершись ладонями в каменный парапет. Интересно, как много Гискард и его отец знают о нем... Хотя если Джорем доверил обоим де Курси такую секретную миссию, то, должно быть, им известно очень многое. По крайней мере, они знали о его способности отличать правду от лжи в словах человека, и что у него есть защиты и он способен определить, если кто-то пытается проникнуть в его сознание.

— Как вы думаете все устроить сегодня ночью? — спросил он, любуясь городом, залитым беспощадными лучами солнца.

Гискард подошел поближе. Отец его остался в дверях на тот случай, если кому-то придет в голову заглянуть в опочивальню.

— Никому не покажется странным, если сегодня вечером вы отправитесь в базилику, чтобы поклониться телу брата, — невозмутимо пояснил Гискард. — Я буду вас сопровождать. В это же самое время отец будет стоять в почетном карауле. Если потребуется, он отвлечет остальных. Согласны?

* * *

После полудня разразилась гроза, небеса потемнели задолго до сумерек и разразились громом, молнией и проливным дождем. После долгой засухи это сперва показалось облегчением, однако влажность

вскоре стала невыносимой. Ливень прекратился на несколько часов после заката, но начался вновь незадолго до того, как Джаван собрался спуститься в базилику.

Дождь падал мерно и тихо. Воздух казался тяжелым и плотным, но, по крайней мере, стало чуть попрохладнее. Гискард бы предпочел, чтобы для сегодняшней вылазки они надели плащи с капюшонами, но для этого по-прежнему было слишком жарко. Впрочем, черные траурные одежды и без того не привлекали особенного внимания.

Джаван также предложил, чтобы их сопровождал еще один человек. Это вызовет меньше подозрений, чем если бы он направился вдвоем с Гискардом, которого он едва знает, поэтому Карлан стал их спутником в этот вечер. Если понадобится, позднее они замутят воспоминания молодого рыцаря. Джаван рассказал Гискарду о том, что в сознании Карлана для этого были сделаны специальные установки, но ни словом не обмолвился, откуда они взялись. Пусть Дерини считают, что это работа Джорема или кого-то еще из его друзей. Пока что Джавану не хотелось слишком многое открывать о собственных способностях.

Они не пытались сохранить в тайне, что идут в базилику, ибо, как справедливо заметил Гискард, едва ли кому-нибудь покажется странным, что король пожелал еще раз проститься с покойным братом, после того как схлынет дневная толпа и воздух чуть посвежеет. Все втроем они миновали главные двери и незаметно прошли по боковому трансепту, чтобы преклонить колена рядом с катафалком. В неровном свете погребальных свечей, установленных по три с каждой стороны гроба, Джаван с трудом различал

силуэт Этьена де Курси среди четырех рыцарей, что несли безмолвное бдение. Они стояли спиной к катафалку, склонив обнаженные головы над мечами, удерживая оружие в неподвижности за крестовину. На рыцарях были накидки цветов Халдейнов поверх черных траурных одеяний. Все они были перепоясаны широкими черными кушаками.

О самом Алрое Джаван предпочитал сейчас не задумываться. Все равно, то тело, что лежало сейчас перед ним, — это был уже не его брат. С головы до ног умершего окутывал черный саван, в полумраке почти скрывая его очертания. Алрой казался теперь совсем маленьким, а приглушенный свет свечей смягчал мертвенную бледность лица, так что могло бы показаться, что он вовсе не мертв, а лишь заснул. Однако даже стойкий аромат благовоний не мог полностью скрыть запах начинающегося тления.

Джаван не задержался надолго, хотя и заставил себя подойти к гробу и дотронуться до сложенных на груди рук в последнем жесте прощания. Уже завтра тело Алроя в гробу будет перенесено в собор, и Джаван никогда больше не увидит своего брата-близнеца.

Притихший и подавленный, он скользнул вслед за Гискардом в задние двери, но заставил себя отвлечься мыслями от прошлого и перенестись в настоящее. Гискард и Карлан зорко осмотрели все вокруг, чтобы убедиться, что никто не следит за ними. Он восстановил давнюю связь с Карланом, когда они преклонили колени в базилике, поэтому теперь юный рыцарь не задавал никаких вопросов по поводу того, чем они заняты.

По знаку Гискарда, Джаван увлек за собой Карлана в северную часть базилики, пока наконец не пока-

зался проход, ведущий в восточный придел здания. Низенькая дверца оказалась не заперта, и они спокойно прошли внутрь. Вскоре, миновав ризницу, к ним присоединился и Гискард.

В маленьком кабинете все осталось точно так же, как и помнилось Джавану, если не считать того, что исчез стол отца Бонифация, и человек, который лежал сейчас на кушетке, был незнаком принцу. На нем было одеяние *Custodes Fidei*. Гискард, заперев на засов дверь кабинета, подошел ближе и склонился над священником, рукой коснувшись закрытых глаз.

— Его зовут отец Асцеллин, — заметил Гискард. — Один из самых подлых *Custodes*, кого я знаю. Принадлежит к свите старшего Инквизитора. Я был бы рад усыпить его навсегда, но это могло бы возбудить ненужные подозрения. Пока что мы не должны себе этого позволять.

Сглотнув, Джаван подошел ближе. Прежде ему и в голову не приходило, что Дерини может быть способен на нечто подобное. Эта мысль подействовала на него отрезвляюще. По счастью, Гискард истолковал его сомнение как простую робость и одарил принца ободряющей улыбкой.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Это лишь мимолетное искушение. Я никогда бы такого не сделал, по крайней мере, с беззащитным спящим человеком.

Без предупреждения рука его метнулась и ухватила Карлана за запястье, и в тот же миг он овладел сознанием молодого рыцаря. Все было совсем не так, как это проделывал сам Джаван. У Карлана подогнулись колени, он рухнул на пол, глаза закатились, так что показались белки. Еще мгновение назад он был полностью в сознании, а через миг уже погрузился в

глубокий транс. Джаван и Гискард подхватили его с пола и усадили на стул рядом с очагом. Это было самое неприметное место в комнате. Однако Джавана удивило и несколько покоробило то, как резко Дерини обошелся с Карланом, который был предан ему до мозга костей, и потому, не удержавшись, он спросил Гискарда:

— Так ли это было необходимо?

— Что именно?

— Его сознанием очень легко овладеть, нужен был всего лишь небольшой толчок.

Гискард удивленно поднял брови.

— Как часто вам доводилось видеть, чтобы кто-то делал нечто подобное? — спросил он.

— Довольно часто, — туманно отозвался Джаван. — Не имеет значения, просто Карлан мой друг, нет нужды обращаться с ним таким образом, как вы обошлись с этим священником, отцом... боюсь, я забыл его имя.

— Асцеллин, — автоматически подсказал Гискард. Затем потрясенно покачал головой. — Поверить не могу, что обычный человек указывает мне, как распоряжаться своей силой, пусть даже король.

Джаван отвернулся.

— В свое время я работал с Целителем. Он всегда действовал очень изящно. Я вас не боюсь, просто я не привык, чтобы магию проявляли так... грубо.

— Может быть, если бы все мы в свое время были погрубее, то сейчас Дерини не оказались бы в таком положении, — резко отозвался Гискард. — Может, и не было бы никаких *Custodes Fidei*, которые вынюхивают нас теперь по всей стране и уничтожают каждого, кто попадется им в руки.

— Я тоже их терпеть не могу, — шепотом отозвался Джаван. — К тому же отчасти я ощущаю свою ответственность за случившееся, поскольку именно мой брат дозволил, чтобы этот орден был создан. Я надеюсь исправить положение, но этому явно не суждено будет случиться, если мы здесь проспорим всю ночь напролет. Так что давайте отправимся к Джорему, если уж мы пришли сюда именно за этим.

Гискард был явно ошеломлен подобным обращением и настороженно кивнул.

— Прошу простить меня, государь, но я не слишком хорошо знаю сэра Карлана, и тем более, я не мог знать, насколько хорошо его сознание поддается контролю. Я подумал, что лучше немного перестараться, чем потом пожалеть об этом.

С этими словами он быстрым шагом пересек комнату и склонился над поручнем молитвенной скамеечки, стоявшей в углу. С негромким щелчком стенная панель справа отодвинулась в сторону. Гискард вошел в образовавшуюся крохотную нишу, и Джаван без колебаний последовал за ним, а затем встал спиной к своему спутнику, до сих пор не в силах забыть их недавнюю перепалку.

— Мне сказали, что вы уже проходили через этот Портал, — шепотом произнес Гискард и положил руку на плечо Джавану.

— Да, — отозвался тот чуть слышно, готовясь к не слишком приятному прыжку.

— Я также знаю, что у вас откуда-то имеются защиты, — продолжил Гискард у самого его уха. — Отец Кверон велел мне не входить глубоко в ваше сознание, лишь слегка зацепить, чтобы провести за собой через Портал. Но после нашего разговора насчет Карлана теперь мне стало ясно, что вам извест-

но куда больше, чем мне о том сообщили, и вероятно, я и впрямь действовал слишком грубо. Есть какие-нибудь предложения?

Голос его звучал совершенно искренне, в нем не слышалось ноток обиды. Это было явное предложение мира, и Джаван с радостью принял его, почувствовав внезапную теплоту по отношению к этому грубоватому юному Дерини, который, очевидно, очень многим рисковал ради того, чтобы ему помочь.

Он уже несколько лет не вступал ни с кем в ментальный контакт, но ощутил внезапный прилив уверенности и опустил свои защиты, чтобы позволить Гискарду взять над ним контроль и помочь совершить прыжок. Глубоко вдохнув и выдохнув, он сделал усилие над собой, чтобы расслабиться и облегчить Гискарду задачу.

— Я уверен, что у нас это будет получаться гораздо лучше, когда мы как следует узнаем друг друга, — заметил он негромко. — Но пока делайте это так, как привыкли, как если бы я был одним из вас. Меня кое-чему учили в свое время. А если не сработает, поищем другой способ.

— Вполне разумно, — отозвался Гискард шепотом. — Ну, если вы готовы, то и я готов.

Еще раз глубоко вздохнув, Джаван закрыл глаза и запрокинул голову, затылком упираясь в плечо своего спутника. В тот же миг он окончательно опустил защиты, давая дорогу сознанию Гискарда. Он даже не пытался угадать, в каком направлении они совершат перемещение, хотя кое-какие подозрения у него имелись.

Гискард и здесь оказался резче, чем было привычно Джавану. Но, судя по всему, они имели шанс сра-

ботаться достаточно хорошо, чтобы осуществить прыжок. Миг головокружения и потери ориентации быстро миновал. И когда наконец Джаван открыл глаза, то перед ним была давно знакомая небольшая комната с каменными стенами в недрах михайлинского убежища.

Глава 10

Возвещу вам, что в руке Божией; что у Вседержителя, не скрою[1]

Его ожидали двое: Джорем и епископ Ниеллан Трей. Джаван с изумлением обнаружил, что оба они носят синие михайлинские рясы. Михайлинцев так давно не видели при дворе, что Джаван уже почти забыл, как они выглядят. На глазах его выступили слезы, когда он вышел из Портала, но Джорем спас его от минутной неловкости, крепко стиснув в объятиях. Такого проявления эмоций Джаван никак не ожидал от всегда суховатого и сдержанного Джорема Мак-Рори.

— Джаван, мой государь, мой отважный принц, — с этими словами разум Джорема также ласково обнял сознание Джавана. — Я так горевал, когда узнал о смерти Алроя.

Как ни странно, слова эти унесли прочь всю печаль и оставили лишь облегчение и радость на месте скорби и страха. Отступив на шаг, Джаван встретился с Джоремом глазами как мужчина с мужчиной, король с верным союзником. Он взял Джорема за руки, поражаясь, насколько же ему повезло иметь та-

---

[1] Иов 27:11

кого друга. Улыбаясь, священник-Дерини склонил златовласую голову, чтобы поцеловать руки короля, в этом старом как мир, безмолвном жесте выказывая свою преданность и почтение.

— Отец Джорем, как же я рад вас видеть, — пробормотал Джаван, глядя в серые глаза. — Как много времени прошло.

— Да, мой принц, слишком много, — отозвался тот. Опомнившись, он знаком подозвал поближе своего спутника. — Позвольте представить вам епископа Ниеллана. Мы решили на первый раз ограничить число встречающих.

Ниеллан также склонился поцеловать руку королю, а Джорем обратился к Гискарду, стоявшему у Джавана за спиной.

— Сколько времени мы можем здесь его продержать? — спросил он.

— Ну, может быть, полчаса, — отозвался Гискард. — Асцеллин и Карлан спят в кабинете. Они в безопасности, если только кто-нибудь не вздумает заглянуть снаружи. Но в этот час такое маловероятно. Впрочем, если хотите, я могу подождать там с ними, чтобы нам не волноваться понапрасну, а кто-нибудь из вас потом переместится вместе с его высочеством в базилику.

— Да, мудрая мысль, — согласился Джорем. — Но пусть Ниеллан сперва прочтет твои воспоминания. Тогда нам будет известно все то же, что знаешь ты.

Гискард кивнул, а Джорем, взяв Джавана за руку, повел его прочь из зала Портала в небольшую восьмиугольную часовню.

— Ну как, вы с Гискардом нашли общий язык? — спросил Джорем, закрыв за ними дверь.

Джаван, пожав плечами, застенчиво улыбнулся.

— Сперва не очень хорошо, но, думаю, со временем, мы будем лучше понимать друг друга. Он не так тонок, как вы или Тавис, или... Ивейн.

Упомянув ее имя, он не смог удержаться, чтобы не взглянуть на ту стену часовни, где некогда нашли вечное упокоение те, кто три года назад отдал жизнь за его семью.

— Она тоже здесь?..

Джорем тряхнул головой.

— Нет, не здесь, в другом месте. Когда-нибудь, возможно, я отведу вас туда. Там же покоится и Райс.

— А... — Джаван уставился в пол, явно ощущая неловкость, затем вновь поднял взгляд на Джорема.

— Мы не смеем задерживаться сегодня надолго. Я... я надеялся, что первая встреча пройдет в более спокойной обстановке. Прошло так много времени.

— Знаю, — Джаван немного помолчал. — А ведь ничего не случилось, когда умер Алрой. Я был с ним, Джорем, я надел кольцо Огня... — Он поднял руку, чтобы показать перстень. — Но я ничего не почувствовал, а Ивейн обещала, что произойдет нечто важное.

Джорем глубоко вздохнул, и неожиданно принял торжественный вид.

— Есть некоторые... вещи, которые необходимо сделать, чтобы должным образом дать дорогу тому, что было заложено в ваше сознание, — пояснил он. — Первой до этого додумалась Ивейн, когда пыталась разобраться, почему у вас начали проявляться способности Халдейнов, а у Алроя — нет. Она оставила кое-какие заметки.

— Так вы в этом разобрались?

— Не до конца. Но за последние два-три года я продолжил ее исследования, стараясь как можно лучше подготовиться к этому дню. Вы же помните, я последний остался из тех, кто присутствовал в ту ночь, когда ваш отец передал свое могущество вам с братьями.

Он вздохнул.

— Я обо всем рассказал Тавису, это справедливо, ведь он тоже был отчасти в этом замешан, и также открыл тайну Кверону. Они согласны помочь нам и сделать все необходимое, но сегодня мне не удалось сделать так, чтобы они оказались здесь. Они сумеют прибыть лишь завтра вечером. Хорошо бы, если бы вам удалось вернуться, и тогда... проверим, правы ли оказались мы с Ивейн.

— Вы постараетесь пробудить во мне магию отца? — прошептал Джаван.

— Да.

Джаван испустил долгий глубокий вздох, затем рассеянно прошелся по часовне и опустился на каменную скамью у стены.

— Вчера я впервые сразился с драконами на первом заседании совета. Джорем, я выиграл первую схватку, но противники очень сильны. А на моей стороне слишком мало опытных людей. Как многое известно обо мне барону де Курси, и как им удалось сохранить в тайне свое происхождение?

Джорем с улыбкой сел рядом с королем.

— Земли Этьена лежат далеко на юге. Там люди не так сильно настроены против Дерини, к тому же его семья всегда старалась держаться особняком. Впрочем, сейчас у меня нет времени рассказывать вам всю историю, по крайней мере, на словах. Именно поэтому я хотел бы попросить об одной ве-

щи... Знаю, что не имею права на это в столь трудное время... Но я все равно попрошу, даже если это испугает вас.

Джаван слегка напрягся, заранее предчувствуя, в чем будет состоять просьба Джорема.

— Помните, в тот раз, когда Ивейн привела вас туда, мы считывали ваши воспоминания вместе с Квероном, — негромко спросил его Джорем.

Содрогнувшись, Джаван отвел взгляд и уставился на лампаду, горевшую над алтарем. Он помнил это слишком хорошо... И ту ужасающую головную боль, что ждала его после этого... Но тот опыт его многому научил. А сведения, которые он обрел за те несколько мгновений, стоили любой боли.

— А вы... вы можете сделать это в одиночку? — спросил он шепотом, прочистив горло.

— Да, и надеюсь, что на этот раз у нас все получится гораздо лучше, — сказал Джорем. — Я бы не просил, но это слишком важно... И для завтрашнего вечера, и вообще на будущее. Мы должны поведать друг другу очень многое. Все, что произошло за эти три года.

Джаван вновь сглотнул и кивнул головой, не смея поднять взор на Джорема. Он всегда слегка побаивался этого невозмутимого уравновешенного священника-михайлинца, но ведь Джорем был братом Ивейн и сыном святого Камбера...

— Ладно. Что я должен делать?

— Чем больше вы расслабитесь, тем легче это будет для нас обоих, — произнес Джорем, успокаивающе похлопав его по плечу. Давайте, закидывайте ноги на скамью и прислонитесь ко мне спиной.

Все еще слегка встревоженный, Джаван сделал то, что ему велели, и положил голову Джорему на коле-

ни, а руки сложил на груди. Закрыв глаза, он попытался расслабиться, ощущая руки священника, касавшиеся его лба.

«*Вспомните все, что вы узнали от нас, особенно от Ивейн*, — ласково велел ему Джорем. — *Постарайтесь уйти в глубокий, очень глубокий транс, еще глубже, чем в прошлый раз. Я постараюсь не причинить вам боли, но вы должны будете мне помочь. Чем глубже мы погрузимся, тем быстрее я смогу прочесть ваше сознание, и тем меньше будет для вас неудобств. Теперь расслабьтесь, и пусть все идет своим чередом...*»

Последний раз он делал это очень давно, но воспоминания всплыли мгновенно. У Джавана было такое ощущение, словно он стремительно падает вниз по головокружительной спирали, все больше отрываясь от собственного разума и теряя связь с физическим миром... Но Джорем все время был рядом, он поддерживал его, мягко направлял на нужный путь к самому центру, подталкивал, указывал дорогу, глубже, глубже...

Он едва не пропустил тот миг, когда Джорем начал считывать его воспоминания, таким мягким и уверенным был его нажим. Прежде он сравнивал это ощущение с сосудом, из которого выливают содержимое... Но теперь оно не вырывалось стремительно сквозь дыры, пробитые в защитах; казалось скорее, что разум его сделался похожим на решето, и лишь сила тяжести утягивала прочь содержимое памяти, а Джорем... попросту поглощал его.

Обратный процесс также прошел почти безболезненно. Мягкое нагнетание нового знания в сосуд, вновь ставший целым, и даже еще более крепким, чем прежде. Было ощущение растущей тяжести, но не так, словно в голову ему вливают расплавленный

свинец, как это было в первый раз. Скорее, ощущение такое же, как когда хорошо поешь за ужином... Ну, или может быть, немножко пресытишься. Однако, дискомфорт не столь уж сильный, по сравнению с предыдущим опытом.

Когда Джорем вернул его в сознание, сердце Джавана билось ровно, и дыхание оставалось неглубоким. Ни разу не испытал он страха или даже простого неудобства. Он открыл глаза даже прежде Джорема и успел заметить у того на лице выражение неприкрытого удовольствия. Проморгавшись, Джорем в упор взглянул на него.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил священник.

Джаван сел с застенчивой улыбкой и потянулся, и затем зевнул.

Если раньше у него еще оставались какие-то страхи по поводу ментального общения с Джоремом, то теперь они напрочь исчезли. На самом краешке сознания он ощущал гнет полученных новых сведений, но пока был не готов подробно изучить и поглотить их.

— Похоже, у нас обоих стало это получаться гораздо лучше, — заметил он. — Я чувствую, как будто... переполнен, если только можно так сказать о мыслях. Но это совсем не больно.

Джорем улыбнулся и откуда-то из складок своей сутаны достал крохотный пергаментный сверток, и протянул его Джавану.

— Чтобы навести порядок в этих воспоминаниях, вам сперва нужно как следует выспаться. Растворите это в бокале вина и выпейте, перед тем как ляжете в постель.

— А что это такое? — полюбопытствовал Джаван, тщась разобрать надпись, сделанную крохотными буквами на краешке пергамента.

— Легкое снотворное, — отозвался Джорем. — Его сделал Целитель Ниеллана. Это снадобье также снимет головную боль, если все же наступит отрицательная реакция. Но, судя по вашему состоянию, я не ожидаю ничего плохого. Однако ночью нужно будет отоспаться как следует.

— Не возражаю, — Джаван с трудом подавил зевок. — Я до сих пор не пришел в себя от последних дней.

— Тогда лучше возвращайтесь. — Джорем поднялся и помог Джавану встать на ноги. — Наутро вам будет проще разобраться с воспоминаниями, которые я сейчас передал. И, кроме того, нужно как следует подготовиться к завтрашнему вечеру. Пусть Гискард поможет вам добраться сюда в это же время. И скажите ему, чтобы прикрыл ваше отсутствие где-то на час.

Склонив голову набок, Джаван бросил взгляд на священника.

— Он не должен знать, что я сам способен использовать Портал?

— Верно. Вы все отлично понимаете без слов. Лучше не рассказывать посторонним о том, на что вы способны. Он знает только, что вы можете отличать истину от лжи, и ваше сознание закрыто щитами. Тут уж ничего нельзя было поделать. А если он и заметил что-то лишнее, то Ниеллан уберет это из его доклада. Он же даст все необходимые объяснения по поводу Карлана. Поймите меня правильно, никто не сомневается в абсолютной преданности Гискарда. Он достоин вашего доверия, равно как и его отец.

Оба готовы отдать жизнь за вас. Но пока что чем меньше они знают, тем меньше смогут рассказать, если случится несчастье. Разумно?

— Полагаю, что да, — пробормотал Джаван.

Когда они направились к выходу из часовни, его внезапно пробрала дрожь, и Джорем покровительственно приобнял его за плечи.

— Все будет в порядке, мой принц, — негромко сказал ему священник. — Вы справитесь. На совете вы выступали просто блестяще. Только не торопитесь.

По коридору они вернулись в зал Портала, и Ниеллан при их приближении поднялся со стула. Огонек единственной свечи освещал его лицо с седыми волосами и коротко подстриженной бородкой.

— С Гискардом все в порядке? — спросил Джорем, подводя Джавана к Порталу.

Ниеллан кивнул.

— Да, все отлично. Наш король произвел на него большое впечатление. Он никак не может понять, откуда взялись защиты, но я сумел его убедить, что этот дар, равно как и способность видеть истину — это нечто вроде божественного дара королей, по крайней мере, королей Халдейнов.

— Правильно, именно это и следует ему внушить, — подтвердил Джорем с улыбкой. — Хотя бы на ближайшее время. Ну да ладно, полагаю, что теперь...

— Думаю, Джавану еще рано нас покидать, — перебил его Ниеллан. — Пока вы были заняты, появился Джесс. Он в соседней комнате. По моему, сейчас самое время представить их друг другу.

Священники переглянулись, и Джавану показалось, что они вступили между собой в краткий мен-

тальный контакт, однако он не смог уловить отголосков их мыслей.

— Джесс здесь? — наконец сказал Джорем вслух. — Вот это удача. Конечно, попроси его присоединиться к нам.

Когда Ниеллан вышел, Джаван вопросительно посмотрел на Джорема.

— Кто такой Джесс?

Джорем улыбнулся.

— Вы обязательно должны с ним познакомиться. Он сын и наследник Грегори, графа Эборского. Впрочем, сейчас этот титул немного значит. Он лишился его, подобно большинству Дерини. Некогда он был очень дружен с моими племянниками, Дэвином и Анселем. А теперь он — мой связной с Анселем, и, я думаю, как раз принес вести от него. А, вот и Джесс, добро пожаловать. Ты надолго?

Молодому человеку, что вошел следом за Ниелланом, на вид было лет двадцать. Он был стройным, худощавым, изящным в движениях. Он носил меч на потертой перевязи и расстегнутую на горле белую рубаху, заправленную в кожаные штаны для верховой езды. Каштановые волосы были стянуты сзади в хвост, в глубине карих глаз поблескивали золотые искорки. Похоже, от взгляда его мало что могло укрыться. Ростом он был немногим выше Джавана, но гораздо более крепко сложенным. Когда он улыбнулся, на загорелом лице блеснули белоснежные зубы. Узнав Джавана, он отвесил ему почтительный поклон.

— Все зависит от того, как долго я буду здесь вам нужен, — бодро отозвался Джесс. — А это, полагаю, наш новый король.

— Совершенно верно. Джаван Халдейн, король Гвиннеда, позвольте представить вам сэра Джесса Мак-Грегора, который должен был бы стать владетелем Эбора, но они с отцом лишились всех своих владений, будучи урожденными Дерини, — пояснил Джорем.

Джаван протянул руку, и Джесс склонился над ней. Джорем взял в свои ладони их руки, а затем посмотрел Джавану в глаза.

— С Джессом вам тоже необходимо научиться вступать в контакт, мой принц, — сказал он негромко. Я понимаю, это не самое подходящее время, но мне кажется, что краткий контакт будет для вас сейчас полезен, поскольку наверняка вам придется работать вместе в будущем. Он очень, очень одарен, — добавил священник, — и все знает о вас.

На мгновение Джавана охватила настоящая паника, но он постарался подавить страх. Негромко вздохнув, он перевел взгляд на Джесса. Ну почему Джорем словно ставит своей целью каждое мгновение озадачивать его все сильнее. Впрочем, причина Джавану была известна, и все равно это здорово выводило его из себя. Ладно, по крайней мере вид у этого Джесса был не столь грозный, как у старших Дерини, с которыми до сих пор Джавану приходилось иметь дело...

Молодой рыцарь выпрямился и крепче сжал руку Джавана. Карие глаза встретились с серыми. Во взгляде его не было ни лукавства, ни излишней настойчивости. Он просто ждал, чтобы Джаван первым сделал шаг к нему навстречу, и когда Джорем с Ниелланом отступили подальше, чтобы не быть помехой, Джаван решился. Как ни странно, с человеком ближе ему по возрасту все казалось гораздо про-

ще, несмотря даже на то, что они с Джессом впервые встретились лишь несколько мгновений назад.

— Джесс Мак-Грегор, — произнес он уверенно и кивнул в знак приветствия. — Я не слишком в этом искусен... Наверное, именно поэтому Джорем хочет, чтобы мы сделали это сейчас... Но мне приятно думать, что я понемногу учусь. Если Джорем считает, что нам следует начать немедленно, то я готов попробовать.

На миг он опустил взгляд, сам не в силах поверить, что только что дал согласие на ментальный контакт с почти незнакомым человеком. Джесс улыбнулся.

— Ваше доверие большая честь для меня, мой принц, — произнес он негромко. — Но надеюсь, это не будет столь уж тяжелым испытанием. Позвольте мне руководить вами.

Джаван кивнул, не решаясь выразить согласие вслух. Они с Джессом взялись за руки. Пожатие рыцаря было крепким и уверенным, как и подобает опытному бойцу. Однако начало ментального контакта оказалось не столь уж угрожающим.

— Закройте глаза и постарайтесь расслабиться, мой принц, — сказал ему Джесс. — Мы не будем сейчас входить в глубокий транс. Просто мягкое, легкое касание. Я пойду впереди, но вы будете контролировать глубину погружения, без всякой спешки. Я здесь, чтобы служить вам. Расслабьтесь...

Джаван повиновался, немедленно погружаясь в легкий транс и с легкостью отыскивая точку равновесия, достигать которую его научил Джорем. Касание Джесса было гладким, точно шелк, окутывающим, но не связывающим, ласкающим и приглашающим

одновременно. И защиты Джавана опустились в тот же миг.

Не требуя ничего взамен, Джесс раскрылся перед ним разумом и душой, готовый взять лишь то, что сам Джаван готов был предложить в ответ. За несколько мгновений перед мысленным взором Джавана возник образ юного Дерини, который к своим годам успел уже очень многого достичь, и немало сделал на службе Халдейнам. В ответ Джесс не просил его ни о чем, но Джаван с радостью разделил с ним основные воспоминания о том, как провел последние три года, инстинктивно ощущая, что именно этого ждет от него молодой рыцарь.

Наконец, в безмолвном согласии оба одновременно разорвали связь и подняли защиты. Джаван медленно открыл глаза и довольно вздохнул. Джесс не сводил с него глаз, чуть заметно улыбаясь, и, как только увидел, что Джаван пришел в себя, медленно склонился и поцеловал руку королю. Но это было лишь подтверждением преданности, которую он уже обещал своему повелителю прежде, в гораздо более тесном личном контакте.

— Вы недооцениваете свои способности, мой господин, — сказал Джесс, размыкая руки. — Но полагаю, сейчас вас зовут иные обязанности. — Через плечо Джавана он бросил взгляд на Ниеллана и Джорема. — Если угодно, я сам верну его в Ремут. Или пусть это сделает кто-то из вас?

— Лучше Ниеллан, — предложил Джорем, бросил взгляд на Джавана. — Кто-то обязательно должен проводить его, чтобы Гискард не догадался, что вы и сами способны пользоваться Порталом. Тем более что вам будет полезно научиться работать вместе с каждым из нас.

После совместной работы с Джоремом и удачного контакта с Джессом Джаван уже не боялся мысленного касания Ниеллана. Кроме того, епископ нравился ему.

— Не возражаю, — сказал он. — Но его милости следует иметь в виду, что я еще новичок во всех этих делах.

С улыбкой Ниеллан подошел ближе и провел Джавана в Портал, крепко взяв короля за плечи.

— Все эти пышные титулы ни к чему, сир, — сказал епископ. — Я ведь официально уже не ношу митру. Почему бы вам не называть меня просто по имени? Или хотя бы отец Ниеллан, если так вам больше по душе. А мне было бы очень приятно называть вас «мой принц».

От пожилого Дерини исходило такое душевное тепло, что устоять перед ним было невозможно, и Джаван, обернувшись через плечо, широко улыбнулся ему в ответ.

— Ниеллан, благодарю, мне нравится это имя. Но вам придется простить меня, если время от времени я буду забывать обращаться к вам так просто. Все же последние три года меня учили помнить все титулы церковнослужителей.

— И это только к лучшему, мой принц, — негромко отозвался Ниеллан, и положил правую руку на лоб Джавана. — Теперь закройте глаза и расслабьтесь. Все произойдет очень быстро. Думаю, вы очень скоро сможете отправиться ко сну.

Теплое, ласковое касание его сознания помогло Джавану мгновенно расслабиться и погрузиться в состояние транса. Он полностью подчинил себя епископу-Дерини, ощутил на миг головокружение, затем напор перемещающихся энергий... И вот они

уже оказались в Портале в ремутской церкви. Он открыл глаза и почувствовал, как сильно хочется спать, но это ощущение быстро удалось преодолеть. Зевнув, он нащупал пергаментный сверток у себя в кармане.

— Все в порядке, — прошептал Ниеллан ему на ухо, помогая восстановить равновесие, а затем потянулся, чтобы сдвинуть скользящую панель. В тот же миг Гискард оказался перед ними и поддержал Джавана, когда тот слегка оступился.

— Он просто устал, — пояснил Ниеллан вполголоса. — Все будет нормально, когда выспится. Постарайся поскорее отправить его в постель.

— Хорошо, ваша милость.

Гискард взял Джавана под руку.

Из базилики они выбрались без всяких приключений. Грозный отец Асцеллин остался храпеть в своей постели. Он не помнил ничего из происшедшего. Точно также никаких воспоминаний об этом приключении не сохранилось и у Карлана. Он знал лишь то, что король некоторое время провел в молитве у гроба брата, а теперь был готов вернуться в свои покои. Когда они выбрались во двор, он поддержал Джавана под локоть, поскольку камни мостовой были скользкими после дождя, а у короля был очень усталый вид.

У самых ворот замка они обнаружили пару разгоряченных лошадей, которых расседлывали конюхи. Несколько человек проводили Джавана взглядами, когда он с сопровождающими поднялся по ступеням главной башни и прошел через приемный зал. У Джавана слипались глаза, так что он не мог рассмотреть новоприбывших как следует, но Гис-

кард мгновенно напрягся, заметив значки на их плащах, а Карлан поторопил их к лестнице.

— Это люди Мердока, — шепотом сообщил Гискард. — Не нравится мне все это. Почему он не мог подождать до завтра?

Поднявшись на первый пролет, они встретились с Бертрандом, который спускался навстречу. Молодой рыцарь поспешил отвести их в сторону, в боковой коридор.

— Прибыл лорд Мердок, и он в скверном расположении духа, — с этими словами он повел их к другой лестнице. — Сейчас он ждет в ваших покоях, и с ним четверо оруженосцев, сир. Он заявил, что не уйдет, пока не увидится с вами. Сэр Робер объяснил, что вы молитесь в базилике, но он сказал, что готов подождать. Я боялся, что придется возвращаться за вами в церковь.

— Извини, — пробормотал Джаван. — Я и не думал, что кто-то захочет увидеться со мной в столь поздний час. Кто там есть еще из наших, кроме Робера?

— Лорд Джеровен и Томейс, — ответил Бертранд. — И я велел шестерым стражникам держаться поблизости в коридоре. Барон де Курси отправился за коннетаблем Удаутом, на всякий случай, если Мердоку придет на ум какая-нибудь глупость. Таммарон тоже там, пытается успокоить Мердока.

— Пожалуй, мне стоит посмотреть, не нужна ли отцу моя помощь, — предложил Гискард, — и мысленно передал Джавану: — *Если не возражаете, мой принц, я предпочел бы пока не показываться им на глаза. Вдруг у Мердока с собой кто-то из ищеек-Дерини.*

Джаван изумленно покосился на Гискарда, не ожидав, что тот обратится к нему на мысленном

уровне. Он кивнул, отпуская молодого рыцаря, и тотчас принялся перебирать возможные варианты того, что ждет его впереди. Ладно, Мердок — это все же лучше, чем Ран. Мердок примется кричать, беситься, вероятно, будет вести себя оскорбительно, но едва ли предпримет какие-то решительные действия. Ран — тот вполне мог схватиться за оружие, и уж с ним-то наверняка оказался бы кто-нибудь из ищеек-Дерини, а в этом крылась большая опасность, по крайней мере до тех пор, пока он не сумеет тайком связаться с каждым из Дерини и пообещать вырвать их из когтей советников, убедив, что им больше нет нужды предавать собственный народ.

— Да, пожалуйста, передайте барону де Курси, что я полностью одобряю его действия, — сказал он Гискарду на прощание. — И пусть Удаут сделает все, что необходимо, чтобы эти люди внизу не поднимали шума. Лучше, конечно, обойтись без открытого столкновения. Но либо они присягнут нам на верность, либо их следует изгнать из замка. Это ясно?

Гискард с улыбкой отдал честь.

— Все будет сделано, мой принц. Да хранит Господь ваше высочество.

Они достигли вершины лестницы. Гискард начал спускаться по ступеням, а Джаван на пару мгновений задержался, чтобы перевести дыхание и расправить тунику.

— Ну что ж, господа, — обратился он к Бертранду и Карлану. — Пойдемте послушаем, что хочет сообщить нам лорд Мердок.

У входа в королевские апартаменты дежурили шестеро стражников, все в накидках цветов Халдейнов. Дверь была слегка приоткрыта, и изнутри доносились рассерженные голоса. Стражники мгновенно

стали навытяжку, завидев Джавана, и их капитан кивнул королю, слегка вытащив меч из ножен, а затем открыл дверь и первым вошел внутрь, придерживая клинок рукой.

У Мердока Картанского был весьма недовольный вид. Это не было чем-то из ряда вон выходящим, ибо даже в лучшие времена Мердок всегда ухитрялся быть недовольным всем на свете, а несколько дней, проведенных в седле, еще более усилили его дурное настроение. Костистое, с резкими чертами, лицо казалось еще более худым. Тени от усталости залегли под глазами, а лоб прорезали морщины. Тонкие губы были поджаты в гримасе отвращения. Обычно Мердок одевался подчеркнуто опрятно, но сейчас его костюм был весь в пыли и промок от пота. Он о чем-то спорил с Таммароном, возвышаясь над канцлером на целую голову, а заслышав шаги капитана стражи, с мрачным видом обернулся на него, и лишь завидев Джавана, сумел удержать свой гнев.

— Милорд Мердок, — вежливо приветствовал его Джаван, перехватывая инициативу, прежде чем тот успел вставить хоть слово. — Вы оказали нам большую честь, поспешив явиться сюда так быстро, дабы засвидетельствовать почтение покойному королю, нашему брату... Мы и сами сделали это только что в базилике. Но вы бы могли отложить нашу встречу до утра, я вижу, вы проделали долгий и трудный путь...

— Да, и я встретился с архиепископами прежде, чем придти сюда, — заявил Мердок, избегая обращаться к Джавану положенным титулом. — Похоже, вы ловко позабыли обо всех святых обетах, чтобы перехватить корону у брата.

— Перехватить корону у брата? — переспросил Джаван с видом совершенной невинности. — Мой брат мертв, кому же еще должна принадлежать корона, как не его брату-близнецу?

— Вы отказались от трона, когда принесли присягу Церкви. — Мердок смерил Джавана ледяным взглядом, задержавшись на его увечной ноге. — Калека не должен вступать на престол. Мне казалось, что вы смирились с этим.

— Значит, вы ошибались, — невозмутимо парировал Джаван и поднял руку, чтобы оборвать возмущенные возгласы своих сторонников. — Мое увечье никак не может помешать мне править, как не могло бы помешать и стать священником. Если вы уже говорили с архиепископом Хьюбертом, то должны знать, что я никогда не собирался отречься от своего королевского долга, и не намерен делать этого впредь.

— Но Райс-Майкл должен был стать...

— Райс-Майкл отныне наследник короля, — вмешался Джеровен Рейнольдс, — а принц Джаван — наш повелитель. Или вы хотите оспорить это, милорд?

Капитан стражи сжал рукоять меча и, сузив глаза, уставился на Мердока. Стражники застыли в дверях. Мердок так стиснул челюсти, что, казалось, еще немного, и сломает себе зубы, но все же сумел изобразить кивок.

— А вы, господа, — продолжил Джеровен, обернувшись к оруженосцам Мердока, — окажете ли вы должное почтение вашему королю?

Он был безоружен, точно так же, как и Джаван, но у Робера и Томейса были мечи, а у Карлана и Бертранда — кинжалы. Стражники в дверях держали

копья помимо мечей и кинжалов, и, кроме того, на них были легкие доспехи.

Четверо оруженосцев взвесили все за и против и, видимо, решив, что сила не на их стороне, предпочли повиноваться... хотя, несомненно, их господин готов был сказать им пару слов, когда они наконец останутся наедине. Но пока что — сперва один оруженосец, а вслед за ним и все остальные неловко преклонили колени и склонили голову, невзирая на затаенную ярость Мердока. Джаван постарался скрыть вырвавшийся у него вздох облегчения. Жестом он велел им подняться, затем вновь обернулся к Мердоку.

— Преданность верноподданного бесценна, милорд, — произнес он спокойно. Это было двусмысленное заявление, которое Мердок волен был понимать как угодно. — Однако час уже очень поздний, и я должен просить вас удалиться. Вы проделали долгий путь и, наверное, точно так же как и я, мечтаете об отдыхе.

По крайней мере на это Мердок едва ли мог возразить, и он не сказал ни слова. Одарив Джавана высокомерным кивком, он откланялся вместе с оруженосцами. Капитан стражников проследовал за ним вместе со своими людьми на почтительном расстоянии, чтобы удостовериться, что Мердок на самом деле покинет эту часть замка. Когда дверь за ними закрылась, лорд Джеровен обошел вокруг стола, и они с Карланом поддержали шатающегося от усталости Джавана.

— Со мной все в порядке, — пробормотал тот, хотя ему с трудом удавалось побороть дрожь. — Я должен особо поблагодарить вас, лорд Джеровен. Не ду-

мал, что сегодня мне придется столкнуться с Мердоком.

— Для меня большая честь служить вам, сир, — ответил на это Джеровен.

— А для меня большая честь, что мне служат такие люди, как вы, — с этими словами Джаван бросил взгляд на свою опочивальню. — Но надеюсь, теперь вы простите меня. Сперва прощание с братом, а теперь все это... — Он глубоко вздохнул. — Бертран, не нальете ли вы мне чего-нибудь выпить, пока Карлан поможет мне раздеться.

К тому времени как он забрался в постель, а Карлан помог ему снять сапоги, Бертранд вернулся с кувшином вина и бокалом.

— Налить вам, сир? — спросил его Бертранд и поставил кувшин на столике у постели.

— Нет, благодарю, Карлан мне поможет, — отозвался Джаван, незаметно вытащив из кармана пергаментный пакетик, что вручил ему Джорем. — Но принесите мне еще немного воды, прошу вас. Сейчас слишком поздно, чтобы пить вино неразбавленным.

Бертранд удалился, и в тот миг, когда Карлан взял кувшин и бокал в руки, Джаван положил ладонь ему на запястье, мгновенно взяв контроль над его сознанием. Другой рукой он развернул сверток над чашей. Кристаллический порошок просыпался на дно бокала, и Джаван передал пергамент Карлану.

— Вот теперь все в порядке, — прошептал он и поднес бокал к губам. — Убери все это, и ни о чем не вспоминай.

Он поболтал вино в бокале, чтобы порошок растворился как следует. Карлан тем временем отставил кувшин в сторону, а когда Бертранд вернулся с гра-

фином воды, Джаван протянул ему кубок, чтобы тот разбавил вино.

— Благодарю вас обоих, — с этими словами он поднес бокал к губам и осушил его в четыре глотка. — Разбудите меня, если случится что-то важное. — Он протянул Карлану пустой кубок. — В противном случае дайте мне выспаться как следует. Надеюсь, завтрашний день пройдет спокойно, если только Ран не вздумает нас навестить. — Он постарался не думать о завтрашней ночи. — Вот понедельник будет тяжелым днем, а вторник, пожалуй, еще хуже.

Он ощутил, что снадобье Джорема начало действовать, едва только опустился на подушки. Оно мгновенно сняло все признаки нараставшей головной боли, появившейся после спора с Мердоком.

— Мы будем рядом, если мы вам понадобимся, сир, — услышал он слова Карлана перед тем, как погрузиться в сон.

Он отдался во власть забытья задолго до того, как верные рыцари успели устроиться на ночь.

Глава 11

Ты одеваешься светом, как ризою[1]

Джавану повезло: воскресный день прошел относительно спокойно. В полдень он отстоял мессу в часовне замка вместе с Райсом-Майклом и еще дюжиной своих сторонников, затем вместе с братом явился почтить покойного короля, после чего запер ся со своими помощниками до конца дня, изучая документы, которые те подготовили для него. Погода продолжала меняться, то и дело разражались грозы, и делалось все прохладнее с каждым новым ливнем. Вечером он отужинал вместе с придворными, как и положено, но постарался удалиться пораньше, объяснив, что нуждается в том, чтобы выспаться как следует перед похоронами.

Ему и в самом деле удалось подремать пару часов, но незадолго до полуночи они с Карланом и Гискардом вновь вернулись в базилику под тем предлогом, что он хотел бы в последний раз помолиться у тела брата.

Гроб закрыли еще после полуденной мессы, и когда они с Карланом опустились на колени рядом с

---

[1] Псалтирь 103:2

катафалком, он задумчиво тронул рукой полированное дерево. Гискард дожидался чуть позади.

«Это последняя возможность для меня попрощаться с тобой наедине, Алрой, — мысленно сказал он брату, стараясь не думать о том, что ожидало впереди. — *Я знаю, что на самом деле ты уже не с нами, и все же в глубине души я скорблю о своей утрате, о том, что ты покинул нас.»*

«Я постараюсь стать хорошим королем, — продолжил он. — *Жаль, что тебе не дали возможности сделаться таким королем, каким ты мог бы стать.* — Он вздохнул. — *Но поскольку этому не суждено было случиться, я постараюсь своим правлением прославить нас обоих. Я никогда тебя не забуду.»*

Склонившись, он на миг уперся лбом о стенку гроба.

«Теперь мне пора идти. Скоро я узнаю наконец, что же сделал наш отец в ночь перед смертью... Хотя ты, наверное, уже узнал обо всем. Надеюсь, это придаст мне сил, ибо я унаследовал множество врагов. — Он вздохнул. — *Прощай, Алрой. Помолись за меня, как и я молюсь за тебя.»*

После долгой безмолвной молитвы он наконец со вздохом поднялся на ноги. Карлан подал ему руку. Гискард молча пристроился позади, и все втроем они двинулись прочь из базилики, ни разу не оглянувшись.

Но пока что они не собирались возвращаться в замок. Убедившись, что тени как следует скрывают их, они вернулись по боковому трансепту точно так же, как и прошлой ночью, и пройдя темным коридором, прошли в восточный придел.

В маленькой комнате за ризницей священник спал тяжелым сном, и даже не шевельнулся при их

приближении. Гискард закрыл и запер дверь на засов и из ниши за камином вышел Этьен де Курси, поманив к себе невозмутимого Карлана. Он подошел к постели и приподнял свисавшее одеяло.

— Спрячься под кроватью, Карлан. Вот, молодец, — велел он шепотом, подтолкнув рыцаря, который и не думал сопротивляться. — Заберись поглубже и спи, пока я не приду разбудить тебя.

Затем он вернул одеяло на место, полностью скрывая следы присутствия постороннего. В это время Гискард уже надавил рычаг, скрытый у молитвенной скамеечки, и распахнул дверь, ведущую к Порталу.

— Нам пора, мой принц, — чуть слышно произнес он и протянул Джавану руку. — Этьен, где ты будешь?

— Спрячусь здесь, в этой нише, если услышу, что кто-нибудь идет сюда, — отозвался Этьен. — За меня не беспокойтесь.

На сей раз Гискард закрыл дверь Портала без лишних церемоний, приобнял Джавана за плечи, как ни в чем не бывало.

— Одну секундочку, — прошептал Джаван, глубоко вздохнул и запрокинул голову, упираясь Гискарду в плечо.

На сей раз все прошло куда более гладко. Он ощутил лишь легкий трепет от перемещения силовых потоков, а когда открыл глаза, то первым, кого он увидел, был Тавис О'Нилл. С восторженным возгласом он бросился в объятия Целителя и, весь дрожа, скрыл лицо у Тависа на груди. Целитель тем временем вытянул правую руку, чтобы коснуться Гискарда.

— Мой принц, мой принц, — шептал Тавис, гладя Джавана по волосам. — Или теперь мне стоит обращаться к вам — ваше величество? Боже, как же вы выросли.

Что-то в его голосе заставило Джавана отстраниться и внимательно посмотреть на Целителя. Они не виделись целых три года, и изменился не один только Джаван.

Прежде гладко выбритое лицо Целителя теперь украшала кустистая бородка, изрядно тронутая сединой. Темно-рыжие волосы были зачесаны назад и перехвачены в хвост. На висках тоже серебрилась седина.

На нем была зеленая туника, как и положено Целителю, и от этого светлые глаза казались цвета морской волны, но вокруг них появились новые морщины и явно не только от воздействия ветра и дурной погоды. Улыбаясь, Тавис опустился на колено, протягивая руки к королю. Но в каждом движении его чувствовалась усталость.

— Тавис, что случилось с тобой? — спросил его Джаван, стиснув ладони Целителя в своих руках и заставляя того подняться на ноги.

Покачав головой, Тавис встал, продолжая улыбаться.

— Когда-нибудь, когда будет время и желание, я все расскажу вам, мой принц, — отозвался он негромко. — А пока скажем просто, что я делал то, что должен, пока вы делали то, что должны были делать вы. Каждый из нас, я думаю, заплатил свою цену. Но хотя бы сегодня нам удастся узнать то, к чему мы так давно стремились... Вот уже четыре года, не правда ли?

— Мы узнаем, что случилось в ночь, когда умер отец, — подсказал Джаван. В глазах его застыло благоговение.

Вспомнив внезапно, что они не одни, он оглянулся на Гискарда, который за все это время не шелохнулся. С изумлением он увидел, что молодой рыцарь застыл на месте с закрытыми глазами. Он бросил вопросительный взгляд на Целителя, но Тавис лишь покачал головой и коснулся лба Гискарда кончиками пальцев, затем подвел его к стулу рядом с Порталом.

— Это не значит, что я не доверяю нашему другу, — пояснил он спокойно, усаживая рыцаря на стул. — Но то, чего он не знает, он не сможет раскрыть даже под пыткой. — Он провел рукой перед закрытыми глазами рыцаря, давая тому ментальные установки, затем распрямился и взглянул на Джавана.

— Он очень одарен, но ему не достает утонченности. У вас была возможность поработать с ним?

Джаван покачал головой.

— Мы только вчера познакомились. Ты блокировал его способности?

— Да, на время. Но я все верну на место, прежде чем вы отправитесь обратно. Джорем рассказал, что нас ожидает сегодня.

— Только то, что мы постараемся высвободить скрытую во мне силу. А разве есть что-то еще?

Тавис весело усмехнулся и, взяв Джавана за руку, повел его к дверям.

— Насколько я знаю, это будет очень торжественный обряд. Я должен помочь установить защиты и обратиться к сторонам света. Все остальное — это дело Джорема. Они с Квероном сидели взаперти не-

сколько часов, обсуждая детали. Ритуал будет проводиться в часовне.

Еще несколько шагов, и они оказались на месте. Тавис дважды постучал в дверь, и через несколько секунд Джорем открыл им. На нем вновь была синяя михайлинская ряса. У него за спиной на алтаре зажигал свечи отец Кверон, на нем также было его прежнее одеяние — белоснежное, украшенное значком гавриилитского Целителя. Волосы его сильно отрасли за эти годы и теперь были белы как снег, но он больше не носил косу, и никогда раньше Джаван не видел его с бородой.

Оба священника поклонились, когда Тавис ввел Джавана в комнату. В воздухе витал слабый аромат благовоний, исходивший из кадильницы, что стояла на небольшом столике, покрытом белой тканью. Столик был установлен в самом центре часовни, на келдишском ковре.

— Отец Джорем, отец Кверон, — взволнованно приветствовал их Джаван.

— Заходите и присядьте на пару минут, мой принц, — Джорем жестом показал ему скамью у стены. Кверон тем временем вернулся к приготовлениям у алтаря. — Тавис, тебе тоже стоит это послушать. Я постараюсь вкратце обрисовать вам то, что должно произойти... По крайней мере, мы надеемся, что это произойдет.

Джаван сел, Тавис занял место по правую руку, а Джорем слева от него.

— Так вот, — продолжил Джорем. — Мы постараемся сделать все, как можно лучше, но мы не знаем точно, что именно удалось в свое время Синхилу. Поэтому нам надлежит восстановить тот обряд так близко, насколько это возможно. Мы не знаем, поче-

му потенциал Халдейнов не пробудился в Алрое. Нам также неизвестно, почему *вам* удалось овладеть этими силами так рано. В любом случае, это нам поможет, поскольку вы сможете соучаствовать в ритуале, и вместе мы добьемся того, чтобы могущество Халдейнов проявилось в вас в полной мере.

— Каким образом я смогу в этом участвовать? — переспросил Джаван. — Что я должен делать?

Джорем покачал головой.

— Не могу вам сказать. Не то, чтобы не хочу... не могу. Просто постарайтесь раскрыться целиком и полностью и впитать в себя происходящее. Кверон будет контролировать проведение обряда, поэтому все мы должны слушаться его. Если вы сами по себе сумеете войти в транс, еще прежде, чем он начнет работать с вами напрямую, это будет только к лучшему. Мы очень надеемся, что если нам удастся воспроизвести все условия, при которых отец пытался передать вам свою силу, то сможем убрать установленные им блокировки. Ведь вы не были прямым наследником, поэтому в вашем сознании они непременно должны быть. Потом, когда все будет кончено — если это сработает — вы должны будете осознать в полной мере и обрести контроль над всем тем, что мой отец, Ивейн и Райс передали Синхилу. Тот самый дар, который он никогда не использовал в полной мере.

— И я... стану как Дерини? — прошептал Джаван.

Джорем с улыбкой похлопал Джавана по колену и поднялся.

— Вы уже почти как Дерини, мой принц. Что же касается дополнительных знаний... Ну, поживем — увидим. Войдите теперь в центр круга, и мы начнем. Тавис, пожалуйста, займи свое место на западе.

По мягкому келдишскому ковру они прошли на середину комнаты. Джорем провел короля между маленьким столиком и ступенями алтаря, на верхушке которого стоял подсвечник, огражденный янтарно-желтым стеклом. Кверон как раз возжигал свечи на алтаре, а потом спустился и подсыпал благовоний в кадильницу. Тавис встал к востоку от маленького алтарного столика. Сам Джорем двинулся на южную сторону и перекрестился, заняв свое место. Взяв в руки кадильницу, Кверон прошел мимо Джавана и встал лицом к подсвечнику, отмечавшему восток. Поклонившись, он трижды взмахнул кадилом на востоке, затем повернулся направо и двинулся к другой свече, забранной красным стеклом. Он воскурял благовония, словно очерчивая круг.

— Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться, — негромко начал он. — Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим...

Знакомые слова псалма успокоили Джавана. Он взглядом проследил за Квероном, который прошел мимо Джорема к южной свече, трижды воскурив у нее фимиам, а затем двинулся к западу. Когда он приблизился, Тавис сделал шаг к алтарю и взял со столика белую чашу со святой водой и кропило из еловых лап. Бросив успокаивающий взгляд на Джавана, он двинулся вслед за Квероном, окропляя круг святой водой. Каждую сторону света он также окроплял трижды.

— Ты окропишь меня гиссопом, Господи, и буду я очищен, — шепотом возвестил он. — Омой меня, и стану я белее снега...

Кверон тем временем миновал запад и теперь воскурял благовония на востоке. У него за спиной дым поднимался словно тончайшая завеса. Там, где

проходил Тавис, завеса словно делалась плотнее. Джаван прищурился, но впечатление осталось прежним. Покров сгущался.

Теперь, завершив круг, Кверон оказался перед ним, готовый окурить его фимиамом, и Джаван, мгновенно вспомнив долгие годы обучения, молитвенно сложил руки на груди, обменявшись поклоном с гавриилитским священником, и вновь поклонился, когда Кверон трижды взмахнул перед ним кадилом. Почему-то его совсем не удивило, что затем Кверон передал кадило ему, чтобы он, в свою очередь, воскурил фимиам вокруг священника.

Джавану показалось, Кверон остался доволен тем, как он это сделал, ибо Целитель уважительно кивнул ему, и они вновь поклонились друг другу прежде, чем Кверон забрал кадильницу. Тавис тем временем также заканчивал обходить круг с кропилом, и теперь подошел, чтобы окропить святой водой Джавана. Вода прохладными брызгами оросила лицо и руки, и Джаван с готовностью принял чашу и кропильницу у Тависа, чтобы в свою очередь окропить святой водой и его, после чего Тавис перешел к Джорему. Джавану показалось, что они движутся как будто в танце по разные стороны круга, перемещаясь по направлению движения солнца.

Тем временем Кверон закончил свою часть обряда и вновь поставил кадильницу на столик посреди комнаты. Оттуда спиралью вился тонкий дымок, а когда Тавис окропил Джорема, оба они повернулись к центру круга, продолжая двигаться слева направо. Теперь пришла очередь Джорема, и из-под столика он извлек меч.

Танец продолжался. Тавис вернулся на восток, поставил чашу и кропило под стол, а Джорем, встав

перед Квероном на одно колено, склонил голову, поставив меч прямо перед собой. Кверон на несколько мгновений молитвенно сложил руки над склоненной головой Джорема, но Джаван толком не понял, что они делали, поскольку в этот миг к нему подошел Тавис с небольшим серебряным кубком, который взял со стола. Он коротко улыбнулся Джавану и протянул ему чашу.

— Ты помнишь, нам обоим пришлось отведать этого странного вина той ночью, и мы немало времени потратили, пытаясь определить, что же за снадобье туда добавили. — Он пожал плечами и посмотрел на кубок. — Я до сих пор толком не знаю, что же это было... Но на сей раз там нет мераши, и никакого снотворного, поскольку ты должен оставаться в сознании. Тем не менее Джорем меня заверил, что это очень близкое подобие того зелья, которое дал нам Райс в ту ночь, а Кверон подтвердил, что оно не причинит тебе никакого вреда.

Джавана внезапно охватила дрожь, ибо на краткое мгновение, когда Тавис вручил ему бокал, он подумал, что в темном вине может таиться какая-то угроза.

— Тавис, мне что-то совсем не хочется это пить, — прошептал он.

— Мой принц, вы ждали этого четыре с лишним года, сейчас не время отступать.

Зажмурившись, Джаван поднес бокал к губам и робко сделал первый глоток. Как и в прошлый раз, это было сладкое фианнское вино. Теперь-то он мог оценить его по достоинству, но у него не было никакого желания наслаждаться этим напитком, и он осушил кубок, стараясь не думать о том, что было в нем помимо вина.

Тавис кивнул с улыбкой, когда Джаван открыл глаза и взял опустевший кубок у него из рук. Джорем тем временем поднялся на ноги и направился к ним, держа меч прямо перед собой. Встав лицом к востоку, он жестом показал Джавану сделать то же самое.

— Сейчас вы услышите слова, — негромко объявил Джорем, не сводя взгляда со свечи, горевшей на востоке, — что произнес ваш отец, когда устанавливал в ту ночь третий круг. Кверон помог мне все вспомнить в точности. Вы были в комнате, когда он произнес эти слова. Если вы войдете в транс и сосредоточитесь, то поймете, что тоже способны их вспомнить... равно как и все то, что случилось с вами той ночью.

С этими словами он на несколько секунд застыл в неподвижности, затем приветствовал восток своим клинком:

— Восток, Источник Света.

С глубоким вздохом он опустил кончик меча, касаясь пола прямо перед свечой и вполголоса проговорил:

— Святой Рафаил, Целитель, владыка Бурь и Ветров...

Он медленно двинулся направо, повторяя две окружности.

— Сохрани и исцели нас разумом, душой и телом сей ночью.

Он уже почти достиг юга, где горел красный светильник, и почтительно склонил голову, прочерчивая лезвием круг. Когда он сделал это, Джаван заметил краем глаза, что Тавис также поклонился. Джаван сделал то же самое.

— Святой Михаил, Защитник, страж Эдема, защити нас в час нужды.

Джорем двинулся дальше. Там, где проходило острие клинка, оставался сверкающий серебристый след, одновременно туманный и вполне реальный, толщиной, наверное, в несколько пядей. Джаван смотрел, как он рос вслед за Джоремом, и было такое впечатление, будто чем дальше продвигается священник, тем труднее ему становится разматывать эту светящуюся ленту. Он не мог оторвать от нее глаз. А Джорем тем временем уже приветствовал запад, и все они поклонились, следуя его примеру. Где-то глубоко внутри Джаван знал, какие слова сейчас произнесет Джорем, и даже почти не удивился, когда синий огонь отразился в полированном клинке, и он услышал именно те слова, какие и ожидал.

— Святой Гавриил, небесный вестник, донеси наши мольбы Богоматери.

Джаван словно слышал голос отца, звучавший теперь в унисон с голосом Джорема... словно бы видел знакомое отороченное мехом одеяние алого цвета, наложившееся на синюю михайлинскую рясу священника. Он с трудом подавил желание протереть глаза, когда Джорем перешел к северу, где горела зеленая свеча и ожидал его Кверон, но у него было такое чувство, что даже если сейчас он зажмурится, то внутренним взором все равно будет видеть перед собой отца.

— Святой Уриил, Темный Ангел, приди тихо, если должен, — произнес Джорем. — И пусть все страхи умрут в этом месте.

Джавана бил озноб, пока Джорем замыкал края круга на востоке; затем тот вновь поклонился, прямо рядом с ним. Он толком не понимал, к кому

именно обращался сейчас Джорем, и к кому обращался его отец с теми же самыми словами, и кого призвал он сам к смертному ложу брата, но был преисполнен благоговения. Он знал об архангелах из детского катехизиса и семинарского обучения, хотя никогда не слышал, чтобы кто-либо обращался к ним так, как сейчас Джорем.

Священник повернулся, держа меч перед собой за рукоять, и жестом велел Джавану также повернуться к центру круга. Тот повиновался, глядя через круг на бледного, сосредоточенного Тависа, и Джорем произнес новые слова, которые, как почему-то Джаван был уверен в глубине души, прежде звучали из уст Ивейн:

— Мы стоим вне времени и место это — не Земля, — начал Джорем. — Как завещали предки до нас, мы соединились воедино. Во имя твоих святых апостолов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна, во имя всех сил света и тени, мы взываем к тебе — охрани и защити нас от всякого зла, о, Всемогущий. Так было, так есть и да пребудет во веки веков. *Per omnia saecula saeculorum.*

— Аминь, — отозвались остальные, и Джаван произнес это вместе с ними, не успев даже понять, что именно он делает, и точно так же рука его словно бы сама поднялась, чтобы начертать знак креста.

Затем Джорем наклонился и уложил меч вдоль границы круга с правой стороны, на северо-востоке, и взял Джавана за руку, чтобы подвести его к центру круга, где стоял маленький алтарный столик. Сам он вернулся на свое место с юга, и Кверон опустился на колени, чтобы достать еще несколько предметов из-под столика. Это была белая чаша на длинной ножке, до половины наполненная водой, — он поста-

вил ее на столик рядом с кадильницей, — небольшой лист пергамента, на котором было начертано что-то, чего Джаван пока не мог разобрать, и маленький серебряный кинжал, который, поднявшись, он протянул Тавису.

— Теперь дайте мне, пожалуйста, кольцо Огня, — попросил Джорем, протягивая руку.

Джаван снял кольцо и правой рукой протянул его священнику. Тот удержал его руку в своих ладонях, внезапно сжав большой палец, но кольцо передал Тавису, в обмен взяв у него кинжал. Кверон негромко начал читать надпись на пергаменте:

— Сим я завещаю, — прочел он. — Господь сказал мне — ты сын мой, в сей день я зачал тебя. Проси меня, и я дам тебе земли в наследие, до крайних пределов земли.

— Джаван Джешен Уриен Халдейн, король Гвиннеда, — продолжил Джорем, когда Кверон опустил пергамент. — Будь освящен на служение твоему народу.

С этими словами он резко сжал палец Джавана и с силой кольнул его острием кинжала. Кровь брызнула неожиданно ярко, но Джаван даже не подумал отдернуть руку, словно это все происходило не с ним, а с кем-нибудь другим. Мысли его как будто замедлились, и он смотрел с отстраненным восхищением, как Тавис омочил темные камни кольца Огня в его крови, а затем Джорем прижал кровоточащий палец к пергаменту в руках Квернона.

Затем пергамент сожгли в кадильнице, после чего Кверон стер кровь с руки Джавана и исцелил ее. Когда пергамент обратился в пепел, он взял немного золы в пальцы правой руки и просыпал ее в воду, вновь цитируя Священное Писание:

— Дай королю твои суждения, Господи, и истинность твою королевскому сыну.

После чего Тавис наклонился и омыл окровавленное кольцо в чаше. Словно во сне, Джаван смотрел, как кровь растворилась в воде, гадая, какой же будет вкус у этого напитка, смешанного с кровью и золой, но где-то в глубине души он знал ответ. Взгляд его словно никак не мог сфокусироваться. Чаша неудержимо притягивала его, так, что он слегка покачнулся на ногах, и Джорему пришлось поддержать его за локоть.

— Держитесь, — пробормотал он. — Помимо всего прочего, вы ощущаете действие напитка из первой чаши. Пусть все идет, как идет. Позвольте потоку нести себя и не пытайтесь ни о чем думать.

С этими словами Джорем подтолкнул его к Кверону, а сам прошел на северо-восток и поднял лежащий там меч. Тавис направился с ним.

— Тавис теперь покинет круг, — шепотом пояснил Кверон и слегка улыбнулся, когда Джаван уставился на след, оставленный мечом Джорема. Тот провел им поперек и вверх, словно вырезая арочный проход в стене круга. — Сейчас начнется самое интересное, но не тревожьтесь, с ним будет все в порядке, — добавил он, когда Тавис неохотно сделал шаг, вышел наружу и присел на алтарных ступенях за спиной у Джавана. — Его не было в круге той ночью, поэтому он и не должен быть здесь сейчас. Меня и самого не должно быть здесь, но тут уж ничего не поделаешь. Самое главное — это Джорем, поскольку он единственный, кто присутствовал и помнит все случившееся той ночью.

Джорем метнул на них быстрый взгляд прежде, чем затворить врата в круге тремя стремительными

движениями меча. Затем он вновь положил клинок на пол и вернулся на свое место с южной стороны.

— Ну вот, — продолжил Кверон, по-прежнему стоявший слева от Джавана между ним и Джоремом, — чтобы как можно точнее восстановить происшедшее той ночью, я намерен использовать один способ, которому Джорем некогда уже был свидетелем, много лет назад. Надеюсь, на сей раз это не покажется ему столь поразительным. Однако, вас, мой принц, это может сильно потрясти.

Прежде, чем Джаван успел отреагировать, Кверон протянул руку и коснулся его лба, одновременно взяв контроль над его сознанием. Джаван и без того уже находился в легком трансе благодаря снадобью в чаше и собственным усилиям, но теперь Кверон повел его глубже и глубже.

— Равновесие и покой, мой принц, это залог всего, — прошептал Кверон ему на ухо.

И безмолвие воцарилось вокруг. И словно сторонний наблюдатель, он увидел, как Кверон повернулся к Джорему.

Глава 12

И в исступлении видел я видение[1]

Несмотря на то, что он доверял Кверону безгранично, Джорем ощутил мгновенную неловкость, когда гавриилитский Целитель подошел к нему и положил руки на плечи. Кверон заранее объяснил ему, что именно должно произойти и заверил, что на протяжении всего обряда Джорем будет в точности сознавать, что с ним происходит, несмотря даже на то, что Кверон так глубоко погрузится в его воспоминания. Однако призрак давно минувших времен продолжал тревожить Джорема, хотя страх этот был совершенно необъяснимым.

— Не нужно ничего бояться, — прошептал ему Кверон и поднял руки, удерживая Джорема за шею и за затылок. Большие пальцы легли ему на виски. — Когда вы видели, что я делал это в последний раз, у вас были причины для опасений, но на сей раз все по-другому.

«Расслабьтесь и откройтесь передо мной, Джорем», — продолжил он, переходя на мысленную речь, и Джорем опустил свои защиты.

---

[1] Деяния 11:5

«Хорошо, — подбодрил его Кверон. — *А теперь пойдем глубже. Вернемся к воспоминаниям той ночи... Вот вы стоите в маленькой часовенке рядом с опочивальней Синхила... Вы, Синхил, Ивейн и Элистер... Сейчас вы в этой часовне...»*

И Джорем действительно оказался там. Как и обещал Кверон, за происходящим он продолжал наблюдать отстраненной частью сознания, но воспоминания о пережитом возникли словно сами по себе, заполонив большую часть его рассудка. Он действительно вернулся в ту ночь в часовню Синхила и узрел перед собой тех, кто были давно мертвы — своего отца, сестру, мужа сестры и несчастного короля.

Кверон стал по правую руку от него и чуть позади, продолжая удерживать руку на плече у Джорема, и теперь этот мысленный образ возник и перед той частью рассудка священника, что прежде являлась простым наблюдателем. Совсем рядом, как зачарованный, стоял, взирая на происходящее, Джаван. И внезапно бок о бок с ним начала принимать очертания смутная фигура.

Это был совсем не тот образ, который вызывал Кверон в прошлый раз, в доме заседаний капитула в Валорете. То, что он сделал тогда, невольно подтвердило иллюзию явления недавно скончавшегося Камбера Мак-Рори и укрепило веру в его святость. Теперь перед ними должен был предстать тот же самый человек, но под личиной Элистера Келлена, *Alter Ego* Камбера, а не самого Камбера.

Одновременно возникали образы и прочих участников действа. Совершенно зачарованный, Джорем наблюдал, как на востоке, рядом с сыном, постепенно формируется фигура Синхила Халдейна, выглядевшего точно так же, как в ту роковую ночь, когда

он поставил свою печать в душах Алроя, Райса-Майкла и Джавана. В руках покойный король держал чашу, подобную той, что стояла сейчас на алтарном столике.

Но Джаван смотрел не на него, а куда-то напротив, в другую часть круга, где внезапно начала проявляться другая фигура. Его удивление и радость невозможно было скрыть, даже несмотря на принятые снадобья и контроль, который Кверон осуществлял над его сознанием. Джорем, бросив взгляд налево, узрел там очертания фигуры Ивейн в темном плаще и в капюшоне, из-под которого поблескивали золотистые волосы. И наконец напротив него начала формироваться фигура человека, которого Джорем и Кверон знали в двух обличьях, хотя сейчас он предстал перед ними только как Элистер Келлен, в пурпурном облачении, подобающем епископу. Воспоминания Джорема сделались невыносимо яркими и отчетливыми, когда призрак скрестил руки на груди и устремил взор на большой алтарь, точно так же, как он сделал той ночью. В ту же сторону обернулся и призрачный Синхил, и поднял в приветствии свою призрачную чашу. В тот миг Джорем и впрямь целиком и полностью вернулся в ту часовню у королевской опочивальни в Валорете, заново переживая момент, когда Синхил заговорил:

— О, Господи, святы деяния твои. С дрожью и смирением предстаем мы пред тобой с нашими мольбами. Благослови и защити нас в том, что должны мы совершить этой ночью.

Голос звучал точь-в-точь, как голос Синхила, хотя частью сознания Джорем понимал, что слова эти исходят из уст Кверона, но когда Синхил повернулся к потрясенному Джавану и опустил чашу, коснувшись

ободка ее ладонью правой руки, реальность и иллюзия окончательно смешались, и теперь именно Синхил устанавливал границы дальнейшего обряда, взывая к Владыке Воздуха, чтобы освятить содержимое чаши.

— Пошли своего Архангела Рафаила, о Господи, чтобы дыханием своим освятил эту воду, дабы пьющие ее могли по праву владеть воздухом. Аминь.

И в тот миг, когда он протянул руку вперед, словно ветерок подул на востоке, сперва едва заметно, но затем набирая силу. Он трепал волосы и платья, сдул капюшон, и волосы Ивейн рассыпались золотым водопадом. Он задел даже Джавана и Джорема, однако не тронул ни волоска на голове у Кверона. В самом деле, Кверон словно бы и не сознавал, какие силы он вызывает. Он стоял, склонив голову, полуприкрыв глаза, по-прежнему держа левую руку на плече у Джорема.

Ветер превратился в смерч, поглотивший вьющийся синеватый дымок кадильницы, которая на самом деле почти не источала дыма. Он закружился над призрачной чашей в призрачных руках Синхила, и словно бы сжался, едва колыхая поверхность воды, а затем стих.

Призрак Синхила на миг прикрыл глаза и передал чашу Джорему. Михайлинцу, окончательно утратившему грань реальности и воспоминаний, показалось, будто призрачная чаша вполне весома. Он взял ее в руки и протянул правую ладонь над ободком, точно так же, как делал той ночью, повторяя прежние слова с тем же самым намерением.

— О, Господи, святы деяния твои. Молим тебя, пошли Архангела Огня, благословенного Михаила, чтобы вода эта зажглась Твоей любовью и стала свя-

щенной, чтобы все, кто пьет ее, могли управлять огнем. Аминь.

Он отвел руку немного в сторону, в точности, как в прошлый раз, и, сложив ладонь лодочкой, поднял ее повыше, но огонь, возжегшийся в руке его, был создан не им. Скорее, он возник из воспоминаний, вызванных Квероном, — однако сейчас он казался столь же реальным, как если бы Джорем создал его только что.

Он наклонил руку над чашей, и огненная сфера медленно поплыла вниз. Пар с шипением поднялся вверх, как только огонь проник в воду. Синее холодное пламя озарило поверхность, отражаясь в ободке чаши. С тем же благоговением, что и в первый раз, Джорем повернулся, дабы передать призрачный кубок своей сестре, стоявшей по левую руку от него. Она тряхнула взлохмаченными ветром волосами и изящным движением приняла чашу. Пальцы их соприкоснулись, теплые и живые, и Джорем поймал себя на том, что не может отвести от сестры глаз. Она на мгновение склонила голову над чашей, затем подняла ее к небесам.

— О, Господи, святы деяния твои. Позволь своему Архангелу Гавриилу, властелину бурных вод, обрушить на эту чашу дождь Твоей мудрости, дабы те, кто пьют из нее, могли по праву повелевать водой. Аминь.

Джорем чувствовал, как нарастает напряжение, точно так же, как и той давней ночью, и чуть заметно содрогнулся, когда в воздухе над ними сверкнула молния и прогрохотал гром, и маленькая темная туча сформировалась прямо над чашей. Отблески магической силы сверкнули в глазах Ивейн, и вновь раздался удар грома, теперь уже чуть тише, и крохот-

ная туча изошла дождем. Большая часть его оросила чашу, но несколько капель упали по сторонам, окропив наблюдателей. Та капля, что попала Джорему на верхнюю губу, в прошлый раз была совершенно реальной, и на сей раз он также ощутил ее вкус, такой же сладостный, как когда-то, давным-давно.

Она опустила чашу, и Джорем видел, как сестра передала ее призраку Элистера Келлена, который на самом деле был их отцом. Он видел, как Камбер-Элистер поднял чашу на уровень глаз обеими руками, глядя куда-то вдаль, и заранее почувствовал приход того, к кому он взывал.

— О, Господи, святы деяния твои, — произнес знакомый голос, разрывая Джорему сердце. — Позволь Уриилу, своему посланнику Тьмы и Смерти, наполнить эту чашу силой и тайнами земли, дабы все, кто пьет из нее, по праву могли управлять землей. Аминь.

На сей раз земля по-настоящему не затряслась у них под ногами, однако Джорему показалось, что это произошло, как и в первый раз. Он словно слышал глухой перестук подсвечников на алтаре и звон цепочек кадильницы, и видел, как полыхнул огонь в кольце Халдейнов, покоившемся в глубине чаши, которую Камбер-Элистер держал в руках.

Но в тот же самый миг он осознал, что и настоящее кольцо действительно дрожит на дне настоящей чаши, на маленьком алтарном столике. Он пристально взглянул на нее, и внезапно все кончилось, как только Камбер-Элистер поднял призрачную чашу.

Но теперь все происходило немного не так, как в воспоминаниях. Если прежде Камбер-Элистер передал чашу обратно Синхилу для завершения ритуала, то теперь своими глазами цвета морской волны он

уставился на Кверона, которого не было с ними той ночью, и уверенным жестом протянул чашу ему.

У Джорема бешено заколотилось сердце, ибо ощущение божественного присутствия было неотвратимым. Кверон, похоже, также осознал, что что-то пошло не так. Глубоко погруженный в транс, он все же не смог противиться этому зову. Рука Целителя соскользнула с плеча Джорема и он двинулся вперед, взяв с алтарного столика настоящую чашу. Джорем отчетливо видел его, но мог только наблюдать, застыв, словно громом пораженный.

Кверон распрямился, удерживая чашу обеими руками и повернулся вправо, туда, где застыл призрак Синхила. Облик короля подернулся дымкой, а затем рассеялся туманом, который внезапно окутал Кверона, скрыв его целиком, одновременно прозрачный и вполне реальный. Теперь Кверон стал неотличим от Синхила. С бесстрастным, ничего не выражающим лицом он по окружности двинулся к северу и приветственно вознес чашу. Чуть поклонившись, призрак Камбера-Элистера наложил свою чашу на подлинную. Совместившись, они словно слились воедино.

— Чаша готова, сир, — произнес призрак Камбера-Элистера. — Остальное в ваших руках.

Кверон поклонился, а затем приблизился к остолбеневшему Джавану, стоявшему на том же месте, где его оставили. По выражению его лица Джорем догадался, что сейчас юноша видит перед собой не Кверона, а своего отца. Когда Кверон поднял чашу и заговорил, то голос его звучал в точности, как голос Синхила:

— Джаван, ты мой сын и наследник, — сказал он, лишь слегка меняя те слова, что прозвучали когда-то,

ибо в первый раз Синхил обращался к Алрою. — Выпей, и с этой тайной ты получишь могущество, которое является твоим священным правом будущего короля этой державы, если тому суждено однажды случиться.

Повинуясь отцовскому приказу, Джаван поднял руки и, взяв чашу, наклонил ее, поднеся к губам. Джорем слышал, как кольцо Огня звякнуло об ободок, когда Джаван осушил чашу, и, помимо своей воли, двинулся вперед, чтобы принять кубок из рук Джавана. Затем он встал позади него и, когда поставил чашу на столик, едва успел поймать под руки внезапно покачнувшегося короля. На лице у него застыло выражение благоговения. Он не сводил взора с «отца».

Затем Джорем понял, что вызвало изумление Джавана, ибо теперь позади Кверона-Синхила, который медленно воздел руки, чтобы обхватить ими голову Джавана так, как это сделал некогда Синхил, появился теперь уже не Кабмер-Элистер, а сам Камбер. Глаза его смотрели спокойно и с сочувствием, серебристые волосы сверкали в свете свечей, и, встав рядом с Квероном, он положил свои руки поверх ладоней Целителя в тот самый миг, когда они коснулись головы Джавана.

В Джавана словно молния ударила. Тело его на миг выгнулось, застыло, а затем он рухнул на колени, глаза закатились. Джорем, пытавшийся поддержать короля сзади, вынужден был переступить с ноги на ногу, чтобы не упасть вместе с ним. Он в изумлении уставился на знакомый образ, такой близкий и столь далекий, пытаясь побороть собственный страх... и спустя пару ударов сердца призрак поднял руку и коснулся его лба.

Касание было не совсем реальным, однако ощущение мыслей призрака невозможно было спутать ни с чем.

«Не бойся ничего, — произнес знакомый голос в его сознании. — *Ты отлично все сделал этой ночью.»*

Джорем слегка дернулся под этим прикосновением, ибо у него не было сомнений, что с ним говорит отец.

«Отец, сумеет ли он сохранить корону? — спросил он. — *Достаточно ли того, что мы сделали?»*

«Сие знание мне не доступно, — отозвался Камбер. — *Многие враги станут покушаться на его жизнь. Молись, чтобы в чаше сей не оказалось скрытых трещин, и пусть он помнит, что даже король нашей крови может погибнуть так же просто, как обычный человек, если меч или стрела пожнет свою жатву.»*

На этом призрак убрал руку, голос угас в сознании Джорема, и образ Камбера также исчез. В тот же миг Джаван совсем обмяк, и Кверон вслед за ним. Джорем успел лишь помочь обоим мягко опуститься на пол.

— Джорем, что случилось? — услышал он голос Тависа. Тот вскочил на ноги по другую сторону круга, щуря глаза, чтобы узреть происходящее внутри сквозь плотную завесу.

— С Джаваном все в порядке, — пробормотал Джорем, проведя ладонью над лбом короля. Он заранее был готов, что мальчик может потерять сознание от нахлынувших переживаний. С ним и самим такое случилось в первый раз, но он и представить не мог, что то же самое произойдет с Квероном.

Он постарался оценить его состояние, сильно прижав пальцами пульс на шее и ощупывая сознанием разум Квернона. Пульс был ровный, и, похоже,

Кверон просто отключился из-за того, что отдал слишком много сил ритуалу.

— Они оба просто лишились чувств, — сказал Джорем, поднимаясь на ноги. Он и сам двигался не слишком уверенно, но все же сумел поднять меч и провести им арку, обозначавшую врата в границах круга.

Тавис немедленно вошел внутрь, как только это стало возможным, и сперва метнулся к Джавану, затем к Керону, который уже начинал шевелиться. Джорем замкнул врата и присоединился к ним, опустившись на колени рядом с Квероном. Пожилой Целитель наконец открыл глаза и явно был потрясен, обнаружив, что лежит на полу.

— Что стряслось? — спросил он, метнувшись взглядом сперва к Тавису, который положил руку ему на лоб, а затем посмотрев на Джорема.

— Вы... хм... судя по всему, вы вложили в ритуал даже больше, чем намеревались, — осторожно выбирая слова, отозвался Джорем, чтобы не сказать лишнего при Тависе. — После того, как мы воссоздали освящение чаши, вы вышли в центр круга и подняли чашу настоящую. Это вы помните?

— Да. — Он попытался сесть, но Тавис удержал его.

— А потом вы... словно вместили в себя призрак Синхила, — продолжил Джорем, одновременно посылая Целителю мысленный образ происшедшего.

Кверон кивнул.

— То есть я готовился сыграть его роль, чтобы передать истинную чашу Джавану, — сказал он. — Это я помню.

— А помните, как взяли призрачную чашу у Элистера Келлена? — спросил Тавис.

Кверон вновь попытался сесть, и на сей раз молодой Целитель помог ему.

— Помню, что она показалась мне довольно тяжелой, — отозвался Кверон. Склонив голову набок, он уставился невидящим взором куда-то вдаль. — Странно... Такое впечатление, что вес был чем-то большим, нежели просто вес обычной чаши в руках. Вы знаете, я спланировал, как должна пройти эта часть воссозданного ритуала... Произнес слова Синхила, прежде чем Джаван выпил положенное. Но после этого...

Голос его прервался. Похоже, самые важные воспоминания о происшедшем ускользали от него.

«Кажется, кто-то другой положил свои руки поверх ваших, Кверон», — напомнил ему Джорем, пристально глядя на пожилого Целителя и усилием воли создавая между ними ментальную связь, недоступную для Тависа.

Но Тавис все равно кивнул, — как видно, даже из-за границ круга он смог увидеть самое главное.

— Я думал, вы примете обличье Синхила, — с благоговением пробормотал он. — Мы все решили, что нужно будет сделать именно так, чтобы создать для Джавана полную иллюзию реальности. Но это было уже после... после того, как две чаши — призрачная и подлинная — совместились воедино. Элистер последовал за вами к Джавану, пока тот пил. А потом он... изменился. Прямо перед тем, как коснуться его, он *изменился*.

Он вопросительно покосился на священника-михайлинца, но, по счастью, Джорем не успел ответить, поскольку Джаван с тихим стоном начал приходить в себя. Это напомнило Джорему о его непосредст-

венных обязанностях. Он извлек кольцо Огня из белой чаши и наскоро вытер ее полой сутаны.

Со вздохом Джаван открыл глаза.

— Я видел отца, — прошептал он, пристально глядя на остальных, словно вопрошая, видели ли они то же самое, что явилось ему..— Все было словно как в тот, прошлый раз. Теперь я помню все до конца. На сей раз, правда, не было больно. Он что-то сделал у меня в голове, но боли не было.

Не в силах подавить дрожь, Тавис коснулся ладонью лба короля, почти ласкающе, а затем изуродованной рукой уперся ему в шею.

— Помните ли вы, что именно он вложил в вашу голову, мой принц? — прошептал он. — Подумайте!

— Думаю, это поможет, — сказал Джорем, поднял перстень и взял Джавана за левую руку. — Синхил устроил все так, чтобы ключом к могуществу, которое он даровал вам, Алрою и Райсу-Майклу послужило это кольцо, которое наследник надел бы после его смерти. Думаю, мы никогда не узнаем, почему у Алроя ничего не вышло. Однако после всего, что случилось сегодня, я буду поражен, если ничего не получится у вас. — Он замер, держа кольцо у безымянного пальца Джавана. — Готовы?

Распахнув глаза, Джаван кивнул с выражением полного доверия Джорему. И тот без всяких усилий надел кольцо ему на палец.

Глава 13

Ты говорил в уши мои, и я слышал звук слов[1]

Ощущение было такое, словно он пробудился после долгого сна или распахнул дверь, ведущую в залитый солнцем сад. Только что Джаван все еще недоумевал, сомневался в себе, не зная обрел ли он наконец отцовское наследие, но спустя всего мгновение вся полнота знания обрушилась на него. На миг он застыл, словно остолбенел, когда понял, что же случилось, — но тут же расслабился и даже позволил себе наскоро исследовать обретенное сокровище. Он ощущал вопрошающие взгляды Джорема, Кверона и Тависа и специально выждал немного, прежде чем улыбнулся им широкой, довольной улыбкой.

— Так вот оно, наследие, которые вы с Ивейн и Райсом и вашим отцом передали моему отцу, не так ли? — спросил он Джорема, и тут же установил между ними прямую мысленную связь. Священник ободряюще улыбнулся, довольный тем, как хорошо это ему удалось.

— Да, это что-то совершенно необычайное. Теперь я понимаю, что сила была здесь все это время,

---

[1] Иов 33:8

я просто не мог найти к ней доступа. Точнее... я уже начал учиться, но там были преграды, которые сдерживали меня. Отец установил их, потому что прямым наследником был именно Алрой, а не я.

Он оглянулся по сторонам, и за пределами мерцающего полога круга увидел смутные силуэты Стражей, охранявших это место. Они стояли по четырем сторонам света... и ему показалось, будто они смотрят прямо на него, хотя и были лишены глаз. Он по-прежнему благоговел перед ними, но страха больше не испытывал.

— И все вот это я теперь тоже понимаю, — продолжил Джаван вполголоса. — Я знаю, кого вы призвали, и зачем. Я сознаю, что силы мои по-прежнему ограничены, но теперь способен полностью использовать то, чем владею. — Он со вздохом потряс головой. Теперь я также понимаю, почему отец столь редко использовал свое могущество. Он его не понимал... Но, с Божьей помощью, возможно, у меня хватит мудрости, чтобы разумно распорядиться своим. Может статься, для меня это единственный шанс уцелеть.

Чтобы он мог продемонстрировать свой вновь обретенный дар, Джорем поручил ему самому разомкнуть круг. Король исполнил обряд безукоризненно, спокойно перераспределив избыточную энергию и отправив потоки глубоко в землю, затем отпустил Стражей сторон света с безукоризненной вежливостью. Когда он взял меч, дабы завершить обряд, символически разрезая круг в четырех частях света и в последний раз поклонившись востоку, затем прежде чем вернуть Джорему меч, он покачнулся, внезапно лишившись сил.

— Осторожно! — воскликнул Джорем, подхватив его под руку. Меч выпал из ослабевших пальцев, зазвенев на каменных плитах. Тавис поддержал его под другую руку, и они помогли ему сесть на алтарные ступени. Кверон взял Джавана за запястье, чтобы определить причину слабости.

— С ним все в порядке, — негромко произнес Целитель. — Скорее я был бы удивлен, если бы после случившегося он ничего не почувствовал. — Мой принц, вам нужно будет как следует выспаться в эту ночь, — объявил он, присев, чтобы взглянуть Джавану в глаза. — Теперь вы, наверное, в состоянии и сами вызвать чары, изгоняющие усталость. Сумеете?

Джаван заморгал и кивнул. Дыхание его было по-прежнему прерывистым и уверенности в себе как будто поубавилось.

— Все это совершенно естественно после такой тяжелой работы, — утешил его Кверон. — Хотите, я помогу вам с заклинанием. Тогда в следующий раз вам будет легче его использовать.

— Да, наверное, это неплохая мысль, — согласился Джаван.

— Хорошо. Тогда сперва опустите голову между колен, чтобы избавиться от головокружения. — Он слегка подтолкнул Джавана, а затем помог ему распрямиться. — Теперь закройте глаза и положите сверху ладони, чтобы пальцы переплелись... Вот так... И сконцентрируйтесь на заклинании. Отлично. А теперь глубоко вдохните, чтобы чары подействовали.

Через пару мгновений Джаван вновь глубоко вздохнул и опустил руки. В глазах его застыло изумление. Он широко улыбнулся.

— Получилось, — торжествующим шепотом объявил он.

— Да, все получилось отлично, — и Кверон с улыбкой посмотрел на Тависа. — Теперь лучше отведи его обратно к Порталу. Чем дольше он здесь останется, тем больше опасность, что его станут искать и задавать ненужные вопросы.

— Но... когда мы снова увидимся? — спросил Джаван, поднимаясь на ноги.

— Это мы решим в ближайшую пару дней или неделю, мой принц, — Джорем также встал. — В конце концов выдворить Дерини из столицы удалось не за один день, так что вернуть равновесие в одночасье тоже не удастся, как бы нам того не хотелось. Этьен де Курси и Гискард помогут вам и объяснят, какие нужно сделать изменения в законах. А тем временем, мы подумали, что было бы неплохо соорудить новый Портал где-то в замке. Сейчас это было бы полезнее всего и здорово упростило бы нам задачу. Портал в базилике опасно использовать слишком часто.

— Новый Портал? Где? — выдохнул Джаван.

— А это вам придется решить самому, — отозвался Джорем, жестом показывая Тавису, чтобы тот шел вперед. — Поразмыслите над этим пару дней... И не забудьте: для того, чтобы установить Портал, там несколько дней должны присутствовать Дерини.

— Может быть, в моих покоях? — спросил Джаван.

Кверон покачал головой.

— Нет, это небезопасно, ведь понадобится несколько дней сложных приготовлений, сир. Вы не сможете на это время удалить всех слуг и праздношатающихся из королевских апартаментов. Нет, лучше где-нибудь в другом месте... Чтобы эта комната была для вас легко доступна, но мало кто еще заходил бы

туда. Подумайте об этом не торопясь. В ближайшие дни у вас будет полно и других забот. Джорем через Гискарда передаст вам весточку... Кстати, Гискард ждет вас.

Джаван кивнул, стараясь ничего не забыть.

— Да, насчет Гискарда, — вспомнил он. — Вряд ли вы хотите, чтобы он узнал, что произошло здесь сегодня.

Джорем улыбнулся.

— Не тревожьтесь. Тавис позаботится обо всем. А теперь вам пора идти, мой принц.

— Я не уйду, пока не получу благословение Дерини, — возразил Джаван с сияющими глазами. Он опустился на колени перед Джоремом и сложил руки на груди.

— Только тогда я уйду, — добавил он шепотом.

В серых глазах блеснули слезы. Джорем взял руки Джавана в свои, затем поднял их над головой у короля.

— Да благословит вас всемогущий Господь, мой принц, — прошептал он, легко касаясь рукой склоненной головы Джавана. — Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — он начертал знак креста в воздухе перед ними, затем сложил руки на груди и поклонился. — Аминь.

— Аминь, — отозвался Джаван.

Затем он поднялся на ноги и поспешил к двери, которую Тавис держал приоткрытой. Он не оглянулся. Когда дверь закрылась, Кверон бросил вопрошающий взгляд на Джорема.

— Верно ли я понял, кто именно явился нам во время обряда? — произнес он не вопрошающе, а скорее утвердительно. — Думаете, Джаван видел его?

— Лишь на пару секунд, — ответил Джорем. — И сомневаюсь, чтобы он понял, чему именно он стал свидетелем. Он был совсем младенцем, когда «погиб» мой отец. Всего месяц ему исполнился тогда. Откуда он может помнить, как тот выглядел?

— Но он же видел изображения, — возразил Кверон.

— Они были не слишком похожи. Кроме того, он не мог ожидать узреть святого в нашем обряде.

— А в ту ночь, когда умер Синхил, — настаивал Кверон. — Тогда он не мог ничего видеть?

Джорем покачал головой.

— Нет, Камбер никогда не снимал обличья Элистера. Синхил узрел истину... но это было что-то совсем иное, в тот миг, когда душа его расставалась с телом. Мы ни о чем не подозревали, пока Камбер нам не рассказал. Принцы не могли этого знать.

— Значит, остается только Тавис, — заметил Кверон. — Он-то точно видел сегодня Камбера. И наверняка догадался, кто перед ним.

— Тогда остается лишь надеяться, он не поймет, что означало это появление. Но нам нужно быть наготове.

Однако сейчас он не хотел раздумывать над этим и, отвернувшись, принялся собирать вещи, которые им понадобились в ночном обряде. Также ему не хотелось пока думать над тем, что же означало неожиданное мистическое явление его отца.

* * *

Следующий день выдался в Ремуте светлым и солнечным, но, по счастью, было уже не так жарко. Траурная процессия, сопровождавшая гроб покой-

ного короля из замка в собор, была более мрачной, чем в день похорон Синхила четыре года назад, ибо большинство простых горожан ничего не знали о своем новом короле, хотя внешне он казался более крепкой копией своего покойного брата-близнеца, если только не считать увечной ноги, вызывавшей хромоту. Но вот уже три года, как его не видели при дворе. Все это время бывшие регенты усиленно распускали слухи, что принц решил принять монашескую жизнь, и теперь все с некоторым сомнением наблюдали за тем, как он идет за гробом в качестве наследника своего брата, в полном облачении Халдейнов.

Однако по закону он достиг совершеннолетия, и на сей раз Гвиннедом не будут править регенты. Каким королем он станет, это уже другой вопрос. Учитывая три года обучения в семинарии, он должен быть неплохо образован. Но как отнесется Господь к королю, который сложил с себя религиозные обеты ради мирской короны? Конечно, то же самое сделал и его отец... Но отец ничего не ведал о своем происхождении до того, как вышел из стен монастыря. Джаван же знал о нем до того, как туда вошел.

И даже если так, разве не покарал Господь его отца за то, что тот презрел священные обеты? Первый сын Халдейна погиб во время обряда крещения. Его отравил бывший священник-Дерини. И разве это не кара Божия, что один из близнецов родился увечным, а другой — таким болезненным?

И кроме того, на нем ведь не пресекся род Халдейнов. Был еще принц Райс-Майкл, младший сын, которого особенно любили простые люди с самого первого дня, как увидели его на похоронах покойного короля, его отца. Его добрый нрав и достижения

в воинских искусствах сделали его самым любимым принцем. Многие были уверены, что все давно решено и именно Райс-Майкл взойдет на престол, если Алрой скончается, не оставив наследников. Так почему же теперь он уступил свое право другому?

Впрочем, самого Райса-Майкла, казалось, это ничуть не беспокоило. С выражением любви и заботы на лице он шагал рядом с братом на шаг позади него и всем своим видом показывал, что это именно то место, о котором он всегда мечтал, если только можно вообще мечтать о месте в похоронной процессии. Джаван же всем своим видом излучал воистину королевское достоинство, и это не осталось незамеченным. Не мешала даже хромота, да и та оказалась не столь уж сильна. Долгий путь к собору дался ему не так просто, ибо Джаван отвык много ходить пешком за эти три года, но сейчас его вновь обретенный дар помогал презреть боль и неудобства, не прибегая к помощи посторонних, хотя он знал, что к концу дня ему обязательно понадобится присутствие Ориэля, чтобы тот по-настоящему исцелил все повреждения.

По крайней мере по одеянию никто не принял бы его за священника — это он твердо для себя решил. На груди ярко сверкал герб Халдейнов, а черная туника ничуть не походила на рясу.

Чтобы не было заметно тонзуры, на которой едва лишь начали отрастать волосы, вместе с золотой короной он одел небольшую шапочку из черного бархата и меха, которая почти сливалась с его волосами. Точно такую же надел и Райс-Майкл под серебряную корону, — так, чтобы никто не заподозрил истинных мотивов Джавана.

Возглавлял процессию конный эскорт. Вороные лошади были покрыты черными попонами с гербами Халдейнов и их украшали черные перья. Шестеро молодых рыцарей несли гроб, ибо Алрой умер совсем молодым. Сэр Гэвин, его последний оруженосец из тех, кто были посвящены в рыцари, шагал слева от гроба, надзирая за всем происходящим. В руках, крестовиной вверх, он держал за лезвие обнаженный меч, по лицу рыцаря стекали то ли слезы, то ли капли пота.

Гроб также был покрыт черной тканью, украшенной вышитыми гербами Халдейнов, по три с каждой стороны. Ткань ниспадала на плечи рыцарей, так что лишь первые двое могли видеть лорда Альберта, возглавлявшего процессию. Он вел под уздцы высокого белоснежного жеребца, того самого, на котором Алрой ехал на свою коронацию. Жеребец был укрыт алой попоной, и в стременах висели перевернутые сапоги короля. Поверх гроба была возложена сверкающая Державная Корона Гвиннеда с мотивом из переплетенных серебряных и золотых листьев и крестов. Она лежала на подушечке алого бархата; граф Таммарон, шагавший рядом, присматривал, чтобы она не покосилась.

Сразу за гробом шагал новый король с братом, а позади — почетный эскорт молодых рыцарей. Они шли шеренгами по четыре человека, за ними следовали и остальные придворные, также по четверо, — высшие сановники, советники, простые дворяне. Замыкал процессию конный эскорт. Приглушенно отбивали ритм барабаны, и колокол собора отзванивал в честь уходящего короля.

Двое архиепископов встретили их у порога собора, и хор затянул псалом, когда навстречу выступила

процессия клириков. Внутри было жарко и душно, но Джавану доводилось терпеть и похуже... вспомнить хоть то утро, когда он отстаивал первую заупокойную мессу в день смерти Алроя.

Сейчас Джаван ощущал некую отстраненность, — ведь он уже отскорбел за брата несколько дней назад. В положенный момент он вышел, чтобы причаститься, стараясь скрыть отвращение, ибо должен был получить Святые Дары из рук Хьюберта... И когда были прочитаны последние молитвы за упокой души Алроя, и гроб унесли в подземную крипту, на лице его не отразилось почти никаких чувств. Там, внизу, было гораздо прохладнее, и они с Райсом-Майклом зажгли последнюю свечу для покойного брата. Тяжелая крышка саркофага опустилась, и в последний раз зазвучал колокол собора. Шестнадцать ударов, по одному за каждый год жизни короля.

Они выбрались из крипты, когда закончился колокольный звон, и под пение *Laudate* двинулись к выходу из собора. Там их с Райсом-Майклом дожидались лошади — белый жеребец Алроя для Джавана и каурый — для Райса-Майкла. Они сели в седло и тут же подвели еще лошадей для ожидавшего эскорта, ибо сегодня Карлан и еще трое рыцарей были их личными телохранителями. Джаван старался ехать, высоко вскинув голову и распрямив плечи, чтобы выглядеть так, как и подобает королю.

Всю дорогу до замка он старался держаться, и этот путь дал небольшую передышку увечной ноге, так что в ворота он вступил почти не хромая. В зале собраний дожидались придворные, и даже те, кто более всего был расположен обнаружить какие-то недостатки у нового короля, ни в чем не могли его упрекнуть.

Придворные дамы, несомненно, судили нового владыку совсем по иным критериям, нежели мужчины. В первые дни других женщин, кроме служанок, Джаван почти не видел, поскольку двор находился в глубочайшем трауре, и все же неженатый король был приманкой, перед которой невозможно оказалось устоять. Дамы напоминали Джавану стайки голубей, они чистили перышки, курлыкали между собой, в платьях приглушенных черных и серых тонов. Впрочем, некоторые походили даже не на голубок, а на самых настоящих хищниц.

Одной из самых опасных, — возможно, потому что Джаван точно знал, кто она такая и чего желает, — была дочь Рана Хортнесского от первого брака, Джулиана, — яркая, темноглазая красотка, всего на год старше короля. Ее имя за последние три года часто упоминалось, когда заходила речь о невесте для Алроя. Этот брак был пределом мечтаний для Рана, который и сам женился очень удачно, на единственной дочери Мердока, которая принесла ему в наследство не только влиятельные политические связи, но также сына и наследника, которого он не мог получить от первой супруги.

К несчастью для Рана и Джулианы, ухудшающееся здоровье Алроя не позволяло надеяться, что когда-нибудь у него появится королева. Отчасти Джавану приятна была мысль, что Ран сам поспособствовал собственному несчастью, поскольку это ему в свое время пришел в голову отвратительный замысел пичкать Алроя всяческими снадобьями, чтобы сделать его более покорным воле регентов, и именно это способствовало ухудшению его здоровья. Однако теперь, со смертью Алроя Ран явно не оставит своих далеко идущих планов. Но что касается Джава-

на, то скорее ад покрылся бы льдом, чем он согласился бы на этот брак. Из бывших регентов Рана он ненавидел сильнее всех, даже больше, чем Мердока...

Он считал необычайной удачей для себя, что Рана не было при дворе во время совета по престолонаследию. Увы, но к похоронам тот все же успел вернуться. Ходили слухи, что он взял с собою и Ситрика, своего ищейку-Дерини, Однако к огромному облегчению Джавана, сегодня Ситрика не было при его господине. Более того, граф даже проявил некое подобие хороших манер, когда приблизился к новому королю, дабы засвидетельствовать ему свое почтение, хотя и чрезмерно навязчиво представил тому свою дочь и супругу. Остальные придворные последовали его примеру, знакомя Джавана с дочерьми и сестрами, которые могли бы подойти по возрасту и положению для королевы. Джаван постарался не отпускать от себя Карлана и сэра Джейсона, в душе мечтая о той минуте, когда сможет, не нарушая приличий, откланяться.

День, казалось, тянулся бесконечно, но вот наконец слуги накрыли на стол и вино потекло рекой. Спустя час Райс-Майкл присоединился к кампании молодых придворных. Там были Катан Драммонд, его младший оруженосец, а также Квирик и Фульк Фитц-Артур, сыновья лорда Таммарона, — все они чуть моложе принца. Спустя некоторое время к этой четверке присоединилось еще несколько юношей и стайка щебечущих девушек. Делая вид, будто выслушивает бесконечные речи какого-то барона из Десса, Джаван искоса бросил на них любопытный взгляд, и был поражен, осознав, как удивительно повзрослели и превратились в очаровательных женщин

девочки, которых он знал с самого детства. Впрочем, не для всех перемены оказались к лучшему.

Хорошенькая Лилин, дочь Удаута, которую отдали за сына Мердока Ричарда, когда ей было всего двенадцать лет, превратилась в пухлую пятнадцатилетнюю матрону. Однако центром веселой компании оставалась привлекательная темноволосая девушка со слегка испуганными глазами, в которой Джаван узнал внезапно Ричелдис Мак-Лин, ныне Мак-Иннис. После загадочной гибели ее сестры-близнеца Ричелдис оказалась единственной наследницей Кассана, и была помимо своей воли обручена со старшим сыном графа Манфреда. Джаван слышал, будто в прошлом году у них родилась дочь, и теперь, похоже, она вновь была в тягости. Оставалось лишь молиться и надеяться, что дети станут для Ричелдис утешением за то, что ее принесли в жертву на алтарь политической необходимости.

Сестру Катана Микаэлу, похоже, ожидала такая же судьба. Она была на пару лет старше брата и превратилась в очаровательное существо с ярко-синими глазами и непокорной гривой каштановых волос. Богатого приданого она мужу не принесет, поскольку Джеймс Драммонд, ее отец, был лишь младшим сыном небогатого дворянина, однако это был древний и почтенный род. Кроме того, она приходилась дальней родней Ричелдис, и при проверке у нее не обнаружили ни капли крови Дерини. Джаван никогда не забудет тот день, когда регенты испытывали всех троих детей мерашей. Именно тогда Деклан Кармоди сломался под гнетом непосильных требований регентов.

Где-то год спустя Джеймс Драммонд погиб в стычке с грабителями, выполняя поручение кого-то

из регентов. Мать Катана и Микаэлы, первым мужем которой был покойный сын святого Камбера, удалилась в монастырь близ Валорета, скорее всего, отнюдь не по собственной воле. Микаэлу и Катана отдали под опеку короны. Девочка осталась при супруге Манфреда, а Катан стал пажом Райса-Майкла.

Джаван с удовольствием отметил, что оба они, судя по всему, процветают, несмотря на то, что жизнь их протекала отнюдь не так гладко, как хотелось бы.

Но еще больше удовольствия ему доставило то, что за всеми этими наблюдениями незаметно подошло время, когда он мог спокойно удалиться восвояси.

Ориэль уже дожидался в гостиной, когда они с Карланом вернулись в королевские апартаменты. Вид у Целителя был весьма озабоченный. Он поднес светильник поближе, когда Джаван устало опустился на стул в оконной нише, и Карлан опустился на колени, чтобы снять с него сапоги.

— Ну, как ваша нога? — спросил его Ориэль.

Джаван снял корону и шапочку, прикрывавшую тонзуру, отложил их в сторону, провел пальцами по промокшим от пота волосам и с облегчением вздохнул, когда Карлан наконец стянул сапог с увечной ноги.

— Не так уж плохо, — отозвался он. — Я ожидал худшего.

Коснувшись затылка Карлана, он мысленно установил связь между ними и взял под контроль его сознание.

— Расслабься, Карлан, — пробормотал он. — Ты не вспомнишь ни о чем, что услышишь, если только я тебе не прикажу.

Как ни в чем не бывало, Карлан занялся вторым сапогом. Ориэль, бросив на него пристальный взгляд, заметил:

— Вот уже второй раз я вижу, как вы это делаете за последние дни. Надеюсь, это не войдет в привычку?

— Только при крайней необходимости, — отозвался Джаван, когда Карлан стянул с него второй сапог. — Карлан, пожалуйста, принеси нам таз с водой. Ногу лучше ополоснуть, прежде чем мастер Ориэль ею займется.

Карлан отправился за водой, и Джаван наклонился поближе к Целителю.

— Прежде чем ты примешься выговаривать мне, учти, что сегодня вернулся лорд Ран, — произнес он негромко. — Конечно, это в основном моя забота, но говорят, что с ним приехал и Ситрик, а насколько мне известно, мастер Ситрик получает куда больше удовольствия от своей работы, чем большинство Дерини в твоем положении. Нам обоим следует соблюдать осторожность.

Ориэль содрогнулся. В это время вернулся Карлан с полотенцем через плечо. Он поставил таз и кувшин на пол у ног Джавана. Когда он налил в таз воды, Джаван опустил туда ногу и с наслаждением пошевелил пальцами.

— Этот Ситрик очень опасен, — шепотом заметил Ориэль. — Он честолюбив, а Ран прекрасно знает, как удовлетворить его амбиции, не делая при этом никаких уступок. По счастью, он не обладает и половиной таланта Деклана Кармоди, упокой Господь его душу, и отнюдь не так хорошо обучен.

— Но на что он способен, Ориэль? — спросил Джаван. — Я понимаю, он может отличать истину от

лжи, иначе бы Ран не держал его при себе. А как насчет чтения мыслей?

— Да, он делает это... и даже насильно, когда ему оказывают сопротивление, — с горечью ответствовал Ориэль. — Тонкости ему не достает, впрочем, Рану это и не требуется.

— Верно, — согласился Джаван. — Но, возможно, это будет нам на руку.

Он коснулся плеча Карлана, и рыцарь тут же отошел в сторону, сел в кресло и, склонив голову на грудь, закрыл глаза и задремал.

— Расскажи мне о слабостях Ситрика, — продолжил Джаван, делая вид, будто не замечает удивленного взгляда Ориэля. — На что он способен? Грозит ли мне какая-то опасность, если я просто окажусь с ним в одной комнате? Насколько мне следует быть осторожным?

Сосредоточившись, Ориэль взял у Джавана полотенце, разложил его на коленях и поднял увечную ногу, вытер ее, а затем принялся осторожно ощупывать пальцы.

— Если он применит чары истины, то вспомните, как вас учили избегать прямой лжи, поскольку он сумеет уловить любое отклонение от буквальной правды, — ответил Ориэль, осматривая лодыжку Джавана. — Конечно, королям порой дозволяется лгать, — дипломатическая полуправда и все такое прочее... Но если вы солжете в чем-то важном, будьте уверены, Ситрик обо всем доложит Рану, если и не сразу, то при первой же возможности. А с ногой все не так плохо, учитывая, что вам много пришлось ходить сегодня, — добавил он, сжимая лодыжку в ладонях. — Сейчас, одну минутку.

Джаван ощутил тепло, исходящее из рук Целителя. Закрыв глаза, он погрузился в состояние истинного блаженства, чувствуя, как понемногу уходит напряжение и расслабляются все мышцы. Когда Ориэль закончил, и вновь омыл ногу водой прежде, чем вытереть ее полотенцем, Джаван с наслаждением пошевелил пальцами и вздохнул, заставляя себя вернуться к насущным проблемам.

— Значит, он будет использовать на мне чары истины, — пробормотал он, пытаясь собраться с мыслями. — Скорее всего, именно за этим Ран и привез его с собой.

— Да, полагаю, в этом нет никакого сомнения, — согласился Ориэль. — Больших усилий это не потребует, а выгода может быть очень велика, если он поймает вас на лжи. Впрочем, в этом нет ничего неожиданного.

— Да, — вынув из воды здоровую ногу, Джаван позволил Ориэлю вытереть и ее. — Есть ли еще что-нибудь такое, о чем мне следует побеспокоиться?

— Самая большая опасность — это прямой физический контакт, — ответил Ориэль. — Насколько я представляю себе уровень его опыта и способностей, ему необходимо коснуться вас, чтобы по-настоящему попытаться проникнуть в сознание. Но я сомневаюсь, что он осмелится до вас дотронуться, если только Ран не отдаст такого приказа. Конечно, если вы будете настолько неосторожны, что окажетесь наедине с Раном и его подручными...

— Этого я постараюсь всеми силами избежать, — заверил его Джаван. — Но если не получится, послужат ли мои защиты надежной преградой?

— Скорее всего, — кивнул Ориэль. — Если только они не напичкают вас мерашей. — Он поморщился.

— Полагаю, что если у вас защиты как у Дерини, то, скорее всего, на это снадобье вы будете реагировать тоже, как настоящий Дерини. А вот это уже вызовет подлинный скандал.

Джаван с трудом сглотнул, и внезапно уверенность в себе, которую он ощущал всего пару минут назад, полностью улетучилась. Он слишком хорошо помнил, как действует мераша на Дерини, и понятия не имел, повлияет она на него или нет.

— Надо постараться не дать им повода испытать ее на мне, — пробормотал он. — Нельзя, чтобы они приказали Ситрику попробовать прочитать мои мысли или напоить меня мерашей. Но что я могу *делать*, когда Ситрик поблизости?

Ориэль задумчиво нахмурил брови.

— Полагаю, вы сами можете использовать чары истины при нем, только не пытайтесь направить их *на него*, и не дайте ему понять, что именно вы делаете. Однако все остальное он способен определить. Впрочем, я ведь толком не знаю, на что вы способны...

— Я тоже, — растерянно отозвался Джаван. — И похоже, мне следует быть очень аккуратным во время обучения.

Ориэль кивнул.

— Мы оба должны сохранять осторожность. А как насчет сэра Карлана? — спросил он, кивнув на спящего рыцаря. — Многое ли ему известно?

— Если бы он мог вспомнить все до конца, — Джаван криво усмехнулся, — то, вероятно, этого было бы достаточно, чтобы несколько раз кряду отправить меня на костер, будь я хоть трижды королем, ежели на то будет воля *Custodes*. Ну, а так он просто полагает, что за годы, что провел у меня на службе,

привык дремать в ожидании, пока его господин отстаивает ночные бдения в часовне или ведет с учеными клириками какие-то заумные беседы о скучных манускриптах.

— В самом деле?

— Ну, думаю, что именно так он себе это объяснял, когда был моим оруженосцем. — Джаван улыбнулся. — Впрочем, с самого начала он был искренне мне предан, гораздо более, чем того требует простое чувство долга. Кажется, он стал самым близким моим другом с тех пор, как ушел Тавис... Впрочем, у меня никогда и не было друзей одного со мной возраста. — Он вздохнул. — Очень трудно не злоупотреблять его доверием больше, чем это необходимо. Хуже всего пришлось, когда я решил отправиться в семинарию, поскольку тогда мне было защищать нас обоих. Ему все это далось очень непросто, ведь он должен был шпионить за мной и обо всем докладывать в присутствии Дерини. Впрочем, наверное, тебе и самому приходилось там присутствовать, хотя бы изредка.

Ориэль пожал плечами и неохотно кивнул.

— А ведь я тогда даже и заподозрить не мог, что что-то неладно. Вы отлично скрывали следы.

— Пришлось, — Джаван опустил взгляд на руки и уставился на кольцо Огня. — Однако теперь я вернулся, и постараюсь впредь использовать свои таланты, лишь когда это действительно необходимо. Мне кажется, было бы проявлением неблагодарности силой добиваться преданности, которую человек дал тебе по собственной воле. Конечно, порой я был вынужден вмешиваться в его воспоминания, как сделал это сейчас, чтобы защитить нас обоих, но мне хотелось бы верить, что он бы не возражал, если бы уз-

нал, что я это делаю. Он очень сильно рисковал, когда отправился за мной в *Arx Fidei*. Скорее всего, моя жизнь была в его руках куда чаще, чем я даже мог бы сосчитать... И, полагаю, это еще не раз случится впредь.

Ориэль бросил взгляд на спящего Карлана, затем вновь посмотрел на Джавана.

— Значит, он ничего обо всем этом не знает, — произнес он вполголоса.

Джаван покачал головой.

— Так безопасней, и для него, и для меня.

— Вы позволите? — спросил Ориэль, жестом показав на рыцаря.

Сглотнув, Джаван опустил глаза.

— Если ты сумеешь при этом определить, кто еще контролировал его сознание в течение прошлой недели, то лучше не надо, — сказал он. — Я уже дважды виделся с Джоремом по возвращении. И мне помогали.

— И если я не буду знать, кто именно вам помог, то не смогу раскрыть этого, даже если меня станет допрашивать Ситрик, — согласно кивнул Ориэль. Он на миг закрыл глаза. — Так значит, вокруг есть и другие Дерини, о которых я не знаю. — С неожиданно вспыхнувшей во взоре надеждой он взглянул на Джавана. — Может ли статься, что скоро удастся освободить мою семью? — осмелился он прошептать.

Джаван поежился.

— Сейчас я пока ничего не могу обещать, — отозвался он тихо. — Сперва очень многое нужно продумать, но по крайней мере я надеюсь, что скоро тебе удастся с ними повидаться. Могу себе представить, как тяжело тебе приходится.

— Если бы вы только знали, мой принц, — выдохнул Ориэль и потряс головой. — Уже три года я не видел Аланы, но мало того, Керис, моя крошка дочь... — Голос его прервался, но затем он продолжил. — Ей было всего несколько месяцев от роду, когда их взяли в заложники. Она была еще грудным младенцем. Я пытаюсь вообразить себе, как она растет, взрослеет, становится похожей на мать, или, может быть, даже немного на меня, а ведь теперь она уже маленький человечек... Она ходит, она уже *разговаривает*... А я все это пропустил...

— Обещаю, что постараюсь сделать все, что смогу, — прошептал Джаван. — Но на это уйдет время. Их держат все в том же месте?

— Да, насколько мне известно.

— А других заложников?

Ориэль кивнул, собираясь с мыслями.

— Да, всех. Мать и сестру Ситрика, жену и сына Урсина О'Кэррола, и самого Урсина... Говорят, условия там довольно неплохие, но это все-таки неволя. Я слышал, что Урсина держат в одиночном заключении с того дня, как он побывал в руках этого чудотворца-крестителя, и *Custodes* то и дело пичкают его мерашей, чтобы убедиться, что дар его так и не вернулся. Господи, как же они нас боятся!

Джаван, который на протяжении трех лет ежедневно слышал от *Custodes* проповеди о том зле, что несут с собой Дерини, и что всех их следует держать подальше от нормальных людей, не мог с этим не согласиться.

Глава 14

Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям?[1]

В последующие дни Джавану удалось избегать встреч с Ситриком, но, увы, не с его господином, Раном. Возможно, по совету Мердока и других, с кем ему уже доводилось сталкиваться прежде, даже Ран не осмеливался в открытую бросить вызов новому королю — по крайней мере не сейчас — но даже самые преданные его сторонники не могли бы упрекнуть Рана в том, что он хоть чем-то пытается облегчить жизнь новому королю. Разумеется, он должным образом представил прошение об отставке, когда совет собрался на следующее утро после похорон Алроя, прекрасно зная, что Джаван не осмелится принять его — но с тех пор на заседаниях он только и делал, что критиковал любые предложения Джавана и чинил всяческие препятствия. Присутствие его на совете было королю невыносимо, но у него не было выбора.

Гораздо больше удовольствия доставило ему возвращение барона Хилдреда, бывшего наставника Алроя по верховой езде, который прибыл как раз во-

[1] 1-е Коринфянам 15:30

время к похоронам. Этот вельможа не занимался политикой, и не желал иметь с ней ничего общего, его интересовали только лошади и хорошие наездники. Все три принца Халдейна впервые сели в седло под надзором Хилдреда, и появление старого друга на первом заседании совета после похорон было единственным, что скрасило этот напряженный день для юного короля.

Джаван был также очень благодарен за помощь, которую оказали ему в предыдущие дни Джеровен и Этьен, ибо как только Хилдред и Ран представили свои прошения об отставке, а вместе с ними и Боннер Синклер, который пропустил похороны, но вовремя прибыл на совет, — как граф Таммарон подал послание от своего сына, Фейна Фитц-Артура, единственного члена совета, который еще не присутствовал на заседании.

— Мой сын просит просить его отсутствие, государь, — объяснил Таммарон, разворачивая послание Фейна. — Однако семья его супруги сейчас в трауре, и поэтому он никак не может покинуть Кассан... Хотя он обязательно прибудет на коронацию вашей милости и будет счастлив приветствовать вас в этот день.

— Я огорчен, что его семья понесла утрату, — отозвался Джаван, догадавшись, о чем собирается сообщить ему Таммарон. Вот когда пригодились пояснения помощников... — Насколько мне известно, супруга его приходится дочерью князю Кассанскому?

Таммарон церемонно склонил голову, словно удивленный, что Джаван помнит это.

— Совершенно верно, сир, — отозвался он. — Увы, ее отец скончался, князь Эмберт Квиннел. Он уже довольно долго болел, однако по условиям дого-

вора, заключенного во времена правления вашего покойного отца...

— К чему такая скромность, милорд, — перебил его Джаван, растянув губы в едва заметной иронической усмешке, ибо если сейчас он разыграет свою партию верно, то честолюбие Таммарона заставит его склониться перед королем. — По условиям брачного соглашения, которое заключили *вы*, женитьба вашего сына на принцессе Анне делает неизбежным переход Кассана под власть Гвиннеда после смерти ее отца, если у него не родится к тому времени сына. Я благодарен вам за то, что вы принесли Гвиннеду новое герцогство, милорд.

— О, я...

— Это был блестящий ход, милорд, — продолжил Джаван. — Хотел бы я, чтобы кто-нибудь столь мудро и преданно защищал и мои интересы, когда я наконец решусь жениться. Вы оказали Гвиннеду неоценимую услугу, и я никогда не забуду этого.

— Да, но... полагаю, вы знаете, что отнюдь не Фейн должен стать первым герцогом, — бросил пробный шар Таммарон. — Таково было изначальное условие. Все изменилось после того, как у Фейна родился сын, внук Эмберта.

— Да, юный Тамберт, — живо отозвался Джаван. — Мне сообщили. Насколько я понимаю, его нарекли в честь обоих благородных дедов.

Заметив изумление на лице Таммарона, Джаван позволил себе чуть заметно улыбнуться. Конечно, не слишком приятно было, что регентом в герцогстве станет один из его вассалов, однако это давало прекрасный рычаг, чтобы управлять Таммароном, и эта мысль принесла невероятное удовлетворение.

— Благодарю вас, что передали нам вести от вашего сына, милорд, — произнес он и взял письмо от Таммарона, которое тот так и не прочел совету. — Барон де Курси, прошу вас отправить надлежащий ответ в Кассан. Сообщите, что я буду рад признать нового герцога, когда он прибудет на коронацию и приму его вассальную присягу от лица лучшего из регентов. Сообщите также лорду Фейну, что поскольку отныне ему предстоит управлять герцогством, то я избавлю его от дальнейших обязанностей члена совета и приму его отставку, когда он пришлет ее, ибо я полагаю, что старые обязательства не должны мешать ему исполнять свой долг регента при маленьком сыне. Пожалуйста, заверьте его, что место в совете останется незанятым, покуда я не подыщу достойную замену.

Все это было сформулировано настолько удачно, что даже самый ярый противник Джавана не сумел бы найти, что возразить. Таммарон даже закивал в знак согласия, ибо решение короля было совершенно разумно. Регент далекого герцогства, особенно столь большого как Кассан, никоим образом не мог быть одновременно полезным членом совета. Даже Мердок не осмелился ничего сказать против, хотя бывшие регенты переглянулись, услышав решение короля.

Джаван был счастлив, что ему удалось избежать возможного несогласия с непокорным советом, и пока не решился упоминать при них еще одного герцога, поскольку юный Грэхем, герцог Клейборнский, был болезненной темой для бывших регентов, в особенности для Мердока. Он позволил разговору свернуть на обсуждение даты коронации, которая была назначена на конец июля, но когда совет пре-

рвал заседание и все разошлись, он ненадолго задержал Джейсона, Робера и Карлана.

— Я не стал сейчас говорить об этом, но никто пока и слова не сказал о еще одном герцоге, — заметил он. — И вы также не упоминали о нем в своих бумагах. Приедут ли лорды из Келдора на коронацию?

Трое рыцарей обменялись настороженными взглядами, и Робер с Карланом уступили слово Джейсону.

— Боюсь, что положение в Келдоре за время вашего отсутствия ничуть не улучшилось, сир, — пояснил Джейсон. — Сказать правду, оно даже ухудшилось. Из Келдора никто не приезжал ко двору с того дня, как юный Грэхем со своими дядьями прибыл сюда, дабы быть признанным в качестве герцога Клейборнского, и его регенты принесли вассальную клятву. По-моему, когда это случилось, вы еще были в столице.

Джаван кивнул, и Джейсон продолжил:

— С того дня никто не мог бы обвинить их в том, что они нарушили свои обязательства. Клейборн и графы Истмаркский и Марлийский посылают налоги и рекрутов на королевскую службу... Но ничего сверх того, что требует закон. А в последние месяцы даже меньше.

— Как так?

— Ну, юный Грэхем достиг совершеннолетия, а значит, он должен был прибыть в Ремут, чтобы официально утвердиться в должности и прекратить регентство над своими владениями. Должен ли я говорить, что он не приехал?

— Не могу сказать, что я его за это осуждаю, — пробормотал Джаван. — В то время как человек, убивший его отца, по-прежнему заседает в королев-

ском совете и так и не предстал перед судом. Не уверен, что я бы приехал в столицу на его месте.

— Вопрос в том, приедет ли он к *вам*, когда узнает, что ваш брат мертв, — возразил Робер. — Если он этого не сделает, и если ни он, ни его дядья не приедут на коронацию, если они откажутся признать в вас своего господина и принести клятву за весь Келдор... вполне разумно будет заключить, что Келдор отказался от союза с Гвиннедом. Если это произойдет, вам едва ли удастся вернуть их силой. Нам нельзя забывать, что в ближайшие годы нас наверняка ожидает война против самозванца из рода Фестилов, которого поддерживает Торент. Он обязательно попробует вернуть себе трон.

— Я помню об этой опасности, — заметил Джаван. — И прекрасно сознаю, что не могу себе позволить воевать с Келдором. — Он немного помедлил. — Вы и правду думаете, что они не приедут?

Джейсон хмыкнул.

— Скорее я *боюсь*, что они приедут лишь для того, чтобы окончательно расправиться с Мердоком.

— Мердок несет ответственность за гибель отца мальчика, — резко ответил Джаван. — И за то, что он сделал с Декланом Кармоди и его семьей... Я никогда ему этого не прощу.

Трое рыцарей смущенно переминались с ноги на ногу, ибо все они присутствовали в замке в тот жуткий день три года назад, и были вынуждены стать свидетелями хладнокровной казни жены Деклана и его сыновей, а также жестоких пыток, которым подвергли самого Дерини.

— Эван первым напал на Мердока, сир, — неуверенно заметил Робер.

— Верно, после того, как Мердок спровоцировал его.

— Да, но придворные восприняли это несколько иначе, — заметил Джейсон. — И ваше свидетельство здесь не будет иметь большого веса, поскольку вы в ту пору не были совершеннолетним. Если спустя столько лет вы попытаетесь вновь вернуться к этому вопросу, то все решат, что вы либо питаете недостойную слабость к Дерини, либо мстите Мердоку. Боюсь, что ни то, ни другое вы не можете себе позволить.

Джаван тяжело вздохнул, сознавая правоту Джейсона... И все же корона в этот миг показалась ему тяжела, как никогда.

— Я не намерен нападать на Мердока, — сказал он наконец. — По крайней мере, не сейчас. Но вернемся к келдорцам... Так вы думаете, они приедут?

— Насколько мне известно, Этьен послал гонца на север, чтобы известить их о смерти вашего брата, сир, — ответил Робер. — Кроме того, там было официальное приглашение на коронацию. Примут они его или нет, это мы еще увидим... И нам придется считаться с последствиями.

Пока что большего никто не мог сказать. Обреченно тряхнув головой, Джаван взял в руки меч Халдейнов и поднялся на ноги.

— Благодарю вас, господа. Теперь у меня появилась новая причина для беспокойства. Это не ваша вина, — добавил он, улыбнувшись. — Просто все это означает, что я ступаю по лезвию меча, а не просто по натянутому канату. Но давайте спустимся в банкетный зал и раздобудем чего-нибудь поесть.

Он продолжал размышлять о том, как лучше выправить положение, пока они с рыцарями трапезни-

чали, и их веселая болтовня почти не отвлекала его. Возможность разрыва с Келдором, не говоря уж о войне с захватчиками из рода Фестилов, вернула его к мыслям о том, что очень скоро ему предстоит участвовать в настоящих сражениях, а не только в подковерных битвах с бывшими регентами. После обеда все они отправились на небольшую верховую прогулку вдоль берега реки, ибо король решил для себя, что отныне будет как можно больше времени посвящать подобным упражнениям, дабы как следует подготовиться к ожидающим его неприятностям. Спустя совсем немного времени у него отчаянно разболелись ноги.

— Я хочу вновь возобновить тренировки, — заявил он Роберу с Джейсоном, когда они остановили лошадей в тени каменного моста, пересекавшего реку вблизи города. — Я не держал меч в руках добрых три года, если не считать того раза, когда порезался на совете по престолонаследию. И даже не уверен, что сейчас вспомню, как правильно держать лук.

Последнее утверждение едва ли соответствовало истине, и все это знали, ибо уже в двенадцать лет Джаван был куда искуснее в стрельбе из лука, чем большинство халдейнских стражников. Джейсон сам занимался с ним в свое время, ибо стрельба была одним из немногих воинских искусств, где увечная нога отнюдь не считалась помехой.

А вот фехтование — дело другое. И не было никаких сомнений, что после трех лет ученых занятий в семинарии *Arx Fidei* Джаван сильно утратил форму, ибо там у него практически не было возможности для подобных занятий. Однако король должен владеть оружием, если хочет вести солдат в битву, не го-

воря уже о том, чтобы защищаться от бунтующих подданных.

— Что, передаете власть в наши руки? — спросил его Робер и бросил на него многозначительный взгляд, так что Джаван понял, что в скором времени ему придется потрудиться, и очень усердно.

— Я бы не просил, если бы твердо не был в этом уверен, — отозвался Джаван. — Я понимаю, что мне придется нелегко. Но вы должны сделать из меня настоящего рыцаря, ведь я должен быть достоин тех клятв, которыми мы обменялись несколько дней назад.

— Но вы уверены, что сможете регулярно отдавать этому часть времени? — спросил Джейсон. — Ведь рыцарем нельзя сделаться в одночасье или тренируясь от раза к разу, когда появится охота.

— Я это прекрасно понимаю, — ответил Джаван. — Можем заниматься по утрам, когда воздух еще попрохладнее. А прочие дела я отложу на послеобеденное время, по крайней мере до тех пор, пока мы как следует не продвинемся в наших занятиях. Нагружайте меня как можно сильнее, насколько я смогу выдержать, и еще немного сверх того. Я прекрасно отдаю себе отчет, что будет немало пота и боли. Эта мысль не доставляет мне особого удовольствия, но другого выхода нет. В следующий раз, когда кто-нибудь из советников попытается бросить мне вызов, возможно, одними сладкими речами мне от него не отделаться...

Однако именно сладкие речи в ближайшие пару недель помогали Джавану удерживать своих противников в узде, то и дело выбивая их из равновесия. Сейчас больше всего времени уходило на подготовку к коронации, но каждый день он начинал с трени-

ровки, занимаясь то с оружием, то верховой ездой, а то и фехтованием в седле. По несколько часов он наращивал мышцы на плечах и дрался на кулаках с кем-нибудь из рыцарей. Кроме того, помногу часов он проводил у мишеней для стрельбы. Былая ловкость очень быстро вернулась, но он был потрясен, когда увидел, с каким легким луком ему приходится начинать.

Кроме того, немало времени ему пришлось посвятить занятиям с бароном Хилдредом, который взялся восстановить его навыки в верховой езде. Прежде Джаван был отменным наездником, и сейчас он с легкостью вспомнил все, чему его когда-то учили. Однако мышцы слушались его отнюдь не так хорошо, как прежде, и поначалу собственная неспособность преодолевать боль вызывала в нем отчаяние и разочарование. Первую неделю Хилдред напоминал ему самые базовые умения, посадив его верхом на очень смирного, покладистого мерина, и водил только на веревке, заставляя по несколько часов нарезать круги рысью и галопом, совершать невысокие прыжки, намеренно падать с седла... И все это без стремян.

Чуть позже, когда сноровка понемногу стала возвращаться, с арены его начали выпускать во двор, где он работал с копьем или мечом. Как только сил хватило натянуть мощный маленький гнутый р'кассанский лук, он принялся также стрелять с седла. Все это давалось очень нелегко. Однако в этом, как и во всех прочих занятиях, Джаван понемногу преуспел, и с удовлетворением обнаружил, что способен справляться с упражнениями гораздо лучше, чем три года назад.

Занятия обычно заканчивались скачкой вдоль реки, и он мог немного расслабиться и получить истинное удовольствие от поездки. Порой, когда он наконец спешивался после утренней тренировки, ноги так дрожали и подкашивались, что едва держали его... и больная ступня была тут вовсе ни при чем. Кроме того, у него постоянно ныли плечи, ибо он старался основной упор делать на силу рук, чтобы компенсировать недостаточную подвижность на ногах.

В полдень после ванны он ежедневно встречался с Ориэлем, ибо лишь так Джаван мог восстановить силы, чтобы вернуться к ожидающим его обязанностям: со дня на день ему все больше приходилось давать аудиенций, присутствовать на заседаниях совета, в суде или порой вместе с различными сановниками изучать планы коронации, окончательно назначенной на последний день июля.

Как он и обещал Ориэлю, ему наконец удалось устроить тому встречу с женой и дочерью. Продлилась она недолго, и Джавану пришлось подкрепить свое требование значительной долей угроз, причем Карлан с Гискардом во время разговора со стражниками *Custodes* маячили у него за спиной, не спуская рук с мечей. Но наконец один из них все же согласился позвать начальника, и требование короля было удовлетворено. Ориэль не мог скрыть радости. Пока его рыцари охраняли двери, Джаван с влажными от слез глазами смотрел, как Целитель молча обнимает жену, а затем, опустившись на колени, сгребает в объятия взъерошенную крошку, прятавшуюся за материнской юбкой. Она впервые увидела своего отца, которого совсем не помнила.

Но очень скоро вооруженный капитан *Custodes* ворвался в комнату, чтобы прервать эту трогательную встречу. Вместе с ним заявилось еще с полдюжины рыцарей *Custodes*, которых даже королевская воля или обычная человеческая доброта никоим образом не могла бы отвлечь от исполнения долга.

— Сир, довольно, — объявил капитан, вежливо, но непререкаемо. — Мне отдан приказ, что никто из Дерини не имеет права видеться с семьей. Такова была воля брата Серафина, верховного инквизитора, а он опирался на положение, утвержденное Рамосским Советом. Мастер Ориэль должен немедленно удалиться.

На миг Джаван хотел было поспорить, ибо сильно сомневался, что командир *Custodes* осмелится силой выгнать своего короля, однако Карлан и Гискард не отличались подобным бесстрашием. Кроме того, по закону Серафин действительно имел право отдать такое распоряжение, а стало быть сопротивляться *Custodes* пока что было бесполезно, да и какое удовольствие могло бы принести Ориэлю общение с семьей в их присутствии?

— Я позабыл, что таков был ваш приказ, — невозмутимо отозвался король, неохотно дав знак Ориэлю выйти из комнаты. — Мастер Ориэль преданно служил при дворе уже много лет, и не видел свою маленькую дочь с самого ее рождения. Мне показалось, что подобная награда вполне им заслужена.

— Верховный инквизитор так не считает, — возразил капитан, наблюдая за Ориэлем, словно кот за мышью. Целитель со слезами выпустил из объятий дочку и передал ее жене, затем, не в силах больше смотреть на них, встал рядом с королем.

Не сказав ни слова, Джаван пожал плечами и развернулся, чтобы идти, но он знал, что никогда не забудет отчаянный взгляд Ориэля, когда дверь за ними закрылась, и Целитель вытянул руку, чтобы в последний раз помахать рыдающей женщине и маленькой дочери, которая единственная из всех безмятежно улыбалась и махала рукой ему в ответ. На розовом личике в ореоле золотисто-рыжих кудряшек сияло выражение невинного счастья...

После этого Ориэль стал еще более предан Джавану, и тот преисполнился решимости сделать все, от него зависящее, чтобы исправить зло, причиненное бывшими регентами его королевству.

Но чтобы достичь этой цели прежде всего следовало озаботиться вопросом выживания. В плане ежедневного существования это зависело от того, насколько стабильным будет положение при дворе. В первые несколько недель у Джавана постепенно сформировался узкий круг доверенных лиц, и по мере того, как ежедневное расписание его делалось все более определенным, появилась и некоторая рутина. Он пока еще не осмеливался избавиться от сановников, доставшихся ему в наследство от брата, однако старался незаметно привлекать ко двору все больше избранных им людей. Так, лорд Джеровен Рейнольдс занял в совете место Фейна Фитц-Артура и был назначен вице-канцлером. Барон Этьен де Курси стал личным секретарем короля, а Гискард — его помощником.

Еще одно назначение, о котором он объявил совету в середине июля, было более личным, ибо касалось его персональных потребностей, и в отличие от всех прочих назначений, для этого он должен был получить позволение от самих *Custodes Fidei*. В ка-

ком-то смысле этот шаг являл собой отступление перед противником, и уступку в их противостоянии с орденом. Это было неприятно Джавану, однако он сознавал, что нельзя слишком настраивать против себя Полина и Альберта, — и без того Полин уже точил на него зуб за случай с Ориэлем.

— И последний вопрос на сегодня, господа. Я бы хотел обратиться с личной просьбой к отцу Полину, — объявил Джаван, стараясь придать лицу умоляющее выражение, и обернулся к верховному настоятелю *Custodes*. — Но сперва я должен принести ему свои извинения.

— Извинения, сир? — Полин недоуменно покосился на короля.

— Да, отче. Я хорошо сознавал, что делаю, когда принял решение покинуть орден. И это далось мне лишь ценой долгих размышлений. Однако я сожалею, что оставил его таким образом. И, возможно, некоторые люди после этого остались мною недовольны. Мой аббат, в особенности, и вы, отче. Кроме того, я сожалею, если выказал неуважение к вам, архиепископ, — добавил он, взглянув на Хьюберта. — Я многому научился под вашим руководством и благодарен за это. Кроме того, я благодарен за то, с какой легкостью прошла процедура сложения с меня религиозных обетов.

Хьюберт кивнул, а Полин осторожно наклонил голову.

— Ваше высочество заметили, что у вас есть некая личная просьба, — произнес он.

— Да, отче, — Джаван глубоко вздохнул. — Я бы хотел, чтобы мне был назначен личный исповедник. При дворе не осталось никого из тех духовников, чьими услугами я пользовался прежде. Отец Бони-

фаций скончался, а у его милости архиепископа есть и другие обязанности при дворе, как и подобает персоне его ранга. Ему приходится уделять внимание многим овцам, а не только мне — самой черной и непослушной овце его стада, — он исподтишка бросил взгляд на Хьюберта и заметил, что архиепископ пухлой рукой прикрывает улыбку.

— Возможно, ваше высочество пожелает воспользоваться моими услугами, — предложил архиепископ Оррис, слегка уязвленный. — Сдается мне, мой помощник епископ Альфред время от времени исповедовал вас.

Джаван покачал головой, словно бы в растерянности, затем вновь обернулся к Полину.

— Благодарю вас, ваша милость, но я подыскал себе менее занятого священника, и я думаю, он лучше мне подойдет, — произнес он. — Он близок мне по возрасту и кое-что знает о том, как я провел последние годы. Он принадлежит ордену *Custodes*, отче, мудрость которого я научился уважать, обучаясь в *Arx Fidei*.

— Один из моих священников, сир? — Полин даже не знал, следует ли ему радоваться или проявить подозрительность.

На лице Джавана не отразилось ничего, кроме совершенной невинности. Он встретился взглядом с Полином.

— Его зовут отец Фаэлан. Он не был моим духовником в аббатстве, как вам известно, просто одним из моих наставников. Но я уверен, что вышестоящие наверняка считают его достойным представителем ордена, иначе его не оставили бы в семинарии после рукоположения, чтобы там он наставлял своих собратьев. Если у вас не будет возражений, я был бы

рад, если бы его вызвали ко двору, чтобы он стал королевским капелланом.

— Фаэлан, вы говорите, — пробормотал Полин, бросив взгляд на Альберта, который молча покачал головой, но скорее потому, что не знал, о ком идет речь, а не в знак неодобрения.

— Да, отче, по-моему я никогда не слышал его родового имени, поэтому не могу вам сказать точнее. Однако он человек мягкого нрава, набожный и благоразумный. Думается, он станет мне хорошим духовным наставником, хотя, конечно, я благодарен и всем прежним моим исповедникам.

— Разумеется, — пробормотал Хьюберт, с лица которого исчезла улыбка. А вот Полин теперь почти улыбался...

— Очень хорошо, сир, — произнес он, записав имя на клочке пергамента. — Не буду давать вам никаких обещаний, но я наведу справки об этом отце Фаэлане, и если его сочтут подходящим, то вы его получите как жест доброй воли с моей стороны... и ради спасения вашей бессмертной души.

Джаван склонил голову, надеясь, что Полин примет это за знак благочестия.

— Благодарю вас, отче, я буду ждать вашего решения.

Когда совет перешел к обсуждению других вопросов, Джаван мог лишь надеяться, что своей просьбой не поставит доброго отца в Фаэлана в затруднительное положение, ибо тот не принимал никакого участия в его интригах... он просто был его другом, а Джаван сейчас как никогда остро нуждался в друзьях.

Глава 15

И ничего не сокрою от Тебя[1]

В последующие дни не только Полин Рамосский выполнял поручения короля. Как-то вечером, когда до коронации оставалось меньше двух недель, Гискард после ужина задержался в покоях Джавана, когда ушли уже все остальные, если не считать Карлана.

— Я подыскал подходящее место для Портала, — сказал он, когда Джаван послал Карлана в погреб за новой флягой вина. — Это на нижнем этаже, прямо под нами, рядом с комнатой, где устраивают новую библиотеку.

Джаван нахмурился, пытаясь сообразить, о каком месте идет речь.

— А мне казалось, что Портал нужно устраивать где-то внизу, в подвале, — заметил он. — Разве пол не должен быть земляным или из природного камня?

— Все верно, — ухмыльнулся Гискард, — но если бы каждый раз за этим приходилось отправляться в подвал, это могло бы показаться странным. Весьма неподходящее занятие для короля, согласитесь.

Вспомнив, с каким трудом каждый раз ему приходилось подбираться к блокированному теперь Пор-

---

[1] Товит 12:11

талу в подвалах валоретского замка, замаскированному под уборную, Джаван вынужден был согласиться.

— Да, тут ты прав. Но в большинстве покоев здесь полы деревянные. Вот, к примеру, как и в моих апартаментах. — Он дважды стукнул каблуком в пол, чтобы доказать это. — Собственно говоря, по-моему, все крыло выстроено таким образом.

Гискард улыбнулся, похоже, весьма довольный собой.

— А та комната, о которой я веду речь, находится прямо над сводами подвалов, — пояснил он. — И знаете, что находится между каменной аркой и полом верхнего уровня?

— Нет, никогда об этом не задумывался.

— Там насыпана земля, — ответил Гискард. — Добрая, надежная земля под перед каменными плитами пола.

— О-о...

— И королю не нужны никакие оправдания, когда бы ему ни вздумалось посетить библиотеку. А там уж никто не заметит, если он пройдет в соседнюю комнату.

— Да, ты совершенно прав. Конечно, осторожность соблюдать необходимо, но мысль блестящая. Так где, ты сказал, находится эта комната?

— На самом деле в таком виде как сейчас, вы, наверное, никогда и не видели библиотеку, — заметил Гискард. — В этой части замка начали все перестраивать, уже после того как вы покинули двор. У меня такое впечатление, что все работы закончили не позднее прошлого года.

Джаван кивнул.

— Я помню разговоры о библиотеке, когда возвращался сюда пару раз за последние годы. Но за

мною всегда так пристально наблюдали во время этих визитов... А раньше, сразу после того, как двор переехал сюда из Валорета, я не успел даже освоиться в замке, как меня тут же отправили в аббатство.

— Я отведу вас вниз и все покажу, как только получу добро от Джорема, — заявил Гискард. — Конечно, лучше не привлекать к этому месту особого внимания, но с другой стороны, никто ничего не заподозрит, если король пожелает взглянуть на новую библиотеку и прилегающие к ней комнаты. В конце концов, теперь это ваш замок.

— Хм, полагаю, что да, — пробормотал Джаван. — Но если Джорем одобрит это место, то что будет дальше? Он сказал, ему понадобится пять или шесть человек, чтобы соорудить Портал.

— Ну, по меньшей мере, у нас есть двое де Курси, — сказал Гискард. — Правда, ни одному из нас еще не доводилось присутствовать при сооружении Портала, и уж тем более участвовать в этом обряде. Впрочем, Джорем говорит, это не имеет значения. Главным будет тот, кто станет направлять наши усилия.

— То есть Джорем сам этим займется? — спросил Джаван.

Гискард покачал головой.

— Его могут узнать, если кто-то заметит его в замке, это слишком опасно. Но на самом деле, по-моему, он просто еще не решил, кто должен это сделать.

— Ясно, — склонив голову, Джаван взглянул на собеседника. — А кто еще будет принимать участие? — спросил он. — Ты, твой отец и я — это всего три человека.

— Ориэль, — ответил Гискард. — Но вы должны сказать ему только перед самым обрядом. Ни к чему

увеличивать опасность и оповещать его заранее. Помимо этого нам еще нужно несколько обычных людей. Джорем предложил, чтобы Карлан тоже присутствовал.

Джаван поджал губы.

— Я надеялся, что этого удастся избежать, Карлан ведь ничего о нас не знает.

— Это понятно, но ведь потом можно все стереть из его памяти.

— Снова. — Поднявшись, Джаван подошел к окну и уставился на сгущающиеся сумерки. — Мне не нравится использовать его таким образом, Гискард. И это будет уже не так просто сделать, как стереть его воспоминания о моих ночных вылазках, чтобы он не рассказал лишнего регентам.

Нахмурившись, Гискард встал у окна рядом с королем.

— Вы делали это уже много лет, сир. Король не может позволить себе роскошь быть слишком чувствительным.

— Но это совсем другое дело. Я пытался не заниматься этим больше, с тех пор как стал королем. Раньше, когда он был моим оруженосцем, у меня не было другого выхода. Но теперь он рыцарь. Он *мой* рыцарь. Я дал клятву защищать его и быть честным с ним. В некоторой мере я уже нарушил это обещание, когда дважды брал его с нами в церковь святой Хилари. Я понимаю, это было необходимо, но... Не уверен, смогу ли я заставить себя просить его о помощи в сооружении Портала.

— Если вы не желаете использовать его вслепую, то, может быть, вы решитесь открыться ему? — негромко спросил Гискард. — Он хороший человек, я готов ручаться за это жизнью. Мы *все* поручимся за

это жизнью. Вы сможете дать ему необходимую защиту, с его дозволения.

Джаван кивнул.

— Я уже думал об этом. Если только я в нем совершенно не ошибся, то, полагаю, он по доброй воле поможет нам, и будет согласен со всеми необходимыми мерами, чтобы защитить нас обоих. А если... если он все же усомнится, то, полагаю, уж эти-то воспоминания я точно смогу стереть. Он никогда не вспомнит о нашем разговоре, и все пойдет в точности, как прежде.

Гискард с улыбкой тряхнул головой.

— Так значит, вам не по душе тот факт, что приходится нарушать его свободу воли. Однако если окажется, что воля его не такова, как угодно вам, тогда вы готовы вмешаться в его свободу воли еще в большей степени...

Джаван резко вскинул голову и посмотрел на него.

— Но ведь вы предлагаете именно это, подумайте сами!

Джаван со вздохом опустился на каменную скамью в оконном проеме.

— Я хочу уцелеть, Гискард, — прошептал он. — Но не хочу делать этого за счет других людей. По крайней мере, сверх необходимого.

— Понимаю. — В темных глазах Гискарда в подступающих сумерках ничего нельзя было прочесть. — Полагаю, вы осознаете, что в этом разговоре куда больше поведали мне о самом себе, чем, возможно, намеревались. Ведь ваши способности не сводятся только к простым защитам и чарам истины, верно?

— Да.

— Но вы же не Дерини, как это возможно?

Джаван вновь уставился в окно, приняв решение поделиться с Гискардом толикой того, что было ему известно, хотя решил и не упоминать имени Камбера и его близких.

— Это имеет отношение к роду Халдейнов, насколько я понимаю, — произнес он вполголоса. — Сила снизошла на моего отца после того, как он дал клятву принять корону. Говорят, он всего трижды использовал ее во всей мощи. В первый раз, когда уничтожил предателя, отравившего его новорожденного первенца. Во второй раз — в битве с Имре Фестилом. А в третий раз — помимо своей воли — он отомстил врагу, уже к тому времени обезвреженному. Это случилось спустя год после того, как он взошел на престол... После этого случая он лишь изредка пользовался чарами истины, но больше до самой смерти никогда не прибегал к своему могуществу, и лишь в последнюю ночь вновь вспомнил о нем, чтобы передать своим наследникам. У Алроя этот дар так никогда и не проявился. У меня, напротив, он расцвел довольно рано. Что касается Райса-Майкла, то пока нет никаких признаков силы. Однако полагаю, что она перейдет к нему, если я погибну, не оставив наследника.

Гискард, сидевший неподвижно, пока Джаван рассказывал ему все это, медленно кивнул.

— То, что вы мне поведали, очень многое объясняет, — сказал он. — Если честно, то меня даже смущает, что вы рассказали мне все это. Конечно, на самом деле вы по крови не Дерини, но если Полин и *Custodes* все же прознают об этом...

— А что, ты собираешься им это рассказать? — спросил Джаван, взглянув на рыцаря-Дерини с горькой иронией.

Побледнев, Гискард рухнул на колени перед Джаваном, и на открытой ладони его внезапно оказался кинжал, нацеленный ему прямо в сердце.

— Так сразите меня прямо сейчас, государь, если сомневаетесь в моей преданности, — яростно прошептал он и тут же опустил свои защиты, давая королю полный доступ в свое сознание. — Прочтите мои мысли. — Свободной рукой он схватил Джавана за запястье и прижал его ладонь себе ко лбу. — Взгляните в самые дальние тайники моего разума, найдете ли там хоть след предательства? Я не боюсь моего короля и с радостью, если понадобится, умру за него. Но я боюсь того, что могут сделать со мной *Custodes*, если узнают, кто я такой. Я Дерини, сир, но у меня нет иллюзий по поводу своих способностей. Если меня напичкают мерашей, то Ситрику или кому другому не составит труда сломить меня, и мне это хорошо известно.

Джаван со вздохом опустил руку и взял у рыцаря кинжал, протянув его рукоятью вперед. Все это время он использовал чары истины, и у него не было сомнений, что Гискард говорит правду.

— Я никогда не сомневался в твоей преданности, Гискард, — сказал он. — И Бог свидетель, я знаю, какая опасность грозит нам от *Custodes*. Я ведь прожил с ними бок о бок три года. Но что я могу сделать, чтобы ты почувствовал себя в большей безопасности? Чего ты хочешь от меня?

Гискард спрятал кинжал и, опустив глаза, медленно покачал головой.

— Я ведь точно не знаю, на что вы способны, сир, — прошептал он. — Однако если вы просто сотрете из моей памяти весь этот разговор... полагаю, уж это-то вы можете сделать... то я стану вам совер-

шенно бесполезен. Я... я не ожидал, что все так усложнится.

— И я тоже, — улыбнулся Джаван. — Но вставай же, я слышу, там идет Карлан и несет вино. Дай мне поразмыслить над этой проблемой, и просто постарайся быть очень осторожным в ближайшие дни.

К тому времени, как вернулся Карлан с кувшином и кубками, Гискард уже достаточно пришел в себя и теперь сидел на скамье напротив короля.

— Спасибо, Карлан, — любезно сказал ему Джаван. — Налей и себе вина и присоединяйся к нам. Я как раз жаловался на то, какие тяжелые все эти одеяния, что придется мне носить во время коронации. По такой жаре это будет сущий ужас. И Гискард предложил, что, может быть, нам стоит привезти из Лендора снег в огро-о-омных сундуках...

Все втроем они еще добрый час сидели у окна и дружески болтая, выдвигали одну идею безумнее другой, как сделать так, чтобы королю чувствовать себя попрохладнее в этот роковой день, пока наконец Гискард не заметил, что совсем опустилась ночь, и неохотно откланялся.

— Полагаю, мне лучше вернуться к себе, сир, — заметил он, допив последние капли вина. Отец хотел, чтобы я еще прочитал кое-какие документы... Наброски того, что мы представим вам через пару дней. И нужно еще ответить на несколько писем. Да, кстати, желаете ли вы запланировать посещение библиотеки на завтра?

— Да, это было бы отлично, — отозвался Джаван, вспомнив их прежний разговор. — Спасибо тебе, Гискард.

— Рад служить вам, сир. Спите спокойно, — и Гискард с низким поклоном удалился.

Карлан подошел запереть за ним дверь на засов, и Джаван задумался, хочет ли он выпить еще вина. На самом деле, пить не хотелось... но с другой стороны, за доброй чаркой будет легче обговорить все необходимые вопросы с Карланом. Молодой рыцарь тем временем взял с каминной полки свечу и зажег ее от светильника, стоявшего на столе посреди комнаты. Скорее всего, он полагал, что король уже собирается лечь спать.

— Погоди пока с этим, Карлан, — сказал ему Джаван, сидевший в тени оконной ниши. — Я хотел еще кое-что с тобой обсудить. Иди сюда и налей себе вина, если угодно.

С улыбкой, заинтригованный Карлан подошел ближе и поставил подсвечник на скамью напротив Джавана, а затем сам сел рядом, там, где на серебряном подносе стоял кувшин вина и пустые кубки.

— Благодарю вас, сир, может мне и вправду стоит выпить еще немного. — Он поднял кувшин. — Вам налить?

— Да, совсем чуть-чуть, — отозвался Джаван, большим и указательным пальцем показывая точную меру.

Когда Карлан подал ему бокал, Джаван с облегчением вздохнул и откинулся на подушки, вытянув хромую ногу и положив ее на противоположную скамью... тем самым преграждая Карлану путь к отступлению.

— Гискард славный человек, — заметил он, отпив немного из бокала и наслаждаясь вкусом вина. — Тебя бы сильно потрясло, если бы я сказал, что он Дерини?

Карлан, который как раз отпил из своего кубка, едва не поперхнулся вином. С изумленными глазами

он отставил чашу и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Это... это как будто совсем вас не тревожит, сир, — выдавил он наконец.

С невеселой усмешкой Джаван запрокинул голову, упираясь затылком в каменную стену, и сделал вид, будто внимательно изучает ободок своего бокала.

— Мне почему-то кажется, что это не слишком тревожит и тебя, — заметил он небрежно. — Но с другой стороны, тебе ведь доводилось за эти годы общаться с мастером Ориэлем, и, может статься, для себя ты сделал вывод, что все Дерини не так уж плохи, как пытаются заставить нас поверить Полин и *Custodes*.

Карлан с трудом вздохнул.

— Мне казалось... что таково и ваше мнение, мой принц. Боюсь... я никак не могу поверить, что мастер Ориэль плохой человек, чтобы там ни говорила церковь. Что касается сэра Гискарда, я не слишком хорошо его знаю, но мне кажется, он заботится лишь о вашем благе. Если сами вы иного мнения, если я неверно оценил ваши слова... что ж, тогда вы можете прямо сейчас отдать меня в руки *Custodes*, поскольку я общался с ними обоими по собственной воле и непременно буду общаться с ними впредь, ибо я считаю, что это идет на пользу моему принцу.

С этими словами он склонил голову, судя по всему, ожидая какого-то неотвратимого наказания. Джаван, торопливо отставив в сторону чашу, наклонился к нему и обеими руками взял Карлана за плечи.

— Карлан, Карлан, прости меня, — сказал он. — Я не был до конца откровенен с тобой. Ты все понял

совершенно правильно, и с самого первого дня нашей встречи ты всегда был честным и порядочным человеком. Ты сам признался мне, что вынужден доносить обо всех моих действиях регентам, когда был моим оруженосцем, и мы оба знали, что у тебя нет другого выбора.

Опустив руки, он уставился в окно, чувствуя, что в душе Карлана отчаянье уступает место удивлению, и был благодарен Господу за это.

— По счастью, спустя некоторое время я нашел способ использовать эту ситуацию к своей выгоде, — продолжил он вполголоса. — Ты знаешь, что я, конечно, не Дерини, Карлан. Однако... я способен делать кое-что из того, что умеют Дерини. Я предпочел бы сейчас не объяснять, откуда у меня этот дар. Но клянусь, что я никогда не использовал его тебе во зло, и никогда не сделаю этого впредь.

Теперь он рискнул бросить взгляд на Карлана, но тот сидел неподвижно с застывшим лицом.

— В те далекие дни у тебя действительно не было выбора. Тебе не мог предоставить его ни я, ни регенты, — продолжил Джаван с надеждой. — Однако когда ты рисковал всем на свете, отправившись за мной в *Arx Fidei*, это было сделано по твоему собственному выбору. По своей воле ты предложил мне помощь и даровал мне свою преданность. Однако с тех пор я дважды ответил на твою верность неблагодарностью. Я использовал тебя, Карлан, и мне понадобится использовать тебя опять. Но отныне мне бы хотелось делать это лишь с твоего согласия.

На озаренном свечами лице Карлана изумление смешалось со страхом.

— Я... не понимаю, сир, — выдохнул он. — Как вы могли... *использовать* меня, и что еще вы хотите, что-

бы я сделал для вас? И как я могу не согласиться на это?

Откинувшись на скамье, Джаван произнес, осторожно подбирая слова:

— Помнишь, ты всегда дремал, когда отправлялся вместе со мной в церковь на ночное бдение, или во время этих скучных посещений отца Бонифация?

— Да.

— Я знаю, тебе никогда это не казалось странным, и даже мысли в голову не приходило сообщить об этом регентам, но сам ты никогда не удивлялся происходящему?

— Я просто думал... что я высыпаюсь, если не успел отоспаться за ночь или добираю сон на будущее, — прошептал Карлан. — Ведь у оруженосца день начинается рано, а заканчивается порой очень поздно.

Джаван позволил себе слабо улыбнуться, удивляясь, насколько умелыми оказались его действия, даже в те первые дни, когда он лишь осваивался с растущими своими талантами.

— Все верно, — мягко заметил он. — Но попробуем зайти с другой стороны. Видел ли ты, как Ориэль погружает своих пациентов в сон.

— Разумеется.

— Ну, так вот, я тоже на это способен.

— Вы? — у Карлана на миг отвисла челюсть, но затем темные глаза вспыхнули вызовом. — Покажите мне!

— Ты еще отважнее, чем я думал, — заметил Джаван с улыбкой. — Карлан, засни.

Ему даже не понадобилось дотрагиваться до рыцаря, чтобы тот повиновался команде. Темные глаза моментально закрылись, как и множество раз до то-

го, и Карлан со вздохом опустился на подушки. Джаван легонько коснулся его лба, а затем, проникнув в его сознание, вызвал на поверхность воспоминание о том, что он только что сделал и зачем, сознавая теперь, что Карлан готов принять все это, и чувствуя облегчение, что ему не понадобится заставлять его принять это насильно.

— Когда придет нужда, ты вспомнишь все это, либо наедине с самим собой, либо со мной, — прошептал он, устанавливая необходимые защиты. — Однако ты не сможешь никому рассказать об этом устно или в иной форме, если только не будет рядом меня, и я не дам тебе особого дозволения. Это для твоей безопасности, как и для моей собственной. Согласен?

Из глубин транса Карлан прошептал:

— Да.

— Тогда просыпайся, — Джаван опустил руку. — И в будущем я буду делать все, что необходимо, чтобы защитить нас обоих, но всегда постараюсь предоставить тебе право выбора... Пусть даже для того, чтобы ты по собственной воле сделал то, чего делать бы тебе, может быть, и не хотелось.

Через несколько мгновений ресницы затрепетали, и темные глаза в упор взглянули на Джавана.

— Благодарю вас за такое доверие, мой принц, — шепотом произнес молодой рыцарь. — Для меня большая честь помогать вам во всем. И я рад, что вы сочли меня достойным этой помощи. — Он несколько раз откашлялся, ибо эмоции переполняли его. — Прежде вы говорили... что хотели бы, чтобы я еще кое-что сделал для вас, — продолжил он. — Конечно, я готов... нет никаких вопросов... но могу ли я узнать, о чем идет речь?

Джаван со вздохом взял свой бокал и передал кубок Карлану.

— Это имеет прямое отношение к Дерини, — сказал он. — И даже я до конца не знаю, что там необходимо. Я не рассказывал тебе об этом прежде, поскольку не хотел ставить тебя в положение, когда б ты вынужден был лгать и тебя бы поймали на этой лжи, что моя дружба с Дерини не прекратилась, когда Тавис О'Нилл бежал из замка. Именно благодаря ему, Джорему и нескольким другим, которые были преданны моему отцу, я теперь сижу с тобой в этой комнате. Именно поэтому, отчасти, мне удалось сохранить корону... И будем надеяться, удастся удерживать ее впредь. Ты ведь знаешь, как сильны наши враги.

Карлан кивнул, широко раскрыв глаза.

— Но для того, чтобы мои союзники Дерини могли принести мне больше пользы, — продолжил Джаван, — я должен иметь возможность связаться с ними, а они со мной. Конечно, присутствие при дворе скрытых Дерини, как Гискард и его отец — это большая подмога. Однако здесь есть свои ограничения, ведь они не могут допустить, чтобы их раскрыли. Кроме того, они не такие уж умелые Дерини, иначе их происхождение давно стало бы всем известно. Больше всего пользы могли бы принести самые талантливые из них, однако их присутствия никогда не потерпят при дворе бывшие регенты, и, в особенности, *Custodes Fidei*... Это означает, что здесь, в замке, необходимо создать Портал перехода. Знаешь ли ты, что это такое?

— Да.

— Так вот, для того, чтобы его создать, нужны несколько Дерини, и один из них должен точно знать,

что делать. Де Курси на это неспособны, но, тем не менее, они оба окажут необходимую помощь, равно как и я, в той мере, насколько мне это доступно, хотя мои познания близки к нулю. Впрочем, сейчас это не имеет особого значения, поскольку каждый лишний человек просто является источником энергии, которую использует и фокусирует тот, кто проводит обряд. На одну ночь мы сумеем доставить сюда этого Дерини, а обратно он отправится через вновь созданный Портал... если, конечно, все сработает. Но нам нужен еще кто-то, чтобы хватило энергии. Я не хочу рисковать и собирать слишком большое количество Дерини в одном месте, ведь нас могут схватить.

— А почему не взять Ориэля? — предложил Карлан, пытаясь не подать вида, что уже заподозрил, к чему клонит Джаван.

— Я рассчитываю на его поддержку, хотя собираюсь рассказать ему обо всем лишь в последний момент. Скорее всего, с моей стороны было ошибкой позволить ему встретиться с женой и дочерью до того, как мы решили эту проблему. Теперь за ним будут наблюдать с особой пристальностью, особенно когда ко двору вернулся Ситрик. Я уверен, Ран постарается устроить так, чтобы двое Дерини шпионили друг за дружкой. Но сейчас мне нужен еще один обычный человек, не Дерини.

— А как насчет вашего брата? — предложил Карлан.

Джаван покачал головой.

— Он ничего об этом не знает, а кроме того, если мы потерпим неудачу... Я не имею права рисковать своим наследником.

Он не смел поднять глаз на Карлана, ибо понимал, что Карлан прекрасно осознает, о чем он просит его, и не хотел силой заставлять своего бывшего оруженосца принимать решение.

Однако когда Карлан наконец едва слышным шепотом произнес: «Ну, а как насчет меня?», Джаван позволил себе вздохнуть с плохо скрываемым облегчением.

Глава 16

Допросим же его со всем пристрастием, дабы вызнать всю его слабость[1]

Они разговаривали еще четверть часа, и Джаван постарался объяснить Карлану, что именно должно произойти.

— Не могу сказать наверняка, поскольку сам толком ничего не знаю, но совершенно уверен, что тебе не причинят никакого вреда. Если тебя хоть немного утешит, то мне точно также неведомо, что будут делать со мной.

— Вам нет нужды оправдываться, сир, — возразил Карлан. — И вы не обязаны ничего объяснять... Особенно поскольку совершенно очевидно, что объяснить вы не можете, ибо и сами точно не знаете. Трудно сказать, кто из нас сильнее напугается в эту ночь, но я никогда не отступлю от своего долга перед вами, мой господин, из одного только страха, каким бы я иначе был рыцарем?

— Да, тут нет сомнений, ты славный рыцарь, — Джаван улыбнулся и похлопал Карлана по плечу. — Благодарю тебя.

— На самом деле, это большая честь для меня, мой принц, — прошептал Карлан, не сводя взора с

---

[1] Мудрость Соломона 2:19

Джавана. — А могу ли я попросить вас об одном одолжении?

— Разумеется.

— Ну... мне бы не хотелось думать, что я испытываю какие-то сомнения относительно вас или себя самого, но могли бы вы... заставить меня забыть обо всем, что было сказано сегодня вечером до того времени, когда действительно понадобится моя помощь?

На миг прикрыв глаза, Джаван с улыбкой кивнул.

— Ну, конечно. Хотел бы я, чтобы кто-то мог сделать то же самое со мной.

Прежде чем один из них мог бы передумать, Джаван взял руки Карлана в свои и погрузился в его сознание, производя там необходимые подмены, и внушая воспоминания о совсем другом разговоре. Тем более, что он все равно собирался затронуть с ним эту тему.

— В общем, я назначаю тебя своим помощником, — произнес он вслух, возвращая молодого рыцаря в сознание. — Ты и без того исполняешь эти обязанности, так пусть теперь это будет признано официально. И хотя я очень ценю то, что ты выполнял обязанности моего пажа эти последние пару недель, но, конечно, нам следует подыскать другого человека, который бы снял с тебя это бремя. Есть какие-нибудь предложения?

Карлан взял бокал и задумчиво отпил немного вина.

— Ну, полагаю, едва ли вы захотите видеть кого-либо из сыновей тех лордов, которые с радостью выпустили бы вам кишки себе на подтяжки, — со всей откровенностью заметил он. — Значит, мы от-

вергаем наиболее очевидных кандидатов, типа Кешела Мердока или мальчиков графа Таммарона. Сдается мне, у лорда Джеровена есть внук как раз подходящего возраста, или, может быть, взять молодого Катана Драммонда?

— Хм. Едва ли это будет удачный выбор.

— Но проблема лишь в том, что он не сын одного из высших сановников.

— Может и так.

— Говорят, он парень неглупый, — продолжил Карлан. — Был довольно юным, когда начал службу, но уже несколько лет выполнял обязанности оруженосца при Райсе-Майкле. Кажется, ему сейчас лет двенадцать. Значит, вполне достоин этой должности. А его хорошенькая сестренка прислуживает супруге Таммарона. Кстати, вы в курсе, что ваш брат положил на нее глаз?

— Микаэла? — Джаван был поражен. — Хорошенькая? Райс-Майкл?

Карлан задорно поднял бровь и взглянул на него, пожимая плечами. Заметив его улыбку, Джаван сказал:

— Ты ведь не шутишь, правда? Да, конечно, не шутишь. Боже правый, я его видел вместе с ней после похорон, но это ведь сущая нелепость. Они оба всего лишь дети.

— Подумайте как следует, сир. Ей тринадцать. А вашему брату на Рождество исполнится пятнадцать. Он совершеннолетний уже целый год. Я понимаю, что вы прекрасно осознаете возможную опасность, если один из вас произведет на свет наследника до того, как вы крепко возьмете власть в свои руки, однако подобная мысль могла и не прийти в голову вашему брату... И я более чем уверен, что никому из

советников и в голову не пришло открыть ему глаза. Увы, но наш юный принц довольно наивен и не слишком искушен в придворных интригах.

— Нет, не могу поверить, — заметил Джаван после недолгого молчания. — Что ты имеешь в виду «положил на нее глаз»? Он не сделал ничего неподобающего.

Карлан с ухмылкой покачал головой.

— Если вы имеете в виду, не затащил ли он ее к себе в постель, и не забрался ли тайком в ее, то полагаю, что нет. Кто-нибудь непременно заметил бы это, а слуги любят посплетничать. Но, разумеется, он уже достаточно взрослый, чтобы думать о женитьбе... Тогда как вы в этом возрасте были обречены на безбрачие и совершенно не задавались такими вопросами.

Джаван почувствовал, как неудержимо краснеет и смущенно отвел взгляд.

— Не то чтобы я совсем об этом не думал, — произнес он вполголоса, — ведь хранить обет безбрачия не означает, что человек совсем не задумывается о радостях плоти. Просто он не имеет права им потакать. Существует некоторые... особые приемы, благодаря которым во многих аббатствах усмиряют страсти... Эта общепринятая процедура, насколько мне известно, именуется «особой заботой». Это значит, тебе пускают кровь, а потом дают два-три дня на то, чтобы оправиться и при этом сажают на специальную диету. Это разжижает кровь, и не только в буквальном смысле. Аббат, который позволяет проделывать это четыре-шесть раз в год, считается великим благодетелем.

— Ну что ж, любопытный способ справиться с позывами плоти, — Карлан с серьезным видом кив-

нул. — И как часто... аббат *Arx Fidei* дозволял нечто подобное?

Джаван невесело усмехнулся.

— О, он был просто *огромным* благодетелем. Каждые четыре-шесть недель... хотя, полагаю, главной целью было вообще лишить учеников желания сопротивляться, а не только покорить позывы плоти. *Custodes* не слишком одобряют независимое мышление. К счастью, ко мне они не смели это применить, кроме единственного раза, чтобы я на себе ощутил благодетельность сей «науки».

— Они сделали это с вами? — Карлан был потрясен.

— Всего один раз, так требовалось по уставу. Полагаю, это было одним из первых серьезных испытаний обета послушания. Мне как раз сравнялось четырнадцать. — Джаван откинул голову, затылком упираясь в камень, стараясь взглянуть на эти воспоминания взглядом беспристрастного наблюдателя. — Тебе отворяют вену на руке... говорят, если попытаешься сопротивляться, то будут удерживать силой. Затем пускают кровь в особый тазик, у которого сбоку выемка, чтобы как раз поместилась рука. Крови берут довольно много, хотя потом кто-то из семинаристов мне говорил, что первый раз самый худший. Не знаю уж как там дальше, но одного раза мне вполне хватило.

— Они держали вас силой? — спросил Карлан.

— Нет, — взяв в руки бокал, Джаван принялся вертеть его в пальцах. — Если бы я попытался сопротивляться, это ничего бы не изменило. Полагаю, я слишком высоко ценил свое королевское достоинство, чтобы доставить им такое удовольствие. Правда, к концу я едва не лишился чувств. Если бы им было

это угодно, они вполне могли прямо на месте избавиться от неугодного принца, и я бы даже пальцем не смог бы пошевельнуть в свою защиту. Думаю, именно это они и хотели мне продемонстрировать. Потом я неделю приходил в себя в лазарете, но, по крайней мере, там хоть кормили хорошо.

Он долил себе из кувшина остатки вина и осушил бокал единым глотком, затем отставил его в сторону и вытер рукавом рот, внезапно ощутив навалившуюся усталость.

— Ладно, все это далеко в прошлом, — заявил он, поднимаясь на ноги. — Это лишь еще один пример, как нечто, созданное во благо, люди способны обратить во зло. — Он вздохнул. — Полагаю, теперь нам обоим следует поспать. — Спасибо за совет насчет пажей и предупреждение о Райсе-Майкле и Микаэле. Я как следует задумаюсь над обоими вопросами.

* * *

К вящему удивлению Джавана, несмотря на все опасения и неприятные воспоминания, всплывшие в памяти после разговора с Гискардом и Карланом, он заснул, как только голова его коснулась подушки, и спал без сновидений. Наутро после ранней мессы в королевской часовне, ему в последний раз пришлось примерить одеяние для коронации и одновременно он проглотил легкий завтрак, а оставшееся время до полудня посвятил занятиям с королевскими копьеносцами, которые станут его эскортом в день коронации. Затем он галопом прогулялся верхом по тенистому берегу реки, с наслаждением отдаваясь ощущению свободы, однако за это время так и не сумел найти возможности поговорить с братом наедине.

В полдень ему пришлось вернуться в парадный зал, и там он уединился с Карланом, Джеровеном, Робером и еще несколькими молодыми рыцарями. Все вместе они отлично пообедали. Неподалеку сидел Райс-Майкл и грыз яблоко. Сегодня на нем была туника королевского синего цвета, а не черного, ибо официальный траур был позади, а до коронации оставалась всего неделя.

Рыцари обсуждали воинское построение и упряжь, критиковали королевских копьеносцев. Джеровен обсуждал какие-то незначительные вопросы протокола, относящиеся к церемонии коронации. Робер сомневался, следует ли оставить в рядах стражи одного из солдат, о котором говорили, что он стал слишком много пить. Джаван, слегка утомленный всеми этими разговорами, отвлекся, созерцая сад, где цвели розы. В одной руке он держал кружку эля, а в другой — хлеб, намазанный мягким сыром. Несмотря на то, что он только что вернулся с утомительной прогулки, в душе он ощущал беспокойство.

По крайней мере сегодня он больше чувствовал себя королем, и, возможно, скоро даже начнет выглядеть таковым. Поскольку он еще не был коронован, то не имел права носить алые одежды Халдейнов; однако белоснежная туника с длинными рукавами и темно-серые шоссы, по крайней мере, делали его непохожим на клирика. Черная кожаная шапочка была богато украшена золотым шитьем, словно изображая корону, и надежно прикрывала не отросшую до сих пор тонзуру. Пояс был таким же простым, черным, как и тот, в котором он уехал из аббатства, но зато на нем висел красивый кошель и охотничий кинжал, что выдавало в нем молодого человека благородного происхождения, а поскольку

уже через час ему предстояло возвращаться в собор для очередной репетиции церемонии, он так и не снял шпоры.

Он вздохнул, когда разговор у него за спиной перешел на лошадей, и посыпались одобрительные суждения по поводу нового жеребца, которого барон Хилдред пару дней назад доставил из Форсинна, как раз для процессии коронации. Джаван постарался не думать о том, что ждет его сегодня впереди, и как не выйти из себя во время очередного неизбежного спора с Хьюбертом и Оррисом, а, возможно, также с Полином и Альбертом.

Кроме того, вечером требовалось его присутствие на церемонном ужине с придворными. Это тоже было обязанностью не из приятных. Наверняка, там будут Ран с Мердоком и все их прихлебатели. Все они даже не старались скрывать своего недовольства, из-за того что юному королю удалось настоять на своем в вопросе о престолонаследии, и наблюдали за ним, точно голодные стервятники.

Любуясь безмятежным садом, сверкающим под ослепительным летним солнцем, Джаван внезапно вспомнил, как порою был счастлив в одиночестве в монастырском дворике; несмотря на то, что дни его в *Arx Fidei* были полны страха и опасностей, но ночные прогулки дарили истинное отдохновение душе. Поскорее прожевав последний кусок хлеба, он запил его элем, а затем, отставив кружку, присел в проеме у окна, отряхнул с рук крошки и пошире распахнул ставни. Сладостный аромат роз и клевера донесся до него с дуновением ветерка, и он с удовольствием вздохнул поглубже.

— А спускались ли вы в сад, с тех пор, как вернулись, сир? — спросил его Робер, заметив, каким

взглядом смотрит через окно Джаван. — У вас еще есть на это время, если желаете.

— Желаю ли я? — выдохнул Джаван. — Ну конечно, да. Господи, я и позабыл, как там прекрасно.

Снисходительно улыбаясь, Робер неприметно кивнул Карлану.

— Так ступайте же, сир. Я думаю, мы вполне обойдемся без вас, ну, скажем, полчаса. И возьмите Карлана с собой.

— Я тоже пойду, — объявил Райс-Майкл, отбрасывая прочь огрызок яблока.

— Нет, останьтесь, расскажете мне, что это за новый жеребец был у вас под седлом сегодня утром, — возразил Робер. — По-моему, я не видел его прежде... Полагаю, вашему брату сейчас хотелось бы побыть одному перед тем, как вновь заняться государственными делами.

— А, ну ладно, — пробормотал Райс-Майкл.

— В другой раз, Райсем, — и Джаван, с благодарностью улыбнувшись, потрепал брата по плечу. Он по-прежнему хотел перемолвиться с тем парой слов насчет Микаэлы, но это могло и подождать. — И даже Карлан мне не нужен. Пусть только держится поблизости и не подпускает ко мне никаких просителей.

Рыцари засмеялись при этих словах, и сам Джаван улыбнулся. Они с Карланом были уже почти у самой лестницы в конце зала, когда оттуда внезапно показался Гискард, а с ним и худощавый седоволосый мужчина в сером.

— Государь, позвольте представить вам Уильяма из Десса, он надзирает за всеми строительными работами в замке, — произнес Гискард, и человечек, сняв с головы шапку, низко поклонился королю. —

Вы просили, чтобы я познакомил вас с ним при первой же возможности.

— Мой государь, — пробормотал тот.

— Ах, да. Благодарю вас, что пришли, мастер Уильям. Насколько я понимаю, именно вам я обязан всеми этими замечательными работами, которые были выполнены в замке.

— Надеюсь, вы одобряете все, что нам удалось сделать, сир, — мастер вновь поклонился.

— О, да, разумеется. Сэр Гискард сказал мне, что вы собирались также заняться библиотекой где-то на нижнем этаже под королевскими покоями. Я подумал, не покажете ли вы мне это место? Я приучился ценить книги во время обучения в семинарии.

Лицо строителя осветилось улыбкой.

— Это огромная честь для меня, сир. Не желаете ли вы пройти со мной прямо сейчас?

— Боюсь, что сейчас не получится, — возразил Джаван, украдкой бросив взгляд на Карлана, который покачал головой. — Но, может быть, чуть позже сегодня, после репетиции церемонии. У меня будет время, Карлан?

— Где-то около часа, сир, — отозвался молодой рыцарь. — Позже вам придется присутствовать на ужине, а для этого нужно будет переодеться.

— Да, конечно, и все равно я хочу увидеть эту библиотеку. Вам будет удобно, мастер Уильям? Чуть позже, ближе к вечеру сегодня, где-то во время вечерней службы?

— Буду весьма польщен, государь, — отозвался тот и вновь поклонился, явно вне себя от счастья.

Джаван немного приободрился, когда они с Карланом принялись спускаться по лестнице. Гискард последовал за ними. Джаван надеялся, что если Гис-

кард так быстро привел к нему главного строителя, то, значит, место для Портала было одобрено, а стало быть...

На самом деле, Джаван предпочел бы пока не размышлять о том, что все это означало, поскольку одна только мысль об устройстве Портала внушала ему неподдельный страх. Он немного задержался у входа в сад, пока Гискард не нагнал их, и испытующе взглянул тому в лицо.

— Место одобрено? — спросил он.

— Да, через два дня.

— А как насчет...

Едва заметным кивком он указал на Карлана, который отошел на пару шагов вперед и сейчас склонился, любуясь розами.

Слегка кивнув, Джаван пробормотал:

— Он попросил стереть у него все воспоминания, но он готов нам помочь.

Гискард улыбнулся.

— Смелый парень. — Он окинул взглядом сад. — Я вам помешал?

— На самом деле я хотел спуститься сюда, чтобы пару минут побыть в одиночестве, прежде чем отправиться в собор сражаться с церковными драконами. Не возражаешь, если я попрошу тебя подождать здесь с Карланом?

— Конечно, нет, сир.

Поклонившись, Гискард присел в галерее. Джаван же углубился дальше в сад, наслаждаясь ароматом роз и направляясь к фонтану, расположенным на пересечении двух посыпанных гравием дорожек. Этот фонтан был куда красивее, чем тот, в *Arx Fidei*. Вода выплескивалась из кувшина, который держала на плече коленопреклоненная женщина. Статуя была

чуть больше, чем в натуральную величину, она стояла на возвышении посреди фонтана. Лицо было скрыто складками вуали, и Джаван порой любил представлять себе, как прекрасна она должна быть.

На самом деле, у нее вовсе не было лица. Они с Райсом-Майклом когда-то давным-давно забрались поближе, чтобы в этом убедиться, и обнаружили, что черты ее совершенно уничтожены, стесаны, то ли под действием дождя и ветра, то ли кем-то преднамеренно. Никто не знал наверняка. Джаван попробовал расспросить садовников, но они смогли сказать лишь, что статуя эта очень древняя, и никто не помнил, когда именно она была установлена.

Вспомнив все это, Джаван с улыбкой поболтал рукой в прохладной воде, затем, сняв шапочку, влажными руками провел по лицу и расстегнул тунику на горле. Но тут же у него за спиной под чьими-то шагами заскрипел гравий, и он понял, что недолгому отдыху пришел конец. Однако прежде чем обернуться, он в последний раз брызнул себе в лицо прохладной водой, вытер шею и лишь затем взглянул через плечо — и увидел прямо перед собой двух человек в темных одеяниях *Custodes*.

Прищурившись на солнце и негодуя в глубине души, что ему осмелились помешать — особенно эти монахи — Джаван торопливо взял шапочку и опять натянул ее на затылок. По широкому алому кушаку и алой накидке, трепетавшей за плечами, в первом из незваных гостей он узнал Полина, и это объясняло, почему Карлан с Гискардом пропустили его в сад, даже не попытавшись остановить... Однако на втором была самая обычная ряса священника, и руки он прятал в широких черных рукавах. Лицо монаха скрывал капюшон, и все это сильно напомина-

ло то самое одеяние, которое Джаван носил в *Arx Fidei*. Когда они оказались совсем рядом, Джаван узнал наконец отца Фаэлана.

— Я доставил королю его нового исповедника, как вы и требовали, — без всяких вступлений объявил Полин, лишь слегка поклонившись Джавану. — Исполните ваш долг перед его величеством, отец Фаэлан.

Не поднимая глаз, священник тяжело опустился на колени прямо на гравий, и Джаван почти поморщился, завидев это. Он тут же протянул священнику руку, чтобы помочь ему подняться, и был поражен, заметив, насколько бледным и измученным тот выглядит.

— Приветствую вас во дворце, отче.

— Я верный слуга вашего величества, — едва слышно отозвался Фаэлан.

Когда он поцеловал Джавану руку, тот ощутил, что священник весь дрожит, и губы у него пересохли. Более того, мысленной связью он почувствовал, что тот сильно напуган, буквально до полусмерти. Постаравшись скрыть удивление, он хотел было помочь Фаэлану подняться на ноги, но тот поспешно отпрянул и поспешил вскочить, едва лишь Джаван успел дотронуться до него. Все это время он так и не поднял на короля глаз.

— Не сомневаюсь, что отец Фаэлан станет для вас весьма подходящим духовным наставником, — говорил тем временем Полин. — Разумеется, он остается в подчинении *Arx Fidei*, и должен будет возвращаться в обитель на три дня ежемесячно, но надеюсь, для вашего высочества это не станет слишком большим неудобством.

Фаэлан вновь спрятал руки в просторных рукавах рясы, но Джаван успел заметить, что его все еще била дрожь. Во всем этом было нечто весьма странное. Джаван и вообразить не мог, что же могло случиться, чтобы так напугать священника. Он не осмелился задать этот вопрос напрямую при Полине, но решил, что непременно выяснит все прежде, чем уйдет из сада.

— Благодарю вас, что привели мне моего нового исповедника, верховный настоятель, — сказал он. Тон его оставался нейтральным, однако не допускал никаких пререканий. — Я думаю, что сейчас мы с отцом Фаэланом прогуляемся по саду, чтобы возобновить наше давнее знакомство. Я помню, что в скором времени мне следует прибыть в собор. Сэр Карлан проводит вас в парадный зал дворца, и мы очень скоро присоединимся к вам. Гискард, а тебя я попрошу подождать здесь.

Даже не дожидаясь возможных возражений Полина, Джаван взял молодого священника и повел его вокруг фонтана, а затем по тропинке, уводившей в самое сердце сада. Через несколько секунд за спиной послышались шаги, — это удалились наконец Карлан с Полином. Джаван искоса взглянул на Фаэлана, но священник шагал рядом и по-прежнему отводил взгляд, не сводя глаз с гравия, поскрипывающего под его сандалиями.

— Я рад, что вы здесь, — сказал Джаван еще через пару шагов, по-прежнему не в силах понять, почему священник так напуган. — Приятно иметь рядом еще одного друга.

— Вы слишком опасный друг, сир, — прошептал в ответ Фаэлан, и голос его прервался всхлипом.

Потрясенный, Джаван уставился на священника, затем отвел его под тень деревьев, стараясь, чтобы их не было видно из окон парадного зала, поскольку он не сомневался, что Полин будет наблюдать за ними оттуда.

— Так, ладно, — заявил он, заправив большие пальцы за пояс и в упор глядя на Фаэлана. — Полин ушел. Подслушать нас никто не может. Теперь вы входите в мою свиту и я клянусь вас защищать. Кто вас так напугал? Не можете же вы так бояться меня. Забудьте, что я король. Не так давно мы были учеником и наставником. Мы были братьями.

Фаэлан сжал челюсти, чтобы зубы не стучали и поднял полные слез глаза, уставившись поверх плеча Джавана куда-то вдаль. Руки он сцепил на груди, словно пытаясь согреться от бьющего озноба. Джаван был потрясен, глядя как сильно изменился этот человек, всегда такой спокойный и невозмутимый.

Глубоко вздохнув, Фаэлан наконец произнес:

— Меня заставили поклясться на святых реликвиях, что я буду доносить обо всем, что увижу и услышу. Вот почему... я должен возвращаться в аббатство каждый месяц.

— Ясно, — ответил Джаван.

Но это явно было еще не все. То, что Фаэлану прикажут шпионить за ним, он знал заранее, и это мало его трогало. И, конечно же, священник тоже должен был это прекрасно осознавать. Кроме того, то, что он сознался в этом Джавану, снимало с него всякую ответственность. Так почему же тогда он так напуган?

— Фаэлан, то, что вам приказали шпионить за мной, это не предательство, — мягким голосом заметил он. — Я был к этому готов. Это не ваша вина.

Но я не думал, что вы будете так бояться меня. Они вам угрожали?

Подавив рыдание, Фаэлан откинул капюшон и дрожащими пальцами взлохматил каштановые волосы, затем прижал руки к губам, пытаясь подыскать слова.

— Вы ведь тоже... жили в аббатстве, сир, — запинаясь, произнес он. — Вам кое-что известно о тамошних наказаниях. По-моему, я... испытал их все на себе за ту неделю, что вы попросили меня приехать сюда.

— Фаэлан, простите меня, — прошептал Джаван, распахнув глаза от изумления, — я и представить себе не мог...

— Ну конечно, не могли. Откуда? Но отцу Полину требовалось выяснить точно, почему вы пожелали видеть именно меня, на чем основывалась наша дружба, о чем мы говорили. Он не верил, когда я сказал ему, что понятия не имел о вашем намерении оставить семинарию после смерти брата, что вы хотели взойти на престол, что вы никогда не обсуждали со мной свое религиозное призвание. — Он поднял голову и затуманенным взором уставился на дерево, под сенью которого они стояли. — Отец Полин заявил, что я ослушник и бунтовщик. Чтобы заставить меня подчиниться, он начал с того, что меня морили голодом и заставляли отстаивать долгие бдения в дисциплинариуме, по несколько дней и ночей кряду без сна. Кроме того, ежедневно меня били плетьми... Так, чтобы остались рубцы, но не было крови. До *этого* дошло лишь три дня назад.

— Боже правый, неужто потом они пустили вам кровь? — потрясенный, прошептал Джаван.

Фаэлан склонил голову. Голос его сделался едва слышным.

— Они никак не могли добиться от меня того, что хотели, и потеряли терпение. Они... отволокли меня в лазарет посреди ночи, в ту маленькую комнату, где обычно отворяют кровь...

— Но с вами же делали это, когда вы стали послушником, — возразил Джаван. — Они не могут потребовать кровопускания дважды, это против Устава ордена.

— Ну, значит, полагаю, они временно приостановили действие Устава, — отозвался Фаэлан не без иронии. — Там было четверо монахов, которых я прежде никогда не видел, готовых удержать меня силой, если бы я вздумал сопротивляться. А в это время другой вскрыл мне вену. К тому времени вопросы задавал помощник инквизитора, отец Лиор. Он все спрашивал и спрашивал меня, пока кровь текла по руке и наполняла таз.

Он всхлипнул и, помолчав немного, продолжил.

— И они заставляли меня смотреть. Честное слово, я думал, они хотят меня убить. И все это понапрасну. Одно дело, когда ты умираешь за что-то стоящее, но мне-то нечего было скрывать... — Помолчав, он с трудом вздохнул, и, как показалось Джавану, левой рукой внутри рукава принялся нащупывать шрам, оставшийся на правом предплечье от этого ужасного наказания.

— Как бы то ни было, после того, как они наполнили кровью первый таз до краев, я лишился чувств, увидев, что они намерены продолжать. А когда я вновь пришел в себя, то у изголовья моей койки сидел сам отец Полин, а с ним был и верховный инквизитор ордена, отец Серафин, так, кажется, его зо-

вут. Он дал мне мерашу. Он объяснил, что это такое. Может, он решил, что я какой-нибудь новый, неизвестный доселе вид Дерини, который оказался способен столько времени противиться их расспросам?.. Но от этого отвратительного снадобья я просто заснул. — Он испустил тяжкий вздох. — После этого они... Опять допрашивали меня на следующий день, после того, как прошло действие мераши. А на следующее утро — кажется, это было вчера, Полин велел мне привести себя в порядок, и сказал, что я должен отправиться в Ремут и стать вашим новым капелланом.

Джаван покачал головой. История Фаэлана потрясла его до глубины души, равно как и то, сколько пришлось вытерпеть несчастному священнику по его вине. Однако в то же самое время какая-то тревожная мысль не давала Джавану покоя. Как будто священник о чем-то умолчал, хотя, когда он испробовал на нем чары истины, то мог убедиться, что тот был абсолютно правдив.

Но как такое возможно? Что упустил Фаэлан в своем рассказе, и по собственной ли воле он это сделал? Неожиданно Джавана поразило то, насколько похожие инструкции дали сейчас Фаэлану, а в былые дни давали пажам, которые шпионили за принцами. Но регенты — те хотя бы не скрывали своих намерений!

Боже правый, но возможно ли такое? Неужели, *Custodes* так же, как раньше и регенты, взяли на свою службу какого-то Дерини и держат это в тайне. Может быть, Фаэлан умолчал именно об этом? Тогда это объясняло использование мераши.

— Мне очень жаль, что вам пришлось пройти через все это, отче, — сказал он наконец. — Если бы

они убили вас, это и впрямь было бы совершенно впустую и исключительно по моей вине. Я намеренно старался не обсуждать с вами своих планов, поскольку не желал ставить вас под угрозу... Хотя теперь вижу, что эти благие намерения ничуть не помогли. Это отвратительно, что Полин решился прибегнуть к подобным мерам, к тому же против члена собственного ордена. А кто еще, вы сказали, допрашивал вас? Полин, отец Лиор и...

— Брат Серафин, — подсказал Фаэлан.

— Ах, да, — пробормотал Джаван. — Кто-нибудь еще?

— Нет, сир.

— Значит, только эти трое, — промолвил Джаван, хотя уже знал, что этот последний ответ был ложью... и вновь вставал вопрос — почему?

Внезапно, несмотря на жару, озноб пробрал его до костей, но Джаван решил, что вопрос этот он обдумает чуть позднее. Пока же его не оставляла жалость к несчастному Фаэлану, который, не замышляя ничего худого и не подозревая недоброго, случайно оказался втянутым в интриги Полина.

— Ладно, я это запомню, — произнес он вполголоса. — Если бы мог, я бы вернул время вспять, и поступил бы как-то иначе, но, к несчастью, это невозможно. Я не могу исправить того, что с вами произошло. Однако вы не обязаны здесь оставаться, если не желаете. Хотите, я отправлю вас назад. Я могу сказать Полину, что вы мне не подошли.

Тихо, почти по-детски всхлипнув, Фаэлан затряс головой.

— Если вы так сделаете, скорее всего, они накажут меня за то, что не угодил вам... А потом другого священника подвергнут точно таким же пыткам, как и

те, через которые прошел я. И к тому же... я даже не знаю, чем могу быть вам полезен. Конечно, я могу служить мессу, однако как исповедник я не...

И вновь озноб пробрал Джавана. Куда хуже, чем в прошлый раз. Откуда-то издалека, очень издалека, до него донеслись шаги и скрип гравия под ногами. Скорее всего, это спешил к ним Гискард.

— Вы хотите сказать, что они могут потребовать от вас нарушить тайну исповеди? — переспросил он. А ему-то до сих пор казалось, что его уже ничем нельзя удивить...

Фаэлан уставился на сцепленные на груди руки. Несомненно, он покраснел бы сейчас, однако был совершенно обескровлен после недавнего испытания.

— Они никогда... не говорили об этом напрямую, — прошептал он. — Но это ясно подразумевается. Спросить я не осмелился. Полагаю... все зависит от того, решат ли они, что вы могли признаться мне в чем-то таком, что им удалось бы использовать против вас. — Сглотнув, он вновь потупил взор. — Сир, я никогда, никогда прежде не предавал тайну исповеди, и не сделаю этого впредь. — Он вновь сглотнул. — Священник скорее должен умереть, чем открыть что-то из того, что он услышит на исповеди. Желаете ли вы... чтобы я поступил именно так?

— Давайте не будем думать об этом сейчас, — пробормотал Джаван, и, взяв священника за плечо, повел его назад по тропинке, навстречу приближающемуся Гискарду. — Пока что давайте решим таким образом. Я лично даю вам дозволение раскрыть все то, что я могу сказать во время исповеди, если этого от вас потребуют... Ладно, сейчас меня ждут в соборе для репетиции. Поэтому кто-нибудь из моих по-

мощников отведет вас в ваши покои. Они рядом с моими. Он все вам покажет. И пока меня не будет, я хочу, чтобы вы легли и как следует отдохнули. Чуть позже я пришлю к вам Целителя. Он проверит, не был ли нанесен вашему здоровью серьезный ущерб.

— Целителя? — Фаэлан застыл на месте. — Дерини?

— Он был моим Целителем добрых четыре года, — заверил его Джаван, удивляясь подобной реакции. — Если это может вас успокоить, скажу также, что этот Дерини принадлежит к свите архиепископа Хьюберта. Так что, полагаю, мы можем считать, что он вполне безопасен.

— Но я...

— Не беспокойтесь, отче, он вам не повредит. Но если хотите, я не стану посылать за ним, пока сам не смогу прийти, — предложил Джаван.

Наконец, они поравнялись с Гискардом, который, развернувшись, последовал за ними, и все втроем они подошли к фонтану.

— Гискард, я попрошу тебя отвести отца Фаэлана наверх и показать ему его покои. Проследи, чтобы ему дали поесть... И ванну, если он пожелает искупаться. После этого он должен отдыхать весь день. Лично проверь это. Потом, после репетиции, встретимся в моих апартаментах. Насколько я помню, нас ведь будет ожидать начальник строительных работ.

— Очень хорошо, сир.

Они дошли, наконец, до открытой галереи и отправились к лестнице. Но прежде чем подняться по ступеням, Джаван остановился и нагнулся, делая вид, будто поправляет пряжку на сапоге.

— Не поможешь ли мне, Гискард, — попросил он.

Едва лишь Гискард наклонился, чтобы посмотреть, в чем трудность, Джаван распрямился, и, слов-

но потеряв равновесие, ухватился за плечо рыцаря. В тот же миг пальцы его коснулись обнаженной шеи Гискарда, и, использовав этот мимолетный физический контакт, Джаван сумел послать ему краткую мысль:

– *Следи за ним как следует, пока мы не разузнаем побольше. У меня появилось ужасное подозрение, что Полин держит при себе какого-то Дерини, о котором мы не имеем понятия. Однако будь очень осторожен, поскольку я не знаю, что именно сделали с этим священникам, и удастся ли им обнаружить наше вмешательство.*

Гискард распрямился, отряхивая ладони, и глазами встретился с Джаваном поверх склоненной головы Фаэлана. Рыцарь коротко кивнул. Слегка приободрившись, Джаван направился вверх по лестнице в поисках Карлана и всех остальных. То, что ожидало его впереди, не внушало ничего, кроме тоски и отвращения.

Глава 17

Искусна рука ремесленника, и слава его велика[1]

Как оказалось, репетиция прошла куда более гладко, чем опасался Джаван, хотя Полина, судя по всему, весьма разочаровало, что король не привел с собой своего нового духовника.

— О, у него был такой усталый вид, — небрежно пояснил Джаван, когда у него спросили, куда же подевался Фаэлан. — Наверное, это от жары... или он просто не привык подолгу быть в седле. Помню, как я устал после того, как проделал подобный путь месяц назад. Я велел ему, чтобы он отдыхал до конца дня. А если он не почувствует себя лучше, то, возможно, попрошу, чтобы мастер Ориэль навестил его.

В ответ Полин смерил его долгим оценивающим взглядом, а затем слегка склонил голову.

— В самом деле, мне говорили, что он скверно чувствовал себя последнюю неделю. По-моему даже ему отворяли кровь, чтобы избавить от вредоносных гуморов. Но, полагаю, он очень скоро поправится.

---

[1] Мудрость Иисуса 9:17

— Хм, без сомнения, — вполголоса отозвался Джаван. — Вы простите меня, отче, я должен идти, — добавил он, заметив, что Таммарон зачем-то зовет его.

Когда репетиция наконец-то подошла к концу, и Джаван смог вернуться в замок, они с Карланом отыскали в королевских покоях Гискарда, который готов был сопроводить их на намеченное место для Портала.

— Как там отец Фаэлан? — спросил Джаван, когда втроем они направились к лестнице, ведущей этажом ниже.

— Спит, — коротко отозвался Гискард. — Он слегка перекусил и едва не заснул прямо в ванне. Затем смог подняться только для того, чтобы натянуть на себя какую-то одежду и доползти до кровати, а там как будто лишился чувств. С того самого момента он даже не шевельнулся, мне пришлось даже проверить, не умер ли он. Проникать в его сознание я не стал, вы же мне не велели, но и без того видно, что ему пришлось нелегко.

— Чуть позже сегодня я тебе расскажу, насколько нелегко, — шепотом отозвался Джаван в ответ. — Ты оставил стражника у его дверей?

— Конечно. Думаете, он будет шпионить для Полина?

— О, нет сомнения, Полин его именно за этим и прислал. Однако что из этого выйдет, мы еще посмотрим.

Они спустились на лестничную площадку и по знаку Гискарда повернули налево. Джаван знал, что они с Карланом сгорают от нетерпения побольше узнать о новом священнике, но сейчас на это не было времени. Все свое внимание ему следовало уде-

лить месту для будущего Портала. Пока что его все устраивало.

Стены коридора сверкали недавней побелкой, в скобах были установлены факелы, освещавшие путь там, где не хватало дневного света, идущего из окон и открытых дверей. Пол был выстлан черными и белыми плитками размером с локоть. Они были уложены диагонально и образовывали шахматный узор.

Перед открытыми дверями до сих пор лежали сложенные штабеля древесины, и следовало шагать осторожно, чтобы не споткнуться о рассыпанные гвозди и плотницкие инструменты, а также какие-то ведра и кисти. Все вокруг покрывал тонкий слой меловой пыли. Чистый аромат свежеоструганного дерева смешивался с более острым кисловатым запахом побелки и сосновой смолы от факелов. По мере того, как они шли все дальше по коридору, громче звучал стук молотков, скрежет пилы и ритмичный звон стали о камень, доносившиеся из распахнутых дверей впереди слева. Там, в пятне солнечного света, в косых лучах плясали крохотные сверкающие пылинки.

— Вот здесь и будет ваша библиотека, сир, — сказал Гискард, указывая на открытую дверь и встав сбоку, чтобы дать им дорогу.

Джаван вошел внутрь, прикрываясь рукой против слепящего солнечного света, и все звуки работы тут же прекратились. Леса наверху угрожающе заскрипели, и Джаван инстинктивно пригнул голову. Затем он сделал несколько шагов, чтобы побыстрее выйти на середину комнаты, и оказаться подальше от угрожающей конструкции. Джаван с Гискардом последовали прямо за ним, и тут же откуда-то из ту-

мана возник мастер Уильям с молотком и зубилом в испачканных пылью руках.

— Государь, какая честь для нас, — поклонился мастер Уильям. — Прошу вас, простите, что здесь такой беспорядок.

— Нет, это я должен просить прощения за то, что помешал вашей работе, — возразил Джаван, одобрительно оглядываясь по сторонам. — И это вы оказываете мне честь вашим прекрасным искусством. Я и понятия не имел, что здесь так много всего сделано. Но прошу вас, пусть ваши люди занимаются своими делами и не обращают на нас внимания.

— Как пожелаете, сир.

Рабочие вновь принялись за дело, но мастер Уильям не отходил далеко, готовый ответить на любой вопрос короля. Джаван прошел чуть дальше в сверкающую ослепительной белизной комнату и обвел ее пристальным взглядом. Теперь, когда глаза привыкли к свету, он уже почти не щурился... Да, это была великолепная просторная комната, вполне подходящая для библиотеки. Здесь было два больших окна напротив двери, сквозь которые в изобилии проникал солнечный свет, пятнами ложившийся на плиты пола. Джаван прошел к окну и ступил в нишу, чтобы полюбоваться открывающимся видом, но внизу оказалась лишь конюшня. Загорелый здоровяк как раз работал над серовато-зеленым камнем, украшавшим подоконник. Он любезно кивнул, когда Джаван наклонился поближе, чтобы осмотреть его работу.

— Интересный цвет у этого камня, — заметил король, пристально глядя на подоконник и проводя кончиком пальца по грани. — Что это такое, похоже на сланец, но зеленого я никогда раньше не видел.

— Да, верно, зеленого-то здесь и не встретишь, милорд, только в самых богатых домах, — бодро отозвался рабочий и улыбнулся, мозолистой рукой ощупывая камень. — Это лорд Таммарон заказал, прямиком из Найфорда доставили... Там еще синий и серый добывают, но такой-то поди красивее будет, разве нет?

— Да, красиво.

Удовлетворенно кивнув, Джаван вновь вышел из ниши, чтобы полюбоваться всей комнатой. Плотники делали полки и сооружали специальные подставки для свитков у стены слева, а резчик по камню что-то мастерил над массивным камином, красовавшимся на другом конце комнаты.

Над дверью, сидя на корточках на деревянных лесах, трудился художник, вычерчивая кистью изящный орнамент с доминирующими синими и зелеными тонами. Заметив интерес Джавана, мастер Уильям подошел поближе.

— Тот же самый рисунок мы хотим повторить и над окнами, сир, — пояснил он. — Зеленая краска будет хорошо сочетаться с зелеными подоконниками. Нам было велено такой же плиткой сделать и пол, но только в оконных нишах. Этот сланец... довольно дорогой.

— Это я понял, — отозвался Джаван. — Он бросил взгляд на Карлана с Гискардом, терпеливо дожидавшихся у лесов, а затем кивнул, когда последний знаком показал, что им пора идти.

— Ну, что ж, благодарю вас, мастер Уильям. Я очень доволен. Сейчас меня ждут и другие дела, но по дороге я взгляну еще на пару комнат. Доброго дня вам всем.

— Благодарю вас, государь, — ответил мастер Уильям с поклоном. Остальные рабочие также поспешили поклониться королю.

— Остальные комнаты на этом этаже превратят в гостевые покои, — пояснил Гискард, возможно, несколько громче, чем было необходимо, и повел их к дверям. — Если угодно, сир, я вам покажу одну из них.

Соседняя дверь была закрыта, но Гискард толкнул ее, и они вошли в комнату. Как и в библиотеке, стены здесь были вымыты и начисто выбелены, однако само помещение было втрое меньше, и тут имелось всего одно лишь окно в противоположной стене, с достаточно широкой нишей, чтобы вместить двух человек. Окно было забрано свинцовой решеткой. Внизу стекла были небольшими и восьмиугольными, а верхней половины пока не было видно за деревянными ставнями. Справа от окна в углу комнаты находился небольшой камин. Пол был вымощен гладкими квадратными и прямоугольными плитами, расположенными в произвольном порядке.

— Замечательно, — произнес Джаван погромче, на случай, если кто-нибудь подслушивал их в коридоре. — И они все отделаны таким же образом?

— Совершенно верно, — ответил Гискард и намеренно остановился рядом с большой квадратной плитой по центру комнаты. Обернувшись к Джавану, он пристально взглянул на него. — Конечно, в таких маленьких покоях не будет своей уборной, сир. Однако тут будет довольно уютно. Особенно вечером, когда сюда проникает заходящее солнце.

— Да, согласен. — Джаван подошел к окну и выглянул из него наружу. Подобно окнам библиотеки, оно выходило на двор конюшни. Стряхнув пыль с

ладоней, он вышел из ниши и посмотрел на квадратную плиту, рядом с которой стоял Гискард. — Ну что ж, на сегодня я видел достаточно, — произнес он и двинулся к дверям. — Нам пора возвращаться. Хочу еще успеть принять ванну перед тем, как отправиться ужинами.

Гискард затворил за ними дверь — Джаван успел заметить, что изнутри на ней уже был установлен засов, — и все втроем они молча двинулись по коридору, каждый погруженный в собственные мысли.

* * *

По счастью, ужин оказался не таким невыносимым испытанием, как Джаван того опасался. Все враги его были здесь, но присутствовали также и друзья. И, по крайней мере, на сегодня, все как будто сговорились сделать вид, что забыли любые разногласия. Теперь период траура был завершен, и все готовились к коронации, до которой оставалось только три дня.

Поскольку он по-прежнему не имел права носить алый цвет Халдейнов, то на сегодня Джаван надел длинную легкую тунику с открытым воротом из золотисто-зеленого шелка со скромной отделкой по рукавам и на вороте, и с поясом из бронзовых пластинок, украшенных янтарем. Вместо кинжала он носил приграничный нож-дирк, в рукоять которого был вделан прозрачный самоцвет, именуемый кернгормом.

Он старательно зачесал волосы, и смог наконец надеть золотой обруч, украшенный бегущими львами, без кожаной шапочки. Это была, конечно, не корона, но все-таки и не простенький обруч принца. В

правом ухе сверкал Глаз Цыгана, а на левой руке красовалось кольцо Огня.

Поскольку официально период траура был завершен, то дамы вновь могли показать себя во всей красе. Здесь были жены и дочери высших сановников, а также некоторые гости, заранее прибывшие на коронацию. В одеяниях их преобладали пастельные тона, счастливое облегчение после сплошных черных и серых траурных одежд, хотя вплоть до дня коронации этикет повелевал избегать слишком ярких цветов и броских украшений. Как бы то ни было, присутствие женщин значительно смягчало атмосферу, придавая ей дух куртуазности, которого так недоставало в исключительно мужском обществе первых нескольких недель. Пища была простой, но обильной. Вина было вдосталь, играла успокаивающая ненавязчивая музыка.

Этот вечер гораздо больше подходил, чтобы прогуливаться по залу и беседовать друг с другом, нежели сидеть на месте — для всех, кроме короля. К немалому удивлению Джавана, впервые за все время гости стали подходить к нему. Карлан либо Гискард постоянно держались у него за спиной, готовые ответить на любой вопрос, подсказать имена гостей, или просто принести ему все, что угодно, если это потребуется. Райс-Майкл сперва сидел по правую руку от Джавана в своей синей тунике наследника, но затем, наскоро насытившись, попросил его извинить и удалился. Чуть позже Джаван заметил его у окна справа, в компании Катана Драммонда, обоих юных Фитц-Артуров и смеющихся девушек, среди которых была и Микаэла.

— Карлан говорил, что моему брату нравится Микаэла Драммонд, — заметил Джаван Гискарду, до-

ждавшись перерыва в нескончаемом потоке придворных, подходивших, чтобы приветствовать своего сюзерена. Сделав глоток эля, он пристально взглянул на девушку, обратив внимание на ее гордый профиль и волосы, золотистые с бронзовым отливом, ниспадавшие до самой талии. — Тебе тоже так показалось?

— Если так, то у него хороший вкус, — ответил Гискард. — Но не могу сказать, чтобы я заметил что-то из ряда вон выходящее. Нечего сказать, она недурна собой и при дворе на хорошем счету. Куда лучшая невеста для принца, чем многие из тех, кто метит на это место.

— Лично я бы предпочел, чтобы на ближайшее время вообще не шла речь ни о каких невестах для принца, — вполголоса отозвался Джаван, бросив многозначительный взгляд на Гискарда. Тот пожал плечами и позволил себе лукаво усмехнуться.

— Тогда вы дадите повод для новых нападок на совете, — заметил он. — Обычно считается, что король должен жениться в юном возрасте.

— Обычно считается также, что королю нечего опасаться собственных советников, которые вполне способны подстроить ему несчастный случай со смертельным исходом, едва лишь король произведет на свет наследника, — возразил Джаван. — К несчастью, сейчас мы имеем дело с людьми, которые уже насладились всей полнотой власти, будучи регентами. Искушение вновь вернуть все на круги своя может оказаться слишком велико. Я бы предпочел, чтобы у меня была в запасе пара лет, чтобы упрочить свое положение, прежде чем всерьез решиться дать жизнь сыну, а потом страшиться того, чтобы мною не пожертвовали, дабы возвести его на трон.

— Тогда то же самое следует сказать и о вашем брате, — промолвил Гискард. — Признаться, я и не задумывался над этим вопросом, но если он женится прежде вас и заранее обеспечит наследника младшей королевской ветви, то сильно рискуете и вы, и он, поскольку оба станете мишенями для злонамеренных людей.

Джаван кивнул.

— Вот почему меня так угнетает мысль, что между ним и Микаэлой может быть что-то серьезное. Боюсь, мне придется поговорить с братом об этом. — Вздохнув, он отставил кубок. — Но только не сегодня вечером. Полагаю, у нас есть куда более неотложные дела, как только мы сможем откланяться, не нарушая приличий.

Однако до этого пришлось ждать еще несколько часов. Карлан и Гискард продолжали по очереди прислуживать ему за столом, подавая королю все необходимое, потихоньку называя имена нужных людей, передавая какие-то послания, в общем — помогая ему всем, чем могли. В течение всего вечера придворные по двое и по трое подходили к королю, дабы засвидетельствовать ему свое почтение.

Воздержались от этого лишь те, от кого Джаван и ожидал чего-то подобного: Мердок, Ран и Манфред. Они раскланялись с королем издалека и даже не остались на ужин. Полин и Альберт задержались чуть подольше, причем последний явно пытался вызнать что-то новенькое про отца Фаэлана, явно опасаясь, что тот мог наговорить Джавану лишнего.

— Он мирно спал, когда я заглянул к нему, — невинно ответил ему Джаван. — Уверен, он почувствует себя лучше, когда как следует отоспится.

Лишь поздно вечером Джаван смог наконец вернуться в свои покои с несколькими приближенными. Гискарда и Карлана он попросил задержаться после того, как все остальные удалились, а чуть позже попросил Ориэля присоединиться к ним и рассказал Целителю все, что поведал ему сегодня Фаэлан.

— Мы не осмелились касаться его сознания, — шепотом пояснил Джаван, когда Целитель считал в его мыслях все, что ему было известно о состоянии Фаэлана. — Может, я стал слишком уж подозрителен, но все равно не могу отделаться от ощущения, что кто-то еще допрашивал его, помимо Полина, Лиора и Серафина. Если это и впрямь некий неизвестный нам Дерини, то такие осложнения нам сейчас ни к чему. Не слыхал ли ты, чтобы кто-нибудь из ваших стал работать на *Custodes*?

Взволнованный Ориэль тряхнул головой.

— Нет, абсолютно ничего, сир. Разумеется, Ситрик не сказал мне ни слова, но он тоже может не знать, особенно если это кто-то новенький и работает на Полина по собственной воле.

Карлан широко распахнул глаза. Поскольку сейчас Джаван смог сделать так, чтобы вся память его восстановилась в целости, ибо в этом избранном обществе никакая опасность ему не угрожала, то он с особым внимание поглощал все новые сведения, и они вызывали в нем ужас и смятение.

— Но какой же человек решиться по собственной воле предать свой народ? — прошептал он. — Да еще и действовать против священника?

Джаван хмыкнул.

— *Custodes* не остановятся ни перед чем, и нет никакой пропасти, в какую они не могли бы пасть ра-

ди достижения своих целей, ради того, чтобы уничтожить все тех, кого они считают ответственными за грехи далекого прошлого. Фаэлан благодаря данным им обетам полностью находится в их власти, поэтому они считают, что любые действия против него оправданы, и используют несчастного как свое орудие; и если для того, чтобы заставить его шпионить за мной, им придется использовать Дерини, они пойдут и на это. — Он вздохнул. — Конечно, мы не знаем наверняка, что они сделали именно это. Мы даже не можем быть уверены, что там был кто-то из Дерини. Нам нужно это выяснить, Ориэль, и ты единственный, кто может прочесть его мысли, не вызывая подозрений.

Ориэль содрогнулся.

— Это опасно.

— Что, лично для тебя? Но лишь в том случае, если другой Дерини действительно существует, и он установил какую-то ловушку против того, кто мог бы обнаружить следы его присутствия в сознании священника. Поправь меня, если я ошибаюсь, но для этого нужен истинный мастер своего дела. Скорее всего, он должен был бы обладать огромной силой, и едва ли *Custodes* рискнули бы связаться с таким Дерини, опасаясь, что рано или поздно он обернет свою магию против них. Ну, а в остальном все твои действия будут вполне оправданы. Я тревожился о его самочувствии и попросил тебя осмотреть его. Если он чист, никаких проблем нет. И мы вполне можем установить особые защиты в его сознании, чтобы в дальнейшем с ним не возникало трудностей.

— А если в его разуме кто-то покопался до нас?

— Ну что ж, видимо, тогда все будет зависеть от того, насколько глубоко этот таинственный некто влез в его сознание. Если там что-то вопиющее, тогда ты немедленно выходишь из ментального контакта и несешься с докладом к Хьюберту. Скажешь ему, что обнаружил, будто кто-то попытался внедрить в мою свиту деринийского шпиона. Вывалим ему все это и посмотрим, как он будет выпутываться. Ну, а если дела обстоят не так плохо, тогда будем решать на месте.

Гискард кивнул, и на грубоватом лице его появилась слабая усмешка.

— Вы становитесь искушенным интриганом, сир.

Джаван также выдавил напряженную улыбку.

— Страх лучший учитель... или ты быстро учишься, или быстро умираешь. Но спасибо за доверие. Я продумывал все это во время репетиции и ужина.

— Да, и продумали все на славу, — Гискард искоса взглянул на Ориэля. — Ну, что, готовы попробовать?

Пожав плечами, Ориэль поднялся на ноги:

— Полагаю, это немногим опаснее того, что я делал за последние годы. И, в конце концов, Фаэлан все же не Дерини. — Он метнул взгляд на Джавана. — Мы ведь *точно* знаем, что он не Дерини?

— Да, по крайней мере, я в этом не сомневаюсь, — отозвался Джаван. — Ну, давайте пойдем взглянем на него. Карлан, можешь отправиться с нами, никто не удивится, что я привел с собой кого-то из рыцарей. А вот тебе, Гискард, лучше остаться. Ни к чему лишний раз мелькать в этой истории.

Через пару минут втроем они подошли к скромным покоям, отведенным королевскому духовнику, чуть дальше по коридору от апартаментов Джавана. Стражник в накидке цветов Халдейнов стоял на ча-

сах снаружи и немедленно взял под караул, завидев короля и сопровождающих.

— Вольно, — негромко бросил ему Джаван. — Как там отец Фаэлан. Не выходил?

— Нет, сир. Сэр Гискард велел мне заглядывать к нему каждый час, но он даже не шелохнулся.

— Хорошо, я привел мастера Ориэля, чтобы он взглянул на него. — Джаван жестом велел стражнику открыть дверь. — Проследи, чтобы нас не беспокоили.

Кивнув, солдат повиновался. Проведя Ориэля с Карланом внутрь, Джаван последовал за ними и затворил за собой двери. Эта комната была очень похожа на ту гостевую, рядом с библиотекой, только здесь еще была небольшая ниша, где помещалась молельня, освещенная красной лампадой. Справа от двери свеча горела в изголовье низкой кровати, смутно освещая фигуру человека в черном, лежавшего, свернувшись калачиком, на боку. В изножье постели стоял большой сундук, а тяжелая занавеска за ним скрывала гардеробную. Остальную часть комнаты занимал письменный стол и кресло, стоявшие у стены между молельней и крохотным очагом в крайнем левом углу комнаты.

Без единого слова Ориэль подошел к письменному столу и взял свечу, зажег ее от той, что горела в изголовье кровати, а затем передал Джавану. Карлан остался стоять у закрытой двери, внимательно наблюдая за происходящим. Целитель опустился на колени рядом с постелью, с минуту внимательно разглядывал лежащего на ней человека, затем протянул руку и легонько коснулся лба спящего. Несколько мгновений царило полное молчание, прерываемое лишь медленным тяжелым дыханием отца Фаэлана,

затем Ориэль со вздохом убрал руку, приподнялся и сел на край постели.

— Ну что ж, начало положено, — прошептал он и взял спящего за запястье. — Он определенно не Дерини, а я проверил его всеми доступными мне способами. И открытых следов вмешательства в сознание я также не нашел. Тем не менее, он явно очень утомлен. Сейчас попробую выяснить, почему.

Одной рукой продолжая удерживать запястье, другой он коснулся лба священника и склонил голову. Джаван подошел поближе к изголовью и присел на корточки, держа свечу. Через несколько минут Ориэль покачал головой и перевернул Фаэлана на спину, закатал ему рукав и нащупал наконец повязку на локте. Джаван наклонился поближе, чтобы лучше видеть, и Карлан также подошел на несколько шагов. Ориэль развязал повязку, и под ней обнаружилась воспаленная рана, оставшаяся от кровопускания. Целитель, поджав губы, повернул руку к свету.

— Ну, хотя бы этой беде я могу помочь, — произнес он вполголоса. Он легко провел пальцами по надрезу, прощупав вену чуть ниже и чуть выше, а затем прижал рану пальцами и погрузился в целительский транс. Джаван поневоле сам принялся ощупывать свою руку, глядя на Ориэля, вспомнив другую рану и другое кровопускание, и гнетущее отчаяние, когда он осознал, что находится полностью во власти своих мучителей, не способен прервать поток вытекающей из него жизненной силы и хоть как-то повлиять на происходящее...

— Так, теперь взглянем на его спину, — слова Ориэля вырвали Джавана из мира грез. Рука Фаэлана была теперь совершенно чистой, порез исчез,

словно его никогда и не было. — Сэр Карлан, не могли бы вы мне помочь?

Джаван тоже поспешил на помощь, показав, каким образом расстегнуть ненавистный нарамник с капюшоном. Затем Ориэль развязал кушак, они вместе усадили Фаэлана, и Ориэль смог приспустить рясу, чтобы посмотреть на спину священника.

— Хм. Рубцы до сих пор не поджили... И синяки огромные. Немудрено, что он спал на боку.

— Может, совсем снять с него рясу, сударь? — спросил Карлан.

Ориэль покачал головой.

— Не обязательно, мне достаточно и этого.

Глаза его вновь остекленели, указывая на целительский транс. Через пару секунд со вздохом он вновь пришел в себя, и Карлан помог ему уложить священника на подушки. Джаван внимательно наблюдал за ними с широко раскрытыми глазами, и Карлан заметил на его лице страдальческое выражение. Они оба хорошо помнили, что такое рубцы на спине.

— Вот когда нам бы пригодились услуги доброго мастера Ориэля, не так ли, мой принц, — с натянутой улыбкой прошептал Карлан.

— Это верно.

Заслышав голос Джавана, Ориэль вскинул голову и сдавленно охнул, когда Джаван мысленно передал ему быстрый болезненный образ наказания плетьми, которое ему довелось испытать по приказу Хьюберта.

— Неужели они осмелились сделать это с вами, сир, — прошептал он.

С трудом сглотнув, Джаван заставил себя отогнать это неприятное воспоминание.

— Теперь все в прошлом, — заявил он. — И я ведь и впрямь бросил тогда вызов Хьюберту. В каком-то смысле я заслужил свою кару. А вот о Фаэлане этого не скажешь. И кроме того... кровопускание никогда не считалось пыткой или наказанием, — он вздохнул. — И за это тоже *Custodes* рано или поздно должны будут держать ответ. Но что мы можем сделать для Фаэлана, Ориэль? Он не хотел нам зла, и не желал участвовать в этом подлом заговоре. Можем ли мы каким-то образом защитить его... и нас самих.

— Возможно, — Ориэль положил руки на колени и пристальным взглядом уставился на Фаэлана и затем перевел глаза на Джавана. — Самым простым, разумеется, будет не говорить ему ничего, что не должно стать известным *Custodes*.

— А также стирать все лишнее у него из памяти прежде чем он будет уезжать обратно в аббатство, — согласился Джаван.

Ориэль кивнул.

— Если мы точно будем знать заранее дату отъезда, это должно оказаться достаточно. Хотя, конечно, это не спасет его от Ситрика... или от того Дерини, что служит Полину.

— Так этот Дерини все же существует? — Джаван насторожился. — Ты ведь толком так ничего о нем и не сказал.

— А я и не знаю наверняка, — ответил Ориэль. — И прежде чем я попытаюсь это выяснить, давайте решим, действительно ли нам это нужно. До сих пор я не сделал ничего сверх того, что следует ожидать от Целителя. Но если я примусь дальше копаться в его сознании, и мы обнаружим там именно то, чего опасались, то окажемся в ловушке. Либо нам

придется заметать за собой следы, либо, если это не получится, то вынуждены будем идти к Хьюберту.

— Возможен и иной выход, — возразил Джаван. — А что если ты просто легонько прощупаешь его разум, но не будешь слишком сильно в него вмешиваться, так, чтобы скрыть следы своего присутствия. Тогда у нас будет еще пара дней на то, чтобы принять решение.

— Да, может быть, если только никто другой не вздумает прочесть его мысли за это время.

— Тогда давайте сейчас приведем его в чувства и послушаем, что он нам скажет, — с этими словами Джаван поднялся и поменялся местами с Ориэлем. — Я буду задавать вопросы, ведь из нас троих он знает только меня, и кроме того опасается любых Дерини, даже Целителей.

Поднеся свечу поближе, чтобы на него падал свет, когда Фаэлан проснется, Джаван подождал, пока Ориэль встанет у него за спиной, затем взглянул на Целителя и кивнул. Без лишних слов Ориэль нагнулся, тронул священника за руку и отдал мысленный приказ. Веки Фаэлана затрепетали, глаза распахнулись, и он в испуге уставился сперва на Джавана, затем на Ориэля с Карланом, а потом вновь на короля.

— Вы в полной безопасности, отче, — сказал ему Джаван. — Это мастер Ориэль, а это сэр Карлан, один из моих помощников. Как вы себя чувствуете?

— Я... — Рука Фаэлана тут же метнулась к рукаву в поисках раны, которой уже не было там. В тот же миг он осознал, что лежит на спине и не чувствует боли... И тут же догадался, что произошло.

— Он... уже сделал это? — прошептал священник, испуганно взирая на Джавана. — Я не думал...

— Вы были не в состоянии ни о чем думать, — заметил Джаван негромко. — Что касается потери крови, то тут ничем нельзя помочь. Вам нужно есть получше и побольше отдыхать, однако прочие страдания не было никакого смысла длить понапрасну, и я сожалею, что вам пришлось столько претерпеть ради меня. Самое меньшее, что я мог сделать, это попросить, чтобы вас исцелили.

Шумно сглотнув, Фаэлан отвернулся к стене.

— Это не решает нашу главную проблему, сир, — прошептал он. — Отец Полин ищет любую возможность, чтобы навредить вам. Я поклялся доносить обо всем, что вы скажете или сделаете, и даже если я нарушу клятву, он... узнает.

— О, нет, *он* не узнает, — уверенно возразил Джаван. — Узнает его новый Дерини, не так ли, отче?

Фаэлан застыл с выражением тревоги и отчаяния на лице.

— Я вам ничего не говорил, — прошептал он.

— Нет, не говорили. На самом деле именно поэтому я изначально и заподозрил неладное. Я знаю, здесь нет вашей вины, — добавил он, видя, что Фаэлан пришел в совершеннейшее отчаяние. — Ориэль, теперь давай разберемся с этим до конца.

И прежде, чем Фаэлан успел вздохнуть или вскрикнуть, Джаван коснулся лба священника и подчинил его своей власти, мгновенно погружая в пучину беспамятства. Ориэль последовал за ним по установленному ментальному каналу, погружаясь все глубже по мере того, как Джаван уступил ему место. Карлан держался поблизости, опасаясь, что священник станет сопротивляться или вздумает закричать, но теперь, увидев, что все в порядке, по знаку короля он отступил к дверям.

Через пару мгновений Ориэль поднял голову и улыбнулся, открыв глаза.

— Сир, вы можете считать себя самым удачливым человеком во всем христианском мире, — произнес он вполголоса. — Не могу точно сказать, насколько одарен этот Дерини Полина, но в данном случае он явно не слишком старался. Остались следы одного поверхностного считывания мыслей... и разумеется, оно не показало ничего, поскольку Фаэлан ничего и не знал. Кроме того, была сделана особая установка, чтобы об этом контакте он не мог никому рассказать. Однако он даже не попытался стереть это воспоминание. Какой самоуверенный ублюдок! Видимо, он решил, что это ни к чему... Или хотел, чтобы священник еще больше его боялся.

— А убрать эту установку можно? — спросил Джаван.

Ориэль кивнул.

— Конечно, можно, однако не думаю, что это необходимо. Чем меньше мы вмешиваемся в его разум, тем лучше. Хватит и того, что мне придется стереть все следы сегодняшнего вмешательства. Если прежде тот, кто попытался прочитать его мысли, не обнаружил там ровным счетом ничего интересного, то теперь его бы ожидал приятный сюрприз.

— Что ж, тогда сделай все необходимое, — велел ему Джаван. — Но не причиняй священнику вреда, мне нужен союзник, а не жертва.

— Дайте мне пару минут, — заявил Целитель и, опустившись на колени, возложил обе руки на лоб спящего.

Вскоре он выпрямился и одной рукой взял Фаэлана за запястье.

— Используйте чары истины, когда я приведу его в чувство, — прошептал он. — Думаю, этого будет достаточно.

Еще несколько секунд Фаэлан лежал тихо и неподвижно. Затем он пошевельнулся и открыл глаза. Страх из них исчез, и он словно и не замечал, что Ориэль держит его за руку.

— Сир, — прошептал он, устремляя взгляд на Джавана. — Кажется, я задремал. Умоляю, простите меня. Это было очень невежливо.

Покачав головой, Джаван улыбнулся.

— Вы очень устали после долгой дороги. Отдых будет для вас целительным. Долго вы спали?

— По-моему, с самого полудня, — ответил Фаэлан, покосившись на окно, за которым стояла ночь. Он нахмурился. — Кажется, уже очень поздно. Я хотел встать вовремя к вечерним молитвам, но...

— Уже прошло время заутрени, — подсказал Джаван. — Вы же ничего не помните из того, что сегодня было. Да?

Фаэлан вопросительно взглянул на него.

— А что я должен помнить, сир?

Вместо ответа Джаван лишь покосился на Ориэля, и тот склонил голову. В тот же миг Фаэлан вскрикнув, внезапно вспомнив обо всем. Джаван видел, как воспоминания потоком возвращаются в его сознание, ибо глаза священника внезапно отразили страх, изумление, осознание того, что тело его вновь было целым и невредимым, и что означало эта рука, держащая его за запястье... И страх внезапно уступил место робкой надежде.

— Но только что... я ничего не помнил, — выдохнул Фаэлан.

— Верно, — кивнул Джаван. — И если вы чего-то не помните, то не можете и солгать об этом.

— Но... разве *он* не сумеет определить, что именно вы сделали? — прошептал Фаэлан, обращаясь теперь напрямую к Ориэлю.

— Нет, если будет использовать обычные чары истины, — отозвался Целитель. — Скорее всего, он даже не увидит этого при простом чтении мыслей. Что-то сможет всплыть, только если у него будет причина заподозрить, будто кто-то копался в вашем сознании. Но я не оставлю вам никаких воспоминаний о том, что случилось сегодня.

Фаэлан вздохнул.

— Но они же узнают, что вы меня исцелили.

— Полина это не удивит, — ответил Джаван. — Он мне сам сказал, что вам пустили кровь, чтобы избавить от дурных гуморов, и что в последнее время вы не слишком хорошо себя чувствовали. И на это я сказал, что позову к вам Ориэля. Но ему совершенно ни к чему знать, что мы выяснили происхождение этого недомогания. Вы не вспомните, что все рассказали мне, а я сделаю вид, что ни о чем не догадываюсь. Вы просто начнете исполнять обязанности моего капеллана. Читать ежедневно мессу в королевской часовне, выслушивать исповеди, сопровождать меня, когда это необходимо на приемы в замке... В общем, все как обычно.

— Но...

— Все это не потребует от вас никаких особых усилий, — заверил его Ориэль. — Вы ни о чем не вспомните из нашего разговора. Вы будете помнить только то, что у вас добрый и честный хозяин, который никогда не делал ничего такого, в чем его могли бы упрекнуть даже самые ярые недоброжелатели. А

когда вы будете отправляться на ежемесячный отчет в аббатство, то позабудете обо всем, что могли случайно увидеть или услышать, и чего не следует знать вашим мучителям.

На лице Фаэлана внезапно вновь отразился страх, и он отвернулся к стене.

— Сир, я не хочу предавать вас, — прошептал он. — Но нельзя ли, чтобы он заставил меня также забыть этот страх. Это самое ужасно, сознавать, что они способны убить меня в любой миг, когда только пожелают. Если они вновь отворят мне кровь...

Джаван легко коснулся руки Ориэля, которой тот держал священника за запястье.

— Надеюсь, вы сознаете, что я не могу обещать вам, что они этого не сделают, — ответил он ровным голосом. — Им вполне может взбрести в голову повторить эту пытку просто для того, чтобы убедить вас, что вы полностью в их власти, точно так же, как и тогда, когда были в монастыре. Но в другой раз они уже точно не возьмут столько крови, сколько в первый. Это просто невозможно. Ведь они хотят, чтобы вы продолжали выполнять их волю. Сожалею, но с этим воспоминанием мы не осмелимся ничего поделать. Вам придется научиться жить с ним.

Фаэлан на миг прикрыл глаза, глубоко вздохнул, стараясь смириться с неизбежным.

— Вам также следует быть готовым к тому, что Дерини Полина будет присутствовать на всех допросах в будущем, — продолжил Джаван. — Но поскольку вы будете абсолютно открыты и откровенны с ними, то ему не придет в голову глубоко вмешиваться в ваш разум. Скорее всего, он будет лишь использовать чары истины, а этого вы даже не почувствуете. Как только они убедятся, что вы готовы сотрудни-

чать с ними, то мы сможем даже очень осторожно вести свою игру, время от времени подбрасывая им какие-то лакомые кусочки, чтобы они не сомневались, что вы старательно шпионите для них. Конечно, я понимаю, как неприятны вам будут эти поездки в аббатство... И, конечно, вам будет страшновато. Но, скорее всего, отныне они будут только угрожать. Сожалею, что я не могу дать вам никакого более веского утешения, но, право, это не в моей власти.

— Теперь ему нужно отдохнуть, сир, — негромко заявил Ориэль, когда стало ясно, что дальнейший разговор на эту тему лишь усилит опасения Фаэлана. — Я сделаю все как можно быстрее.

С этими словами он взял под контроль сознание Фаэлана и тот мгновенно потерял сознание, успев лишь бросить на короля взгляд, исполненный безграничного доверия.

— Внуши ему, что я хотел бы, чтобы он начинал мессу в королевской часовне сразу в первом часу, — сказал Джаван Ориэлю прежде, чем тот погрузился в глубокий транс. — А вместо воспоминаний о нашем разговоре в саду сегодня днем, внуши ему, что я интересовался его здоровьем, но он ничего особенного мне не ответил, кроме того, что поездка из *Arx Fidei* оказалась весьма утомительной, и что я попросту очертил круг его новых обязанностей и отправил отдыхать. Именно так я и сказал Полину. Остальное решим позже.

Ориэль кивнул и закрыл глаза.

— Я все сделаю так, как вы пожелаете, сир, — прошептал он.

Глава 18

И друга своего держи в памяти[1]

Джаван с Карланом без особых приключений добрались из комнаты священника в королевские покои. Ориэля они отпустили к себе, поскольку свою задачу он выполнил, — опасаясь, как бы кто-нибудь посторонний не заметил его отсутствие.

Двое стражников стали навытяжку, когда король со своим помощником приблизились к дверям, и один из них поспешил отпереть засов. Карлан затворил за ними дверь. Внутри их уже ожидал Гискард, сидевший на стуле у столика в центре комнаты. Завидев короля, он немедленно поднялся на ноги.

— Все в порядке? — спросил он негромко.

— Да, — Джаван со вздохом рухнул на стул напротив. — Судя по всему, у Полина на самом деле в *Arx Fidei* имеется Дерини. По крайней мере, он был там пару дней назад. С Фаэланом придется обращаться крайне осторожно, но думаю, что у нас все получится. Пока мы не узнаем больше, никто не должен иметь с ним дела, кроме Ориэля.

— Тогда вам лучше посвятить во все своего гостя, — и Гискард покосился на дверь, ведущую в опочивальню. Джаван с удивлением отметил, что дверь эта

---

[1] Мудрость Иисуса 37:6

была плотно закрыта. — Вы не говорили, что он появится так скоро, так что у меня чуть сердце не разорвалось, когда я открыл дверь и его увидел. Он переоделся в монаха *Custodes*.

Джаван медленно поднялся с места.

— Он уже здесь?

— Да, и ждет вас обоих, — отозвался Гискард и направился к двери, поманив их за собой. — Он уже объяснил мне все, что предстоит делать завтра.

С этими словами он открыл дверь. В опочивальне царила тьма. Единственная свеча горела у огромной завешенной балдахином кровати. Гискард вошел внутрь, Джаван осторожно последовал за ним, и в этот миг из тьмы возникла черная фигура. Карлан схватился за кинжал, хотя и сознавал, что обычная сталь будет плохой защитой против людей, которые могли здесь оказаться.

— Кто это? — шепотом спросил король.

— Это Джесс, сир, — отозвался голос, который он уже слышал прежде. Мгновенно установился краткий ментальный контакт, и аура Дерини вспыхнула вокруг человека в монашеской рясе *Custodes*.

Тем не менее Джаван, прежде чем заговорить с ним, как следует присмотрелся к гостю. Джесс сейчас выглядел совсем по-другому, чем в прошлый раз. Каштановые волосы были коротко острижены, и даже выбрита тонзура. Держался он не прямо, как подобает воину, а слегка сутулился. В жестком наряднике с откинутым капюшоном он был неотличим от любого другого монаха *Custodes*.

— Боюсь, я здорово напугал Гискарда, — с улыбкой произнес Джесс. — И прошу за это прощения. Он уже рассказал мне, что объявился новый ищей-

ка-Дерини... И что он работает на *Custodes*. Вы можете что-то добавить к этому?

— Да, теперь мы точно знаем, что у *Custodes* появился свой Дерини, — ответил Джаван. — Ничего конкретного мы о нем пока не знаем... Думаю, это будет проще выяснить вам с Джоремом... Но Ориэль уже принял меры, и на первое время это сгодится. Отец Фаэлан...

— Гискард рассказал мне о священнике, — перебил его Джесс. — Может быть, я просто узнаю все остальное в вашей памяти? Это не займет много времени.

— Я лично не касался его сознания. Ориэль...

— Просто протяните мне руки и закройте глаза. — Джесс улыбнулся и вытянул вперед ладони. — Я знаю, что вам по-прежнему не слишком приятны такие контакты, но чем больше этим занимаешься, тем легче становится, уж поверьте. Опустите защиты и сосредоточьтесь на воспоминаниях о Фаэлане... Опасаться нечего, я все сделаю сам. Физически вы ничего не почувствуете, разве что легкое покалывание в глазах.

Джаван повиновался. На краткий бесконечный миг время словно бы застыло. Возникло ощущение головокружения и исчезли все прочие мысли, не касавшиеся несчастного Фаэлана. Он ощутил краткое вмешательство в свое сознание, но заставил себя не тревожиться об этом.

Спустя пару мгновений Джесс разорвал контакт и бросил взгляд на Гискарда, который внимательно наблюдал за происходящим, а затем на Карлана, который невозмутимо стоял рядом, поскольку Гискард полностью взял его под свой контроль, сознавая что

эта необычная ситуация может напугать молодого рыцаря.

— Вы правильно сделали, что никому кроме Ориэля не позволили коснуться сознания этого священника. Лучше нам сперва выяснить точно, с чем имеем дело, — заметил Джесс, сосредоточившись на Джаване. — Если с ним действительно все в порядке, то мы предпримем необходимые меры, чтобы так оно и оставалось. Если же нет... на первый взгляд, Ориэль не сделал ничего, выходящего за рамки обычных целительских процедур. Однако если понадобится, то с Фаэланом придется покончить.

Джаван содрогнулся.

— Покончить?

— Да, если нужно, — невозмутимо ответил Джесс. — Но, конечно, мы постарается обойтись без этого. Что касается завтрашнего дня, то я бы хотел бы использовать в работе и его, и Ориэля. Это даст мне возможность взглянуть на них обоих. А как только Портал будет установлен, я сразу смогу позвать на помощь других, если будет необходимо принять срочные меры.

«То есть убить его», — подумал Джаван, на мгновение зажмурившись. Но вслух сказал лишь:

— Думаешь, нам удастся его спасти?

— Сир, на этот вопрос я пока не готов ответить, — промолвил Джесс. — Я постараюсь сделать все, что возможно. Это будет непросто, поскольку наше вмешательство должно быть незаметно для другого Дерини. — Склонив голову, он вопросительно посмотрел на Джавана. — Сомневаюсь, чтобы нашелся другой священник, который мог бы стать вашим капелланом, не будучи при этом *Custodes*.

Джаван поморщился.

— Увы, мы не сможем пригласить ни Джорема, ни Ниеллана, ни Кверона. К тому же нынешние законы запрещают это. Что же касается всех прочих священников, с которыми я имел дело последние годы, все они были из ордена *Custodes*. И любой из них подвергнется тем же мучениям, что и несчастный Фаэлан, если мой выбор падет на него. Им будет казаться подозрительным любой, кого я выберу.

— Согласен, — Джесс кивнул. — Ну что ж, посмотрим, что удастся сделать с отцом Фаэланом. Если с ним все чисто, то это вопрос риторический. В противном случае... ну, не будем пока тревожиться об этом. Для начала я использую его энергию для установки Портала, а затем пока он будет под нашим контролем, я постараюсь очистить его память и установить глубоко в сознании несколько скрытых защит. Их не заметит ни он сам, ни этот Дерини Полина.

Джаван в изумлении уставился на него.

— А ты можешь это сделать? То есть, неужели это так просто?

— Ну, конечно, сказать проще, чем сделать, — Джесс ухмыльнулся. — И все-таки, это не так уж сложно, когда имеешь дело с обычными людьми. Да, кстати, давайте сейчас взглянем на вашего Карлана. — Жестом он показал Гискарду, чтобы тот подвел рыцаря поближе. — Здесь я не предвижу особых проблем, потому что вы с ним уже работали. Но нужно нас познакомить. Гискард, передай контроль Джавану. А я буду действовать через него, когда буду готов.

Без лишних слов Гискард подвел зачарованного Карлана к королю, и отступил на пару шагов, едва лишь Джаван коснулся запястья рыцаря и взял его

под свой контроль. По знаку Джесса, Джаван вернул Карлана в сознание.

— Сэр Карлан, познакомьтесь с сэром Джессом, — произнес он негромко. — Это он будет завтра руководить установкой Портала.

— Приветствую, Карлан, — сказал Джесс.

Карлан молча посмотрел на Дерини, задержав взгляд на его мерцающей ауре, затем обернулся к королю. На губах его играла лукавая улыбка.

— Поразительно, — произнес он чуть слышно. — Похоже, вы блокируете мой страх, верно?

— Да. Но на самом деле бояться нечего, — отозвался Джаван.

— Я знаю, — согласно кивнул Карлан. — По крайней мере, на словах все и впрямь не так страшно.

Джесс с улыбкой сделал шаг вперед и встал прямо напротив молодого рыцаря. Несмотря на то, что у одного были темные волосы, а у другого светлые, они казались похожими, точно братья. Почти одного возраста, оба опытные воины. Какое-то время они оценивающе смотрел друг на друга, после чего Джесс кивнул и нарочито медленным жестом спрятал руки за спину.

— В будущем, надеюсь, тебе все покажется нестрашным не только на словах, — заметил он. — Я бы хотел показать тебе, что случится завтра ночью, чтобы не было причин для опасений. Можно?

Карлан бросил на него осторожный взгляд.

— Ты спрашиваешь моего разрешения?

— Разумеется, ты ведь союзник, а не враг.

— Тогда хорошо.

Джесс не спеша вновь опустил руки.

— Мы начнем с того, что Джаван поможет тебе расслабиться, и погрузит в транс, как он уже делал

это много раз. Затем я установлю первичный контакт, вот так. — С этими словами он легко коснулся головы Карлана, упираясь пальцами ему в виски. — Возможно, ты ощутишь давление в районе макушки, это значит, что контакт налажен. Вот видишь, совсем не страшно. И если я начну брать у тебя энергию, вот что ты почувствуешь.

Со стороны ничего не было заметно, только Карлан вдруг удивленно раскрыл глаза, а затем зажмурился. Через пару мгновений веки у него вновь поднялись, и он с удивленным видом взглянул на Джесса. Тот, довольный, убрал руки.

— У тебя все хорошо получается, — сказал он. — Когда дойдет до дела, возможно, ты на время потеряешь сознание, но лишь ненадолго. Это не слишком тебя пугает?

Карлан помолчал, покосился на Джавана, затем вновь уставился на Дерини.

— Нет. Не пугает, — с вызовом произнес он.

— Это не совсем правда, — улыбнулся Джесс, однако ты блестяще доказал, что способен совладать со своим страхом... Это большая редкость как у людей, так и у Дерини. Сир, вы прекрасно его обучили.

— Он сам себя обучил. Еще неделю назад у него не было никакого выбора, но за это я уже попросил у него прощения.

— Не было никакой нужды извиняться, — отозвался Карлан. — Вы делали то, что было необходимо. И я рад, что мог хоть чем-то вам помочь, хотя в то время и не знал об этом. — Он взглянул на Джесса. — Потому что если да, то его высочеству нужно бы немного отдохнуть. Да и всем нам стоит как следует выспаться. Похоже, завтра нас ждет очень напряженная ночь.

* * *

На самом деле напряженным оказался весь следующий день, ибо до коронации оставалось уже совсем немного. С утра в королевской часовне отец Фаэлан отслужил мессу. Он уже вполне оправился после вчерашнего, это было заметно даже внешне, но, кроме того, ему как будто удалось оставить позади все заботы и опасения. Он произнес превосходную проповедь, вполне подходящую для короля, которому вскоре предстоит надеть корону, сказав несколько кратких, но емких слов о том, что надлежит отдавать должное Богу и кесарю. Два юных пажа, служившие при алтаре, были слегка смущены, но здесь не было ничего удивительного, поскольку алтарным мальчикам всегда требовалось время, чтобы приспособиться к новому священнику. Месса прошла гладко, и единственной оплошностью было когда младший из пажей едва не уронил серебряную чашу со святой водой. В первый раз за много недель Джаван радовался, что смог получить причастие из рук священника, которого он уважал и как человека, а не только как вместилище Святого Духа. И он помолился Господу, чтобы тот помог Фаэлану и впредь продолжать свое служение незапятнанным. Полин проскользнул в часовню в самом начале мессы и с пристрастием допросил Фаэлана в ризнице по ее окончании. Однако, похоже, оба они остались вполне удовлетворены этим разговором.

— Никаких проблем с отцом Полином? — спросил Джаван священника, когда Фаэлан присоединился к нему, Гискарду и Карлану, чтобы вместе спуститься к завтраку.

— Никаких, сир, — ответил Фаэлан. — Он просто поинтересовался моим самочувствием и спросил, вполне ли я оправился после путешествия. Я заверил его, что хорошо выспался прошлой ночью и совершенно пришел в себя, поэтому теперь вполне готов исполнять свой долг духовного наставника в свите короля. Он благословил меня и ушел.

С помощью чар истины Джаван с Гискардом могли убедиться, что священник сказал им чистую правду. А поскольку Полин наверняка не был Дерини, то он никоим образом не способен был повлиять на воспоминания Фаэлана и стереть из его памяти какую-то часть разговора...

После завтрака, как обычно, наступило время упражнений, причем большая часть времени была посвящена подготовке к турниру, что должен был состояться на следующий день после коронации. Хотя бы на несколько часов Джавану удалось изгнать из своих мыслей все тревоги.

В полдень он принял ванну, слегка перекусил, после чего состоялась окончательная примерка одеяний для коронации. Остаток дня он провел, упражняясь в стрельбе из лука, радуясь, что в кои-то веки перед ним простые деревянные мишени. Это было куда проще и приятнее, чем сражаться с сановниками на королевском совете. Сэр Радан похвалил его за меткость, и Джаван не рискнул признаться ему, что все это время представлял себе в центре мишеней лица Мердока и Рана.

К концу дня приехали наконец гости из Кассана, Фейн Фитц-Артур с супругой и трехлетним сыном, новым герцогом Кассанским. Встреча с ними была назначена на полдень следующего дня.

Отужинал король в своих апартаментах в компании с Райсом-Майклом, своими ближайшими помощниками, Робером и Джейсоном, Этьеном де Курси и еще несколькими молодыми рыцарями, у которых в это время не было других дел во дворце. Ужин прошел весело, но Джаван не позволил ему затянуться слишком надолго, сославшись на усталость и на то, что завтра утром, в последний день перед коронацией ему нужно встать со свежей головой.

Постепенно гости разошлись, некоторых из них ожидало ночное дежурство, другие торопились к семьям. Одним из первых ушел Этьен, но он должен был вернуться позже для установки Портала. Однако хотя за ним вскоре последовали и остальные, Райс-Майкл задержался, пока в королевских апартаментах не остались лишь он, Карлан и Гискард. Слуги уже начали убирать остатки ужина.

Принц выпил немало вина за трапезой, и Джаван надеялся, что тот скоро уйдет. Вместо этого, когда слуги, наконец, удалились, Райс-Майкл подошел к окну и распахнул нижнюю створку, чтобы дать доступ воздуху. Вечер был теплым и тихим, совсем не жарким, и оба брата были в рубахах с коротким рукавом.

— Тебя не пугает послезавтрашний день? — спросил Райс-Майкл, поворачиваясь к Джавану. Лицо его смутно белело в свете свечей на столе.

Джаван взял подсвечник и поставил его в оконной нише, и сам подошел поближе к брату.

— Не то, чтобы я боюсь, — сказал Джаван. — Может быть, слегка волнуюсь. Это сложная церемония.

— Я не то имел в виду, — возразил Райс-Майкл. — Ты станешь миропомазанным королем. Это ведь...

почти магия. Ты будешь отделен от всех прочих. Ты уже никогда не станешь таким, как прежде.

Джаван опустился на скамью, чтобы поразмыслить над этими словами. О чем-то подобном говорил и отец Фаэлан в своей проповеди сегодня утром. Джаван полагал, что помазание короля это и в самом деле некий род магии, в том же смысле, как и рукоположение священника, которое делает его годным к служению. Разумеется, когда все будет кончено, он станет не таким как прежде. Однако он уже изменился, после того как Джорем раскрыл в нем силу Халдейнов.

— Я по-прежнему буду твоим братом, — промолвил он, догадываясь, что именно это на самом деле беспокоит Райса-Майкла. — Это никогда не изменится. Почему ты думаешь иначе?

Отвернувшись, Райс-Майкл слегка покачнулся.

— Не знаю. Алрой вот изменился, когда стал королем. Я его почти не видел. Он всегда был занят какими-то королевскими делами.

— Ну, это не он сам так решил, — возразил Джаван. — Мы все были несовершеннолетними в ту пору, и едва ли наше положение было нормальным. Но теперь все будет иначе. Я надеюсь, что ты сможешь помогать мне со всеми этими «королевскими делами», как ты их назвал. Кроме того, пока я не женился и не произвел на свет наследников, ты следующий за мной в нашем роду. Поэтому тебе необходимо получить должное образование.

Райс-Майкл тяжело опустился на скамью напротив Джавана.

— Вот об этом я и хотел поговорить с тобой... О женитьбе, а не об обучении. Ты же знаешь, я не слишком люблю книги. Может, конечно, я выбрал

не самое лучшее время, по-моему, я многовато выпил...

Время и впрямь было не самым подходящим. Конечно, обсудить этот вопрос необходимо, но только не сейчас, когда Райс-Майкл навеселе и явно слегка не в себе.

Кроме того, впереди Джавана ждала сложная работа. Поэтому он мысленно позвал Гискарда, а затем, чуть наклонившись вперед, нарочито усмехнулся.

— Надеюсь, это вопрос пока чисто теоретический, а не практический, — сказал он весело, одновременно прислушиваясь к звукам, доносящимся из другого конца комнаты, где Гискард разливал вино в кубки. — Конечно, принцам рано или поздно нужно жениться, но ведь тебе еще нет и пятнадцати.

— Будет через пару месяцев, — возмущенно возразил Райс-Майкл.

— Да, конечно, я знаю, и прекрасно понимаю, что сейчас ты во власти юношеских порывов. Но у тебя впереди полно времени, — склонив голову набок, он намеренно постарался подобрать самые резкие слова. — Или тут есть некая срочность, о которой я не знаю? Райсем, ты же не спутался с какой-нибудь несчастной служанкой?

— Я? О, нет! Да я никогда... то есть я...

Смущенный, Райс-Майкл осекся и побагровел до кончиков ушей. В этот момент невозмутимый Гискард подошел ближе с подносом, на котором стояло два небольших серебряных кубка. Поклонившись, он поставил поднос рядом с Джаваном, и когда тот с благодарностью кивнул, так же молча отошел прочь.

— Ну, вот и славно. Давай, попробуй немножко этого рейнишского вина и скажи мне, что ты думаешь об этом.

С этими словами он протянул один из кубков Райсу-Майклу, и когда руки их соприкоснулись, постарался установить мысленный контакт, чтобы погрузить того в сон...

Как вдруг ударился о защиты брата!

Это не было болезненно, и все же Джаван едва не вскрикнул. Чтобы скрыть свое изумление, он опрокинул кубок, который держал в другой руке. Тот с серебристым звоном упал на пол, и вино залило сапоги. Он тут же вскочил на ноги.

— Ох, ну до чего же я неловкий!.. Гискард, скорее дай какую-нибудь тряпку, чтобы все это вытереть.

— Иду, сир.

Джаван наклонился и сделал вид, будто ищет упавший бокал, одновременно пытаясь взять себя в руки. Откуда у Райса-Майкла могли появиться защиты, когда это случилось и каким образом? Скорее всего, произошло это в момент смерти Алроя, ибо после этого Райс-Майкл сделался наследником короны. Возможно также, что какая-то часть энергии, окружавшей Алроя в момент перехода в иной мир пробудила потенциал Халдейнов, заложенный в нем отцом. Джаван сомневался, чтобы все было задумано именно таким образом, но кто мог знать наверняка? Никто ведь не ожидал, что его собственная магия может пробудиться еще при жизни Алроя... Но все случилось именно так.

Однако что именно происходит с братом, Джаван не знал, и потому не рискнул вновь мысленно связываться с Гискардом, опасаясь, что Райс-Майкл способен это заметить. Однако когда рыцарь подо-

шел ближе, взял бокал у Джавана и нагнулся, чтобы вытереть вино, Джаван подумал, что стоит рискнуть связаться с ним напрямую.

— Сперва вытри сапог, а то останется пятно, — попросил он и взял Гискарда за руку, словно чтобы показать, что именно тот должен сделать, одновременно установив с ним мысленный контакт.

«Гискард, у него есть защиты. Я не знаю, как и откуда они взялись. Я не смог проникнуть в его сознание.»

«Он это почувствовал?»

«Не думаю, но что теперь делать? Нас ведь ждут.»

«Предоставьте это мне, государь», — отозвался Гискард.

— Ну вот, по-моему все в порядке, — продолжил он вслух и стал вытирать пол. — Могу я вам принести что-нибудь еще, сир? Боюсь, рейнишское у нас кончилось.

— Какая жалость, — пробормотал Джаван, исподволь наблюдая за Райсом-Майклом, который с явным наслаждением допивал свое вино. — Хотя бы Райсему довелось его отведать.

— М-м, великолепный вкус, Джаван, — воскликнул брат и приветственно поднял бокал. — Это большой грех, что ты его разлил. Не забудь сознаться в этом в следующий раз на исповеди.

— Должно быть я и впрямь куда больше нервничаю перед коронацией, чем сам готов в этом признаться, — Джаван изобразил на лице улыбку. — Гискард, может, у нас еще осталось сладкое фианнское? Райсему наверняка бы понравилось то, что мы пили прошлой ночью, если только вы с Карланом его не прикончили.

— По-моему, еще немного осталось, я пойду посмотрю.

Когда он ушел, Джаван вновь взглянул на Райса-Майкла. Тот отставил в сторону пустой бокал.

— Да, и впрямь отменное вино, — с довольной улыбкой объявил принц. — Жаль, что ты так его и не попробовал. Ну, это тебе в наказание за то, что ты мне сказал. Я не путаюсь ни с какими служанками.

Хмыкнув, Джаван вновь опустился на скамью, в душе молясь, чтобы Гискард поторопился.

— Уж лучше бы ты именно так и делал, — заявил он, решившись вывести брата из равновесия, пока Гискард примет решение, как лучше им поступить в этой ситуации. — Даже если случится самое худшее, то по крайней мере на служанке тебе не придется жениться. Конечно, королевские бастарды — это большая неприятность, но они не угрожают трону... По крайней мере, пока не повзрослеют.

— Все совсем не так! — начал Райс-Майкл.

— Да? Рад это слышать, — продолжил Джаван. — Потому что если ты свяжешься с девицей благородного происхождения, и она забеременеет, то ее отец, по определению, будет иметь над тобой власть и может заставить жениться. И как только ты сделаешь это, и она принесет тебе сына, то нашим врагам этого будет достаточно, чтобы разделаться с нами обоими и обеспечить себе еще четырнадцать лет регентства. Неужели ты думаешь, что после того, как они так долго наслаждались абсолютной властью, они с радостью от нее откажутся, и позволят твоему сыну стать настоящим королем? Он будет всего лишь игрушкой в их руках, Райсем, точно так же, как Алрой.

— Алрой не был никакой игрушкой, и они так никогда не сделают, — угрюмо возразил Райс-Майкл.

В ту минуту в комнату вернулся Гискард с новыми бокалами.

— Ты сломал регентам хребет, всего за пару недель нашел верных людей. И, кроме того, — пробормотал он, — ее отец давно умер.

— Чей отец? — спросил Джаван, принимая бокал у Гискарда.

— Это неважно. Ничего страшного не случится. — Райс-Майкл также взял кубок и сделал большой глоток.

Джаван мгновенно понял, о ком ведет речь его брат.

— Ты о Микаэле Драммонд, верно? — спросил он.

«Не пейте», — мысленно предупредил его Гискард в тот миг, когда их руки соприкоснулись.

Райс-Майкл сделал еще глоток и уставился в окно, не замечая, что Джаван отставил нетронутый кубок в сторону.

— Ну и что с того? — хмуро спросил он. — Она мне нравится. После того, как ты уехал из столицы, у меня почти не осталось друзей. К тому же она благородного происхождения.

— Да, и кроме того, она воспитанница Манфреда Мак-Инниса, и жила в его семье. Готов поручиться, что они с леди Эстеллан сделали все, чтобы вам было проще встречаться. Я прав?

Райс-Майкл уже начал заметно клевать носом, но все же, прежде чем ответить, выпил еще вина.

— Ты не понимаешь, — заплетающимся языком пробормотал он. — Все совсем не так. И к тому же мы... ничего не делали. А даже если бы... и она... все равно, не верю, чтобы регенты сделали то, о чем ты говоришь. Это чудовищно.

— Да, совершенно подходящее слово, — согласился Джаван. — А прежде разве они ничего чудовищного не делали? Разве руки их чисты... вспомни герцога Клейборнского и Деклана Кармоди, его жену и сыновей, и маленькую Гизеллу Мак-Лин, которую задушили во сне...

Не дослушав его, Райс-Майкл погрузился в сон, и Джаван взял бокал у него из рук. В тот же миг Гискард вышел из тени и прижал пальцами артерию у Райса-Майкла на горле.

— Как он? — шепотом спросил Джаван.

— Все в порядке, — Гискард опустился на скамью рядом со спящим принцем и взял нетронутый бокал Джавана. — Нужно дать ему еще немного вина, а затем посмотрим, удастся ли нам пробиться сквозь его защиты и убрать все лишнее из памяти.

Удивленный, Джаван смотрел, как Гискард запрокинул принцу голову и поднес кубок к его губам, и тот тут же начал глотать вино. Он едва не закашлялся, но все же осушил бокал почти наполовину, прежде чем Гискард наконец отставил его.

— Ну вот, этого будет достаточно, — объявил рыцарь-Дерини. — Глотательный рефлекс сохраняется даже когда человек без сознания. По счастью, защиты тут не могут помешать... к тому же у него они еще не слишком сильны. Они еще даже не встали до конца. Сейчас я уберу ненужные воспоминания. Полагаю, вы не ожидали, что все так обернется.

Джаван покачал головой.

— Это часть наследия Халдейнов, я в этом уверен. Скорее всего, все началось после смерти Алроя. — Он вздохнул. — Но сейчас у нас нет времени думать об этом. Он проспит до утра?

— О, да. Тут никаких проблем не будет... Если не считать влюбленности в эту девочку. Карлан, иди сюда и помоги нам перенести принца в постель, — добавил он чуть громче. — По счастью, во время коронации он будет слишком занят во всяких церемониях, так что у него не останется ни сил, ни времени на любовные приключения. Однако полагаю, после этого под каким-нибудь благовидным предлогом нужно будет удалить ее из столицы.

Подошел Карлан, и они с Гискардом подняли принца на ноги, подхватив его под руки, и повели прочь.

— Бедняга Райсем, — пробормотал Джаван, следуя за ними в опочивальню. — Боюсь, завтра утром у него будет ужасно болеть голова.

— Едва ли. Вы преувеличиваете опасность, — отозвался Карлан. — Если только не подействует снадобье, которое подмешал ему Гискард. Он довольно много пьет, с тех пор, как вы уехали из Ремута, сир.

Потрясенный, Джаван взглянул на Гискарда.

— Это правда?

Гискард поморщился. Они с Карланом подняли принца и уложили его на большую кровать.

— Ну, я бы не стал утверждать, что у его высочества проблемы с выпивкой. И все же он пьет куда больше, чем прилично в этом возрасте. Однако давайте обсудим это в другой раз. Пока что нужно раздеть его, и нам пора торопиться. Нас ждут.

— Да, конечно.

Взволнованный, Джаван смотрел, как они стягивают с брата сапоги и верхнюю одежду, а затем укладывают поудобнее на постели. Но к тому времени, как они закончили, король вновь сумел взять себя в руки.

Несколько минут спустя Карлан направился вниз по лестнице в комнату рядом с библиотекой, а Джаван с Гискардом торопливо двинулись в покои отца Фаэлана.

На стук в дверь отозвался заспанный, взъерошенный священник.

В такую жару и поздний час, когда он уже не ожидал посетителей, он снял с себя нарамник с капюшоном и расстегнул рясу на горле, а сейчас, осознав, что перед ним король, судорожно принялся приводить свое одеяние в порядок. За спиной у него, в крохотной молельне Джаван заметил открытый молитвенник, лежавший на подлокотнике скамеечки, и рядом толстую желтую свечу в витом железном подсвечнике.

— Я помешал вам молиться, отче? Простите, — произнес Джаван. Коснувшись запястья Фаэлана, он взял под контроль его сознание, и все втроем они вошли обратно в комнату. Гискард закрыл за ними дверь. — Мне понадобится ваша помощь в ближайший час. Вы готовы пойти с нами?

Фаэлан удивленно заморгал и, несмотря даже на то, что Джаван удерживал в своей власти его разум, на лице священника отразился испуг, но затем он уверенно вскинул голову.

— Да, мой господин, — шепотом произнес священник.

— Только пусть он оденется по полной форме, сир, — вполголоса предложил Гискард, подавая наплечник. — Я знаю, как вам это не нравится, но если кто-нибудь увидит его, то люди могут начать задавать вопросы.

Разумеется, он был совершенно прав. Джаван кивнул и, пока Фаэлан приводил себя в порядок, за-

крыл его молитвенник и погасил свечу. Гискард тем временем распахнул дверь, и Фаэлан первым двинулся к выходу.

Джаван следовал за ним по пятам... как вдруг прямо на пороге они столкнулись с двумя монахами в черных рясах, — точь-в-точь таких же, как у самого Фаэлана....

Глава 19

Берегись же и ступай осторожно, ибо опасность подстерегает тебя в любой миг[1]

Из всех людей, кого Джавану не хотелось бы видеть в этот момент, члены ордена *Custodes Fidei,* вероятно, числились среди самых нежеланных.

— О, отец Фаэлан, куда это вы собрались так поздно? — ледяным тоном осведомился тот, который повыше, не узнав сперва спутника Фаэлана. Гискарда он и вовсе не заметил, поскольку тот поспешно скрылся в тени за дверью.

— На самом деле, — объявил Джаван, выходя на свет, — добрый отче идет со мной в мои апартаменты, ибо осталось совсем мало времени до коронации и я нуждаюсь в духовном наставничестве... Именно для этого мне и требовался личный исповедник.

— Это король, — прошептал второй монах.

Отступив на шаг, тот, что повыше, невозмутимо смерил Джавана взглядом, затем удостоил его церемонного кивка.

— Ваше высочество.

Когда он выпрямился, и Джаван смог получше разглядеть их обоих, сердце его упало. Более неподд-

---

[1] Мудрость Иисуса 13:13

ходящего времени для встречи трудно было вообразить. Этот высокий и тощий монах порой являлся Джавану в ночных кошмарах, должно быть, как и Фаэлану, ибо брат Серафин являлся верховным инквизитором *Custodes Fidei*. Сопровождавший дознавателя священник, отец Лиор, был его помощником, и представлял не меньшую опасность для короля. Время от времени за годы обучения в семинарии Джавану приходилось сталкиваться с ними обоими, и, разумеется, не столь давно они принимали участие в допросе и пытках Фаэлана.

— Так могу ли я узнать, что привело вас сюда в столь поздний час, господа? — ровным голосом осведомился Джаван, мысленно велев Гискарду держаться в стороне, но быть готовым действовать в любой момент... ибо если Джавану не удастся отвлечь внимание монахов, то понадобится принять более действенные меры.

Сцепив руки за спиной, Серафин сверху вниз уставился на короля.

— Отец Фаэлан, конечно, ваш исповедник, сир, но он по-прежнему член ордена, который вы оставили. Мы слышали, что он был нездоров по прибытии сюда, и потому его настоятель велел нам справиться о его самочувствии. Мы решили, что если зайдем попозже, то не помешаем вашему высочеству, но, похоже, мы ошибались.

— Да, вы ошибались.

Тем временем, Фаэлан, до сих пор хранивший молчание, наконец, осознал грозившую ему опасность, если эти двое попробуют увести его с собой для допроса.

— Сир, пусть это вмешательство не оскорбляет вас, — сказал он Джавану. — Брат Серафин, отец Ли-

ор, спешу заверить вас, что мое здоровье в полном порядке. Я просто немного устал с дороги, ничего более.

— А навещал ли вас Целитель Ориэль? — спросил его Серафин, не сводя пристального взгляда со священника.

— Да, он заходил ненадолго, — правдиво ответил Фаэлан. — Я об этом не просил, но такова была воля его высочества.

— Надеюсь, ваше высочество не станет возражать, если мы наедине перемолвимся парой слов? — с этими словами Серафин схватил Фаэлана за руку и повлек за собой в комнату, дверь в которую оставалась приоткрыта. В тот же миг Лиор протиснулся между ними и королем.

— Просим простить нас, сир, мы пришлем его к вам через несколько минут.

Джаван ничего не мог поделать. Серафин уже практически втащил Фаэлана в комнату, Лиор следовал за ними по пятам — а там за дверью прятался Гискард!

«Как только Серафин войдет, займись им, — мысленно передал король рыцарю-Дерини. — *А я возьму на себя Лиора.»*

В тот же миг он набросился на Лиора, тогда как Гискард схватив Серафина за запястье, рывком втянул в комнату. Джаван зажал монаху рот одной рукой, а другой попытался его придушить. Одной физической силы ему не хватало, чтобы справиться со священником, но, по крайней мере, он не позволил тому закричать, и успел нажать на нужную точку на горле, чтобы тот лишился чувств.

Лиор пытался защищаться и, едва не сбив Джавана с ног, изогнулся и резко наклонился вперед, пыта-

ясь сбросить с себя нападающего, но затем обмяк. Они с Джаваном вместе рухнули на пол, но по счастью, в комнату, а не в коридор. Джаван торопливо поднялся на ноги, тяжело дыша, и испуганный отец Фаэлан, ухватив Лиора за рясу, помог втащить его подальше, а затем запер за ними дверь. К этому времени Гискард уже успел справиться с братом Серафином и стоял теперь над неподвижной фигурой, одну руку удерживая у того на шее.

— Проклятье! Вот так незадача, — выругался рыцарь. — Скажите на милость, что мы с ними будем теперь делать?

Распрямившись, он отряхнул руки, всем своим видом изображая отвращение, затем подошел к королю.

— Ну, мне-то лично они ни к чему, однако какой у нас был выход? — отозвался Джаван, одновременно убеждаясь, что в ближайшее время Лиор не придет в себя. — Меньше всего мне сейчас нужно было что-то подобное, особенно после истории с Райсемом. Но, полагаю, придется подчистить им память, а затем отпустить.

— Хм, это будет непросто, ведь нужно еще убедиться, что воспоминания у обоих будут полностью совпадать, — возразил Гискард. — Вы с этим справитесь? Я-то точно не сумею.

— Тогда придется отвести их вниз, к Джессу, — нетерпеливо отозвался Джаван, стараясь не повышать голос. — Но что мне оставалось делать? Серафин ведь верховный инквизитор, Боже правый!.. Как бы я стал объяснять ему твое присутствие здесь? И кроме того, нельзя же было позволить им шнырять по замку безнаказанно, когда тут творятся такие дела.

— Сир, — вмешался внезапно Фаэлан. — А ведь он знает того Дерини из аббатства...

— Что?

— Я говорю, он знает, кто такой этот Дерини, который служит Полину. Они оба должны знать. Они ведь присутствовали, когда меня допрашивали. — Помолчав, он в упор взглянул на Джавана. — Вы можете заставить их говорить, сир?

Джаван покосился на двух бесчувственных монахов и, поразмыслив, кивнул.

— Думаю, что смог бы. Но пусть лучше этим займутся люди более сведущие. История слишком запутывается. Гискард, поведешь Серафина. А я возьму на себя Лиора.

Они пробудили обоих *Custodes*, плотно удерживая их разум под контролем, достаточно для того, чтобы те могли сами спуститься по лестнице. По счастью, в коридоре им не встретилось ни души, и они без помех достигли комнаты рядом с библиотекой. Изумленный Этьен де Курси открыл им дверь, и Ориэль, мгновенно оценив ситуацию, сразу же занялся перепуганным Фаэланом, тогда как Джаван с Гискардом втащили внутрь неспособных сопротивляться пленников.

Джесс сидел на корточках посреди комнаты и мелом набрасывал восьмиугольник на каменных плитах посреди центрального квадрата. Самую большую плиту уже вытащили и прислонили к стене, чтобы открыть доступ к земле, которой были засыпаны изнутри все перекрытия. Он поднялся навстречу королю, отряхивая ладони, и Джаван направился прямиком к нему, сразу протянув руку, чтобы установить мысленный контакт и не тратить времени на устные объяснения.

— Серафин и Лиор, — коротко пояснил он, вначале ткнув подбородком в монахов. — Они выбрали неудачное время, чтобы посетить отца Фаэлана. У меня не было другого выхода, пришлось привести их сюда. Но, может, это и к лучшему. Фаэлан считает, что они могут быть знакомы с новым Дерини Полина.

Более исчерпывающую информацию Джесс получил из сознания Джавана за считанные секунды. Затем немигающим взглядом уставился на погруженного в транс Серафина, которого охранял Гискард.

— Я ими займусь после того, как мы установим Портал, — холодно произнес он, не тратя времени на околичности. — А пока мы их просто используем. Будь я столь же бессовестным человеком, как они, то с огромным наслаждением забрал бы у них всю энергию подчистую. Но, увы, я не таков. И придется просто довольствоваться тем, что на сегодня их сила послужит тем людям, против кого они обычно ее направляют.

Он окинул взглядом всех присутствующих в комнате. Те молча ожидали его указаний.

— Ладно, нам придется перераспределить роли, поскольку теперь участников оказалось на двоих больше, — сказал он. — Карлан, ты будешь стоять на часах вместе с Гискардом. Но оба будьте готовы придти мне на помощь, если понадобится. Этьен, вы возьмете на себя Серафина. Ориэль, тебе достанется Лиор. Отец Фаэлан, вам предстоит работать с его высочеством, поскольку с ним вы лучше всего знакомы. Можете начинать устанавливать связь, а я пока завершу все необходимые приготовления. После этого можно начинать.

Чтобы не тревожить Фаэлана понапрасну, Джаван поспешно установил контроль над его разумом и увлек к оконной нише, где усадил на стул и немедленно погрузил в глубокий транс. Поскольку это заняло все его внимание, то он почти не видел, чем был занят Джесс в это время. Когда же он смог наконец поднять глаза, то увидел уже результат трудов молодого Дерини.

Прежде всего, тот мелом очертил большой восьмиугольник. Фигура еще не была завершена, поскольку Джесс не провел северную грань, и мел лежал в северо-западном углу. Толстые желтые свечи были установлены по всем углам восьмигранника, но их еще не зажигали. Комната была освещена единственной свечой, стоявшей на каминной полке.

Чтобы этот свет никто не заметил снаружи, окно завесили тяжелым плащом, а другим плащом, как следует свернув его, подоткнули дверь, чтобы свет не просочился в коридор. Гискард с Карланом исчезли, по всей вероятности, заняли сторожевые посты в библиотеке и где-нибудь в коридоре на подходах к лестнице, чтобы вовремя задержать нежеланных гостей. Что касается беспомощных Серафина и Лиора, то они сидели на полу по обеим сторонам оконной ниши, свесив головы на грудь и совершенно не осознавая происходящего.

Посреди комнаты Джесс склонился над набором странных черных и белых кубиков, и в этот момент он отделял их одни от других и из белых выстраивал подобие квадрата. Черные он установил по углам белого квадрата, а затем чуть отклонился, чтобы взглянуть на дело своих рук.

Джаван медленно поднялся на ноги, и откуда-то из глубин памяти всплыло понимание того, что сей-

час делал Джесс. Ему никогда не доводилось видеть этого своими глазами, однако в наследии Халдейнов хранилось множество самых разнообразных познаний, и теперь часть из них могла ему пригодиться. Джесс указательным пальцем коснулся каждого из белых кубиков, составлявших квадрат, и негромко произнес их имена. Джаван не слышал его голоса, однако память подсказала ему: *Prime, Seconde, Tierce, Quarte.*

Когда Джесс завершил эту часть обряда, четыре кубика загорелись мягким светом, чистейшего молочно-белого оттенка. Джаван не мог отвести от него восхищенного взгляда. Джесс, глубоко вздохнув, повторил свои действия для четырех черных кубиков, вновь шепотом называя их имена, которые Джаван, даже не слыша их, мог бы повторить вслед за ним: *Quinte, Sixte, Septime, Octave.*

Едва лишь Джесс называл следующий кубик, как тот принимался сверкать иссиня-черным светом. У Джавана перехватило дыхание, когда Джесс взглянул прямо на него, послав ему в безмолвье вопрос, затем кивком велел подойти поближе.

— Вы же никогда не видели, как устанавливается защита, верно? — шепотом спросил он, когда Джаван опустился на колени рядом с ним. — И все же вы знаете, что сейчас происходит.

— Знаю... и не знаю одновременно, — отозвался Джаван. — Слова приходят сами, когда ты называешь кубики, но я никогда прежде не подозревал, что мне это известно.

— Не нужно ничего объяснять, — Джесс взял в руки белый кубик в верхнем левом углу квадрата и переставил его на черный по диагонали. — Джорем рассказывал мне о силе Халдейнов. — Посмотрите, как я

завершаю ритуал. Если хотите, можете повторять вслед за мной. Вам нужно как следует осознать все происходящее, нельзя оставлять это где-то в глубине вашей памяти.

Глубоко вздохнув, Джесс вновь устремил взгляд на соединенные черные и белые кубики. Когда он прошептал первый *cognomen*, Джаван помимо собственной воли повторил вслед за ним:

— *Primus.*

Едва лишь кубики соприкоснулись, как черный словно подскочил вверх навстречу белому, и они соединились с ощутимым щелчком, сливаясь в единую серовато-черную структуру. Джесс, с улыбкой взглянув на Джавана, взял в руки следующий белый кубик и поднес его к черному.

— *Secundus*, — прошептали они с Джаваном почти хором, и все повторилось.

Tertius и *Quartus* последовали за ними. Когда Джесс закончил, он велел Джавану установить сдвоенные кубики в четырех углах восьмигранника снаружи фигуры, и в то же время подозвал к себе Ориэля с Этьеном.

— Ну вот, обычно полагается стоять, но думаю, что сегодня мы все останемся сидеть, поскольку никто из вас этого прежде не делал. Нам ни к чему, чтобы кто-то свалился с ног, если я заберу у него слишком много энергии. Так что садитесь, скрестив ноги, вот здесь, посередине. — С этими словами он указал Джавану на место справа от себя, Ориэлю слева, а Этьену — напротив. — Оставайтесь внутри восьмиугольника, но старайтесь не касаться центрального квадрата. Именно там мы будем фокусировать энергию. Но сейчас просто сядьте, расслабьтесь, и закрепите связь со своим помощником.

Сам Джесс сидел спиной к недорисованной грани восьмиугольника, и когда все наконец устроились на своих местах, обернулся и провел мелом недостающую грань. Джаван ненадолго зажмурился, мысленно возобновляя контакт с отцом Фаэланом, который по-прежнему был погружен в глубокий транс, а затем вновь открыл глаза. Джесс поднял руку, и указал по очереди на крохотные башенки защиты, взывая к ним по именам:

— *Primus, Secundus, Tertius, et Quartus, fiat lux!*

И *стал* свет. Он вспыхнул, точно сверкающий полог, источаемый четырьмя угловыми башенками. Ориэль и Этьен ничуть не удивились, ибо, скорее всего, были свидетелями подобному обряду множество раз в прошлом, однако для Джавана все это было внове, хотя восстающие из глубин памяти воспоминания и пытались уверить его, что все происходящее было совершенно обычным и неудивительным. Не совсем обычным было, однако что после этого Джесс провел рукой над ближайшей к нему свечой, чтобы ее зажечь, и попросил Этьена сделать то же самое.

— Мастер Ориэль, вас я включу в свою цепь первым, — сказал он, и положил левую руку ладонью вверх на колено, приглашая Ориэля замкнуть контакт. Голос его неожиданно сделался более властным, и в нем зазвучали нотки той же сдержанной мощи, что он проявил, говоря о двоих пленных монахах. Теперь перед ними уже был не этот добродушный юный рыцарь, которого знал Джаван прежде, но маг-адепт, невозмутимо творящий свое колдовство.

Ориэль положил правую руку на ладонь Джесса и закрыл глаза, с силой втянул в себя воздух, а затем медленно выдохнул. Джаван, как зачарованный, на-

блюдал за постепенно расслабляющимся лицом Целителя, отмечая признаки вхождения в транс. За спиной у Ориэля монахи *Custodes* по-прежнему сидели неподвижно, но Джаван знал, что отец Лиор уже вовлечен в общую цепь. Джаван чувствовал это, ибо в воздухе стало ощущаться напряжение, как перед грозой. Центром его был Джесс, и сейчас он невозмутимо переключил свое внимание на Этьена.

— Этьен, — окликнул он негромко, и протянул правую руку.

Глубоко вздохнув, рыцарь потянулся к нему и вложил свою ладонь в его, затем закрыл глаза и с шумом выдохнул.

Джаван теперь почти мог видеть возникшую между ними связь и ощущал силовые потоки, текущие сквозь каждого участника ритуала в виде ослепительных нитей сине-белого света, сосредоточившихся в руках Джесса. Тот на мгновение склонил голову, по-видимому, закрепляя контроль, затем сомкнул руки Этьена и Ориэля, а сам повернулся к Джавану. На мгновение тому показалось, будто в свете свечей и защиты круга над головой Джесса вспыхнул белый ореол.

— Вы понимаете, что происходит? — спросил тот негромко и протянул королю правую руку. — Если хотите, я позволю вам остаться в сознании, насколько у меня хватит сил, чтобы вы могли прочувствовать, как я это делаю.

Сосредоточившись, и не отводя взгляда от Джесса, Джаван протянул ему правую руку и кивнул.

— Да, это было бы здорово, — сказал он. — Но только не перенапрягайся ради меня. Я ничего не боюсь.

— Знаю, — Джесс чуть заметно улыбнулся. — Да бояться и нечего. А теперь можете закрыть глаза, все равно ничего интересного не увидите.

Джаван повиновался, опустил свои защиты и почувствовал, как Джесс осторожно и бережно берет под контроль его сознание, одновременно проверяя связь со спящим Фаэланом и подтягивая к себе поток их соединенной энергии. Теперь все три силовые линии были объединены воедино. Затем Джесс принялся сплетать силовые потоки. Джаван знал, что, конечно, это мало похоже на то, как заплетает косу женщина, однако именно это сравнение пришло ему на ум, когда он наблюдал за Дерини. Тот сперва потянул за цепь, связывающую его с Джаваном, потом как будто переплел его энергию с энергией Ориэля и Этьена.

Через несколько мгновений Джаван уже ощущал движущийся поток через позвоночник и от самых кончиков пальцев. Давление нарастало, и ему начало казаться, будто некая сила выворачивает его наизнанку... Ощущение тревожное, но не то чтобы уж совсем неприятное. Однако давление нарастало, и теперь он словно весь превратился в сгусток энергии, которую Джесс вплетал теперь в сложнейшую фигуру. Постепенно смысл действий Дерини стал ясен Джавану. Тот словно обвивал своей магией центральный квадрат, там, где из пола вытащили каменную плиту. В какой-то миг он ощутил, что сейчас настанет время последнего удара, когда Джесс сосредоточил узел мощи, символически представленный четырьмя соединенными ладонями.

Он высвободил энергию вспышкой ослепительного света, который Джаван ощутил даже сквозь сомкнутые веки. Напор силы был так велик, что на

время оглушил его и лишил способности ощущать что бы то ни было. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что повалился набок, и полулежит, опираясь на правое колено Джесса, но по-прежнему цепляется за его руку. Джесс, высвободив ладонь, убрал защиту восьмиугольника, велел Ориэлю погасить свечи; к этому времени Джаван достаточно пришел в себя, чтобы на подгибающихся ногах вернуться к отцу Фаэлану. Теперь, когда горела всего одна свеча, а не девять, комната казалась погруженной во тьму, но постепенно глаза приспособились к полумраку, и Джаван склонился над священником. Ориэль с Этьеном также занялись монахами, а Джесс поднялся, пристально глядя на центральный квадрат.

— Ну, что, получилось? — тревожным шепотом спросил его Джаван, едва лишь убедился, что с Фаэланом все в порядке. Но Джесс внезапно исчез прямо у Джавана на глазах. У Ориэля вырвался вздох облегчения, а Этьен двинулся к дверям, чтобы позвать своего сына и Карлана.

Глава 20

Ибо вкрались некоторые люди...[1]

Следующие пять минут Джавану было очень нелегко уследить за происходящим в комнате, поскольку здесь одновременно творилось слишком много всего. Через новый Портал появились Джорем с Ниелланом и тут же бросились к пленным *Custodes*. Джесс, как видно, успел посвятить их во все детали происшедшего, и те, не теряя времени, принялись копаться в сознании священников. Одновременно Джесс отвел в сторону Ориэля, чтобы поработать над его внутренними защитами, которые должны были уберечь того от нового Дерини, работавшего на Полина. Кроме того, он хотел установить в сознании Целителя особые преграды, которые помешали бы тому воспользоваться новым Порталом без дозволения. Карлан с Гискардом занялись уборкой. Первым делом они установили на место центральную плиту, а затем принялись уничтожать все признаки того, что ночью в этой комнате происходило что-то необычное. Этьен стоял на страже у дверей. Джаван пока неподвижно сидел в оконной нише рядом с бесчувственным отцом Фаэланом, в ожидании того, что уготовили для него союзники.

---

[1] Иуда 1:3

Минут через десять к ним подошел Джорем, дружески кивнул начавшему приходить в себя Фаэлану и сел рядом с ними. Он не представился, однако на нем была простая черная ряса, типичная для священника. Пусть Фаэлан сам сделает из этого вывод... Хотя едва ли тот мог усомниться, что большинство присутствующих в комнате — Дерини.

— Вы отважный человек, отче, — негромко сказал ему Джорем. — Если вас это хоть немного успокоит, то скажу, что ваши собратья *Custodes* изначально даже не подозревали, что вы замешаны в какую-то интригу. То, что они сотворили с вами, они сделали бы с любым, кого его высочество вздумал бы пригласить к себе на службу. Они не увидели в вас ничего особого, и надеюсь, не увидят и впредь... Хотя, боюсь, что этот новый Дерини по-прежнему будет приглядывать за вами.

— Так вы выяснили, кто он такой? — спросил Джаван.

Фаэлан, растерянно моргая, по-прежнему хранил молчание. Джорем склонил голову.

— Кое-что мы о нем узнали, — отозвался он. — Но не стоит сообщать отцу Фаэлану те сведения, которые позднее могут быть для него слишком опасны. — Он поймал и удержал взгляд Фаэлана. — Простите, если я буду резковат с вами, отче, но я должен попросить вас подойти к Джессу с Ориэлем. Они сделают все необходимое. Надеюсь, что когда-нибудь я смогу объяснить вам, что именно мы делаем и почему. Но сейчас я вынужден просить вас просто довериться нам, ибо все наши действия служат лишь защите короля и всего Гвиннеда. Ступайте.

Фаэлан повиновался беспрекословно и сперва подошел к Джессу, который быстро оценил его состоя-

ние, а затем уже Ориэль занялся им более плотно под наблюдением Джесса, поскольку именно Целителю в будущем предстояло иметь дело со священником. Двое в нише некоторое время молча наблюдали за ними, но затем Джорем перевел взор на короля.

— Не тревожьтесь за Фаэлана, — произнес священник негромко. — Он храбрый человек, и с ним все будет в порядке.

— Я знаю, — отозвался Джаван. — Так что вы обнаружили насчет этого Дерини *Custodes*?

— Не так много, как хотелось бы, — откровенно признался Джорем. — Хотя Ниеллан продолжает поиски. Похоже, Полин не слишком-то откровенен со своими дружками... Впрочем, это неудивительно в столь закрытой автократической структуре, как орден *Custodes*. Этим двоим известно лишь имя нашего Дерини — Димитрий, или мастер Димитрий. Его родового имени они не знают, и мы не можем с уверенностью судить, так ли его зовут на самом деле.

Мысленно он передал Джавану образ этого человека: темные глаза, аккуратно подстриженные бородка и усы, темно-русые, тронутые сединой волосы острижены кружком, а в правом ухе красуется тонкое золотое колечко. На нем была туника с высоким воротом, застегивающаяся на плече подобно сутане, однако это не было облачением священника, поскольку на вороте, на плечах и на рукавах она была богато расшита тяжелым шелковым шнуром. Узор был незнаком Джавану, но ему почудилось в нем что-то чужеземное, возможно, восточное. Почему-то Джавана это неприятно поразило.

— Вид у него очень... самоуверенный, — сказал он Джорему, убедившись, что как следует уложил в па-

мяти внешность этого Дерини. — Как вы думаете, он сильный маг?

Джорем пожал плечами.

— Трудно сказать. Нам точно известно, что он может вызывать чары истины, и кроме того он довольно глубоко копался в сознании у Фаэлана. Также Лиор несколько раз был свидетелем того, как он насильно считывает чужие мысли, и в одном случае, вероятно, даже свел человека с ума своим вмешательством. Этого Лиор не знает наверняка, однако, судя по результатам, наше с Ниелланом предположение именно таково. Кроме того, в распоряжении этого Димитрия множество самых различных снадобий, которые способны облегчить ему работу, будь то с людьми или с Дерини. Именно он придумал дать Фаэлану мерашу — скорее, чтоб напугать его, чем действительно из необходимости, хотя, конечно, любые успокоительные средства снижают сопротивление сознания. Но, увы, поскольку мы получаем информацию из вторых рук, через Лиора и Серафина, нам трудно судить, на самом ли деле он очень искусный адепт или просто хорошо обученный дознаватель. Тем не менее, каковы бы ни были его способности, он работает за деньги. Его никто не принуждает к сотрудничеству.

— Так он наемник? — с презрением воскликнул Джаван. — Он просто продает своих же!

— Что тревожит меня куда сильнее, — возразил Джорем, — так это то, что вполне возможно, он продает не *своих*.

— Что вы имеете в виду?

— А вот что. Вы, несомненно, обратили внимание на его одежду. В ней есть что-то иноземное. Предположим, ему платит и кто-то еще, помимо По-

лина. К примеру, на Востоке, возможно даже в Торенте. Полин всего лишь человек. От него не так уж сложно это скрыть.

Джаван ощутил подступающую дурноту и с трудом подавил свой страх.

— Господи Иисусе, — пробормотал он. — Вы хотите сказать, что Торент мог подослать шпиона-Дерини к *Custodes Fidei*?

— Вполне возможно. Кроме того, Полин отдал приказ Лиору с Серафином никому не рассказывать о Димитрии... И вполне возможно, изначально такова была воля самого этого Димитрия. Я даже допускаю, что о нем ничего не известно и Хьюберту. Можете попробовать выяснить это, если получится. И если архиепископ не в курсе, то это верный признак того, что кто-то ведет двойную игру... Либо Полин затевает какие-то интриги, либо Димитрий, который и сам лишь пешка в гораздо более опасной игре.

У Джавана закружилась голова, и он уставился в сторону. Его положение воистину было невероятно сложным. Мало того, что ему лично угрожала опасность от собственных сановников, так еще следовало считаться с вмешательством Торента во внутренние дела Гвиннеда. Он всегда помнил, что там скрывается самозванец из рода Фестилов, заявляющий свои права на его трон. Он был почти одного возраста с Джаваном, и сейчас просто выжидал удобного момента, чтобы наконец скопить силы и начать завоевание наследия, утраченного его предками.

— Так вы считаете, что этого Димитрия заслали торентцы?

— Полагаю, мы не можем исключить эту возможность, — отозвался Джорем. — Но, кому бы он ни служил в конечном итоге, ясно одно, что он работа-

ет не на вас. Иначе он не поручил бы вашему исповеднику шпионить за вами. И даже если эта игра куда проще, чем мы опасаемся, и это просто некий Дерини на службе у Полина, единственной задачей которого является помешать вам вернуть Дерини ко двору и отменить действующие против них законы... все равно, он остается проблемой, которую рано или поздно нам придется решать. Это будет непросто, ведь вы не можете никому рассказать, откуда узнали о его существовании. Самое простое, конечно, было бы попытаться убить его прежде, чем он успеет предупредить кого бы то ни было, но я прекрасно осознаю, что этот план совершенно нереален. Это значит, что придется придумывать более сложную ловушку и задействовать для этого Ориэля... Или, возможно, Ситрика, но это еще опаснее, потому что тот ничего не знает о наших делах и может не пожелать принимать на себя этот риск...

Джорем не успел договорить, ибо Серафин внезапно дернулся, и Ниеллан вскочил на ноги и бросился к ним, а Джесс с Ориэлем испуганно склонились над погруженным в транс монахом. К ним присоединился Гискард, и вид у него также был весьма встревоженный. Отец Лиор по-прежнему сидел рядом, привалившись спиной к стене и склонив голову на грудь, а отец Фаэлан находился на другом конце комнаты. Карлан, тем временем, занял пост у дверей.

— Джорем, взгляни-ка еще раз на брата Серафина! — воскликнул Ниеллан. — Похоже, этот Димитрий куда умнее, чем мы думали. Мы только что обнаружили у него в сознании ловушку, которую Гискард, должно быть, неосторожно задел, когда взял под контроль его сознание... Гискард ни в чем не ви-

новат, но Димитрий теперь наверняка узнает, что с его марионеткой произошло что-то неладное. Ему будет очень легко во всем разобраться, едва лишь он сам прочтет его воспоминания. Ловушка была очень глубоко. Мы ее едва не пропустили.

Джорем вполголоса выругался и, поднявшись на ноги, поспешил к Серафину. Испуганный Джаван последовал за ним, ибо, похоже, сбывались худшие их опасения. Гискард избегал встречаться с кем-либо взглядом. Джесс и Ориэль оба были погружены в глубокий транс, считывая воспоминания монаха, и Джорем подождал, пока они закончат, прежде чем сам вошел в сознание Серафина. Когда он вышел наконец из транса, вид у него был еще более сумрачный. Он окинул взглядом своих товарищей... хотя на Джавана даже не посмотрел.

— Ну ладно, — спокойно произнес он. — Что будем делать?

Ниеллан удрученно вздохнул и сел на пятки.

— Благодаря стараниям Димитрия, боюсь, что у брата Серафина остался лишь один путь. Ловушка была отменная... Теперь нет сомнений, что Димитрий и впрямь не просто опытный дознаватель, а искусный адепт. Гискард во всем винит себя, но он же не мог заранее знать. Никто из нас не сумел бы вовремя выскользнуть из разума этого монаха и не задеть ловушку.

— А что насчет Лиора? — встревоженно спросил Джаван... ведь этого монаха вывел из строя именно он.

— По счастью, с ним, похоже, все чисто, — ответил Ниеллан. — Когда мы уже знали, что искать, то проверили еще раз, чтобы убедиться. Но что касается Серафина... конечно, нам удалось замутить воспо-

минания, и Димитрий едва ли сможет определить, что именно с ним произошло, и кто это сделал. Однако полностью уничтожить следы вмешательства невозможно.

— А вмешаться в сознание мог только другой Дерини... И это делает Ориэля первым из подозреваемых, как только Димитрий обо всем узнает, — продолжил Ниеллан. — А значит, он неминуемо задастся вопросом, нет ли и других Дерини в свите короля...

— Можешь не продолжать, и без того ясно, что следует делать, — промолвил Джорем и повернулся к побледневшему, как полотно, Ориэлю. — Ориэль, успокойся, мы будем защищать и тебя, и твою семью, но ты должен сначала нам помочь. Как Целитель, можешь ли ты высказаться, каково состояние здоровья Серафина. Есть ли у него какие-то проблемы, которые можно усилить?

У Ориэля был такой вид, словно ему вот-вот станет дурно.

— Вы что, убьете его? — прошептал он. — Пожалуйста, не требуйте, чтоб я участвовал в этом. Они заставляли меня убивать для них. Но я не могу делать то же самое для вас!

— Это не убийство, это казнь, — мягко возразил Джорем. — И даже внешне это не должно выглядеть таковым... А значит, к несчастью, исключается добрый удар кинжалом, который предпочел бы Гискард.

Поморщившись, молодой рыцарь отвернулся. Как видно, он все еще винил себя в происшедшем, хотя для этого не было никаких причин.

— Ориэль, тебя никто не просит его убивать, — продолжил Джорем. — Если ты считаешь, что именно это преступление — что он пал жертвой интриг Димитрия — не заслуживает смертного приговора,

то вспомни, что он в ответе за множество иных преступлений, помимо того, что он сотворил с Фаэланом. Просто ответь мне на один вопрос: если у него сердце остановится во сне — удивило бы тебя это как Целителя или нет? И даже, скажем еще точнее — заподозрит ли неладное обычный лекарь?

Пока Ориэль размышлял над этим вопросом, Джаван заставил себя отречься от глупых сомнений, ибо Джорем был совершенно прав. И все равно ему было жаль Ориэля... И даже жаль этого несчастного Серафина. Целитель, весь дрожа, коснулся лба монаха и с трудом сглотнул, прежде чем начать исследование.

— Иногда, если он очень разозлится, у него начинает кружиться голова, — промолвил он наконец, запинаясь. — У него... кровь густая, и... ему часто отворяют вены, именно поэтому ему и пришла мысль... использовать кровопускание как угрозу, как средство контроля над членами ордена, даже как пытку... Как это сделали с отцом Фаэланом.

С содроганием прервав контакт, он взглянул на спящего священника — и Джавана также пробрал озноб, ибо он вспомнил, что и сам пережил подобное надругательство. Но сейчас речь шла не о мести, и даже не о воздаянии, а просто о выживании. Джаван прекрасно сознавал, что если Димитрий, проникнув в сознание Серафина, узнает обо всем, то большинство из тех, кто находился сейчас в этой комнате, умрут мучительной смертью.

— Ориэль, не имеет никакого значения, что он натворил и почему, — внезапно неожиданно для самого себя произнес он вслух. — Ты ведь убиваешь бешеного пса не за то, что он кого-то укусил. Ты его убиваешь, чтобы он никого не укусил впредь. Нет

сомнений, что нам надлежит делать. И если уж это неизбежно, то лучше, чтобы смерть была быстрой и очень скорой, и не поставила под угрозу никого из нас. Мне все это не нравится точно так же, как и остальным. Но я принимаю как данность необходимость сего деяния... Точно так же как принимаю конечную ответственность за него, ибо это часть королевского долга. И потому я повторю вопрос Джорема: удивит ли кого-нибудь, если у Серафина случится сердечный приступ?

Он застал их врасплох, это было ясно. Джорем-то уж точно ожидал, что он растеряется, и хотел избавить его от необходимости принимать участие в грядущих событиях. В ожидании ответа Ориэля он ощущал на себе их взгляды — взвешивающие, оценивающие, но в глубине души сознавал, что искренне верит во все сказанное, и впервые за все время со дня возвращения в Ремут он подумал, что действительно чувствует себя королем и имеет хоть какую-то власть над событиями.

Ощущение это длилось всего пару ударов сердца, затем события вновь принялись стремительно сменять друг друга, ибо Ориэль снова подал голос:

— Нет, никто не заподозрит неладного.

— Вот и славно, — отозвался Джесс, словно ничего необычного не произошло. — Он остановился во дворце архиепископа, вместе с прочими высокопоставленными *Custodes*. Я как раз одет для улицы, так что просто пойду следом и разделаюсь с ним, когда он заснет. — Он стиснул кулак и встряхнул им. — Быстро, чисто, без всяких следов. Он просто не проснется. И никто даже не заметит присутствия постороннего. Наверняка за две ночи до коронации во дворце полно посторонних.

— Но если тебя все же обнаружат, то ты покойник, — возразил Джорем. — Мы не можем так рисковать. Нет, мысль правильная, но лучше пусть все случится по дороге. Я думаю, что лучше тебе проводить наших братьев *Custodes* до ворот замка, а там уже несчастный брат Серафин внезапно лишится чувств от жары и переутомления... и уже никогда не поднимется.

— Только это сделает не Джесс, а я, — внезапно подал голос Гискард. — Джесс и без того трудился всю ночь напролет. У него силы на исходе. Это мой долг, Джорем. По моей вине все это произошло.

Ниеллан положил руку ему на плечо и покачал головой.

— Гискард, не вини себя понапрасну. Нет нужды искупать несуществующий грех... Однако я согласен, что с Джесса на сегодня довольно. И кроме того, он очень плохо знает дворец и окрестности, а тебе здесь известны все входы и выходы, и твое присутствие ни у кого не вызовет подозрений. Что скажешь, Джорем?

Джорем надолго задумался, пытаясь отыскать скрытые недостатки плана, но всем было ясно, что ничего лучше им все равно не придумать. Джаван знал, какое заклинание собирается использовать Гискард. Против него у Серафина не будет никаких шансов. На миг он почувствовал жалость к монаху... но тут же вспомнил все деяния, за которые тому надлежит держать ответ, и пытки отца Фаэлана были еще в числе не самых ужасных...

— Ну что ж, пожалуй, я готов согласиться, — через несколько мгновений произнес Джорем. — И правда, Гискард лучше подходит для этой цели. Джесс, возвращайся в убежище. Ты достаточно сделал на се-

годня. Мы с Ниелланом последует за тобой, когда все приберем здесь.

Никто не стал с ним спорить. Джесс, кивнув, встал на ноги, хлопнул Гискарда по плечу. Джорем негромко предложил:

— Ну что ж, давайте поднимем его на ноги.

Без промедления они с Ниелланом помогли подняться брату Серафину, а Джаван с Ориэлем молча наблюдали за ним. Затем подняли на ноги также Лиора, и они с Серафином с закрытыми глазами встали рядом с Гискардом. Подумав немного, Джорем подвел к ним также отца Фаэлана и попросил Этьена позаботиться о священнике. Наконец, дверь в коридор распахнулась, и Гискард вышел наружу с обоими пленниками.

— Полагаю, что касается ложных воспоминаний, то внуши, будто Серафин с Лиором после короткого и вполне безобидного разговора с Фаэланом покинули его покои, — предложил Джорем Гискарду. — Будь осторожен... и пусть Господь смилуется над его душой.

Он начертал крест над головой Серафина, и Гискард повел прочь обоих монахов. Крестное знамение одновременно было для несчастного и смертным приговором... Этьен вместе с Фаэланом последовали за ними, а Карлан остался на страже. Джорем закрыл дверь и довольно долго стоял неподвижно, касаясь рукой засова, упираясь лбом в притолоку, затем наконец обернулся и усталым взглядом обвел комнату.

Джесс исчез. Ниеллан отвел Ориэля в оконную нишу и там о чем-то говорил с ним проникновенным тоном, приобняв Целителя за плечи. Джаван,

стоявший поблизости от Портала, встретился взглядом с Джоремом.

— Джорем, мы должны уничтожить этого Димитрия, — произнес король ровным голосом. — Сейчас мне совершенно безразлично, платит ему Торент или нет. Я хочу, чтобы он исчез. И обставить это таким образом, чтобы Полин больше никогда не рискнул повторить ничего подобного. Более того, если бы удалось разделаться и с самим Полином, это было бы только к лучшему. Я хочу уничтожить весь орден *Custodes*, но пока готов согласиться и просто на нового верховного настоятеля. Убежден, что орден долго не продержится в своем нынешнем виде, как только Полин сойдет со сцены.

Джорем нахмурился.

— Вы отдаете себе отчет, сколько прольется крови? Ведь мы говорим об убийстве.

— Нет, это не убийство, — возразил Джаван, сам поражаясь своему хладнокровию. — Так охотники убивают волков, или крестьяне — вредителей на полях. Кроме того, разве есть у нас иной выход?

— Нет, — подтвердил Джорем. — Однако все это будет не так просто. Мы уже говорили о том, насколько сложно будет разделаться с Димитрием так, чтобы никто не узнал, откуда вам стало известно о его существовании. Нужно подготовить умелую ловушку, и мы должны быть очень осторожны.

— Тогда необходимо начать думать над этим как можно скорее, — отозвался Джаван. — Конечно, я не жду, что что-то решится в одночасье, и уж тем более ни к чему сейчас новые проблемы прежде, чем коронация успешно завершится. Но и тянуть также нельзя. Этот Димитрий опасен, на кого бы он ни работал. А Полин опасен вдвойне, ибо использует рели-

гию для достижения собственных целей. Мы должны их остановить.

— Для начала я попробую раздобыть еще кое-какие сведения, — предложил Джорем. — Сперва посмотрим, не вызовет ли подозрений смерть Серафина. Скорее всего, нет, но время не самое подходящее, учитывая, что Фаэлан всего неделю как прибыл ко двору. Впрочем, надеюсь, что никто не догадается связать эти два события, ведь ближайшие дни обещают быть очень напряженными. Для всех нас жизненно важно, чтобы коронация прошла без всяких помех.

— Да, с этим не поспоришь, — согласился Джаван. — Кстати, рассказал ли вам Джесс, почему мы задержались, если не считать наших друзей *Custodes*.

— Да, проблемы с Райсом-Майклом, насколько я понял. Неизвестно откуда возникшие защиты и влюбленность в прелестную Микаэлу, — ответил Джорем. — Похоже, кто-то решил, что вам слишком легко живется и решил добавить трудностей.

Не удержавшись, Джаван иронически хмыкнул.

— Положено говорить, что пути Господни неисповедимы, но если честно, я был бы куда счастливее, если бы мог проникнуть в Его замыслы. Впрочем, защиты Райса-Майкла не так уж меня и удивили. Может быть, странно, что они появились именно сейчас, но с ним нет Тависа, который мог бы объяснить ему, что происходит, а я уж точно не собираюсь ничего ему рассказывать. О женитьбе также не может пока идти речи... ни для кого из нас. Возможно, мне даже придется либо ее, либо его отослать прочь из столицы, пока не поутихнут страсти.

— Я бы также проверил, нет ли кого-нибудь, кто подстегивает эту великую любовь, — предложил Джо-

рем. — Вполне возможно, что он сам додумался до этой глупости, но не исключено и влияние бывших регентов. Однако сейчас давайте посмотрим, чем увенчались ваши ночные труды. Я хочу убедиться, что вы способны сами использовать Портал. А потом нам с Ниелланом нужно будет уйти.

Джаван кивнул и присел на корточки рядом с Порталом, пытаясь на время вытеснить все прочие тревоги из своего сознания. Он плашмя положил ладони на каменную плиту, чувствуя на себе внимательный взгляд Джорема. Чисто внешне, если не считать пока еще влажноватого раствора, которым по новой укрепили пол, и следа вытертой меловой черты, не осталось никаких признаков присутствия посторонних в этой комнате. Однако это лишь на взгляд обычного человека. А магическим внутренним взором Джаван видел совсем иное. Центральный камень явно излучал силу... хотя лишь Дерини способен был ощутить ее. Джаван чувствовал покалывание в ладонях, и даже прикрыл глаза, чтобы полнее ощутить его... хотя поскольку он участвовал в создании Портала, то никогда не спутал бы его ни с каким иным местом на земле. Пару мгновений он помедлил, чтобы знание это впиталось в его память, затем с довольным вздохом медленно поднялся на ноги.

— Я вполне способен им пользоваться, — сказал он Джорему.

— Отлично. Тогда почему бы вам не продемонстрировать мне это и не перенести меня обратно в убежище на пару минут, — предложил Джорем и ступил на квадрат Портала. — Ниеллан останется пока с Ориэлем.

Джаван сперва онемел от изумления, ибо священник-михайлинец никогда прежде не предлагал ему ничего подобного. В прошлом он всегда первым брал на себя инициативу. Джаван и вообразить не мог, что этот человек, всегда такой уравновешенный, компетентный, чуть отстраненный, даст ему власть над своим рассудком. В какой-то мере это означало перемену в их отношениях, огромное доверие не только к способностям Джавана, но и к его здравому суждению и владению собой, ибо даже самый сильный Дерини делался беззащитен, когда полностью отдавал себя во власть другого при прыжке через Портал.

Стараясь ничем не выдать своих сомнений, Джаван уверенно стал рядом с Джоремом и взял того за запястье. Он не осмеливался взглянуть на священника, чтобы окончательно не смутиться, и потому просто наполнил легкие воздухом и закрыл глаза, концентрируясь, а затем робко потянулся к чужому рассудку. Он даже не знал, нужно ли ему мысленно разговаривать с Джоремом, как тот всегда разговаривал с ним.

Но Джорем уже погрузился в легкий транс и, ощутив прикосновение Джавана, мгновенно убрал защиты. Джаван лишь только пытался еще отыскать точки контроля, как Джорем уже сам указал их ему. При этом он оставался абсолютно пассивен, открыт для контакта, и совершенно покорен воле Джавана. С чувством благодарности, гордости и возможно даже любви, Джаван объял разум Джорема, на миг задержался на грани последнего шага, и принялся изгибать силовые потоки.

Прыжок оказался удачным. Может быть, лучший из всех, что удавались Джавану до сих пор. Джорем

также остался им очень доволен. И это чувство взаимной радости окутало их подобно покрову. С улыбкой Джорем открыл глаза, посмотрел на своего спутника, затем почти по-отцовски приобнял его за плечи, и они вышли вдвоем из Портала в михайлинском убежище.

Похоже, что даже настроение в этом месте у обоих значительно улучшилось...

— Превосходно, мой принц, — негромко объявил Джорем. — Вы прекрасно выучили все ваши уроки.

Джаван невесело усмехнулся и лишь теперь осмелился поднять глаза на Джорема. Он осознал, что священник говорил сейчас отнюдь не о прыжке через Портал.

— Вероятно, лишь сегодня я действительно повзрослел. Вы ведь об этом, да? — произнес он. — Я утратил невинность. Я приказал убить человека, а затем говорил и о других смертях. Я и не думал... но это...

— Вы сделали лишь то, что должны были сделать, мой принц, — спокойно возразил Джорем. — Вы — мой господин, и должны быть хозяином в своем доме, и властвовать над теми, кто служит вам. Вам ведома тяжесть и власть короны, которую вы вскоре наденете на себя. Когда вас коронуют в понедельник, вы станете королем, подобного которому уже не было многие поколения. Молю Господа, чтобы он даровал вам мудрость разумно распорядиться своей властью. Вам брошен вызов, но так же велика и награда, и для вас, и для всего Гвиннеда, если вы преуспеете.

Джаван при этих словах ощутил, что к глазам у него подступили слезы, но он не отвел взгляда от Джорема.

— Как бы я хотел, чтобы вы могли быть там, Джорем, и чтобы именно вы вручили мне корону, — сказал он чуть слышно. — Ведь это ваш отец короновал моего отца. Не в соборе, не прилюдно, но это значило куда больше, ибо именно благодаря ему отец смог одолеть Имре и заслужить свой престол. Я боюсь, что Хьюберт лишь осквернит этот священный обряд.

Джорем был явно потрясен, но ответил он именно так, как и ожидал Джаван:

— Вы же знаете, это неправда, мой принц. Несмотря на все свои человеческие недостатки, Хьюберт был рукоположен в сан, и потому он не может осквернить коронацию. Его грехи никоим образом не запятнают вашу корону и не преуменьшат значения самого обряда.

Джаван поежился и заметно погрустнел.

— Я все время стараюсь напоминать себе об этом, — отозвался он шепотом. — Ну что ж, придется перетерпеть, точно так же, как я терпел, принимая причастие из его рук и от священников *Custodes*, сознавая, что Святые Дары освящают также и тех, от кого исходят. И все равно мне жаль, что я получу корону не от вас... И что вас даже не будет при этом. Я боролся за престол, это правда, но лишь потому, что таков долг, и я для этого родился. Но по доброй воле я бы никогда не взвалил на себя такое бремя.

Джорем смотрел на него странным взглядом, так, как никогда прежде, и при этих словах он медленно опустил руки Джавану на плечи, пристально взглянул ему в глаза и тому показалось, будто сейчас рядом с ним стоит кто-то еще, старше по возрасту, более сильный, внушающий благоговение. Это присут-

ствие ощущалось почти физически, и Джаван едва удержался, чтобы не опуститься на колени.

— Джаван, я был там, когда мой отец возложил корону на голову вашего отца, — произнес Джорем ровным тоном так, словно бы внезапно погрузился в транс. — Я ощущаю сейчас его присутствие, и его желание, чтобы точно также вы приняли корону из моих рук... и из его. Хотите ли вы этого?

Джаван не имел понятия, что имеет в виду Джорем, но сейчас на священника снизошла некая новая сила, она наполнила его целиком и исходила из его рук, касавшихся плеч Джавана. Почти помимо воли тот преклонил колена у ног Джорема, уверенный, что точно также в свое время стоял его отец перед Камбером, и так же, скрестив руки на груди, в изумлении смотрел вверх.

Лицо Джорема внезапно изменилось. Оно по-прежнему было его собственным, но в то же время и каким-то чужим. Убрав руки с плеч Джавана, он на миг соединил их перед собой, склонив голову в молитве, затем поднял их и развел над головой Джавана, глядя куда-то вперед. Ни один из них не осмелился даже вздохнуть, и внезапно сам воздух замерцал и сгустился в подобие Державной Короны Гвиннеда, с ее узором из переплетенных листьев и крестов. Джаван благоговейно охнул, и Джорем осторожно объял руками призрачный образ, поднял его над головой, и голос, что сорвался с уст Джорема, тоже как будто не принадлежал ему.

— Джаван Джешен Уриен Халдейн, да продолжится твой древний род к великой радости твоего народа, — произнес Джорем и возложил на голову Джавана венец. — Да будет корона эта силой и мудростью твоей во веки веков и да дарует тебе всемогущий

Господь долгое и счастливое царствование, и пусть будет оно милосердным и справедливым для всего народа Гвиннеда.

Не сама корона, но лишь руки Джорема коснулись в тот миг затылка Джавана, однако тяжесть ее он ощутил совершенно реально, словно действительно то был золотой, украшенный самоцветами венец, и миг этот был столь же священным, как если бы Джаван преклонил колена в соборе. Джорем наклонился, и обнял его, но Джаван явственно ощущал и чье-то чужое присутствие в этот миг. Кто-то обнимал их обоих с яростным желанием защитить от всякого зла, и так велика была эта сила, что он пошатнулся под ее напором, ощущая слабое головокружение.

Затем с глубоким вздохом Джорем выпрямился и помог Джавану встать. Все прошло. Джаван отшатнулся, с трудом держась на ногах и опасаясь взглянуть в лицо Джорему, но, похоже, тот был изумлен не меньше его самого.

— Кто...

Джорем смущенно покачал головой.

— Мне показалось... как будто это был мой отец, — прошептал он. — И он появился... в ту ночь, когда мы пробудили в вас магию.

— А вы ничего мне не сказали, — с упреком прошептал Джаван.

— Тогда это показалось... неуместным, — промолвил Джорем, — а потом просто не было возможности. Вас тревожит то, что святой лично интересуется вашими делами? Если честно, то меня это беспокоит, а ведь он мой отец.

— Не знаю, — осторожно подбирая слова, сказал Джаван. — Мне нужно об этом подумать. — Он помолчал. — Джорем, это правда был святой Камбер?

Джорем смущенно и натянуто усмехнулся в ответ.

— О, да. Я могу сомневаться во многих вещах, но только не в этом. Однако теперь нам лучше возвращаться. Будем надеяться, вы ни с кем не столкнетесь по дороге в свои покои. После коронации нужно постараться устроить так, чтобы в комнате Портала поселился какой-нибудь достойный доверия человек. Возможно, кто-то из ваших рыцарей... И чтобы у вас был повод относительно часто навещать его, а мы в свою очередь могли бы брать под контроль его сознание.

— Думаю, я найду для этого подходящего человека, — кивнул Джаван.

— Тогда ступайте с Богом, мой принц.

Джавана не до конца удовлетворил ответ Джорема по поводу святого Камбера, но он понял, что с этим разговором придется подождать. Расправив плечи, он вновь шагнул в Портал и, не сводя взгляда с Джорема, приготовился к переходу.

Когда он открыл глаза, перед ним стоял Ниеллан. Карлан вместе с полусонным Ориэлем уже были у двери. Ему очень хотелось поведать Ниеллану обо всем, что сейчас произошло, ибо Ниеллан тоже присутствовал при прошлом появлении святого Камбера во время обряда передачи могущества Халдейнов, но сейчас, увы, для этого не было времени. Ниеллану приспела пора уходить, а Джавану нужно еще проводить Ориэля в его покои, а затем убедиться, что все в порядке и с остальными. Он постарался не думать об обреченном Серафине, который, возможно, уже отдал Богу душу.

— Я принял все необходимые меры предосторожности, мой принц, — негромко заметил Ниеллан,

указывая на Карлана с Ориэлем. Затем он шагнул в Портал. — Если вы им этого не прикажете, то они ничего не вспомнят о том, что видели сегодня. Да хранит вас Бог, ваше высочество.

— Благодарю, — шепотом отозвался Джаван.

Улыбнувшись, Ниеллан исчез, оставив Джавана с его друзьями. Ему удалось без проблем отвести Ориэля в его комнату, а затем они с Карланом спокойно вернулись в королевские апартаменты. Райс-Майкл, по счастью, спал мертвым сном и слегка похрапывал; от него сильно пахло вином. Затем Джаван отослал Карлана и тот лег на свое привычное место у двери.

Сразу после коронации Джаван намеревался разместить своих помощников в покоях по соседству, но сейчас он был рад, что не должен оставаться в одиночестве...

Хотя, конечно же, Карлан ничего не помнил о том, что должен сделать Гискард, и потому Джаван не в силах был разделить с ним свою тревогу.

Он не спешил отходить ко сну, однако даже к тому времени, когда он приготовил себе постель, Гискард так и не появился.

Всерьез уже начиная тревожиться, Джаван облачился в прохладную ночную рубаху и прошел в гостиную. Там он погасил все светильники, кроме единственной свечи на столике и, опустившись в кресло, принялся ждать. Наконец, еще через четверть часа, появился Гискард.

— Я здесь, — окликнул он рыцаря, когда тот закрыл и запер за собой дверь.

На миг Гискард напряженно застыл, затем пересек комнату и подошел к Джавану.

— Я надеялся, что вы не станете меня дожидаться, — произнес он негромко.

— Я должен был знать наверняка, — возразил Джаван. — Все кончено?

Гискард кивнул и устало опустился на стул, схватив руками колено.

— Поразительно, насколько просто убить человека, — пробормотал он после долгого молчания. — Это как-то... неправильно.

Джаван прикрыл глаза, затем поднялся и встал рядом с Гискардом.

— Порой мне совсем не нравится быть королем, — сказал он.

— А мне порой совсем не нравится то, что приходится делать на королевской службе, — отозвался Гискард. — И все-таки это было необходимо. Если вас это утешит, он ничего не почувствовал. Только легкий укол в самом начале.

— Да, полагаю, это хоть какое-то утешение, — промолвил Джаван. С тяжким вздохом он постарался выбросить все это из головы. — Ладно, ни к чему и дальше говорить об этом. Все кончено. Думаю, теперь мне стоит пойти и поспать. Да и тебе тоже. Скорее всего, завтра день выдастся нелегкий, так что не помешает свежая голова.

— Верно, да хранит Господь вашу милость, — пробормотал Гискард.

Джаван забрался в постель, стараясь не потревожить спящего Райса-Майкла, и подумал, что едва ли вообще заснет этой ночью.

Однако усталость накатила волной, даже прежде чем голова его успела коснуться подушки. За те считанные секунды перед тем, как сон унес его, он заставил себя не думать о монахах *Custodes*, которые,

возможно, именно сейчас уносят тело своего покойного собрата в базилику святой Хилари или во дворец архиепископа.

Вместо этого он постарался вспомнить, что произошло между ним и Джоремом, и совсем не удивился, что ночью в видениях ему явился святой Камбер — и своими руками возложил сверкающую корону ему на голову.

Глава 21

Если с детства воспитывать раба в неге, то впоследствии он захочет быть сыном[1]

Джаван надеялся, что утром удастся поспать подольше, ведь это был последний день перед коронацией, однако неожиданно пробудился вскоре после рассвета. Из окон лился ослепительный свет, и он зажмурился, пытаясь вновь вернуться в блаженные объятия сна, и одновременно изгоняя прочь мысли как об устройстве нового Портала, так и о своей вине в гибели человека. И то, и другое было необходимо для выживания. Не стоило тревожится о том, что невозможно изменить.

Смирившись таким образом, с худшей частью того, что мог бы принести нынешний день, он постарался подумать и о положительной стороне происходящего.

К примеру, сегодня, поскольку это было воскресенье и в полдень он должен был принимать кассанское посольство, он мог отдохнуть от жесткой утренней тренировки, которую установили для него Джейсон с Робером.

---

[1] Притчи 29:21

На самом деле, занятия несомненно приносили свои плоды, — давно он уже не чувствовал себя в такой отличной форме. За месяц напряженной работы у него значительно окрепли плечи и грудь, и даже мышцы на ногах, так что хромота его стала еще менее заметной. Кроме того, он с удивлением обнаружил, что вырос еще на добрую пядь, хотя, возможно, не только благодаря упражнениям, но и увеличившейся уверенности в себе.

Потянувшись, он внезапно наткнулся на Райса-Майкла, и Джавану пришлось наконец приоткрыть глаза, чтобы задумчиво взглянуть на спящего брата. Едва ли удивительно, что наследник Гвиннедской короны нынче утром выглядел довольно скверно, даже во сне. Мысленно прощупав его сознание, Джаван убедился, что по пробуждению Райса-Майкла ожидает чудовищное похмелье.

Хоть отчасти он и сам был виновен в этом несчастье брата, Джаван почти не чувствовал угрызений совести, и вместо того принялся размышлять, как лучше поступить с Райсом-Майклом... если не считать того, что нужно дать ему подольше поспать нынче утром. Вчера вечером он узнал много новых неприятных вещей о Райсе-Майкле Элистере Халдейне.

Речь, конечно, шла не о защитах — Джаван предполагал, что для наследника Халдейнов это совершенно естественная способность — он, вообще, не собирался ни о чем разговаривать с Райсом-Майклом прошлым вечером, и уж тем более не намеревался затрагивать столь деликатные темы. Еще менее он был готов выслушать откровения Карлана и Гискарда насчет того, что Райс-Майкл питает слабость к

спиртному. Иметь такого наследника Джавану было совсем не по душе.

Еще менее по душе ему пришлось намерение брата жениться, по крайней мере в ближайшем будущем. Вопрос со спиртным требовал серьезного надзора, хотя в ближайшее время, учитывая грядущие празднества, всегда сопутствующие коронации, тут едва ли что-нибудь можно будет поделать; но вот намерения Райса-Майкла относительно прелестной Микаэлы могли привести к катастрофе. Джаван никак не мог понять, неужели его брат не сознает, как опасно для них может быть появление других наследников.

Хотя, возможно, младший принц, любимчик регентов, просто не хотел поверить, что те готовы пойти даже на убийство, лишь бы вернуть себе утраченную власть и влияние. После коронации Джаван твердо вознамерился раскрыть младшему брату глаза на кое-какие неприятные факты реальной жизни.

Все эти размышления привели его не в самое веселое расположение духа, ибо, разумеется, ему не хотелось отравлять жизнь Райсу-Майклу, но тот неминуемо воспримет именно таким образом его вмешательство в их отношения с Микаэлой. Поняв, что больше не уснет, Джаван поднялся с постели, посетил уборную, а затем принялся умываться. Поразмыслив, он решил все же перед завтраком взять лошадь и проехаться по берегу реки, прежде чем в полдень предстать перед двором. Когда он одевался, Карлан приподнял голову со своего ложа.

— Вы же хотели выспаться как следует, — сказал он. — Куда вы собрались в такую рань?

— Подумал, что подниму отца Фаэлана к мессе, а потом немного проедусь верхом до жары, — отозвал-

ся Джаван, закрепляя на сапогах шпоры. — В последний раз насладиться свободой перед тем, как окончательно посвятить жизнь «королевским делам», как назвал это вчера Райс-Майкл. Если хочешь со мной, то скорее одевайся.

Он поручил Гискарду проследить, чтобы Райс-Майкл вовремя поднялся к полудню. Они с Карланом поприсутствовали на мессе, которую Фаэлан отслужил у себя в молельне, а затем спустились к конюшне, словно парочка сбежавших с уроков школяров, и оседлали двух самых быстрых лошадей из королевских стойл.

У Карлана с собой был меч, и он надел легкий доспех, в котором мог провести весь день, однако Джаван поутру натянул лишь рубаху с короткими рукавами, ибо сознавал, что возможно, последний раз в жизни ему дозволяется показываться на людях в столь неофициальном одеянии и без оружия. Сейчас, вместе с Карланом, он был в безопасности. Кроме того, позади на достаточном расстоянии за ними следовало несколько копьеносцев. Они проехались галопом по северной дороге, что вела вдоль реки, и наслаждаясь бьющим в лицо ветром и доброй скачкой, Джаван смог выбросить из головы все заботы этого дня.

Но когда они с Карланом вновь выехали на мощеный двор замка, там было уже гораздо больше народа, чем поутру, и стало ясно, что ему пора вновь становится королем. Высшие сановники дожидались его на ступенях у входа в главную башню, наслаждаясь легким ветерком. Большинство придворных устремились в парадный зал, когда они с Карланом спешились и двинулись вверх по лестнице, однако поскольку на сегодня был запланирован лишь Ма-

лый Выход, то Джаван предпочел для этого более уютный зал, чем тот, в котором уже вовсю шли приготовления к завтрашнему банкету по случаю коронации.

По дороге к ним присоединились Джейсон с Робером и еще несколько рыцарей. На пороге дожидался Гискард, а рядом с ним — паж, державший все необходимое, чтобы король мог выглядеть должным образом: свежую тунику из простого белого полотна с вышивкой по горлу и на рукавах, меч Халдейнов — хотя до коронации Джаван мог лишь носить его в руках, а не на поясе, — а также изящную малую корону, украшенную золотыми львами и ограненными рубинами.

Скинув с себя рубаху, пропахшую лошадиным потом, Джаван быстро обтерся полотенцем, затем переоделся во все свежее и взял в руки корону, пока Гискард застегивал у него на талии пояс из серебряных бляшек, а паж торопливо приглаживал гребнем промокшие от пота волосы. Джейсон сунул ему в руки бокал, и он с благодарностью выпил разбавленное вино, заранее охлажденное на льду, который специально доставляли из Кешиенских гор.

Теперь, одевшись во все чистое и выпив прохладного вина, он почувствовал себя гораздо свежее, хотя и знал, что ощущение это не продлится долго. Расправив плечи, он уложил меч в ножнах на сгиб левой руки так, чтобы рукоять словно крест виднелась над левым плечом. Гискард помог ему возложить корону на голову, и в этот миг к ним присоединились Райс-Майкл с Томейсом. Внешне принц выглядел вполне достойно — в темно-синей тунике с серебряным обручем на голове, — однако вид у него был такой, словно он дорого бы дал, чтобы оказать-

ся сейчас в другом месте, лучше всего обратно в постели.

— Райсем, ты уверен, что все это выдержишь? — искренне встревоженный, спросил его Джаван.

Бледный Райс-Майкл с усилием кивнул.

— Ничего, все будет в порядке, только скажи им, пусть не очень шумят.

— Постараюсь, — и повернувшись к Таммарону, который как раз повернулся на пороге, Джаван спросил: — Там все готово?

— Да, сир, — отозвался тот. Сегодня на нем была золотая цепь канцлера и длинное зеленое одеяние. — Сюда, пожалуйста.

Внешне люди, собравшиеся в малом парадном зале, выглядели почти по-семейному, однако на самом деле этот прием был огромной важности. Публично все сегодняшние действия будут подтверждены завтра, во время коронации, однако суть вопроса была в следующем: принцесса Анна Квиннел, единственная наследница древнего княжества Кассан, должна была вручить Джавану завещание своего отца, и передать Кассан в вассальную зависимость от Гвиннеда. Вследствие этого ее сын должен был стать первым кассанским герцогом.

Все разговоры стихли, когда Джаван вошел в комнату. Небрежным шагом он прошел к малому трону, специально установленному для него, довольный в душе, что хромота его почти незаметна. Герцогская свита собралась в дальнем конце зала; среди них он узнал сына Таммарона Фейна, супруга кассанской принцессы. Рядом с ним была богато разодетая дама, закутанная в вуаль, должно быть, сама принцесса, а также пожилая женщина в черном, также с короной на голове, — вероятно, вдова покойно-

го князя. Она держала за руку светлоглазого мальчугана лет трех или четырех в голубой тунике.

Кроме того, помимо личной свиты Джавана и советников Манфреда, Удаута, Рана, Мердока и Хьюберта, который присутствовал здесь от лица Церкви, в зале находились и прочие члены семьи Таммарона: двое его сыновей — Фульк и Квирик, их мать, Ниева, и ее сыновья от первого брака — Альберт и Полин. У последнего вид был весьма озабоченный, еще более хмурый, чем обычно, и Джаван прекрасно понимал, в чем дело: ведь только что Полин потерял своего верховного инквизитора.

— Дамы и господа, его величество король!

На стене позади трона красовался огромный гобелен с гербом Халдейнов, а над креслом возвели роскошный балдахин. В тот миг, когда он обернулся и окинул взором собравшихся придворных, Джаван внезапно как никогда остро ощутил свою связь с предками Халдейнами. Подданные склонились в поклоне, и он опустился на трон. Положив меч на колени, он стал ждать, пока помощники займут свои места рядом и у него за спиной. Райс-Майкл сел слева, и лишь тогда Джаван выжидающе обернулся к Таммарону.

— Милорд Таммарон, — произнес он. — Мне кажется, вы хотели о чем-то сообщить нашему двору.

— Истинная правда, сир, — Таммарон поклонился. — Для меня большая честь представить вам свою невестку, ее высочество принцессу Анну Квиннел Кассанскую, дочь и единственную наследницу покойного князя Эмберта Квиннела, владыки Кассана. С моим сыном Фейном, полагаю, вы уже знакомы.

Старший сын Таммарона выступил вперед и подвел к королю свою супругу, хрупкую женщину с ли-

цом, закрытым вуалью, в богатом шелковом платье. Оба они склонились перед королем, и принцесса откинула вуаль, а затем протянула ему свиток.

— Если угодно будет его королевскому величеству, я принесла приветствие из далекого Кассана и заверенное завещание моего отца относительно дальнейшей судьбы наших земель, — промолвила она низким и мелодичным голосом. Голубые глаза на бледном лице с изящными тонкими чертами были осенены длинными темными ресницами, и Джаван неожиданно поймал себя на мысли, что завидует Фейну Фитц-Артуру.

— Как должно быть известно вашей милости, — продолжила она. — Мой отец, не имея прямых наследников мужского пола, пожелал, чтобы власть в Кассане наследовал мой старший сын, который ныне готов предстать перед вами и признать вас своим сюзереном, а также просить, чтобы ему был передан в управление Кассан как герцогство Гвиннеда. Ему и его прямым потомкам по мужской линии. Могу ли я представить его вашему величеству?

— Прошу вас, — и Джаван протянул Карлану свиток, дав супругам знак подняться. Он неохотно оторвал взор от этой пары и перевел его на мальчика, которого вывела вперед одетая в траурное платье женщина, ибо от Анны Кассанской воистину невозможно было отвести взгляд.

Женщина в черном подтолкнула мальчика, и тот опустился на колени у ног Джавана, застенчиво склонив голову над руками, сложенными как для молитвы. Однако в живых синих глазах не было робости, и Джаван невольно улыбнулся в ответ. Пожилая дама осталась стоять рядом.

— Государь, — промолвила Анна. — Позвольте вам представить мою мать, леди Дювессу Синклер, вдовствующую княгиню Кассанскую.

Леди Дювесса склонила голову, и Джаван ответил на ее поклон, гадая, не приходится ли она родней Полину и Альберту, чье родовое имя также было Синклер.

— Приветствую вас, миледи, — сказал он. — Позвольте принести вам мои соболезнования всвязи с вашей утратой. Поверьте, я желаю, чтобы слияние наших земель принесло процветание обоим нашим народам, как того и желал ваш покойный супруг. Я буду любить и беречь вашего внука, как если бы он был моим родным сыном.

На губах Дювессы мелькнула улыбка.

— Вы очень любезны, государь, — произнесла она негромко. — Он славный мальчик. О таком внуке можно только мечтать. Жаль, что дед его не увидит, как он повзрослеет.

— Разделяю вашу скорбь, сударыня, ибо мой отец также не имел возможности увидеть, как повзрослеют его сыновья, — отозвался Джаван. — Когда придет время, и если угодно будет вам и его родителям, я был бы счастлив принять его на воспитание ко двору, чтобы он обучился искусству правления. Кассан далеко от нас, и я хотел бы во всем положиться на преданного мне герцога Кассанского, дабы тот поддерживал законы Гвиннеда в своем краю... как, я уверен, будут поддерживать их его регенты, пока герцог не достигнет совершеннолетия. Насколько я понимаю, регентами являетесь вы трое? — вопросил он, обводя рукой Дювессу, Анну и Фейна.

— Такова была воля моего отца, сир, — ответила Анна и подошла чуть ближе, положив руку сыну на

плечо. — Этого желали бы и мы, если будет угодно вашей милости.

— Разумеется, — Джаван покосился на стоявших радом церковных иерархов, особенно на Хьюберта. — Милорд архиепископ, готовы ли вы засвидетельствовать обмен присягами?

— Готов, сир, — и Хьюберт выступил вперед в парадном облачении и митре. За ним последовал дьякон, несущий богато украшенную Библию.

— Ну что ж, — произнес Джаван. — Кто из вас будет говорить от имени... Тамберта, не так ли?

— Совершенно верно, милорд, и я скажу за него, — отозвалась Дювесса, став рядом с внуком, тогда как родители его опустились на колени с обеих сторон, каждый положив руку ему на плечо.

Юный Тамберт, взиравший на все эти приготовления широко раскрытыми глазами, радостно улыбнулся, когда Джаван наклонился вперед и взял его маленькие ручки в свои.

— Приветствую тебя, Тамберт, — сказал он негромко, глядя мальчику прямо в глаза и улыбаясь. — Меня зовут Джаван. Мы будем друзьями?

Тамберт закивал, и Джаван взглядом велел бабушке мальчика продолжать.

— Мы, регенты герцога Тамберта Фитц-Артура Квиннела, наследника Кассана, от его имени клянемся, — начала она, — что Тамберт Кассанский станет вашим верным вассалом и полностью признает ваш закон над собой, и подчинит вашей власти все земли Кассана, которыми прежде владел суверенный владыка князь Кассанский, его дед. Верой и правдой он станет служить вам в жизни и смерти против любых врагов. В этом клянемся все мы, и да поможет нам Бог.

Во время этой пламенной речи Джаван незаметно использовал чары истины, и мог убедиться, что женщина говорит именно то, что думает. Затем он точно также убедился в искренности Анны и Фейна, когда они повторили слова: «Да поможет нам Бог». Глубоко вздохнув, Джаван вновь устремил взор на юного Тамберта, который смотрел на него, как зачарованный.

— Я принимаю присягу Тамберта Кассанского и регентов его милости, — промолвил он. — И в свою очередь даю клятву защищать весь Гвиннед, для вас и для всего нашего народа, оборонять его от любой угрозы всей своей силой и мощью, платить преданностью за преданность и справедливостью за честь. Таково слово Джавана Джешена Уриена Халдейна, короля Гвиннеда, владыки Меара и Мурина и Пурпурной Марки и сюзерена Кассанского, и да поможет мне Бог.

С этими словами Джаван отпустил руки Тамберта и повернулся к Хьюберту, чтобы положить ладонь на Евангелие и поцеловать украшенный самоцветами переплет, после чего Хьюберт передал Библию Дювессе, Анне и Фейну. Затем архиепископ повернулся к дьякону, чтобы вручить Библию ему, как вдруг Тамберт настоятельно подергал Джавана за тунику.

— Я тоже, — прошептал он звонко, так, что его услышали по всему залу, и несколько придворных засмеялись.

— Ты тоже? — Джаван наклонился и серьезно взглянул Тамберту в глаза. — Что ты хочешь сделать? Поцеловать книгу?

Тамберт кивнул.

— А, понимаю, — отозвался Джаван, и увидев, что Хьюберт все равно вознамерился вернуть Библию дьякону, остановил его, вскинув руку.

— Но, сир...

— Нет, постойте. Посмотрим сперва, понимает ли он, о чем говорит, — шепотом отозвался Джаван и вновь склонился к мальчику. — Тамберт, ты знаешь, что это такое?

— Слово Господа, — выразительно отозвался Тамберт.

— Да, верно, — одобрил Джаван. — А знаешь ли ты, что это значит, когда целуешь книгу, где записано Слово Господа?

Тамберт с сомнением посмотрел на него.

— Это значит, — пояснил Джаван, — что было дано обещание пред ликом Божьим. Дал ли ты сегодня какое-то обещание, Тамберт? Я — да, я обещал быть твоим другом и заботиться о тебе, и обо всех других людях, которые живут у вас дома в Кассане. Готов ли ты пообещать, что будешь моим другом перед Господом?

Личико Тамберта радостно вспыхнуло при этих словах Джавана, и он радостно захлопал в ладоши и закивал.

— Друзья! — воскликнул он.

Люди вокруг лишь с трудом удерживались от смеха. Джаван повелительно протянул руку, чтобы Хьюберт вручил ему Евангелие. Тот покорился без единого слова, с изумлением и растущим уважением взирая на короля. Тот взял Библию, опустил ее пониже, чтобы Тамберт мог видеть.

— Вот Слово Господне, Тамберт, — сказал он. — Мы с тобой знаем, что Бог слышит все, что мы говорим. Когда я целую книгу, в которой Слово Господ-

не, это означает — я знаю, что он слышит мое обещание. Я обещаю перед Богом, что буду тебе другом, Тамберт.

Ощущая на себе взгляд мальчика, он торжественно склонил голову и вновь поцеловал Библию. Конечно, эти слова о дружбе были лишь грубым упрощением тех клятв, которыми он обменялся с регентами маленького герцога, зато такие речи были понятны и доступны Тамберту, и, судя по всему, он все прекрасно себе уяснил, ибо как только Джаван распрямился, Тамберт своими ручонками почтительно коснулся украшенного самоцветами переплета, и в глазах ребенка отразилось искреннее доверие.

— Мы друзья, — сказал он просто и поклонился, чтобы прижаться губами к книге. По залу пронеслась волна одобрения и улыбок.

В глазах Джавана также застыл смех, но он постарался, чтобы лицо его осталось серьезным, и прошептал:

— Благодарю тебя, Тамберт, — а затем протянул книгу обратно Хьюберту.

Учитывая юный возраст герцога, он не планировал на сегодня никаких церемоний, однако теперь он подозвал поближе мать мальчика.

— Миледи, ваш сын только что доказал нам всем, что прекрасно понимает, о чем идет речь сегодня, — произнес он негромко, опираясь рукой на меч, лежащий у него на коленях. — В этом случае я думаю, было бы оскорбительно для него не завершить обряд введения в наследство... Если только вы не опасаетесь, что вид обнаженной стали может испугать его.

Она с удивленным видом взглянула на короля и на меч в его руках, затем неуверенно улыбнулась.

— Вы хотите даровать ему титул, сир? — спросила она.

— Да, разумеется, если у вас не будет возражений.

С довольным видом она нагнулась и что-то прошептала сыну. Тот, внимательно выслушав, кивнул. Тогда она вновь опустилась рядом с мальчиком на колени, взглядом велев мужу и матери последовать своему примеру. Джаван медленно поднялся, неторопливым движением обнажил меч и протянул ножны Гискарду. Он поднес клинок к губам, обеими руками удерживая крестовину, затем с улыбкой посмотрел сверху вниз на Тамберта.

— Тамберт Кассанский, ныне я утверждаю тебя в твоем ранге и титуле герцога всего Кассана, — произнес он, и легонько коснулся мечом плашмя сперва правого плеча мальчика, затем левого. Мы сделаем это вновь, когда ты достигнешь совершеннолетия и станешь по праву владеть своим титулом, — продолжил он, касаясь на сей раз затылка мальчика. — А затем, когда тебе исполнится пятнадцать, надеюсь повторить это в третий раз, когда придет время тебе получить посвящение в рыцари.

Взор мальчика был преисполнен восторга и обожания, и он с солнечной улыбкой уставился на своего героя, когда Джаван, передав меч Гискарду, дабы тот вложил его в ножны, протянул Тамберту руки.

— Поднимитесь же, герцог Кассанский.

Тамберт вскочил на ноги и, к изумлению Джавана, кинулся к нему и с радостным смехом обхватил короля за колени. Родители его взирали на это испуганно, хотя бабушка с трудом сдерживала улыбку, и мать Тамберта тотчас поспешила вперед на помощь Джавану.

— Умоляю простить его, сир, — прошептала она. — Обычно он не так живо реагирует на происходящее.

— Ничего, все в порядке, — отозвался Джаван, сам не в силах удержаться от смеха. Нагнувшись, он поднял Тамберта и посадил себе на колено. — Не так часто король удостаивается столь восторженного проявления чувств от одного из своих герцогов. О, спасибо, Тамберт, — сказал он, ибо в этот миг мальчик ухватил Джавана за шею и от души чмокнул в щеку. — Мы с Тамбертом будем большими друзьями, правда, Тамберт? И он вырастет и станет прекрасным герцогом.

Немного смягчившись, мать мальчика также расплылась в улыбке.

— Скажу также, что он будет служить замечательному королю, сир, — произнесла она негромко. — Благодарю вас за вашу доброту. Вы... не такой, как я ожидала.

— О, и чего же вы ожидали? — ответил Джаван, не без смущения глядя в ее серо-голубые глаза.

— Я ожидала встретить неловкого мальчика, неискушенного в государственных делах, — ответила она прямо. — Теперь я вижу, как сильно ошибалась.

И, к изумлению Джавана, она присела в церемонном реверансе, куда более глубоком, чем требовалось по этикету. Потрясенный красотой женщины, Джаван отпустил мальчика и взял мать за руку, чтобы помочь ей подняться, удержав ее в своих ладонях может быть на пару секунд дольше положенного.

— Благодарю вас, миледи, — прошептал он, целуя ее руку. — Мне не терпится увидеть, как станет взрослеть юный Тамберт, и я уверен, что с такой очарова-

тельной матерью из него вырастет прекрасный воин и правитель.

Весь этот разговор занял всего несколько мгновений, и как только он отпустил ее руку, все вновь пошло своим чередом. Фейн вышел вперед, чтобы отвести сына на место, дочь и мать поклонились и тоже вознамерились удалиться. Сияющий граф Таммарон подошел к ним, а затем, когда они отступили, обернулся к Джавану.

— Благодарю вас за доброту по отношению к моему внуку, сир, — сказал он. — На сегодня у нас не запланировано ничего более. Могу ли я отпустить придворных?

— Разумеется, — ответил Джаван и вновь взял меч у Гискарда.

— Дамы и господа, — обернулся Таммарон к залу. — Его величество больше не задерживает вас.

Придворные с поклонами потянулись к выходу, и Хьюберт подошел поближе к королю. Гискард с Карланом отступили на пару шагов, готовые в любой миг броситься на помощь своему господину. Полин с Альбертом встали у дверей, судя по всему, ожидая, пока выйдет Хьюберт.

— Вы неплохо справились с этим мальчиком, сир, — неохотно признал архиепископ, по мере того, как зал постепенно пустел. — Даст Бог, чтобы он запомнил этот день и когда повзрослеет.

Джаван удостоил Хьюберта кивком.

— Надеюсь, что запомнит, архиепископ, — промолвил он. — Хотел бы я, чтобы и другой мой герцог любил меня хоть вполовину так же горячо. Насколько я понимаю, до сих пор мы так и не знаем, прибудет ли на коронацию Грэхем и другие келдорские лорды.

Хьюберт явно выглядел смущенным.

— Увы, сир, это нам неведомо. Однако все прочие гости уже здесь. Прибыли также и посланцы из соседних королевств, которые вручат вам верительные грамоты и поздравления по случаю коронации. И, кстати, лорд Удаут поручил мне известить вас, что завтра мы ожидаем прибытия посланцев из Торента. Поговаривают даже, что торентский король отправил к нам одного из своих братьев.

Джаван сдвинул брови.

— Торентский принц в Ремуте? Кто дозволил это?

Хьюберт с отвращением поморщился.

— Я тут ни при чем, сир. Таков древний обычай, что коронацию нового владыки должны засвидетельствовать посланники соседних держав, таким образом заверяя и придавая легитимность его правлению. В конце концов, мы же не воюем с Торентом.

— Да, они лишь дают убежище самозванцу, претендующему на мой трон, — возразил Джаван.

— Увы, никто не мог ожидать, что король Арион пойдет на то, чтобы отправить сюда кого-то из своих братьев.

— А это означает, что при дворе появятся Дерини-чужеземцы, — ровным голосом заметил Джаван, пристально наблюдая за выражением лица Хьюберта и размышляя о загадочном «иноземном» Дерини, который нынче состоял на службе у Полина. — Мне это не по душе. Какие приняты меры предосторожности, чтобы наши торентские гости не нарушили правил приличия?

Хьюберт недовольно поджал свои розовые губы.

— В рамках гостеприимства мы сделали все, что могли, сир. Лорд коннетабль предоставит им почетный эскорт, — он усмехнулся, — и сдается мне, что в

состав этого эскорта лорд Ран поместил мастера Ситрика. Я также приказал, чтобы в стратегически важных местах разместились лучники, и им приказано будет реагировать на любое вмешательство. Если пожелаете, я велю им смочить мерашей наконечники стрел.

Джаван с кислым видом взглянул на архиепископа.

— Не думаю, что нам стоит заходить так далеко. — Он вздохнул. — Ну что ж, есть ли еще что-то такое, о чем мне следовало бы знать?

На круглое лицо Хьюберта легла тень.

— Ничего такого, что могло бы повлиять на завтрашнюю церемонию, сир, — пробормотал он. — Однако есть новость, которую, возможно, вы еще не слышали, поскольку с утра выезжали на прогулку. Отец Серафин умер нынче ночью... похоже, от удара. С ним был отец Лиор, и он успел соборовать умирающего. Вы понимаете, как потрясен отец Полин. Для всего ордена это будет огромная потеря.

— Да, могу себе представить, — отозвался Джаван, должным образом изображая удивление. В душе он был рад, что Серафин получил последнее причастие перед смертью. — Но странно, он же был совсем не старым человеком... хотя, конечно, при такой жаре...

Хьюберт кивнул.

— По-моему, ему не было еще и пятидесяти. Но с кровью у него были проблемы. Мне говорили, что ему то и дело приходилось отворять вены. Похоже, это помогало, но... — он покачал головой. — Да, тут невольно призадумаешься. Мы ведь с ним почти одного возраста, да примет Господь его душу.

— Аминь, — и Джаван вслед за Хьюбертом перекрестился.

— Да, эта смерть несколько омрачит торжества по случаю коронации. Признаюсь честно, я не слишком любил этого человека, и все же попрошу отца Фаэлана молиться за него на утренних мессах весь следующий месяц.

Он говорил чистую правду. Серафин не вызывал у него ни малейших симпатий, однако помолиться за него — это было самое малое, что мог сделать Джаван, ибо он нес ответственность за его гибель. И все же по счастью эта смерть не вызвала особых подозрений, по крайней мере у Хьюберта.

В этот миг он заметил, что Гискард подает ему какие-то знаки, и слегка поклонился архиепископу.

— Прошу простить меня, ваша милость, но похоже, срочные дела требуют моего внимания, и кроме того, я хотел бы успеть подкрепиться перед последней репетицией. До завтрашней церемонии осталось всего ничего.

Когда король ушел со своими помощниками, молча кивнув Полину и Альберту, Хьюберт последовал за ним. К этому времени почти все придворные уже оставили зал приемов и перешли в большой парадный зал, где через распахнутые окна доносился легкий ветерок, однако Полин поспешил отвести Хьюберта в неприметную нишу у лестницы.

— По какому поводу он так разгневался? — спросил архиепископа Полин.

— Из-за торентских посланцев, — мягко ответил Хьюберт. — Впрочем, это и неудивительно. Разве вы сами радовались бы на его месте?

Хмыкнув, Полин тряхнул головой.

— Никто бы не радовался. А что насчет смерти Серафина? Как он отреагировал?

Хьюберт с ничего не выражающим видом пожал плечами и со сдержанным разочарованием ответил:

— А какой реакции вы ожидали? Он не стал рассыпаться в фальшивых соболезнованиях, что и неудивительно, учитывая его неприязнь к *Custodes*. Тем не менее заявил, что попросит отца Фаэлана молиться за Серафина весь следующий месяц и повторил мою молитву, чтобы Господь принял душу усопшего. Все по этикету, вполне благочинно.

— Тогда почему у вас такой вид, словно во время разговора вам скормили что-то кислое? — спросил его Альберт.

Хьюберт вскинул глаза на верховного магистра *Custodes*.

— Это вы о чем?

— Да о том, что странное получается совпадение... если это конечно совпадение. Король срочно затребовал к себе священника, который должен стать его личным исповедником. Того тщательно проверили старейшины ордена и велели наблюдать за всем происходящим и доносить обо все, что творится при дворе короля. Однако лишь спустя несколько дней после его прибытия в столицу умирает один из тех, кто наставлял священника...

Хьюберт закатил глаза и сцепил пухлые руки на животе.

— Скажите еще, что сам Фаэлан приложил руку к его смерти, или хуже того, король. Не забудьте, что у Серафина всегда было плохо с сердцем.

— Не спорю, — пробормотал Полин. — Но, может быть, ему каким-то образом помогли?

— А, ну теперь мы будем обвинять Ориэля в причастности к убийству, или, может быть, Ситрика?

Кроме них, при дворе нет Дерини, а никто кроме Дерини не справился бы ни с чем подобным.

— За исключением Халдейна, — невозмутимо парировал Альберт. — Поговаривают, будто отец нашего короля однажды уничтожил убийцу, покушавшегося на него, не коснувшись того и пальцем.

— Никогда о таком не слышал, — возразил Хьюберт.

— А я слышал, — рассеянно отозвался Полин. — Это было в самом начале его правления. Говорят также, что при этом присутствовало несколько Дерини, большей частью из проклятого клана Мак-Рори, и кажется также, там был и сам Камбер.

— Так значит, именно Дерини его и убили, если только это случилось в действительности, — раздраженно сказал Хьюберт. — Но я в это не верю, и уж тем более не верю, что Джаван или какой-то тайный посланец Дерини при дворе мог бы каким-то образом магией убить Серафина. Это просто нелепо!

— Скорее всего, — неохотно признал Полин. — И все же я еще раз допрошу отца Лиора, поскольку он был там, когда умер Серафин. — А через пару недель, когда отец Фаэлан вернется для отчета в аббатство, мы должным образом расспросим и его. Я до сих пор не могу уяснить, зачем он все-таки понадобился Джавану.

— Да просто чтобы сбить нас со следу, — кисло предположил Хьюберт. — Чтобы внушить нам ложное чувство безопасности — мол, якобы, теперь у нас есть свой человек в свите короля. Вот и все, и нечего больше тут искать.

— Надеюсь, вы правы, — после напряженной паузы промолвил Полин. — Я очень надеюсь, что вы правы.

Глава 22

Ибо Ты, Боже, услышал обеты мои, и дал мне наследие боящихся имени Твоего[1]

Никакие неприятные происшествия не омрачили последнюю репетицию церемонии коронации. То, как благородно Джаван обращался с юным герцогом Тамбертом, завоевало ему уважение и симпатию многих придворных, которые при этом присутствовали. Когда король и его сановники решили, что вполне довольны друг другом в том, что касалось подготовки к грядущей церемонии, Джаван отпустил их всех со словами благодарности, и вернулся в замок, чтобы поужинать там в тиши и покое в своих апартаментах с самыми близкими людьми, а затем пораньше лечь спать. Он спал крепко, и наутро не помнил, снилось ли ему хоть что-нибудь.

День коронации выдался ясным и светлым, чуть прохладнее, чем предыдущие дни, однако уже к полудню ожидалась невыносимая жара. Джаван поднялся с первыми лучами солнца и добрый час провел на коленях перед маленьким алтарем, который

---

[1] Псалтирь 60:6

попросил установить в углу своей опочивальни. В начале этой недели из шкатулки с детскими сокровищами, которые оставлял на попечение Райса-Майкла перед отъездом в семинарию, он извлек маленький медальон святого Михаила, который в свое время подарила ему Ивейн. Он не осмелился надеть его на коронацию, дабы никто не заметил значок объявленных вне закона михайлинцев, однако сейчас сжал его в кулаке, молясь, чтобы Господь даровал ему силу и мудрость быть достойным венца, и попросил у Бога прощения за убийство брата Серафина.

Вскоре после того, как к утренней мессе отзвонили колокола церкви святой Хилари, вошел Карлан сообщить, что ванна готова. Там его уже ожидали самые преданные друзья: Гискард с отцом, Робер и Джейсон, Бертранд, Гэвин и Сорль. Присутствовал и отец Фаэлан, который во время омовения Джавана принялся читать псалом, соответствующий этому дню. Затем цирюльник подровнял Джавану волосы, а старшие рыцари разложили церемониальные одежды. Перед тем, как он вылез из ванны, Ориэль ненадолго зашел, чтобы осмотреть увечную ногу. Он постарался сделать все, что в его силах, дабы укрепить ее, ибо хотя часть пути до собора и обратно Джаван должен был проделать верхом, но во время церемонии и позже ему много времени придется провести на ногах.

Ему молча помогли одеться, с почтением, всячески подчеркивая торжественность этого дня. Каждая часть одеяния подавалась бережно, каждый шнурок и крючок застегивались с пристальным вниманием. Поверх традиционной рубахи из тончайшего полотна на него надели платье из белого шелка, вышитое на вороте, на рукавах и спереди золотой нитью, за-

тем пришла очередь плотных белоснежных шоссов, годных для верховой езды, и мягких новых сапог из белой кожи, изготовленных под особым надзором сэра Джейсона... Они были слишком тонкими, чтобы подолгу в них ходить, однако для нынешней церемонии этого было более чем достаточно. Правый был искусно пошит таким образом, чтобы скрыть утолщенную лодыжку и дать увечной ноге необходимую поддержку. Он широко улыбнулся, опробовав, как сидят сапоги, сделав несколько шагов взад и вперед, под восхищенными взглядами рыцарей, отметивших, что король практически не хромает.

— Конечно, на каждый день они не подойдут, — признал Джейсон. — Однако сегодня ваша черная обувка скверно смотрелась бы на фоне белого наряда. Кроме того, эти куда прохладнее. Вам и без того будет слишком жарко в такой кипе одежд, незачем сверх необходимого мучить еще и ноги.

С восторженным смехом Джаван покружился на месте, затем остановился и позволил им надеть на себя мантию.

— Лучше берегись, а то возьму и назначу тебя королевским сапожником, Джейсон. Спасибо тебе.

— Не за что, государь.

Мантия была очень широкой, но весила легче пушинки, сотканная из белоснежного шелка, расшитого коронами и львиными головами, богато вышитая по краям и отороченная тончайшей белой лентой, а не тяжелым мехом, подобно мантии Алроя, которую тот носил пять лет назад на своей коронации. Когда Карлан застегнул золотую фибулу на жестком стоячем вороте верхней туники, и Гискард оправил складки одеяния, все отступили на шаг, чтобы полю-

боваться своим господином. Джаван почти не чувствовал веса мантии.

— Великолепно, — шепотом произнес кто-то.

— Годится для короля, сир, — подтвердил другой.

Джаван расправил мантию на плечах, и Гискард с отцом подобрали нижний край в руки, чтобы белоснежная ткань не запачкалась по пути. Карлан в последний раз причесал ему волосы. Цирюльник подстриг Джавана куда короче, чем соответствовало моде, зато теперь отросшие волосы почти полностью скрыли тонзуру, и ее было заметно только если как следует приглядеться. Взглянув на себя в зеркало из полированного металла, что поднес ему Робер, Джаван узрел худощавое серьезное лицо, чем-то напомнившее ему лики римских статуй. Глаз Цыгана сверкал в мочке уха, жесткий ворот туники обхватывал шею, и застежка мантии сверкала так, что было больно глазам. Он выглядел как истинный король. Вздохнув поглубже, Джаван расправил плечи, и свита преклонила перед ним колени.

— Боже храни короля, — воскликнул Робер, ударив себя кулаком в грудь, и остальные повторили вслед за ним.

Глаза Джавана защипало от непрошеных слез, и он жестом велел им подняться, не осмеливаясь заговорить, чтобы не разразиться рыданиями. Рыцари выстроились вокруг него, чтобы отправиться вниз по лестнице во двор замка. По пути к ним присоединились Райс-Майкл и Томейс. Принц был одет с головы до ног во все алое, и лев Халдейнов горел у него на груди и на спине с отметкой третьего сына. Черные волосы обхватывал серебристый обруч. Он радостной улыбкой приветствовал брата, они сжали друг друга в объятиях, а затем вместе двинулись во

двор. Свита короля уже ожидала его, друзья и враги — все они были пышно наряжены, насколько позволяло состояние кошельков и жаркая погода. Возможно, Джаван предпочел видеть бы другие лица в этой процессии, однако он гордился тем, что смог значительно разбавить ряды своих противников преданными ему людьми.

Возглавлял процессию и сейчас лишь ожидал сигнала к выходу отряд одетых в черное рыцарей *Custodes*. Это были суровые мужчины в стальных доспехах, восседавшие на черных как смоль лошадях, совершенно не замечая жары, несмотря на тяжелые черные накидки с алым подбоем, украшенные изображением разлапистого креста и львиной головы в золотом ореоле. В руках каждый из них сжимал штандарт — черный с красным крестом. Выглядели они великолепно, но Джаван, скользнув по ним взглядом, постарался больше не смотреть в ту сторону, ибо расценивал алые кисти на их белоснежных кушаках как оскорбление самого понятия рыцарства, точно так же, как он не признавал за ними права на символ дома Халдейнов — вервие из переплетенных алых и золотых нитей, которое они носили через левое плечо.

Куда больше радовало взор элита гвардейцев, состоящая из десяти копьеносцев в алых ливреях Гвиннеда, выстроившихся позади рыцарей *Custodes* и ожидавших, чтобы к ним присоединились Джейсон с Робером. Единым слитным движением они склонили копья при появлении Джавана на ступенях, и тот отметил, что выглядят они ничем не хуже, хотя число их вдвое меньше, нежели *Custodes*. А прямо следом за ними, держа в поводу лошадей, на которых поскачут Райс-Майкл и Томейс...

— Ого, взгляните сюда, сир, — шепотом произнес Карлан и тронул Джавана за локоть, чтобы привлечь его внимание.

Со смесью опаски и облегчения Джаван увидел в той стороне, куда указывал Карлан, келдишских лордов. Графы Истмаркский и Марлийский и впрямь решились почтить коронацию своим присутствием, однако одеяние их внушало серьезные сомнения в искренности их намерений. Презрев шелковые наряды, они обрядились в тяжелые кожаные доспехи, волосы зачесали назад и заплели в косу, под седлом у них были мохнатые низкорослые пограничные лошадки, смотревшиеся совершенно нелепо среди рослых тонконогих скакунов прочих придворных. Окинув быстрым взглядом двор замка, Джаван не смог обнаружить их племянника Грэхема, но решил, что, вероятно, юный герцог тоже должен быть где-то поблизости.

— Ну, надо же, — пробормотал Райс-Майкл. — Вы посмотрите, кто здесь. Неужели ты и вправду хочешь, чтобы я ехал с ними всю дорогу до собора?

Джаван постарался, чтобы лицо его не выдало никаких чувств, ибо обнаружил наконец, куда с таким напряженным вниманием смотрели оба графа. Они искали глазами Мердока, которого считали виновным в убийстве их брата. Тот стоял чуть дальше в процессии и нес королевское знамя, рядом с лошадью, на которой должен был ехать сам Джаван.

— Не думаю, что они вздумают ссориться с тобой, Райсем, — заметил он негромко. — Однако не хотел бы я оказаться сегодня на месте Мердока... особенно позже вечером, когда все как следует выпьют и позабудут о пристойных манерах. Но сейчас спускайся и передай им мои приветствия.

Райс-Майкл с Томейсом повиновались и Джаван медленно двинулся вниз по ступеням, обмениваясь любезностями с друзьями и врагами, но продолжая пристально следить за братом и обоими графами. Те поклоном приветствовали Райса-Майкла, однако в излишней почтительности их едва ли кто-то мог бы упрекнуть. Томейс, ощущая напряженность, зорко следил за горцами и за своим господином.

Лишь тогда Джаван заметил наконец герцога Грэхема. Тот восседал на мышасто-серой кобыле у подножия лестницы, в простой тунике без украшений, серого цвета, которая лишь еще больше привлекала внимание к герцогской короне у него на голове. Едва ли мальчик сам додумался нарядиться таким образом, однако за него подумали его дядья. Но даже без этого рассчитанного напоказ жеста самое его присутствие служило напоминанием придворным о том, что бывшие королевские регенты так и не удовлетворили требования горцев о справедливом суде. Если Грэхем вздумает потребовать правосудия, в котором было отказано ему прежде, в залог вассальной верности королю, Джавану придется уступить. В душе он почти надеялся, что именно так Грэхем и поступит.

Встретившись с юным герцогом взглядом, он любезно кивнул ему, а затем прошел туда, где его ожидала лошадь — тот же самый высокий белоснежный жеребец, на котором он ехал с похорон брата; тот же, который пять лет назад нес в седле брата на его собственную коронацию. Ран и Таммарон удерживали скакуна под уздцы, оба разряженные, словно принцы, в бархат и шелка, в коронах с самоцветами, но Таммарон, по крайней мере, почтительно поклонился Джавану, когда тот приблизился.

— Доброе утро, сир, — произнес Таммарон.

— Милорд Таммарон, милорд Ран, — ровным тоном поприветствовал их Джаван.

Карлан подставил ему сцепленные руки, и Джаван забрался в седло. Он взял в руки поводья и расправил складки туники, тогда как Карлан с Гискардом уложили на круп лошади белоснежную мантию, которая по бокам спадала почти до земли. Когда все было сделано к их вящему удовлетворению, они также вскочили в седло своих вороных жеребцов, которых до сих пор держали пажи, и подъехали к Джавану с обеих сторон. Позади выстроились молодые рыцари, которые помогли Джавану захватить и удержать престол, и процессия наконец выехала из двора по направлению к Ремутскому собору под звучный голос фанфар с замковых укреплений.

По мере того, как они продвигались вперед, жара делалась все более невыносимой, особенно когда они въехали непосредственно в сам город. Ремут не видел коронации Халдейнов уже больше века, поскольку и Синхил, и Алрой приняли венец в Валорете, где держали свой двор Фестилы. Улицы были полны людей, которым не терпелось взглянуть на нового короля. Они знали его еще мальчиком, видели всего пару месяцев, когда двор только что переехал в Ремут и прежде чем он уехал в семинарию, а затем имели возможность мельком его заметить во время похорон прежнего короля. По-прежнему люди сомневались, имеет ли право бывший монах вернуться из монастыря, чтобы взойти на престол вслед за братом.

Однако сейчас, глядя, как он восседает на молочно-белом жеребце в сверкающих золотистых шелках, никто не мог бы и представить себе, что хромоно-

гий мальчик, оставшийся у людей в памяти, превратится в такого достойного короля. Нечего скрывать, несчастный король Алрой, его брат-близнец, отродясь не мог так прекрасно держаться в седле. Кроме того, на лице его никто не видел подобного выражения холодной решимости. Поговаривали, что новый король собирается проводить в Гвиннеде важные реформы, возможно, даже подрезать крылья кое-кому из бывших регентов, которые больше заботились о наполнении своих сундуков, чем о благе державы.

Впрочем, подобные слухи были совершенно естественны, когда на престол должен взойти новый король после совершенно бездействовавшего предшественника и долгого периода регентства, тем более учитывая, что новый король молод и еще мало сведущ в реалиях управления. Правда, были и тревожные слухи. Так, поговаривали, будто еще несколько месяцев после смерти отца он держал при себе Дерини, и порой не одобрял мер, направленных против этого племени, по новым законам. Однако все это было до того, как он отправился учиться в семинарию *Custodes Fidei*, которые, как всем известно, крайне враждебно относились к деринийской магии, ведь именно их верховный настоятель принимал Рамосские Уложения, которые, наконец, указали Дерини их место. О том, чем занимался Джаван у *Custodes*, мало кто знал наверняка. И все же, три года учебы у них не могли не сказаться на образе мыслей нового короля. Ни у кого не было сомнений, что за это время всякая симпатия к Дерини была полностью вытравлена из его души.

Именно так рассуждали многие из тех, кто любовались коронационной процессией Джавана в последний день июля месяца, года девятьсот двадцать

первого. По мере того, как процессия приближалась к собору, толпа становилась все гуще, а приветственные крики делались все громче, и под их восторженные возгласы второй сын короля Синхила наконец остановил лошадь перед собором и спешился.

Там его уже ожидала новая процессия, которая должна была сопроводить его на коронацию. Здесь не было монашеского хора, как в валоретском соборе, — встречали Джавана одетые в черное монахи *Ordo Custodum Fidei*, ибо он был одним из них, даже если отринул свое призвание ради мирской короны. Следом по двое шли восемь алтарных мальчиков, одетые во все белое, и у каждого в руке был факел на серебряной рукояти, что в такую жару явно не доставляло им удовольствия.

Далее следовала процессия епископа. Первым шествовал кадильщик, за ним дьякон с большим распятием, и, наконец, по двое, все епископы Гвиннеда — сперва шесть епископов без кафедры, а затем и титулованные: Дхасский и Грекотский, Найфордский и Кешиенский, Марберийский и Стэвенхемский. За ними шел архиепископ Ремутский, величественный и сверкающий в золоте и потоках самоцветов. Его сопровождал капеллан. После этого несли большое распятие примаса всего Гвиннеда, за которым шествовал и сам примас — Хьюберт Мак-Иннис, выглядевший в своих бело-золотых одеяниях торжественно и внушительно. Митра его богатством и роскошью не уступала королевской короне, в руке он нес епископский посох, а по бокам от него шествовали капеллан и еще один дьякон.

Епископ Альфред Вудборнский и Полин Рамосский ожидали Джавана, чтобы лично сопроводить его в собор. Альфред был весь в белом, а Полин в

черном одеянии верховного настоятеля *Custodes Fidei*. На голове у него также была митра, ибо когда он отказался от поста епископа, дабы сделаться основателем нового ордена, то лишь сменил митру епископа на митру аббата. Процессия постепенно начала втягиваться в распахнутые двери собора, и оба клирика с двух сторон окружили Джавана, и каждый протянул ему руку... белую и черную.

Джаван помедлил, пока Гискард и Карлан расправят мантию у него за спиной, а перед входом в собор установят золотой полог, который держали четверо молодых рыцарей, а не четыре графских сына, как это было на коронации Алроя — Сорль, Гэвин, Бертранд и Томейс. Затем он вложил руки в ладони сопровождающих, и медленно двинулся вверх по ступеням. Следом шли Карлан с Гискардом, стараясь не наступить на мантию, а за ними — духовник короля отец Фаэлан.

Далее шел черед носителей королевских регалий. Лорд Альберт как гофмаршал нес Державный Меч. У Мердока в руках было пурпурное знамя Халдейнов, украшенное вышитым золотым львом. Юный герцог Грэхем держал на пурпурной подушке королевский скипетр из слоновой кости, инкрустированный золотом. Ран шествовал с кольцом Огня на серебряном подносе, а Таммарон нес Державную Корону с перекрещенными листьями и крестами. За ними выступал Райс-Майкл в сопровождении келдишских графов, а уж потом вся прочая знать, удостоившаяся чести присутствовать на коронации.

Высоко вскинув голову, Джаван ступил под своды собора и тут же хор затянул торжественное *Laetatus sum*. «Возрадовался я, когда сказали они мне, войдем же в дом Господа...» По пути он ощущал на себе

множество глаз, оценивающих, пытающихся осознать, каким королем он станет, этот отважный юноша, который не побоялся заявить о своих правах и взять корону, которую многие уже считали принадлежавшей его младшему брату. Однако теперь казалось, что второй сын короля Синхила сам решал, как ему поступить, и намеревался от остальных добиться уважения к себе... Однако никто пока не знал, каковы были его цели. Выглядел он, впрочем, как истинный король, и почти не хромал в новых белых сапогах, скрывавших его увечье.

Собравшиеся почтительно поклонились, когда он проходил мимо, пока он наконец не занял свое место на хорах у подножия ступеней, ведущих в святилище. Там, одетый в белое, король отвесил положенный поклон, а затем отошел чуть правее и опустился на колени, склонив в молитве черноволосую голову. Хор продолжал выпевать псалом по мере того, как вся процессия заполняла собор и придворные занимали свои места. Королевские регалии были помещены на алтарь, и архиепископы молча помолились у его подножия, пока наконец все не было подготовлено к церемонии.

* * *

Однако если большинство собравшихся просто наслаждались великолепным зрелищем, то были в соборе и те, кто наблюдали за происходящим пристально, имея в виду свои собственные далеко идущие цели. Среди последних были посланники соседних держав, — из Ховиса, Лланнеда, Меары, Мурина и Торента. Короля Ариона Торентского представлял его брат Миклос, всего на год старше самого Джава-

на, высокий и стройный для своих лет, светловолосый и светлоглазый. Манеры его отличались восточным изяществом и неторопливостью, и это было превосходной маской, за которой вельможа скрывал свою подлинную суть. Сегодня на нем были роскошные одеяния из восточных шелков; вместе с прочими иноземными посланцами он восседал на почетных местах в сопровождении молодого помощника, также явно благородного происхождения, который повсюду являлся с ним. Принц Миклос с отстраненным любопытством наблюдал, как два архиепископа подняли с колен молодого короля и вывели его на середину хоров, дабы представить своему народу. Когда три года назад его брат Арион короновался в Белдоре, Миклос был уже достаточно взрослым, чтобы осознавать значение этого зрелища, и ему показалось интересным сравнить свои воспоминания с обрядом, который разворачивался теперь перед его глазами.

— Поприветствуйте же Джавана Джешена Уриена, нашего короля и повелителя, — провозгласил архиепископ примас Гвиннеда, после чего он и второй архиепископ, взяв короля за руки, повернули его лицом к востоку. — Готовы ли вы во всем служить и подчиняться ему?

— Господи, храни короля Джавана, — громовым раскатом донесся ответ, эхом отразившийся от стен огромного собора.

Еще трижды архиепископ задавал тот же вопрос, разворачивая Джавана к югу, к западу, к востоку и к северу, в чем Миклос узнал отголоски магического ритуала, имевшего своей целью вызов ангелических сущностей, повелевавших сторонами света, хотя простые люди в Гвиннеде не имели ни малейшего

представления об истинной сущности творимого ими ритуала... Более того, знание это, вероятно, очень напугало бы их, учитывая отношение к Дерини в Гвиннеде после реставрации на престоле рода Халдейнов.

Но теперь, воззвав к четырем сторонам света, Хранители коих, несомненно, по мнению Миклоса, уже явились на зов, архиепископ подвел юного короля к самому алтарю, на котором лежало раскрытым Священное Писание. Рядом он взял заранее подготовленный лист пергамента.

— Милорд Джаван, готовы ли вы принести коронационную присягу, ту же, что давали ваши предки в былые времена? — спросил он.

— Готов, — уверенным звонким голосом ответил Джаван.

Миклос, наблюдавший за происходящим, приготовился использовать чары истины, дабы узнать, насколько правдивой будет клятва короля. Джаван поднялся по ступеням алтаря и положил правую руку на открытую книгу. Поверх архиепископ коснулся его своей ладонью и принялся зачитывать пергамент:

— Джаван Джешен Уриен, здесь пред Господом и людьми объявляется единственным наследником нашего возлюбленного покойного короля Алроя. Обещаешь ли ты торжественно и клянешься хранить мир в Гвиннеде и править его народом согласно древним законам и обычаям?

— Торжественно клянусь, — отозвался Джаван.

— Готов ли ты всеми силами защищать закон и правосудие, и милосердно творить свою волю?

— Готов.

— И клянешься ли ты, что всякое зло и злодеяние будут наказаны, а закон Божий будет поддержан?

— И в этом я клянусь, — подтвердил Джаван.

Архиепископ положил пергамент обратно на алтарь, и Джаван подошел ближе, чтобы подписать его. Затем взял пергамент в руку, а другую вновь положил на Священное Писание и обернулся лицом к зрителям.

— Все мои обеты, — произнес он громко, — я сдержу, и да поможет мне Бог.

С этими словами он вновь положил пергамент с текстом клятвы на алтарь, поклонился, чтобы поцеловать Библию, затем спустился по алтарным ступеням к центру святилища, и вновь повернулся лицом к архиепископу.

Наблюдая за ним, Миклос чуть заметно кивнул в ответ собственным мыслям. Джаван Халдейн говорил правду, по крайней мере, именно таковы были его намерения, но оставался еще вопрос, сумеет ли он сдержать слово. Он поклялся уничтожать всякое зло и злодеяние, однако если, как учит церковь Гвиннеда, всякое зло было воплощено в Дерини, то значит, король должен либо отвернуться от своих бывших друзей Дерини, либо стать клятвопреступником. Впрочем, Миклоса вопрос этот интересовал лишь как шарада для тренировки ума, поскольку Джаван не был его королем. Однако для темноволосого юноши, что сидел с ним рядом, это имело огромное значение.

— Джаван Джешен Уриен Халдейн, — обратился к королю архиепископ. — Ты дал священный обет пред Господом и этими людьми. Но готов ли ты теперь смиренно отринуть все узы мирской славы, дабы с нашей помощью, служителей всемогущего Господа, подготовиться и предстать перед Ним как простой кающийся грешник?

При этих словах двое священников *Custodes* выступили вперед и сняли с короля белоснежную мантию и шелковую верхнюю тунику, так что он остался в одном лишь нижнем белом платье из тонкого полотна, похожем на альбу священника. Изящным движением он опустился на колени, а затем простерся у ног архиепископа, уложив лоб на руки, вместо того, чтобы раскинуть их в позе распятого, как ожидал Миклос, хотя, возможно, это был маленький вызов и демонстрация независимости. Миклосу посчастливилось узнать кое-какие тайны принца Джавана Халдейна времен его пребывания в семинарии, где он был, по словам некоторых, практически пленником, не имёя в душе ни малейшего желания стать на стезю служителя Божьего. Неудивительно в таком случае, что он решил сделать свое миропомазание хоть в этом отличным от обряда рукоположения в сан священника.

Архиепископы и прочие клирики опустились на колени вокруг короля, лицом к алтарю, и по сигналу церемониймейстера все собравшиеся в соборе также преклонили колена. Затем, после нескольких мгновений абсолютного безмолвия хор запел *Veni Creator.* Мелодия этого гимна, написанного несколько веков назад королем Бремагны, была знакома даже принцу Торента, воспитанному на восточных традициях.

– *Veni Creator Spiritus, mentes tuorum visita, imple superna gratia, quae tu creasti pectora...*

Хор пропел все четыре полные строфы, после чего второй архиепископ воскурил благовония вокруг алтаря, после чего грузный архиепископ Мак-Иннис начал читать молитву. По завершении зрители смогли наконец подняться с колен и сесть на место, а

хор начал новое песнопение; на сей раз слова его были неизвестны торентцам:

– Задох-священник и Нафан-пророк миропомазали его царем в Гихоне, и вернулись оттуда радуясь...

Когда гимн затих, двое священников поставили кресло перед королем, по-прежнему возлежавшим на полу, помогли ему подняться на колени, тогда как архиепископ уселся на трон, и тут же выдвинулись вперед четверо рыцарей, несших золотой полог. Миклос не слышал слов, произносимых архиепископом, когда тот совершал миропомазание Джавана, орошая его голову, грудь и руки елеем, символизируя мудрость, отвагу и славу; но он знал, что это был самый торжественный момент всей церемонии, ибо именно в этот миг миропомазанный король становится чем-то большим, чем простой человек, хотя и меньше, чем священником. Но все же его посвящают к божественному служению помазанием священного мира. Несомненную магию этого момента он ощутил на коронации своего брата, и теперь чувствовал вновь, когда новый владыка Гвиннеда поднялся, дабы быть облаченным в подобающие королю одежды.

Поверх простого белого льняного платья на него надели новую тунику из золотой парчи, расшитую золотым шнуром и кружевом, а также алыми самоцветами, горевшими в лучах солнца, безжалостно бивших сквозь цветные стекла витражей. Вокруг узкой талии короля архиепископ затянул белый рыцарский пояс, также украшенный драгоценными камнями, тогда как двое рыцарей закрепили на каблуках золотые шпоры. Хотя по возрасту он еще не дорос до посвящения в рыцари, однако отныне он стал символом чести для всего королевства, источником,

из которого проистекала самая суть рыцарства и всяческого благородства. Лишь горстка присутствующих знали, что вручение этих символов королю были заветом не только на будущее, но подтверждением права, уже заслуженного по решению его собственных рыцарей.

И поверх всего этого великолепия легла тяжелая пурпурная мантия земного величия — дамасский шелк с вышитыми львами Халдейнов, в глазах которых горели самоцветы. Мантия была подбита золотой парчой, а не мехом, поскольку обряд проходил в летнее время, а по краю шла широкая белоснежная лента, расшитая золотым шнуром и самоцветами.

Мантия ниспадала по ступеням впереди него, и теперь королю были вручены прочие регалии его сана: сперва Державный Меч, который он недолго подержал в руках, прижался к рукояти губами, а затем вернул высокому сумрачному человеку в черном... по словам Димитрия, это был гофмаршал Гвиннеда, а также великий магистр нового ордена, заменившего михайлинцев.

Рыцарь отнес меч обратно к алтарю и прежде чем с поклоном положить его на место, поднял вверх на вытянутых руках, после чего мужчина в одежде изумрудно-зеленого и темно-синего цвета выступил вперед, держа серебряный поднос, на котором сверкала какая-то драгоценность, алая с золотом... Судя по всему, перстень, ибо архиепископ надел его королю на палец, произнеся при этом слова, расслышать которые Миклосу не удалось. Вслед за этим благородного вида светловолосый юноша в сером, голову которого украшал изящный, хотя и не королевский обруч, вынес вперед скипетр — жезл слоновой кости, инкрустированный золотом, кото-

рый архиепископ ненадолго вручил королю, а затем вновь вернул его хранителю. Наконец, наступило время коронации — высшей точки всего ритуала. Склонившись перед королем, архиепископ и его помощник взяли владыку за руки и подвели почти к самым ступеням алтаря, где была установлена специальная скамеечка. Король преклонил колена, скрестив руки на груди и склонив голову. Торжественно, почтительно второй архиепископ приблизился к алтарю и взял корону, неся ее перед собой на вытянутых руках; затем он передал ее первому прелату. Джаван поднял глаза, чтобы взглянуть на сверкающий золотом венец, и в этот миг примас Гвиннеда возложил его на голову короля со словами молитвы, обращенной к небесам:

— Благослови, Господи, молим тебя, сей венец и освяти слугу Твоего Джавана, на голову которого Ты возложил нынче сей знак королевского величия. Да будет он милостью Твоей преисполнен всех царских добродетелей. Во имя Царя Вечного, Господа нашего, Который живет и правит с Тобой, и Духом Святым, Господь вечный, Аминь.

Он возложил корону на голову королю, и ответный возглас «Аминь» прошелестел по всему собору, после чего трубный глас возвестил завершение ритуала как тем, кто находился в стенах собора, так и тем, кто ожидал снаружи. У принца Миклоса Торентского, Дерини, перехватило дыхание, ибо в этот миг он внезапно увидел, как вокруг головы короля возникла вспышка света, подобная золотому ореолу... Хотя, оглянувшись по сторонам, он обнаружил, что никто, кроме него, этого не заметил, если не считать его собственного спутника, который созерцал весь обряд с выражением крайнего сосредоточения на лице. По-

говаривали, и довольно давно, будто отец нового короля некогда владел магией, еще во времена, когда жив был его главный противник, и будто тот сам лишил себя жизни, не желая признать поражения от рук обычного человека. Это были слухи, однако наверняка известно было, что сестра того покойного короля погибла в битве с отцом нового владыки Гвиннеда...

Миклос пристально взглянул на короля и постарался с помощью магии проникнуть в суть того, что только что явилось его внутреннему зрению, но все пропало, и король Джаван Гвиннедский вновь сделался обычным человеком. Пока сановники кланялись ему и приносили клятвы верности, и во время последовавшей за этим мессы, слегка отличавшейся по форме от той, к которой привык Миклос, он старался сосредоточиться и проникнуть в сознание нового короля, однако того постоянно окружали ментальные щиты... либо его собственные, либо то была защита, рожденная священной силой литургии. Этого Миклос не мог сказать наверняка.

Всю дорогу до замка, где должен был состояться пир, он шел в глубокой задумчивости, а его юный спутник хранил напряженное молчание. Миклос гадал теперь, какова будет реакция короля Джавана, когда принц передаст ему приветственные слова своего брата Ариона и попросит у недавно коронованного владыки положенной по обычаю милости.

Глава 23

Вот пред тобою тот, кто претерпел от рук супротивника; и не ослабел духом на судилище[1]

День понемногу клонился к вечеру, и наконец торжественная процессия медленно потянулась вверх по склону холма, где высился ремутский замок, сопровождаемая приветственными выкриками толпы, заполонившей улицы. Солнце по-прежнему палило нещадно, но поднялся свежий ветерок. Джаван изнывал под тяжелыми покровами торжественных одеяний, и вытерпеть долгую дорогу в замок ему помогла лишь надежда на то, что очень скоро он может сложить с себя все эти покровы и на час или два свалиться замертво на постель, пока не придет время вновь предстать перед придворными. Кроме того, поскольку он постился со вчерашнего дня, это также не улучшило его самочувствие, и Джаван не знал, приписать ли ему донимавшую его пульсирующую головную боль жаре или же голоду.

Он расстегнул застежку мантии, едва лишь въехал во врата внутреннего двора замка, и сбросил с плеч алые с золотом шелка, как только спешился у ступе-

---

[1] Мудрость Иисуса 4:9

ней дворца. Ожидавшие там слуги вовремя подхватили одеяние, которое Джавану придется вновь надеть на вечернем пиршестве, но сейчас, радуясь недолгой передышке, он усталым жестом велел свите следовать за ним и направился прямиком в свои покои. Как только он оказался там, то первым делом скинул с себя и все остальное, включая пояс, золотую тунику и нижнюю одежду из льняной ткани. С тяжелым вздохом он опустился на стул, осушил два бокала прохладной воды, позволив Карлану смыть с себя пот, а затем несколько минут неподвижно сидел у открытого окна, наслаждаясь свежим ветерком, закрыв глаза и стараясь ни о чем не думать, пока Джейсон и Робер снимали с него сначала золотые шпоры, а затем и белые сапоги.

— Я принес вам кое-что перекусить, сир, — сказал Гискард, прервав его мечтания и поставил на столик поднос. — Вы ничего не ели со вчерашнего вечера, а прежде чем пить вино сегодня на пиру, непременно нужно подкрепиться.

Со вздохом кивнув, Джаван вернулся в комнату и сел на свое привычное место. Пока он ел, времени как раз хватило на короткий разговор. Его рыцари наслаждались прохладным разбавленным вином, но в большинстве своем никто ничего не ел, поскольку все берегли силы для вечернего банкета.

— Ладно, давайте начнем с главного события дня, — заявил Джаван, принимаясь за холодную куриную ножку. — Келдорские лорды почтили нас своим появлением, однако намерения их по-прежнему сомнительны. Известно ли кому-нибудь, что они собираются предпринять? Ожидают ли меня неприятные сюрпризы сегодня вечером?

Этьен де Курси откинулся в кресле, невозмутимый и опрятный, даже невзирая на жару.

— Ситуация, как вы сами знаете, весьма щекотливая, сир. Радует уже то, что их не придется силой заставлять приносить вам вассальную присягу, однако то, что они нарядились в свои горские одежды, это явный вызов и демонстрация их готовности отделиться при первой же возможности.

— А как насчет юного Грэхема? — спросил Джаван. — Он ведь сам давал клятву, и, полагаю, поскольку он теперь совершеннолетний, она должна быть подтверждена. И хотя одет он был неподходяще для коронации, но, слава Богу, на нем и не было этих горских тряпок. Кто-нибудь имеет представление о том, что он за человек?

Джеровен Рейнольдс подошел ближе, опираясь о стол за спиной у Этьена.

— Он довольно уравновешен, сир, что весьма неплохо само по себе, учитывая, что именно со смертью его отца началась вся эта история.

— Его там не было, присутствовали только его дядья, — хмыкнул Джаван в ответ. — Я тоже был там, и мне весьма трудно хранить взвешенность суждений в отношении тех, кто за это ответственен. Как вы думаете, что может их удовлетворить? Чего они желают?

— Никто не знает, — отозвался Этьен. — Мы ведь даже до последнего момента не были уверены, что они вообще появятся. Я думаю, они по меньшей мере попросят о приватной аудиенции... и одному Богу ведомо, что они могут потребовать.

— *Потребовать*? — возмутился Робер. — С каких это пор подданные *требуют* чего бы то ни было от своего короля?

— *Они* могут, — просто отозвался Джаван, запивая цыпленка вином. — Я бы на их месте точно потребовал. И потребовал бы еще три года назад, если бы имел такую возможность. Вас там почти никого не было, вы не видели, как обошлись с герцогом Эваном... а затем с Декланом Кармоди, его женой и сыновьями. Никогда не прощу этого Мердоку. Теперь, когда я стал королем, если келдорские лорды потребуют правосудия, я сделаю все, что в моих силах, дабы оно было им предоставлено.

— Однако не стоит недооценивать Мердока и его дружков, — возразил Джейсон. — Разумеется, ваше положение гораздо более уверенное сейчас, нежели пару недель назад, однако вы еще не готовы говорить с бывшими регентами с позиции силы. В случае малейшей угрозы они тут же объединятся в единый кулак — уж в этом можно не сомневаться!

— Постараюсь не забыть об этом, — ответил Джаван. — Ну что ж, какие еще неприятности могут ожидать нас сегодня? Джеровен?

Лорд-законник внимательно изучил свои записи на пергаменте.

— Хм. В основном, будут обычные гости из всех концов Гвиннеда и соседних держав. Разумеется, вы уже в курсе, что Торент прислал официального наблюдателя.

— Да, Хьюберт сказал мне вчера. — Джаван отставил кубок. — Кажется, это один из братьев короля.

Джеровен кивнул.

— Его зовут принц Миклос. Он ненамного старше вас. Говорят, он обладает изысканными манерами. С собой привез лишь небольшую свиту... и, разумеется, он Дерини, как и все прочие из рода Фурстанов.

— Понятно. И что же?

Джеровен пожал плечами.

— До сих пор и он, и его люди вели себя безупречно, сир. Гофмаршал расставил лучников на галереях собора, и сегодня они также будут присутствовать в зале приемов. Может быть, вам стоит держать поблизости Ориэля или Ситрика, по крайней мере, вы сумеете определить, если Миклос вам солжет... И он тоже будет знать, что *вы* знаете.

Джаван глубоко задумался и застыл в неподвижности, торопливо пытаясь оценить сложившееся положение. Учитывая все, что ему было известно о возможных торентских связях Дерини на службе у Полина, возобновление дипломатических отношений с Торентом показалось ему подозрительно удачно совпавшим по времени. А навстречу с принцем-Дерини Джаван не осмелится даже взять с собой Гискарда или Этьена, из опасений, что Миклос узнает в них Дерини и выдаст перед всем двором.

Однако, вероятно, насчет Ориэля это была не такая уж плохая мысль. Никто не удивится, если король пожелает иметь рядом с собой Целителя, а гости из Торента, возможно, еще дважды подумают, прежде чем пойдут на какую-нибудь хитрость, если увидят, что он под покровительством Дерини.

— Да, пожалуй, — медленно протянул он. — Думаю, я и впрямь попрошу мастера Ориэля держаться поблизости. Что же касается Ситрика, то, по-моему, лорд Ран уже успел сделать так, чтобы его включили в почетный эскорт торентцев. Однако скажите мне, наш фестилийский самозванец по-прежнему обретается при торентском дворе?

— Ну, официально нет, — ответил Этьен. — Марк Фестил якобы отправился в Арьенол, дабы продол-

жить там свое обучение. Однако нам неизвестно, насколько горячо намерен поддерживать его Торент, когда он будет наконец готов двинуться против нас.

— Что ж, подождем, увидим, — резюмировал Джаван. — Ну, а пока нам надлежит с достоинством принять торентского принца при дворе.

Робер пожал плечами.

— Мы же не воюем с ними, сир, вот уже несколько лет. И может статься, он привез вам какой-нибудь любопытный подарок.

— Любопытный... вполне возможно. — Джаван побарабанил кончиками пальцев по столу, затем встряхнул головой. — Ладно, господа, похоже, что уроки иноземной дипломатии я вынужден начать с самой верхушки. Джеровен, пожалуйста, проследите, чтобы лучники были наготове... разумеется, не слишком бросаясь в глаза. Мне говорили, что по скорости стрела действует куда быстрее заклятия.

Эта шутка короля вызвала нервный смех среди рыцарей, после чего Джейсон продолжил свой рассказ о прибывших на церемонию гостях. Чуть позже Ориэль зашел осмотреть его ногу, с которой, по счастью, все было в порядке, а затем на один час погрузил его в глубокий освежающий сон, покуда свита переодевалась в более прохладные одежды, подходящие для пиршества.

Час спустя, когда король, наконец пробудился, на него надели длинную тунику без рукавов из пурпурного шелка, поверх тончайшей белой полотняной рубахи. Это одеяние было не столь элегантным как утреннее, но гораздо более подходило по погоде и выглядело вполне царственно, особенно с белым, изукрашенным самоцветами поясом, на котором висел меч Халдейнов, сапогами с золотыми шпора-

ми, и державной короной. Он чувствовал себя вполне в своей тарелке, когда отправился в приемный зал, дабы принять официальные поздравления от своих подданных и гостей.

Вся атмосфера празднества мало походила на коронацию Алроя пять лет назад. Тогда основной задачей было позабавить короля-отрока и его младших братьев, а также продемонстрировать богатство и власть регентов юного короля. Однако король Джаван, по закону, уже два года как вошел в возраст мужчины. Соответственно, и протокол праздника был изменен, дабы включить более подходящие развлечения.

Одним из основных изменений, помимо необходимости лично принять иноземных посланцев, было присутствие куда большего числа женщин, чем помнилось Джавану пять лет назад... хотя он должен был признать, что в одиннадцать лет едва ли обратил внимание на подобные вещи. Вполне возможно, что сейчас именно знакомство с прелестной Анной Кассанской побудило его проявить любопытство к слабому полу. Даже сейчас, стоило ему лишь взглянуть на нее, внутри у него что-то сладко сжималось.

Но хватало в зале и других красоток, хотя некоторые из них в политическом смысле могли повлечь за собой подлинную катастрофу, как, например, темноглазая дочь Рана Джулиана, или другая — уже представлявшая немалую опасность для Райса-Майкла — Микаэла Драммонд. Он потерял счет юным дамам «подходящего происхождения», которых ему и его брату представляли между тем моментом, как они вошли в зал и началом пиршества. Блондинки и брюнетки, рыжеволосые и русые, по возрасту тут были и хихикающие десятилетние девчушки, и зрелые

красавицы лет под тридцать. Их платья напоминали летний цветник, голубые, розовые, фиолетовые и алые, и ароматы их окутывали вполне соответствующие, сладостные.

Джавану доводилось слышать о подобных выставках невест, однако он и не надеялся, что сам так скоро подвергнется подобному испытанию. Он наблюдал за ними оценивающим взглядом, порой внимание его ненадолго захватывал вьющийся локон или лукавые глазки, однако он заставил себя со всеми быть одинаково вежливым и любезным. С глубоким облегчением он наконец дождался момента, когда можно было занять свое место за главным столом.

Райс-Майкл сел справа от него, а Хьюберт — слева, и вскоре уже принесли первую перемену блюд, где были свежеиспеченные булочки в мясном соусе, прозрачный бульон с крошечными клецками, салат из свежих овощей, обильно сдобренный пряным соусом, и кусочки рыбы, зажаренные в ореховой подливе. Все это было невероятно аппетитно, однако Джаван старался есть поменьше, во-первых, из-за жары, из-за того, что он уже успел перекусить чуть раньше, а также памятуя, что впереди ждет еще шесть или семь перемен. Между первой и второй сменой блюд он встретился с посланцами Лланеда и Мурина в небольшом зале приемов, расположенном позади помоста. Его сопровождали Райс-Майкл и Гискард, а также Хьюберт, Таммарон и еще несколько старших сановников. Прозвучали слова поздравления и были вручены дары: кожаный мешочек, полный неограненных рубинов из муринских копей, а также золотые слитки из Лланеда, — после чего все вернулись в пиршественный зал, дабы продолжить банкет.

Но вот в паузе между третьей и четвертой переменой, когда косые лучи солнца уже начали проникать сквозь западные окна зала, Джаван приготовился принять посланника короля Торента. На сей раз с ним был Ориэль, в темно-зеленой тунике, похожей на одеяния, какие в прошлом носили Целители, однако эмблемы этого сана у него, разумеется, не было, поскольку официально ношение их было запрещено законом. Предполагалось, что присутствие Дерини заставит посланников быть осторожными.

А если уж этот Миклос все же ощутит что-то неладное, Джаван всегда мог укрыться за известной отговоркой о чудесных способностях рода Халдейнов, ибо было общеизвестно, что его семейство давным-давно из неизвестного источника обрело силу, достаточную, чтобы справиться с Имре Фестилом. Впрочем, торентский принц, должно быть, слишком хорошо воспитан, чтобы затронуть столь щекотливую тему.

Предприняв все возможные меры предосторожности, Джаван усадил брата слева от себя, Карлан встал между ними с мечом Халдейнов, а Джеровен Рейнольдс занял место справа, дабы в нужный момент он мог подать королю совет. Мастер Ориэль встал прямо за троном короля. Еще нескольких рыцарей, чья верность не подвергалась сомнениям, попросили встать вдоль стен комнаты. Там были Джейсон, Робер, Сорль, Бертранд и Томейс. Помимо этого, Джаван знал, что из укрытия за ними наблюдает не менее полудюжины стражников, включая и Ситрика, с луками и стрелами наготове.

Кроме того, сюда явились не желавшие упустить ничего важного из событий этого дня и остальные члены его совета: Таммарон, Манфред, Ран и Мер-

док, а также архиепископ Хьюберт и Альберт... хотя, как ни странно, Полин не явился. Джаван не знал, имеет ли его отсутствие какой-то скрытый смысл.

Все присутствующие затихли, когда Джаван занял место на троне. Теперь на плечах его красовалась отороченная золотом мантия, которая была на нем во время церемонии в соборе. Поправив корону, чтобы убедиться, что она сидит ровно и повернувшись к брату, чтобы тот подтвердил, что все в порядке, он подал стражникам знак начинать. Они распахнули двери, и торентский герольд провозгласил титул своего господина.

— Посланец короля Торента — его высочество принц Миклос Фурстан.

Возглавляли делегацию шестеро стражников, в конических сверкающих шлемах и кирасах, поблескивающих из-под восточных шелковых одеяний того же рыжевато-коричневого оттенка, что и знамя, которое нес в руках их капитан. На знамени на белом круге был изображен черный олень в прыжке, символ дома Фурстанов. Навершие было украшено лентами и разноцветными шнурами, каждый из которых означал какую-то воинскую победу. Пестрой волной они ниспадали на белые латные рукавицы капитана.

По очереди они поклонились Джавану, ударяя кулаком правой руки в грудь, с выражением уважения, но не подчиненности. Затем по двое, стражники расступились, чтобы по образовавшемуся коридору мог приблизиться знаменосец. Он также склонил голову, однако не наклонив при этом знамя, а затем отступил в сторону и вполоборота развернулся к приближающемуся юноше с поразительно светлыми

волосами, одетому в желтый шелк и с диадемой из самоцветов на голове, в знак его высокого ранга.

На боку у торентского принца висел изогнутый меч в золотых ножнах, с рукоятью, богато украшенной резьбой и жемчугом. Его сопровождал оруженосец, чуть моложе принца, державший в руках какой-то предмет, также завернутый в желтый шелк.

Как он того и ожидал, Джаван ощутил у обоих наличие защиты, однако ни один не попытался прощупать его самого, и это был добрый знак. Свои собственные щиты он постарался сделать как можно незаметнее, чтобы гости не заподозрили неладное, а Ориэль напротив расширил свои защитные покровы, чтобы включить в их поле и самого короля.

— Джаван Гвиннедский, — произнес принц, отвесив церемонный поклон, в котором, как и в приветствии его эскорта, не было ни особой почтительности, ни дерзости. — В этот день вашей коронации я принес поздравления от моего короля и брата Ариона Торентского. Хотя в прошлом отцы наши и наши королевства могли испытывать разногласия, но сейчас мой господин желает, чтобы вы знали, что он не питает к вам ничего, кроме самых добрых чувств, и будет молиться о даровании вам долгого и мирного царствования. Поэтому он просит меня вручить сей скромный знак его уважения от одного христианского владыки другому.

Он повернулся к своему спутнику, который вручил ему завернутый в шелк сверток.

— Поскольку слухи об ученых интересах нового короля Гвиннеда достигли и Торента, мы подумали, что сие может стать достойным украшением библиотеки вашего величества. — Принц с этими словами развернул шелк и достал какой-то свиток довольно

древнего вида. — Это ничто иное как повествование о жизни одного из ваших предков, благословенного святого короля Беренда Халдейна. Как мне сказали, жизнеописание это было начато до его кончины, когда рассказы о его подвигах еще были свежи в памяти летописцев. Завершена же была сия повесть вскоре после его гибели. Увы, стиль повествования не слишком в моем вкусе, однако рисунки выше всяких похвал... если ваше величество позволит продемонстрировать вам это.

Миклос развернул часть свитка, чтобы показать богато украшенный рисунками пергамент, и Джаван с интересом подался вперед, затем знаком дозволил принцу подойти ближе. Миклос повиновался, опустив одно колено на подушечку перед троном Джавана, и развернул свиток у него на коленях и через поручни кресла.

— Здесь можно видеть коронацию Беренда... очень похоже на то, чему мы стали свидетелями сегодня, — пояснил Миклос, указывая на один из рисунков. — А здесь он отплывает в путешествие по южным морям. Здесь великое морское сражение с мавританской ордой... Вот здесь изображен адмирал, который позже создал столь печально знаменитый ныне орден михайлинцев. И наконец, еще несколько изображений чудес, приписываемых святому Беренду...

Ни словом, ни действием торентский принц не преступил законов приличия или этикета, он был очень осторожен, чтобы ни единым пальцем не коснуться гостеприимного хозяина. Однако когда они вдвоем свернули пожелтевший пергамент, повествовавший о жизни Халдейнского короля, скончавшегося более века назад, Джаван ощутил слабое менталь-

ное касание на границе своих щитов. Он постарался убрать их настолько, насколько было возможно, воспрепятствовав, однако проникновению Миклоса в свое сознание, и в упор уставился тому в глаза с самым невинным видом. Миклос, наконец, скрутил свиток, по-прежнему стоя на одном колене перед троном.

— Полагаю, ваше величество найдет этот документ весьма любопытным, — ровным голосом произнес принц. — У Халдейнов много тайн.

Джаван слегка улыбнулся при этих словах, прекрасно сознавая, что Миклос отнюдь не имел в виду подаренный свиток.

— Да, это большая честь происходить из столь благородного рода, — промолвил он. — Прошу, передайте мою благодарность королю Ариону, вашему брату, за его щедрый дар. Я постараюсь подыскать ему достойное место в библиотеке, которую начал собирать здесь, в Ремуте. Кроме того, благодарю, что почтили меня своим присутствием на коронации. Я рад, что между нашими королевствами сейчас царит мир. В отличие от многих моих предшественников, я не стремлюсь ввязаться в войну, если только мне не будет оставлено иного выхода. Надеюсь, что в Торенте также разделяют мои убеждения.

— Без всяких сомнений, сир, — Миклос изящным движением поднялся на ноги и попятился с низким поклоном. — Именно поэтому и поскольку между нашими державами царит мир — вот уже несколько лет — мой господин осмелился попросить ваше величество об одной услуге от владыки к владыке в этот день вашей коронации.

Джаван позволил себе чуть заметно улыбнуться, хотя по рядам присутствующих в этот миг пробе-

жал тревожный шепоток. Он ожидал чего-то подобного, зная, что дело не ограничится одним лишь подарком, хотя оставалось еще посмотреть, о чем пойдет речь.

— Если это не пойдет в ущерб моему королевству, я обдумаю вашу просьбу, милорд. Чего желает король Торента?

Миклос подчеркнуто развел руками и улыбнулся.

— Право же, это старая история, поскольку все мы, и даже мой брат, были еще детьми, когда это случилось. Мой господин желал бы знать, какая судьба постигла некоторых торентцев, взятых в заложники в Гвиннеде во время правления покойного короля, вашего отца... ибо эти заложники приходятся, как оказалось, дальней родней нашей семье.

— В самом деле? — Джаван поднял руку, давая знак своим придворным замолкнуть. — Возможно, ваше высочество соблаговолит назвать этих заложников?

— Леди Судри и лорд Кеннет, племянница и племянник лорда Термода Рорау, сир, — ответил принц с поклоном. — Еще будучи детьми, они были отданы под опеку Эвана, сына герцога Сигера.

Неизвестно, было ли это преднамеренно, хотя Джаван подозревал, что Миклос прекрасно осознает, что он делает, но просьба принца оказала поразительное воздействие на присутствующих. Все мгновенно осознали, что человек, повинный в смерти Эвана, находился сейчас среди них. И меньше всего Мердоку Картанскому хотелось бы, чтобы в этот зал призвали братьев погибшего, которые единственные могли пролить свет на судьбу заложников. Келдорские лорды явились в Ремут, явно напрашиваясь на драку, и явно искали лишь предлога, чтобы возобно-

вить свою ссору с Мердоком. Джаван надеялся, что ему удастся держать их как можно дальше друг от друга, но, похоже, теперь настал час неизбежного столкновения.

— Милорд задал нам весьма любопытный вопрос, — ничего не выражающим тоном сказал Джаван, искоса наблюдая за Мердоком. — Совершенно верно, что дело это очень давнее, и наша память не сохранила о нем ничего. Более того, и герцог Сигер, и его сын герцог Эван оба мертвы.

— Да, весть об их кончине достигла и Торента, — вполголоса отозвался Миклос. — Да упокоятся в мире их души, как и души всех правоверных.

С этими словами он набожно перекрестился справа налево на восточный манер, тогда как Джаван со всеми остальными последовали его примеру, как это принято на западе. У Хьюберта при этом вид был весьма смущенный.

— Однако все сложилось настолько удачно, — продолжил Джаван, — что оба брата герцога Эвана сегодня присутствуют во дворце, хотя и не в этой комнате. Я уверен, что они смогут ответить на ваш вопрос. — Он незаметно поймал взгляд Таммарона. — Милорд канцлер, будьте столь любезны и пригласите к нам графов Истмаркского и Марлийского.

Таммарон, поклонившись, двинулся к выходу. Принц Миклос рассыпался в благодарности и отвел своих людей в сторону, чтобы дать дорогу графам. Пока все ждали новых гостей, Джаван небрежным жестом взял у Карлана меч Халдейнов и положил к себе на колени... ибо подозревал, что этот обмен дипломатическими любезностями вскоре может перерасти в неприятный политический инцидент.

Несколько минут спустя двери на другом конце комнаты распахнулись, и вошел Таммарон и за ними показались оба графа и их весьма озадаченный происходящим племянник. На вид юный Грэхем был вполне трезв, однако Хрорик и Сигер раскраснелись и ступали не слишком твердо, что свидетельствовало об их опьянении. Все трое отвесили Джавану достаточно уважительный поклон, однако Хрорик, оглядевшись по сторонам, заметил Мердока, который изо всех сил старался стать как можно незаметней, и в глазах его вспыхнул недобрый огонек. Но прежде чем северянин успел сказать хоть слово и окончательно усугубить и без того непростое положение, Джаван откашлялся, чтобы привлечь их внимание.

— Благодарю вас, что откликнулись на мой зов, господа, — любезным тоном сказал он. — Позвольте мне представить вам его высочество принца Миклоса Торентского, брата короля Ариона. Его высочество интересуется судьбой нескольких заложников, вверенных попечению герцога Эвана пятнадцать лет назад. Как вы сказали, их имена, милорд Миклос?

— Лорд Кеннет и леди Судри Рорау, сир.

Хрорик побледнел, а Сигер бросил смущенный взгляд на старшего брата. У Грэхема вид был совершенно изумленный.

— Я вижу, эти имена знакомы вам, милорды, — спокойно промолвил Джаван, поражаясь их реакции и готовясь использовать чары истины. — Возможно, вы поведаете его высочеству о том, что с ними случилось за это время.

Хрорик покачнулся, уставившись в пол, а Сигер еще раз метнул взгляд на брата, уперся глазами в Мердока.

— Спросите лучше графа Картанского, что стало с лордом Кеннетом, сир, ибо его люди убили того точно так же, как убили нашего брата Эвана.

— Это ложь! — воскликнул Мердок, наполовину обнажив меч, и Манфред с Раном тут же схватили его за руки. — Эван Клейнборнский был подлым предателем, и он напал на меня, когда я хотел призвать его к ответу. Кроме того, убил его не я, а тот Дерини — подлый, дерзкий...

— А я говорю, ты лжешь, Мердок Картанский! — проревел Хрорик и выхватил дирк из-за пояса. Его вовремя удержали Сигер и перепуганный Грэхем. — Ты убил Кеннета Рорау, точно так же, как убил всех прочих слуг моего брата, и если не твоя рука держала кинжал, то по твоему приказу...

— Лжец!

Хрорик принялся отбиваться, в синих глазах его сверкала ненависть, а Мердок вырвался из рук Манфреда и Рана, и наконец обнажил меч, с криком ярости бросаясь на келдорских лордов.

— Стоять! — вскричал Джаван.

Едва лишь Мердок рванулся к северянам, Джаван вскочил с трона так, что опрокинул его, выхватил из ножен меч Халдейнов и резко вскинул его снизу вверх, чтобы парировать удар Мердока.

— Стоять, я сказал! — повторил он, когда клинки со звоном склонились. — Мердок, брось оружие!

Карлан с Удаутом также устремились на помощь, вцепившись в Мердока, когда он попытался вновь замахнуться, на сей раз на короля — и повалили его на пол, вырвав оружие у него из рук. Райс-Майкл бросился в сторону, чтобы не попасть под удар.

Еще несколько рыцарей толпились вокруг Хрорика, Сигера и Грэхема, то ли чтобы защитить их, то

ли чтобы не позволить ввязаться в драку. Еще несколько рук удерживали Манфреда и Рана, чтобы не дать и им принять участие в свалке.

Мердок бился и извивался в руках своих пленителей, вопя от бессмысленной ярости, и умудрился даже пнуть Джавана в колено. Успокоился он лишь когда острие королевского меча уперлось ему прямо в горло, и тогда те, кто держали его, расступились, чтобы Джаван остался с Мердоком один на один.

— Брось оружие, Мердок, — приказал Джаван. — А еще лучше — не бросай. Стража, сюда! И возьмите этого глупца прежде, чем я буду вынужден убить его. А ты, — он указал мечом на продолжавшего отбиваться Хрорика, — предоставь это дело мне, иначе ты будешь ничем не лучше его.

Стоя здесь вот так, рядом с поверженным Мердоком, обводя взглядом комнату, подобно тому, как только что он готов был очистить ее своим мечом, Джаван выглядел куда более внушительно, чем сам о том догадывался. Они все взирали на него, открыв рот, с опаской, изумлением и даже восхищением. Двое рыцарей Джавана отвели подальше принца Миклоса с его оруженосцем, готовые защищать их при первых же признаках тревоги, и теперь держались поблизости, как почетный караул.

Джаван поприветствовал принца мечом, затем отступил от Мердока, который бессильно обвис на руках стражей. Архиепископ Хьюберт неуверенно протянул поднятые с пола ножны. Джаван взял их, однако не спешил пока убрать меч Халдейнов.

— Прекрасно. И все же я желал бы получить ответ на свои вопросы, — заявил он, ткнув в Мердока клинком. — Ты, стой смирно. Еще одна такая вспыш-

ка, и попадешь в темницу, чтобы слегка остыть. Ты тоже, Хрорик, следи за собой.

Он вернулся к трону, опрокинутому, когда он бросился разнимать дерущихся, и с благодарностью кивнул Райсу-Майклу, который помог поставить кресло на место.

— Итак, — провозгласил он, сев и уложив обнаженный меч и ножны на колени. — Мы говорили о Кеннете Рорау. Мердок, Сигер заявляет, что ты убил его сам или это сделали твои люди. Ты отрицаешь это?

— Разумеется, отрицаю, — Мердок едва не сплюнул, глядя на Сигера.

— Благодарю. Этого довольно. Сигер, Мердок все отрицает. Готов ли ты доказать свои утверждения? Возможно, подсказать какие-то детали, которые освежат его память. Расскажи нам, каким образом Кеннет оказался в тот день при дворе.

Метнув ядовитый взгляд на Мердока, Сигер стряхнул руки, по-прежнему удерживающие его.

— Я на него не брошусь, — сказал он презрительно. — Лорду Кеннету было четырнадцать лет, когда они с сестрой попали к Эвану. Ей было тринадцать. По условиям опекунства, их следовало содержать в почетном заключении, но Эван сделал Кеннета своим оруженосцем.

Глубоко вздохнув, он продолжил, не глядя ни на кого из присутствующих:

— Он был бравым парнем, этот мальчуган, как только немножко освоился. А потом сделался отменным воином... Что говорить, когда ему сравнялось двадцать, Эван посвятил его в рыцари, хотя и не имел права, потому что Кеннет был заложником. Но

к тому времени это уже не имело значения, потому что Эван полюбил Кеннета как собственного сына.

Миклос подошел чуть ближе и при этих словах Сигера задумчиво покивал в ответ.

— Со временем Эван стал герцогом, Кеннет уже был одним из его капитанов. Никто и не помнил, что прежде он был заложником. И он вместе с Эваном отправился тогда в столицу, три года назад. И когда этот человек украл у Кеннета его должность, и его люди напали на нас, — он ткнул пальцем в Мердока, — Кеннет пал одним из первых, защищая своего господина. Он был славным человеком и храбрым рыцарем. И вот *он* повинен в его гибели.

Мердок скрестил на груди руки, лицо потемнело от возмущения.

— Ничего об этом не знаю. Мои люди защищали меня от предателя. Может, при этом и погиб кто-то из клейборнцев, больше мне ничего не известно.

— Зато мне известно, — возразил Хрорик, наконец обратившись напрямую к Мердоку, — что именно ты виновен в смерти нашего брата и Кеннета, и каждого другого, кто погиб в тот проклятый день. Я призываю тебя к ответу за твои преступления, Мердок, я вызываю тебя на смертный бой, дабы ты мог доказать свою невиновность с оружием в руках.

Сделав шаг вперед, он выхватил латные рукавицы из-за пояса и швырнул их к ногам Мердока.

— Если ты неповинен в пролившейся крови, тогда пусть я умру той же ужасной смертью, что и мой брат. Но если на тебе вина за его гибель, так пусть гнев всех невинных убиенных тобою падет на твою голову! Бог мне свидетель, Джаван Халдейн, король Гвиннеда, я обвиняю этого человека в убийстве гер-

цога Эвана Клейборнского и готов с оружием в руках защищать свою правоту!

Когда Хрорик бросил вызов, комната застыла. Все взоры устремились на Мердока, а затем на короля. Хрорик стоял в независимой позе, заправив пальцы за пояс.

— Сир, это неслыханная дерзость, — провозгласил Мердок. — Почему я должен отвечать на обвинения этого безумца. Вы были там, я никого не убивал.

— Да, я там был, — спокойно отозвался Джаван, поглаживая пальцами рукоять меча Халдейнов. — Именно поэтому я не доставлю себе удовольствия самому выступать судьей в этом деле. Хрорик предъявил обвинение и призвал тебя к Божьему суду. Если откажешься, я велю тебя изгнать из моего королевства как позорного труса.

— А если я соглашусь и одержу победу, согласитесь ли вы принести мне извинения, *сир*, — процедил Мердок сквозь стиснутые зубы. — Не трудитесь отвечать, я вижу, что вы решили довести эту пародию на правосудие до конца.

— Никакой пародии, милорд, — Джаван обвел присутствующих глазами, и почти все они попятились под его взглядом. — Все будет сделано в согласии с законом. Твой обвинитель повторит свои слова перед всеми придворными. Он имеет право проверить твою невиновность... и бросить собственную жизнь на другую чашу весов.

— Это не правосудие, — выкрикнул Ричард, сын Мердока. — Вы всегда его ненавидели, а теперь, когда надели корону, то считаете, что можете отомстить...

Взяв ножны, Джаван с силой бросил в них меч, не глядя на Ричарда.

— Меч в ножнах, господа, — объявил он. — Правосудие короля не имеет касательства к этому делу. Мы лишь проследим, чтобы были исполнены все требования протокола. Мердок Картанский, Хрорик Истмаркский бросил тебе вызов. Готов ли ты принять его?

— Готов, — ненавидящим голосом отозвался Мердок и вырвался из рук стражников, чтобы нагнуться и поднять брошенные Хрориком рукавицы. — Я утверждаю, что Хрорик Истмаркский лжет, и докажу это на поле брани в любое время и в любом месте, как укажет его королевское величество.

Взглянув на Хрорика, он швырнул латные рукавицы ему обратно так, что те ударили Хрорика в грудь, однако граф успел вовремя поймать их и отвесил Мердоку насмешливый поклон. На губах его играла недобрая улыбка.

— Битва до смерти, Мердок, — пробормотал он. — Я ждал этого дня три года.

Когда обоих вывели из комнаты, мастер Ориэль подошел поближе к королю, и принц Миклос вновь вместе со своим оруженосцем вышел на середину комнаты, оценивающим взглядом окинув их обоих.

— Ваш Целитель, не так ли? — произнес он негромко, сцепив руки за спиной и приветствуя Ориэля легким кивком. — Весьма осторожный шаг... Я хотел бы принести свои извинения вашему величеству за то, что послужил невольной причиной столь печальному повороту событий, хотя и предполагал, что мой вопрос может вызвать враждебность и даже замешательство, но, разумеется, не был готов к подобной ссоре. Увы, судя по всему, оба эти дворянина искренне верят в свою правоту... Полагаю, мастер Целитель готов это подтвердить. Ведь, разумеется, ва-

ше величество знает, что Дерини способен выяснить истину без кровопролития, которое в ином случае неминуемо случится завтра

— Здесь в Гвиннеде мы не приветствуем подобные методы, — невозмутимо парировал Джаван. — И я был бы благодарен вам, если бы вы не стали вмешиваться в сии материи.

Миклос с улыбкой склонил голову, судя по всему ничуть не чувствуя себя оскорбленным.

— Тогда, если мне позволено будет вернуться к материям, где мое вмешательство вполне уместно, милорд, то я хотел бы продолжить. Итак, судя по всему, лорд Кеннет принял благородную смерть. Однако могу ли я осведомиться, что же сталось с леди Судри?

Вопрос этот озадачил Джавана, поскольку он и позабыл о том, что заложников было двое. Кивнув Миклосу, Джаван поднял руку, чтобы привлечь внимание юного Грэхема и поманил его поближе. Его дядя Сигер последовал за ним.

— Принц Миклос только что напомнил мне, что остался еще один вопрос, господа, — сказал он. — Что сталось с леди Судри?

Грэхем покосился на Сигера с явной опаской, однако тот лишь хмуро усмехнулся в ответ, взирая на Миклоса с явным вызовом.

— Леди пребывает в добром здравии, милорд. Однако сомневаюсь, чтобы она пожелала вернуться в Торент. Она стала женой моего брата Хрорика, у них родилась дочь Стейси, которая станет графиней Истмаркской, если завтра ее отец падет в битве. А опекунами будем мы с ее кузеном, герцогом Грэхемом.

— В самом деле? — чуть слышно пробормотал Миклос, и Джаван мог лишь с горечью сказать себе, что вот, ныне завязался еще один неразрешимый узел.

— Ну что ж, полагаю, все прочие разговоры на эту тему лучше оставить до завтрашнего дня, — объявил наконец Джаван и взглядом подозвал к себе Карлана. — Граф Сигер, герцог Грэхем, думаю, мы еще поговорим обо всем этом до вашего возвращения в Келдор. Принц Миклос, надеюсь, вы извините меня, но теперь я должен вернуться к гостям в большой зал.

— Разумеется, ваше величество, — промурлыкал Миклос. — Я тоже буду с нетерпением ждать завтрашнего дня.

Он отвесил Джавану изящный придворный поклон, и проследил взглядом, как король со свитой потянулся к выходу. Когда все они ушли, а его собственные люди собрались в дверях, Миклос обернулся к юному оруженосцу, который хранил молчание все это время.

— Ну что ж, кузен, твое образование успешно продолжается, — промолвил он негромко. — Теперь ты видишь, кто противостоит тебе, и сколь шатко его положение. Полагаю, тебе следует лишь проявить терпение. К тому времени, когда сам ты будешь готов сделать решающий ход, вероятно, Джавана Халдейна уже можно будет сбросить со счета.

В ответ на это юноша кивнул и окинул взглядом вышитый герб Халдейнов, украшавший трон.

Было время, когда в этом зале и в других по всему Гвиннеду красовалось изображение герба его собственной семьи...

В Торенте его считали принцем, по происхождению равным Миклосу.

И хотя в последнее время он привык представляться на торентский манер — Мареком, однако имя, данное ему матерью при крещении, когда она также назвала его истинным наследником гвиннедского престола, было Марк — Марк Фестил.

Глава 24

И молвил я в сердце своем: Господь рассудит правых и виноватых[1]

Назавтра фанфары не приветствовали появление Джавана на поле ристалища, где убрали все приготовления к турниру, чтобы дать место сражающимся в смертном бою. В противовес вчерашнему дню, нынешний выдался пасмурным и хмурым, и одеяния зрителей также отличались подчеркнутой суровостью, ибо из двух бойцов, отдыхавших сейчас в тени павильонов, установленных по обоим концам поля, в живых должен был остаться лишь один.

Занимая свое место вместе с Райсом-Майклом, Карланом и Гискардом, Джаван старался удержать в памяти все детали проведения подобных испытаний, молча кивая придворным, которые приветствовали своего короля поклонами. Чуть раньше все вчетвером они отстояли мессу в королевской часовне, поскольку знали, что сегодня одному человеку суждено умереть. Джаван от всей души надеялся, что это будет Мердок Картанский. Он говорил себе, что то,

[1] Мудрость Иисуса 3:17

что должно случиться нынче утром, будет лишь исполнением отложенного правосудия за убийство Эвана Клейборнского, однако в душе сознавал также, что этот бой отвечает его собственно жажде мести за смерть Деклана Кармоди. Он не позволял себе думать о том, как поступит в случае гибели Хрорика, если Мердок будет оправдан перед всем двором.

Джаван, проходя вдоль ристалища, видел, как грядущее испытание раскололо надвое его придворных. Сторонники Мердока держались на одной стороне поля, сторонники Хрорика на противоположной. Разумеется, вокруг павильона Мердока стояли все приверженцы прежнего режима: Ран, Манфред и сыновья Мердока, Ричард и Кешел. На стороне Хрорика были Сигер и Грэхем, разумеется, но также немало юных дворян, которые до сих пор в открытую не вставали на сторону Джавана. Кроме того, там были коннетабль Удаут и Фейн Фитц-Артур.

По обе стороны от королевской ложи, расположенной на равном удалении от обоих концов арены, стояли те, кто не мог позволить себе демонстративно отдать предпочтение ни одной из сторон — канцлер Таммарон, оба гвиннедских архиепископа вместе с Полином Рамосским, а также Джеровен и Этьен, сэр Робер и сэр Джейсон и прочие рыцари из свиты Джавана.

Джаван отметил про себя, какими взглядами они провожали его, и многие смотрели на короля с уважением, какого он не видел в их взорах прежде. Возможно, благодарить за это следовало случившееся накануне вечером. Нынче он выглядел совсем поиному, чем прежде; Халдейнский меч красовался на поясе светло-серой туники с вышитым на груди гербом, корона представляла собой обруч из золота,

украшенный рубинами с ноготь величиной, ярко сверкавшими в лучах солнца. Этот венец довольно грубой работы, казалась наиболее подходящим для нынешнего действа. Когда они с Райсом-Майклом заняли места в тени королевской ложи, он немедленно устремил взор вниз, на арену, где уже готовились для седоков боевые скакуны.

Сурово и повелительно зарокотали барабаны, и стражи, специально отряженные из гарнизона замка, взяли на караул у каждого из шатров, дабы сопроводить противников и их знамена на ристалище. Символом Мердока был черный картанский зубр на алом поле; перед Хрориком несли штандарт Истмарка с золотыми солнцами и серебряным крестом на лазурном поле. У обоих бойцов под вышитыми сюрко с эмблемами их рода были стеганые кожаные куртки, а также кожаные наголенники и наручни. Позже они также смогут надеть кольчугу, однако, по правилам поединка, шлемы или иные доспехи не допускались. Вооружены соперники были мечами и длинными кинжалами.

Вслед за гофмаршалом и знаменосцами противники вышли на середину поля, искоса поглядывая друг на друга. Хрорик опустился на колени, едва только достиг барьера, отделявшего ристалище от королевской ложи, и почтительно склонил голову, однако Мердок смерил Джавана пронзительным ледяным взглядом, и лишь затем медленно преклонил колена, всем видом своим выражая непокорность. Взгляд Мердока Джаван встретил, не дрогнув, и поднялся, левой рукой придерживая меч Халдейнов.

— Хрорик Истмаркский и Мердок Картанский, — объявил он. — Вы явились на это ристалище, обвинитель и обвиняемый, и согласились сражаться, дабы

подтвердить истинность своих утверждений. Пред Господом обязую вас соблюдать условия боя. Сражение начнется верхом на лошадях и будет продолжаться, пока один из сражающих не получит смертельную рану. Дозволяются любые виды оружия. Просить пощады невозможно, и она дарована не будет. А теперь, есть ли у вас какие-то вопросы?

Ответом ему было лишь молчание, и Джаван повернулся к Хьюберту, который, в полном епископском облачении и митре, ожидал своей очереди, чтобы благословить сражающихся. Пухлые руки архиепископа, сжимавшие пастырский жезл, тряслись, ибо хотя он в открытую и не благословил убийство, происшедшее в тот день три года назад, но и не запретил Мердоку действовать, и даже не попытался отговорить его. Разумеется, как священнослужителя никто не мог бы призвать его к ответу, однако если Мердок падет, вина его также будет неоспорима, — пусть даже не в глазах земного правосудия. Так что архиепископ лишь нехотя поднял правую руку и произнес традиционные слова благословения:

— *Benedicat vos omnipotens Deus, Pater, et Filius, et Spiritus Sancti. Amen.*

Противники осенили себя крестным знамением и встали на ноги. Хрорик вновь поклонился Джавану, Мердок лишь слегка наклонил голову. Затем оба вновь разошлись по разные стороны ристалища, где их ожидали боевые кони и оружие. Гофмаршал также сел в седло и выехал на середину поля. Под королевской ложей военный врач *Custodes* и священник незаметно заняли место рядом с придворным Целителем. Ориэль вновь держался поблизости от Джавана, поскольку принц Миклос со свитой заняли шатер прямо напротив королевской ложи.

В гробовой тишине оба соперника сели в седло и развернулись по разные стороны ристалища лицом друг к другу, едва удерживая непокорных скакунов. Щиты их сверкали на солнце, копья были наготове — не легкие, вмиг ломающиеся турнирные копья, но более короткие и тяжелые боевые. Единственными звуками, нарушавшими безмолвие, было звяканье упряжи, скрип кожаных седел и храп лошадей. Альберт, наблюдавший за ними, повернулся к Джавану и низко поклонился в седле, затем выпрямился и заставил лошадь стремительно попятиться к другой стороне поля. Он вскинул свой жезл и, натянув поводья, вновь взглянул на Джавана, и когда король кивнул ему в ответ, резким жестом опустил жезл.

По этому сигналу боевые скакуны устремились вперед, и тяжелые копыта ударили по иссушенной солнцем земле ристалища. Наконечники копий сверкнули в солнечных лучах, опустились прямо перед столкновением, однако и тому, и другому удалось ловко отразить щитом удар противника. При этом копье Хрорика раскололось по всей длине, а у Мердока оружие вылетело из рук.

Поединщики развернули лошадей для нового захода. Мердок потянулся за мечом, Хрорик наставил поврежденное копье прямо на лошадь противника, так, чтобы оно запуталось у скакуна между передними ногами. С истошным ржанием лошадь рухнула на землю, судорожно взмахивая копытами, и Мердок вылетел из седла.

Каким-то образом ему удалось удержать в руках поводья — поразительно для человека, все еще цеплявшегося за меч и щит — но он сумел приземлиться на обе руки и на колено, сохранив оружие. Тут же он успел заставить лошадь подняться, и вновь вско-

чил в седло, тогда как Хрорик развернул своего скакуна и пошел на новый заход, из-за седла вытаскивая боевой топор. С истошным ржанием лошадь Мердока устремилась навстречу Хрорику, и они сошлись в новой схватке. На сей раз Мердоку с трудом удалось усидеть в седле и удержать меч. Его вороной вцепился зубами в горло лошади противника, и оба принялись пятиться с громким хрипом и ржанием, но Хрорик уже взмахнул топором и обрушил его вороному промеж ушей, расколов ему череп и перерезав поводья, так что у Мердока в руках оказались бесполезные обрывки.

Лишь с огромным трудом Мердоку удалось отразить следующий удар Хрорика — он поймал рукоять топора в крестовину меча, — но удар был такой силы, что едва не вывихнул ему руку. Вороной пал на колени, уже едва живой, и Хрорик сумел нанести новый удар. Мердок чудом успел метнуться в сторону, чтобы топор не пригвоздил его к земле.

Откатившись в сторону, Мердок торопливо выставил меч острием вверх, и когда гнедой Хрорика вновь налетел на него, клинок вонзился ему прямо в грудь.

Лошадь завизжала от боли, Хрорик в ярости взревел. Мердок с воплем повернул в ране меч, затем вырвал его, вспоров животному брюхо, так что кишки его вывалились наружу. Теперь пришел черед Хрорика выскочить из седла, и он поспешил откатиться подальше от бьющейся в конвульсиях лошади, едва успев вскинуть щит, чтобы блокировать удар Мердока, одновременно высвобождая ноги, запутавшиеся в стременах.

Бой начался с новой силой. Меч и щит против щита и топора. Большинство зрителей вскочили на

ноги, как только произошел первый обмен ударами, и погибли лошади. Джаван со свитой продолжали сидеть, как того требовал этикет, однако король смертной хваткой вцепился в поручни кресла. Гибель лошадей вызвала у него тяжкий стон, и теперь он внутренне содрогался от каждого удара, гадая, сколько же еще это может продолжаться. Корона впивалась ему в лоб и словно жгла его, а каждый удар стали о сталь словно молотом ударял ему по черепу.

Поединщики провели еще ряд ударов, нападая и отражая, атакуя и контратакуя, пока наконец чаша весов не начала клониться в одну сторону. В самом начале, едва лишь оба соперника освободились от лошадей, казалось, что их силы практически равны, и поединок сделался холодным и расчетливым... танец смерти, почти прекрасный в своем ужасе. Все-таки постепенно преимущество в возрасте Хрорика начало сказываться.

Сперва он сумел нанести удар Мердоку по левому плечу, — неглубокую, но обильно кровоточащую рану.

В ответ на это Мердок сумел оцарапать Хрорику лоб. Первая кровь как будто бы прорвала плотину, и вскоре Мердок уже истекал кровью из полудюжины ран, достаточно болезненных, чтобы замедлить его, но не настолько серьезных, чтобы подарить противнику искомую победу. Хрорик тоже был весь в крови, но это были лишь простые царапины.

Но вот наконец оружие северянина описало в воздухе сверкающий полукруг... почти небрежно. Казалось, топор двигается слишком медленно, и Мердок непременно успеет уйти из-под удара.

Однако Мердок не успел. Лезвие топора вонзилось на всю глубину прямо Мердоку в живот, вспоров алую накидку и простеганную кожу куртки.

Сперва даже было неясно, насколько серьезна рана. Кровь на шелке было не разглядеть, а Мердок, схватившись за живот, тут же выпрямился с криком, точно так же, как при всех предыдущих ранениях. С яростным воплем он швырнул свой щит прямо Хрорику в лицо и попытался вновь нанести удар мечом, прижимая левую руку к животу, а правой выписывая смертоносные стальные петли. Эта вспышка боевой ярости помогла ему пробить защиту Хрорика и ранить его поверх локтя в ту руку, что держала топор.

Взвыв от бешенства, Хрорик отступил и также отшвырнул свой щит, перебросив топор в другую руку и устремившись в атаку. Теперь он нанес удар Мердоку по ноге, подрезав ему поджилки. Тот с рычанием упал, цепляясь за новую рану, но так и не выпустил меч... и лишь сейчас стало ясно, насколько серьезна рана в живот. Края ее зияли на добрую пядь, обнажая окровавленные внутренности. Свободной рукой он попытался зажать рану, но кровь сочилась сквозь пальцы.

По рядам зрителей пронесся стон, как только они осознали происходящее. Мердок покачнулся, и Хрорик сделал короткий замах топором... но тут же распрямился, опустил оружие, и волчья ухмылка искривила его губы.

— Отправляйся в ад, Мердок, — произнес он, задыхаясь и указывая на рану своим топором.

Гофмаршал и Ричард Мердок уже стремительно неслись к поединщикам, тогда как стражники гарнизона удерживали остальных зрителей на местах. Ли-

цо Ричарда исказилось от ужаса, когда он рухнул на колени рядом с отцом, тщетно пытаясь остановить кровотечение. Альберт равнодушно склонился над раненым, отметив, что грязь уже попала в рану, а затем выжидательно обернулся к Хрорику.

— Победа ваша, милорд Истмаркский, прикончите его.

— Пусть его прикончит кто-нибудь другой, — отозвался Хрорик и швырнул окровавленный топор к ногам Мердока.

Ричард Мердок, потрясенный, поднял глаза, словно не в силах вникнуть в смысл слов северянина.

Джаван вскочил с места, изо всех сил пытаясь как можно лучше увидеть и услышать, что творится на поле, затем подал стражникам знак, чтобы Сигера пропустили к Хрорику.

— Согласно условленным законам поединка, — ровным тоном произнес Альберт, — бой должен вестись до смерти, и никакой пощады. Если он не умрет, вы не будете считаться победителем.

— Я победил, — презрительно бросил Хрорик. В этот момент подоспевший Сигер обнял его за плечи, и Мердок наконец собрал в себе достаточно сил, чтобы открыть глаза и взглянуть на них обоих.

— Его рана смертельна, точно так же, как смертельна была рана Эвана. Но я обойдусь с тобой лучше, чем ты с моим братом, Мердок Картанский, — воскликнул Хрорик, ткнув трясущимся окровавленным пальцем в поверженного противника. — Я не буду требовать, чтобы тебе в клочья разорвали разум. Не откажу тебе в ударе милосердия... но сам я этого не сделаю, бессмертием души клянусь — не сделаю.

С этими словами он оглянулся и пошел прочь, тяжело опираясь на руку брата, тогда как зрители

устремились на поле: Ран и Манфред, Хьюберт, лекарь, жена Мердока и второй его сын, а также Джаван, следовавший за ними не торопясь в сопровождении Райса-Майкла, Карлана, Гискарда и лорда Джеровена. Хьюберт немедленно бросился к раненому, устроив его голову у себя на коленях. Лекарь нагнулся, чтобы осмотреть рану. Элейн, жена Мердока, держалась чуть в стороне, ее не подпускал ближе младший сын Кешел. Когда приблизился Джаван, то услышал, как Хьюберт говорит своему брату Манфреду:

— Скорее позови Ориэля.

Манфред бросился прочь, прежде чем Джаван успел остановить его, и тут же вернулся с побледневшим Ориэлем, крепко удерживая Целителя за запястье. Ориэль подавил рыдание, когда Манфред швырнул его на колени рядом с Хьюбертом и раненым Мердоком, который стонал от боли.

— Помоги ему, — велел Хьюберт.

— Милорд, я...

— Я сказал, *помоги* ему, — повторил Хьюберт и с силой ударил Ориэля по щеке, оставив глубокую царапину епископским кольцом. — Только посмей отказаться, и твоя семья за это поплатится, клянусь, Ориэль...

— Архиепископ, довольно, — Джаван схватил Хьюберта за руку, чтобы удержать от нового удара. — Вы не смеете заставлять его сделать это.

Хьюберт вырвал руку и свирепо уставился на короля.

— Да как вы посмели, — прошипел он достаточно громко, чтобы Джаван мог его услышать. — Я вправе приказывать своим слугам все, что пожелаю.

— Милорд, вы не можете заставить его помочь человеку, которому в бою нанесена смертельная рана, — невозмутимо возразил Джаван. — Я позволю проявить милосердие, но не насилие. Кроме того, мастер Ориэль больше не служит вам. С этой минуты я беру его в свою свиту и даю право самому решать, желает ли он проявить милосердие к человеку, который причинил ему зло.

— И какое же зло причинил ему мой отец? — воскликнул Ричард. — Он Дерини, у него нет никаких прав!

— Полагаю, он бы с этим поспорил, — заметил Джаван. — Но неужто вы и впрямь думаете, что в той ссоре участвовали лишь родичи Эвана? Даже если Мердок не сам убил Эвана, хотя, по-моему, именно его кинжал нанес тому смертельную рану... однако по его прямому приказу убили по меньшей мере еще четверых, и одного из них столь ужасным образом, что вы даже не можете себе представить.

— Это были Дерини, — негодующе бросил Ричард.

— Да, верно... и трое из них — женщина и двое маленьких детей, которые никому не причинили зла. Ориэль ничего не мог поделать, чтобы помочь Деклану Кармоди и его родным в тот день. Не мог помочь им и я. Но сейчас я и пальцем не шевельну, чтобы заставить кого бы то ни было облегчить страдания Мердока Картанского. Мастер Ориэль, вы вольны помогать ему или нет, как пожелаете, и не понесете никакого наказания, каким бы ни было ваше решение.

Весь дрожа, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, Ориэль медленно протянул руку над раной Мердока, хотя и не коснулся ее. Через несколько

бесконечно долгих мгновений он вновь опустил руку на колено и невозмутимо взглянул на Хьюберта.

— Должен сказать вам, что исцелить эту рану не по силам ни мне, и никому другому, милорд... Возможно, тут помогло бы только чудо, — сказал он негромко. — К несчастью, таким Дерини, как я, едва ли можно рассчитывать на чудо.

— Но не можешь же ты просто оставить его страдать... — начал Хьюберт.

— Я могу убрать боль, и сделаю это, если пожелает лорд Мердок, милорд, — ответил Ориэль. — Именно этого требует обет Целителя, во имя человечности.

Раненый презрительно хмыкнул, морщась от боли.

— Какая еще человечность в Дерини! — прохрипел он. — Ты не заставишь меня умолять тебя, скорее я увижу, как ты будешь гореть в аду.

Ориэль ничего не выражающим взором уставился на Мердока.

— Полагаю, милорд Мердок и впрямь увидит меня в аду, ибо именно туда он сам и направляется, — заметил он тихо. — Что до меня, то я вручаю себя милосердию Господа Всемогущего, пред кем каждый из нас должен будет держать ответ в день Страшного Суда.

— Поберегись, Целитель, — прошипел Хьюберт. — Твои слова граничат со святотатством!

— Я не желал выказать вам никакого неуважения, милорд, — вымолвил Ориэль. — Все, чего я хотел, это спокойно выполнять свой долг, никому не причиняя вреда.

— А как же мой отец? — воскликнул Ричард. — Вот он, твой долг, Целитель!

— Я не могу внушать вам ложных надежд, милорд. Лорд Мердок должен понимать, что рана его смертельна. Если предоставить событиям идти своим чередом, смерть его не будет ни быстрой, ни легкой. Внутренности рассечены, и рана начнет загнивать изнутри. Я могу убрать боль, но исцелить ранение я бессилен, особенно в такую жару. Однако смерть может придти лишь через несколько дней... а возможно, и через несколько недель.

Мердок при этих словах Ориэля побледнел еще сильнее, и теперь отвернулся, силясь подавить рыдание.

— Возможно, — холодным тоном продолжил Ориэль, — лорда Мердока утешит та мысль, что у него будет довольно времени, дабы раскаяться во всех своих грехах. Это роскошь, которую он не дал ни герцогу Эвану, ни прочим своим жертвам. Думаю, вам следует причастить его поскорее, милорд архиепископ, прежде чем боль станет слишком велика... ибо я вижу, он не позволит Дерини прикоснуться к нему. После этого лучше молитесь, чтобы кто-нибудь согласился сделать для него то, что Деклан сделал для герцога Эвана.

Хьюберт на миг прикрыл глаза, ибо хотя Церковь официально не одобряла *coup de grace*, никто не посмел бы отрицать этого обычая... И это было предпочтительнее, чем перспектива продолжительной агонии для Мердока.

— Тогда именно вы должны исполнить это, мастер Ориэль, — внезапно заявил Хьюберт. — Во имя милосердия, умоляю вас, вы имеете для этого средства, вы можете сделать его кончину легкой.

Ориэль смело встретил взгляд Хьюберта.

— Я *могу*, но, клянусь спасением своей души, я этого *не сделаю*, — сказал он. — Как Целитель я обязывался дарить жизнь, а не отнимать ее. Пусть кто-нибудь другой сделает это.

— Но...

Хьюберт повернулся к Джавану, чтобы тот поддержал его, но король лишь покачал головой и дал знак Ориэлю подойти к нему.

— Не обращайтесь ко мне, архиепископ, меня вся эта ссора не затрагивает, но если вы заставите меня вмешаться, то я тоже вспомню многое, за что Мердок должен держать ответ, и могу счесть, что он еще не заплатил по счетам, даже если агония его продлится долгих полгода.

С этими словами он собрал свиту и развернулся, чтобы покинуть ристалище вслед за Хрориком и Сигером. Мердок стонал, лежа на земле, а его сыновья и друзья толпились вокруг, гадая, что же им теперь делать.

Глава 25

А другой умирает с душею огорченною, не вкусив добра[1]

Час спустя Мердок Картанский, изнывая от боли, вытянулся на постели, которой предстояло стать его смертным ложем. Он скрипел зубами от непереносимой, жгучей боли в животе, усиливавшейся с каждым вздохом. Рядом его жена, с которой они прожили вместе более двадцати лет, смачивала его лоб влажной тряпицей, однако ее ухаживания не столько облегчали боль, сколько раздражали раненого. Она хотела ему только добра, и он был признателен ей за эту преданность, однако огонь, который пожирал его изнутри, было не погасить никакой водой.

И Мердок сознавал, что с каждым часом ему будет делаться все хуже. Уже сейчас агония была нестерпимой.

Военный врач лорда Альберта и придворный лекарь пытались дать ему успокоительное перед тем, как начать заниматься с больным — ибо даже срезать с него одежду и доспехи было невероятно трудно —

---

[1] Иов 21:25

но Мердок не стал пить это снадобье, вцепившись зубами в кусок кожи, чтобы не закричать в голос, когда они принялись обрабатывать раны.

Они как могли старались обойтись с ним помягче, но все равно он потерял сознание от боли задолго до того, как они дошли до раны в животе... Впрочем, это было и к лучшему, поскольку все, на что они оказались способны — это омыть вывалившиеся внутренности теплой водой, вложить их обратно в рану, наложить сверху чистую льняную ткань и замотать широкой белой повязкой. Все прекрасно сознавали, что это ничему не поможет, но, по крайней мере, повязка удерживала внутренности, не давая им вновь выпасть наружу. Если бы не эта рана, то ногой они бы занялись всерьез, не ограничиваясь лишь перевязкой, возможно, даже попытались бы сшить рассеченное сухожилие, однако сейчас не было смысла тратить на это силы, поскольку хромота менее всего должна была беспокоить теперь Мердока Картанского.

Он пришел в себя, когда они заканчивали возиться с его ранами и смывали с тела кровь и грязь. Затем ему помогли надеть прохладную белую рубаху, которой, скорее всего, предстояло вскоре стать его саваном. Он знал это, и они это знали, но все же сделали все необходимое... словно способны были хоть на что-то еще помимо того, чтобы продлить его агонию.

Боль в животе по-прежнему оставалась нестерпимой. Это жжение не уменьшалось, а лишь усиливалось со временем, но, по крайней мере, рассудок его не был омрачен никакими целебными снадобьями. Он был не из тех людей, кто попытается увильнуть от исполнения своего долга... таким, как он его по-

нимал. И Мердок считал, что ему еще многое предстоит сказать тем людям, что собрались сейчас вокруг ложа умирающего.

Он с силой прижал левую руку к перевязанному животу и поискал глазами Рана.

— Помоги мне сесть, — прошептал он и задохнулся от боли, когда Ран повиновался. Он с такой силой вцепился ему в плечо, что у того на коже остались синяки.

Ричард, его сын и наследник, подложил отцу за спину подушки. Его молодая жена с посеревшим лицом помогала ему. Кешел, младший сын Мердока, также подошел поближе. Архиепископ Хьюберт дал раненому последнее причастие перед тем, как им занялись лекари и теперь с опустошенным видом стоял за спиной у врача *Custodes*. Церковь наконец пришла к согласию относительно *coup de grace*.

— А теперь вы все послушайте меня, — с трудом прохрипел Мердок. — Наш своевольный мальчишка-король, похоже, закусил удила. Я вас предупреждал, что будут неприятности, но вы, слабаки такие, позволили ему занять престол.

— Но разве Райс-Майкл сумел бы остановить Хрорика, когда он бросил тебе вызов? — спросил Ричард. — Я лично в этом сомневаюсь.

— Если бы у нас был другой король, мы бы могли заставить его запретить поединок, — возразил Мердок. — Джаван всегда меня ненавидел, с первых дней регентства. А после гибели герцога Эвана и этого Дерини Кармоди ясно стало, что свою ненависть он не забудет никогда.

— Лучше бы он эту ненависть направил на Дерини, — пробормотал Хьюберт, — а теперь взял Ориэля к себе на службу...

— Ну, с этим рано или поздно мы что-нибудь придумаем, — заметил Ран. — Возможно, пришло время убрать из замка всех Дерини... И хотя у меня у самого на службе есть один из этого племени, и он мне довольно полезен, но скажу вам, что убью его своими руками, если это будет на благо королевства. Однако Ситрик хорошо знает свое место. Он бы никогда не осмелился отказаться помочь нам, как это сделал Ориэль.

Мердок хмыкнул и поморщился от боли.

— Неужто ты и впрямь думаешь, я бы позволил ему коснуться меня хоть пальцем, — бросил он презрительно. — Одно лишь прикосновение Дерини запятнает твою душу. Нет, ты прав, пришло время убрать эту грязь как можно дальше.

— Но тогда потребуется внести большие изменения в закон, — заметил Хьюберт. — Нам и без того непросто пришлось, чтобы оправдать использование ищеек-Дерини. Ран, со своим слугой ты волен поступать как тебе заблагорассудится — хоть удави его в постели, если пожелаешь — но с Ориэлем я так обойтись уже не могу. Однако что касается их семей — тут дело другое.

Юная жена Ричарда застыла на месте.

— Но вы же не собираетесь убивать их близких? — прошептала она, выказав неожиданное присутствие духа.

— Тебя это не касается, Лирин, — рявкнул Ричард. — Архиепископ, так вы что, предлагаете просто перебить всех наших Дерини, и даже Целителей?

— Ну, Целителей у нас и без того осталось немного, — задумчиво пробормотал Хьюберт. — И Ориэль из них был еще самый послушный. В прошлом мы

уже обходились без Целителей, справимся и в будущем.

Мердок поморщился, пытаясь устроиться поудобнее и застонал, когда это движение вызвало пронизывающую боль во всем теле.

— Советую вам быть как можно осторожнее, — прошептал он, жестом велев жене убрать одну из подушек. — Вспомните пример Деклана Кармоди. Не все из них будут столь покорны своей судьбе. — Он прикрыл глаза и тряхнул головой с тяжким вздохом. — Простите, я больше не могу. Вы теперь сами решайте, как быть с королем, ибо именно вам нести за это ответственность. Как жаль, что я не могу остаться с вами и возглавить эту борьбу. Но Хрорик решил иначе. — Лицо его вновь исказилось от боли и он обернулся к придворному лекарю. — Пожалуйста, выведите женщин отсюда, мастер Джеймс, — ровным голосом произнес он. — Им не нужно этого видеть.

— Нет, — прошептала Элейн. — Я хочу остаться.

— Не сейчас, душа моя, — прохрипел он, покачав головой. — Забери Лирин и уходи. Вы тоже, архиепископ, хотя я и попрошу вашего последнего благословения. Пусть останутся только сыновья, мой друг Ран и этот врач. Не бойтесь, все произойдет очень быстро.

Содрогаясь от рыданий, Элейн приобняла за плечи остолбеневшую Лирин, и придворный Целитель вывел их из комнаты. Хьюберт, склонив голову, вознес последнюю молитву за умирающего, перекрестил его, а затем также повернулся к выходу. Когда за ними закрылась дверь, военный врач уже держал Мердока за левую руку и, обвязав ее кожаным шнуром поверх локтя, теперь затягивал узел.

— Погоди, — прохрипел Мердок, свободной рукой коснувшись плеча Целителя.

Малейшее движение вызывало боль, и он не смог сдержать стона.

— Успокойтесь, милорд, — негромко произнес хирург, перехватив его руку и велев Рану придерживать ее. — Вам нет нужды более терпеть такие страдания. Скоро боли не будет, обещаю вам.

— Не в этом дело, — выдохнул Мердок и потряс головой. — Смерти я не боюсь, и не сомневаюсь в твоем умении, добрый брат. Но... я бы хотел, чтобы рука друга даровала мне свободу.

Ран застыл при этих словах, а сыновья Мердока беспомощно переглянулись.

— Мердок... — начал Ран.

— Нет, послушай, — сдавленным от напряжения голосом перебил его Мердок. — Чужая рука дает лишь холодное успокоение... не обижайтесь, брат лекарь. Сыновей я об этом попросить не могу. Но кто же возразит против того, чтобы это сделал ты, мой единственный друг. Ты согласен?

Худощавое лицо Рана, обычно столь застывшее, исказилось от сдерживаемых чувств.

— Мы вдвоем бились во многих битвах, мой старый друг, — прошептал он. — Но в пылу боя это одно, даже рукой друга... сталь в горло, если такого требует милосердие... Но...

— Милорд, это можно сделать гораздо мягче, — ровным голосом промолвил врач. — Если лорд Мердок дозволит, я покажу вам.

Мердок с облегчением прикрыл глаза.

— Я согласен, если мой друг тоже согласится. Прости меня, Ран, что возлагаю сие бремя на твои плечи.

— Прощаю, — шепотом отозвался тот.

После нескольких секунд напряженного молчания Ран оторвал взгляд от лица своего старого друга и покосился на хирурга, который приподнял перевязанную руку и нащупывал пальцами вздувшиеся вены, сперва у локтя, затем на запястье.

— Покойтесь с миром, милорд, — прошептал лекарь Мердоку, поглаживая его руку и передал острый скальпель Рану таким образом, чтобы Мердок ничего не увидел. — Вы уже потеряли немало крови. Все пройдет очень быстро, не нужно бояться.

* * *

Когда все было кончено, Ран еще несколько мгновений сидел неподвижно, чтобы придти в себя, тогда как врач и сыновья Мердока приводили тело в порядок ради женщин, ожидавших снаружи. Он ушел, когда им открыли дверь, не смея встретиться с ними взглядом, и вышел в соседнюю комнату, где его ожидал Хьюберт. К архиепископу присоединились Полин с Альбертом, и трое священников перекрестились при появлении Рана. По выражению его лица ясно было, что душа Мердока покинула тело.

— Печальная история, лорд Ран, — пробормотал Полин, когда граф подтянул поближе стул и рухнул на него, с благодарностью приняв кубок вина из рук Альберта. — К несчастью это порой оказывается необходимым.

Ран осушил бокал и протянул его за новой порцией вина.

— Он потребовал, чтобы это сделал я, а не лекарь, — ровным голосом произнес он, протирая глаза. — Мне доводилось это делать... на поле боя, но

никогда... так. Это было... милосердно, но... слишком расчетливо. — Он сделал глубокий глоток из кубка. — Я бы предпочел больше не говорить об этом.

Хьюберт отвернулся и подошел к окну, любуясь заходящим солнцем. Полин сел напротив Рана.

— Что вы собираетесь делать теперь? — мягким голосом поинтересовался он.

Ран со вздохом отставил кубок.

— Отправлюсь в Картан с Ричардом. Он вне себя, как вы, конечно, понимаете. В таком юном возрасте принять на себя столь огромную ответственность будет непросто. Я предложил отправиться с ними, дабы помочь на похоронах... и позднее.

— Когда вы собираетесь в дорогу?

— Должно быть, завтра. Учитывая горячий норов Ричарда, он не рискнет задерживаться в Ремуте, пока гнев его не остынет. Кроме того, в такую жару нам следует поторопиться с погребением. — Прикрыв глаза, он покачал головой. — Не хочу думать об этом. Я хотел настоять, чтобы он задержался для того, чтобы предстать перед королем и быть утвержденным в графском титуле. Учитывая то, что король фактически одобрил это убийство, Ричарду придется непросто, но я постараюсь, чтобы ни словом, ни действием он не поставил под угрозу передачу ему титула. Время еще придет для мыслей о мщении.

Полин кивнул. Хьюберт отвернулся от окна и настороженно переглянулся с верховным настоятелем *Custodes*, а затем уселся в кресло рядом с ним.

— Я буду держать в памяти жажду мщения нового графа Картанского, — осторожно промолвил Полин. — Могу ли я подразумевать также, что Ран Хортнесский в свою очередь... недоволен происшедшим?

— Мы еще поговорим об этом по моему возвращению из Картана, — сказал Ран. — Однако да, без сомнения можно утверждать, что оба мы с Ричардом весьма «недовольны».

Они не сказали больше ни слова, и Ран поднялся, чтобы уйти, но когда дверь за ним закрылась, Полин многозначительно покосился на двух своих союзников.

— Слава Богу, этот человек на нашей стороне, — промолвил он.

— Да, слава Богу, — поддержал его Хьюберт. Взглянув на аметистовый перстень у себя на руке, он вновь поднял взгляд на Полина. — А каковы ваши планы? Вы все еще намереваетесь вернуться в *Arx Fidei*?

Полин неприятно усмехнулся.

— Если помните, милорд, я лишился своего верховного инквизитора. Мы должны были уехать на похороны нынче утром. — Он переплел руки на коленях и вновь уставился на Хьюберта. — Было ли у вас время поразмышлять еще над смертью Серафина?

Хьюберт бросил на него кислый взгляд, и морщинка залегла на гладком лбу.

— Да когда же я мог это сделать? — возразил он. — И что говорит Лиор? Вы же сказали, он был в этот момент с Серафином.

— Да, был. И, кстати, я вспомнил, что, по-моему, они с отцом Лиором собирались в тот вечер навестить отца Фаэлана. Впрочем, Лиор ничего об этом не сказал.

— Фаэлан... — задумчиво протянул Хьюберт. — Ну, если я в чем и уверен, так лишь в том, что *он* никоим образом не замешан в смерти Серафина. Хотя я

до сих пор не могу понять, почему король пожелал видеть его в роли своего исповедника. Вы спрашивали его об этом? Я говорю о Серафине?

Полин покачал головой.

— Пока нет, но это может подождать. Всего через пару недель Фаэлан должен будет прибыть в аббатство для отчета. А пока я еще порасспрошу Лиора. Возможно, он вспомнит куда больше, чем сам об этом догадывается.

С тяжким вздохом Хьюберт поднялся с места.

— Ну что ж, желаю удачи... Хотя я по-прежнему думаю, что вы цепляетесь за соломинку. Если бы мог, я одолжил бы вам Ориэля. К несчастью, король лишил меня такой возможности... Ну, теперь вам придется меня извинить. Пастырский долг зовет. Скорбящая семья пожелала отслужить мессу за упокой души Мердока.

Глава 26

Да не последует он позывам плоти, и умерит свой голод[1]

Весть о смерти Мердока Джаван получил вечером.

— Все кончено, — объявил Гискард, появившись у короля вскоре после наступления сумерек. — Судя по всему, он попросил, чтобы это сделал Ран своей рукой. Хрорик отдыхает... конечно, он измучен и потерял много крови, но с ним будет все в порядке. Его навещал Ориэль.

Джаван медленно кивнул. В легкой льняной тунике с голыми ногами он сидел в оконной нише в своей гостиной вместе с молчаливым Карланом. Ночь была теплой, почти душной...

Скверная ночь для смерти или для того, чтобы стать причиной смерти другого человека, пусть даже врага.

— Хотел бы я сказать, что мне жаль Мердока, — произнес король чуть погодя. — Но, честно признаюсь, что вижу в этом лишь свершившееся правосудие. Высшее правосудие... не мое. — Он тяжело вздохнул. — И все же лично я очень рад, что он нако-

---

[1] Мудрость Иисуса 18:30

нец мертв. — Он вздохнул опять. — Как это... прошло. Ты знаешь?

— Наверняка сказать не могу, — отозвался Гискард. — Вроде бы архиепископ Хьюберт дал ему последнее причастие. По-моему, сыновья присутствовали при кончине. В общем и в целом, смерть оказалась более легкой, чем он заслужил.

Заслышав стальные нотки в голосе Гискарда, Джаван вскинул глаза, с облегчением осознав, что он не единственный, кто не скорбит сейчас по Мердоку. Дерини отвернулся и подошел к столику, стоявшему посреди комнаты, упираясь в него руками, а Джаван медленно поднялся на ноги.

— Ну что ж, и каковы будут ближайшие последствия? — спросил он, налив Гискарду вина и подав ему кубок. — Как все это принял Ричард?

Сделав большой глоток, Гискард опустился на стул, невзирая на требования этикета, по которому должен был оставаться на ногах, покуда не сядет король.

— Ричард попросил, чтобы вы приняли его в качестве нового графа Картанского сегодня утром, после чего он просит о дозволении увезти тело отца в Картан для похорон, — устало промолвил он, протирая глаза. — По-моему, Ран намерен его сопровождать, чтобы помочь с погребением и с управлением графством.

Джаван кивнул и, утомленный, опять вернулся в оконную нишу, где было чуть попрохладнее. Карлан, который вскочил с места, едва лишь король встал на ноги, оперся о центральную створку окна, скрестив руки на груди.

— Разумеется, отказать я не могу, — произнес Джаван и опустился на нижнюю ступеньку, веду-

щую в нишу. — Он не сделал ничего такого, что позволило бы задержать его здесь. Это не преступление — ненавидеть человека, которого считаешь ответственным за смерть своего отца. Впрочем, я тоже не питаю к нему добрых чувств. Хотя бы потому, что он сын Мердока... Однако если ненависть обернется изменой, это уже другое дело. Но до тех пор... пока он меня не предаст, по закону я совершенно бессилен. Так что полагаю, пока нам придется играть назначенные роли короля и нового вассала. Пусть отправляется в Картан, и скатертью дорога. До отъезда я утвержу его в новом титуле.

Гискард чуть заметно кивнул.

— Мне известить его об этом, сир? — спросил он. — Наверняка он еще не ложился.

— Да, пожалуйста, — отозвался Джаван. — Скажи, что я готов собрать двор после утренней мессы, и его прошение будет принято в это время.

С застывшим лицом через окно он уставился на спящий город, а затем вновь обернулся к Гискарду. — Скажи ему также, — продолжил король, — что я не потерплю продолжения ссоры, что привела к гибели его отца. Мое мнение таково, что это дело закрыто. Если он будет настаивать на том, чтобы и впредь бередить старые раны, я не отвечаю за последствия.

— Не слишком ли сильно сказано, сир? — спросил его Гискард, и Карлан также бросил на короля удивленный взгляд.

Джаван ответил хмурой волчьей усмешкой.

— Я должен подтверждать свою власть, господа. Смерть Мердока соберет вокруг его родни всех моих врагов, и я должен молиться, чтобы сила и правосудие подобным же образом собрали вокруг тех, кто готов быть моими друзьями.

* * *

Однако если Джаван и надеялся, что при расколе перевес окажется на его стороне, увы, он был разочарован. Наутро его сторонники явились в полном составе, чтобы стать свидетелями вступления в титул нового графа Картанского, но и числом, и политическим весом они значительно уступал тем, кто оказался на стороне покойного Мердока и его близких.

Сегодня придворные отнюдь не так блистали одеяниями, как в предыдущий день... если не считать принца Миклоса, великолепного в своих шелковых восточных одеяниях. Отчасти в том повинна была жара, однако большинство из политических соображений разумно выбрало приглушенные цвета, дабы явиться на собрание, чреватое столь неприятными последствиями... Ибо никто доподлинно не знал, как намерен вести себя Ричард Мердок после смерти отца, равно как они понятия не имели, что намерен предпринять король.

Из уважения к скорби женщин из семьи Мердока даже Джаван вернулся к полутраурным одеждам, которые носил до коронации: на нем была темно-серая распахнутая на горле туника, с поясом из серебристых бляшек, на котором висел меч Халдейнов, и поскольку нынче утром собрание было весьма официальным, то на нем была Державная Корона с переплетенными листьями и крестами, а на руке — кольцо Огня.

Придворные собрались в парадном зале, ибо признание титула графа — особенно *этого* графа — было событием достаточно важным, чтобы привлечь наблюдателей, которые иначе, возможно, и не пожелали бы явиться ко двору. По правую руку от коро-

ля стоял архиепископ Хьюберт как свидетель от лица Церкви, а отец Фаэлан держал Библию, дабы засвидетельствовать принесенные обеты. Слева от Джавана сидел Райс-Майкл, а за спиной у него стоял Карлан. Рядом держался и Ориэль, учитывая присутствие принца Миклоса, но он явно неловко чувствовал себя вблизи Хьюберта и, похоже, плохо спал сегодня ночью. По счастью — или, возможно, это был дурной признак — но сегодня почти не видно было никого из *Custodes Fidei*. Полин со своей свитой покинул Ремут с первыми лучами солнца, дабы отвезти тело брата Серафина на похороны в *Arx Fidei*. Альберт остался, поскольку его присутствие требовалось на церемонии в качестве гофмаршала, однако Гискард сообщил Джавану, что великий магистр *Custodes* намерен покинуть двор сразу после собрания, дабы успеть нагнать своих братьев-монахов.

В зал, и без того раздираемый напряжением и подозрениями, вступил Ричард с женой, его младший брат и овдовевшая мать, все в глубоком трауре, а за ними потянулись и прочие придворные, поддерживающие Мердока. Были среди сторонников Джавана и те, кто опасался, что Ричард вообще откажется подать руки королю и поклясться ему в верности, но для этого Ричард был слишком хитер. Разумеется, он строил планы мщения, однако осуществить их было бы куда проще, став законным графом Картанским. Кроме того, какие был чувства он ни питал лично к Джавану, он все же с почтением относился к Гвиннедскому престолу и к тем обязанностям, которые должен принять на себя вместе с графским титулом.

— Я, Ричард, граф Картанский, становлюсь твоим вассалом, животом и плотью, — негромко, но отчет-

ливо произнес он, уверенно протянув Джавану руки. — Верой и правдой стану я служить тебе в жизни и в смерти против любых врагов, и да поможет мне Бог.

Он не лгал... хотя это могло означать лишь то, что пока Ричард Мердок сознательно не решился и не возымел намерения изменить данной королю присяге.

Тем не менее в речах его Джаван уловил нотку неискренности, которая продолжала терзать его, пока он повторял собственную часть клятвы, выученную им назубок для коронации два дня назад и которую он с тех пор так часто про себя повторял.

— Я принимаю твою клятву, Ричард Картанский, и со своей стороны даю обет защищать Гвиннед для тебя и для всех его жителей, защищать и оборонять вас против любых врагов изо всех моих сил. Таково слово Джавана Джешена Уриена Халдейна, короля Гвинneда и Келдора, владыки Меары и Мурина и Пурпурной Марки, а также сюзерена Картана, и да поможет мне Бог.

Склонившись, он поцеловал Библию и отпустил руки Ричарда. Тот последовал его примеру и также приложился к Священному Писанию. Однако когда новому графу вручили прочие символы его титула — обруч, золотой пояс, меч, стяг и шлем — Джаван гадал про себя, как долго каждый из них сможет хранить данное им слово. Земли Картана простирались на юге, между рекой Лендор и заливом Южного моря. Найфорд, столица графства, уже стал свидетелем выступлений, направленных против Дерини, погромов и чисток, которых там было множество за последние десять лет. Сумеет ли Ричард противостоять этой стихии, да и пожелает ли?

Ответить на эти вопросы было нелегко, ибо Ричард не намеревался задерживаться в столице. После обмена необходимыми любезностями он откланялся и покинул парадный зал, а за ним к выходу потянулись и его сторонники. Вскоре Джаван спустился с трона и в неформальной обстановке принялся общаться с теми, кто остался в зале по завершении церемонии. Гискард сообщил ему, что Ран уехал вместе с Ричардом, и взял с собой Ситрика, возможно, опасаясь, что король украдет у него Дерини, как забрал у архиепископа Ориэля. Джаван, разумеется, не мог бы сказать, что станет скучать по кому-либо из них. Ситрик представлял собой дополнительную опасность, и без него он вздохнул посвободнее.

Он уже готов был также покинуть зал приемов, дабы в самое жаркое время дня успеть часок передохнуть до заседания совета, назначенного на вечер. Карлан сопровождал его. Гискард уже ушел взглянуть, куда подевался Ориэль, ибо в их сторону внезапно направился принц Миклос. Этьен старался держаться от торентца подальше, и потому Джаван оказался с Дерини один на один.

— Приветствую вас, милорд Джаван, — провозгласил Миклос с почтительным и изящным поклоном. Его вновь сопровождал юный оруженосец, спокойный и торжественный, в темных одеждах, расшитых золотом. Карие глаза его смотрели зорко и казалось, что от их взора мало что может укрыться.

— В свете всего, что случилось за последние дни, полагаю, мне также лучше откланяться, — объявил Миклос. — Сожалею, что невольно способствовал тому, что завязалась эта цепь трагических событий, омрачивших коронационные празднества, и надеюсь, что за это вы не будете держать обиды ни на

меня, ни на моего государя. Мой брат Арион желает мира между двумя нашими королевствами.

— Таково и мое желание, милорд, — ответил Джаван.

— Таково желание всех людей доброй воли, — согласился Миклос. — Однако полагаю, ваше величество согласится со мной, что необходимо более подробно узнать о судьбе лорда Кеннета и леди Судри. — Он вопросительно склонил голову набок. — Смогу ли я увидеться с графом Хрориком до отъезда? Если ее супруг лично заверит меня, что с госпожой все в порядке, это очень понравится моему брату, который выражает озабоченность судьбой нашей родственницы.

Джаван оценивающим взглядом окинул торентского принца. Его удивлял этот интерес к Судри и ее келдорским родичам, и он тут же решил, что принцу-Дерини совершенно ни к чему больше встречаться с Хрориком. Граф слишком ослаблен своими ранениями, и это сделает его вдвойне уязвимым, если Миклос замышляет какую-то каверзу.

— Мне кажется, лекари лорда Хрорика предписали ему совершенный покой на ближайшие дни, милорд, — заявил Джаван, стараясь, чтобы каждое слово его соответствовало буквальной истине, на тот случай, если сейчас Миклос пытается проверить его правдивость. — Не думаю, что посетители будут ему желанны.

— В самом деле? — возразил Миклос. — Однако насколько я понял, ранения его не столь уж серьезны, и если вашему Целителю нужна помощь...

— Я совершенно убежден, что мастер Ориэль вполне в состоянии справиться с ранениями лорда Хрорика, милорд, — с улыбкой ответил Джаван, с

легкостью отмахнувшись от повторной попытки Миклоса получить доступ к Хрорику. — Все что его тревожит, это усталость и значительная потеря крови, поэтому графу желательно отдохнуть несколько дней, набираясь сил. Однако ранения его ни в какой момент не угрожали жизни. Поэтому помощь не требуется.

Миклос огорченно развел руками.

— Прошу простить меня, сир, я и не намеревался умалить достоинство вашего Целителя. Я лишь выражал надежду, что если у вас не будет на это возражений, то я мог бы попросить графа Хрорика передать мое почтение госпоже его супруге, а также просьбу, чтобы она отправила послание своим торентским родичам, дабы мы имели возможность убедиться, что она жива, здорова и счастлива.

Джаван вздохнул. И если доселе ему казалось, что вся эта история благополучно завершилась после сражения Хрорика с Мердоком вчера на ристалище, или хотя бы сегодня на собрании двора, он, очевидно, заблуждался. И вновь ему оставалось лишь гадать — почему Торент вдруг вздумал проявлять такой интерес к леди Судри, о которой там напрочь позабыли на добрых пятнадцать лет.

— Я ценю вашу озабоченность, милорд, и, разумеется, передам ваши слова лорду Хрорику, который сможет известить обо всем свою супругу. Однако лишь им вдвоем решать, следует ли ей отвечать на это. Хотя думаю, не ошибусь, если скажу, что Хрорик позволит своей супруге получать письма от своих родичей.

— Положение и впрямь весьма деликатное, не так ли, милорд, — с сочувственным вздохом ответил Миклос.

Джаван позволил себе осторожно кивнуть.

— Как вы и сами заметили ранее, милорд, повинны в этом отнюдь не мы... не я и не король Арион. Стало быть, и развязать тот узел могут лишь те, кто завязал его. Если леди Судри пожелает списаться со своей торентской родней, у меня нет возражений. Однако я не намерен и принуждать ее к этому, если на то не будет ее воли. Надеюсь, это удовлетворит вас, сударь?

Миклос ответил поклоном, предназначенным скорее для того, чтобы скрыть его хищную усмешку.

— Благодарю вас, милорд, это вполне приемлемо, — произнес он вполголоса. — Я сообщу обо всем моему брату, и мы собственноручно отошлем ей послание. Но теперь, поскольку, несомненно, вас ожидает множество дел после коронации, я с почтением прошу ваше величество извинить меня и откланяюсь. Мои люди уже закончили все необходимые приготовления, и корабль ожидает нас в Дессе.

— В Дессе? — машинально повторил Джаван.

Миклос вновь с улыбкой поклонился.

— Мы прибыли морем, ваше величество, — произнес он негромко. — В это время года такой путь наиболее удобен. Также по пути домой мы хотели бы посетить Фианну и некоторые Фарсинские княжества.

Однако ни он, ни Джаван не сказали вслух, что путь морем из Дессы даст им возможность проплыть и вдоль Картанского побережья, где юный граф, имеющий все поводы затаить зло на нового короля, через несколько дней предаст земле тело своего отца. И если корабль торентского принца бросит якорь в Найфорде, прежде чем двинуться вокруг Картмурского побережья, то что может быть ес-

тественней для него, чем отправиться с визитом к местной знати... И, возможно, подхлестнуть тлеющую ненависть, из которой Торент мог бы извлечь так много выгоды.

И все же Джаван никоим образом не мог остановить его. Даже не будь Миклос Торентский Дерини, он был братом короля, и все правила гостеприимства были на стороне королевского посланца суверенной державы, с которой Джаван не находился в состоянии войны. И потому самым любезным тоном он простился с Миклосом, передал самые лучшие пожелания его брату-королю, и глубоко задумавшись о том, что еще может принести этот день, направился обратно в замок, покинув принца во внутреннем дворе.

Подумав немного, он другой дорогой отправил в Найфорд Робера с Гэвином, дабы те наблюдали и могли доложить, какие корабли в ближайшее время будут заходить в этот порт, по крайней мере так он хотя бы будет знать наверняка, побывал ли там Миклос.

* * *

К концу недели Робер вернулся с донесением, что торентцы, судя по всему, сели на корабль в Дессе и отчалили, не останавливаясь в Найфорде. Тело лорда Мердока Картанского должным образом предали земле, и семья его выдерживала глубокий траур. Ран, судя по всему, оставался пока с ними, равно как и Ситрик.

Большинство гостей, прибывших на коронацию Джавана, также покинули двор. На следующий день после возвращения Робера Хрорик также почувство-

вал себя достаточно окрепшим, чтобы вернуться домой вместе с герцогом Грэхемом и графом Сигером. Их отъезд вызвал вздох облегчения не у одного только Джавана. Кроме того, в тот самый день, когда он отправил Робера в Найфорд, Джаван позаботился о мерах безопасности и для Ориэля, прекрасно зная, сколько беспощаден может быть Хьюберт, он отнюдь не доверял кажущемуся мягкосердечию епископа после того, как он позволил ему без сопротивления завладеть «своим» Дерини.

Чтобы не давать своим противникам соблазна предпринять какие-то резкие действия, Джаван переселил Целителя в покои, примыкавшие к комнатам верного сэра Сорля. Тот не испытывал страха перед Ориэлем и вполне мог отвечать за его безопасность. Кроме того, Джаван велел Ориэлю держаться как можно неприметнее, чтобы врагам короля не пришло в голову попросту устранить его и тем самым решить возникшую проблему, когда король остался единственным человеком в замке, у кого на службе находился Дерини... по крайней мере, пока не вернулся Ран с Ситриком.

На этой неделе состоялся и еще один переезд: Этьен де Курси занял заново отделанную комнату рядом с библиотекой... внешне для того чтобы наблюдать за растущей коллекцией книг и манускриптов, но на самом деле дабы стать хранителем нового Портала Джавана. В первые дни после коронации у короля не было возможности самому воспользоваться им, но Этьен по его просьбе посетил убежище михайлинцев, поведав Джорему о последних событиях при дворе. Таким образом, Этьен превратился в постоянного связного между Джаваном и его союзниками Дерини.

После отъезда из столицы большинства сановников с королем остались лишь основные его советники. С одними из них ему было работать проще, с другими потруднее, но все же ему наконец выдалась возможность поразмыслить над новыми изменениями в законах, которые он надеялся представить двору, когда тот вновь соберется к Рождеству. Манфред наметил свой отъезд на конец месяца, ибо по обычаю осенью навещал свои земли в Кулди, и таким образом, из бывших регентов в Ремуте оставались лишь Таммарон с Хьюбертом... по крайней мере до возвращения Рана. Эта временная передышка внушила Джавану ложное чувство безопасности, и потому он оказался совершенно не готов, когда поворот событий вновь напомнил ему о старой, но подзабытой опасности.

...День выдался долгим и теплым, хотя жара уже начала спадать. Сумерки и вовсе принесли с собой прохладу, так что у людей родилась слабая надежда, что лето рано или поздно закончится, хотя до осеннего равноденствия оставался еще целый месяц. Уже было довольно поздно, когда Джаван наконец решил лечь в постель, но сон все никак не шел к нему, даже несмотря на ночную прохладу.

Провалявшись на кровати с полчаса, он решил, что лучшим лекарством сейчас будет прогулка по залитому луной саду, чтобы отвлечься от грустных мыслей и настроиться на ночной отдых. Он накинул легкую тунику, но обувью решил пренебречь, ибо вознамерился всласть поболтать ногами в садовом фонтане.

Гискард уже удалился в свои новые покои, где они размещались вместе с Карланом, по коридору напротив от королевских апартаментов, но сам Кар-

лан сейчас дремал на своем привычном месте у дверей, поскольку именно он находился сегодня на дежурстве. Джавану не хотелось будить его, хотя верный рыцарь находился здесь именно для этого. Однако он прекрасно сознавал, что неразумно будет выходить наружу без сопровождения, особенно учитывая, что он не вооружен и без специального сапога хромота делает его уязвимым. Негромко кашлянув, чтобы разбудить Карлана, он нагнулся потрясти того за плечо, но рыцарь уже повернулся и приподнялся на локтях.

— Что случилось, сир? — пробормотал он.

— Ничего страшного, — успокоил его Джаван. — Просто не могу заснуть. Извини, что тебя разбудил, но я подумал, что прогулка по саду поможет мне развеяться. Я знаю, что ты огорчился бы куда больше, если бы я *не разбудил* тебя.

Карлан, широко улыбаясь, сел на кушетке.

— Никаких проблем, — любезно отозвался он и подхватил меч, лежавший поблизости. — Это моя работа, всегда быть рядом, когда я могу вам понадобиться.

Он спал полностью одетым, и потому сейчас ему понадобилось лишь несколько мгновений, дабы прицепить меч на пояс, и он смог последовать за Джаваном к дверям.

Они шли медленно, чтобы Джаван понапрасну не утруждал увечную ногу, и, спустившись по задней лестнице, двинулись по галерее вдоль сада. Джаван наслаждался прохладой каменных плит под босыми ногами, а затем, выйдя в сад, осторожно двинулся вперед по мягкой траве, огибая усыпанные гравием дорожки, чтобы не поранить ноги. Карлан держался на пару шагов сзади, чтобы не мешать королю, но

достаточно близко, дабы все время оставаться в пределах досягаемости.

Луна была почти полная, и в ее свете Джаван с легкостью отыскал путь к середине сада, где красовался фонтан с каменной красавицей. В воздухе висел аромат жасмина и роз, и это напомнило Джавану о том, как он был здесь в последний раз. Подойдя к фонтану, он присел на широкий бордюр, перекинул через него правую ногу, опустил ее в воду, а затем лег навзничь и скрестил руки на груди, невидящим взором уставившись вверх на сверкающие струи воды, извергавшиеся поверх плеча статуи, пытаясь представить себе ее черты, коих она на самом деле была лишена.

Мало-помалу мысли его устремились к куда более беззаботным дням, когда они с братьями играли в саду, и бремя правления лежало на чужих плечах. В прошлый раз он также мечтал насладиться этими воспоминаниями, но Полин своим вмешательством вырвал его из объятий грез. Однако хотя бы сегодня Джаван надеялся обрести душевный покой и уединение, которых был лишен в течение дня. Со вздохом он вытянул правую руку, болтая пальцами в прохладной воде, и мысли его точно так же бесцельно струились, как сверкающая вода. Он даже не замечал, что рукав туники промок. Понемногу он почувствовал, как напряжение отпускает его, как постепенно расслабляются плечи и шея. Через пару минут он закрыл глаза, ибо мирное журчание воды начало убаюкивать его... А именно ради этого он и пришел сюда.

Зевнув, он широко раскинул руки, выгнувшись, чтобы прочувствовать спиной каменные плиты, и уже вознамерился подняться к себе наверх... или,

возможно, стоило сперва окунуться в фонтан, как он делал ребенком... Но когда он сел на бордюр и оглянулся через плечо, чтобы позвать Карлана, то вдруг осознал, что сквозь плеск падающей воды раздался чуть слышный девичий смех, а затем какая-то возня и опять приглушенное хихиканье.

Джаван застыл на месте, потом завертел головой, пытаясь уловить источник шума, который внезапно затих. Романтические свидания были обычным делом в саду, особенно летом, когда любовники искали здесь укрытия от жары, и все же что-то было в этих звуках, заставившее Джавана похолодеть. Ему пришлось воспользоваться магическими чувствами, чтобы прощупать всю территорию сада и обнаружить источник тревоги... После чего он соскочил с каменного бордюра и устремился вперед по дорожке, ведущей в ту сторону, не обращая внимания на острый гравий под ногами. Карлан мгновенно оказался рядом, и побежал вперед, наполовину вытащив меч из ножен.

Он успел вовремя... по крайней мере, он надеялся, что вовремя. Микаэла Драммонд при его приближении поспешно села и торопливо принялась оправлять платье, но он еще успел заметить в ярком лунном свете отблеск ее белой кожи и упругую маленькую грудь. Каштановые волосы волной рассыпались по голым плечам...

А рядом, запутавшись в ее юбках, оказался Райс-Майкл. Туника над голыми ногами была задрана почти до пояса, и вид у него был такой перепуганный, каким Джаван его никогда прежде не видел.

Глава 27

Озлобившийся брат неприступнее крепкого города[1]

Райс-Майкл и Микаэла не издали ни звука, и лишь Карлан изумленно вскрикнул.

— И что вы здесь делаете, хотел бы я знать? — требовательно спросил Джаван, упершись руками в бока.

Райс-Майкл глубоко вздохнул, затем решительно сел на колени и принялся оправлять тунику с небрежностью, граничащей с дерзостью. Одновременно он постарался закрыть собой Микаэлу, перепуганно косившуюся на Джавана из-под завесы густых волос. Каким-то образом, несмотря даже на голые ноги, видневшиеся из-под туники, Райс-Майкл сумел придать себе хотя бы подобие достоинства.

— По-моему, совершенно ясно, что я здесь делаю, — шелковым голосом промолвил он, но от этого в словах его звучал еще больший вызовов. Взглядом он смело встретился с Джаваном. — Хотя, конечно, монахов ведь не учат таким вещам в монастыре, ведь так? Настоящий мужчина...

---

[1] Притчи 18:19

Джаван не сумел вовремя взять себя в руки. Шагнув вперед, он ударил брата по губам с такой силой, что Райс-Майкл повалился набок. Микаэла пискнула и съежилась, когда Джаван с горящими от гнева глазами повернулся к ней, однако Карлан тут же оказался рядом и встревоженно схватил его за рукав.

— Сир, не надо!

Заставив себя несколько раз глубоко вздохнуть, Джаван стряхнул руку Карлана и выпрямился, уставившись на брата. Райс-Майкл осторожно поднял голову.

— Сэр Карлан, — мягко произнес Джаван. — Прошу вас сопроводить его высочество в мои покои, и пусть он дождется меня там. Обращайтесь с ним со всей любезностью, однако ему *придется* отправиться с вами. Вы меня поняли?

— Да, мой господин, — пробормотал Карлан в ответ, изумленно взирая на короля.

— А ты, — Джаван обернулся к брату, утиравшему струйку крови, стекавшую по губам. — *Ты* меня понял?

Райс-Майкл хмуро кивнул и испуганно покосился на Микаэлу.

— Только не бей ее, — попросил он. — Она не виновата.

Джаван смерил брата презрительным взглядом, тогда как Карлан подошел помочь ему подняться.

— Если ты думаешь, что я когда-нибудь посмею тронуть женщину хоть пальцем, то ты и впрямь совсем меня не знаешь, — ледяным тоном отрезал он. — Теперь ступай, я сейчас приду к вам.

Он дождался, пока Карлан с Райсом-Майклом скроются из вида, причем последний то и дело испуганно оглядывался через плечо, а затем подошел по-

ближе к Микаэле. Они с Райсом-Майклом лежали на темном плаще, брошенном на траву, и теперь она завернулась в него при приближении короля, поспешно отодвинувшись, когда он попытался помочь ей подняться на ноги.

— Не прикасайтесь ко мне, — прошептала она. — Я не потерплю, чтобы вы до меня дотрагивались.

— Мика, прости, — сказал он, назвав ее детским именем, как когда-то в прошлом. — Я знал, что он любит тебя, но даже не подозревал, что все зашло так далеко.

— Судя по всему, да. И не называйте меня Микой. Райсем был прав — что может монах знать о любви?!

На пару мгновений прикрыв глаза, Джаван заставил себя глубоко вздохнуть и успокоиться. Вот уже несколько недель, как он опасался, что рано или поздно ему придется столкнуться с этой ситуацией, но надеялся, что все удастся отложить до зимы, особенно с учетом того, что Манфреду скоро надлежало отправиться в Кулди. Он присматривал за братом всегда, если Микаэле случалось оказаться поблизости, однако Райс-Майкл, судя по всему, оказался куда хитрее, и сумел сохранить их отношения в тайне... до сегодняшнего дня. И неужели его брат в самом деле думал, что Джавану ничего не известно о подобных вещах?..

— Ты права, — сказал он спокойно. — Я об этом ничего не знаю. Но боюсь, мне придется запретить вам с Райсемом даже думать об этом, по крайней мере, сейчас. Он слишком молод для женитьбы, Мика... Микаэла, — поправился он, заметив ее сердитый взгляд.

— Нет, не слишком, — пробормотала она чуть слышно. — Если бы вы не появились...

— Да, могу себе представить, что бы случилось, если бы я не появился, — возразил Джаван. — Слава Богу, я оказался поблизости. Ты даже не понимаешь, чем именно вы рискуете.

— Я понимаю, что ты ревнуешь к тому, что сам не можешь получить, — с горечью промолвила она. — Ты не мог даже подарить нам этот единственный день. Послезавтра мой опекун забирает все семейство в свое поместье, и мне придется уехать на несколько месяцев.

И она разрыдалась. Джаван поморщился, чувствуя себя настоящим людоедом. Если бы ему кто-то предложил выбрать возлюбленную, и, возможно, супругу для брата, то, наверное, Микаэла Драммонд была бы первой в его списке. Но, по крайней мере, раз она покидает столицу через пару дней, одной угрозой станет меньше... на ближайшее будущее. Ему лишь надо было постараться, чтобы эти двое до отъезда не смогли больше увидеться.

— То, что ты покинешь двор, это, наверное, лучшее из всех решений вопроса, которые только можно представить в этой ситуации, — согласился он. — Видит Бог, я ничего не имею против тебя лично, но пока не могу позволить Райсему ни с кем иметь серьезных отношений. Может быть, через год-два...

Она хмыкнула, распрямила плечи, откинув волосы назад, и сжала полы плаща, точно королевскую мантию.

— Через год или два мы все можем умереть, но ты — король, ты имеешь право запретить нам любить друг друга...

— Верно, имею, — невозмутимо парировал Джаван. — И владею правом жизни и смерти, так что лучше возвращайся в свои покои, и обещай, что не станешь делать глупостей, хотя бы в ближайшие дни. Что не будешь пытаться увидеться с Райсемом наедине... И тогда я ничего не скажу об этом Манфреду и леди Эстеллан.

Микаэла опустила глаза.

— Ладно, — неохотно согласилась она наконец. — Но можно... можно мне попросить об одном одолжении?

— Разумеется, я исполню твою просьбу, если это будет не во вред королевству.

Со вздохом она вновь осмелилась поднять на него глаза.

— Ты... ты ведь не сделаешь ему ничего плохого?

Джаван усмехнулся.

— Мика, он ведь мой брат. Конечно, я ему ничего не сделаю.

Чуть позже, встретившись с Райсом-Майклом в своей гостиной, Джаван всерьез задался вопросом, сумеет ли он сдержать это обещание.

— Ты просто завидуешь, — выкрикнул Райс-Майкл. — Ты ведь получил то, что хотел — получил корону. Почему же я тогда не могу получить то, что хочу?

— Сядь, — повелел ему Джаван, мысленно приказав Гискарду усадить того силой, если Райс-Майкл не послушается.

Рыцаря-Дерини Карлан позвал, когда привел принца в покои Джавана, и теперь он стоял у того за спиной. Сам Карлан стал на страже у дверей, чтобы предупредить появление посторонних. По счастью, стены в этой части замка были очень толсты-

ми, однако если принц вздумает кричать и дальше, то кто-то неминуемо поднимет тревогу.

— *Сядь*, — повторил Джаван. — В третий раз я просить не буду.

К вящему облегчению Джавана, брат его повиновался, и ему не пришлось просить Гискарда заставлять его силой. Джавана всего трясло изнутри, но он заставил себя положить руки на поручни кресла и слегка откинулся на подушках.

— Так, ну а теперь, может быть, ты соблаговолишь дать мне объяснения?

— А что я должен объяснять? — пробормотал Райс-Майкл, несколько мгновений помолчав. — Мы ведь все равно рано или поздно поженимся. Ты не можешь нам не позволить. Мы оба совершеннолетние, и мы обручены.

— *Что?*

— Я говорю, мы обручены, — повторил Райс-Майкл, с вызовом вздернув подбородок. — Помолвка эта законна. Ты можешь нас разлучить, но не имеешь права заставить жениться на ком-то другом.

— Никто и не собирается *заставлять* тебя жениться на ком бы то ни было, — возразил Джаван. — Неужели ты не понимаешь, я *вообще* не могу тебе позволить пока жениться, еще долгое время. Кто был свидетелем помолвки.

— Не скажу.

— Неужели Хьюберт?

— Нет.

— Оррис?

— Нет, и больше я ничего не скажу.

— Ладно, это все равно не имеет значения, — промолвил Джаван. — Я добьюсь, чтобы помолвку признали незаконной.

— Точно так же, как ты обошелся со своими монашескими обетами? О, нет, со своими клятвами можешь поступать как угодно, но только не с моими. Мы с Микой принесли обеты перед Господом, и я женюсь на ней!

— А я это запрещаю.

— Да? А что, если я тебя ослушаюсь? Ты лишишь меня наследства? Или бросишь в темницу? Джаван, покуда ты не решился жениться и завести собственного наследника, кроме меня, у тебя больше никого нет!

— Я могу отослать ее в монастырь.

— Ты не посмеешь, она ничего плохого не сделала! Кроме того, лорд Манфред этого никогда не потерпит.

— Тогда я могу просто отослать ее из столицы, — возразил Джаван. — Впрочем, по счастью, Манфред уже сделал это за меня. Слава Богу...

Райс-Майкл с силой сцепил руки на коленях и потухшим взглядом уставился на них.

— А ведь мне они говорили, что ты именно так к этому и отнесешься, — пробормотал он. — Ну, это всего на несколько месяцев. К Рождеству она вернется.

— Тогда, к Рождеству мы опять об этом поговорим, — промолвил Джаван. — И кто именно тебе сказал, как я к этому отнесусь? Хьюберт? Манфред?

Райс-Майкл потряс головой, но Джаван знал, что он лжет. Он использовал чары истины с самого начала разговора, однако учитывая наличие щитов у Райса-Майкла, проникнуть глубже в его сознание не представлялось возможным.

— Нет, тут явно замешан Хьюберт, хотя бы отчасти, — заявил Джаван. — Скорее всего, именно он из-

начально и внушил тебе эту мысль. Я прав? Когда все это произошло?

Райс-Майкл безмолвно смотрел на свои руки и, судя по всему, решил больше не отвечать на вопросы.

— Ладно, не имеет значения, — сказал Джаван. — Вы не сможете пожениться без официального оглашения... А этого я не допущу. По крайней мере, не сейчас.

Несколько мгновений он в упор смотрел на брата, а затем глубоко вздохнул.

— Ладно, теперь самое главное решить, что нам с тобой делать. Дай мне слово, что больше не будет этих тайных встреч с Микаэлой до ее отъезда... Что ты не попытаешься увидеться с ней наедине... и я постараюсь забыть об этом разговоре.

— Тебе бы этого очень хотелось, верно? — угрюмо пробормотал Райс-Майкл. — А что, если я не соглашусь?

— Ну, тогда полагаю, я и впрямь мог бы на пару дней запереть тебя в темницу, пока не остынешь, — легким тоном отозвался Джаван. — Возможно, для нас обоих это будет весьма неприятно, и все же я пойду на это, если решу, что другого выхода нет.

Райс-Майкл хмыкнул.

— Это может оказаться не просто неприятно, — заявил он. — У меня, знаешь ли, тоже есть друзья.

— Да, знаю, поэтому первый выход едва ли самый лучший. Но есть и другие. К примеру, ты можешь на несколько дней уйти в запой и перестать общаться с кем бы то ни было. Насколько я в курсе, для тебя это вполне естественно, более того, опасаюсь, люди настолько привыкли к твоему пьянству, что никто даже не удивится. Конечно, в нынешних

обстоятельствах едва ли ты пожелаешь пить сам, но поверь, если понадобится, я найду способ тебя заставить.

— Не так уж много я и пью, — пробормотал Райс-Майкл.

— Ну что ж, тогда надеюсь, что я ошибся, — отозвался Джаван. — Однако есть и третий выход. Ты можешь на пару дней заболеть. Это я также способен устроить, — добавил он, когда брат изумленно уставился на него. — Есть множество самых различных снадобий, куда более изощренных, чем те, что давали Алрою наши лекари. Они способны вызвать такой жар, что ты даже не вспомнишь ни слова из нашего разговора. Может, мне позвать мастера Ориэля, чтобы он объяснил тебе все в подробностях?

— Ты мне угрожаешь, — прошептал Райс-Майкл. — Ты на самом деле угрожаешь мне... твоему собственному брату и наследнику, но ведь ты же этого не сделаешь, правда?

Джаван молча подал знак, и Гискард с силой опустил руки на плечи Райса-Майкла. Принц испуганно обернулся, вывернув шею, но лицо Гискарда не отразило никаких чувств. Джаван знал, что Дерини пытается сейчас пробиться сквозь малейшую щель в защитах брата, однако судя по всему, Райс-Майкл, сам того не ведая, сдержал напор. И все же принц, даже не подозревая о том, какую только что вытерпел битву, неожиданно значительно притих, и вновь обернулся к Джавану.

— А ведь ты и правда говоришь серьезно, да? — шепотом спросил он, словно маленький мальчик, который осознал внезапно, что играет не с другими детьми, но со взрослыми. — Джаван, я ведь никогда...

— Тогда дай мне слово, что не попытаешься свидеться с ней до ее отъезда в Кулди, — с этими словами Джаван медленно поднялся с кресла.

Райс-Майкл весь дрожал под руками Гискарда, но, к изумлению Джавана, он вскинул голову и медленно покачал головой.

— Не понимаю, почему я должен обещать тебе это? — дрогнувшим голосом промолвил он.

Джаван ощутил, как сила волной поднимается из самых глубин его существа, на волнах холодной ярости, ибо брат продолжал бросать ему вызов, и он лишь с огромным трудом заставил себя расслабиться и не позволить магии вырваться наружу смертоносным ударом. Внезапно он осознал, каким образом отец его использовал свою власть и почему, испытав ее силу всего лишь несколько раз, затем отказался от нее до конца жизни.

Но Синхил мог себе это позволить, ибо был окружен Дерини, которые готовы были защищать его, покуда он учился справляться со своими врагами обычными человеческими средствами. Однако Джавану подобная роскошь была недоступна. Конечно, он должен был быть очень осторожен, поскольку за малым исключением, люди, окружавшие его, пока он осваивал те же самые уроки, отнюдь не были Дерини, и поспешили бы уничтожить его, если бы узнали, какой властью он наделен. Однако может статься, именно сейчас пришло время раскрыть глаза Райсу-Майклу на некоторые жизненные истины. Раз уж он обладает защитой, значит, опасность грозит и ему тоже, причем не только опасность физического устранения в пользу юного наследника, но и опасность быть принятым за Дерини.

— Учитывая все то, что я видел сегодня ночью в саду, — тихо промолвил Джаван, — если я позволю тебе жениться на Микаэле, то она наверняка подарит тебе наследника уже через год или два, и вполне возможно, что враги наши ждут только этого, дабы устранить нас обоих и обеспечить себе еще полных четырнадцать лет регентства. Поскольку я всерьез сомневаюсь, что ты готов дать обет безбрачия, в чем, судя по всему, обвиняешь меня, то я не могу позволить тебе жениться ни на Микаэле, ни на ком бы то ни было еще, поскольку просто не могу так рисковать. Наследник представляет сейчас слишком большую опасность, справиться с которой мне не под силу. Мы ведь уже говорили об этом прежде, ты просто забыл.

Райс-Майкл удивленно посмотрел на брата. Этот странный поворот в разговоре совершенно выбил его из колеи, как и рассчитывал Джаван. У Гискарда также был изумленный вид, — похоже, он не ожидал этих слов от Джавана.

— О чем ты говоришь? — прошептал Райс-Майкл. — Я даже понятия не имел до сегодняшнего дня, что ты вообще знаешь о Микаэле. Я собирался рассказать тебе, но все не было удобного случая...

— Ну почему же, — возразил Джаван. Обойдя вокруг стола, он склонился над братом. — Разве ты не помнишь, как пришел ко мне за пару дней до коронации? Мы пили сперва рейнишское вино, а затем перешли на фианнское...

Райс-Майкл отвернулся, стиснув на коленях руки.

— Я слишком много тогда выпил. Наутро у меня ужасно болела голова.

— Верно, — согласился Джаван. — Но именно тогда ты мне сказал, что хочешь жениться на Микаэле.

Ну, может, не прямо в таких словах, однако я все понял. Правда, ты... не упоминал о помолвке. Именно поэтому сегодня я и отреагировал таким образом.

Райс-Майкл повесил голову и пробормотал:

— Еще ничего не было. Но я хотел тебе рассказать. Я знал, что рано или поздно тебе все станет известно.

— Той ночью мне стало известно кое-что еще, — продолжил Джаван, мысленно подавая Гискарду знак держаться наготове. — Я обнаружил, что мы с тобой похожи куда больше, чем я думал прежде.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я знаю, что не понимаешь. Именно поэтому я собираюсь обо всем тебе рассказать. Мне неведомо, как много ты помнишь о той ночи, когда умер наш отец. Но кое-что тогда случилось с нами обоими. Это была магия. Власть, которой наш отец владел по праву короля. Сперва она должна была пробудиться у Алроя, но этого почему-то так и не случилось... Возможно, из-за снадобий, которыми регенты пичкали его все эти годы. Но во мне эта сила проявилась. Она была мне весьма полезна, а со временем я научился использовать ее еще лучше. Какое-то время я мог пользоваться ею и с тобой... Убедиться, говоришь ли ты правду, или помочь тебе заснуть, а иногда и для того, чтобы заставить тебя забыть то, что я сделал. В свое время эта сила даже помогала мне против регентов.

Райс-Майкл остолбенело слушал исповедь Джавана, и внезапно в испуге покосился на Гискарда, который по-прежнему держал его за плечи.

— О чем ты говоришь, — прошептал он. — У тебя, что, есть какая-то магия, как у наших друзей-Дерини?

Вместо ответа Джаван позволил своим защитам вспыхнуть ореолом вокруг головы, распространяя сверкающее алое сияние. Райс-Майкл отпрянул с побледневшим лицом и принялся извиваться под жесткой хваткой Гискарда.

— Нет, — с трудом выдавил он. — Ты же не Дерини. Ты не можешь быть Дерини, потому что если *ты* Дерини...

— То ты тоже, — закончил Джаван. — Но это не так. — Он сотворил магический огонь в правой руке и протянул Райсу-Майклу мягко мерцающий шар алого цвета. — Какие-то умения у нас схожи, — произнес он шепотом, уничтожив светошар щелчком пальцев. — Есть среди них и весьма утонченные, например, способность узнавать, говорит ли человек правду. Это была одна из первых вещей, которым я научился... Однако один из наиболее полезных талантов — это ментальные защиты, такие же, как у Дерини. Это означает, что никто не способен проникнуть в твое сознание, чтобы контролировать тебя... Ни Дерини, ни обычный человек, обладающий схожими возможностями.

Без предупреждения Джаван положил правую руку брату на лоб, и ментальным порывом устремился в его сознание, чтобы прощупать сопротивляемость щитов Райса-Майкла, о наличии которых тот и не подозревал. Райс-Майкл вскрикнул, попытался вырваться из рук Гискарда, но Дерини держал его крепко, пока Джаван не завершил начатое, стараясь тщательно прощупать защиты брата.

Паника принца быстро уступила место смущению, а затем, когда он осознал непривычное ощущение давления на свои защиты, то появилось растущее чувство неудобства. В тот миг, когда он уже ед-

ва не закричал от боли, все прекратилось. Джаван убрал руку и с изумленным вздохом присел рядом с ним на краю стола.

— Ну что ж, теперь ты наверняка поймешь, что происходит, если кто-нибудь попытается влезть тебе в голову, — пробормотал он с кривой усмешкой глядя на брата. — Конечно, едва ли кто-нибудь совершит такую попытку... Уж по крайней мере, не я, поскольку знаю теперь их силу... но на твоем месте я бы постарался не попадаться лишний раз на глаза Ситрику или еще кому-то из ищеек-Дерини, которых могут привести ко двору наши сановники. Ориэль не опасен — он все знает обо мне — но если еще кто-нибудь заподозрит, что у тебя есть эти защиты, то тебе конец.

— Я... не понимаю, — шепотом выдавил Райс-Майкл, все еще не в силах придти в себя.

— По правде сказать, я тоже, — отозвался Джаван, и большей частью это была правда, хотя он, по крайней мере, наконец и научился управлять своими силами. — Я знаю, какие способности могут со временем развиться у тебя помимо защит. Однако они тебе не помогут, если наши враги заподозрят в тебе Дерини. Просто вспомни о судьбе Деклана Кармоди, если слишком много о себе возомнишь.

Содрогнувшись, Райс-Майкл наклонился с таким видом, как будто ему вот-вот сделается дурно, и Джавану самому пришлось сосредоточиться, дабы изгнать из сознания эти воспоминания.

— Звучит довольно пугающе, правда? — помолчав немного, заметил он. — Откуда ни возьмись, я обрел могущество, и оказался способен очень на многое, но в то же время не осмеливаюсь показать его, ибо если кто-нибудь узнает, что я наделен этой силой, то

мои враги уничтожат меня... и назовут это Божественным правосудием, ибо Церковь умудрилась убедить почти всех, что Дерини суть воплощенное зло, и что магия их — от дьявола. Не имеет значения, что я не Дерини... хотя, боюсь, я не знаю точно, откуда во мне эта сила. И все же я твердо убежден, что она не от дьявола. Тем не менее, это не помешает им проклясть меня так же, как они проклинают Дерини. Воистину, это обоюдоострый меч.

— Но ты говорил о Деклане, — испуганным шепотом промолвил Райс-Майкл. — Ему дали мерашу, чтобы он не мог сопротивляться. Ее давали также Катану и Мике, чтобы проверить, нет ли у них силы Дерини. Джаван, а что, если нас напоят мерашей? Тогда они тоже решат, что мы Дерини?

Внутри у Джавана что-то сжалось. Он и прежде задавался этим вопросом, но так и не нашел на него ответа. Он покосился на Гискарда в поисках поддержки, однако Дерини ничем не мог ему помочь. Явно он и сам об этом понятия не имел.

— Честное слово, не знаю, Райсем, — произнес Джаван негромко. — Возможно, нам стоило бы попытаться выяснить это самим. Но уж лучше, чтобы это произошло не в руках *Custodes* или им подобных. Надеюсь, что мы отреагируем, как обычные люди, но... я просто не знаю.

Райс-Майкл обреченно вздохнул, затем устало покосился на Гискарда, по-прежнему державшего его за плечи.

— Я не буду делать никаких глупостей, — пробормотал он. — Разве обязательно меня держать?

— Гискард, обожди в соседней комнате, — негромко велел тому Джаван. — И спасибо за помощь.

С уходом Гискарда Джаван через плечо покосился на Карлана, который по-прежнему охранял двери, затем перевел взгляд на Райса-Майкла.

— Хочешь, чтобы Карлан тоже ушел?

Райс-Майкл кивнул, и Джаван жестом велел Карлану присоединиться к Гискарду. Когда дверь в опочивальню закрылась, Джаван вновь посмотрел на брата.

— Ну что ж, — заметил он негромко. — Похоже, этот вечер прошел совсем не так, как мы оба планировали. Но давай вернемся к тому вопросу, с которого начался весь этот неприятный спор. Готов ли ты дать мне слово, что не попытаешься в ближайшее время жениться на Микаэле? Надеюсь, ты понимаешь, что речь идет не о том, что твой холостой брат попросту тебе завидует.

Райс-Майкл потупил взор, переплел пальцы на коленях и бездумно уставился себе на руки.

— Я ее люблю, Джаван.

— А с этим никто и не спорит. Я вижу, что любишь. И она любит тебя. И я желаю вам всяческого счастья... но только не сейчас. Все, о чем я тебя прошу, это подождать, пока я не решу, что мы в безопасности.

— Но на это могут уйти годы, — возразил Райс-Майкл. — Я не создан для безбрачия, Джаван. Может, для тебя это и нормально, но только не для меня. Она нужна мне.

— Неужели ты думаешь, что у меня нет своих нужд? — возразил Джаван, стараясь не поддаться гневу. — Может быть, тебе и нужна Микаэла, но прежде всего нам с тобой обоим нужно остаться в живых. Это самое главное. Однако если ты сейчас женишь-

ся, то у нас обоих почти не останется шансов увидеть, как повзрослеют наши сыновья.

— А я не верю, что они и впрямь это сделают, как ты говоришь, — заявил Райс-Майкл. — Не могут же они убить нас обоих? Люди заподозрят неладное.

— Но мы-то будем мертвы, — резонно заметил Джаван. — А законный наследник окажется несовершеннолетним, и ему нужны будут регенты до возраста четырнадцати лет. Сановники прежде уже имели всю полноту власти и жаждут получить ее вновь. Для них единственный способ — это убить нас обоих.

Райс-Майкл вздохнул и устало покачал головой, прикрывая ладонью зевок.

— Может, ты и прав. Я лично сомневаюсь, но все возможно. А теперь могу ли я лечь в постель. Я что-то ужасно устал.

— Ты так и не дал мне слова насчет Микаэлы, — невозмутимо отозвался Джаван. — И ты отсюда не уйдешь, покуда не поклянешься... иначе у нас останутся лишь три варианта, которые я перечислил тебе чуть раньше.

— О, ладно, — отозвался Райс-Майкл с раздраженным вздохом. — Право, ты принимаешь все это слишком всерьез. Я все понял насчет Микаэлы и не буду больше ничего предпринимать. Ты это хотел от меня услышать?

— Только если ты говоришь правду.

Закатив глаза, Райс-Майкл поднял правую руку для клятвы.

— Бог свидетель, я даю слово, что ничего не буду предпринимать с Микаэлой в ближайшее время.

— Ты не попытаешься увидеться с ней до отъезда и не станешь ей писать, когда ее не будет в Ремуте, — настаивал Джаван.

— Я не могу даже писать?

— Думаю, для вас будет только хуже, если ты сделаешь это.

Раздосадованный, Райс-Майкл вздохнул.

— Ну ладно, клянусь. И все равно, я от нее никогда не откажусь.

— Я об этом и не прошу, — отозвался Джаван, удовлетворенный тем, что брат его говорил правду, когда дал ему клятву.

Однако после ухода Райса-Майкла Джаван всерьез задумался о том, какая горечь звучала в словах брата, когда он произносил слова обета, и невольно задумался над тем, какие еще плоды может принести нынешняя ночь.

Глава 28

Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня клянут мною[1]

Джавана не слишком удивило то, что Райс-Майкл не соблаговолил появиться наутро на мессе, которую служил отец Фаэлан. Впрочем, он нередко пропускал эти богослужения, а когда Джаван собирался на их совместную утреннюю верховую прогулку, то брат прислал к нему слугу с сообщением, что чувствует себя не слишком хорошо, и предпочел бы день провести в постели.

Джаван усомнился в его правдивости, хотя и знал наверняка, что после их вчерашнего разговора Райс-Майкл направился прямиком к себе. И все же король решил на всякий случай не уезжать из замка, а попрактиковаться во владении копьем во внутреннем дворе. Кроме того, Гискарду с Карланом он велел по очереди дежурить у покоев Райса-Майкла, незаметно наблюдая за ним весь день. После обеда лорд Манфред появился на заседании совета, однако, судя по всему, он ни о чем не подозревал, и Джаван сделал вывод, что Микаэла ничего не рассказала своему опекуну о неприятном происшествии про-

[1] Псалтирь 101:9

шлой ночью. Вечером, к удивлению и великому облегчению Джавана, его брат должным образом вышел к ужину, извинился за свое отсутствие, и заявил, что теперь чувствует себя куда лучше. По крайней мере, это было правдой, ибо весь вечер он был совершенно очарователен с гостями, держался поближе к Джавану и вел себя как образцовый принц, внимательный и любезный, не пытался увидеться ни с Манфредом и ни с кем из его домашних, хотя и не избегал их. Впрочем, поскольку Микаэлы на ужине не было, Джаван решил, что это далось брату не слишком тяжело, и все же ему было приятно, что тот, по крайней мере внешне, старается соблюдать декорум. Когда придворные, наконец, разошлись, он вновь велел Карлану стать на часы у апартаментов принца и приказал немедленно пресечь любую попытку выйти на ночную прогулку. На следующее утро Манфред вместе со всеми домашними покинул Ремут. Микаэла покорно сопровождала их и, судя по всему, так и не сумела увидеться до отъезда с братом короля.

Об этом происшествии Джаван сообщил Джорему в ту же самую ночь. Взяв пару бутылок отменного фианнского вина, он отправился навестить Этьена де Курси в его новых покоях вместе с Гискардом и Карланом, однако сам Джаван пить не стал. Покуда остальные наслаждались фианнским, он в одиночестве вошел в Портал и нервным кивком поприветствовав свою свиту, зажмурился и погрузился в транс, дабы привести в действие энергию перехода.

Спустя полчаса он уже обо все успел рассказать Джорему, Ниеллану и Джессу. Они устроились за столом в небольшом кабинете неподалеку от зала Портала в михайлинском убежище. Комнату осве-

щали свечи, укрепленные на стенах, и здесь было куда прохладнее, чем в Ремуте.

— Боюсь, я слишком резко отреагировал, — заметил Джаван, когда с мысленной речи они перешли на обычную. — Однако учитывая его щиты, я не мог силой добиться повиновения. Может быть, именно испуг от того, что он узнал о нашей магии подействовал там, где простая логика оказалась бессильна. К тому же едва ли стоит опасаться, что из чувства мести или обиды он вздумает выдать меня, ведь это поставит под угрозу его самого. Но вот как насчет мераши? Подействует ли она на нас?

Джорем уперся подбородком в сплетенные пальцы. Сегодня на них с Ниелланом были синие одежды михайлинцев, а на Джореме также белый рыцарски кушак, тускло светившийся в полумраке комнаты.

— Увы, этого мы до сих пор не знаем, — отозвался он. — В ту ночь, когда умер ваш отец, Райс дал вам свое снадобье, и туда была подмешана мераша. Но в ту пору Синхил еще не успел передать вам свое могущество. Разумеется, мы можем говорить о том, что снадобье подействовало, однако помимо мераши там были и другие травы. А в том обряде, который проводили с вами мы сами, мы намеренно не стали использовать мерашу, именно потому что не знали, как вы на нее отреагируете.

— Но разве мы не должны выяснить все наверняка, учитывая, что монахи *Custodes* так и шныряют повсюду, стараясь с ее помощью выявить всех Дерини? Они ведь использовали ее даже с отцом Фаэланом, просто как снотворное, хотя и без того наверняка знали, что он никак не может быть Дерини.

Ниеллан со вздохом откинулся на спинку кресла, легонько поглаживая правой рукой с епископским кольцом коротко постриженную седую бородку.

— Нам очень повезло, что они не применили ее в вашем случае, когда отворяли вам кровь в *Arx Fidei*. Иначе, может статься, сейчас мы бы здесь с вами не разговаривали.

— Так вы думаете, она все же подействует на меня? — прошептал Джаван.

— Боюсь, это весьма вероятно. Однако если мы попробуем и вы на нее отреагируете, то это может принести и определенный вред.

— Какой же?

— Ну, когда вы понятия не имеете о действии этого снадобья, это одно. А вот если вы будете знать наверняка, что вы подвластны мераше, это может соответственно сказаться на вашем поведении, и даже те, кто до сих пор не имел повода ни в чем вас заподозрить, задумаются о том, чтобы проделать это.

— Да, согласен, — кивнул Джаван. — И все равно, лучше бы мне знать это наверняка. Есть ли безопасный способ это обнаружить?

— В вашем нынешнем положении безопасных способов нет, — ответил Джорем. — Если мы дадим вам мерашу, и вы отреагируете как Дерини, то на полдня совершенно потеряете способность владеть собой, да и на следующий день будете чувствовать себя прескверно. С первой частью справиться легко, если мы начнем вечером. Тогда вы можете пораньше удалиться к себе перед этой попыткой, сославшись, скажем, на головную боль. Но вот на следующий день будет куда хуже. Вы не можете совсем не появиться перед двором. Однако представьте себе ваше состояние, если это раз в десять хуже, чем са-

мое страшное из похмелий, какое вам только доводилось испытывать.

— Ну, я и без того не сомневался, что это весьма неприятная штука, — заметил Джаван. — И все равно считаю, что должен убедиться наверняка.

— Отчасти последствия можно побороть, — заметил Джесс, впервые за весь вечер подав голос. Джаван до сих пор не мог привыкнуть к виду тонзуры *Custodes*, которую Джесс специально выбрил, когда явился в Ремут для установки Портала. И хотя сегодня он был одет как обычно, а волосы понемногу стали отрастать, вид все равно был диковатый.

— Вам нужно научиться, как противостоять воздействию мераши, а это может придти только с опытом. Однако даже в первый раз воздействие ее можно ослабить... Не слишком сильно и ненадолго, однако это спасет вас, если вам дадут лишь малую дозу. Кроме того, имеются особые снадобья, которые могут убрать чувство дискомфорта при тренировке. Если уж совсем нельзя избегнуть приема мераши, то лучшее лекарство — это чтобы рядом оказался другой Дерини, который тут же даст вам сильное снотворное.

— Ну, Гискард с этим справится, — заметил Джаван. — Или Ориэль. Может быть, лучше для этого позвать Целителя.

— Слишком опасно для Ориэля, — с этими словами Джесс поднялся и медленно принялся расхаживать перед пустым очагом. — Вы велели ему держаться как можно неприметнее, и это к лучшему. Однако мне бы не хотелось, чтобы вы вызывали его в свои апартаменты надолго, если только не скажетесь больным. Однако если вы заболеете, то непременно придется звать королевского лекаря, а вот тут уже

начнутся настоящие трудности, учитывая, что у вас в крови будет мераша.

Джаван кивнул, стараясь подавить озноб, про себя гадая, что знает Джорем о том случае, происшедшем давным-давно, когда другой Целитель помог одному человеку сказаться больным... и это привело к последствиям, повлекшим за собой смерть, за которую Джаван до сих пор отчасти винил себя. Целителем был Тавис, а Джаван его «пациентом». Однако смерть настигла Целителя Райса Турина.

— Думаю, нам лучше попросить Гискарда, — заметил он наконец. — И нечего даже думать о том, чтобы мне притвориться больным. Однако меня редко кто осмеливается побеспокоить среди ночи. Уверен, они с Карланом сумеют разобраться с любой ситуацией.

— Будем надеяться, раз уж вы твердо на это решились, — отозвался Ниеллан. — Сперва нам придется дать Гискарду особые указания, поскольку очень важно, чтобы вы прошли через все это как можно быстрее, если все же отреагируете как Дерини. Ну, мы с Джоремом все как следует обдумаем и сообщим через Этьена. Я попрошу отца Рикарта заранее приготовить мерашу и прочие необходимые снадобья. Конечно, было бы лучше, если бы именно он присутствовал, когда вы станете ее пробовать, и помог вам справиться с последствиями, но это слишком опасно. А пока постарайтесь внимательно последить за братом. Сейчас самое худшее для вас — это наследник-соперник, будь то сын Микаэлы... или сам Райс-Майкл.

Джаван постарался в ближайшие дни соблюдать крайнюю осторожность, но, похоже, опасения Ниеллана не оправдывались. Райс-Майкл старательно из-

бегал даже упоминать о Микаэле и, по крайней мере, внешне, с удовольствием погрузился в работу, всячески стараясь помогать брату в его придворных обязанностях. Постепенно Джаван успокоился и смог вздохнуть посвободнее, хотя все еще держал брата под наблюдением, дабы убедиться, что тот не нарушит свою клятву и не попытается тайком переслать письмо своей возлюбленной.

Однако похоже, Райс-Майкл и впрямь на время выбросил все мысли о браке из головы. Чтобы подбодрить его, ибо тот наконец стал вести себя как подобает взрослому, Джаван доверил ему достаточно важные дела, постепенно стараясь втянуть брата в управление королевством. Кроме того, это было просто необходимо, ведь как-никак Райс-Майкл являлся его наследником, а значит, должен быть способен взять бразды правления в свои руки, если все же произойдет непоправимое, и Джавана убьют. Вскоре после отъезда Манфреда из Ремута Джаван пристроил брата в королевскую канцелярию под начало лорда Джеровена, и ежедневно заглядывал в скрипторий, чтобы убедиться, насколько успешно идет там работа. Как раз сейчас они трудились над посланиями королевским сборщикам налогов касательно земельных владений. Именно Райс-Майкл передал эти документы Джавану для представления их совету.

— Ну что ж, начало положено, милорды, — заявил Джаван своим сановникам спустя где-то неделю после отъезда Манфреда, когда, наконец, подписал постановления и поставил на них большую государственную печать. — Лорд Удаут, эти послания мы должны отправить немедленно. Если все пойдет по нашему плану, то первые поступления будут уже к Рождеству.

Совет был удовлетворен проделанной работой, и Джаван решился задать сановникам следующий вопрос:

— Я хотел также внимательнее изучить кодификацию всех законов, подписанных после восстановления на престоле рода Халдейнов, — осторожно произнес он. — Лорд Джеровен уже начал собирать все указы, изданные во время правления моего отца, однако обнаружил, что записи во время правления моего покойного брата велись крайне скверно и нерегулярно, в особенности в годы регентства.

Ран что-то пробормотал себе под нос, так, что Джаван не расслышал, и сумрачно покосился на лорда Таммарона. Однако канцлер лишь откашлялся и принялся перебирать стопку документов, лежащих перед ним на столе.

— Сир, полагаю, моя служба в состоянии представить вам все необходимые сведения, — возвестил он самоуверенно. — Не знаю, кто пытался убедить вас в обратном, однако пока покойный король не достиг совершеннолетия, все записи велись с той же аккуратностью, что и в прочие времена.

— Ну что ж, значит, меня неверно информировали, — ответил на это Джаван. — И я очень рад, если это не так.

— Я уверен, что вы и сами вскоре убедитесь, что все в порядке, сир.

— Превосходно, — Джаван обезоруживающей улыбкой вознаградил советников. — Думаю, что это очень важно, чтобы все записи стали общедоступны, не так ли? Если мы сведем воедино все законы, то тем самым обеспечим их повсеместное исполнение... А ведь это составляет основу управления королевством. Надеюсь, все со мной согласятся в этом. Про-

шу вас, проследите, чтобы лорд Джеровен получил доступ к этим записям.

Требование звучало вполне разумно, однако следующий вопрос Джавана застал сановников врасплох и понравился им куда меньше, особенно клирикам, ибо он принялся задавать им вопросы о работе церковного собора в Рамосе, принявшего постановления, касавшиеся Дерини.

— Я прекрасно осознаю, что это весьма деликатный вопрос, господа. Однако я еще очень молод и многого не понимаю, поэтому надеюсь на вашу снисходительность и помощь. Так что же все-таки послужило причиной созыва этого собора, если не считать рвения отца Полина? Может ли кто-нибудь поведать мне? И каковы были теологические основания для определения того, что всем Дерини изначально свойственно зло? Вероятно, вы полагаете, что мне должно быть это известно после полученного в монастыре обучения, и все же, увы, мне недостает познаний в этом вопросе.

— Сир, — холодным тоном заметил Хьюберт. — Я нахожу, что вопрос этот сейчас не слишком уместен, ибо отец Полин еще не вернутся в Ремут и не может дать вам ответ.

— Да, мне и впрямь кажется, что у него было достаточно времени, чтобы предать земле покойного инквизитора и вернуться, — отозвался Джаван, не сказав, впрочем, вслух, что уже начал тревожиться по поводу столь продолжительного отсутствия Полина. На прошлой неделе как раз пришло время для ежемесячного возвращения отца Фаэлана в *Arx Fidei*. Джаван на несколько дней отложил отъезд священника, опасаясь за безопасность Фаэлана, однако все же был вынужден отпустить его, уповая лишь на то,

что он и его помощники-Дерини сделали все от них зависящее, дабы защитить священника. И все-таки, даже учитывая задержку с отъездом, он должен был вернуться еще два дня назад, или, по крайней мере, накануне.

— Вы знаете, очень трудно сделать что бы то ни было, когда при дворе вечно отсутствуют те, кто должен отвечать на возникающие у меня вопросы, — раздраженно произнес наконец Джаван. — Если я хочу как следует представлять себе, в каком состоянии находятся дела в королевстве, то мне необходимо задавать вопросы, касающиеся правления предыдущих королей, в особенности когда они столь сильно повлияли на меня. Так почему до сих пор не вернулся отец Полин? Вам это известно? Кто-нибудь это знает?

Хьюберт заерзал в кресле.

— Сир, полагаю, его удерживают какие-то дела ордена, ибо предстоит решить много проблем, возникших после безвременной кончины брата Серафина.

Разумеется, отчасти это было правдой, но Джаван знал сие и без Хьюберта. Однако ему казалось подозрительным, что архиепископа так смутил его вопрос. Впрочем, кажется, он догадывался, почему.

— Ясно, — промолвил он. — И, полагаю, отсутствие лорда Альберта также объясняется делами ордена. Никто не может служить двум господам одновременно, милорд. И мне совсем не по душе, что мой гофмаршал не всегда может присутствовать на совете.

На самом деле это-то как раз его вполне устраивало, ибо менее всего в роли гофмаршала он хотел бы видеть Альберта. Однако он надеялся, что это за-

ставит Хьюберта выложить, что ему известно. Однако вместо этого подал голос Ран:

— Ваше величество не должны забывать, что это положение необычное. Я уверен, что лорд Альберт и отец Полин вернутся при первой же возможности.

Это и без того мог бы сказать любой, а Джаван так ничего и не выяснил. Поэтому пока пришлось оставить этот вопрос, ибо продолжать его означало бы лишний раз рассердить Полина, когда тот вернется... вместе с отцом Фаэланом, как надеялся Джаван. Он мог лишь молиться, что ничего непоправимого не произошло, и отсрочка эта совершенно невинна: возможно, священник просто решил подождать — или его заставили — пока не соберутся все прочие *Custodes*, направлявшиеся ко двору, включая Полина и Альберта. Чтобы предложить совету другую тему для обсуждения, он дал слово лорду Джеровену, чтобы тот пересказал, что именно обнаружил тот в архивных записях...

Вечером Джаван пригласил Райса-Майкла поужинать с ним, ибо брат на совете высказал пару весьма неглупых предложений касательно различий в записях по регентству, а также насчет Рамосских Уложений. Джаван же в свою очередь надеялся выяснить, что думает брат насчет их последней встречи, теперь, когда Микаэлы уже неделю как не было в столице. Кроме того, он подумал, что пришло время в общих чертах пересказать брату историю Фаэлана, чтобы тот понял, хотя бы отчасти, причины растущей враждебности Джаван по отношению к Полину.

Ужин братьев состоял из жаркого, птицы под мясным соусом, а на десерт им подали сыр и фрукты. По ходу трапезы Джаван поведал Райсу-Майклу все, что знал о Фаэлане, — как ни в чем не повинный

священник подвергся допросу и даже пыткам в *Arx Fidei*, причем его мучители пытались лишь понять, на чем зиждется их дружба с королем, и почему Джаван именно этого священника пожелал видеть своим исповедникам. Райс-Майкл был потрясен, что монастырский устав возможно извратить таким образом, ради устрашения, и чтобы заставить Фаэлана предать не только дружбу, но и тайну исповеди.

— Так они, что, хотели дать ему истечь кровью до смерти? — спросил Райс-Майкл, не в силах поверить собственным ушам.

— По крайней мере, именно это они пытались ему внушить, — Джаван глотнул немного вина. — Поверь, редко когда еще человек чувствует себя столь же беспомощным, как когда приходится собственными глазами видеть кровь, вытекающую из жил, и сознавать, что от тебя самого никак не зависит, будет ли прекращено это истязание.

— Но они ведь не сделают этого на самом деле? — прошептал Райс-Майкл.

— Все зависит от того, что им на самом деле нужно. В случае с Фаэланом они, конечно, остановились вовремя. Ведь им не нужно было его убивать — а лишь заставить шпионить. Однако они не ограничились только этой пыткой. После того, как им удалось лишить его сил долгим постом, избиениями и кровопусканием, они напичкали его наркотиками и подвергли допросу Дерини.

Райс-Майкл распахнул глаза.

— Они держат на службе Дерини?

— Его где-то отыскал Полин, — раздраженно ответил Джаван. — Мы узнали совсем недавно, его зовут Димитрий, но больше мне ничего не известно. По счастью, он ничего не сделал с Фаэланом, только ис-

пользовал чары истины, пока того допрашивали Лиор и Серафин. Но даже не будь у них Димитрия, все равно, они добились бы своего пытками и угрозами. Как ты понимаешь, именно поэтому Фаэлан не слишком стремился туда вернуться. И все же он поехал в аббатство... потому что предан мне. Однако с тех пор я его больше не видел.

Райс-Майкл с трудом сглотнул и откинулся на спинку кресла, размышляя над тем, что только что услышал. Сегодня он пил очень мало, как видно, недавний разговор с братом по поводу пьянства его здорово приструнил. Пару минут спустя он потянулся, взял гроздь винограда с подноса и рассеянным жестом бросил в рот ягоду.

— Создается такое впечатление, что теперь твои подлинные враги — это *Custodes*, а не бывшие регенты, — задумчиво произнес он.

Джаван поднял брови и в задумчивости принялся вертеть в пальцах бокал на длинной ножке. Он тоже старался сегодня не налегать на вино, ибо разговор был слишком важен для них обоих. И после первого кубка, с которого они начали трапезу, он, точно также как и Райс-Майкл больше подливал себе воды, нежели вина.

— Я в этом не уверен, — промолвил он наконец. — К несчастью, зачастую их интересы совпадают. — Хьюберт по-прежнему член совета и во всем поддерживает *Custodes*. Что бы ни было, но до самой его смерти я буду вынужден иметь с ним дело, поскольку архиепископ — примас Гвиннеда и обязан заседать в королевском совете. А поскольку Альберт занимает должность гофмаршала, это дает им еще один голос. От него я, конечно, мог бы избавиться, но, увы, приходится признать, что у меня нет друго-

го столь же опытного военачальника. Один лишь Ран мог бы с ним сравниться, но он будет еще похуже Альберта. Я никогда не забуду, как он обошелся с гавриилитами четыре года назад. К тому же, он ведь тоже был регентом... Кроме того, в старый совет входил и Оррис, хотя регентом он не был, однако во всем подчинялся Хьюберту — а стало быть и *Custodes*. Слава Богу, мы можем позабыть о Мердоке. Таммарон, в общем и целом, человек достойный, однако он всего лишь человек, и среди верных мне людей нет никого из старшего поколения. Поэтому им пока просто не под силу с теми тягаться.

Он намеренно ни слова не сказал о Манфреде, и сердце его упало, когда Райс-Майкл заметил это и подал голос:

— А графу Манфреду ты тоже не доверяешь?

Джаван пожал плечами.

— Он брат Хьюберта. Если ему придется сделать выбор, как ты думаешь, кому он будет больше предан? Уж конечно, не мне.

Райс-Майкл зубами принялся обирать виноград с грозди.

— И это была еще одна причина, почему ты радовался его отъезду из Ремута, не так ли? — заметил он. — Ты разом решил две проблемы.

— Ты что, хочешь, чтобы я передумал насчет Микаэлы? — спросил Джаван, уверенный, что именно этого его брат и добивается.

Райс-Майкл взял себе еще винограда.

— Не думаю, что моя проблема имеет отношение к этому вопросу, — промолвил он. — Согласен, *Custodes* оказались гораздо опаснее, чем все думали прежде...

— Нет, не все, — пробормотал Джаван. — Я лично с самого начала был уверен, что они не принесут ничего, кроме неприятностей.

— Но конечно, они не михайлинцы, — признал Райс-Майкл, — хотя и от михайлинцев порой не было спасу.

— Это даже нельзя сравнивать, — возразил Джаван. — Кто бы что о них ни говорил, но они всегда оставались верны короне.

— Но ведь там были Дерини, — неуверенно произнес Райс-Майкл.

— Да, и мне известен лишь один случай, когда Дерини-михайлинец предал Халдейна... Но его силой заставили сделать это.

Райс-Майкл удивленно склонил голову набок.

— И кто же это был?

— Священник по имени Хамфри Галаро. Тавис мне о нем рассказывал. Это было еще до того, как наш отец вернул себе трон. Король Имре полностью сломил волю этого Хамфри и овладел его сознанием. Когда родился наш старший брат — еще до Алроя — этот Хамфри ухитрился проникнуть в церковь на крещение и помогал священнику, который проводил обряд. Мальчика должны были наречь Эйданом Алроем Камбером.

— Я думал, он родился мертвым! — воскликнул Райс-Майкл.

— Нет, ему было почти три недели от роду. Крестильная соль была отравлена. Отец от смерти первенца испытал такой шок, что это помогло развиться его магическим способностям... он точно знал, кто был повинен в гибели младенца и именно тогда впервые использовал свою силу, чтобы поразить убийцу. — Он глубоко вздохнул. — Впрочем, Хамфри

был не виноват. Точно так же, как не виноват Фаэлан, что *Custodes* пытаются использовать его.

Райс-Майкл тряхнул головой.

— Да, Райсем, наши враги используют невинных. Можешь в этом не сомневаться, — продолжил Джаван. — И совершенно неважно, являются ли эти враги людьми или Дерини. Злодеи без всяких угрызений совести готовы пожертвовать кем угодно для достижения своих целей, будь то священники, как Хамфри или Фаэлан, или еще более беззащитные жертвы... женщины и дети, и даже младенцы... Вспомни жену и сыновей Деклана, — их лишили жизни с такой же легкостью, как мы бы с тобой задули свечу. Или вспомни Гизеллу Мак-Лин, которую задушили во сне, чтобы ее сестра могла выйти замуж за сына одного из регентов и принести ему богатое наследство. А теперь они используют Микаэлу, чтобы добиться от тебя наследника, после чего и ты, и она, вероятно, кончите точно так же, как Гизелла или жена и дети Деклана, или наш брат Эйдан.

Потрясенный, Райс-Майкл несколько мгновений взирал на Джавана, затем разразился нервным смехом.

— Да, в воображении тебе не откажешь, — пробормотал он. — Ты просто пытаешься меня напугать, чтобы я отказался от женитьбы.

— Если бы я хотел просто напугать тебя, — очень спокойным голосом возразил Джаван, — то уж наверное, придумал бы что-то такое, чтобы у тебя волосы встали дыбом, или, может быть, даже обмочился во сне.

Протянув руку, он заставил молнию с треском вспыхнуть между пальцами.

— Хочешь, чтобы я попытался?

Райс-Майкл шумно сглотнул и судорожно замотал головой, когда Джаван поднял руку повыше, и туманное *нечто* начало принимать очертания у него на ладони.

— Ладно, ладно, я тебе верю, — прошептал он, вздохнув с облегчением, когда Джаван опустил руку и огонь понемногу угас. — Но ты и впрямь думаешь, что Полин что-то сотворил с отцом Фаэланом, и именно поэтому они до сих пор не вернулись?

— Ну, поживем, увидим, — медленно ответил Джаван. — Ты и сам понимаешь, что пока я не могу задать этот вопрос напрямую. Я даже не хочу, чтобы они знали, как многое мне известно о том, что с ним сделали в первый раз. Но если они убили его...

Глава 29

Они изрыгают дерзкие речи; величаются все, делающие беззаконие[1]

По счастью, Джавану не пришлось решать, что делать в случае гибели Фаэлана, ибо Полин со всей своей свитой вернулся уже назавтра, и привез с собой притихшего королевского исповедника. Райс-Майкл многозначительно покосился на брата, едва лишь им принесли эту весть.

Однако до самого вечера Джаван никак не мог улучить момент, дабы поговорить со своим капелланом наедине. Удалось это сделать только после службы в часовне, когда Полин удалился вместе с Хьюбертом, и лишь отец Лиор, помогавший Фаэлану во время мессы, остался поблизости.

— Отче, я хотел бы исповедоваться, — сказал Джаван, намеренно слегка повысив голос, когда заслышал поблизости шаги отца Лиора.

Тот немедленно отступил подальше, соблюдая священную тайну исповеди, и Фаэлан безропотно повел короля в ризницу часовни. Верный Карлан держался поблизости и Гискард также остался в часовне, преклонив колена у алтаря со скрещенными

---

[1] Псалтирь 93:4

на груди руками и склонив голову, делая вид, будто глубоко погружен в молитвы, но на самом деле стараясь присматривать за Лиором.

Как уже вошло у них в привычку за прошлый месяц, Фаэлан немедленно опустился на низкий табурет рядом с молитвенной скамеечкой, на которой обычно произносил свои молитвы до и после мессы. Джаван стал на колени, чтобы соблюсти приличия, если кто-нибудь все же пройдет сюда мимо Карлана. Покуда Фаэлан не расскажет ему обо всем, что произошло в аббатстве *Custodes*, им следовало соблюдать особую осторожность.

— Благослови меня, отче, ибо я грешен, — начал он шепотом. — С вами все в порядке?

Фаэлан скрестил руки на коленях и склонил голову, будто и впрямь собирался выслушать исповедь Джавана, но и при этих его словах не поднял глаз, лишь сильнее переплетая пальцы.

— Они... не причинили мне телесного вреда на сей раз, сир, — пробормотал он.

Джаван ничего не ответил, и взяв Фаэлана за руку, чтобы не позволить тому отпрянуть, другой рукой закатал рукав одеяния священника в поисках признаков кровопускания. Фаэлан напрягся, но сопротивляться не стал, однако расслабился, лишь когда Джаван отпустил его и взялся руками за поручень молитвенной скамеечки. Затем священник устремил на короля взволнованный взгляд.

— Боюсь, я больше не смогу служить вам в этом качестве, сир, — прошептал он неверным голосом.

— Что они с вами сделали?

Фаэлан вновь уставился на сплетенные руки и с глубоким вздохом постарался набраться храбрости, чтобы выговорить вслух:

— Физически на сей раз мне пришлось куда легче, но боялся я ничуть не меньше, чем если бы они на самом деле стали мучить меня, потому что угроза все равно оставалась... и воспоминания о том, как это было в прошлый раз.

— И все-таки, что же они сделали? — повторил Джаван.

— Первые два дня мне было велено отстаивать бдения в дисциплинариуме, — ровным голосом отозвался Фаэлан. — Меня подвергли строгому посту и велели читать особые молитвы. Спать почти не давали. Кроме того, мне не позволяли присутствовать на мессе, пока на третий день аббат не позвал меня к себе. Там были еще отец Полин и брат Альберт, а также отец Лиор и писец-мирянин, который записывал ответы на их вопросы.

— А дальше?

— Они... спрашивали насчет вас, сир: что я видел, о чем мы говорили, что я видел и слышал от прочих ваших приближенных и ваши исповеди. По крайней мере, вы... дали мне дозволение рассказывать об этом. Хотя, конечно, там не было ничего примечательного. И поскольку ничего необычного я не видел, то, стало быть, ничего и не мог им поведать.

Фаэлан говорил чистую правду, насколько он ее помнил. Но Джаван прекрасно сознавал, что допрос *Custodes* на самом деле был куда более глубоким... и он сам заблокировал некоторые воспоминания о событиях, предшествовавших коронации, включая и смерть брата Серафина.

— Нагнитесь ко мне поближе, отче, — шепотом попросил он и коснулся лба отца Фаэлана. — А теперь расскажите мне *все*, что произошло в аббатстве.

Фаэлан напрягся, попытался даже отвернуться, но Джаван другой рукой ухватил священника за плечо, чтобы не дать ему отпрянуть, и тут же проник в его сознание, где обнаружил установленный запрет на то, чтобы кому бы то ни было рассказывать о подробностях происшедшего в кабинете аббата. Запрет этот оказалось легко обойти, и рассказ Фаэлана поразил Джавана, хотя в глубине души он был готов к чему-то подобному.

— Расскажите мне обо всем своими словами, отче, — попросил он и опустил руки Фаэлану на плечи. — Теперь вы можете вспомнить все до конца.

Голос Фаэлана звучал медленно и негромко, словно он был под властью каких-то чар, а темные глаза смотрели в пустоту.

— Этот писец-мирянин... кто-то назвал его мастером Димитрием, — прошептал Фаэлан. — Они меня допрашивали про ту ночь, когда умер брат Серафин, и Димитрий не спускал с меня глаз, и даже не записывал мои ответы...

* * *

В это же самое время в личных покоях при соборе, которые архиепископ Хьюберт занимал, когда находился в Ремуте, Полин Рамосский пересказывал другую часть той же истории.

— Таким образом обстоятельства смерти брата Серафина, похоже, оказались именно таковы, как нам их представили первый раз, — заявил он. — Теперь у меня нет сомнений, что с ним случился сердечный приступ. В этот момент с ним рядом находился один лишь отец Лиор, и к тому же день был очень жарким.

Хьюберт снисходительно выслушал его, по-прежнему уверенный, что Полин зря потратил столько усилий, чтобы выяснить совершенно очевидную вещь — ибо смерть Серафина в его глазах была совершенно естественной — но он, как от него и ожидали, задал следующий, вполне логичный вопрос:

— Если рядом был Лиор... не можем ли мы предположить, что именно он каким-то образом повинен в смерти Серафина.

— Никоим образом.

— Отлично. Но возможно ли, чтобы Серафин был отравлен или каким-то образом ему подсыпали снадобье, вызывающее сердечный приступ?

Полин покачал головой.

— Он не ел и не пил ничего за несколько часов до смерти, а трапезу разделил с несколькими другими братьями, включая того же Лиора... и они ели из общей посуды. Таким образом, никакое вмешательство было бы невозможным.

Он глубоко вздохнул, словно опасаясь говорить дальше, и Хьюберт бросил на него вопросительный взгляд.

— Но какого же именно вмешательства вы ждали?

Полин поигрывал с бахромой своего кушака, затем небрежно принялся разглаживать ее другой рукой, тщательно обдумывая вопрос.

— Вот что меня продолжает тревожить. Конечно, вы понимаете, что Лиора в подробностях расспросили обо всех событиях той ночи. И в первый раз, и по возвращении в аббатство. И хотя эта тема не всплыла при первом разговоре, но затем он... вроде был припомнил что-то насчет визита к отцу Фаэлану, чуть раньше в тот же вечер. По-моему, я говорил,

что они намеревались вдвоем навестить его. Однако вначале Лиор ничего об этом не рассказал.

— Предполагаете, он умолчал об этом намеренно?

Полин покачал головой.

— Нет, упущение вполне объяснимое, поскольку в свете прочих событий той ночи это весьма незначительное событие. Однако тут имеется и кое-что еще. Хм... — он со вздохом покосился на Хьюберта. — Ну ладно, чтобы рассказать вам об этом, мне придется признаться еще кое в чем. Когда я говорил о подробном допросе, то именно это и имел в виду. Пару месяцев назад я взял себе на службу Дерини.

— *Что?*

— Пусть вас это не беспокоит. Я принял все необходимые меры предосторожности. Его имя Димитрий. Мои рыцари, возвращавшиеся из Форсинна, встретили его с братом на корабле, отплывавшем из Фианны. Его брат — Коллос, свалился в лихорадке, и ему на помощь пришел один из наших лекарей.

— Не верю собственным ушам, — процедил Хьюберт сквозь стиснутые зубы.

— Сперва выслушайте, а потом будете судить. Как только больной пошел на поправку, и стало ясно, что жизнь его вне опасности, оказалось, что оба они — Дерини, и Димитрий, брат Коллоса, прежде был помощником городского головы в Везаире, однако его сместили с должности за какие-то служебные проступки и хищения. Разумеется, он утверждает, что его попросту подставили... Возможно, это и так, а возможно и нет. По крайней мере, экипаж корабля доверял ему.

Хьюберт возвел глаза к небесам, но Полин продолжал:

— Как бы то ни было, оба оказались без гроша, к тому же Коллос наверняка умер бы, если бы не помощь моего лекаря... Хотя, разумеется, тот не стал бы ему помогать, если бы знал, что перед ним Дерини. Однако Димитрий сообщил, что хотя и надеется рано или поздно вернуться в Везаир и отомстить тем, кто ложно обвинил его в преступлении, однако сейчас благодарность за спасение жизни брата повелевает ему предложить свои услуги... за деньги, разумеется, поскольку он должен думать о возвращении в Везаир, однако именно там он приобрел некоторые навыки допроса. Ему доводилось слышать, что в Гвиннеде подобным талантам можно найти применение, пусть и в довольно специфичных обстоятельствах. Он также продемонстрировал свои таланты на нескольких членах экипажа, причем некоторые пошли на это добровольно, а другие — нет.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Хьюберт, но Полин, не обращая на его слова никакого внимания, продолжил:

— Как вы понимаете, такое предложение показалось моим рыцарям весьма заманчивым, и все же они оставались настороже. Но когда от Димитрия потребовали доказательств его верности будущим нанимателям, они с братом с готовностью пошли на то, чтобы брат остался в заложниках. Так что я не сомневаюсь, что мы достаточным образом обезопасили себя.

Однако Хьюберт был потрясен рассказом Полина и отнюдь не разделял его уверенности.

— Вообразить не могу, вы взяли на службу Дерини, заранее не посоветовавшись со мной! — воскликнул он.

Полин, смутившись, постарался высказаться в свою защиту:

— Но ведь вы сами держали на службе Дерини.

— Да, но... — Хьюберт заломил руки. — Возможно, он и впрямь говорил вам правду, но откуда вы знаете, на самом ли деле этот Коллос его брат?

— Я уверен лишь в том, что он Дерини, — отозвался Полин. — Его испытывали мерашей, равно как и Димитрия. У обоих начались весьма впечатляющие конвульсии.

Хьюберт кивнул.

— Ну что ж, в таком случае раз второй Дерини остается у нас в заложниках, мы можем надеяться, что этот ваш Димитрий будет покорен нашей воле. Но насколько часто вы пользовались его услугами?

— Не стоит беспокоится, я был очень осторожен. Я держал их в Картмуре пару месяцев, и подвергал всевозможным испытаниям. Коллос по-прежнему находится там, восстанавливает здоровье, но Димитрия я привез в *Arx Fidei*, когда король затребовал к себе отца Фаэлана.

— Так он читал мысли Фаэлана?

— Нет, в ту пору я ему еще не доверял. Он использовал лишь чары истины, однако сопротивление Фаэлана удалось понизить... иными средствами.

— Я так и думал, учитывая, в каком состоянии он прибыл ко двору. Джавану сказали об этом?

— Он знает только, что Фаэлану отворяли кровь. Но я ему объяснил, что этого потребовал лекарь.

— А если Фаэлан скажет ему правду?

— Тогда Джаван лишний раз убедится, что подвергнет Фаэлана большой опасности, если попытается заставить его отступить от верности ордену, — зая-

вил Полин. — Может быть, это поможет приструнить нашего короля.

Хьюберт кивнул, поглаживая епископский перстень.

— Но вернемся к смерти Серафина. Димитрий спрашивал об этом Фаэлана?

— Я к этому и веду, — отозвался Полин. — После похорон Серафина первым делом я вместе с Димитрием подробно расспросил обо всем Лиора. К тому времени Фаэлан еще не прибыл в аббатство. Лиор мало что смог нам рассказать о той ночи, однако я спросил, согласится ли он, чтобы Димитрий считал все его воспоминания. Конечно, я мог приказать, но Димитрий заявил, что обычно результаты бывают куда более достоверными, если человек покорится добровольно.

— И Лиор согласился?

— Да. Они с Серафином привыкли работать с Дерини еще в Картмуре. Во время допроса Лиор и впрямь лучше припомнил, о чем они беседовали с Фаэланом той ночью, однако во встрече их не было ровным счетом ничего примечательного, так что неудивительно, что Лиор даже не вспомнил об этом раньше. Они с Серафином ушли очень скоро. Ну, а о том, что случилось раньше, вы знаете. Впрочем, еще один любопытный момент. Димитрий заявил, что в подсознании уловил некое туманное ощущение, что в какой-то миг там мог оказаться и Джаван. Или, может быть, они втроем просто говорили о короле, Димитрий не был в этом точно уверен.

— Забавно, — пробормотал Хьюберт.

— Ну, а вскоре прибыл и отец Фаэлан, — продолжил Полин. — Учитывая, как все прошло с ним в прошлый раз, я был настроен обойтись с ним поми-

лосерднее, но желал также выяснить все, что ему известно о смерти Серафина. Поэтому два дня я потомил его страхом, в ожидании неотвратимого наказания, а также заставил соблюдать пост и не давал спать. На третье утро после мессы, когда его привели к аббату для допроса, он уже испытывал головокружение от голода, и после того как выпил вино причастия на голодный желудок.

— Весьма действенно, — согласился Хьюберт.

— Да, эффект был именно тот, на который мы и надеялись. Я усилил его опасения, сказав, что если он не ответит должным образом на все вопросы Лиора, то мы сумеем развязать ему язык, и поскольку Альберт как раз в это время вертел в руках перемазанный кровью жгут, то Фаэлан принял угрозу весьма буквально... Хотя аббат и несколько испортил нам игру, заявив, что через месяц слишком рано повторять кровопускание.

Хьюберт хмыкнул.

— Аббату Халексу еще многому следует поучиться.

— Вы совершенно правы, однако того же самого нельзя сказать о Димитрии. Не будь он Дерини, а также приверженцем восточной ветви нашей религии, то я бы едва ли устоял от соблазна сделать его членом ордена... хотя и без того он служит нам на славу.

— Так что же там с отцом Фаэланом? — нетерпеливо поторопил его Хьюберт.

Полин склонил голову.

— Детали я пропущу. Главное, что отец Фаэлан ничего не смог добавить к рассказу Лиора. Ни об их встрече с Серафином, ни о дальнейших событиях той ночи. К тому же он ничего не знал о том, виде-

лись ли мои люди с королем. Я заставил Димитрия проникнуть в его сознание, но он лишь подтвердил, что Фаэлан говорит правду. Кроме того, Фаэлан не заметил, чтобы Джаван или кто из его свиты, мог оказаться каким-то образом причастен к смерти Серафина.

— Тогда, похоже, мы в тупике, — поразмыслив, ответил Хьюберт. — Я всегда говорил, что Фаэлан в этом не может быть замешан. Он и ко двору-то прибыл всего за два дня до смерти Серафина, а за неделю до этого его проверяли заклятием истины. Что же касается возможного вмешательства Джавана... — Он покачал головой. — Понимаю, что это странное совпадение, Полин, но я не вижу никакой связи.

— Ладно, на время я готов забыть об этой истории, — согласился Полин. — Но теперь, раз уж вам известно о Димитрии, не желаете ли вы, чтобы я привез его ко двору? Разумеется, мы сохраним это в тайне.

Хьюберт покосился на него.

— Мы ведь не столь давно говорили о том, чтобы полностью отказаться от услуг Дерини, и что же вы предлагаете теперь?

— Но он на нашей стороне, Хьюберт, и по собственной воле.

— Может быть, — пробормотал архиепископ. — Может быть.

Он покрутил на груди распятие, перемещая его взад и вперед на тяжелой цепи.

— Дайте мне поразмыслить над этим пару дней, — предложил он, немного помолчав. — Пока что, если понадобится, у нас имеется при дворе и другой Дерини, не Ориэль, конечно, но я уверен, что лорд Ран позволит нам воспользоваться услугами Ситри-

ка. Конечно, тонкости ему недостает, но, похоже, время для тонкостей прошло. Посмотрим, что принесут нам ближайшие дни... и что поведает нам отец Фаэлан, когда следующий раз прибудет в аббатство для отчета.

* * *

— Человек по имени Димитрий подал мне кубок вина, — говорил тем временем Фаэлан Джавану. — Он сказал, что я ослаб от голода... но, должно быть, мне не стоило пить на пустой желудок. Вино ударило мне в голову. Я помню, что ощутил головокружение, а затем... по-моему, Димитрий положил ладонь мне на лоб. А потом я каким-то образом оказался в лазарете, и кто-то из братьев кормил меня горячим бульоном. — Он растерянно заморгал и в упор взглянул на Джавана. — Не думаю, чтобы я... сказал ему что-то важное, но ведь он Дерини, правда? — прошептал он. — Должно быть, он читал мои мысли, пока я был без сознания. Боюсь, я... больше не смогу это выдержать. В первый раз тоже пришлось нелегко, но...

Его начал бить озноб, и Джаван вынужден был взять под контроль его разум, убрав пугающие воспоминания и заставив священника успокоиться. Страх Фаэлана был вполне понятен, но, по счастью, Джаван в течение месяца надеялся убедить того, что все будет в порядке и беспокоиться не о чем. Похоже, в этот раз в аббатстве они только пытались запугать Фаэлана, но не причинили ему реального вреда.

Однако сейчас времени больше не было. Отец Лиор по-прежнему маячил где-то снаружи, так что нельзя давать ему повод заподозрить, что разговор

между священником и королем касался чего бы то ни было, кроме исповеди. Поэтому Джаван был вынужден покинуть ризницу, дабы не возбуждать ненужного любопытства.

Он второпях проделал все, что следовало, и через пару минут, когда они вышли в часовню, на лице священника был покой и смирение, а король всем видом своим изображал задумчивость и раскаяние. Отослав Гискарда исповедоваться перед Лиором, Джаван опустился на колени перед алтарем и прочел «Отче наш», а затем три «Аве», как неизбежное наказание за обман, а затем поднялся и ушел вместе с Карланом. Через десять минут в королевских покоях к ним присоединился Гискард.

— Все в порядке, — заявил рыцарь-Дерини, закрыв за собой дверь. — Правда, я с трудом придумал, в чем бы мне покаяться, но, похоже, отец Лиор ничего не заподозрил.

Он еще парой слов перебросился с Фаэланом, а затем ушел. Фаэлан тоже отправился к себе.

— Тогда, на время все мы в безопасности, — с облегчением вздохнул Джаван. — Хотя, конечно, через месяц будет видно. Фаэлану с каждым разом все труднее возвращаться в аббатство. На сей раз они не стали пускать ему кровь, однако ко времени следующей поездки после этой отвратительной процедуры пройдет уже два месяца. С одной стороны, его мучает страх, ибо каждый раз он гадает, будут ли они делать это вновь, а с другой стороны, подстерегает реальная опасность, что они это сделают. Так что не могу осуждать его, если он скажет, что не желает возвращаться в *Arx Fidei*... Однако это грозит нам новыми проблемами, и кроме того, подтвердились все на-

ши догадки насчет этого Дерини, который служит Полину.

Увы, но в последующие несколько дней Полин доставил Джавану куда больше трудностей, чем тому бы хотелось.

— Мне сообщили, что ваше величество изволили задавать вопросы по поводу Рамосских Уложений, — заявил он на ближайшем же заседании совета. — Возможно, сир, вам следовало бы адресовать эти вопросы человеку, лучше всего посвященному в тонкости ситуации. Насколько я понимаю, вы желали, чтобы вас просветили по некоторым вопросам теологии относительно Дерини.

После этого началась проповедь, которую никоим образом нельзя было назвать просто ответом на вопрос, и Полин на добрых два часа погрузился в рассуждения о том, что зло изначально присуще Дерини и их магии, и еще столько же времени он многословно защищал действия Рамосского совета. К тому моменту, как Джавану удалось наконец свернуть заседание совета, у него уже раскалывалась голова.

Однако Полина это не удовлетворило. На следующий день целый час он повторял все сказанное накануне. Его не смогли даже сбить с толку слова Джавана, что тот отнюдь не просил никаких теологических обоснований действий Рамосского совета, а интересовался лишь процедурными вопросами.

Но даже это невинное любопытство вызвало у многих враждебность, в особенности у тех, кто лично участвовал в созыве Рамосского собора, так что вскоре очевидно стало, что любые меры по смягчению драконовских уложений против Дерини смогут быть приняты лишь через труп Полина... или, весьма

возможно, через труп самого Джавана, если он будет слишком настойчив в своих вопросах. Полин без тени сомнения заявил, что получил полную поддержку примаса Гвиннеда всем своим действиям, и, кроме того, Уложения были одобрены общим собранием епископов и верховными чинами ордена... что немедленно поспешили подтвердить Хьюберт и Оррис. Джаван потратил немало усилий, чтобы хоть как-то смягчить напряжение и перевести разговор на любую другую тему, но все было тщетно. Пришлось ему после завершения заседания отправиться на прогулку верхом вместе с Райс-Майклом, свитой и парой юных рыцарей. Добрая скачка хоть немного помогла ему развеяться и вернулся он во дворец уже затемно.

На следующий день Джаван попросил Райса-Майкла открыть заседание коротким отчетом касательно свода законов, над которым трудились они с лордом Джеровеном. Принц выражался очень четко и осмысленно, проявил прекрасную осведомленность во всех вопросах и даже сумел заинтересовать своей работой остальных советников. Он произвел на них такое благоприятное впечатление, что Джаван был отнюдь не удивлен, когда на следующий день лорд Удаут предложил доверять наследнику короля и более сложные задачи.

— Сейчас мы живем в мирное время, поэтому едва ли воинские занятия необходимы его высочеству в дальнейшем, — промолвил Удаут. — Но учитывая, что принц проявил явную склонность к делам управления, возможно, он мог бы сопровождать придворных посланцев, которые как раз сейчас отправляются в поездку по стране. Он мог бы принять участие в заседании баронских и графских судов, вы-

слушать несколько дел и попробовать на практике применить те законы, о которых до сих пор только читал. Несомненно, это окажется большим шагом вперед в его обучении и будет полезно также его королевскому величеству.

Это было совершенно разумно, тем более, что подобный отряд королевских посланников и впрямь собирался вскоре покинуть Ремут. В их числе был и достойный всяческого доверия дворянин из западных земель по имени лорд Энсли, который направлялся через неделю в Грекоту вместе с сэром Джейсоном. Местность эта была вполне мирной и располагалась достаточно далеко от Кулди, а значит, и от Микаэлы, так что Джаван решил, что вполне может доверить своего упрямого брата Энсли и Джейсону.

Кроме того, если отослать Райса-Майкла из столицы, это уменьшит опасность его столкновения с Ситриком или даже с загадочным Димитрием. Если кто-нибудь из Дерини обнаружит у Райса-Майкла защиты, которыми могут обладать лишь их соплеменники, то, несомненно, это приведет к неприятным вопросам, и обязательно повлечет за собой раскрытие еще более опасных способностей самого Джавана. Король не сомневался, что *Custodes* не станут пытаться делать различий между магией Дерини и божественной силой короля Халдейна.

— Что скажете, сэр Джейсон? — спросил Джаван у пожилого рыцаря. — Как вы думаете, пригодится лорду Энсли эта светлая голова?

Поднявшись, Джейсон отвесил Джавану поклон.

— У его высочества живой ум, сир, — отозвался он. — И от лорда Джеровена я слышал много добрых слов о его старательности и успехах в постижении законов. Если его высочество желает присоеди-

ниться к лорду Энсли, то я уверен, он окажет ему посильную помощь.

— Ну что, брат, — Джаван, пытаясь сдержать улыбку, повернулся к Райсу-Майклу. — Что скажешь?

Лицо Райса-Майкла осветилось.

— А что, и правда, можно? Ты меня отпустишь в Грекоту?

— Ну, разумеется, на определенных условиях, — отозвался Джаван, стараясь в присутствии посторонних соблюсти хотя бы подобие этикета. — Ты, может быть, и принц, однако главным моим порученцем остается все же лорд Энсли, и за ним последнее слово. Учитывая обстоятельства, вторым его помощником я бы назначил сэра Джейсона. Если ты согласишься подчиняться им обоим без всяких споров и пререканий, то я готов посодействовать твоему назначению.

— Ну, конечно, я сделаю все, что ты скажешь, это ведь моя первая самостоятельная поездка, — Райс-Майкл с трудом сдерживал нетерпение. — Просто ушам своим не верю!

Столь явный восторг вызвал кислые взгляды у Рана, Хьюберта и еще нескольких пожилых советников, и после того, как заседание прервалось, Таммарон отвел Джавана в сторону, чтобы в частной беседе высказать свои сомнения относительно того, достаточно ли принц созрел для столь ответственного назначения. Альберт, похоже, также сомневался, но восторг Райса-Майкла оказался столь заразительным, что Джаван решил не обращать на это внимания. В конце концов, через две недели брату исполнится пятнадцать. По закону, он уже считался взрослым мужчиной, так что пора ему брать на себя настоящую ответственность.

Вечером, убедившись, что у лорда Энсли нет возражений против назначения двух новых помощников, Джаван попросил лорда Джеровена оформить необходимые документы: сперва официальные назначения для сэра Джейсона и принца Райса-Майкла Элистера Халдейна в качестве помощников королевского посланца в Грекоте; а затем и третий, секретный, документ, который он надеялся, никогда не придется использовать. В нем он поручал сэру Джейсону заботиться о безопасности принца и давал ему полную власть применить все необходимые меры за исключением высшей меры наказания, дабы заставить того повиноваться. Больше всего Джаван надеялся, что этот документ никогда не понадобится, однако сознавал, что должен принять необходимые меры предосторожности, дабы защитить своего единственного наследника. Он знал, что ему будет сильно не хватать общества Джейсона и его мудрых советов в следующие несколько месяцев... но зато теперь он мог не сомневаться, что его брат в надежных руках.

И не успел Джаван опомниться, как неделя миновала, и Райс-Майкл уехал. Чтобы убедиться в том, что принц не воспользуется предоставленной ему свободой, чтобы посылать или получать письма из Кулди от Микаэлы, Джаван в последнюю минуту решил послать с ними еще и сэра Томейса, поскольку этот юный рыцарь и прежде уже служил оруженосцем принца и наизусть знал все его хитрости и уловки.

— Я буду присматривать за ним, сир, не тревожьтесь, — заверил его Томейс.

Однако Джаван все равно был весьма взволнован, когда вышел проводить их в дорогу. Небольшой отряд возглавлял Томейс, державший в руках штандарт принца, а сам Райс-Майкл выглядел вели-

колепно, гордо держался в седле, одетый в синие цвета, символизирующие его ранг королевского наследника. По одну сторону от него ехал Джейсон, по другую — лорд Энсли. Кроме того, в отряде была еще дюжина писцов и прочих помощников, а замыкала кавалькаду группа конных стражников.

За ними же ехал Полин Рамосский с полудюжиной рыцарей *Custodes*. По его словам, они направлялись в *Arx Fidei*, дабы присутствовать при кончине смертельно больного собрата. Из соображений безопасности, до аббатства они должны были ехать все вместе, после чего отряд принца свернет на север к Грекоте. Джаван был рад, что Полин уезжает... однако еще больше он радовался, когда получил первое послание от Джейсона, как раз после того, как они миновали *Arx Fidei*. В письме сообщалось, что Полин со своими людьми благополучно остался в аббатстве, а принц с сопровождающими продолжили путь.

Глава 30

Но тяжкие испытания ожидают власть предержащих[1]

Неделю спустя до них дошли вести о том, что лорд Энсли с принцем благополучно прибыли в Грекоту. Сэр Джейсон писал, что Райс-Майкл ведет себя безупречно, и Джаван позволил себе слегка расслабиться, тем более что летняя жара наконец-то начала спадать, большинство придворных из Ремута разъехались, и в совете дел стало поменьше.

Итак, убедившись, что с Райсом-Майклом все в порядке, Джаван решил, что настало время окончательно решить вопрос с мерашей. Гискард уже давно сообщил ему, что готов и ожидает лишь указаний короля. В заранее выбранный вечер Джаван пораньше ушел с ужина, сославшись на головную боль, как советовал ему Джорем, и послал за одним из придворных лекарей, дабы тот принес ему сильное снотворное.

Врач ушел пару минут спустя, убежденный, что король выпил его снадобье и мирно заснул. На самом деле тот задвинул чашку со снотворным под прикроватный столик, и теперь Джаван сидел посре-

---

[1] Мудрость Соломона 6:8

ди постели, поджав под себя ноги, и смотрел, как Гискард высыпает порошок из пергаментного пакетика во вторую чашку, которую он наполнил из стоявшего рядом кувшина.

Он размешал снадобье пальцем, и в этот момент из другой комнаты зашел Карлан и принес серебряный кубок. Отец Гискарда оставался в соседней комнате, делая вид, что работает над документами, которые понадобятся королю к утру, но на самом деле с помощью способностей Дерини обеспечивая, чтобы никто не потревожил короля среди ночи.

— Готов поручиться, что это у тебя не мераша, — заметил Джаван, наблюдая за Гискардом, который, размешав содержимое во второй чашке, облизал пальцы и поморщился.

— Нет, просто успокоительное. Фу, горькое. Но зато его сделал настоящий Целитель, потому что мы же не можем доверять тому, что вам тут намешал этот придворный шарлатан, — он ткнул пальцем в отставленную чашу. — И кроме того, мераша — это жидкость, а не порошок, и я никогда бы даже не притронулся к ней пальцем. Конечно, быстрее она действует, если ее ввести прямо в кровь — например, с помощью «деринийской колючки», или смазав ею лезвие меча, наконечник стрелы, что угодно... но даже просто при попадании на кожу она очень опасно.

Сунув руку в кошель на поясе, он извлек оттуда небольшой стеклянный флакон с пробкой.

— Вот это мераша.

Джаван уставился на пузырек в руке Гискарда, гадая, как же столь малая доза может так уничтожающе подействовать на магические способности Дерини.

— Я должен... выпить это? — прошептал он.

— С вином, — пояснил Гискард и передал пузырек Карлану. — Но сперва нужно опробовать ее методом *Custodes*.

Он кивнул Карлану, и тот осторожно извлек пробку, с противоположной стороны которой оказались воткнуты две тонкие серебряные иглы. Между ними, там, где кончики почти соединялись, сверкала бледная капля.

— Это и есть «деринийская колючка»? — выдохнул Джаван.

— Отец Рикард сказал, что сработает почти также, — ответил Гискард. Улыбка стерлась с его лица. Он сел по правую руку короля, потянулся, взял его за запястье, развернув ладонью кверху, и Карлан, сжимая в руках пробку, подошел поближе.

— Вы уже видели, как это делается, сир, — вполголоса произнес Гискард, тогда как Карлан вновь окунул иглы в коричневую склянку. — Больно не будет, по крайней мере, от иголок. Я попросил, чтобы это сделал Карлан, потому что думаю, у него получится лучше, а я боюсь рисковать.

— Что, неужели это снадобье настолько сильное, — прошептал Джаван.

— Для Дерини да... А может быть, и для Халдейнов.

И в этот миг, прежде, чем Джаван даже успел сообразить, что происходит, Карлан схватил его за руку и с силой вонзил иглы в ладонь. Джаван охнул от острой боли, и тут же вспомнил, как таким же образом испытывали другого человека, на берегу запруды, где некий загадочный пророк-креститель предлагал очистить всех, кто пожелает, от деринийской скверны...

Он постарался дышать ровно и спокойно. Карлан извлек иголки, а Гискард сжал его руку в кулак, чтобы не текла кровь, но, сделав лишь пару вздохов, он ощутил, как холод пронзает всю его руку до плеча.

— Гискард, — испуганно прошептал он, когда наплыв головокружения оставил его почти без сил. В тот же миг холод распространился по всему телу, лишая его всех ощущений.

— Проклятье, — пробормотал Гискард, приобнимая короля за плечи, а другой рукой касаясь его лба. — Как же я надеялся, что этого не случится. Постарайтесь отдать мне контроль над своим сознанием, и я покажу вам как облегчить это состояние.

И в то же миг разумом он потянулся к Джавану, и Джаван не смог бы этому помешать, даже если бы пожелал. Он чувствовал, как защиты его разваливаются, разлетаются в клочья. Волны головокружения и тошноты следовали одна за другой, поглощая его, так что он с трудом мог переносить прикосновение Гискарда. Он попытался воззвать к своим магическим силам, но встретил один лишь хаос. В ушах у него все гудело, так что он не мог слышать ни единого слова, а вся комната закружилась перед глазами. Он зажмурился, чтобы этому помешать, но головокружение не проходило. Он не мог даже попытаться вообразить себе, как может человек, испытывая нечто подобное, продолжать оставаться самим собой.

— *Это состояние можно немного сгладить*, — достигло его сознания неожиданная мысль. — *Разверните потоки энергии вот так... у вас получится!*

Каким-то чудом он осознал, о чем ведет речь Гискард, и, кажется почти понял, каким образом сделать

то, что от него требуется. Однако часть его сознания скукожилась от невыносимого ужаса, и он осознал, что если когда-нибудь его враги сделают с ним такое, то он пропал.

— Ладно, по-моему, с этим все ясно, — внезапно услышал он голос, и ему пришлось сосредотачиваться на каждом слове, чтобы уловить мысль. — Ну, а теперь будет самое худшее. Карлан...

Сквозь шум в ушах он расслышал приглушенный звон стекла о металл, а затем кто-то с силой запрокинул ему голову и поднес к губам бокал.

— Выпейте, сир, — прошептал ему на ухо голос Гискарда. — Ну вот, еще глоточек. Попробуйте запомнить вкус на языке. Мерашу, если ее подмешают вам в питье, ни с чем нельзя спутать.

До сих пор он думал, что первый прием снадобья был просто ужасен, но теперь он понял, что худшее ожидало его впереди. Он сумел сделать лишь три глотка, но отравленное вино провалилось в желудок расплавленным свинцом. Его тошнило, но он не мог исторгнуть выпитое из себя, ибо это требовало слишком больших усилий. За сомкнутыми веками нарастало давление, жжение... пульсация из простого дискомфорта превращалась в невыносимую боль, которая испепеляла его череп изнутри.

Агония была столь сильна, что он хотел кричать во всю силу своих легких, но кто-то зажал ему рот. Тело его выгибалось, начались спазмы. Он думал, что хуже быть уже не может... но оказалось, что может. А затем стало и еще хуже.

Каким-то самым дальним краем сознания, словно принадлежавшим совсем другому человеку, он почувствовал, что кто-то заставляет его пить некую жидкость, прохладную, стекавшую по истерзанному

горлу, точно тающий снег. Он закашлялся, задыхаясь, но кто-то приказал ему глотать дальше, и он не мог ослушаться.

И вот медленно, очень медленно боль начала отступать под напором черных волн забытья, которые постепенно поглощали его сознание, хотя тьма по-прежнему перемежалась вспышками кошмаров, продолжавшихся целую вечность, и лишь затем он наконец с благодарностью погрузился в полную пустоту.

Он пришел в себя несколько позже, и сразу ощутил мучительную головную боль и спазмы в желудке. Огонек свечей казался нестерпимым даже сквозь закрытые веки и лишь усиливал боль. Со стоном он поднял руку, чтобы прикрыть глаза.

Заметив это, кто-то тут же присел на кровать рядом с ним и помог королю повернуться на бок. Даже от этого движения боль еще усилилась, и тошнота наизнанку вывернула пустой желудок. Он скорчился на боку, одной рукой держа себя за живот, другой по-прежнему прикрывая глаза и почувствовал, как кто-то приподнимает ему голову. Тогда он потерял последние остатки власти над собой, и его стошнило прямо в таз, подставленный чьей-то заботливой рукой.

Кто-то вытер влажной тряпицей его рот и лицо, таз тут же унесли. Он вновь рухнул на спину, совершенно ослабев, заставил себя открыть глаза и воззриться на своего благодетеля... И испытал мгновение абсолютной безумной паники, когда взгляд его остановился на черной рясе, украшенной львиной головой — символом монахов *Custodes*.

— Ну, успокойтесь, — заметил на это знакомый голос, хотя Джаван сперва никак не мог вспомнить имя этого загорелого человека с коротко острижен-

ными волосами и выбритой тонзурой. — Это я, Джесс. С вами все будет в порядке. К несчастью, похоже, вместе с деринийской магией вы унаследовали и наше отвращение к мераше.

Джаван почувствовал необъяснимое облегчение от присутствия Джесса. Никогда прежде он не чувствовал себя так отвратительно, даже когда Тавис заставил его заболеть, чтобы заманить в ловушку Райса. Внутренний голос в этот миг сказал ему, что должно быть, это наказание за смерть Целителя.

— Ну, успокойтесь, — прошептал Джесс, загорелой рукой проводя по его воспаленному лбу. Похоже, он сейчас с легкостью мог читать мысли Джавана. — Не стоит себя винить. Вы тут ни при чем. Вы сделали то, что считали наилучшим. Смерть Райса — это был несчастный случай.

И хотя все эти четыре года он твердил себе совершенно обратное, в этот миг Джаван неожиданно для себя самого поверил этому невозмутимому молодому Дерини, который продолжал шептать ему на ухо обнадеживающие слова и мысленно успокаивать его, проникая в сознание сквозь разорванные в клочья защиты. Затем Джесс помог ему приподняться и напоил чем-то прохладным. Мысленно он продолжал воздействовать на сознание Джавана, изгоняя боль и смягчая воспоминания о пережитых страданиях, и наконец, король погрузился в сон.

Когда он пробудился вновь, уже стояло утро, и золотистые солнечные лучи проникали сквозь открытые балконные двери опочивальни. Он все еще чувствовал слабость, но головная боль слегка уменьшилась. Осталась только глухая пульсация в висках. Джесс ушел, а Карлан выкладывал на стул свежую одежду. Ни словом, ни жестом он не выказал, что

помнит о событиях прошлой ночи, и лишь приветственно улыбнулся своему господину. Джаван решил, что Гискард, должно быть, уже позаботился о том, чтобы стереть ненужные воспоминания у Карлана.

Похоже, самое страшное было позади. Джаван ненадолго прикрыл глаза и проверил свои защиты, затем прочие магические способности, и обнаружил, что все в порядке. Хотя, поначалу любые действия давались ему непросто, и боль была такая же, как в ноющих мышцах после слишком больших физических усилий; если только ментальные способности можно уподобить телесным.

Он открыл глаза и медленно сел на постели, потянулся и взглянул в окно. В комнату вошел Гискард.

— Уже очень поздно? — спросил его Джаван.

— Почти полдень. У вас выдалась нелегкая ночь.

Джаван хмыкнул.

— Странно, но я это заранее предчувствовал. — Он рассеянно поморгал, стараясь заставить себя наконец спустить ноги с кровати. Каменные плиты пола приятно холодили босые пятки. — Знаешь, лучше бы мы с этим подождали до зимы, — сказал он Гискарду. — Я думал, что сгорю заживо.

— Да хоть бы вы попробовали окунуться в сугроб, все равно не помогло бы, — возразил Гискард и протянул ему бокал.

— Что это?

— Просто вода. Советую побольше пить ближайшие день-два, чтобы вымыть остатки отравы из крови. Кроме того, в соседней комнате я наполнил прохладную ванну, и если думаете, что справитесь, то неплохо бы спуститься вниз, показаться придворным.

Этьен озадачил ваших советников парой вопросов касательно документов, над которыми он работает, и это займет их на сегодня, так что совет можно будет и не собирать. Надеюсь, вас это порадует. Однако было бы неплохо потренироваться в стрельбе из лука, если только удары стрел о мишень не усилят головную боль.

Заметив, что Джаван поморщился, Гискард добавил:

— Сомневаюсь, чтобы вы пожелали с такой головой ездить верхом, и уж тем более едва ли вам будет приятно одевать тренировочный шлем или чтобы кто-то рядом звенел мечами.

— Ну, пусть будет стрельба из лука, — согласился Джаван, направляясь в уборную. — И, кстати, Гискард, мне приснилось сегодня, или меня и впрямь навещал ночью монах *Custodes*?

— О, кошмары у вас и правда были, сир, — весело отозвался тот. — Но думаю, это был не сон. На самом деле он сказал, что вы отлично справились.

Вернувшись в комнату, Джаван с сомнением покосился на Гискарда.

— Если это называется «хорошо», то каково же тогда приходится худшим ученикам? — Он вздохнул. — Ну что ж, у нас стало одной причиной для беспокойства больше. Ну, где там обещанная ванна?

Каким-то образом Джавану удалось пережить занятия стрельбой, хотя результаты сегодня были куда хуже, чем за последние много лет. Кто-то из юных рыцарей поинтересовался, прошла ли у него голова со вчерашнего, и он ответил, что провел отвратительную ночь, несмотря на все заботы придворного лекаря, но заверил их, что сегодня чувствует себя куда лучше.

Вечером он вновь ушел спать довольно рано, и попросил Гискарда, чтобы тот помог ему погрузиться в сон, зато наутро проснулся, чувствуя себя превосходно. Еще больше помогла верховая прогулка вдоль реки, и лишь смутное ощущение неловкости осталось ко времени заседания совета после полудня. Наконец, после еще одной ночи, на сей раз уже без помощи Гискарда, он смог сказать себе, что все миновало благополучно. Однако по-прежнему оставался нерешенным вопрос, следует ли обо всем этом сообщить брату.

Шло время, неделя за неделей, и Джейсон регулярно отправлял королю гонцов. Судя по всему, тот не ошибся, дав брату столь ответственное поручение. Даже обычно весьма сдержанный лорд Энсли рассыпался в похвалах, описывая, как принц провел первое в своей жизни судебное заседание.

«Принц был весьма любезен, но настроен очень серьезно, внимательнейшим образом выслушал всех присутствующих, будь то дворяне или низкорожденные, — писал Энсли. — *Он прекрасно улавливает все нюансы свидетельских показаний. Думаю, ваше величество может гордиться им.»*

Жаль, что в Ремуте все обстояло не так радужно. Джаван надеялся, что осень пройдет спокойно после отъезда Райса-Майкла, и, в общем-то, если не считать испытания мерашей, особых неприятностей до сих пор не приключилось. Однако дни шли за днями, Полин по-прежнему не возвращался в столицу, и Джаван забеспокоился, уж не затишье ли это перед бурей.

Не то чтобы он слишком желал видеть Полина в Ремуте, однако его тревожило, что верховный настоятель *Custodes* может в это время у него за спиной

строить какие-то интриги вместе со своим помощником-Дерини. Тем более, что приближался день очередного отъезда отца Фаэлана в *Arx Fidei*. Он поинтересовался у лорда Альберта, почему Полин все откладывает свое возвращение, но гофмаршал туманно ответил, что, похоже, это связано с затянувшейся болезнью некоего брата Георгия, стародавнего друга Полина, чью кончину тот ожидал в любой момент. Сказано это было так, что Джаван даже усомнился в том, существует ли вообще на свете этот брат Георгий... Однако он не осмеливался настаивать, чтобы не возбуждать подозрений.

Однако каковы бы ни были истинные причины, удерживающие Полина вдали от Ремута, но у отца Фаэлана его отсутствие вызывало большую тревогу. С каждым днем Джавану становилось все более очевидно, что тот не желает возвращаться в аббатство.

Колебания священника вполне можно было понять, хотя это и было весьма некстати. Поскольку первую поездку в *Arx Fidei* тот пережил благополучно, то Джаван не сомневался, что Фаэлану не грозит никакая опасность. Он не сможет выдать никаких тайн, даже если Дерини Полина глубоко проникнет в его сознание. Джаван старался при священнике не говорить и не делать ничего такого, что могло бы пойти ему во вред. Вообще, он предпочел бы, чтобы Фаэлан сделался самым обычным королевским исповедником, никоим образом не замешанным в интриги, подобные тем, в которые он против собственной воли был вовлечен вскоре после прибытия. Если пару месяцев он будет давать своим хозяевам *Custodes* совершенно невинные отчеты, то можно было надеяться, что те потеряют всякий интерес к Фаэлану и перестанут мучить его.

Однако священник никак не желал этого понять и не осознавал, что Джаван пытается помочь и защитить его.

Он страшился отъезда в *Arx Fidei* даже больше, чем ожидавших его там испытаний и, учитывая, что *Custodes* по любой своей прихоти могли лишить несчастного Фаэлана жизни, то Джавану показалось неуместным насильно заставлять священника возвращаться в обитель, хотя он и мог бы внушить ему эту мысль, так что тот бы даже ни о чем не заподозрил, ибо, как сказал Фаэлан Джавану в первый день их встречи при дворе, ему было бы не так страшно умирать по какой-то причине, но вот впустую... это совсем другое дело.

Разумеется, в их разговоре с Фаэланом Джаван велел священнику как следует поразмыслить о возможных последствиях, если тот откажется ехать в аббатство.

Конечно, он мог постараться защитить Фаэлана, и даже убедить Полина, что он сам не пожелал отпустить своего исповедника, однако в лучшем случае это вызовет лишь новые вопросы, насчет того, не пытается ли священник или сам король что-то скрыть от *Custodes*. А если те воспримут происходящее как проявление непокорности со стороны своего собрата, то они могут прибегнуть и к крайним мерам: запретить Фаэлану исполнять обязанности священника, исключить его из ордена, или даже отлучить от церкви.

Миновал Михайлов день — день рождения Райса-Майкла, отмеченный скромным пиром, где король с придворными выпили за здравие принца в его отсутствие, — миновал и следующий понедельник, назначенный для отъезда Фаэлана.

К вечеру из церкви святой Хилари явился отец Асцелин, ибо именно он был назначен замещать Фаэлана, пока тот находился в отъезде; но Фаэлан никуда не уехал.

А два дня спустя после полудня Полин лично прибыл в столицу в сопровождении лишь пары рыцарей *Custodes*, и в скором времени Джавану сообщили, что его срочно желает видеть верховный настоятель ордена.

Глава 31

О насилии помышляет сердце их, и о злом говорят уста их[1]

Сир, я желал бы узнать, почему отец Фаэлан до сих пор не прибыл в *Arx Fidei*, — без лишних вступлений объявил Полин. — Он даже не взял на себя труд переодеться и сменить пропыленные дорожные одежды. — Мы ожидали его в первый понедельник месяца, как вам это прекрасно известно, и когда он не появился два дня спустя, я начал беспокоиться. Верно ли я понимаю, что отец Фаэлан до сих пор не покинул Ремут?

— Совершенно верно, милорд, — отозвался Джаван. Он встретился с Полином в небольшом приемном зале в сопровождении лишь Карлана и Робера. На нем была алая туника, обруч, украшенный изображениями бегущих львов, и меч Халдейнов. Верховного настоятеля *Custodes* сопровождал лорд Альберт, выглядевший угрожающе в своем черном одеянии и орденском плаще. Как и все прочие рыцари, за исключением Полина, он также был вооружен и препоясан белым кушаком рыцарей *Custodes* с красной бахромой.

---

[1] Притчи 24:2

— Что? Отец Фаэлан не уехал из Ремута? — словно не веря собственным ушам, повторил Полин.

— Да, насколько мне известно.

— И можно ли осведомиться почему? Я полагал, что ясно дал понять: эти ежемесячные поездки в аббатство — неотъемлемое условие его назначения ко двору.

Джаван откинулся на спинку трона, оценивающим взглядом смерив Полина.

— Милорд, прошло всего три недели, как отец Фаэлан вернулся из прошлой поездки, — сказал он смело. — Эти его постоянные отлучки становятся для меня неудобны. Думаю, что будет вполне достаточно, если он станет посещать аббатство раз в три месяца. И уж тем более, на сей раз мне бы совсем не хотелось отпускать его из Ремута.

— Со всем уважением к вами, сир, но ваши требования...

— Требования короля должны быть для вас законом, — продолжил король. — Ибо королевству важнее всего, чтобы у его владыки была спокойна совесть, а для этого он нуждается в услугах своего исповедника. Или вы желаете поспорить с этим, верховный настоятель?

— Никто не оспаривает необходимость регулярных исповедей, сир, — пробормотал Полин. — Однако духовник, который сам нуждается в исповеди, едва ли может хорошо служить вашему величеству.

— Ну, возможно, отец Фаэлан обратился за этим к кому-то в городе, — предположил Джаван. — Хотя не думаю, чтобы у такого человека, как он, было много грехов. Он образцово исполняет свои обязанности... что меня совершенно не удивляет, ведь я был знаком с ним в *Arx Fidei*. И его вера и мягкосер-

дечие вдохновляют всех тех, кто имеет счастье быть с ним знакомым. По-моему это лучшее, что можно сказать о любом священнике.

— Вы полагаете, что он исповедовался кому-то вне ордена? — резко перебил Полин, не обратив никакого внимания на хвалебные речи короля. — Это грубейшее нарушение устава, как вам прекрасно известно, сир. Я прекрасно понимаю, что искушение ослабить дисциплину при дворе куда сильнее, чем в монастырском окружении... Именно поэтому я и потребовал от отца Фаэлана ежемесячных возвращений в аббатство.

Джаван позволил себе небрежно пожать плечами, в душе сожалея, что упомянул о возможности исповеди вне ордена.

— Мне ничего не известно о подобных нарушениях с его стороны, милорд. И кроме того, я не вправе высказывать здесь свое мнение, поскольку более не принадлежу к вашему ордену.

Это напоминание едва ли могло улучшить настроение Полина и смягчить его нарастающий гнев.

— Вне зависимости от того, исповедовался ли он перед посторонними, — ледяным тоном отрезал он, — отец Фаэлан не соизволил явиться в аббатство вовремя, и тем самым грубейше нарушил данный им обет послушания. Если это вы запретили ему уезжать, он должен был известить об этом отца Асцелина, однако не сделал этого... Соответственно, я заключаю, что, по крайней мере отчасти, это было собственным решением Фаэлана — хотя меня поражает, как мог столь примерный священник внезапно отречься от всего, что было им достигнуто за годы служения в ордене. Если он и впрямь вознамерился нарушить указания старших, то я буду вынужден потре-

бовать его немедленного возвращения в обитель, и соответствующим образом наказать его.

— Я не запрещал ему уезжать, — невозмутимо отозвался Джаван. — Однако не могу и приказывать ему. Я просто ясно дал ему понять, что поддержу его, какое бы решение он ни принял.

— Ясно, — отозвался Полин. — Стало быть, вы поддержали его в этом...

— Довольно, — взревел Робер, который больше не мог хранить молчание, но Полин не обратил на взрыв рыцаря ни малейшего внимания.

— Я желаю услышать об этом от самого Фаэлана. Пусть он лично признается в собственном безумии. Боюсь, положение королевского исповедника ударило ему в голову. Отчасти в этом я виню себя самого. Он слишком юн, чтобы принять на себя подобную ответственность. Тем более настоятельной становится необходимость духовного руководства, дабы он осознал всю ошибочность своего решения. Я немедленно отправлюсь к нему.

— Вы никуда не отправитесь без моего дозволения, — резко возразил Джаван. — Если вы желаете увидеться с моим духовником, то можете сделать это лишь в моем присутствии, если только он сам не потребует иного.

— Сир, это нарушает законы Церкви, — пробормотал Полин.

— И все же таково мое решение. Сэр Робер, пожалуйста, пригласите сюда отца Фаэлана, если он желает явиться. Сообщите ему, что я ни на чем не настаиваю. Тем не менее, если он готов ответить на вопросы отца Полина, а я лично думаю, что ему следует это сделать, то лучше, чтобы встреча эта состоялась здесь и сейчас.

— Вы слишком много на себя берете, сир, — сквозь стиснутые зубы процедил Полин, тогда как Робер, поклонившись, вышел из зала. — Вы осмеливаетесь указывать мне, как обращаться с моими священниками? Фаэлан сделает то, что я ему прикажу. Он во всем покорен моей воле, и если я ему велю умереть, то он умрет!

— Такой властью вы не обладаете, — ровным тоном парировал Джаван. — Вы *мой* подданный, и я не потерплю подобной дерзости ни от вас, ни от кого другого. А теперь придержите язык, если все еще желаете, чтобы я дозволил вам увидеться с отцом Фаэланом.

Однако едва лишь тот вошел в приемный зал, как он понял, что они со священником допустили ошибку. Отец Фаэлан, как всегда, выглядел безукоризненно, в чистой черной рясе, с аккуратно ниспадающим нарамником с капюшоном, с гладко выбритой тонзурой... однако куда подевалась мягкая уступчивость, отличавшая его с первого дня? Теперь в каждом движении его сквозил затаенный страх, и особенно очевидно это стало когда, поклонившись королю, он опустился на одно колено перед своим настоятелем. Полин позволил ему приложиться губами к пастырскому перстню, однако не позволил после этого вновь подняться на ноги.

— Я весьма удивлен, отче, — ледяным тоном отчеканил он. — Мне казалось, вы должны были уже несколько дней назад прибыть в *Arx Fidei* для ежемесячного отчета.

— Но я никак не мог вовремя покинуть дворец, ваша милость, — пробормотал Фаэлан, жалко потупившись.

— Стало быть, нужды двора для вас важнее, чем религиозный долг? — возмутился Полин. — Или это король запретил вам уезжать?

— Нет-нет, ваша милость, таково было мое собственное решение.

— Ваше решение было дерзким образом ослушаться своего настоятеля? — повторил Полин. — Это страшный грех, отче.

Фаэлан прикрыв глаза, глубоко вздохнул.

— Я страшился повторения того... что было со мной в первый раз, ваша милость.

— Что? О чем это вы, отче? — угрожающим тоном прорычал Полин. — Разве в аббатстве хоть что-нибудь делалось такое, что не послужило бы спасению вашей бессмертной души?

— Я... полагаю, что нет, ваша милость, — неуклюже отозвался Фаэлан.

— Но вы возомнили себя лучшим судией? — вопросил Полин. — Так это грех гордыни, отче. Боюсь, вы зашли слишком далеко. Непослушание и гордыня суть смертные грехи. Ради спасения вашей души повелеваю вам немедленно вернуться в *Arx Fidei* для поста и размышлений, дабы вы могли осознать всю ошибочность своих заблуждений и отыскать в сердце раскаяние. Я лично всегда считал, что обет послушания дается юным священникам даже труднее, чем безбрачие. По счастью, нам известны способы, как усилить эти добродетели, и...

— Я лучше умру, — еле слышно прошептал Фаэлан.

— Что вы сказали, отче?

— Я сказал, что лучше умру, чем туда вернусь, — повторил Фаэлан, рывком вскинув голову и перепуганными глазами уставившись на Полина. — Больше никогда, никогда... Я скорее...

— Я вас не спрашивал, чего хотите вы, — холодным тоном отрезал Полин. — Я вам приказал...

— Вы никому не будете приказывать в моем доме, милорд, — заявил Джаван, решив, что слышал достаточно. — Отец Фаэлан ясно дал понять, что не желает возвращаться в *Arx Fidei*, стало быть, эта тема закрыта.

— Если он не вернется, то поставит себя вне ордена, — заявил Полин. — Кроме того, столь открытое неповиновение священника по отношению к кому-то из старших ведет к немедленному запрещению служения. Если же он не подчинится, то последует отлучение от церкви. Оно того стоит, отче? — вопросил он, нависнув над дрожащим Фаэланом, который рухнул на колени, закрывая лицо руками. — Неужели ваша преданность королю, который сам отрекся от своих святых обетов и желает увлечь вас на свои пагубные пути, возьмет верх над преданностью ордену, которому вы по собственной воле вверили заботу о своей бессмертной душе?

— Довольно, — и Джаван вскочил, чтобы встать между Полином и дрожащим Фаэланом, вскинув руку, дабы не позволить Альберту вмешаться. — Теперь совершенно очевидно, что вы спорите не с Фаэланом. На самом деле, ваша главная цель — это я. Однако поверьте, что отец Фаэлан не имел ни малейшего отношения к моему решению покинуть ваш орден. Он был и остается хорошим священником, и это вы довели его до такого состояния. Весьма неохотно он сознался мне, как с ним обошлись, прежде чем отпустить сюда, в столицу, и я потрясен, что вы пожелали пожертвовать невинным человеком лишь ради того, чтобы добраться до меня.

Выпрямившись во весь рост, Полин сверху вниз уставился на Джавана. Альберт незаметно подступил ближе, рукой придерживая меч — тогда как Карлан с Робером уже тоже готовы были взяться за оружие — и наконец верховный настоятель *Custodes* глубоко вздохнул.

— Теперь я вижу, что ситуация еще более серьезна, чем мне представлялось, — заявил он спокойным тоном. — Похоже, гниль таится в самых корнях...

Пренебрежительным взглядом он смерил Фаэлана, скорчившегося у его ног.

— Я даю вам последний шанс спасти свою бессмертную душу, отче, — заявил он. — Подчинитесь моей власти, ибо именно таковы были ваши святые обеты при вступлении в *Ordo Custodum Fidei*. Немедленно отправляйтесь сейчас со мной, и затем брат Альберт отвезет вас в *Arx Fidei* для духовных наставлений. С этого момента, поскольку я весьма тревожусь за состояние вашего духа, я освобождаю вас от обязанностей священника, покуда мы не решим, что вы достойны возобновить их исполнение.

Фаэлан дернулся, словно его ударили, но не поднял головы.

— Если же вы отвергнете этот щедрый дар, — продолжил Полин, и сделал намеренно пугающую паузу. — То я немедленно приму меры по отлучению вас от церкви. — Он обернуся к Джавану. — Если же вопреки моей воле отец Фаэлан попытается хоть в малейшей мере исполнять обязанности священника при дворе, то я буду просить архиепископа подвергнуть интердикту и вас, вместе со всеми придворными. Он сделает это, и вся ответственность падет на вас, как на человека, лично ответственного за все прегрешения Фаэлана.

— Я лично обращусь к архиепископу, верховный настоятель, — невозмутимо отозвался Джаван. — Никакого интердикта не будет.

— Ни один из священников *Custodes* не согласится придти к вам, покуда вы не примиритесь с орденом, — предупредил его Полин.

— Есть и другие священники, и другие ордена, — парировал Джаван. — Думаю, я пока поищу себе исповедника среди них.

— Можете искать, но не отыщете.

— Посмотрим, — возразил Джаван, хотя и в душе отнюдь не чувствовал особой уверенности. — А сейчас я беру отца Фаэлана под свое личное покровительство. Он не нарушил никаких светских законов, а если вы считаете, что он нарушил законы Церкви, то я требую, чтобы вы представили доказательства его вины. Лично я не усматриваю в его действиях никакого преступления, кроме отказа возвращаться в то место, где ему без всякой вины причинили сильную боль. И в этом он совершенно прав, так поступил бы любой честный человек.

— Не вам об этом судить, — заложив руки за спину, Полин уставился на Фаэлана. — Так знайте же, отче, что собственным упрямством вы навлекли на себя такую судьбу. После захода солнца вы будете отлучены от церкви. Но уже сейчас вы непоправимо отдалились от Господа и его верных служителей. Когда вы наконец придете в себя и покаетесь в ваших заблуждениях, матерь Церковь с радостью примет вас в свое лоно, однако до тех пор вы ввергли себя в пучину тьмы. Напомню также, что если вам доведется умереть, не примирившись с Церковью, душа ваша будет проклята на веки веков. — Он коротко кивнул Джавану. — До свидания, сир.

И с этими словами, развернувшись на каблуках, он вышел из зала. Альберт последовал за ним. У Робера был такой вид, словно он готов с оружием в руках напасть на них обоих, и Карлан смотрел мрачнее некуда, однако Джавана сейчас беспокоил только Фаэлан.

— Простите меня, отче, — прошептал он, опускаясь на колени рядом с дрожащим священником и обнимая его за плечи. — Не тревожьтесь, я сумею вас защитить. Не нужно мне было просить придти вас сюда, я должен был понимать, что Полин найдет способ уничтожить вас, даже не обнажив оружия.

Он был потрясен, заметив, что Фаэлан беззвучно рыдает, глотая слезы, но при этих словах тот испуганно помотал головой.

— Вы ни в чем не виноваты, сир, — выдавил он наконец. — Это я недостоин быть служителем Божьим. Я должен был придержать язык, когда увиделся с вами в первый раз, и просто служить вам по мере своих возможностей. Я должен был нести свою ношу молча. И все же...

— Что? — прошептал Джаван.

Жалобно всхлипнув, Фаэлан чуть приподнял голову, хотя по-прежнему не смел взглянуть Джавану в глаза.

— И все же я был счастлив служить мессу для вас, сир. В аббатстве, когда мы впервые встретились, я относился вам точно так же, как и к остальным братьям, но став вашим наставником, я полюбил вас за живость ума и добрый нрав. У меня никогда не было лучшего ученика...

Эти слова ошеломили Джавана. Он сморгнул непрошеные слезы.

— Мне следовало довольствоваться этим... Теперь я понимаю, — задыхаясь, промолвил Фаэлан. — Должно быть, и впрямь, гордыня заставила меня ответить согласием, когда вы стали королем и послали за мной. Я должен был понимать, когда они допрашивали меня первый раз... Но я подвел вас. Как ваш исповедник я должен был помогать вам по мере своих сил. А вместо того стал причиной вашего раздора с орденом, к которому принадлежу душой и сердцем, и то, что они повернулись против вас и требуют того же самого от меня... — Он потряс головой. — Не знаю, смогу ли я это выдержать, сир. Утратить сан священника, быть отлученным от церкви, потерять право на святое причастие...

— Приободритесь, друг мой, — шепотом попросил его Джаван, который и сам чувствовал себя хуже некуда. — Я дам вам убежище, пока это необходимо, и что бы там ни говорил Полин, священником вы останетесь навеки. И хотя будучи королем, я не могу позволить, чтобы вы публично продолжали служить мессу, пока не завершится вся эта история, но вы можете делать это в своих покоях. И если вас это не слишком огорчит, то я бы был рад, если бы вы позволили присутствовать на вашей мессе и мне, а также моим избранным друзьям.

— Но ведь это огромный риск, сир. Они же грозят вам интердиктом.

— Ну, сперва кто-нибудь должен им об этом донести, не правда ли? — с невеселой усмешкой отозвался Джаван. — Ну да ладно, до воскресенья я не должен присутствовать на мессе, может быть, к тому времени все уже решится. А пока, думаю, вам стоит вернуться в свои покои и прилечь. Сон бы вам пошел сейчас на пользу.

— Я не смогу заснуть, — жалобным голосом протянул Фаэлан, и Джаван помог ему подняться. — Я не обрету покоя, покуда эта тень не уйдет с моей души... Но отец Полин никогда не откажется от своих угроз.

— Я согласен, что вопрос этот нужно решить как можно скорее, — возразил Джаван и мысленно потянулся к сознанию священника. — Но думаю, что заснуть вы все-таки сможете. — С этими словами он наслал на Фаэлана подступающую сонливость и приобнял того за плечи, когда священник слегка покачнулся.

— Так помочь вам заснуть, Фаэлан? На пару секунд можете вспомнить все, что я велел вам забыть до этого. Так нуждаетесь ли вы в моей помощи?

По взгляду Фаэлана он понял, что воспоминания вернулись к тому, и тут же страх в них сменился доверием, когда священник полностью осознал, на что способен Джаван, и что он может сделать для него. Расправив плечи, Фаэлан слегка расслабился.

— Да, мой господин, — прошептал он. — Сон сейчас был бы для меня истинным милосердием. Я вверяю свою судьбу в ваши руки.

— Вот и славно, — прошептал Джаван, и свободной рукой провел по глазам Фаэлана. — Спи крепко, и забудь обо всем.

Всего несколько мгновений ушло на то, чтобы дать сознанию нужные установки. Затем он препоручил священника Карлану, чтобы тот сопроводил его в опочивальню. Он проводил их до дверей. Снаружи пышущий гневом Робер взглядом следил за Полином и Альбертом, удалявшимися по коридору. Прежде чем скрыться за поворотом, те несколько раз останавливались, чтобы перемолвиться парой

слов с другими одетыми в черное монахами *Custodes*. Завидев Джавана, Робер обернулся к нему и вопросительно покосился на Карлана, который молча повел священника в другую сторону.

— С ним все в порядке? — спросил он негромко.

— Да, только ему нужно выспаться.

Покачав головой, Робер скрестил руки на груди.

— Полин неласково обошелся с нашим священником. Что же он с ним такое сотворил, прежде чем отпустить его к вам?

— Они всячески мучили его, и все это во имя религии, — коротко отозвался Джаван. — Не думаю, что тебе интересны подробности.

— Да, лучше не надо. А что, Полин и впрямь отлучит его от церкви?

— Думаю, что да. Ты не мог бы послать кого-нибудь проследить за ним, чтобы в этом убедиться?

Робер кивнул.

— Все будет сделано. Он сказал, после заката солнца. Вы будете в своих покоях, чтобы я мог явиться с докладом?

— Да.

Без лишних слов Робер поприветствовал короля и двинулся прочь. Джаван, проводив его взглядом, отправился в другую сторону, следом за Карланом и священником.

* * *

Через час после заката архиепископ Хьюберт отыскал Полина Рамосского в ризнице Ремутского собора. Тот как раз снимал с себя облачение, в котором объявил об отлучении от церкви отца Фаэлана. Именно Полин возглавлял церемонию, но и Хью-

берт, и архиепископ Оррис присутствовали на ней, вместе с еще парой дюжин монахов *Custodes* и капитулом собора. Альберт еще с одним рыцарем стали на страже у дверей ризницы, ибо Полин до последнего сомневался, что король дозволит им провести отлучение.

— Милорд архиепископ, — формально приветствовал Полин Хьюберта, когда тот подошел ближе. Отец Лиор как раз снимал с него черный нарамник. — Спасибо, что пришли. Учитывая, что при отлучении присутствовали вы с архиепископом Оррисом, теперь оно должным образом оформлено. И все же признаюсь, я удивлен, что король позволил этому случиться.

Поверх черной рясы *Custodes* на нем была лишь простая альба, и черная епитрахиль резко выделялась на белоснежной ткани. Хьюберт также вырядился не в пурпур, а в строгое черное одеяние, и единственным украшением его было епископское кольцо и распятие на груди. В черном архиепископ казался чуть стройнее, но лишь ненамного. При этих словах Полина он небрежно повел плечами.

— Хотя король в этом случае решился бросить вызов законам Церкви, он все же достаточно хорошо знает их, — заметил Хьюберт, тогда как Полин снял с себя епитрахиль и передал ее Лиору. — Фаэлан собственными действиями уже отлучил себя от лика Церкви, и теперь помешать церемонии было бы бесполезно. Кроме того, не думаю, что король желает сейчас публично выступать против вашего ордена. У него и без того при дворе довольно врагов, а открытые военные действия со столь сильной фракцией едва ли пойдут ему на пользу.

— Может быть, и тем не менее он объявил нам войну, — возразил Полин. — По крайней мере, он объявил войну *мне*.

Он снял черное вервие, подпоясывавшее его одеяние, и накрутив шнур себе на руки, пару раз с силой дернул его, словно бы воображая, что затягивает веревку у короля на шее.

— Что за дерзость, однако...

— Он еще молод, — и Хьюберт, спокойно взяв вервие у Полина, принялся скручивать его. — Я постараюсь с ним поговорить. — Он прекрасно осознает, что в его окружении есть силы, бороться с которыми бессмысленно, и потому в его собственных интересах достичь с ними взаимопонимания. Эта история с отцом Фаэланом никому не идет на пользу, и лишь еще больше расколет двор... В особенности, если все узнают о его отлучении.

— Миряне ничего не смыслят в монастырской дисциплине, — пробормотал Полин, снимая альбу.

— Верно, — кивнул Хьюберт. — И в особенности им будет удивительно услышать о кровопускании, которое применялось по отношению к отцу Фаэлану... и к королю. Хотя, конечно, в ту пору Джаван был всего лишь наследником престола.

Полин с каменным лицом кинул белоснежное одеяние в руки Лиору.

— Благодарю вас, отче, можете нас оставить.

Лиор с поклоном повесил альбу на спинку стула и неслышно удалился. Когда за ним закрылась дверь, Полин, отвернувшись от архиепископа, принялся повязывать широкий алый кушак, знак верховного настоятеля ордена.

— Поймите меня правильно, я отнюдь не осуждаю ваши методы, — с ухмылкой заметил Хьюберт и

подошел поближе, чтобы помочь Полину замотать кушак на талии. Я не сомневаюсь, что эта процедура возымела желаемое действие на отца Фаэлана, точно так же, как уверен, никогда не забудет ее и король. И все же вы должны признать, что, по мирским стандартам, вы слишком строго обошлись со своим священником, прежде чем отпустить его ко двору. Это может скверно сказаться на репутации ордена, если он вздумает поведать обо всем придворным.

— Ему никто не поверит, — возразил Полин.

— Ну почему же? Джаван мог бы позволить присутствовать при этом Ориэлю или Ситрику, и они подтвердили бы, что Фаэлан говорит правду...

Отойдя от двери, Полин приблизился к небольшому алтарю, и завязал кушак, с силой затянув узел.

— Наш своевольный король совершенно отбился от рук, — обманчиво мягким голосом заявил он наконец. — И я начинаю сомневаться, что вы на самом деле в состоянии справиться с ним.

Хьюберт, поджав губы, взглянул на настоятеля *Custodes*.

— Нет, я совершенно уверен, что мы можем призвать его к порядку, — возразил он. — И полагаю, сейчас преждевременно обсуждать те мысли, которые наверняка только что пришли вам в голову. Если что-нибудь случится с королем, то я чувствовал бы себя куда спокойнее, если бы был уверен, что нам обеспечен другой наследник престола. Конечно, я не сомневаюсь, что Райсом-Майклом руководить будет куда проще, чем Джаваном... Впрочем, девственными умами управлять всегда легче.

Полин, хмыкнув, накинул плащ себе на плечи и, склонив голову, застегнул фибулу с головой льва, окруженной ореолом.

— Кстати, к вопросу о девственницах. Как там поживает наша малышка Драммонд?

— Не знаю, — задумчиво отозвался Хьюберт. — Она уехала пару недель назад вместе с семьей Манфреда, и у меня не было после этого возможности поговорить с Райсом-Майклом. Впрочем, он вел себя в последние дни довольно спокойно для юноши, обрученного с прелестной девицей, которую не увидит еще несколько месяцев.

— А Джаван знает о помолвке?

— Понятия не имею. Однако у меня есть план, как воссоединить наших юных влюбленных. Если мы представим их супружество как свершившийся факт, прежде чем король успеет осознать, что происходит, то тем лучше. Однако предоставьте мне действовать в тайне.

— Ну что же, хорошо.

— А пока, — продолжил Хьюберт, — пожалуйста, сообщайте мне обо всем, что касается отца Фаэлана. Меньше всего мне хотелось бы объявлять интердикт во дворце. Это еще более омрачило бы мои и без того непростые отношения с королем.

— Возможно, Фаэлан подчинится.

Хьюберт кивнул.

— Надеюсь. Непослушание — это большой грех для священника. — Он вздохнул. — И весьма неудобный.

— Воистину так.

После ухода Хьюберта Полин принялся обдумывать возможные решения проблемы неудобного священника отца Фаэлана. Чуть позже он отдал брату несколько распоряжений, которые тот должен был исполнить как можно скорее, как только двор слегка успокоится по поводу отлучения Фаэлана от церкви.

Глава 32

И приговорим его к смерти позорной[1]

Первые дни после отлучения Фаэлана у Джавана было такое чувство, словно он ходит по острию ножа. Хотя сам Фаэлан, судя по всему, вполне пришел в себя после того, как выспался ночью, Джавану на другой день в совете пришлось лицом к лицу встретиться с Полином, Альбертом и Хьюбертом. Все трое были довольно вежливы, и Полин даже осведомился о самочувствии Фаэлана, прохладным, и все же заботливым тоном выражая беспокойство о духовном благополучии отлученного от церкви.

— Ничего не могу сказать вам, милорд, — нейтральным тоном отозвался Джаван. — Вчера вечером, как вы сами понимаете, он был в глубоком расстройстве. Без сомнения, вам уже сообщили, что он не служил мессу сегодня утром.

— Должно быть, это доставило много неудобства тем верующим, кто привык посещать мессу ежедневно и полагался на его духовное наставничество, — заметил Полин.

---

[1] Мудрость Соломона 2:20

Джаван кивнул.

— Без всякого сомнения. Мне жаль, что все сложилось таким образом. Но вы должны понять, милорд, что у меня не было иного выхода, кроме как поддержать отца Фаэлана в его решении. Я дал обет защищать всех, кто принадлежит к моему двору, и не имел права заставлять Фаэлана идти против совести.

Полин лишь кивнул в ответ, и архиепископ Оррис ловко повернул разговор в сторону обсуждения работы лорда Джеровена, который продолжал составлять свод законов. В особенности, необходимо было вернуться к вопросу о пропавших записях времен регентства.

— По-моему, лорд Таммарон достиг больших успехов на этом поприще, сир, — заметил он. — Не так ли, милорд?

— Совершенно верно, — согласился Таммарон. — Нам удалось отыскать множество записей, и думаю, что мы передадим их лорду Джеровену, как только разложим их по порядку... Скорее всего, это случится не позднее завтрашнего дня.

— Похоже, все пропавшие записи на совести герцога Эвана, когда он еще входил в совет, — кислым тоном вмешался Ран, когда Таммарон раздал списки документов по обе стороны стола. — К несчастью, таким как Эван часто недостает усидчивости в оформлении бумаг.

Трудно сказать, соответствовало ли это истине, или Ран просто воспользовался возможностью очернить доброе имя Эвана, — Джаван этого не знал. Однако любопытно, что Ран таким образом сумел облечь в слова свое утверждение, что его не могли бы уличить во лжи даже при использовании чар исти-

ны. На миг Джаван даже испугался, не подозревает ли его Ран в чем-нибудь, но затем понял, что, должно быть, тот просто выработал этот навык, постоянно общаясь со своим ищейкой-Дерини, поскольку часто наблюдал, как тот ловит на лжи других.

Джавану известно было, что за два месяца, прошедшие с тех пор, как он впервые поднял на совете вопрос о пропавших записях времен регентства, Таммарон, его помощники трудились без устали... Хотя искали ли они исчезнувшие бумаги, или спешно составляли поддельные, было неясно. Впрочем, откуда бы он их ни взял, но Таммарон действительно тем же вечером передал все свои находки лорду Джеровену.

Джаван объявил, что совет больше не будет собираться до конца недели, поскольку за более короткий срок разобраться в записях Таммарона никому бы не удалось, а он желал увидеть перед собой цельную картину того, в каком состоянии находятся законы Гвиннеда. Сейчас, когда он так тревожился о судьбе Фаэлана, ему как никогда сложно было сосредоточиться на делах управления, однако он заставил себя проводить как можно больше времени с Джеровеном, и учиться у него всему, чему только можно.

Тем временем, священник *Custodes* по имени отец Даити взялся исполнять обязанности Фаэлана в королевской часовне, поэтому там возобновились утренние мессы и все прочие службы. Джаван регулярно навещал Фаэлана в его покоях, пытаясь убедить священника, что подчиниться было бы для того лучшим выходом, и даже отважным шагом — ведь Полин никогда не отступился бы, покуда священник не примирится с орденом. Однако Фаэлан, хотя и по-

стоянно заливался слезами, все же оставался неумолим. Каждый день от имени ордена к нему приходил также отец Даити, увещевавший Фаэлана раскаяться во имя своей бессмертной души; ежедневно Фаэлан выслушивал его и дрожащим голосом отказывался подчиниться.

Неделю спустя после отлучения Фаэлана лорд Альберт решил наконец, что настало время выполнить приказ, который отдал ему Полин. К полуночи великий магистр *Equites Custodum Fidei* с тремя своими рыцарями незаметно по задней лестнице подошел к покоям бывшего королевского исповедника. На негромкий стук Альберта отец Фаэлан открыл дверь почти сразу же, и застыл, изумленно раскрыв глаза, едва лишь осознал, кто перед ним.

Страх его оказался небезосновательным, ибо двое рыцарей тут же решительно втолкнули его в комнату, один зажал ладонью рот, прежде чем священник успел вскрикнуть, а другой поспешно и умело заломил руки ему за спину. Альберт не произнес ни слова, покуда пленник не оказался надежно связан; он лишь аккуратно прикрыл за ними дверь, а затем бесстрастным взглядом окинул покои.

Комната, похоже, пришлась ему по душе; именно такой он себе ее представлял. Их приход явно оторвал Фаэлана от молитв. В маленькой молельне у скамеечки лежал открытый молитвенник, а рядом, в черном подсвечнике горела толстая желтая свеча, свет которой почти затмевал сияние лампады, мерцавшей за колпаком из толстого красного стекла. Позади молитвенной скамеечки, между ней и узкой оконной нишей, находился небольшой письменный стол со стулом. Один из рыцарей взял стул за спинку и поставил его посреди комнаты, после чего туда

бесцеремонно усадили пленника. Это заставило Альберта наконец перевести внимание на Фаэлана. Один из рыцарей отошел и встал спиной к двери, двое других держались рядом со священником, и Альберт сделал пару шагов и встал, возвышаясь над трясущимся от страха Фаэлана, молча глядя на того сверху вниз с совершеннейшим презрением. Несчастному Фаэлану в рот засунули кляп из плотной ткани, так что если бы даже пожелал, он никак не смог бы позвать на помощь.

— Добрый вечер, отче, — мягко приветствовал его Альберт.

Побледневший и перепуганный Фаэлан уставился на него. В столь поздний час он, конечно же, не ожидал никаких гостей. По обычаю, перед тем как прочесть последние вечерние молитвы, он снял и нарамник с капюшоном, и плетеное ало-золотое вервие. Нарамник с красной подкладкой, украшенный эмблемой львиной головы, лежал сейчас, аккуратно сложенный, на сундуке в изножии постели, а вервие было свернуто поверх него. Альберт с холодной улыбкой взглянул в ту сторону, затем перевел взор на пленника.

— Я вижу, вы еще не полностью забыли дисциплину ордена, отче, — голос его едва поднимался выше шепота. — Может статься, это означает, что для вас есть еще надежда. Мне поручили задать вам несколько вопросов. Было бы весьма неприятно, если бы вам вздумалось привлечь внимание к нашему разговору, и я не знаю, могу ли я вам доверять. Поэтому мы оставим вам кляп, и я постараюсь задавать вопросы таким образом, чтобы вы могли отвечать только да и нет, кивая головой. Понимаете?

Задыхаясь от ужаса, Фаэлан с трудом кивнул.

— Хорошо, — продолжил Альберт. — Итак, насколько я понимаю, вам пришлась не по душе та наука, которую преподали вам перед тем, как отправить исполнять обязанности королевского духовника. Любопытно, что вас больше напугало — бичевание или кровопускание?

Фаэлан с расширившимися от страха глазами сделал тщетную попытку высвободиться, но один из рыцарей немедленно пресек ее, резко ударив его по щеке.

— Перестаньте, отче, что за странные у вас манеры? Эти добрые братья действуют исключительно вам во благо, — промурлыкал Альберт. — Они ведь еще не пустили вам кровь, а по-моему более всего вас страшит именно это, не так ли, отче?

Фаэлан извивался в руках своих пленителей, бледный как полотно, и Альберт ухмыльнулся.

— Так я и думал. Возможно, в таком случае вам необходим короткий экскурс в историю вопроса. Это послужит вашему образованию... — Он скрестил руки за спиной. — Кровопускание полезно в двух отношениях. Прежде всего, оно помогает монахам сохранять спокойствие духа, подобающее безбрачной жизни. Честно говоря, я никогда не слышал, чтобы вам тяжело давалось соблюдение этого обета, отче, так что, скорее всего, вам более неприятна другая сторона использования кровопускания. Оно служит дисциплинарным целям, как испытание и усиление клятвы полного повиновения. Именно поэтому один раз его должны пережить все члены ордена, будь то клирики как вы, или миряне, как я сам и эти добрые братья, — он жестом показал на рыцарей, другую же руку положил на рукоять кинжала, заткнутого за пояс. — Но порой случается, что мы тре-

бует повторения этой процедуры, отче, — произнес он мягко. — В особенности, когда возникает подозрение, что ученик позабыл свой первый урок. Если же ученик и впредь проявляет забывчивость, то иногда мы встаем перед необходимостью повторять этот урок, пока он как следует его не запомнит, или же...

Он не договорил, однако этого и не требовалось. Фаэлан в ужасе затряс головой. Ничуть не тронутый страхом своей жертвы, Альберт многозначительно взглянул на одного из рыцарей. Тот по сигналу поднял Фаэлана, и его товарищ закатал сперва один рукав рясы, затем другой в поисках шрама от предыдущего кровопускания. Его не было, ибо Ориэль исцелил рану. Фаэлан со стоном закрыл глаза, пока они ощупывали его руки, и постарался отвернуться, но Альберт схватил его за подбородок и заставил взглянуть ему в лицо.

— Ого, отец Фаэлан, мы даже не нашли шрама, чтобы доказать, что вы когда-либо подвергались кровопусканию, — негромко заявил великий магистр. — Стало быть, вы позволили мастеру Ориэлю исцелить его. — Он покачал головой. — Не могли даже сохранить на память крохотный шрам, чтобы он напоминал вам о повиновении ордену... Или, может быть, прибыв ко двору, вы решили, что отныне должны быть покорны королю гораздо больше, чем того требуется от его исповедника?

— Да, боюсь, что мы теперь узнали истину, отче. Вы отринули дисциплину ордена точно так же, как это сделал король. Помимо гордыни и неповиновения, которые привели к вашему отлучению от церкви, я полагаю, что вы нарушили присягу ордену и стали слугой короля, а не Господа. Неужто вы и

впрямь надеялись, что предательство останется незамеченным?

Фаэлан беззвучно всхлипывал и тряс головой, пытаясь отрицать обвинения. И тут Альберт, небрежно потянувшись к изножию постели, взял вервие *Custodes* из переплетенных алых и золотых шнуров.

— Вы обесчестили сей символ, отче, — мягко произнес Альберт, развернув скрученную веревку. — Вы выбрали верность цветам дома Халдейнов, вопреки единству церковного и мирского закона, который символизирует сие вервие. Да будет так. Никто больше не попросит вас носить эти цвета как члена *Ordo Custodum Fidei*.

Он несколько раз намотал пояс на каждую руку, оставив между ними длину в несколько пядей, затем, покосившись на рыцарей, удерживавших пленника, молча кивнул. Они вцепились ему в плечи, и Фаэлан закрыл глаза, пытаясь вспомнить слова молитвы, лишь теперь осознав, что отнюдь не кровопускание принесет ему смерть.

* * *

Когда наутро отец Фаэлан не открыл дверь священнику, который, как обычно, явился к нему с просьбой раскаяться в былых ошибках и вернуться в лоно церкви, тот попытался открыть дверь, но она оказалась заперта, и тогда он сообщил об этом стражу, дежурившему у королевских покоев. Стражник доложил обо всем сэру Гискарду.

Король как раз одевался, чтобы отправиться на тренировку, и Карлан помогал ему надеть кожаный доспех. Сами Карлан с Гискардом уже были готовы к выходу. Однако доклад стражника встревожил их

не на шутку, ибо не в обычаях Фаэлана было спать так крепко в столь поздний час, в особенности в последние дни.

Переглянувшись взволнованно со своими помощниками, Джаван велел стражнику отправиться к дверям священника, а сам, поспешно нацепив меч Халдейнов, отправил Гискарда в свои покои, откуда тот принес небольшой медный штырь, заостренный и загнутый на конце. Без лишних слов они отправились в комнату Фаэлана в сопровождении перепуганного отца Даити и стражника, но сколько король ни стучал в дверь, никто не ответил ему.

— Отец Фаэлан, — окликнул Джаван и вновь постучал. — Отец Фаэлан, вы здесь?

И вновь тишина. Дверь и впрямь оказалась заперта на щеколду, и потому король уступил место Гискарду, который взял отмычку наизготовку.

— Думаете, он куда-то вышел? — вполголоса спросил Джаван, пока Гискард примеривался к замку. Он не ощущал присутствия никого живого за дверью.

— Отец Фаэлан не выходил из комнаты со дня отлучения, но может быть, он решил сдаться? Может, он спустился помолиться в часовню?

Хорошо смазанный засов поддался с негромким щелчком, хотя, возможно, Гискард отпер его с помощью магии...

— Позвольте, я войду первым, сир, — произнес он негромко и чуть приоткрыл дверь.

Джаван опустил руку на меч. У него не было чувства опасности, и все же он позволил Гискарду опередить его, ибо внезапно ощутил приступ необъяснимого страха.

Гискард осторожно толкнул дверь, и Джавана ослепил солнечный свет, бьющий сквозь открытые

ставни. Прикрыв глаза рукой, Джаван шагнул в комнату вслед за Гискардом, стараясь держаться спиной к стене. За ним немедленно последовал Карлан. Гискард прошел к кровати, обнаружил, что она пуста, и жестом велел Карлану запереть за ними дверь, оставив стража и священника в коридоре. На первый взгляд комната казалась необитаема. Молитвенник Фаэлана лежал на привычном месте, аккуратно закрытый, однако в подсвечнике рядом не было свечи. Взглянув на небольшой письменный стол, Джаван обнаружил там огарок, а рядом несколько листов пергамента. Свеча догорела без остатка, и воск растекся неопрятной лужицей, едва не запятнав одну из страниц.

— Странно, — Джаван подошел поближе. — Он бы никогда не ушел, оставив свечу прогореть до самого дерева. Мог начаться пожар... Или кто-то позвал его, и он так спешил уйти, что забыл погасить свечу, или...

— Или это означает, — тихим напряженным голосом возразил Гискард, — что он просто *не мог* ее погасить.

Очень медленно он подошел к тяжелому занавесу, закрывавшему вход в гардеробную напротив кровати. Озадаченный, Джаван проследил за ним взглядом. Темно-зеленая ткань висела на деревянных кольцах, на толстом стальном пруте, закрепленном в тяжелых железных петлях. Сперва Джаван никак не мог понять, на что же так пристально смотрит Гискард, но затем он осознал, что одно из колец вовсе не деревянное, а скорее похоже на веревочную петлю, алую с золотым. Он понял, что это может означать, в тот самый миг, когда Гискард резким движением отдернул занавес.

— О боже, — выдохнул Джаван, когда взору его предстало тело отца Фаэлана. Труп медленно вращался, свисая на вервии *Custodes*.

Карлан перекрестился.

— Боже милостивый, они довели его до самоубийства.

— Скорее перережь веревку, — воскликнул Джаван, и сам бросился к мертвецу.

Но Карлан поймал его за плечо, а Гискард вскинул руку, чтобы не позволить королю подойти ближе.

— Слишком поздно, — отрезал Гискард. — Он мертв уже несколько часов. И сейчас самый важный вопрос: сделал ли он это сам, или кто-то ему помог. Мы ничего не сможем узнать, если вы вмешаетесь.

Джаван тут же прекратил сопротивляться и, сглотнув горячие слезы, уставился на Карлана.

— Они *убили* его, правда? Фаэлан был никогда по собственной воле не лишил себя жизни.

— Согласен, — вполголоса отозвался Гискард. — Но давайте сперва посмотрим внимательно, прежде чем делать поспешные умозаключения. Карлан, запри дверь.

Рыцарь поспешил повиноваться, а Гискард внимательно принялся разглядывать тело. Он слегка отступил, когда Джаван подошел поближе.

Смерть Фаэлана не была ни быстрой, ни легкой. Приятное, обычно столь спокойное лицо его потемнело, вспухло, черный язык вывалился наружу, темные глаза вылезли из орбит. Не было никаких сомнений, что причиной смерти было удушение, однако произошло ли оно при повешении или ранее — это оставалось еще под вопросом. Рядом с постелью лежал перевернутый стул, так что создавалось впечатле-

ние, будто Фаэлан сам оттолкнул его в момент самоубийства, но с тем же успехом кто-то другой мог положить его там. Джаван постарался отогнать мысль о том, как несчастного Фаэлана вздергивают на веревке, возможно, предварительно связав ему руки, чтобы он не мог сопротивляться, не мог бы ухватиться за железный прут, чтобы подтянуться и спасти себя. Очевидным было лишь одно — причиной смерти стало именно орденское вервие — перевитые шнуры алого и золотого цвета.

Джаван отвернулся, не в силах больше смотреть на священника... спотыкаясь, вернулся к письменному столу и бездумно, сквозь слезы уставился на пергаментные листы.

Если Фаэлан и впрямь сам лишил себя жизни, он должен был оставить какое-то послание. Но надпись на верхнем листе была сделана столь дрожащей рукой, что невозможно было определить, принадлежал ли почерк именно Фаэлану. Там говорилось о том, в какое отчаяние впал священник после отлучения от церкви, о его внутренних мучениях и нежелании жить. Однако когда Джаван дрожащими пальцами приподнял лист, не в силах поверить тому, что только что прочел, то в изумлении вскрикнул, завидев на столе горсть серебряных монет. И внезапно понял, даже не пересчитывая, что их должно быть ровно тридцать.

— Это работа *Custodes*, — произнес он едва слышно, и голос его звучал точно шелест сухих листьев. — Они назвали его Иудой.

Карлан с Гискардом повернулись к нему при этих словах, и Карлан подошел поближе, в изумлении уставившись на монеты.

— Тридцать сребреников, — прошептал он. — Но ведь на самом деле он не предал орден. Он просто боялся, что они вновь примутся пытать его.

Гискард также приблизился, невозмутимо пересчитал монеты и разложил их ровными стопками.

— Единственное, что нам остается, это сделать вид, будто мы поверили в самоубийство, — ровным тоном заметил он. — Конечно, это не так. Однако если мы попытаемся поднять шум, это не пойдет нам на пользу. Вполне возможно, что они и без того заподозрили неладное... Или просто Фаэлан сделался для них слишком неудобен, причинял лишние неприятности. Возможно, это что-то вроде испытания, и они хотят посмотреть, как мы отреагируем...

— И все это ценой жизни замечательного человека! — воскликнул Джаван.

— Да, именно так, — отозвался Гискард. — Однако это может стоить жизни и другим замечательным людям, и среди них одному замечательному королю, если только вы допустите сейчас ошибку. Сир, вы не можете обвинить *Custodes Fidei* в том, что они убили одного из своих священников, несмотря даже на то, что перед этим они отлучили его от церкви. Вы вынуждены будете притвориться, что смерть Фаэлана — это действительно самоубийство, и он пошел на это, не в силах вынести позора.

— Великое утешение, — пробормотал Джаван. — Выходит, служба королю столь тяжела, что вынуждает людей лишать себя жизни. — Он склонил голову, пытаясь скрыть слезы, но на сей раз это ему не удалось. — Он был хорошим священником, Гискард... храбрым, преданным человеком. А теперь он... его ведь даже не похоронят в освященной земле.

— Если вас волнует только это, то мы устроим, чтобы землю освятили после похорон, — отрезал Гискард. — Я попрошу Джорема, пусть рискнет ради этого жизнью, если вас это успокоит. Но ведь на самом деле, вы понимаете, что это не так уж важно. Господь не отринет от себя Фаэлана лишь за то, что его погубили люди, которые пытались представить убийство самоубийством.

С силой втянув в себя воздух, Джаван постарался взять себя в руки. Гискард был прав. Не может ведь быть так, чтобы душа Фаэлана оказалась навеки проклята из-за чужого предательства. Господь, несомненно, все видит и понимает, и примет его в Свое лоно. И пусть Фаэлан умер отлученным от церкви, но это также было незаслуженно.

Слезы струились у него по щекам, когда они с Карланом приподняли обмякшее тело, чтобы Гискард мог перерезать шнур. Затем они уложили Фаэлана на постель, и Гискард отправился за представителями *Custodes Fidei*, чтобы они пришли засвидетельствовать смерть одного из своих бывших собратьев. Джаван с Карланом остались в комнате священника. Именно там полчаса спустя их обнаружили Хьюберт с Полином, которые привели с собой еще пару стражников. Карлан стоял на часах у двери, а Джаван тихонько сидел на краю постели. Слезы его к тому времени уже успели высохнуть.

— Сир, что здесь произошло? — воскликнул Хьюберт.

— Все ясно, — отозвался Полин прежде, чем Джаван успел подать голос. — Сир, это вы довели его до этого.

— Полин, прошу вас! — резко оборвал его Хьюберт прежде, чем Полин не наговорил лишнего.

Джаван взглянул в сторону гардеробной, радуясь, что может отвернуться от этой парочки.

— Мы нашли его вон там. Он повесился на собственном поясе, — произнес он негромко. — Рядом валялся перевернутый стул. Наверное... это он оттолкнул его. Кроме того, осталась какая-то записка, совершенно бессмысленная, но...

Он не договорил, опасаясь, что если скажет еще хоть слово, то не сумеет сдержаться, и гнев пересилит скорбь — равно как и здравый смысл. Судя по всему, Хьюберт ему поверил, поскольку подошел ближе и неуверенно опустил руку королю на плечо, а Полин тем временем устремился к столу, чтобы прочесть послание. Взяв в руки лист пергамента, он рассыпал монеты и презрительно покосился на них.

— Вы хорошо платили вашему капеллану, сир, — заметил он. — Возможно, это еще одна причина, почему он лишил себя жизни. Едва ли мне следует напоминать вам, что Устав требует, дабы все вознаграждение, получаемое братией, немедленно поступало в казну ордена.

— От своего имени я давал ему небольшие суммы на благотворительность, — ровным тоном отозвался Джаван, твердо решив, что Полину не удастся еще более измарать грязью доброе имя Фаэлана, обвинив его, помимо всего прочего, в своекорыстии. — Вероятно, он зачем-то копил эти деньги.

— Тогда они принадлежат вам, — и Полин смел монеты со стола в ладонь, протянув руку королю. — Возможно, впредь вам лучше заняться благотворительностью самому. Ну же, сир, возьмите их. Здесь не так уж мало.

С трудом сдерживая отвращение, Джаван протянул ладонь, и Полин пересыпал ему монеты. Карлан

взирал на происходящее с изумлением, а Гискард торопливо сорвал кошель с пояса.

— Позвольте, сир. Давайте, я возьму. Уверен, мы найдем этим деньгам хорошее применение.

Пересыпая серебро в кошель Гискарда, Джаван подумал, что мог бы предложить несколько возможностей, как использовать эти деньги, и все они были бы не слишком приятны для Полина и того, кто совершил это преступление. Но он заставил себя не думать сейчас о мести. Поднявшись, король вновь взглянул на Фаэлана.

— Полагаю, он не сможет получить последнее причастие от церкви, — негромко произнес он. — Мне очень жаль. Он был хорошим священником.

— *Хорошие* священники не лишают себя жизни, — благочестиво отозвался Хьюберт.

Прикусив язык, дабы не наговорить лишнего, Джаван склонил голову и все равно прошептал:

— *Requiescat in pace.*

И с этими словами он развернулся, и вместе с Гискардом и Карланом вышел из комнаты, сознавая, что больше ничего не может сделать для отца Фаэлана.

Глава 33

Ты удалил от меня знакомых моих[1]

В тот же день тело отца Фаэлана предали земле без всяких церемоний и прощальных обрядов на пустыре за городом, поскольку как самоубийца, отлученный от церкви, он не имел права покоиться в освященной земле.

Кроме того, дабы лишний раз подчеркнуть его унижение, те, кто готовили тело к похоронам, сорвали с покойника орденское одеяние и обрили голову, дабы уничтожить все следы тонзуры. Ему не досталось даже гроба, а лишь самый грубый полотняный саван. Несколько слуг-мирян по приказу *Custodes Fidei* совершили похороны, на которых не присутствовал никто из членов ордена. Джаван также не смог быть там, хотя ему и очень хотелось. Как король, он не имел права быть свидетелем погребения отлученного от церкви, хотя Фаэлан и являлся его исповедником. Но ближе к сумеркам он выехал верхом из города вместе с Карланом и Гискардом, а также дюжиной копьеносцев для защиты, и на обратном пути проехал по пустырю.

---

[1] Псалтирь 87:9

Карлана он оставил со стражниками, тогда как они с Гискардом спешились и прошли к неприметному холмику. Он не осмелился преклонить колена, поскольку за ним наблюдало сейчас множество глаз, однако склонил голову и вознес безмолвную молитву за упокой души Фаэлана. Прохладный ветерок с реки трепал его волосы. Пару мгновений спустя он поднял голову и сморгнул слезы.

— Нельзя было позволить ему оставаться, — сказал он Гискарду, невидящим взором уставившись на закат. — Я должен был *заставить* его уехать. Он бы даже не узнал, что это не его собственный выбор.

— Но если бы вы вправду сделали это, а они убили бы его в аббатстве, он все равно был бы мертв, и вы бы точно также обвиняли во всем себя, — отозвался Гискард. — Это было не ваше решение. Так решил сам Фаэлан... и Полин, который убил его.

— Но он умер *впустую*! Если бы даже он к ним поехал, они бы ничего от него не узнали. Он же не хотел участвовать ни в каких интригах. Он мечтал просто быть хорошим священником.

— И он был им, — мягко промолвил Гискард. — Разве не сказано в Священном Писании о добром пастыре, который готов жизнь положить за своих овец?

— Но они его *повесили*, Гискард, словно обычного преступника, как Иуду. Они даже оставили ему тридцать сребреников!

— Да, они это сделали, — согласился Гискард. — Но Фаэлан умер не поэтому.

— Что ты имеешь в виду?

— Думаю, Фаэлан погиб потому что не хотел дать им запугать себя и заставить предать вас, вот почему он не пожелал подчиниться *Custodes*. Он не боялся за

свою жизнь... разве вы не понимаете, он вручил ее в руки Господа задолго до того, как вы с ним встретились, и как только они поняли, что не смогут ни купить, ни запугать его, что он никогда не пожелает предать *вас*, то решили, что, по крайней мере, отыграются на нем за то, что он предал *их*.

— Как бы там ни было, он мертв, — прошептал Джаван. — И он будет покоиться здесь, в неосвященной земле, в простом нищенском саване. Я знаю, что душа его не здесь, Гискард, но все равно, разве можно поступать так с невиновным. И кто будет следующим? И неужто они примутся убивать всех, кто верен мне?

Те же самые вопросы позже ночью он же задал и Джорему, когда рассказывал тому, что произошло за последние дни. На сей раз Гискард отправился с ним, и сидел рядом, когда король рассказывал обо всем Джорему и Ниеллану с Джессом.

— Я скорблю вместе с вами по отцу Фаэлану, — чуть погодя промолвил Джорем. — И боюсь, вы правы в своих опасениях, что это лишь начало. Если уж они решились убить священника, выставив это самоубийством, то, конечно, не побоятся взяться и за других, кто вам близок. Прежде всего, я бы побеспокоился за безопасность Ориэля. Раз у них опять есть свой Дерини, в особенности такой, что работает на них по своей воле, им ни к чему иметь при дворе возможного соперника, способного раскрыть их интриги.

Джаван горько усмехнулся.

— И что же мне делать? Не могу же я запереть его в темницу вместе с семьей... Я переселил его поближе к своим покоям, чтобы Хьюберту и остальным было не так легко до него добраться. И один из мо-

их лучших рыцарей постоянно находится при нем как телохранитель. Если я не пошлю за ним кого-то из своей свиты, то Ориэль никуда не выходит из своих покоев без сэра Гэвина.

Джорем кивнул.

— Тогда, полагаю, вы сделали все возможное. Конечно, если Ран привезет с собой Ситрика, то все опять изменится. С поддержкой *Custodes*, боюсь, что даже наш весьма приземленный Ситрик может превратиться в реальную угрозу.

— И что же мне делать? — спросил Джаван. — Отослать Ориэля из столицы? Он не уедет, пока семья его в заложниках... А люди Полина отнюдь не настроены их отпускать.

— Да, верно, — согласился Джорем. — Но, возможно, мы найдем решение. Гискард, сколько еще заложников находится в Ремуте?

Молодой рыцарь нахмурился.

— Думаю, с полдюжины, если считать жену и дочь Ориэля.

— А кто остальные? — спросил Ниеллан.

— Ну, там семья Ситрика: мать и сестра, по-моему, и конечно, жена и сын Урсина О'Кэррола. Получается семеро.

— Всего семеро? — Ниеллан вздохнул и покачал головой. — Помню, когда там было несколько дюжин Дерини, да упокоятся их души с миром.

Он медленно перекрестился, и остальные последовали его примеру.

— Но полагаю, все могло бы быть гораздо хуже. А все ли из них Дерини, не считая, разумеется, Урсина?

Гискард пару мгновений подумал, прежде чем ответить.

— На самом деле, нет. По-моему, жена Урсина обычная женщина... а значит, и сын не обязательно Дерини. Он был совсем маленьким, когда их взяли в заложники, может быть, еще даже младенцем. Поэтому его не могли испытать мерашей. Насколько я слышал, самому Урсину они дают ее регулярно, чтобы убедиться, что могущество к нему так и не вернулось.

— Господи, как же они нас боятся! — вновь вздохнул Ниеллан. — Но это меня не удивляет. Хотя, мне только что пришла в голову одна идея. Сир, вам известно, как Урсин утратил силу. Вы ведь помните про мастера Ревана?

Джаван вопросительно посмотрел на епископа.

— Конечно, помню. Я ведь был там.

— Да, разумеется, — со слабой улыбкой произнес Ниеллан. — Так вот что я предлагаю...

* * *

На то, чтобы выработать план, ушло добрых две недели, и Джавану несколько раз пришлось возвращаться в михайлинское убежище, поскольку согласовать детали необходимо было с людьми, которых не было там в это время. Идея Ниеллана была довольно смелой, но могла привести к тому, что уже весной заложников удастся вызволить из Ремута. Ради успеха всего предприятия Джаван даже смирил свою гордость и сделал вид, будто примирился с Полином по поводу истории с Фаэланом, чтобы тот назначил ему нового исповедника и при королевском дворе жизнь вошла бы в обычную колею.

К несчастью, у Джавана не было возможности привести замысел в исполнение, ибо в тот самый

день, когда он намеревался сделать первый шаг, в самом начале ноября, изнуренный гонец прискакал в Ремут и потребовал, чтобы его немедленно провели к королю.

Джаван находился в приемном зале, где заседал королевский суд. Рядом сидели Гискард с Карланом, а лорд Джеровен выслушивал очередное дело. Там же находилась еще пара дюжин человек — придворные или просители. Поскольку чуть позже должно было состояться заседание совета, то присутствовали также Альберт, Ран и Удаут, гревшиеся у жаровни, установленной в одной из оконных ниш, ибо за последнюю неделю погода значительно ухудшилась. Кроме них, больше не было никого из высших сановников.

При появлении запыхавшегося гонца лорд Джеровен прервал свою речь, а Карлан с Гискардом вскочили. Мужчина со стоном повалился на колени перед королем, протягивая ему дрожащей рукой измятый и запачканный пакет. Судя по алой печати, отправителем послания был лорд Энсли, с которым сейчас в Грекоте должен был находиться Райс-Майкл.

— Дайте гонцу воды, — велел Джаван, сломав печать. — Это письмо из Грекоты?

— Да, сир... четыре дня назад... отправились на охоту... — Гонец покачнулся. — Принц Райс-Майкл похищен... Сэр Джейсон погиб, лорд Энсли ранен... разбойники... я скакал быстро, как мог.

С этими словами он едва не рухнул, и Гискард едва успел подхватить его под руку, тут же подав знак прислуге, чтобы дали вина. Джаван вскочил на ноги, и кровь вмиг отлила у него от лица.

— Ориэля сюда, — велел он Карлану, дрожащими пальцами разворачивая письмо.

Карлан бросился к выходу, а лорд Джеровен поспешил к королю. Альберт с Раном вытянули шеи, ибо, судя по всему, не расслышали слов гонца. Джаван с тревогой пробежал текст послания. Из неразборчивого бормотания посланца он понял только, что случилось неладное, однако лишь теперь он осознал все размеры свалившейся на них катастрофы. Письмо было написано рукой сэра Томейса, который уехал вместе с Райсом-Майклом и Джейсоном всего шесть недель назад.

«Грекота, день всех святых. Джавану, королю Гвиннеда, от сэра Томейса Эдергольского, помощника лорда Энсли в Грекоте.

С сожалением подтверждаю то, что мой посланец уже должен был сообщить вашему высочеству. Принц, ваш брат, был похищен неизвестными лицами. Его настоящее местонахождение и состояние нам неизвестно. Несколько свидетелей утверждают, что он мог быть легко ранен во время потасовки. Сэр Джейсон геройски погиб, защищая принца, а лорд Энсли был серьезно ранен. Погибли еще четверо стражников, и несколько человек получили ранения. Жизнь Энсли в руках Господа. Он лежит сейчас в Грекоте, во дворце епископа Эдварда Мак-Инниса.

Все случилось вчера около полудня. Остаток вчерашнего дня и весь сегодняшний мы прочесывали окрестность со всеми людьми, кто был в моем распоряжении, и отрядом, предоставленным нам епископом Эдвардом, однако нам не удалось отыскать никаких указаний на постигшую принца судьбу. Лорд

Энсли утверждает, что нападающие точно знали, с кем имеют дело, и были намерены пленить принца живым.

Я не советую вашему величеству отправляться сюда сейчас, ибо не знаю, в чем состоял замысел негодяев, и не сумею обеспечить безопасность вашего величества. Кроме того, если наши догадки верны, и принц был похищен ради выкупа, то их требования наверняка вы получите в Ремуте. Однако, нам необходима помощь войск в наших поисках, ибо с каждым днем увеличивается расстояние, на которое могли увести принца похитители. Сожалею, что не могу послать вашему величеству более обнадеживающих известий.

Остаюсь ваш покорный слуга,
Томейс Эдергольский, рыцарь.»

Потрясенный, Джаван передал письмо Альберту, который вместе с Раном и Удаутом поспешил присоединиться к королю. Последний приказал немедленно очистить зал. Гискард тем временем поил вином ослабевшего гонца, но, судя по всему, человек совершенно лишился чувств от усталости. К тому времени, как Карлан вернулся с Ориэлем, все посторонние уже разошлись, и Удаут с Джеровеном читали письмо, с которым уже успели ознакомиться Альберт и Ран.

— Мой брат похищен, — произнес Джаван, когда Ориэль с Карланом подошли ближе. — Выясни, был ли этот человек на месте и знает ли он хоть что-нибудь кроме того, что уже сказал нам.

Все остальные собрались вокруг короля, встревоженно переглядываясь при этих словах, но Ориэль,

не моргнув глазом, опустился на колени рядом с гонцом и легонько коснулся его лба. Несколько секунд он молчал, закрыв глаза, затем огорченно взглянул на короля.

— Ни он, ни сэр Томейс не были на той охоте, сир. Однако он слышал, как Томейс потом расспрашивал обо всем лорда Энсли. Нападающие были хорошо вооружены и дисциплинированы. Нет никаких сомнений, что их целью было именно пленение принца. Сперва из засады ударили лучники, но они отнюдь не старались попасть в него. Именно тогда погиб сэр Джейсон... Стрела попала ему в спину. Лорд Энсли был ранен в бедро и в руку, но пал от удара мечом. Лекари еще трудились над ним, когда Томейс расспрашивал его.

— Так что же насчет моего брата? — нетерпеливо прервал его Джаван.

— Лорд Энсли говорит, что принц прекрасно показал себя, с мечом в руке отстаивая свободу. Однако, сам будучи раненым, он не видел, как принца захватили в плен. Об этом поведал другой стражник. Однако тот тоже был тяжело ранен, и никак не мог помешать похитителям.

* * *

В то же утро, когда весть о похищении принца достигла столицы, сам Райс-Майкл изо всех сил пытался понять, что с ним происходит... хотя даже спустя несколько дней после своего пленения он знал о своих похитителях не больше, чем в самый первый день. До сих пор ему не предоставилось ни малейшей возможности спастись бегством; и теперь уже

точно не было сомнений, что основной целью нападавшие ставили себе схватить именно принца.

Лучники напали из засады, уничтожив треть эскорта и убив верного сэра Джейсона. Затем появились всадники в легких доспехах. Их было не меньше десятка, и полдюжины устремились прямо к принцу, в то время как остальные сражались с теми, кто пытался защитить Райса-Майкла. Он выхватил меч, вступил в бой и, кажется, даже ранил нескольких нападавших, но они превзошли его числом. Один ухватил лошадь за поводья, другой ударил в висок рукоятью меча, в то время как третий сумел накинуть Райсу-Майклу на голову широкий плащ, ослепив его и лишив возможности сопротивляться.

Даже наполовину оглушенный, тщетно пытаясь выпутаться из складок плаща, принц попытался выбраться из седла, понимая, что стражникам будет легче выручить его на месте, чем если нападающим удастся увести его с собой. К несчастью, он запутался в стременах, и кто-то изо всех сил схватил его за руки, едва не выломав пальцы, чтобы отнять меч.

Он пытался сопротивляться, но его туго обвязали веревкой, пришпилив локти к бокам, а затем связали запястья. После этого принца перекинули через седло, и похититель пустил лошадь в галоп.

Связанный, точно свинья на продажу, он больше не мог сопротивляться и молился лишь о том, чтобы не свалиться с лошади на полном скаку. Он хотел было закричать, позвать на помощь, однако его с силой ударили по голове, так что из носа потекла кровь, а во мраке перед глазами вспыхнули звезды.

Едва не лишившись чувств от боли и страха, теперь он уже не пытался сопротивляться, сознавая,

что если на такой скорости упадет с лошади, то неминуемо сломает себе шею.

Они скакали, казалось, целую вечность, и наконец похитители остановились, кто-то спешился, покрепче привязал его к лошади, а затем с него стянули плащ, сунули в рот кляп и завязали глаза. Он так и не сумел разглядеть своих пленителей. Через несколько минут они вновь пустились вскачь, и он по-прежнему не ведал, кто и с какой целью захватил его.

День постепенно сменился сумерками, а затем настала ночь, и принцу сделалось страшно. Несколько раз похитители останавливались в тишине переждать, пока поблизости проезжали всадники. При этом человек, сидевший в седле позади принца, обхватил его за горло и прошипел:

— Ни звука, Халдейн, или ты покойник.

От давящего кляпа у него так болели челюсти, что он едва мог дышать, не говоря уже о том, чтобы вскрикнуть. Сопротивление в таких обстоятельствах было бы тщетным. В знак подчинения он едва сумел кивнуть. Тем не менее давление на шею не ослабло ни на йоту. Когда стук копыт послышался ближе, похититель едва не придушил его, так что принц почти лишился чувств, и приступы тошноты сопровождали его еще долгое время после того, как они вновь тронулись в путь.

Похоже, время было уже к полуночи, когда они наконец остановились, чтобы дать роздых лошадям, и по-прежнему ему не сказали ни слова о том, кто его похитил и с какой целью. Его лишь спросили, дает ли он слово хранить молчание, если у него вытащат кляп, и он с трудом кивнул головой, сознавая,

что нет никакого смысла продлевать свои страдания. Крик не мог принести ему свободу.

Кляп вытащили, но повязка на глазах осталась. В горле у него пересохло от страха и от жажды, и когда его усадили спиной к скале, он робко попросил немного попить.

С огромным облегчением он ощутил, как фляга коснулась его губ. Там была простая вода, но на вкус она показалась принцу слаще нектара. Пару минут спустя ему дали и еды: сухого хлеба с терпким сыром. Есть со связанными руками было неудобно, и от страха он с трудом мог глотать, однако Райс-Майкл был рад и такой скудной пище. Под конец ему даже дали вина, и он с благодарностью выпил его.

Вскоре, судя по звукам, лошадей повели к водопою, и похититель, взяв принца за локоть, отвел его на пару шагов в сторону от остальных.

— Если нужно помочиться, сделай это сейчас, — заявил тот без околичностей. — Нам предстоит еще пару часов провести в седле.

При этом мужчина слегка ослабил хватку, и Райс-Майкл с ужасом осознал, чего именно от него ждут. Он не помнил, когда в последний раз чувствовал себя столь уязвимым и униженным, однако мочевой пузырь его был переполнен, и с этим приходилось считаться. Когда он закончил, его пленитель вновь молча ухватил его за локоть, и они вернулись к лошадям.

Спотыкаясь, он двинулся вперед, и когда его вновь забросили в седло, принца охватило головокружение, так что ему пришлось вцепиться в луку седла. Они вновь двинулись в путь, и дурнота сменилась волнами сонливости, которые накатывали с

каждым разом все сильнее, угрожая окончательно поглотить его сознание. Лишь теперь до принца дошло, что ему скорее всего в вино подсыпали снотворного. Однако он прекрасно понимал, что ничего не может с этим поделать.

Он не помнил, как они остановились на ночлег. Кажется, он дремал в седле, но насколько долго, не имел и понятия. Когда в следующий раз они остановились, чтобы поесть, он попытался отказаться от вина, но похититель ясно дал понять, что никто не предлагает ему выбора. Поэтому Райс-Майкл решил, что лучше выпьет по доброй воле, чем ему насильно вольют вино в глотку. На сей раз он даже не почувствовал, как его вновь забросили в седло. В какой-то момент у него забрали серьгу из уха и кольцо. На глазах его по-прежнему была повязка, и, благодаря снотворному, он окончательно утратил счет времени, даже когда оставался в сознании.

Несколько раз ему показалось, что он слышит имя Анселя, и в какой-то миг подумал, уж не об Анселе ли Мак-Рори ведут речь похитители. Мысль о том, что это могут быть Дерини, привела принца в ужас. Но, впрочем, в его нынешнем положении это мало что меняло. Его по-прежнему швыряли в седло и везли неизвестно куда, а он все также с трудом мог вырваться из липких объятий забытья.

Поэтому Райс-Майкл не мог точно определить, сколько времени прошло, покуда не явилась помощь. Скорее всего, несколько дней. Они как раз сделали привал, чтобы накормить и напоить лошадей, когда вдруг раздался тревожный крик, и началась судорожная беготня. Где-то поблизости послышался тяжелый стук копыт, негромкие ругательства,

звон обнаженной стали, звяканье упряжи... А затем разразился бой.

Левой рукой прижав Райса-Майкла к себе, похититель потянулся за кинжалом, и тот сперва испуганно застыл, а затем изо всех сил принялся вырываться. Повсюду раздавался звон стали, храп лошадей и крики раненых.

Лошадь, на которой он сидел, вдруг взвилась на дыбы. Всадник попытался удержать ее, а принц вцепился в седло, чтобы не рухнуть на землю, ибо под копытами коня его ждала верная смерть... Впрочем, смерть была и совсем рядом.

— Замри, Халдейн, — выкрикнул похититель.

Он почувствовал, как нож метнулся вперед, отпрянул, ощутив прикосновение лезвия к щеке. Со сдавленным криком он дернулся в сторону, пытаясь сорвать повязку, чтобы хотя бы увидеть смерть в лицо. Кто-то поблизости выкрикивал его имя, уже совсем близко, но он не знал, поспеют ли они вовремя. Одновременно похититель пытался удержать его и хрипящую лошадь. Связанными руками Райс-Майкл попытался оттолкнуть руку врага, вслепую уворачиваясь от кинжала.

— Помогите принцу, — прокричал кто-то. — Они убьют его!

Чистая правда, он и без них знал это. Райс-Майкл изо всех сил боролся за жизнь, отчаянно пытаясь угадать, что предпримет сейчас его похититель... Как вдруг резкий удар в затылок лишил его чувств и попыток к сопротивлению.

* * *

Позднее, когда он наконец пришел в себя, ему сказали, что он оставался без сознания добрых два

дня. Хотя одетый в черное лекарь, когда менял повязку у него на левой ноге, заверил, что отчасти это состояние было вызвано успокоительными средствами, которые давали принцу, чтобы перевезти его в безопасное место.

— Вам очень повезло, — заметил врач, заканчивая перевязку. — Пришлось наложить пару швов, однако еще немного, и вы могли бы отправиться на встречу с Создателем.

С этими словами он коснулся шеи пациента с правой стороны, совсем рядом с сонной артерией. От боли Райс-Майкл поморщился. Голова ныла, и когда он попытался шевельнуться, то от боли с трудом удержался от крика.

— Где я? — прошептал он.

Вместо ответа лекарь повернулся и подал знак кому-то подойти ближе. Райс-Майкл изо всех сил попытался напрячь зрение, чтобы разглядеть этого человека, но все плыло у него перед глазами.

— Как вы себя чувствуете, мой принц, — произнес смутно знакомый голос.

— Голова болит, — шепотом отозвался Райс-Майкл. — Кто...

— Это Манфред Мак-Иннис, сынок. Вы в Кулди. Все будет хорошо.

Постепенно смысл этих слов дошел до Райса-Майкла и он сумел-таки разглядеть, кто перед ним. После всего, что довелось ему пережить за последние дни, вид знакомого лица вызвал несказанное облегчение.

— Лорд Манфред, — пробормотал он. — Но как...

— Вы помните, что вас похитили? — мягко спросил Манфред.

Райс-Майкл слабо кивнул, и у него вновь закружилась голова.

— По-моему, это были люди Анселя Мак-Рори, — прошептал он. — Они все время пичкали меня снотворным. Я почти ничего не помню.

Лицо Манфреда закаменело.

— Охотно верю. Ну, не тревожьтесь. Несколько человек мы взяли живыми. Уверен, что Мак-Рори среди них нет, но они расскажут нам все, что им известно, после того как мои солдаты развяжут им язык. Хвала Господу, вы не были ранены слишком серьезно. Дозорные разыскивали вас уже целую неделю.

— Так долго? — изумился Райс-Майкл.

— Боюсь, что да. И целый день прошел в дороге. Мы освободили вас вчера.

Прикрыв глаза, Райс-Майкл постарался сосредоточиться. Все тело ныло от боли, а голова была словно полна тумана.

— У меня все мысли разбегаются. Вы меня тоже напоили какими-то снадобьями?

— Это лишь чтобы снять боль, ваше высочество, — пояснил лекарь. — Хотя снотворное там тоже присутствует. Вы получили сильный удар по затылку, но теперь, когда вы в безопасности, можно перестать давать вам лекарства.

Объяснение звучало вполне правдоподобно. Райс-Майкл помнил, как его ударили, и голова действительно сильно болела.

Зевнув, он перевел взгляд на Манфреда.

— Может, мне станет получше, когда я высплюсь, — сонным голосом произнес он. — Джаван знает, что со мной все в порядке?

— Знает... Точнее, узнает как только гонец прибудет в Ремут. Скорее всего, сегодня вечером или завтра с утра. Не тревожьтесь, ваше высочество. Мастер Стеванус поднимет вас на ноги очень быстро. А сейчас сон для вас лучшее лекарство.

* * *

Тем временем в Ремуте король со своими советниками спорили над тем, как ответить на послание, полученное нынче поутру. Его доставил какой-то крестьянин, понятия не имевший о содержании письма, даже если бы и был способен читать. Всю предыдущую неделю сэр Томейс слал известия, сообщая о здоровье лорда Энсли и о бесплодных попытках отыскать Райса-Майкла. До того, как сегодня они получили послание от похитителей принца, могло бы создаться такое впечатление, что тот попросту растворился в воздухе. Среди прочего в письме говорилось:

«Дабы удостовериться, что вы исполните наши требования, мы взяли в заложники брата вашего величества и будем держать его в заточении, покуда не получим желаемого. В доказательство истинности наших слов прилагаю некий предмет, принадлежавший принцу, и хотел бы напомнить вашему величеству, что мог бы отправить также и само ухо».

Предмет этот был серьгой из золотой проволоки, которую всегда носил Райс-Майкл. Ценой свободы принца был немедленный отказ от Рамосских Уложений с возвращением всех прав и привилегий Дерини. Требование было подписано Анселем Мак-Рори, изгнанным графом Кулдским. Разумеется, совет был возмущен, равным образом миряне и клирики.

Джаван больше всего страшился за судьбу брата, однако пойти на уступки Дерини было невозможно... Но точно также немыслимо было и отказать наотрез, поставив под угрозу жизнь наследника престола.

— Ну, может быть, пока сделать вид, что мы готовы согласиться? Пока мы пытаемся его отыскать? — спросил Джаван, не сводя взора с серьги брата. — Может быть, отменить закон, запрещающий Дерини владеть землей. Это достаточно невинная уступка.

— Никогда! Мы не пойдем навстречу этим негодяям, — объявил Хьюберт, и остальные советники согласно закивали. — Нельзя позволять себя запугивать предателям!

— Но на карту поставлена жизнь моего брата.

— Принц с честью должен принять судьбу мученика во имя короны, — ледяным тоном отрезал Полин. — Уничтожение Дерини — богоугодное дело, во имя спасения истинно верующих и во славу Церкви. Мы не пойдем на уступки врагам Господа.

Перед лицом таких доводов Джаван ничего не мог возразить. Позже вечером он попытался обсудить этот вопрос с Карланом и Гискардом. Они ожидали, пока вернется Этьен де Курси, который отправился к Джорему узнать, что тому известно о происходящему. Джаван прекрасно осознавал, как страдают Дерини от гонений, обрушившихся на их расу, но не мог вообразить, чтобы они всерьез вздумали угрожать жизни брата короля.

— Не понимаю, зачем Анселю делать это, — заявил Гискард. Прошел уже добрый час, но Этьен до сих пор не вернулся. — Все это только повредит Дерини, особенно если принцу будет причинен хоть какой-то ущерб. Разве он не понимает, что любые

изменения в законах потом все равно отменят, едва лишь принц окажется в безопасности.

— Возможно, это акт отчаяния со стороны отчаявшегося человека, — предположил Карлан. — Может быть, появилась возможность похитить принца, и ему это показалось удачной мыслью. Но затем он уже и сам не знал, что с ним делать дальше.

Джаван покачал головой.

— Из письма Томейса у меня сложилось совсем иное впечатление. Нападение было хорошо спланировано. Они точно знали, кто...

Послышался стук в дверь, и Гискард вскочил с места, чтобы впустить отца. Этьен вошел в комнату и, покачав головой, подтянул к себе стул.

— Вы не поверите, — пробормотал он, обведя присутствующих взглядом. — Джорем ничего не знает обо всем этом. *Равно как и Ансель.*

— Что?

— О, Ансель, конечно, знал о похищении принца. Джорем сообщил ему, как только сам обо всем узнал — но больше Анселю ничего неизвестно. Его даже не было в Грекоте, когда все это произошло... Хотя с тех пор он прочесывал весь этот район, пытаясь отыскать хоть какие-то следы похитителей. Он все еще там, но остальные были в убежище, когда я там появился: Джорем, Джесс, епископ Ниеллан и его Целитель, отец Рикард. Когда я показал Джорему письмо, он побледнел, затем передал его остальным. Все согласились, что это не подпись и не печать Анселя.

— Но тогда...

— Это означает, что *некто*, — заявил Гискард, прежде, чем король успел закончить, — пытается еще больше опорочить Дерини, и с этой целью угрожает

вашему брату. У меня есть свои подозрения о том, кто это может быть. О, очень умный шаг. Как раз такого и следовало ожидать от ваших врагов. Держу пари, что без Полина здесь не обошлось.

— Но ведь во время нападения погиб Джейсон и еще несколько человек, и едва не убили Энсли, — возразил Джаван. — Разве Полин...

— А почему Полина должно было смутить убийство ваших сторонников? — возразил Этьен. — С какой стати? Особенно, если он мог выдать это за действия Дерини. Несомненно, это лишь утвердит его позицию, чтобы Рамосские Уложения не могли подвергнуться пересмотру. К тому же, вспомните о судьбе отца Фаэлана...

— Но... это просто невозможно, — Джаван потряс головой. — Боже правый, думаете, они убили Райсема?

Никто не ответил, и Джаван, резко поднявшись с места, подошел к окну. Снаружи хлестал дождь, и, упершись ладонью в стекло, он уставился во тьму.

— Мы не знаем наверняка, причастен ли к этому Полин, — заметил он после долгого молчания. — И все же Райсема взяли в заложники. Это правда, потому что они прислали нам его серьгу, а он никогда не расстался бы с ней по доброй воле.

— Так что вопрос в том, *кто* похитил его, — прошептал он. — Где он сейчас, и что с ним происходит?

Глава 34

Соберет он совет знающих и предастся раздумьям[1]

В тот самый миг, когда Джаван задавался этим вопросом, гонец, что мог бы дать на него ответ, пробирался по улицам Ремута. Однако послание, что он вез, отнюдь не предназначалось Джавану. Первую часть данного ему поручения человек этот выполнил чуть раньше, передав запечатанное письмо какому-то крестьянину, дабы тот доставил его в замок... это было то самое послание, что привело в такой ужас короля. Часть пути гонец проделал в одежде обычного наемника, однако перед тем как покинуть постоялый двор, где провел остаток дня и весь вечер, он накинул черный плащ, украшенный красным крестом и львиной головой, и подпоясался белым кушаком — символом рыцарей *Custodes*.

Под проливным дождем, не привлекая к себе особого внимания, гонец по мощеной улице добрался до собора и примыкавшего к нему дворца

---

[1] Мудрость Иисуса 39:7

архиепископа. Через пару минут после того как он назвал свое имя, его немедленно провели к Полину Рамосскому, чьи покои находились там же, рядом с апартаментами архиепископа Валоретского. Оба клирика попивали фианнское вино в гостиной Полина, гадая, как же в конце концов ответит король на требование о выкупе.

— А, лорд Вантри, — приветствовал Полин рыцаря, который опустился на одно колено, чтобы поцеловать его перстень.

— Да, верховный настоятель. — Рыцарь поднялся, поклонился архиепископу Хьюберту, сидевшему у камина. — Ваша милость.

— Надеюсь, вы привезли вести от лорда Альберта, — заметил Хьюберт, завидев пакет, который гонец протянул Полину.

— Да, милорд, но боюсь, нам известно немного. Принца до сих пор не нашли. У меня также имеется послание к королю, но лорд Альберт велел мне сперва увидеться с вами.

— Обождите, пока я прочту. — Полин жестом велел гонцу присесть и сломал печать на пергаменте. — Возможно, я также передам королю свое послание. Вы ведь были в составе отряда, который искал принца?

— Да, милорд.

— Садитесь, садитесь.

Однако гонец сперва дождался, чтобы Полин сам уселся в кресло, и лишь тогда примостился на краешке стула. Судя по всему, ему не терпелось вновь двинуться в путь. Послание не содержало в себе никаких приветствий и обращений, однако почерк был Полину хорошо знаком.

«Человек, доставивший это письмо, достоин всяческого доверия, но ничего не знает о его содержимом. Мне сообщили без тени сомнения, что все прошло согласно нашему плану. Сейчас принц находится в Кулди и поправляется от ранений. Он ни о чем не подозревает. Хозяин замка сделает все, от него зависящее, дабы исполнить наш замысел. А пока понадеемся, что король будет всецело поглощен раздумьями над содержимым послания, которое получил нынче утром. Вскоре ему доставят еще одно письмо, которое едва ли сможет развеять его опасения. Почтительно предлагаю вам сжечь сей документ после прочтения. А.»

Подавив улыбку, Полин передал письмо Хьюберту. Стороннему наблюдателю, лорду Вантри, могло показаться, что оба священнослужителя весьма озабочены происходящим.

— Благодарю вас, лорд Вантри, вы можете идти. Передайте королю, что я очень сожалею, что все усилия лорда Альберта по-прежнему не увенчались успехом. Но заверьте его величество, что орден будет прилагать все усилия, дабы отыскать его брата.

— Непременно, милорд, — отозвался Вантри и, поднявшись на ноги, вновь склонился, чтобы поцеловать кольцо настоятеля.

Как только он ушел, Полин взял письмо у Хьюберта, перечитал его, а затем бросил в огонь. Пергамент почернел и обратился в прах.

— Учитывая, что у короля есть Дерини, способные использовать чары истины, — негромко заметил Хьюберт, — со стороны Альберта было весьма разум-

но послать гонца, который может сказать ему лишь то, во что искренне верит сам. Однако как долго, вы полагаете, мы сумеем скрывать от него правду?

— Почти до бесконечности, покуда Манфреду будет удаваться перехватывать все письма, что принц попытается отослать из Кулди, — ответил Полин. — Хотя, честно говоря, милорд, думаю, он и сам не станет торопиться с отъездом, едва осознает, какие запретные прелести таит в себе замок его спасителя.

* * *

Принц Райс-Майкл Халдейн обнаружил сии запретные прелести уже на следующее утро. Он проснулся от того, что кто-то раздвинул занавески у постели, и солнечные лучи сквозь единственное окно проникли в комнату. Чья-то фигура заслонила солнце, отбросив тень ему на лицо, и он прищурился, поднеся руку к глазам.

— Кто здесь? — прошептал он с трудом.

— Мастер Стеванус и новая сиделка, — раздался голос с другой стороны кровати, и чья-то фигура, наклонившись, поставила поднос на столик у постели. — Вам лучше задвинуть занавеси, миледи, — продолжил лекарь. — Ему трудно смотреть на яркий свет.

Райс-Майкл с трудом повернул голову, пытаясь понять, что происходит. Сегодня наутро он чувствовал себя получше, хотя по-прежнему был очень слаб. Он прищурился, пытаясь разглядеть в ярком свете ту леди, к которой обращался Стеванус, и как только занавеси слегка сдвинули, глазам его предстала хрупкая элегантная фигурка в темно-синем платье. И когда она обернулась к нему, лицо его озарилось от счастья.

— Мика?

Она с улыбкой взяла его за руку и поднесла ее к своим губам, затем стиснула в своих ладонях. Каштановые волосы были заплетены в косу, ниспадавшую через плечо почти до талии, а голубые глаза были полны слез.

— Они не позволили мне навестить тебя до утра, — прошептала она. — Райсем, я так беспокоилась.

— Я тоже, — с трудом выдавил он.

Стеванус кашлянул, и Микаэла вскинула голову.

— Я не хотел бы мешать, — со снисходительной улыбкой произнес лекарь, — однако осмелюсь напомнить, что я здесь по делу. Как вы себя чувствуете, ваше высочество?

— Слабость осталась, — не сводя любящих глаз с Микаэлы. — Но сейчас мне уже гораздо лучше.

— Да, это я вижу, — пробормотал Стеванус, взял принца за запястье, затем покачал головой. — Ну, боюсь, что пульс проверять нет никакого смысла, пока здесь эта прелестная юная леди. Как ваша голова? — продолжил он, аккуратно ощупывая шею Райса-Майкла.

Принц поморщился, когда Стеванус коснулся болезненного места, и расслабился, лишь когда лекарь убрал руку.

— По-моему все по-прежнему, — пробормотал он. — Должно быть, там огромная шишка.

— Верно, — согласился Стеванус. — Но ноге пришлось еще хуже. И вы потеряли много крови. Потом, после того, как немного перекусите, можете взглянуть на рану. А пока, если обещаете вести себя спокойно, эта юная леди поможет вам позавтракать. Как вы думаете, вы сумеете сесть?

Лекарь с девушкой помогли ему приподняться и подложили ему под спину подушки. У него кружилась голова, но он не знал, виной ли тому полученная рана, или присутствие Микаэлы. Присев на край постели, она напоила его бульоном с размоченными кусочками хлеба. Говорили они мало, ибо он был слишком слаб, чтобы жевать и разговаривать одновременно, однако взгляды их сообщали друг другу все то, чего не в силах были выговорить губы.

В комнате было прохладно, поскольку небо заволокло тучами, однако Райса-Майкла согревало одно лишь присутствие любимой... Хотя, возможно, тут помогла и чаша горячего эля со специями, которую она дала ему, чтобы запить трапезу.

После этого Стеванус попросил ее уйти, чтобы они с помощником могли искупать принца и переменить повязку на ноге. За этим занятием их и застал лорд Манфред.

Поприветствовав принца, он молча принялся наблюдать за действиями лекаря. Райс-Майкл при виде раны на ноге ощутил дурноту — кожа вздулась, распухла, и края раны перехватывали дюжина черных шелковых стежков.

Стеванус заверил, что желтовато-пурпурный цвет кожи — это просто кровоподтек, а не воспаление, и все же прежде чем они успели закончить перевязку, Райс-Майкл вновь лишился чувств.

Манфред позвал лекаря за собой в соседнюю комнату.

— Вы уверены, что рана не загноится? — спросил он негромко.

Стеванус лишь улыбнулся и покачал головой, вытирая руки о льняное полотенце.

— Его «спасители» знали, что делают, милорд. Когда пациент без сознания, не так уж сложно нанести точный удар. А сия «рана» нанесена ножом лекаря, а не мечом. Швы — это просто для пущего страха.

Лицо Манфреда растянулось в лукавой понимающей ухмылке.

— Все ясно, — пробормотал он. — А что с раной на голове?

— Ну, его на самом деле стукнули по затылку... иначе во время спасения он мог заметить что-то лишнее. Рассчитанный риск. Но опять же, повторяю, спасители знали, что делали. Кроме того, они пустили ему кровь... Это та самая небольшая рана на шее, про которую я сказал ему вчера, что это якобы едва не отправило его на встречу с Создателем. Потеря крови ослабит его на ближайшую пару недель. А головные боли я усиливаю своими лекарствами... которые, кроме того, делают его все время полусонным. Но если только он не примется задавать лишних вопросов, а по-моему, это весьма маловероятно, полагаю, что все, что ему нужно в ближайшие дни — это вкусная еда и заботы прелестной сиделки.

Манфред довольно хохотнул.

— То есть, насколько я понимаю, природа его ранений никоим образом не может помешать естественному ходу вещей в том, что касается юной леди.

— Напротив, милорд, это идеальная возможность для них двоих провести как можно больше времени наедине, тем более что один уже лежит в постели обнаженный, — бесцеремонно отозвался лекарь. — Скорее, я был бы удивлен, если бы удалось не подпускать их друг к другу, пока не будет официально объявлено о помолвке.

— Ого, мастер Стеванус, а я-то думал, что вы, *Custodes*, на подобные вещи не обращаете внимания, — усмехнулся Манфред.

Стеванус пожал плечами и улыбнулся.

— Я не родился монахом, милорд, и призвание свое открыл довольно поздно.

— Ну что ж, это все объясняет. Благодарю вас, мастер Стеванус. Я буду с большим интересом ждать развития событий.

* * *

Дни шли, и в Ремуте напряжение продолжало нарастать. Совет был непоколебим в своем решении, что никаких уступок не может быть сделано в том, что касалось Рамосских Уложений. Это заставляло Джавана бросить все силы на поиски похитителей брата, однако самого его сановники решительно отказывались отпустить в Грекоту, дабы лично убедиться, как там идут дела, ибо утверждали, что его вмешательство лишь ухудшит положение для плененного принца... а также поставит под угрозу его собственную безопасность.

Спустя неделю в Ремут доставили тело Джейсона для похорон. С ним прибыл и слегка оправившийся от ран лорд Энсли.

Несмотря на то, что он был еще очень слаб, он все равно продолжал руководить поисками, однако ни он, ни отряды Альберта не обнаружили ровным счетом ничего.

Ран даже сообщил совету, что выслал на север Ситрика с эскортом, дабы присоединиться к патрулям Альберта, в надежде, что Дерини поможет отыскать похитителей, принадлежащих к его расе.

Однако все это не привело ни к чему, лишь усилило тревогу короля, и еще больше раздражило похитителей. Неделю спустя они получили новое послание. На сей раз к нему прилагалось кольцо принца, и, похоже, мизинец ноги... В письме утверждалось, что похитители не хотели бы изувечить принца, отрезая ему каждый раз по пальцу, однако непременно так и поступят в следующий раз, если король не подчинится их требованиям.

Послание это ввергло Джавана в панику. Он точно знал, что похитители не принадлежат к Дерини, однако никому не мог раскрыть эту тайну. Кроме того, он понятия не имел, кто они на самом деле... хотя воображение подсказывало ему все более неприятные возможности. Кто бы они ни были, они мучили его брата. А Джаван был не в силах ни отыскать их, ни уступить их требованиям.

Его союзники-Дерини попытались сделать все возможное, чтобы хоть немного снять напряжение. Через несколько дней после получения второго письма подлинный Ансель Мак-Рори во всеуслышанье объявил в открытом послании, что не имеет никакого отношения к похитителям принца, и всегда был и остается верен дому Халдейнов, даже прибывая в изгнании. Он также заверил короля, что хотя и не был близ Грекоты в то время, когда был похищен принц, но и он сам, и его люди сейчас стараются там отыскать подлинных преступников.

Хьюберт, разумеется, лишь посмеялся над этим заявлением со словами, что, разумеется, Ансель так и должен утверждать, едва лишь сообразил, что угрозы не приведут к желаемому результату. В этом объяснении был определенный смысл, по крайней мере, для остальных советников, но Джавану это совсем не

пришлось по душе. Враждебность по отношению к Дерини Анселю еще более возросла по получению последнего письма, и несколько сановников даже предлагали еще более ужесточить Рамосские Уложения, а также выслать войска для поимки дерзкого Дерини, дабы казнить его прилюдно и тем самым покончить с этим делом.

Но чем больше шло времени, тем сильнее становилась уверенность Джавана, что Полин с Хьюбертом знают обо всем этом куда больше, чем готовы ему сообщить. Оба постоянно заверяли короля, что всячески желают ему помочь, и ни одного из них он не поймал на прямой лжи, и все-таки они явно старались избегать прямых ответов на вопросы, которые он им задавал. Они что-то скрывали, но он не смел обвинить их в открытую. Он понимал, что пытаться выудить какие-то сведения у Полина слишком рискованно, особенно учитывая отношение верховного настоятеля с таинственным Димитрием, — тот вполне мог ментально защищать своего покровителя. Однако с архиепископом Хьюбертом у короля были какие-то шансы. Джавану и прежде доводилось читать его мысли, и Хьюберт об этом ни разу не догадался. Вся хитрость заключалась в том, чтобы оказаться с Хьюбертом наедине и настроить его на благодушный лад.

На это у Джавана ушла целая неделя, и затея его потребовала тщательной подготовки. Впрочем, других забот у него сейчас и не было, поскольку от похитителей брата не поступало никаких новых требований. И как-то в воскресенье, в конце октября, когда Джаван заранее узнал, что сегодня не Оррис, а именно Хьюберт будет служить вечернюю мессу в соборе, король явился на службу в плаще с надвину-

тым капюшоном, дабы защититься от холода и сторонних взглядов. По обыкновению, его сопровождали только Карлан и Гискард.

На мессе присутствовало не так много народу, ибо уже начались зимние холода. В начале недели выпал снег, следом пошли дожди, и улицы были покрыты обледеневшей грязью. К облегчению Джавана, он не увидел Полина ни во время службы, ни по ее окончании, а никто из верующих не задержался в соборе, лишь только клирики наконец ушли в ризницу.

В огромном соборе наступила тишина. Служки задули последние свечи. Хьюберт по-прежнему оставался в ризнице. Джавану с того места, где он стоял на коленях на хорах, была видна ведущая туда дверь. Но вот, наконец, архиепископ показался в проходе, полуобернувшись, дабы отдать кому-то последние распоряжения.

Вдохнув поглубже, Джаван поднялся и отправился к нему. Карлан с Гискардом сопровождали короля на почтительном расстоянии. Завидев их, Хьюберт вскинул голову, неуверенно взявшись за дверь, однако в этот миг Джаван откинул капюшон, чтобы архиепископ узнал гостя.

— Ваша милость, могу ли я поговорить с вами? — промолвил он.

— А, это вы, сир, — прохладным тоном отозвался Хьюберт. — Если у вас ко мне какое-то дело...

Покачав головой, Джаван опустился на одно колено.

— Это личное, — прошептал он, надеясь, что Хьюберт протянет ему руку для поцелуя. — Я... нуждаюсь в священнике.

— Но, по-моему, сир, вам был предоставлен новый исповедник, — отозвался Хьюберт. — Или ваше величество им не удовлетворены?

Поняв, что Хьюберт не предоставит ему возможности коснуться его руки, Джаван поднялся на ноги, слегка склонил голову и скрестил на груди руки.

— Я уверен, что он великолепно знает свое дело, — произнес он. — Однако моя проблема... касается дел, давно минувших, о которых можете знать лишь вы один. — Он с трудом сглотнул и с трудом продолжил. — В ту пору вы давали мне добрые советы, однако я не послушался их. С тех пор я много размышлял... не могли бы мы пойти куда-нибудь, где нас не побеспокоят. Может быть, в ваши апартаменты? Право, мне бы не хотелось обсуждать это здесь.

Архиепископ склонил голову, и с ничего не выражающим видом указал на боковую дверь.

— Что ж, прекрасно, мои покои очень скромные, но меня вполне устраивают... Это просто место, дабы преклонить голову на ночь, чего не было даже у Сына Человеческого.

Уловив намек, Джаван поспешно отозвался:

— Святой Лука, — и рискнул улыбнуться Хьюберту, поскольку архиепископ явно не ожидал, что он узнает цитату. — Должен ли я назвать также номер главы и стиха?

К его облегчению, Хьюберт ответил довольным, хотя и слегка опасливым смешком. Они двинулись вперед по коридору, в сопровождении Карлана с Гискардом.

— Ну-ну, — с усмешкой промолвил архиепископ. — Любопытно, это блеф человека, который хочет меня убедить, будто помнит высказывание целиком,

чтобы я не спросил его об этом первым... или вы и впрямь знаете ответ?

— Евангелие от Луки, глава... девятая, по-моему. — В былые дни, когда Хьюберт лично занимался с Джаваном до его вступления в семинарию, это было интеллектуальным упражнением, доставлявшим удовольствие обоим. — *Лисицы имеют норы, и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову.*

— Впрочем, архиепископу об этом беспокоиться нечего, — добавил он, когда они подошли к двери, украшенной гербом архиепископа Валоретского. — Знаете, было бы куда более впечатляюще, если бы герб был вырезан здесь точно так же, как в Валорете.

Хьюберт с улыбкой пригласил его войти.

— К чему это очевидное усилие напомнить мне о старых добрых временах, сир? В ту пору я возлагал на вас большие надежды и был весьма разочарован.

Они прошли в покои, а Карлан с Гискардом стали на часах в коридоре, обменявшись опасливыми взглядами. Через небольшую прихожую Хьюберт провел короля в уютную гостиную, где в очаге уже весело потрескивал огонь. Пожилой священник подогревал вино в глиняной чаше, и тут же отправился за другим бокалом, заметив, что у архиепископа гость.

Без лишних слов Хьюберт опустился в большее из трех кресел, стоявших у очага, и расправил на плечах отороченный мехом плащ, жестом приглашая Джавана сесть рядом. Джаван перебросил накидку через спинку другого стула, а сам сел поближе к хозяину. Покуда не уйдет старый священник, он не отваживался рискнуть ни на что большее.

— Благодарю вас, — произнес он негромко. — Мне очень жаль, что я доставил вам столько неприятных минут. Могу ли я... признаться вам кое в чем как на исповеди?

— Так это исповедь, сын мой? — переспросил его Хьюберт.

— В какой-то мере, полагаю, да... или может стать таковой. — Джаван замолк, когда священник вновь появился в дверях, неся еще один бокал, а затем наклонился у очага, дабы наполнить оба кубка подогретым вином.

— Благодарю вас, отец Сикст, можете идти ложиться, — велел Хьюберт своему помощнику, взяв в руки дымящуюся чашу. — Сегодня вы мне больше не понадобитесь.

Священник с поклоном поспешил удалиться, закрыв за собой дверь. Некоторое время Хьюберт молча потягивал вино, рассеянно глядя в огонь, пока откуда-то издалека не донесся звук второй закрывающейся двери.

— Превосходно, сир, отец Сикст больше нас не побеспокоит, — промолвил наконец архиепископ. — Будем считать, что на моих плечах сейчас пурпурная епитрахиль, и все, что будет сказано в этой комнате, будет отмечено печатью исповеди. Так что вы хотели обсудить со мной?

Джаван со вздохом отставил кубок и чуть нагнулся в кресле, упираясь локтями в колени и свесив руки. Ему нужно было заставить Хьюберта коснуться его, чтобы прочесть в сознании архиепископа, какую роль тот сыграл в похищении Райса-Майкла, а это было гораздо труднее, чем просто управлять действиями человека и стирать всякие воспоминания о происшедшем, как, например, случилось в день смерти

Алроя. И, кроме того, сегодня Хьюберт был настороже. Он если и не напрямик подозревал Джавана в дурных умыслах, то, по крайней мере, не мог понять, что привело к нему короля сегодня.

Более того, для чтения мыслей необходим был телесный контакт; а это могло оказаться опасным, если Хьюберт заподозрит неладное и примется сопротивляться. Джаван не знал, услышит ли кто-либо посторонний крик о помощи, однако не сомневался, что в физическом плане ему с Хьюбертом не совладать.

— За прошедшие дни я много размышлял о том, что значит быть королем, — произнес он негромко, сознавая, что столь туманное утверждение наверняка привлечет внимание Хьюберта. — Я прежде не сомневался, что вполне готов для этой роли, однако когда мне прислали палец Райсема...

Содрогнувшись, он прикрыл лицо рукой — осторожно выглядывая сквозь щелочку меж пальцев.

— Я так боюсь, отче, — прошептал он. — Они убьют моего брата. Они требуют от меня того, что я не могу им дать. Но если я...

— Ваше величество, — Хьюберт наклонился к нему. — Вы не должны терять надежды. Мы отыщем его, вот увидите.

Джаван покачал головой, и плечи его поникли. Он сделал вид, будто всхлипывает, одновременно изо всех сил пытаясь заставить архиепископа потянуться к нему.

— Конечно, я так и знал, что вы это скажете, — прошептал он. — Вы считаете, что должны утешать меня, но...

В этот момент Хьюберт потянулся, чтобы похлопать Джавана по плечу, и тот поспешил накрыть его

ладонь своей, одновременно через телесный контакт устанавливая ментальную связь.

Хьюберт растерянно заморгал, когда Джаван, вскинув голову, уставился ему прямо в глаза. На розовощеком лице мелькнуло выражение тревоги, но тут же исчезло, как только король свободной рукой коснулся его лба.

— Спасибо, архиепископ, я постараюсь сделать все быстро, — промолвил король, опускаясь на колени у ног Хьюберта, на всякий случай, если сюда вздумает войти отец Сикст. Он взял руки Хьюберта в свои, затем низко склонил голову.

Теперь можно было проникнуть в сознание Хьюберта в поисках воспоминаний, относящихся к брату... и Джаван едва удержался от изумленного возгласа, когда весь этот отвратительный замысел предстал перед ним во всей своей полноте. Авторами его были, разумеется, Полин с Альбертом, но Хьюберт поддерживал их изо всех сил.

Итак, именно они приказали переодетым *Custodes* похитить Райса-Майкла, выдавая себя за людей Анселя. Они же организовали «спасение» принца с помощью других участников заговора — слуг Манфреда, который и отвез раненого принца в Кулди.

И основным смыслом заговора было отнюдь не погубить честное имя Анселя или еще больше разжечь ненависть к Дерини, хотя это было приятным побочным эффектом. Нет, подлинной целью заговорщиков было устроить женитьбу Райса-Майкла с Микаэлой Драммонд. Судя по всему, бывшие регенты действительно намеревались получить юного наследника, которого могли бы контролировать целиком и полностью, если уж это не удается им с Джаваном и Райсом-Майклом. Это был далеко идущий

план, но что им еще оставалось делать, если они не желали ввергнуть королевство в гражданскую войну?

А наивный Райс-Майкл во всем поддался им. Сейчас принц живой и здоровый уже несколько недель пребывал в Кулди, восстанавливая силы, и совершенно не подозревал, что ни одно из его посланий не достигло Ремута, чтобы сообщить королю о том, что брат его находится в безопасности. Возможно, порой он и удивлялся, почему в ответ не получил ни единого слова, однако слишком сильно опасался, что король в своем послании незамедлительно велит ему возвращаться ко двору и оставить Микаэлу, поэтому в конечном итоге Райс-Майкл даже радовался молчанию брата.

Тем более теперь начались снегопады, путешествовать по стране становилось все труднее. И теперь Райсу-Майклу еще проще стало выбросить из головы неприятные мысли и всей душой отдаться предмету своей страсти, в чем его с радостью поддерживал заботливый хозяин Кулди. «Околдован», — именно так писал Альберт о юном принце в своем последнем письме. И он отнюдь не имел в виду магию.

Джаван был потрясен. Разумеется, прежде всего пришла радость от того, что брат оказался в безопасности, но тут же сердце его упало, ибо хотя теперь он и знал всю правду, но ничего не мог с этим поделать, даже если бы и сумел успеть вовремя предотвратить женитьбу... хотя церемония давно могла уже состояться. Итак, налицо было самое отвратительно предательство, и он никоим образом не мог этому помешать. Когда заговорщики решат наконец, что Райсу-Майклу пора объявиться на свет, Манфред с триумфом вернется ко двору и привезет с собой спасенного принца, женатого отныне на своей возлюб-

ленной, которая вернула его к жизни после тяжких испытаний... От такой трогательной истории у любого разорвется сердце. Если Джаван и после этого вздумает протестовать, то будет выглядеть сущим людоедом.

Внезапно снаружи послышались шаги, и Джаван испугался, что это возвращается отец Сикст. Испуганный, король поспешил принять покаянную позу, одновременно торопясь стереть в сознании Хьюберта все воспоминания о происшедшем и поместить в его память совсем иные мысли, — о недолгом разговоре у огня и смущенной исповеди короля о неких «нечистых помыслах» в отношении прелестных юных дам при дворе. Это было лучшее, что он успел придумать за столь короткий срок.

В особенности Хьюберт должен был запомнить, что они говорили о Джулиане Хортнесской, дочери Рана.

Джаван надеялся, что имя это внушит Хьюберту определенные надежды, возможно даже, что советники решатся подождать предпринимать какие-то меры, задавшись целью сперва женить своего короля. Сама мысль эта была Джавану отвратительна, ибо последнее, на что он бы согласился — это соединить свою судьбу с дочерью ненавистного Рана. Однако в такой исповеди не было особого вреда, а определенную пользу это могло ему принести

Он надеялся также успеть поместить в сознание архиепископа более сложные рычаги контроля на будущее, чтобы в другой раз не пришлось дожидаться физического контакта и иметь возможность проникнуть в его сознание, однако шаги приближались слишком быстро, и времени совсем не оставалось... Неужели это и впрямь отец Сикст?

В тот самый миг, когда открылась дверь, он покинул сознание Хьюберта с приказом завершить обряд исповеди и склонил голову над стиснутыми руками, покуда архиепископ произносил положенные слова молитвы.

К своему ужасу, подняв глаза, Джаван увидел перед собой не отца Сикста, а Полина, который решительным шагом ворвался в комнату, и был, судя по всему, столь же удивлен видеть короля, как и тот — его.

— Прошу простить меня, сир, ваша милость, — пробормотал он. — Я и не подозревал...

— Ничего, ничего, — заверил его Хьюберт, подавая Джавану руку, чтобы помочь ему подняться. — Мы с его величеством как раз закончили. Сир, позволяю вам прочитать положенные молитвы в королевской часовне. И по пути туда можете поразмыслить о своих грехах. Однако прегрешение сие не столь уж велико, и легко может перейти в добродетель. Помните об этом.

— Всенепременно, ваша милость, — отозвался Джаван, поклонился архиепископу, а затем Полину. — До свидания, верховный настоятель, — и он поспешил прочь из покоев архиепископа, охваченный запоздалой нервной дрожью. Гискард с Карланом молча последовали за ним, и король обратился к своим спутникам лишь когда они покинули архиепископский дворец.

— Полин появился в самом конце, совершенно некстати, — сообщил он им шепотом, садясь в седло. — Думаю, он ничего не заподозрил, но я едва не попался. Остальное расскажу, когда вернемся в замок. А затем, думаю, нам стоит навестить твоего отца, Гискард.

* * *

Полин, однако был весьма встревожен.

— Чего он хотел? — спросил он, садясь в кресло напротив Хьюберта.

— Отпущения грехов, — невозмутимо отозвался архиепископ, но губы его изогнулись в улыбке. — Похоже, не только брат короля внезапно воспылал интересом к прекрасному полу.

— Джаван? — в изумлении пробормотал Полин.

— Да, вот она вам, хваленая дисциплина *Custodes*, — Хьюберт усмехнулся. — Ясно, что он еще не пал жертвой ее чар, и уступил лишь нечистым мыслям, однако надежда есть. Желаете ли вы узнать, кто объект его воздыханий?

— Не могу даже представить, — отозвался Полин, заинтригованный, и все же во власти сомнений.

— А удивит ли вас имя Джулианы Хортнесской? — промолвил Хьюберт. — Он говорил и о других, однако, похоже, именно темноглазая дочь Рана смущает его сильнее прочих.

— Да, могу в это поверить... поразительное создание. Однако что касается Джавана, то не знаю, терзает ли его и впрямь зов плоти, или же тут замешаны и политические мотивы. — Он пристально взглянул на Хьюберта. — Вы уверены, что он был искренен с вами? Не мог ли он придумать все это нарочно, чтобы посмотреть, как вы отреагируете?

— Вы хотите сказать, что он мог бы ложно исповедоваться и осквернить Святые Дары? — Хьюберт был возмущен. — Только не Джаван. Возможно, он и отрекся от своих обетов, но такого я не могу себе вообразить. Нет, перед нами просто обычный здоровый юноша, который лишь открывает в своей душе

неизведанные страсти. Так он становится настоящим королем. Я возлагаю на него большие надежды, Полин.

* * *

В ту же самую ночь в Кулди, после того как его снисходительный хозяин заверил, что никто не осмелится их побеспокоить, другой обычный здоровый юноша раскинулся на меховых покрывалах, разбросанных на полу перед теплым огнем. На плече его лежала, уютно устроившись, девичья головка.

В полутьме брат короля с трудом мог разглядеть у себя на ноге тонкую красную линию шрама. Мастер Стеванус снял швы неделю назад, и кровоподтек почти прошел. Он и сам удивлялся, насколько быстрым оказалось выздоровление. Словно читая его мысли, прелестная подруга принца прижалась к нему поближе и изящной ручкой легко погладила шрам, а затем поднялась по ноге чуть выше... Он засмеялся, потянулся с наслаждением, а затем перекатился набок, чтобы вновь стиснуть ее в объятиях. Его совершенно не интересовало, что лишь завтра наутро церковь благословит их союз и сделает ее принцессой, ибо истинной невестой ему она стала уже несколько дней назад, и потому в глазах Райса-Майкла они с Микаэлой Драммонд уже были мужем и женой.

Глава 35

Будет он служить великим и являться средь князей; и отправится в дальние страны[1]

На утро, пока Райс-Майкл и его будущая принцесса готовились к обряду бракосочетания, опекун невесты в последний раз пробегал глазами давно написанное письмо, которое теперь ему предстояло отправить. В послании намекалось, что и прежде него были отправлены гонцы с вестями о благополучном спасении принца из рук похитителей и его скором возвращении в Ремут. Однако, на самом деле, поскольку никаких гонцов послано не было, то, разумеется, этих вестей король так и не получил.

«В дополнение к моему письму, отосланному три дня назад,

— писал граф Манфред, по совету лорда Альберта и нескольких его рыцарей, которые инкогнито навестили Кулди после прибытия туда Райса-Майкла, —

продолжаю благодарить Господа, что раны принца оказались не столь уж серьезны. Хотя

---

[1] Мудрость Иисуса 39:4

после пережитых испытаний он очень ослаб, но теперь спокойно поправляется и набирается сил, и все же мой лекарь решил, что лучше ему остаться в Кулди еще на неделю, прежде чем двинуться в путь в Ремут.

Что касается пленников, захваченных при спасении его высочества, – допрос их идет полным ходом с помощью Ситрика, и он подтверждает, что заговорщиками командовал Мак-Рори, которому, к несчастью, удалось от нас ускользнуть. Один из пленников оказался Дерини, но он погиб от ран. Другой покончил с собой, когда Ситрик попытался насильно проникнуть в его сознание. Оставшиеся – обычные люди, но мы стараемся вести допрос осторожно, поскольку еще один из них едва не прибег к самоубийству.

Я лично привезу принца Райса-Майкла в Ремут, как только смогу, и попрошу его, дабы он сам написал вам. Он по-прежнему очень быстро устает, ибо вследствие полученного удара по голове, его все еще преследуют боли, но постепенно проходит и это недомогание.

Учитывая близость Рождества, я намерен вернуться ко двору со всем своим семейством, как только его высочество будет в состоянии отправиться в дорогу, ибо понимаю, сколь не терпится вам самому убедиться, что он здоров и счастлив.

Остаюсь преданным слугой вашего величества,

Манфред Мак-Иннис, граф Кулдский».

Манфред с улыбкой сложил послание, запечатал его и вместе с другим письмом передал рыцарю, стоявшему чуть поодаль.

— Второе письмо нужно отослать лорду Альберту, — сказал он, поднимаясь, чтобы проводить рыцаря к дверям. — Гонец отыщет его в Грекоте, во дворце епископа. Пусть передаст ему привет от меня, а также моему брату, епископу Эдварду, и скажет, что я намерен навестить его в Грекоте после Рождества.

Рыцарь с поклоном удалился, и Манфред с самодовольной улыбкой направился в нижние покои, где супруга его помогала наряжаться невесте принца. Он очень долго ждал этого дня.

* * *

А в Ремуте Полин Рамосский также запечатывал письмо. Однако адресатом было аббатство *Arx Fidei*, а не королевский или епископский дворец.

— Передайте отцу Лиору, чтобы он исполнил все мои указания как можно скорей и с величайшей осторожностью, — велел он рыцарю *Custodes*, вручая ему письмо. — Мы вступаем в самый щекотливый этап наших переговоров. Да пребудет с тобой Бог.

После того, как гонец удалился, Полин вновь в который раз принялся обдумывать свой замысел, надеясь, что нигде не допустил ошибок, однако он был готов к немедленным действиям, если опасения его оправдаются.

* * *

Письмо графа Манфреда Джаван получил, когда ужинал со своими советниками четыре дня спустя, в небольшой столовой рядом с приемным залом. Ког-

да брат его был захвачен в плен, он вновь принялся носить полутраурные серые одежды, а из всех украшений — лишь пояс из серебряных блях, на котором висел меч Халдейнов. На голове красовалась корона в виде обруча с фигурками бегущих львов, и теперь она служила уже не просто символом ранга, но заодно и удерживала в порядке отрастающие волосы, которые иначе падали королю на глаза.

Узнав ливрею слуги, которого ввел в зал стражник, он вскинул руку, призывая к молчанию. На самом деле, Джаван давно уже ожидал письма от Манфреда, ибо прекрасно знал, в чем состоит замысел заговорщиков, однако теперь, читая послание, постарался отреагировать так, как будто все это было для него внове, в глубине души поражаясь ловко задуманной интриге.

С первых же строк Манфред подстраховался, намекая на некое предыдущее письмо, якобы отосланное пару дней назад. Все было сделано настолько ловко, что Джаван едва не рассмеялся вслух и вынужден был прикрыть лицо рукой и издать громкий вздох, в надежде, что слушатели воспримут это за знак облегчения.

— Мой брат в безопасности, — провозгласил он, передавая письмо Таммарону, чтобы тот прочел его вслух. — Судя по всему, было еще одно письмо, которое, увы, затерялось. Лорд Таммарон, прошу вас.

Таммарон зачитал послание вслух, к видимому облегчению и изумлению всех окружающих, а Джаван тем временем пытался осознать, что последует теперь. Разумеется, никаких писем до этого не было — ни от Манфреда, ни от Райса-Майкла. Скорее всего, их никто никогда не посылал. Однако намек на это якобы существовавшее письмо избавлял Ман-

фреда вдаваться в детали «спасения» принца. А если Джаван позже потребует более полного отчета, Манфред всегда может сослаться на то, что прошло уже слишком много времени, и детали стерлись у него из памяти; кроме того, возвращение принца было куда важнее, чем подробности его спасения.

Оставался вопрос с Микаэлой. В письме Манфреда на эту тему не было сказано ни слова, но Джаван не сомневался, что тот всячески поддерживал ее увлеченность принцем... И наверняка подыскал священника, который поженил бы юных любовников без всяких дополнительных церемоний и торжественных оглашений. Если эта парочка еще и не вступила в брак, то, несомненно, это вскоре последует... Наверняка, задолго до того, как Манфред позволит им вернуться в столицу.

«О, Райсем! — воскликнул про себя Джаван — Неужто ты не видишь, как они используют тебя!»

Интересно также упоминание об этих пленниках. Джаван не сомневался: что бы там ни «обнаружил» Ситрик, то это лишь поддержит версию о некоем «заговоре Дерини», ибо именно в этом состояла часть замысла. Конечно, Джаван никого из пленников не увидит живым. Злоумышленники просто не могли допустить ничего подобного, учитывая что Ориэль всегда мог опровергнуть любые их утверждения.

— «...как только его высочество будет в состоянии отправиться в дорогу», — читал Таммарон. — «...Остаюсь преданным слугой вашего величества, Манфред Мак-Иннис, граф...» Но это же прекрасные новости, сир! Спустя столько времени, скажу прямо, я уже начал терять надежду. Однако он жив и здоров, и судя по всему, даже не слишком пострадал.

— Да, — отозвался Джаван негромко. — Интересно будет узнать, что выяснил граф Манфред у плененных похитителей.

Именно этих слов от него и ожидали при таких обстоятельствах. Да это и впрямь будет любопытно... Любопытно увидеть, как они разыграют свою интригу. Однако сейчас Джаван чувствовал, что не в силах больше притворяться ни удивленным, ни осчастливленным.

— Господа, надеюсь, вы простите меня, если я откланяюсь и удалюсь к себе, — продолжил он. — Мне нужно написать в Кулди, чтобы узнать побольше о том, как себя чувствует мой брат и когда ожидать его возвращения. Словами не выразить моих чувств. Однако сейчас я был бы весьма благодарен вам, архиепископ Хьюберт, если бы завтра наутро вы отслужили в соборе благодарственную мессу за спасение моего брата.

На глаза у него навернулись слезы, и он неуверенным шагом двинулся к выходу, однако слезы эти были не столько от облегчения, сколько от злости. Карлан с Этьеном направились следом, однако Гискард задержался ненадолго, якобы для того чтобы обменяться парой слов с лордом Джеровеном, но, на самом деле, дабы оценить реакцию советников после ухода короля.

— Внешне все казались удивленными и обрадованными, — сообщил он полчаса спустя. — Правда, Полин с Хьюбертом не слишком удачно разыгрывали удивление, но ведь мы об этом уже знали, не правда ли?

— Несомненно, — пробормотал Джаван. Сняв корону, он устало опустился в кресло перед камином и взял бокал вина. Волосы его были растрепаны, паль-

цы бездумно поглаживали ободок кубка. — Теперь попробуем предположить, как они поступят дальше.

— Ну, «подтверждение», что именно Дерини похитили принца и пытались использовать его, чтобы надавить на короля, едва ли послужит Дерини на пользу, — заявил Гискард. — Что же касается ближайших событий, то вероятнее всего, через неделю-другую ваш брат вернется в замок с невестой, и едва лишь она забеременеет, — продолжил он резко, — то вероятность несчастного случая со смертельным исходом для кого-то из старших Халдейнов весьма возрастет. — Он оглянулся по сторонам. — А кстати, где мой отец?

— Отправился к Джорему, — вполголоса объяснил Джаван. — Сам я не осмелился после всего, что случилось. Трудно предугадать, кому вздумается навестить меня, едва лишь все успеют оправиться от удивления.

— Да, отдыха нам не дадут, — пробормотал Карлан, качая головой. — Но почему они не могут оставить вас в покое?

— Мой верный Карлан, — потухшим тоном отозвался Джаван. — Они не могут оставить меня в покое, поскольку самым своим существованием я напоминаю им, что никогда не стану послушной игрушкой в их руках. Но с этим ничего не поделаешь. Если Райсем и впрямь женился на Микаэле, придется каким-то образом решать и эту проблему. Однако без борьбы я не сдамся. Как только пыль слегка поуляжется, — скорее всего, к возвращению Райсема, — то я намерен продолжить то, что мы начали до его похищения. Может быть, мне еще удастся принести хоть какую-то пользу. Иначе все скажут, что я был уж совсем никудышным королем.

— Сир, это неправда, — возмущенно возразил Гискард.

— Конечно, нет, — поддержал его Карлан. — Никто из нас не мог бы желать себе лучшего господина, и более отважного.

— Да, но, увы, одной отваги тут недостаточно, — отозвался Джаван. — Устало улыбнувшись, он сделал глубокий глоток из чаши, затем откинулся на спинку кресла и запрокинул голову. — Все было бы иначе, осмелься я высвободить ту силу, коей владею. И уж конечно, все сложилось бы по-другому, если бы я решился призвать ко двору старых союзников. Теперь я точно знаю, что большинство из Дерини, служивших моему отцу, были честными, преданными мужчинами и женщинами... хотя в этом нам никогда не убедить наших врагов. И все же...

Он прикрыл глаза, голос его прервался. И оба рыцаря встревоженно переглянулись. Дерини и обычный человек, их свела вместе любовь и преданность к третьему из присутствующих в этой комнате, в ком воплотились лучшие черты обеих рас. Однако никто не мог сказать, позволят ли враги этому человеку удержать свою корону.

* * *

По крайней мере, один из этих врагов, который оживленно беседовал сейчас с архиепископом, примасом Гвиннеда, был полон решимости не допустить ничего подобного. Полин Рамосский немало рисковал, дабы достичь нынешнего своего положения, а сейчас был готов вновь пойти на риск, если собеседник его на это согласится.

— Я хотел бы кое с кем вас познакомить, — заявил он архиепископу. — Он прибыл вчера вечером, однако я хотел дождаться сегодняшних известий.

Хьюберт сидел в скромно обставленной гостиной, примыкавшей к апартаментам Полина, и попивал горячий сидр со специями. Они пришли сюда вдвоем с настоятелем *Custodes* после ужина во дворце. Еще по пути сюда Хьюберт заметил, что спутник его необычайно взволнован, и сейчас он горящим взором пронзал лицо собеседника.

— Да что с вами такое? — пробормотал Хьюберт, попивая сидр. — С кем вы хотите меня познакомить?

Вместо ответа Полин подошел к двери, что вела в его спальню, и распахнул ее. Там уже ожидал отец Лиор, а рядом с ним мужчина средних лет с седеющими коротко остриженными волосами и золотой серьгой в ухе. Аккуратно подстриженная бородка и усы обрамляли чувственный рот. Под простой черной накидкой с капюшоном на нем была туника, похожая на одеяния клириков, однако без нарамника или плетеного вервия, отличавшего монахов *Custodes*.

— С отцом Лиором вы знакомы, — заявил Полин, когда эти двое вошли в комнату, и Лиор склонился поцеловать перстень Хьюберта. — Однако вы не встречались с мастером Димитрием.

Мужчина при этих словах поднял голову, и взгляд его черных глаз устремился на Хьюберта. Тот возмущенно вскрикнув, отстранился, не сводя с Димитрия глаз, но тот изящным движением опустился на колени у ног Хьюберта и коснулся лбом пола. Выпрямившись, он сел на пятки и сложил руки на коленях, не сводя с Хьюберта горящего взора.

— Впервые у меня возникло подозрение, когда на той неделе я зашел к вам и обнаружил короля, держащего вас за руки, — заметил Полин, присаживаясь в кресло рядом с Хьюбертом. — Что-то в этом показалось мне странным. Я знаю, что вы как раз давали ему отпущение грехов после исповеди, — поспешил он сказать, заметив, что Хьюберт намерен возразить. — Но потом, когда вы поведали мне о его признаниях, я подумал, что звучит все это как-то фальшиво.

— И что вы предлагаете? — спросил Хьюберт, не в силах отвести глаз от Димитрия.

— К этому я и веду. Джаван всячески старался не уделять внимания никому из юных красоток при дворе. Конечно, вполне возможно, что все это время он питал в отношении кого-то из них романтические устремления. В конце концов, он ведь самый обычный юноша... Однако учитывая, что между вами отношения значительно усложнились после его возвращения в столицу, мне показалось странным, что с этим он обратился именно к вам. И еще более удивительна его внезапная страсть к Джулиане Хортнесской, отца которой он презирает до глубины души. Даже если бы сия юная леди и впрямь внушила ему любовное томление, и он не мог бы устоять перед соблазном исповедаться в этом, то мог бы обратиться к множеству других священников, не упоминая имени дамы. В конце концов, на исповеди это совершенно не обязательно.

— И все же он мне ее назвал.

— Да, я знаю, что вы в это верите, — небрежно отозвался Полин, не сводя глаз с Димитрия, который по-прежнему сидел не шелохнувшись. — Однако не могу даже вообразить себе, каким образом ему удалось убедить вас в этом. Однако вполне готов до-

пустить, что дело здесь нечисто... Однако кто способен внушить подобную мысль другому? Конечно, Дерини. Первым делом на ум приходит мастер Ориэль, но, полагаю, что это очень маловероятно, хотя бы потому что слишком очевидно. И, кроме того, в последнее время за всеми его действиями мы тщательно наблюдаем. Таким образом, у нас остается лишь несколько вероятностей. Возможно, у короля на службе есть еще кто-то из Дерини. Или же сам король неким странным образом обрел способность изменять ваши воспоминания.

— Это невозможно, — прошептал Хьюберт, оторвав наконец взор от Димитрия и в ужасе и в изумлении уставившись на Полина. — Он обычный человек. Я это точно знаю.

— В самом деле? — мягко переспросил Полин. — А ведь говорят, что отец его обладал магией, способной противостоять самому королю Имре, кроме того, ударом молнии он испепелил Дерини-михайлинца по имени отец Хамфри, который отравил соль при крещении первенца Синхила. Вы вообще-то знали, что перед Алроем и Джаваном у короля был еще один сын?

Хьюберт покачал головой.

— Я так и думал, — продолжил Полин. — Насчет их битвы с Имре у меня нет точных сведений. Однако я получил доступ к официальным записям архиепископа Энскома, где регистрировались все крещения и смерти. Именно Энском крестил маленького принца, а затем дал ему последнее причастие. Что любопытно, следующей записью идет некий Хамфри Галаро, священник ордена святого Михаила, который также получил последнее причастие в этот самый день. Полагаю, это вполне подтверждает исто-

рию, которую я слышал, что Синхил с помощью магии уничтожил человека, погубившего его сына.

— Господи Иисусе, — помолчав, выдавил Хьюберт. — Но даже если это и правда, почему вы думаете, что сыновья его могли унаследовать эту магию? Алрой уж точно не обладал подобной силой, а Джаван наверняка давно использовал бы ее, если бы мог.

— А откуда нам знать, что он этого не сделал? — невозмутимо парировал Полин. — Именно поэтому я и попросил мастера Димитрия присоединиться к нам сегодня. Это не означает, что я подозреваю Джавана во владении высшей магией, унаследованной от отца, добавил он, заметив перепуганный взгляд Хьюберта. — Но думаю, что, возможно, он владеет некими более тонкими приемами. Из троих принцев, по-моему, именно он более всего подвергался влиянию Дерини. Вспомните, Хьюберт, ведь Целитель Тавис О'Нилл был его постоянным спутником многие годы, покуда не бежал из столицы.

— Это голословные утверждения, — начал Хьюберт. — Не мог же он...

— А что если он способен использовать чары истины? — продолжал настаивать Полин. — Что если он может силой заставить людей говорить ему правду? Тавис вполне мог обучить его чему-то подобному. Может быть, он даже умеет заставлять людей забывать о случившемся, после того как подчинил их своей воле. О чем, как вы думаете, вы с Джаваном говорили до того, как он исповедовался в терзающих его плотских страстях к девице, которую до сих пор старательно избегал. Вы можете вспомнить? Какие вопросы он мог задать о том, что вам в действительности известно насчет похищения Райса-Майкла.

По мере того, как Полин громоздил свои обвинения, глаза Хьюберта буквально вылезали из орбит, и он все сильнее стискивал свои пухлые ручки. Когда Полин закончил, голубые глаза архиепископа были полны искреннего ужаса.

— Боже правый, но как такое возможно? — выдохнул он. — Разве...

Голос его пресекся, ибо в этот миг он вновь встретился взором с Димитрием и не смог отвести взгляда. Теперь он понял, к чему вел Полин. Со слабой улыбкой Димитрий привстал и положил руки ладонями вверх Хьюберту на коленях, и приглашающе взглянул на архиепископа.

— Есть ли в этом для вас что-либо знакомое, Хьюберт? — прошептал Полин ему на ухо. — Что на самом деле творил Джаван, когда я вошел к вам в тот вечер, и как часто он делал это раньше? Может быть, именно поэтому вы поверили ему много лет назад, когда он заявил, будто чувствует в себе призвание к религиозной жизни и пожелал отправиться в аббатство. Я всегда поражался, как легко ему удалось обмануть вас. Обычно вы далеко не столь доверчивы.

— Все было совсем не так, — возразил Хьюберт. — Это невозможно. Я наверняка догадался бы.

— Думаю, мастер Димитрий все покажет нам в действительности, — заявил Полин. — Это единственный способ выяснить наверняка. Вам достаточно лишь коснуться его ладоней.

Сердце Хьюберта колотилось, страх сковывал его. Но, постепенно, гнев вытеснил все опасения, — гнев, что, возможно, Джаван и впрямь использовал его. Он явственно помнил исповедь короля. Но если на самом деле этого никогда не было...

Весь дрожа, он заставил себя опустить стиснутые кулаки на колени, не сводя взгляда с ладоней Димитрия. Затем, глубоко вздохнув, он с трудом разжал руки и коснулся ладоней Дерини.

И ничего не произошло. Контакт длился уже несколько секунд, и Хьюберт не верил собственным глазам. Спустя полдюжины ударов сердца, он выдохнул наконец с облегчением. И когда он вновь медленно вздохнул, Димитрий бросил небрежный взгляд на их соединенные руки, а затем легко провел большими пальцами по запястьям Хьюберта.

— Я не причиню вам боли, — произнес он мягко, впервые за все это время подав голос.

У него был легкий восточный акцент, впрочем, довольно приятный, а во взгляде таились неизведанные глубины, от которых Хьюберт, как ни силился, не мог отвести взора, стремясь погрузиться в их блаженную пустоту.

— Расслабьтесь, милорд, — попросил его Дерини, и Хьюберт ощутил, как в сознании его появляется неожиданная легкость. — Не стоит чинить мне ненужных преград, просто расслабьтесь...

В следующее мгновение Хьюберт дернулся в кресле, внезапно пробудившись, и с изумлением обнаружил бородатого незнакомца, стоявшего перед ним на коленях с молитвенно сложенными руками. Полин сидел рядом в кресле, а отец Лиор стоял у очага за спиной незнакомца. Все они смотрели на него выжидающе.

— Помните ли вы хоть что-то, что произошло за последние полчаса? — негромко спросил его Полин.

Хьюберт рывком повернулся к верховному настоятелю *Custodes*.

— О чем вы? — спросил он. — И кто этот человек?

Вместо ответа Полин кивнул бородачу, который легко коснулся руки Хьюберта кончиками пальцев. Наплыв воспоминаний был столь ошеломляюще внезапным, что архиепископ подавился криком. С изумлением уставился он сперва на мастера Димитрия, а затем на Полина.

— Так значит, Джаван и впрямь влез в мое сознание, — прошептал он. — Как же я мог ничего не заподозрить?

— Вашей милости повезло, что у Халдейна не было времени завершить то, что он начал на прошлой неделе, — промолвил Димитрий и отошел к очагу и встал рядом с Лиором. — Не могу сказать наверняка, что именно его интересовало, ибо он не оставил никаких следов, однако уверен, что никакой исповеди не было и в помине.

— Но я ведь помню...

— Только потому, что он сам вложил вам в память эти мысли, — возразил Димитрий. — Не знаю точно, как ему это удалось, но, полагаю, ваша милость может не сомневаться, что ему известно по меньшей мере то, что похищение его брата было ненастоящим... равно как и причины этого похищения. Скорее всего, он знает, что в этом участвовали вы и милорд Полин... хотя и не осмелится обвинить вас напрямую, чтобы не выдать источника своих сведений. Если бы милорд Полин не помешал ему в тот раз, он вполне мог бы скрыть все следы своего вмешательства.

— А он... делал это прежде? — осмелился спросить Хьюберт. — Неужели именно так он внушил мне, что испытывает истинное религиозное призвание?

Димитрий многозначительно пожал плечами.

— Не могу сказать наверняка. Он слишком юн, чтобы владеть подобными силами, даже будь он Дерини по рождению. А в ту пору он был еще моложе. Если он каким-то образом и касался ваших мыслей, то наверняка проделывал это крайне осторожно. Вот на прошлой неделе это был очень смелый шаг... хотя и блестяще исполненный. Будь у него хоть чуть-чуть больше времени, боюсь, я не сумел бы ничего обнаружить.

— Невероятно, — выдохнул Хьюберт. — Не могу поверить, что Джаван на это способен. Вы точно знаете, что мастер Ориэль тут ни при чем? Я ведь порой прибегал к его услугам. Может быть, это он сделал это?

— Мастер Ориэль... Целитель, не так ли? Думаю, что нет. Вы бы не позволили прикоснуться к вам без свидетелей. В таких условиях ему было бы очень трудно сделать нечто подобное. Нет, на той неделе именно король читал ваши мысли, можете в этом не сомневаться.

— Так, выходит, он Дерини?

— Нет, но в чем-то похож на них и столь же опасен, если вы его не остановите.

Слова эти повисли в воздухе. Ни Хьюберт, ни Лиор не осмеливались даже вздохнуть, пока Полин, наконец, невозмутимо не поднялся с места и не подал им знак.

— Отец Лиор, вы с мастером Димитрием можете удалиться. Пожалуйста, оставайтесь в своих покоях. Я пока предпочел бы, чтобы никто в Ремуте не знал о том, что вы здесь.

Когда эти двое исчезли, Полин одной рукой оперся на каминную полку и через плечо обернулся на Хьюберта.

— И что же теперь? — вопросил он вполголоса. — Или утро вечера мудренее? Не могу сказать, что сейчас нам угрожает большая опасность, чем прежде. Мы просто стали лучше осведомлены. Король не подозревает, что нам все известно... но если бы и так, он не осмелится ничего сделать, опасаясь выдать себя. Однако любопытно было бы посмотреть, как далеко он способен зайти. В особенности теперь, когда ему не удалось предотвратить женитьбу брата.

— Да, но мы тоже не решимся предпринять ничего серьезного, покуда не появится новый наследник, — пробормотал Хьюберт. — Мне страшно даже подумать, что могло бы произойти, если бы кто-то из ваших людей ударил принца слишком сильно, или лучник выстрелил бы мимо цели.

— Ну, теперь уже об этом волноваться нечего, — возразил Полин. — Все, что нам остается — это поддерживать статус кво, покуда Микаэла не разродится... Надеюсь, это произойдет уже к концу лета, если наш принц постарался на славу.

— Поддерживать статус кво, — хмыкнув, повторил Хьюберт. — А что, если король вздумает провести расследование относительно похищения брата?

— Ну, подбросим ему пару трупов в подтверждение нашей версии происшедшего, — невозмутимо отозвался Полин. — Все мертвецы похожи друг на друга, когда пару недель пролежат под снегом.

— Но разве Дерини не способны читать воспоминания умерших? — спросил Хьюберт. — Что, если он заставит Ориэля осмотреть трупы?

— Мастер Димитрий уверяет, что по прошествии такого времени это невозможно, — заверил его Полин. — Кроме того, всех тех, кто участвовал в похищении, я отослал подальше из столицы на ближай-

шие несколько месяцев. Кроме нас самих, никто не сможет сложить все части головоломки.

— А что, если он доберется до нас? — воскликнул Хьюберт. — Даже если он лично и не осмелится, то Ориэль может заставить нас сказать правду.

— Тогда нужно позаботиться о том, чтобы устранить Ориэля, — промолвил Полин. — А что касается короля... мы в полной безопасности, покуда не останемся с ним наедине без свидетелей. Чтобы коснуться сознания, ему необходимо сперва дотронуться до нас физически, а кроме того, я попрошу о помощи мастера Димитрия. Имейте терпение, Хьюберт. Ближайшие пара недель и месяцев обещают быть весьма интересными.

Глава 36

Брак у всех да будет честен и ложе непорочно[1]

Сам Джаван едва ли счел бы определение «интересные» применимым к событиям последующих дней. Наутро, прежде чем отправиться вместе со свитой в собор на благодарственный молебен, он отослал сэра Роберта с письмами в Кулди, которые написал накануне ночью. Там было встревоженное послание к брату, где он просил Райса-Майкла побольше сообщить о своем самочувствии, и более суровое письмо к Манфреду, с жалобами на то, что король не получал никаких предыдущих посланий, и с требованием подробностей о пленниках и о спасении принца.

Ближе к вечеру он встретился со своими сановниками. Удаут не скрывал возмущения, что Ансель до сих пор на свободе. Хьюберт спрашивал, не следует ли отправить в Кулди мастера Ориэля, чтобы своим искусством он мог помочь принцу... и Джаван немедленно забеспокоился, не оказались ли ранения брата куда более серьезными, чем ему сообщили. Он был бы рад сам немедленно отправиться на север к Манфреду, чтобы встретиться с ним хотя бы на полпути, однако Таммарон резонно возразил, что по-

---

[1] Евреям 13:4

скольку Ансель со своими приспешниками до сих пор на свободе, то король может подвергнуть себя ненужной опасности.

Совет этот звучал вполне здраво, если бы только Ансель и впрямь был повинен в похищении Райса-Майкла. Однако судя по всему, Таммарон искренне верил в это, а значит, не был причастен к заговору. Но если бы король пренебрег его советом и все равно уехал из столицы, все сочли бы его неразумным юнцом, слишком склонным к риску. Это было бы глупо, и кроме того, в последние дни погода значительно ухудшилась, поэтому Джаван заставил себя смириться и ждать, хотя всякая отсрочка приводила его в бешенство и он не стеснялся сообщить об этом совету. Теперь письма приходили почти ежедневно: от Манфреда, от Томейса с Робером, от лорда Энсли и даже несколько коротких посланий от самого Райса-Майкла... Все они уверяли короля, что брат его цел и невредим, и понемногу поправляется. Подобно Манфреду, принц упоминал о каких-то предыдущих, не дошедших до Ремута письмах. И наконец, спустя неделю они получили известие, что лорд Манфред готов двинуться в путь со дня на день.

Это последнее послание доставили рыцари *Custodes*, которые вместе с людьми графа Манфреда участвовали в спасении принца. Они привезли также пять трупов предполагаемых похитителей, которые скончались от ран либо под пытками. В сопровождавшем их письме лорд Альберт сожалел, что сумел извлечь слишком мало сведений, помимо того, что все эти люди были на службе у Анселя, но уверял короля, что они с Раном удвоят усилия, чтобы отыскать преступников.

Разумеется, мертвецов никто при дворе не сумел опознать... Впрочем, Джаван в этом и не сомневался. Полин велел выложить трупы на всеобщее обозрение во дворе замка, и все придворные, стражники и прислуга должны были взглянуть на них с целью опознания, но ни одно лицо не показалось им знакомым. Ориэль также вышел взглянуть на мертвецов, и попытался с помощью магии выяснить хоть что-то помимо того, что было им уже известно, однако они с Джаваном заранее знали, что все эти усилия окажутся тщетны.

Впрочем, на этом дело не кончилось. На следующее утро, невзирая на отвращение, которое Джаван питал к подобным мерам, коннетабль Удаут повелел, чтобы трупы были обезглавлены и четвертованы. Это было обычным наказанием для предателей, служащим скорее для устрашения оставшихся в живых. К полудню изувеченные тела развезут по всем главным городам Гвиннеда, где они будут выставлены для обозрения на перекрестках дорог и над городскими воротами в знак предупреждения всем Дерини, буде те вздумают замышлять против короны Гвиннеда.

То что, на самом деле, Дерини среди них не было, теперь уже никогда не удастся доказать. К тому же не было и уверенности, что именно эти люди, вообще, были замешаны в похищении. Ориэль, когда осматривал трупы, заметил на руках у них мозоли, скорее присущие крестьянам, нежели воинам.

— Увы, меня бы не удивило, что это какие-то совершенно невинные люди, которых убили специально для того, чтобы предъявить нам мертвых заговорщиков, — сказал он позже королю. — Но, разумеется, я не в силах этого доказать.

Тем не менее, по закону, Джаван обязан был присутствовать при обезглавливании, хотя он все же извинился и ушел, не дождавшись конца казни. Это отвратительное действо вызывало в его памяти события многолетней давности, когда таким же образом обошлись с телом Дэвина, брата Анселя. Это произошло еще при правлении регентов, а позднее Джаван вынужден был еще не раз взирать на то, как подобным же образом казнят и живых людей. При одной мысли об этом все внутри у него переворачивалось. По счастью, никто не требовал, чтобы Джаван оставался на экзекуции до самого конца, и все же мысль о происшедшем отравила ему все следующие дни, покуда, наконец, не пришла весть о том, что свита графа Манфреда находится уже в одном дне пути от замка и прибудет в Ремут на следующий день.

Джаван решил, что не поедет им навстречу. Начался снегопад, Манфред вез с собой большую свиту, и если прибавить к ним еще короля с должным эскортом, то на въезде в город произойдет невероятная сумятица. Кроме того, короля смущала мысль о встрече с Микаэлой. Он гадал, каким образом брат намерен известить его о своей женитьбе.

К полудню следующего дня прискакал гонец с сообщением, что гости приближаются. Джаван собрал весь двор на ступенях дворца, чтобы там ждать их прибытия.

Он постарался выйти при полном параде, чтобы произвести должное впечатление на брата, равно как и на советников. На нем была алая мантия Халдейнов, отороченная чернобуркой, под ней — алая туника, на груди украшенная вышитым золотом Халдейнским львом, а на поясе красовался Державный

Меч. Шапочка из такой же ткани поддерживала золотую корону, украшенную ограненными рубинами, — это был уже не простенький обруч с бегущими львами, хотя и не Державная Корона. Официальный символ, пусть и не самый торжественный... Райс-Майкл не должен был усомниться, кому на деле принадлежит власть.

И вот наконец на мощеной дороге, ведущей к замку, показалась торжественная кавалькада. Впереди выступали тридцать рыцарей *Custodes*, которых возглавлял Альберт. За ними несколько дюжин стражников графа Манфреда, а следом сэр Робер с сэром Томейсом и, наконец, Манфред и принц верхом на прекрасном белом скакуне. Далее в каретах следовали женщины семейства Манфреда и еще не меньше двух десятков конных стражей в одеждах Рана Хортнесского.

При подъезде к воротам замка рыцари *Custodes* разделились надвое, образовав почетный караул, дабы первыми внутрь въехал Манфред со своими людьми. Райс-Майкл выглядел бледным, слегка напряженным, однако в седле держался уверенно. Снег слегка припорошил его черные волосы и теплый синий плащ, отороченный серым беличьим мехом.

С широкой улыбкой король приветственно вскинул руку в перчатке, едва лишь завидел брата, а затем, подобрав мантию, спустился вниз по ступеням.

— Брат! Ну наконец-то, — воскликнул он, когда Манфред с принцем натянули поводья у подножия лестницы.

— Джаван!

Райс-Майкл спрыгнул на землю и бросился навстречу Джавану, уткнувшись тому в плечо.

— Господи, Райсем, я уж думал, что никогда тебя не увижу, — прошептал Джаван. — С тобой все в порядке? Ты не слишком пострадал? Мне никто толком не сказал ничего о твоих ранах.

Райс-Майкл с натянутой улыбкой покачал головой и заговорил с видимым облегчением:

— Я не хотел тебя пугать. На самом деле, все обошлось не так уж скверно, только один шрам прибавился на ноге. — Он махнул рукой. — Кроме того, говорят, похитители едва не перерезали мне горло, когда поняли, что я могу от них ускользнуть. Еще получил удар по затылку, и меня до сих пор преследуют головные боли... Но теперь я почти оправился. Боюсь, это была ужасная глупость — позволить себя похитить таким образом.

Джаван усмехнулся.

— Если бы я решил, что тебе понравилось это приключение, то своими руками задушил бы тебя. Но это ведь не твоя вина.

— Ну, по крайней мере, кончилось все не так уж плохо, — с широкой улыбкой отозвался Райс-Майкл. — После того как люди графа Манфреда спасли меня, я думал, что умер и отправился на небеса. — Внезапно он опустил глаза и отвернулся от брата. — Подожди минутку, я должен кое-что тебе сказать.

Джаван уже догадывался, что сейчас последует. Райс-Майкл быстро бросился назад, к спешивающимся всадникам, как раз в тот миг, когда Джаван заметил Манфреда, помогавшего сойти на землю хрупкой фигурке в синем плаще.

Король со вздохом поднялся обратно по ступеням и встал рядом с Карланом и Гискардом, тогда как Райс-Майкл подвел свою спутницу ближе. Капюшон затенял ее лицо, так что он не мог толком раз-

глядеть девушку, но Джаван не сомневался, что перед ним Микаэла. Хьюберт с Оррисом в парадных одеяниях и митрах выступили вперед, дабы приветствовать принца, а чуть позади за ними держался Полин, словно огромная хищная черная птица. Джаван почти физически ощущал их торжество.

Король приготовился приветствовать брата со всей должной церемонностью. Перед тем как пара начала подниматься по лестнице, Райс-Майкл остановился и сбросил капюшон с головы своей избранницы. Теперь роскошные рыжевато-каштановые волосы Микаэлы украшал белоснежный плат замужней женщины, украшенный золотистым обручем. Строгий головной убор должен был, вероятно, подчеркнуть ее взрослость, но, на самом деле, от этого лишь заметнее становилась россыпь веснушек на щеках и испуганный взгляд почти детских голубых глаз.

— Надеюсь, ты не будешь сердиться, брат, — объявил Райс-Майкл, глядя Джавану прямо в лицо. — Микаэла выходила меня во время болезни, и мы осознали, что любовь наша слишком сильна. Я взял ее в жены, Джаван, и мы просим тебя дать нам благословение.

При этих словах они с Микаэлой опустились на колени на нижней ступени и склонили голову в ожидании монаршего гнева. Джаван прекрасно осознавал, что именно этого они и заслуживают, но понимал также, что сейчас любое недовольство с его стороны и друзья, и враги воспримут просто как признак ревности. Кроме того, сделанного было уже не вернуть.

— Ну конечно, я благословляю вас, — произнес он негромко и, сойдя по ступеням, коснулся их склоненных голов, а затем помог им подняться. — Мика-

эла, приветствую тебя как сестру и надеюсь, что в нашей семье ты обретешь подлинное счастье.

Он по-братски поцеловал ее в обе щеки, а затем обернулся к принцу.

— Поздравляю тебя, Райсем, — промолвил он, понизив голос до шепота. — Позже мы еще поговорим об этом. Но я надеюсь, ты понимаешь, что изначально я противился не самому вашему браку, а лишь надеялся отложить его.

С этими словами Джаван взял за руки брата и Микаэлу и вместе с ними обернулся к Хьюберту.

— Милорд архиепископ, брат сообщил мне, что они с леди Микаэлой вступили в брак. Дадите ли вы им свое благословение? Нам также надлежит отслужить благодарственный молебен, дабы супруга брата официально была призвана в своем новом ранге.

Он отступил на шаг и поклонился Хьюберту, тогда как юная чета преклонила колена для благословения, после чего все придворные разразились приветственными криками и аплодисментами. Джаван с трудом удерживал на лице выражение братской любви и одобрения, и все же он справился с этим... и смог расслабиться, лишь когда час спустя оказался наконец в своих покоях.

— Конечно, я знал, что эта свадьба неминуемо состоится, — сказал он Гискарду, когда смог наконец взять себя в руки. — И все же оказалось, что я, на самом деле, не готов. Даже не знаю, на кого мне было тяжелее взглянуть — на Манфреда или на Рана. Они были так невыносимо самодовольны. Хочется верить, что Райсем сознательно не участвовал в этом заговоре, и все же меня терзают сомнения. Необходимо выяснить, как много ему на самом деле известно о том, что произошло. Чуть позже вечером, когда

пиршество будет в самом разгаре, проведи Ориэля в Малый зал. Я сумею завлечь туда Райсема на пару минут.

Он сумел привести свой замысел в исполнение, пока менестрели развлекали придворных мадригалами в честь молодоженов. Никого не удивило, что Райс-Майкл изрядно налегал на вино во время пиршества, и было вполне уместно, что в какой-то момент он пожелал ненадолго удалиться. Вскоре после этого Джулиана Хортнесская подошла поболтать с Микаэлой, и Джаван решил, что также может наконец ускользнуть.

Выждав пару минут, он вышел из зала вместе с Карланом. Там они дождались, пока принц вернулся из уборной, поплотнее запахиваясь в плащ, чтобы защититься от холода.

— Райсем, нам нужно пару минут поговорить наедине. — И Джаван, взяв брата под руку, повел его к дверям. — Обещаю, это ненадолго. Однако либо ты пойдешь со мной сейчас, либо позже вечером тебе придется покинуть молодую жену. Выбирай сам.

Райс-Майкл, закатив глаза, повиновался.

— Я и не рассчитывал, что легко отделаюсь, — весело заявил он.

Он слегка покачнулся, не устояв на ногах при входе в комнату, и с удивлением обернулся на Карлана, запиравшего за ними дверь. Гискард с Ориэлем уже ожидали около камина.

— Прежде всего я бы хотел лично осмотреть твои ранения, — заявил Джаван, ухватив брата за руку, ибо Райс-Майкл, вмиг протрезвев, попытался отпрянуть. — Пожалуйста, расскажи мастеру Ориэлю обо всем, что ты помнишь.

— Боже правый, неужто ты думаешь, я все это подстроил, — возмутился принц, когда Джаван усадил его на стул перед Целителем. — Я же говорю, меня несколько раз ударили по голове. И еще остался шрам на ноге над коленом. Ой, больно, — вскрикнул он, когда Ориэль запустил пальцы ему в волосы, а Гискард нагнулся, чтобы снять ботинок и закатать штаны. — Это все просто смешно.

— Так. Я ощущаю два удара в районе затылка, — пробормотал Ориэль, ощупывая голову принца. — Одна шишка почти зажила, скорее всего, именно это было виной головных болей, о которых вы упоминали. Но они скоро должны пройти. Другой удар... — пальцы его сместились к правому виску принца, а затем он начал осматривать поджившую рану у него на шее.

— Вторая царапина тревоги не вызывает, но откуда она взялась? — спросил он. — Она совсем рядом с сонной артерией.

Райс-Майкл поморщился от прикосновения Целителя, а затем распрямил ногу, чтобы помочь Гискарду добраться до шрама.

— Ну... может, все было куда хуже, чем они мне сказали, — пробормотал он. — Когда меня спасли, я ехал на лошади вместе с одним из похитителей, у меня на глазах была повязка, а руки связаны. Тот человек, который меня держал, хотел перерезать мне горло. Лекарь графа Манфреда заявил, что ему это почти удалось.

— Да, похоже, — пробормотал Ориэль, прижав к ране пальцы. — Вы потеряли много крови. А теперь расслабьтесь, и я довершу исцеление.

— Нет, не надо, все в порядке... — начал принц испуганно, но Джаван уже перехватил его запястье и

мысленно велел Ориэлю сделать все необходимое. Целитель прижал особые точки на горле пациента, затем положил ладонь ему на лоб. Совместными усилиями им удалось преодолеть защиты принца, чтобы Ориэль сумел провести исцеление. Теперь он принялся осматривать шрам на ноге, тогда как Райс-Майкл постепенно начал возвращаться в сознание. Гискард стал у принца за спиной, придерживая его за плечи.

— А вот это и впрямь любопытно, — заявил Целитель, прикасаясь к красным точкам, где были наложены швы. — Не было никакой нужды зашивать эту рану. Надрез был совсем неглубоким. Кровоподтек большой, это верно, но он почти рассосался, и все же странно, как такой порез мог причинить сильные страдания. — Он взглянул на Райса-Майкла. — Что именно они сказали вам насчет этой раны, ваше высочество?

Райс-Майкл глубоко вздохнул.

— О чем это вы? Хотите сказать, я не был по-настоящему ранен? Уверяю вас, все было вполне реально.

— Никто не утверждает ничего подобного, — возразил Джаван, пристально глядя на брата. — Однако мы считаем, что все эти раны были нанесены тебе преднамеренно. И это точно такая же подделка, как и твое похищение.

Принц застыл, затем изумленно уставился на брата.

— Как можно? — прошептал он. — Кто бы осмелился? Конечно, похищение было настоящим.

Ни словом не обмолвившись о том, откуда получил эти сведения, Джаван вкратце рассказал брату об участии *Custodes* в похищении, и о том, как все это

было подстроено для того, чтобы с одной стороны, очернить Анселя Мак-Рори, а с другой стороны, свести Райс-Майкла с Микаэлой.

— И ведь это сработало, верно? — закончил он. — Когда тебя «спасли», ты ни на миг не заподозрил неладного... Впрочем, полагаю, тебе этого не слишком и хотелось. Ты мне даже не написал, чтобы сообщить, что с тобой все в порядке. Я лишь получил письмо от Манфреда, где упоминалось о некоем недошедшем послании.

— Но я написал, как только смог держать в руках перо! — изумленно возразил Райс-Майкл. — И Манфред утверждал, что тоже выслал гонца. Я ничего не сказал о Микаэле, потому что хотел обо всем сообщить тебе лично, но отправил, наверное, не меньше полудюжины писем.

— Так вот, мы ни одного не получили, вплоть до первого письма Манфреда. — Теперь Джаван точно знал, что брат говорит ему правду. — Надеюсь, это наведет тебя на некоторые размышления. Но сейчас нам не до этого. Что сделано, то сделано, и ничего не изменишь. Однако теперь встает важный вопрос: как ты намерен поступить с Микаэлой?

— Что ты имеешь в виду? — испугался Райс-Майкл.

Жестом велев Ориэлю с Гискардом отойти подальше, Джаван присел на корточки перед братом и положил руку ему на колено.

— Вспомни, почему изначально я так возражал против твоей женитьбы, Райсем, — прошептал он. — И особенно сейчас, когда появление нового наследника Халдейнов может подтолкнуть моих врагов к решительным мерам. Ты ведь спишь с ней?

— Ну конечно, я с ней сплю. Мы женаты всего две недели.

— А не думаешь ли ты, что неплохо бы на время воздержаться от этого, пока мы не приведем все дела в порядок? — терпеливо продолжил Джаван.

Райс-Майкл, судя по всему, хотел ответить какой-то дерзостью, но тут же осекся и опустил голову, внимательно разглядывая свои руки.

— Неужто ты и впрямь думаешь, что сановники пойдут на такое? — прошептал он.

— А ты взвесь все как следует, и сам ответь мне на этот вопрос.

Повисло напряженное молчание, и наконец Райс-Майкл поморщился.

— Я должен подумать, — пробормотал он. — Сейчас я в смятении. Слишком много выпил, и мысли разбегаются. Нам нужно возвращаться в зал.

Кивнув, Джаван поднялся на ноги.

— Согласен, и все же подумай хорошенько. Я пытаюсь защитить тебя, защитить нас всех. Но не верь никому, пока сам не убедишься, что тебе говорят правду.

Он надеялся, что Райс-Майкл уловит тайный смысл его слов и осознает в себе способность использовать чары истины, которыми наверняка должен был овладеть вместе с появлением ментальных защит. Но сейчас им и впрямь пора было возвращаться на пиршество, пока братьев не хватились придворные.

— Ну что ж, пойдем. — Он предложил брату руку. — Пусть все видят, что мы просто выходили проветриться и немного поболтать. Гискард, проводи мастера Ориэля в его покои. Спасибо тебе, Ориэль. Карлан, сделаем вид, что мы просто слишком много

выпили и решили чуть-чуть пройтись. Райсем, ты как?

И братья вернулись в парадный зал, весело смеясь над какими-то шутками, обнимая друг друга за плечи, делая вид, будто слишком много выпили и не могли удерживать равновесие. Менестрели уже закончили петь, и их сменили жонглеры, а Микаэла приветствовала братьев поцелуями и усадила рядом с собой.

Джаван даже сделал вид, будто смущен и слегка польщен, когда Джулиана Хортнесская храбро спросила, не пригласит ли король ее на следующий танец. Архиепископы Хьюберт и Оррис сидели по левую руку от Джавана, и последний тут же предложил королю еще вина. Рядом с Райсом-Майклом и его молодой женой восседал сияющий Манфред, наслаждаясь заслуженным местом за королевским столом.

Судя по всему, короткая отлучка короля и его брата ни у кого не вызвала подозрений, особенно учитывая, что оба они вернулись в таком веселом настроении.

Наконец, принесли последнюю перемену блюд — крохотные пирожки с ягодами и орехами, а также ароматные сыры на тонких ломтиках хлеба, и Джаван понемногу заставил себя расслабиться. Чуть позже, когда начались танцы, он по очереди приглашал жену брата и нескольких придворных дам, включая темноглазую Джулиану.

И лишь позднее, во время короткой передышки между танцами, ленивым взглядом обводя придворных, он заметил человека, которого меньше всего думал здесь увидеть. Впрочем, если вдуматься, то этого следовало ожидать.

Этого невысокого человечка с изрытым оспинами лицом, который сейчас подливал вина Рану Хортнесскому, он не видел с самого дня коронации, однако немедленно узнал его.

Ран привез ко двору своего Дерини Ситрика, а это означало, что отныне Джавану следовало быть вдвойне осторожным.

Глава 37

Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей... потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем[1]

Возвращение Ситрика насторожило Джавана, хотя в последующие дни и недели он почти не видел Дерини, и, разумеется, не стал ни о чем спрашивать у Рана. Всех своих приближенных он предупредил, дабы они были особенно осторожны, даже тех, кто понятия не имел о тайных силах, которыми владел король. Всем им он велел никогда не покидать свои покои без сопровождающих, ибо в присутствии свидетелей Ситрик едва ли решился бы вступить с кем-то из них в контакт. К несчастью, его указания усилили общее опасение перед Дерини, однако из всего этого племени Ситрик более остальных заслуживал настороженного отношения. Джаван старался не думать о том, где сейчас может находить-

[1] Екклесиаст 9:9

ся Дерини Полина, хотя на всякий случай старался вглядываться в новые лица, чтобы заметить его вовремя.

Карлан почти не покидал короля, ибо ему от рук Ситрика грозила особая опасность. Со временем стало очевидно, что молодой рыцарь может приносить своему господину пользу лишь если всегда будет владеть всей полнотой воспоминаний... но тем опаснее, если Дерини наподобие Ситрика сумеет проникнуть в его сознание. Чтобы уменьшить угрозу, Джаван усилил защитные поля, установленные им в разуме Карлана, однако понимал, что обученного Дерини эти меры едва ли остановят.

Тем временем двор возобновил свои привычные занятия, и за две недели до Рождества совет начал собираться ежедневно, точно так же, как и до похищения Райса-Майкла. Больше всего они обсуждали вопрос поимки похитителей, однако Рождество на время положило конец всем тревогам и заботам.

Единственным островком спокойствия посреди бурных придворных развлечений был торжественный рождественский обряд бдения, который праздновали в Сочельник в соборе. Там присутствовали почти все придворные, и Джаван наслаждался магией этого восхитительного момента, почтительно преклонив колени в королевской ложе вместе с братом и невесткой.

Вместе с Хьюбертом архиепископ Оррис отслужили первую рождественскую мессу, и в этот миг Джаван почти готов был поверить, что даже такому как Хьюберт доступно спасение... Ибо одно то, что сейчас он касался святых даров в эту священную ночь, даровало ему милость, искупляющую мелкие человеческие пороки. И приняв причастие из рук

Хьюберта, впервые за много месяцев, он не ощутил себя осквернённым. Таково было истинное чудо Христовой мессы.

Главным событием Рождества должна была стать охота, организованная для молодежи; Джаван собрал их всех в полдень, и в прекрасном праздничном настроении они выехали по свежему снегу. Джаван передал брату честь возглавить охоту, едва лишь огромные гончие подхватили след. Микаэла скакала рядом с мужем, и каштановые волосы ее развевались на ветру, делая ее похожей на обычную девушку, а вовсе не на принцессу, каковой должны были признать ее назавтра во время особой торжественной церемонии, первой в новом году. Следом скакал ее брат, и еще дюжина молодых людей, ожидавших посвящения в рыцари на Двенадцатую ночь, а также дочери придворных, снаряженные заботливыми родителями в надежде подцепить достойных ухажеров.

Сам Джаван отнюдь не собирался попасть в брачные сети так скоро, однако узнав о женитьбе Райса-Майкла, он принял решение хотя бы внешне поддаться этим уловкам и сделать вид, будто и сам строит матримониальные планы. Тем более, он заранее подготовил для этого почву, дав понять Хьюберту, будто находит привлекательной Джулиану Хортнесскую, так что теперь решил усилить это впечатление, сопровождая ее во время охоты. Когда свора потеряла след и остановилась в ожидании продолжения, Джулиана надула хорошенькие губки и призналась, что вообще не слишком любит оленью охоту. Ее забавляла лишь сама погоня. Все это время она демонстративно поправляла свои роскошные волосы и бросала на короля красноречивые взгляды. Джаван делал вид, будто его это забавляет... или даже зачаро-

вывает, однако вечером он удалился спать довольно рано и в одиночестве.

Следующее утро началось с церемонии, пышностью почти не уступавшей его коронации. В соборе после мессы Райсем и его молодая жена во время повторной брачной церемонии вновь дали друг другу супружеские обеты. Джаван, глядя на Микаэлу, прекрасно понимал своего брата. С гладко зачесанными волосами, украшенными плющом и остролистом, Микаэла была так прекрасна, что могла бы пробудить страсть в чреслах любого мужчины, и когда она торжественным шагом прошла вместе с Манфредом к алтарю церкви, где ее уже ожидал принц, все не сводили с нее восхищенных взоров.

Гордо вскинув голову, точно королева, она опустилась на колени подле Райса-Майкла, и они повторили слова клятв, которыми обменялись в Кулди. Хьюберт вновь объявил их мужем и женой и над их сплетенными руками прочел благословляющую молитву, после чего Райс-Майкл поднялся, снял с нее венок, а затем вынул шпильки, удерживавшие ее волосы, ибо таков был освященный временем обычай, чтобы королевы и принцессы являлись на коронáцию с распущенными волосами, вне зависимости от того, были ли они замужем.

Теперь вышел вперед ее брат, неся на лазурной подушке серебряную корону. Он преклонил колено рядом с Хьюбертом, чтобы тот мог воскурить благовония и окропить обруч святой водой. Затем Хьюберт с поклоном передал корону Райсу-Майклу, и тот с горделивой радостью вознес венец ей на голову, а затем поднял ее с колен, наградив любящим поцелуем.

Чуть позже во дворце в честь молодоженов был устроен пир, где Джаван занял почетное место рядом с невестой. Танцы затянулись далеко за полночь, и Джаван старательно танцевал со всеми дамами. Как бы это ни было ему отвратительно, он постарался уделить особое внимание Джулиане Хортнесской, которая вызывающе флиртовала с королем с полного одобрения заботливого отца.

Прекрасно сознавая, на какую опасную тропу он ступил, Джаван решил сделать еще один шаг. Наутро он намеренно отыскал нового духовника, которого назначил ему Полин, и вновь покаялся в том, что питает греховные мысли по отношению к Джулиане. Он не сомневался, что исповедь эта дойдет до ушей тех, кому предназначена, и он не прогадал. В последующие дни Ран обращался с ним куда почтительнее, чем обычно, и даже Хьюберт как будто бы слегка смягчился... И только Полин постоянно держался настороже.

Празднества длились еще добрых две недели. Днем придворные ездили на охоту, по вечерам закатывали пиры. То и дело прибывали новые гости, поскольку знать со всех концов королевства готовилась праздновать Двенадцатую ночь, самый важный день года.

Утро выдалось холодным, но ясным. Землю покрыл свежий снег. В полдень двор должен был собраться на торжественную церемонию, и потому сегодня Джаван одел Державную Корону с ее переплетенными листьями и крестами, а также светлую шерстяную тунику с золотым шитьем и алую мантию, отороченную горностаем. Райс-Майкл с Микаэлой восседали по левую руку от него, также в коронах и в церемонных одеждах синего цвета, а оба архиепи-

скопа стояли справа в золотых митрах, торжественно приветствуя придворных.

Одним из самых приятных событий были гонцы из далекого Кассана, которые привезли послание от принцессы Анны и Фейна Фитц-Артура, с припиской, сделанной неуверенной ручонкой четырехлетнего герцога Тамберта, где значилось: «Друзья — Тамберт и Джаван». Мальчик так явственно боготворил короля и не скрывал своей привязанности, что это вызвало улыбки и веселость по всему залу, когда Джаван прочел послание вслух, ибо здесь присутствовали многие из тех, кто был свидетелями, как король принял мальчика перед коронацией. Письмо это также значительно приободрило Джавана, в особенности учитывая, что впереди его ожидало посвящение в рыцари Кешела Мердока и еще нескольких старших оруженосцев, по большей части приходившихся родней его сановникам. Он с радостью воздержался бы от посвящения, ибо не считал этих юнцов достойными доверия, однако прекрасно знал, что не рискнет настроить против себя их отцов. По крайней мере, меч при акколаде держал в руках Робер, хотя бы отчасти снимая с короля ответственность, ибо тот не достиг еще возраста, когда имел право лично посвящать кого-либо в рыцари, и лишь немногие из присутствующих знали о том, что сам он прошел посвящение в тот самый день, когда он вернулся, дабы потребовать корону.

— На будущий год вы будете первым, мой принц, — прошептал ему Робер, когда к трону приблизился очередной кандидат. — Видит Бог, вы больше чем все они, заслужили свои шпоры.

Вести пришли даже из далекого Келдора. Герцог Грэхем прислал почтительное письмо королю с наи-

лучшими пожеланиями в новом году, а еще спустя пару дней граф Хрорик известил Джавана, что, как и ожидалось, им были получены письма от торентского короля. Эти письма он прислал с гонцом и приложил к ним копию ответа леди Судри, и свои собственные комментарии.

«Возможно, кто-то скажет, будто я ослеплен любовью, сир, но даже люди самые подозрительные не смогут упрекнуть мою госпожу в недостатке преданности, ни супругу, ни королю, простирающему свое правосудие до этих далеких северных земель. Надеюсь, что ваше величество может быть совершенно спокойным относительно моей супруги, ибо нет никакой вероятности, что она когда-либо вздумает вернуться в Торент или сообщить им какие-либо сведения в ущерб Келдору или законному сюзерену Келдора.

Засим остаюсь верным подданным вашего величества, Хрорик, граф Истмаркский.»

Слава богу, похоже, с Келдором было достигнуто перемирие, и Джаван мог лишь сожалеть, что не в силах добиться подобной преданности от прочих своих сановников. Он до сих пор не решил, как ему поступить с Полином и Хьюбертом, заслужившими самой строгой кары за участие в похищении его брата.

Коварный замысел их уже принес свои плоды. Джаван старался не выдать своих подозрений при виде Микаэлы с Райсом-Майклом, однако к концу января попросил Гискарда задать пару вопросов прислуге... о чем те, разумеется, позже даже и не вспомнили.

— Боюсь, ваши опасения подтвердились, сир, — заявил Гискард, когда помогал королю раздеться перед сном пару дней спустя. — Одна из королевских прачек рассказала мне много интересного о семейной жизни вашего брата. Похоже, что вот уже два месяца, как у юной принцессы не было месячных кровей, а по утрам она все чаще плохо себя чувствует. Полагаю, брат ваш прекрасно об этом осведомлен.

— Проклятье, — выдохнул Джаван. — Я надеялся, что он все же решится воздержаться.

— Будем справедливы к принцу, возможно, все уже случилось к тому времени, когда вы разговаривали с ним, — возразил Гискард. — А когда выяснилось, что она в тягости, то воздерживаться уже не было причин, не так ли?

— Но насколько мы можем быть уверены? — спросил Джаван. — Конечно, с одной стороны я должен радоваться, но, может быть, случится выкидыш? — Закрыв глаза, он потряс головой. — Нет, конечно, я этого не желаю и тем более не стану ни о чем просить Ориэля...

— Конечно, нет, — кивнул Гискард. — Но может быть, стоит сперва переговорить с Райсом-Майклом?

Наутро, вернувшись с конной прогулки, Джаван попросил брата поговорить с ним наедине. Они как раз чистили лошадей, поскольку обоим нравилось делать это, если не было каких-то срочных забот. Барон Хилдред, в свое время наставлявший принцев в верховой езде, всегда говорил, что заботы о внешнем виде лошади хорошо влияют на внутренний мир человека.

— Ну, и когда же нам ждать счастливого события? — напрямую спросил Джаван, пристально наблюдая

за братом, когда тот счищал грязь с лошадиного бока пучком соломы.

У Райса-Майкла рука повисла в воздухе, и он изумленно обернулся к брату.

— Кто тебе сказал? — чуть слышно выдавил он.

— Неважно. Так это правда?

Райс-Майкл со вздохом потрепал лошадь по крупу.

— Боюсь, что да. Мы, честное слово, не собирались. Клянусь, я... полагаю, в начале декабря она уже была в тягости, когда мы вернулись в Ремут. Скорее всего... все началось еще в ноябре.

— Понятно. То есть ребенок появится в августе или в сентябре, — Джаван вздохнул. — Да, не так уж много времени ты мне оставил...

— А я уверен, ты преувеличиваешь опасность, — пробормотал Райс-Майкл, отбрасывая пучок соломы. — Кроме того, раз уж ты сам принялся ухаживать за Джулианой...

— Это все сплошное притворство, и ты прекрасно это знаешь, — возразил Джаван. — И если Ран это обнаружит, вот тогда я и вправду погиб.

— Все равно, теперь ты им интересен больше, чем я, — резонно ответил Райс-Майкл. — Даже если ты прав, все равно они предпочли бы скорее иметь наследника от тебя, чем от меня.

— Весьма утешительно, — сухо промолвил Джаван.

Принц согласился никому не сообщать о состоянии своей супруги так долго, пока это будет возможно. Джаван в свою очередь по-прежнему продолжал оказывать знаки внимания Джулиане, и это во многом улучшило настроение его советников; хотя отношение Рана по-прежнему едва ли можно было на-

звать дружелюбным, он все же сделался более снисходительным к Джавану, и даже проявлял подобие интереса к заботам короля.

Примерно месяц спустя на заседании совета, слегка поредевшего из-за отъезда части его членов, Джаван решил наконец вновь вернуться к своему замыслу, который временно пришлось оставить после похищения брата. С тех пор у него было время поразмыслить, и он осознал, что к вопросу о Дерини следует подходить очень осторожно, и одним из самых очевидных шагов для начала будет постараться облегчить участь семей Дерини, сотрудничающих с властью, таких как Ориэль.

— Господа, я размышлял над ситуацией с Дерини, особенно учитывая, что они были замешаны в похищении моего брата, — заявил он на очередном заседании совета. — Согласен, что ошибался, когда просил вас обдумать возможность смягчения Рамосских Уложений. Теперь для меня совершенно очевидно, что проблема Дерини куда более сложна, чем мне казалось в ту пору.

Слушатели многозначительно переглянулись, не зная точно, радоваться им или заподозрить неладное. С одной стороны, одного лишь упоминания о Дерини достаточно было, чтобы вызвать неприязнь у советников. С другой стороны, король своими словами как будто указывал, что переменил к худшему свое отношение к этому племени.

— И вся эта история также напомнила мне, что у нас по-прежнему несколько Дерини содержатся в заложниках в замке, помимо мастера Ориэля и вашего мастера Ситрика, лорд Ран. Кстати, милорд архиепископ, — обратился он к Хьюберту. — Я вновь прошу прощения за то, что невольно усложнил положе-

ние, когда позволил Ориэлю встретиться с женой и дочерью.

Хьюберт склонил голову.

— У вашего величества доброе сердце. К несчастью, доброта по отношению к Дерини неуместна.

— Не знаю, готов ли я с этим согласиться, — с сомнением возразил Джаван. — Ведь я добр по отношению к своим лошадям и гончим псам, и они лишь лучше служат мне за это. Кроме того, разве не сказано в Писании, что мы должны мягко обращаться со слугами?

— Тем не менее я прекрасно осознаю потенциальную опасность, которую представляет собой присутствие Дерини в Ремуте, — продолжил он. — Разумеется, я понимаю, что мы вынуждены держать заложников, чтобы обеспечить себе преданность Ориэля и Ситрика, до тех пор пока нуждаемся в их услугах. Но как быть с теми, кто нам уже не нужен? Например, с Урсином О'Кэрролом. Он утратил свою магию, что, несомненно, пошло во благо его душе, но в то же время отныне он стал для нас совершенно бесполезен. Минуло уже три года, и я думаю, теперь очевидно, что сила к нему не вернется.

— Этого недостаточно, — возразил Хьюберт с жаром, которого Джаван от него не ожидал. — О да, я был свидетелем того, как его проверяли. И жену тоже. И знаю назерняка, что снадобье было вполне действенным... Но что, если он все же сумеет вернуть свою магию?

В рядах советников начались перешептывания. Джаван обвел глазами зал. Здесь собрались все, кого он должен привлечь на свою сторону, если хочет добиться желаемого. Конечно, были и те, кто верен ему, однако Хьюберт, Полин, Альберт, Ран, Манфред

и Таммарон, все они принадлежали к старой гвардии и с подозрением относились к каждому слову короля.

— Господа, мне кажется, пришло время переоценить ситуацию, — заявил Джаван, вновь призвав их к порядку, и постучал костяшками пальцев по столешнице. Джеровен с Этьеном сидели на другом конце стола рядом с Райсом-Майклом, однако перед Джаваном лежали сделанные ими записи. — Верно ли я понимаю, что Урсина и его жену продолжают испытывать, и каждый раз мы вновь убеждаемся, что они остаются людьми?

— Что касается его жены, то она из обычной семьи, сир, — нехотя признался Таммарон. — В этом никто никогда не сомневался.

— И все равно ее держат в заточении даже после того, как Урсин лишился своей магии...

— Но ведь она же вышла за Дерини, сир! — возмутился Полин. — И родила ребенка, который также может оказаться Дерини.

— *Может оказаться* Дерини? — повторил Джаван. — Так что, вы не знаете этого точно?

— Когда родителей взяли под стражу, он был еще младенцем, — нетерпеливо вмешался Хьюберт. — Если Дерини является лишь один из родителей, то возможно, ребенок не унаследовал этого проклятия. Кроме того, я точно знаю, что действие мераши на детей, будь то люди или Дерини, совершенно непредсказуемо. Я думаю, с нашей стороны было актом милосердия не применять по отношению к нему мер, которые могли бы привести к смертельному исходу. Пока что мальчик куда лучше чувствует себя с матерью, пусть и в заточении.

Джаван нахмурился. Если он станет настаивать, то, вероятно, добьется лишь того, что мальчика тоже примутся пытать мерашей, невзирая на опасность. Но Ориэль также предупреждал его, что регулярные дозы этого снадобья могут воздействовать опасным образом даже на обычных людей, в особенности при регулярном использовании. Он не знал, как часто по указанию Хьюберта дают мерашу пленникам, но, по словам Ориэля, если делать это чаще, чем один раз в восемь-десять недель, то последствия для мозга могут оказаться необратимыми. Меньше всего король хотел бы устроить подобное испытание для юного сына Урсина, однако это могло оказаться необходимым, чтобы облегчить участь родителей мальчика.

— Я хотел бы встретиться с Урсином, — заявил он. — Я не видел его с того самого дня.

Прелаты зашептались между собой, хотя верные королю люди ожидали такого шага.

— Сир, — заявил наконец Хьюберт, — со всем уважением к вам в тот день вы были очищены от деринийской скверны, если верите, что Урсин также обрел очищение. Вы и без того рискуете спасением своей бессмертной души, продолжая пользоваться услугами Ориэля. Неужто вы желаете подвергнуться еще большей опасности?

— Урсин больше не Дерини, — возразил Джаван, намеренно не обращая внимания на упоминание об Ориэле, и в душе сожалея лишь о том, что не может в открытую заявить Хьюберту, как велика опасность на самом деле. — Вы только что сами сказали мне, что регулярно испытываете его, и он не подает никаких признаков, что магия могла вернуться. Несомненно, будь он Дерини, то сумел бы каким-то образом вырваться из плена.

— Дерини он или нет, но если бы он сбежал, то его жене и ребенку было несдобровать, — резонно указал Альберт.

— Да, могу себе представить, как вас обрадовал бы подобный исход, — заметил Джаван.

— На самом деле вы правы, сир, — к изумлению Джавана произнес Альберт. — Если желаете, эту проблему можно устранить раз и навсегда. Ни Урсин, ни его семейство не будут страдать в заточении, когда окажутся в могиле.

— Убийства я не потерплю, — рявкнул Джаван. — Он ничем этого не заслужил.

— Но он Дерини, — возразил Полин.

— *Был* Дерини, — взорвался Джаван. — Он таким родился, и это не его вина. Но когда его господин приказал ему подвергнуться обряду очищения, который, по свидетельству множества очевидцев, способен изгнать деринийскую скверну... — с этими словами он уставился на Хьюберта, — то Урсин повиновался. Вы сами испытывали его в тот день, милорд архиепископ. И с этого времени он оставался обычным человеком. Какие еще доказательствам вам нужны?

— Но все наши «доказательства» основываются лишь на деяниях самопровозглашенного пророка и чудотворца, о котором мы до сих пор ничего не знаем, сир, — возразил Хьюберт. — Вы были там, вы сами почувствовали это на себе.

— Да, но я же не Дерини, — заметил Джаван. — А Урсин был Дерини, но после встречи с мастером Реваном перестал быть таковым. Отец Лиор испытывал его. Если вы доверяете ему и его снадобьям, то должны верить и в то, что Урсин более не Дерини.

— Я не желаю допустить даже мысли о том, чтобы выпустить его на свободу, ваше величество, — пробормотал Хьюберт. — Несмотря на все испытания, мы не можем ничего знать наверняка в том, что касается Дерини.

Джаван медленно кивнул. У него начали зарождаться начатки плана, однако провести его в жизнь можно было лишь с величайшей осторожностью.

— Я желаю лично встретиться с Урсином О'Кэрролом, — заявил он, поднимаясь на ноги. — И также хочу, чтобы его подвергли испытанию в моем присутствии.

Остальные советники также поспешили подняться. Полин с Хьюбертом обменялись встревоженными взглядами.

— Ваше величество, — произнес Хьюберт. — Я категорически вам этого не советую. Что вы надеетесь доказать?

— Я пытаюсь лишь во всей сложности уяснить себе ситуацию с Дерини, — отозвался Джаван. — Ну так что, сопроводит ли кто из вас меня к Урсину, или мне придется самому искать дорогу?

Глава 38

Совершите же теперь самое дело[1]

Как только церковные сановники убедились, что король настроен серьезно, им ничего не оставалось, кроме как сопровождать его. Полин и Хьюберт вышли с королем из зала совета, а отец Лиор с лордом Альбертом присоединились к ним по пути. Они спустились по главной лестнице, прошли через парадный зал в сад, а оттуда по крытой галерее — во внутренний дворик, куда выходили вспомогательные замковые службы.

Через двор Хьюберт провел их к лестнице, ведущей в башню, и к тому времени, когда они достигли площадки, где стояли на страже двое рыцарей *Custodes*, от долгого подъема у всех начала кружиться голова. Стражники немедленно взяли на караул, завидев высокопоставленных гостей. Хьюберт подозвал одного из них и протянул связку ключей.

— Мы желаем видеть пленного Урсина О'Кэррола, — объявил Хьюберт и жестом указал на массивную дверь, закрывающую дверь в коридор, где также стоял на страже рыцарь *Custodes*.

Когда Полин кивнул, подтверждая приказ, стражник поклонился, выбрал большой ключ из связки и

---

[1] 2-е Коринфянам 8:11

направился к дверям. Замок открылся почти неслышно, и дверь повернулась на хорошо смазанных петлях. Первыми вошли Полин с Лиором, за ними последовал Хьюберт и Джаван. Лиор факелом осветил коридор. Остальные советники и сопровождающие остались снаружи.

За три года Урсин О'Кэррол сильно изменился. Ему не было еще и тридцати, но на висках обильно пробивалась седина. Волосы отрасли так, что их приходилось завязывать в хвост, и кроме того, Урсин носил теперь бороду. Впрочем, выглядел он достаточно чистым и опрятным, в бесформенном буром балахоне, но плечи его безвольно поникли от безнадежности. И если прежде он казался смирившимся со своей участью и готов был сотрудничать с регентами ради того, чтобы уцелеть, то теперь и эта решимость, казалось, навсегда покинула его.

С другой стороны, сказал себе Джаван, за последние три года не произошло ничего такого, что могло бы внушить Урсину надежды на перемены к лучшему. Отныне все его существование сводилось к бесконечной процессии дней и ночей в одиночном заключении, причем время от времени его одурманивали до потери чувств без всякой причины и в конечном итоге обрекли на погребение заживо, без надежды на милосердие или уступки.

Урсин сидел посреди комнаты на единственном стуле, завернувшись в рваную накидку и пытаясь согреться у небольшой жаровни. По размерам и обстановке комната напоминала покои отца Фаэлана, за исключением, разве что, молельни.

Сквозь зарешеченное окно пробивался тусклый серый цвет, столь же мрачный, как лицо Урсина, которое он обратил к вошедшим. Признав гостей, он

упал на колени и склонил голову. Судя по всему, Джавана он не узнал, ибо тот сегодня поверх алой туники Халдейнов накинул неприметный серый плащ. И осознав это, Джаван подумал, что, вполне возможно, Урсин даже не знает о смерти Алроя и о том, что теперь у них новый король.

— Урсин, король желает говорить с тобой, — заявил Хьюберт.

Урсин медленно поднял голову, и в карих глазах его отразился страх. Лиор передал Альберту факел и извлек из складок туники длинную железную трубку, готовый всадить пленнику дозу мераши. Урсин, не скрывая ужаса, покосился на священника, но затем вновь устремил взгляд на фигуру в алом одеянии, и карие глаза его удивленно расшились.

— Принц Джаван? — пробормотал он.

— Молчи, пока к тебе не обратились, — грозно велел ему Хьюберт и вскинул руку, словно готовый ударить Урсина.

Человек в тот же миг съежился на полу, инстинктивно пытаясь защитить голову, и Джаван догадался, что пленник, как видно, уже привык к побоям.

— Довольно, — прервал он резко и встал между Урсином и архиепископом. — Урсин, посмотри на меня. Ты не сделал ничего дурного, и я не позволю, чтобы с тобой плохо обращались. Выпрямись и взгляни мне в глаза.

Урсин медленно поднялся на колени и осторожно поднял голову, скрестив на груди руки умоляющим жестом... или чтобы продемонстрировать, что он не в силах оказать физического сопротивления. Джаван мысленно попытался нащупать его защиты, но не обнаружил никакого намека, что стоящий перед ним человек когда-то мог быть Дерини.

— Вот так-то лучше, — заметил он негромко. — Сколько времени прошло, Урсин, с того дня, как мы были в Валорете и приняли очищение из рук мастера Ревана?

— Больше трех лет, сир, — прошептал Урсин.

— И ощущал ли ты, что скверна вновь затронула тебя, — спросил король.

Урсин медленно покачал головой с выражением тоски и отчаяния.

— Нет, сир.

Со вздохом Джаван устремил взгляд на Лиора.

— Испытайте его, отче.

Урсин дернул головой, и в глазах его на миг мелькнуло возмущение от подобного предательства. Сопровождавшие Джавана люди зашептались между собой. Преисполненный самодовольства, Лиор подскочил к коленопреклоненному Урсину, развинтил «деринийскую колючку», и на двойной игле заблестела мераша.

С выражением самоотречения на лице Урсин сам подал руку и отвернул рукав, а затем опустил глаза. Иглы были тонкими и не слишком длинными, и все равно Урсин не смог удержаться от вскрика, когда Лиор вонзил пыточный инструмент ему в предплечье. Он не попытался вырвать руку, вероятно, за три года успев осознать, что любое сопротивление бесполезно.

Когда Лиор извлек иглы, Урсин опустил руку и бездумным движением поправил рукав, стараясь, чтобы никаких эмоций не отразилось на его лице. И хотя Джаван в общих чертах знал, что должно было сейчас произойти, он не предполагал, что все это будет настолько бесчеловечно, и лишь сейчас, завидев обреченность Урсина, осознал, насколько унижен и

растоптан был этот человек, и что пришлось претерпеть ему за последние три года.

— Что ты чувствуешь? — спросил Джаван, пристально наблюдая за Урсином, в ожидании, пока снадобье возымеет действие. Он благодарил бога, что никому не пришло в голову использовать мерашу против него в *Arx Fidei*, как они поступили с Фаэланом. И, кроме того, он не мог не подумать о том, как сам уязвим в этот миг, если бы Лиору вздумалось направить «деринийскую колючку» против него.

Веки Урсина уже потяжелели, а зрачки расширились. Напряжение постепенно покидало его тело, плечи повисли, голова опустилась на грудь. По всем признакам мераша действовала на Урсина усыпляюще, как на обычных людей, и он не выказывал ни одного из признаков, свойственных Дерини.

— Урсин, — повторил Джаван. — Что ты чувствуешь?

— Голова... кружится, сир, — задыхаясь, выдавил Урсин в ответ. — Спать хочется... — а затем, словно помимо воли прошептал. — Боже правый, сколько же еще...

Он закрыл лицо рукой, и Джаван на миг утешающим жестом положил руку ему на плечо. Затем обернулся на свою свиту и вновь посмотрел на Хьюберта.

— Ладно, именно этого я и ожидал, — заявил он. — А теперь пора решить вопрос с его семейством. Урсин, твоя жена обычный человек, не так ли?

Урсин непонимающе вскинул голову, затем с трудом кивнул.

— А сын?

Он пристально наблюдал за Урсином, ибо помнил слова Тависа о том, что человек этот «неудав-

шийся Целитель». Джаван не знал толком, что это означает, но уж конечно, Урсин получил достаточно хорошее образование и вполне способен был определить, является ли его сын Дерини. Джаван меньше всего хотел бы подвергать малыша этому испытанию, однако Хьюберт с Полином никогда не пошли бы ему навстречу, если бы не вызнали наверняка все, что касалось ребенка.

— Как зовут твоего сына, Урсин? — спросил он негромко.

Даже хотя разум его был затуманен наркотиком, Урсин, как видно, догадывался, к чему ведет разговор... И сознавал, что никак не сможет предотвратить того, что должно было случиться.

— Его зовут К... Карролан, сир, — с трудом прошептал Урсин. — Его назвали в честь деда.

— Так он Дерини или нет? — спросил Джаван. — Урсин, я знаю, что ты получил хорошее образование. Я уверен, что прежде ты старался не отвечать на этот вопрос, чтобы его защитить. Но я должен знать наверняка. Если отец Лиор даст мальчику мерашу, то будет ли он реагировать как Дерини?

Голова Урсина бессильно повисла, плечи опустились, и затем он медленно кивнул. Он был уверен, что новый король предал его, и мысль эта лишила его последних попыток к сопротивлению.

— Он был совсем... младенцем, когда... когда я в последний раз виделся с ним, сир. Но все признаки были налицо, я ведь должен был стать Целителем, но... изменил своему дару. Я оказался не в состоянии сосредоточить силу. Я... надеялся, что сыну это удастся. Но теперь сожалею о том, что он вообще унаследовал мою магию.

И он разрыдался от печали и страха, так что Джавану пришлось напрячься, чтобы расслышать его следующие слова.

— Не знаю, какой Дерини бы из него вышел, — пробормотал Урсин. — Но теперь... — Он вздохнул, с трудом борясь со сном. — А теперь я, вообще, сомневаюсь, что ему позволят дожить хотя бы до совершеннолетия...

Голос его, полный отчаяния, прервался, и Джаван повернулся в Карлану, выжидающе застывшему в дверях.

— Приведи мастера Ориэля, — велел король. — И пусть прихватит с собой свою сумку с лекарскими принадлежностями.

Карлан с поклоном удалился, Хьюберт уставился на Джавана с подозрением, а Полин — не скрывая возмущения.

— Я полагал, что отец Лиор должен будет испытать ребенка, — заявил Полин.

— Ориэль может дать мальчику меньшую дозу мераши, чем ее содержится в «деринийской колючке» Лиора, — возразил Джаван. — Ребенку всего четыре года, взрослая доза способна его убить.

— А если не подействует? — предположил Полин. — Ориэль вполне ведь способен подменить снадобье, как только поймет, что вы задумали. Он ведь Дерини, он готов на все, чтобы защитить своих соплеменников.

Джаван смерил верховного настоятеля уничтожающим взглядом.

— Отец мальчика сам признал, что сын его Дерини. Значит, снадобье подействует. А если нет, я... я заставлю Ориэля выпить из той же чашки,

чтобы доказать, что там и впрямь мераша. Это вас удовлетворит?

Полин с Хьюбертом неохотно кивнули. Лиор, нахмурившись, держался поодаль, не смея возражать своим начальникам. Когда появившемуся Ориэлю объяснили, что задумал Джаван, тот согласился лишь с большой неохотой. Урсин слушал их разговор в полном отчаянии, сознавая, что сам обрек своего сына на ужасающее испытание, которое могло привести его к гибели, и понимая, что ровным счетом ничем не способен ему помочь.

Бездумным жестом он вытянул вперед руки, чтобы Полин мог надеть ему кандалы. Теперь он еще больше был в их власти, но, по крайней мере, похоже, пленители были готовы позволить ему присутствовать на испытании ребенка. Даже это было для несчастного радостью.

Больше трех лет Урсин выходил из своих покоев лишь для того, чтобы его в очередной раз испытали мерашей. Каждый раз его пичкали успокоительным, а затем надевали наручники и приводили в комнату, точно такую же, как та, где он содержался в заточении.

Это воспоминание Джаван выудил из памяти Урсина, когда подошел проверить кандалы. Три долгих года Урсин терпел такое отношение, и его поддерживала единственная надежда, что тем самым он хоть ненамного продлит жизнь своему сыну... хотя он даже не мог знать наверняка, остался ли мальчик еще в живых. И каждый раз после очередного испытания его возвращали в темницу, где за время отсутствия пленника делали небольшую уборку. У него хватало сил лишь для того, чтобы добраться до постели

и без чувств повалиться на нее, прежде чем окончательно лишиться сознания.

Комнату, где обычно испытывали мерашей Урсина, Джаван заметил мельком, когда они шли к выходу по коридору. Там также стоял стражник. Но в памяти Урсина он уловил и другие образы. Судя по всему, где-то здесь, поблизости, некогда содержались в заточении жена и двое маленьких сыновей Деклана Кармоди, которых на глазах у Урсина и самого Джавана злодейски задушили в парадном зале дворца в тот ужасный день, когда и сам Деклан подвергся чудовищным пыткам и казни.

Перед Джаваном, как вживую встало искаженное криком лицо несчастного, у которого мучители медленно вытягивали внутренности через рану на животе. Извиваясь в руках палачей, он корчился на полу перед троном в луже собственной крови, а регенты невозмутимо взирали на происходящее...

Джаван усилием воли прервал поток воспоминаний и устремил взгляд на дверь, которую распахнул перед ними очередной стражник.

Женщину, сидевшую у зарешеченного окна, можно было назвать хорошенькой, — она казалась не старше лет двадцати пяти, — но три года заточения стерли все краски с ее лица и до времени состарили несчастную. Когда дверь открылась, она поднялась с места, безвольно сгорбившись в грубом, висящем, как мешок, платье. Волосы ее были перевязаны грубой черной лентой, и Джаван не мог видеть их цвета, но у малыша, что сидел у окна рядом с матерью, любуясь парой серых голубей на подоконнике, волосы были темно-каштановыми, и в солнечном свете отливали рыжиной.

В тот же миг за спиной у Хьюберта с Полином женщина заметила своего мужа. Одной рукой она схватилась за горло, и глаза ее изумленно расширились. Джаван, торопясь перехватить контроль над ситуацией, сделал шаг вперед и встал рядом с Полином.

— Думаю, пусть Урсин объяснит своей жене, что мы задумали, — произнес он негромко, тоном, не терпящим возражений, и взяв Урсина за руку, подтолкнул того к жене, прежде чем Полин успел возразить хоть слово. — Здесь нет никакой опасности, но давайте пожалеем Урсина. Мы бы не хотели подвергать никого ненужным испытаниям. Ориэль, готов ли ты сделать все, что необходимо.

Ориэль вошел в комнату и поставил свою сумку на столик. Полин с Хьюбертом неуверенно расступились. Урсин, двигаясь словно зачарованный, не сводя глаз с жены, сделал шаг ей навстречу. У обоих по щекам струились слезы. Мальчик перестал играть, неуверенно переводя взгляд с матери на мужчин, застывших в проходе, а затем на бородатого незнакомца в кандалах, который выступил навстречу его матери.

Джаван пристально наблюдал за их воссоединением, пытаясь уловить хоть какой-то свет сил Дерини, однако магии тут не было и следа, если не считать едва мерцающих защит у мальчика. Урсин, вскинув руки в наручниках, обнял рыдающую жену, отвел ее к окну и принялся шептать на ухо, вероятно, объясняя, что должно сейчас произойти. Джаван подошел к столу, где Ориэль осторожно отмерял желтоватые капли мераши в чашку, наполовину наполненную водой из грубого глиняного кувшина.

— А можешь ли ты сразу подготовить какое-то снадобье, чтобы снизить эффект этой отравы, — негромко спросил король, указывая на чашу. — Мы ведь уже знаем, как он отреагирует.

Ориэль кивнул и указал на другой кубок, на дне которого виднелся какой-то белый порошок.

— Я уже сделал это, сир, — прошептал он. — Не могли бы вы долить туда воды.

— Это еще что такое? — втиснулся между ними отец Лиор. — Что ты задумал?

— Это средство против конвульсий и сильное снотворное, — пояснил Ориэль. — Мы ведь уже знаем, что мальчик Дерини, по крайней мере, так утверждает его отец. Никогда прежде я не давал мерашу ребенку, но знаю, что воздействие ее может оказаться губительным, поскольку в столь юном возрасте он еще не способен сопротивляться. Едва лишь вы все убедитесь, что он реагирует как должно, я намерен немедленно усыпить его... если только вам не доставит удовольствия вид бьющегося в агонии ребенка, который может умереть прямо у вас на глазах.

Лиор подобрал со стола пустой пергаментный пакетик, где было снотворное, прочел написанные на нем указания, а затем бросил рядом с чашкой. Даже он готов был признать, что у Ориэля попросту не было времени на какую-то подмену.

— Отлично. Можешь приступать.

Глава 39

И падет гнев наш на праведника, ибо чист он пред делами нашими[1]

Когда Ориэль повернулся к мальчику, женщина замерла, осознав внезапно, что должно сейчас произойти.

— Прошу вас, не надо, — прошептала она, вырвалась из объятий мужа и прижала к себе сына. — Урсин, не позволяй им...

Но Урсин лишь в отчаянии закрыл глаза и медленно потряс головой. Даже находясь под действием успокоительных снадобий, он точно осознавал, что происходит и почему, и понимал, что лишь полное повиновение поможет им всем пережить грядущий ужас... Страх родителей передавался и мальчику, который в слезах пытался укрыться за материнской юбкой.

— Дорогая, мы не можем им помешать, и ты это знаешь, — едва слышно промолвил Урсин. — Пусть мастер Ориэль сделает то, что должен, обещаю, так будет лучше. Доза совсем невелика, и у него наготове снотворное. Для нашего мальчика это единственный шанс. Неужели ты думаешь, что я бы рискнул своим единственным сыном, если бы не верил в это?

---

[1] Мудрость Соломона 2:12

Но она не слушала. Урсин знал, что она не слушает его... и понимал, что у Ориэля оставался единственный выход. Когда Целитель приблизился настолько, что уже мог коснуться женщины рукой, Урсин схватил жену за запястье и кивнув тому в знак согласия, развернул ее спиной к нему. Целитель в тот же миг обхватил ее голову руками. Она сразу перестала сопротивляться, веки ее затрепетали и опустились.

— Для всех будет легче, если она постарается успокоить мальчика, — произнес Ориэль, глядя на Урсина поверх плеча женщины.

Урсин мрачно кивнул, ласково взял руки жены в свои, тогда как Ориэль давал ей мысленную установку. Когда Целитель убрал руки, женщина медленно открыла глаза и повернулась к сыну, испуганно забившемуся в дальний угол оконной ниши. Урсин остался на месте, чуть заметно покачиваясь, и чтобы удержаться на ногах, был вынужден опереться о стену плечом.

— Ну же, Карролан, любовь моя, что за глупости, — ласково пожурила сына женщина. — Зачем ты хнычешь и прячешься, когда папа пришел навестить тебя?

Мальчик удивленно заморгал, но все же подпустил мать поближе. Ориэль взял у Лиора первую чашу, бросив на Джавана предупреждающий взгляд.

— А это мастер Ориэль, друг твоего папы, он принес тебе лакомство, — продолжила женщина и, не глядя на Ориэля, протянула руку. — Очень вкусно, вот увидишь. — Она сделала небольшой глоток из чаши, затем предложила ее сыну. Ну, выпей как хороший мальчик, и покажи папе, какой ты стал большой и храбрый.

Напуганный мальчик не смог устоять перед просьбой матери. Медленно, неуверенно, он сделал первый глоток, затем еще и еще. Урсин, отвернувшись, устало опустился на пол.

— Вот и умница, — прошептала его жена, когда чашка опустела, и мальчик, улыбаясь, вернул ее матери. — Смотри, папа, какой смелый у тебя сын. Он выпил все лекарство.

При этих словах Урсин поднял голову, и мрачное отчаяние исказило его черты, так что в этот миг он выглядел почти стариком. Малыш Карролан изумленно глядел на родителей, поражаясь спокойствию матери и скорбному лицу отца. Но затем в глазах его отразился ужас.

— Мама, — прошептал он, затем покачнулся на ногах и рухнул ей на колени.

В считанные секунды дыхание его сделалось прерывистым, и спазмы начали сотрясать все тело.

— Ну вот, вы получили ответ, — объявил Ориэль и, заметив, что Урсин хочет броситься на помощь сыну, упреждающе поднял руку и покачал головой. Мать же попросту сидела рядом, закрыв глаза. — Могу ли я дать ему теперь вторую чашу?

— Еще рано, — Лиор, оттолкнув Ориэля, нагнулся и развернул лицо мальчика к свету. Зрачки его расширились и застыли, на коже выступил пот, дыхание оставалось быстрым и прерывистым. Даже на неопытный взгляд не оставалось сомнений, что маленький Карролан проявляет все классические признаки реакции Дерини на мерашу.

— Отче, позвольте мне дать ему вторую чашу, — взмолился Ориэль.

— Я не уверен, — невозмутимо отозвался тот, хотя мальчик вновь принялся биться в судорогах.

— Лиор, у него скоро начнутся конвульсии, — выкрикнул Ориэль. — Бога ради, позвольте мне дать ему лекарство, он ведь еще ребенок.

Он обратил умоляющий взгляд на остальных, и Джаван, взяв инициативу на себя, сам вручил ему вторую чашу.

— Возьми, Ориэль, и дай ему выпить. Думаю, мы видели достаточно. Кроме того, мне кажется, я нашел решение этой проблемы, ибо теперь мы точно знаем, с чем имеем дело. Лиор, пойдемте с нами вниз.

И Джаван, взяв священника за руку, почти насильно вытолкнул его из оконной ниши к дверям, где застыли Хьюберт с Полином.

— Все это совершенно не по закону... — попытался было возмутиться Полин, на что Джаван отрезал:

— Незаконно удерживать в темнице невинных людей без всякой причины! А впрочем, да, согласен, маленький Карролан не столь уж безобиден. Точнее, может стать таковым, когда вырастет. Но теперь, полагаю, я нашел выход... И он должен удовлетворить даже самых требовательных из вас.

За спиной у него Ориэль с помощью Урсина сумел разжать мальчику рот и напоить его из второй чаши. Ребенок тут же погрузился в сон на руках у Целителя, а отец, сидя рядом, ласково гладил его по руке. Лиор подозрительно покосился на них обоих, но Хьюберт кашлянул, чтобы привлечь внимание священника.

— Довольно, отче.

— Этим Дерини нельзя доверять, — пробормотал Лиор.

— Да, особенно четырехлетним, — раздраженно отозвался Джаван. — Но не настолько же, чтобы они

пугали взрослых мужчин. Архиепископ, у меня есть для вас предложение, — объявил он, стараясь стать так, чтобы спиной загородить Дерини от Хьюберта с Полином. — И прошу вас, не говорите нет, пока не выслушаете меня до конца. Ориэль, ты пожалуйста, оставайся с пациентами.

Он почти физически ощущал недоверие клириков, но также и поддержку преданных ему рыцарей, которые внимательно наблюдали за происходящим из коридора.

— Так что же вы надумали, сир? — спросил его Хьюберт.

— А вот что. Мы просто продолжим эксперимент, который вы начали с Урсином три года назад. Прежде он был Дерини, но с тех пор избавился от этой скверны. Ведь вы не просто так послали его к мастеру Ревану, это было испытание, не так ли?

— Да.

— А теперь я хотел бы сделать следующий шаг, но на сей раз таким образом, чтобы лучше контролировать все происходящее.

— Я слушаю, — промолвил Хьюберт, не скрывая своих подозрений.

— Я бы хотел отвезти жену и ребенка Урсина в Валорет... Чтобы там они предстали перед мастером Реваном, в точности, как сам Урсин. Конечно, мальчик — Дерини, но сам он об этом не имеет ни малейшего понятия. Он не получил никакого образования, и никогда не получит в дальнейшем. Пусть Реван очистит его. Если это сработает, как для его отца, то он тоже перестанет быть Дерини. Ну, а раз уж вы осудили жену Урсина, за то что она вышла замуж за Дерини и родила ему ребенка, так пусть также очистится в руках Ревана.

— Ну и что потом? — спросил Полин. — Надеюсь, вы не предлагаете попросту отпустить их... особенно мальчика.

— Ну, полагаю, мать его можно было бы отправить в монастырь, — предложил Джаван. — Хотя поистине нет никаких причин, почему бы ее и не отпустить на свободу. Что касается ребенка... его тоже можно было бы сделать послушником, если уж мы не можем выпустить его на волю. Однако необходимости держать их в заточении больше нет. Вы в них не нуждаетесь, чтобы обеспечить покорность Урсина. Впрочем, он и сам мог бы отправиться в монастырь. Насколько мне известно, он умеет читать и писать. Неужели ни одному из аббатств не может пригодиться хороший писец?

Добрых десять ударов сердца в комнате царило полное молчание. Джаван ощущал на себе давящий взгляд Урсина и молился лишь о том, чтобы тот согласился подыграть ему.

— Любопытное предложение, — неохотно признал Хьюберт после долгих размышлений. — Загадка мастера Ревана по-прежнему не дает мне покоя, однако прежде у меня не было времени заняться этим. Сейчас же вы предлагаете возможность полностью контролировать ситуацию. Кроме того, нам удастся испытать Ревана и его учеников, чтобы раз и навсегда определить, те ли они, за кого себя выдают. Я до сих пор не до конца уверен, что это не какой-нибудь замысел Дерини.

— Неужели вы все еще сомневаетесь? — Джаван не скрывал своего презрения. Вздохнув, он покачал головой, затем вновь устремил свой взгляд на Хьюберта. — Отлично, архиепископ. Я не возражаю, чтобы вы устроили очередное испытание для Ревана и его

учеников. Меня заботит лишь эта женщина и ее сын. Позволите ли вы им отправиться к мастеру Ревану?

Покосившись на Полина, Хьюберт кивнул.

— Я подумаю. Ваше предложение кажется мне... любопытным.

— А Урсин?

Хьюберт задумчиво покосился на пленника, который старался делать вид, будто не прислушивается к разговору.

— Ты и впрямь умеешь читать и писать, Урсин?

Потрясенный, тот осторожно кивнул.

— Очень хорошо, — Хьюберт сцепил толстые руки за спиной, сделал шаг в сторону оконной ниши, где сидел Дерини. — Я задам тебе вопрос единственный раз и повторять не стану. Зная, что за судьба ожидает твою семью... судьба куда лучшая, чем ты мог бы надеяться, если бы не защита его величества... Действительно ли ты желаешь удалиться от мира и вступить в религиозную жизнь на положении брата-мирянина, дабы постараться заслужить прощение Господа за все свои многочисленные грехи?

Урсин сумрачно уставился на архиепископа. Поскольку он никогда не испытывал ни малейшей тяги к монашеской жизни, то едва ли перспектива сия казалась ему особо привлекательной, однако после трех лет одиночного заключения даже замкнутое существование в стенах аббатства могло показаться пленнику настоящим раем. Джаван знал, что рискует жизнью Урсина, ибо нет ничего проще, чем подстроить несчастный случай со смертельным исходом для бывшего Дерини, едва лишь тот выйдет из-под защиты короля; но Джаван надеялся, что Урсин не навсегда останется в монастырских стенах. Устроить

ему побег из обители будет куда проще, чем из Ремутского замка... если только он проживет достаточно долго, чтобы было кого спасать. Но, впрочем, если вспомнить историю, то ведь и отца самого Джавана некогда похитили прямо из кельи в аббатстве...

— Я думаю... такая жизнь станет для меня утешением, ваша милость, — наконец выдавил Урсин, и Джаван смог перевести дух. — Все эти годы я вел преимущественно созерцательное существование, и для меня величайшим благом будет возможность сделать наконец что-то полезное.

С этими словами он опустил глаза, как и положено пленному Дерини, и Хьюберт, довольный, кивнул.

— Надеюсь, что знаком твоей благодарности будет примерное поведение, — заявил он. — Что ж, отлично, в качестве любезности его величеству я подберу подходящее религиозное учреждение и попрошу аббата принять тебя туда как брата-мирянина, дабы остаток дней своих ты провел в покаянии, созерцании и труде на благо всей братии. Со временем, надеюсь, тебе даже удастся заслужить их одобрение и прощение всех грехов. Однако есть несколько условий. — Джаван внутренне напрягся, и Хьюберт продолжил: — Ты подчинишься распорядку монашеской жизни как это будет решено аббатом, капитулом и уставом ордена. Учитывая уникальность твоего положения, аббат будет иметь над тобой полную власть жизни и смерти, однако если ты будешь проявлять покорность, с тобой обойдутся по справедливости. И, разумеется, тебя будут продолжать испытывать мерашей. Готов ли ты принять эти условия?

Урсин с печалью взглянул на спящего сына, на жену, затем склонил голову. Цепи его кандалов не-

громко звякнули, лишь подчеркивая безысходность положения.

— Я согласен на все, ваша милость, — прошептал он. — Да и что мне остается? Молю лишь, чтобы Господь был милосерден к моей жене и сыну, ибо я ничего больше не могу для них сделать. Да будет на все воля Божья.

— Аминь, — провозгласил Полин.

— Аминь, — почти весело повторил Хьюберт. — Конечно, не думаю, чтобы ты ощутил в себе истинное религиозное призвание, ибо мы давно уже подозреваем, что Дерини неспособны на это. Однако труд во искупление грехов будет полезен для твоей души.

Однако их с Полином доброта не простерлась настолько, чтобы позволить Урсину попрощаться с семьей. Нетерпеливо дернув подбородком, Хьюберт велел Лиору поднять Урсина на ноги, и тот поволок его к дверям.

Лишь один-единственный раз сумел Урсин обернуться через плечо, прежде чем оказался в коридоре и Лиор со стражником поволокли его в камеру... Но на сей раз его хотя бы не одурманили никакими снадобьями, как делали в прошлом. Когда Урсина увели, Ориэль вновь занялся его семьей, уложил спящего мальчика на кровать у стены, а затем дал мысленную команду его матери также погрузиться в сон. Когда они вышли из комнаты и стражник запер дверь, Целитель немедленно удалился вместе с Карланом и Гискардом, тогда как Джаван обернулся к Хьюберту и Полину.

— Я хотел бы продолжить этот разговор как можно скорее, — объявил он. — Говорят, что мастер Реван зимует в холмах у Валорета, и вновь объявляется

лишь к Пасхе. С первой оттепелью я вышлю на север гонцов, чтобы они отыскали его.

— Да, но будем действовать по порядку, сир, — возразил Хьюберт. — Мастер Урсин, кажется, пожелал испытать монашескую жизнь. Ваше величество хотели бы отправить его в какое-то определенное аббатство?

— Полагаю, архиепископ, с этим вопросом вы справитесь гораздо лучше, — нейтральным тоном отозвался Джаван. — Вашей милости лучше знать, в каком из монастырей больше нуждаются в писцах.

— Гм, да. Однако поскольку мастер Урсин никогда прежде не служил писцом, то ему сперва нужно будет пройти курс обучения, и, кроме того, остается вопрос надлежащего духовного наставника для Дерини, — он покосился на Полина, затем вновь на короля. — Думаю, что... да, аббатство в Рамосе. Надеюсь, ваше величество с любовью вспоминает это место. Согласен, дисциплина там строгая, но я твердо верю, что дисциплина есть необходимая основа для здравого духовного развития. Урсина можно будет отправить туда в то же самое время, когда семья его поедет на север к мастеру Ревану... если только ваше величество не возражает.

— Нет, все очень хорошо, — отозвался Джаван. — Благодарю вашу милость за подобное проявление пастырской заботы, даже по отношению к Дерини. Надеюсь, мастер Урсин докажет, что достоин предоставленной ему возможности оправдаться в глазах Господа и Церкви.

На самом деле, выбор архиепископа взволновал Джавана, и тот раздумывал над этим вопросом пока шел в свои покои вместе с Карланом и Гискардом, гадая, не приблизил ли этим решением смерть несча-

стного Урсина. Мало того, что дисциплина в Рамосе действительно была весьма строгой, однако настоятель, обладающий всей полнотой власти над Дерини, будет иметь неограниченные возможности налагать на него любые кары, дабы спасти душу кающегося грешника.

Самое меньшее, чего мог ожидать Урсин, это строгих постов и частых телесных наказаний. Кроме того, как инструмент запугивания, под маской пастырской благочестивой заботы, кровопускание не имело себе равных. Насколько Джавану помнилось, Устав не требовал, чтобы братья-миряне подвергались этой процедуре... однако стоило лишь вспомнить отца Фаэлана, чтобы убедиться, насколько гибок может быть орденский Устав, когда это нужно настоятелям. Тем не менее, рискнуть все же стоило, ибо даже такое решение давало надежду на спасение.

В королевских апартаментах к ним с Гискардом и Карланом присоединился еще и Этьен, и Джаван пояснил всем троим, что он задумал для Урсина, его жены и ребенка. Гискарда этот план поразил своей отвагой, но Этьен лишь одобрительно кивнул.

— Да, задумано смело, даже дерзко, но может сработать... Если только он сумеет остаться в живых, это вы сказали верно. Однако необходимо соблюдать очень точное равновесие... Оставить его в монастыре на достаточно долгий срок, чтобы он освоился с рутиной, убедил их в том, что не представляет никакой угрозы, и чтобы освобождение его не ударило по вам, сир... однако недостаточно надолго, чтобы они все же решили избавиться от бывшего Дерини.

— Да, меня это тоже беспокоит, — согласился Гискард. — Хьюберт ясно дал понять, что аббат будет иметь власть над жизнью и смертью Урсина, хотя,

конечно, они не решатся убить его в открытую. Зато могут содержать в одиночном заключении, постепенно урезая порции пищи, так что он умрет от истощения. Пост — это освященная временем монастырская традиция. Кроме того, они могут переусердствовать с кровопусканием, и для этого даже не обязательно вскрыть ему жилы и разом выпустить всю кровь, достаточно делать это регулярно, и каждый раз брать крови слишком много, покуда он попросту не угаснет, лишившись сил.

— А я-то думал, что даже у *Custodes* после первого раза кровопускание не является обязательной процедурой, — заметил Этьен. — Мне говорили, это придумано исключительно чтобы снять излишнее напряжение у монахов и не допустить вспышек страстей.

— На самом деле, — пояснил Джаван. — От мирян этого, вообще, не требуется, однако когда дело доходит до Дерини, или даже до бывших Дерини, то Устав и все правила враз делаются весьма гибкими.

— Я так и понял, — вздохнул Этьен. — А ведь до сих пор мы говорили только о достаточно тонких мерах, но могут быть и гораздо более грубые действия. *Custodes* могут довести его до костра по сфабрикованному обвинению, или просто по собственной прихоти. — Он тряхнул головой. — Возможно, вы не так уж и услужили ему, сир.

— Если бы он мог сам выбирать, то, полагаю, предпочел бы шанс обрести свободу, даже такой ценой, — невозмутимо отозвался Джаван. — Я же не хочу оставить его там навечно. Как только сын с женой будут в безопасности...

— Лучше не увязывайте ваши планы на него с их безопасностью, сир, — возразил Этьен. — Ведь здесь в плену содержатся и другие Дерини, и их жизнь мо-

жет оказаться под угрозой, если возникнут ненужные подозрения. В отличие от Урсина, который женился на обычной женщине, жена и дочь Ориэля — Дерини, точно также, как мать и сестра Ситрика.

Джаван кивнул.

— Я помню об этом, не тревожьтесь. Я не стану предпринимать никаких поспешных действий, — он поморщился. — Однако вам с Гискардом лучше поторопиться. Чем раньше Джорем узнает, что я задумал, тем раньше мы сможем начать строить планы.

* * *

В это же самое время другие люди также раздумывали над смыслом затеянного Джаваном.

— И почему он так настроен убрать Урсина из замка, — вопрошал Хьюберт, подпирая рукой двойной подбородок. Через стол он уставился на Полина с Альбертом. — Он ведь понимает, что отдает этого человека полностью в нашу власть, и мы будем вольны делать с ним все, что заблагорассудится... Если только на самом деле Урсин не столь беспомощен, как кажется. И эта история с его женой и ребенком...

— По счастью, у нас еще остается несколько месяцев, прежде чем решить, как поступить, — Полин задумчиво забарабанил пальцами по столешнице. — Меня лично сейчас куда больше тревожит мастер Ориэль. Не знаю, было ли ему известно заранее, что задумал Джаван, но отныне у меня нет сомнений, что Целитель стал досадной помехой в наших планах.

Хьюберт метнул на него многозначительный взгляд.

— Но у нас нет других Целителей, — резонно заметил он. — Так что стоит подумать как следует,

прежде чем окончательно решить этот вопрос. Или вы не сталкивались с этими напыщенными шарлатанами, которые именуют себя придворными лекарями?

— Да, но теперь я задаюсь вопросом, не лучше ли рискнуть воспользоваться услугами обычной медицины, нежели стать жертвой прихотей Дерини. Я вас предупреждал, что рано или поздно они перестанут нам быть полезны. Но тогда, Хьюберт, вы мне не верили. Ориэль же придает королю уверенности, которой тот иначе мог бы и не обладать. Особенно в свете того, что мы знаем теперь о нем самом. Если случится использовать мерашу, то я бы хотел, чтобы это сделал кто-то из *моих* людей. И если нужно использовать чары истины, то я бы хотел, чтобы это делали *мои* люди, или же этого не делал никто вообще.

— Ну, у нас еще остается Ситрик. Ран никогда не скупился на его услуги. И, кроме того, теперь у вас появился мастер Димитрий.

— Разумеется, но даже Ран признавал в свое время, что может настать такой день, когда его собственный Дерини будет доставлять ему больше неприятностей, чем пользы, — возразил Полин, проигнорировав слова насчет Димитрия. — Нет, — продолжил он, сцепив пальцы за затылком и покачиваясь на стуле со взглядом, устремленным в потолок, — я твердо убежден, что мастер Ориэль больше ничем не может быть нам полезен. И полагаю, что именно Ситрик должен заняться решением этого вопроса.

* * *

Но прошло еще несколько недель, прежде чем Ситрику представилась удобная возможность испол-

нить то, что от него требовали. При дворе уже всем было известно о беременности принцессы Микаэлы, и Ориэль как раз возвращался после очередного еженедельного визита к ней в сопровождении своего рыцаря-телохранителя.

Ситрик также за последние дни обзавелся телохранителями, ибо сознавал, что не сумеет в одиночку совладать и с сэром Гэвином, и с Ориэлем. Конечно, в ментальном сражении никто не поможет ему, однако острая сталь порой бывает весьма полезна...

Своих людей он расставил именно там, где должны были проходить Ориэль с Гэвином по пути в покои Целителя, — двое должны были последовать за ними на лестницу и отрезать пути к отступлению, тогда как три других ожидали на первой лестничной площадке, причем все они были в камзолах цветов Халдейнов. Ситрик тщательно отобрал стражников из королевского гарнизона, подчинив всех пятерых своей воле и внушив им непоколебимую уверенность, будто они отражают попытку сэра Гэвина убить королевского Дерини. Если кто-нибудь из стражников уцелеет, то сможет потом рассказать, что якобы слышал, как Гэвин похвалялся другому рыцарю, чье имя он весьма кстати подзабыл, что Дерини забрал себе слишком много власти при дворе, и Гэвин непременно поправит дело.

Вот чего никто из них не должен был вспомнить, так это приказа Ситрика обмакнуть лезвия мечей в мерашу, так чтобы малейшая рана, нанесенная Ориэлю, лишила его способности к сопротивлению. Если порезов, даже самых легких, будет нанесено достаточно, то наступит смертельная передозировка мераши. Таким же образом Ситрик подготовил и свой собственный кинжал, и теперь нервно теребил нож-

ны, ожидая приближения жертв. Он уже слышал их голоса на лестнице... веселую болтовню людей, не подозревающих, что они уже угодили в ловушку.

* * *

Вот чего Ситрик совсем не ожидал, так это что король нынче утром изменит свои планы и решит сразу после завтрака заняться деловыми бумагами, а не поедет, как обычно, верхом на прогулку. Вместе с Карланом и Гискардом он направился к лестнице, как вдруг уловил несколькими этажами выше, приглушенный ментальный вопль и, встревоженный, подтолкнул своих спутников вперед. Сэр Гэвин защищался, как лев. Один труп попался им на лестнице, прежде чем они достигли площадки, где вовсю шел бой. Другой стражник, зажимая рану, привалился к стене на ступеньках, и струйка крови, пузырясь, стекала у него изо рта. Кровавая отметина на стене показывала путь его падения. К изумлению Джавана на обоих стражниках он узнал камзолы цветов Халдейнов.

Сам Гэвин лежал ничком в луже крови, рука по-прежнему слабо подергивалась на рукояти сломанного меча, а за спиной у него еще двое нападали на человека в зеленом плаще и тунике.

Тот закричал. В тусклом свете Джаван осознал внезапно, что видит перед собой Ориэля. Вокруг головы его вспыхнула и тут же погасла аура Дерини, когда один из нападающих полоснул ему по пальцам кинжалом. Затем Целитель устремил прямо ему в лицо сгусток оранжевого света, и этот нападающий...

— Ситрик, нет! — закричал Джаван.

Карлан с Гискардом бросились вперед с мечами наголо. Джаван последовал за ними, также обнажив оружие в отчаянии, что не успеет вовремя добраться до Ориэля. Ситрик с отчаянным рыком прервал атаку и метнул огненный шар в Карлана.

Не думая о последствиях, Гискард оттолкнул Карлана в сторону и вызвал защитное заклинание. На ладонях у него вспух шар ослепительно-белого цвета, поглотивший огонь Ситрика. В общем смятении, когда Джаван выскочил у рыцаря из-за спины, Ситрик подумал, что именно король отразил его нападение.

— Ты?! — завопил он, ткнув в Джавана кинжалом, и вновь устремился в атаку.

Глава 40

Глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную[1]

Джаван инстинктивно пригнулся, вскинул руку и тут же создал защитный покров между ними, поглотивший огненный шар во вспышке багряного света. Не дожидаясь продолжения, Ситрик развернулся на каблуках и устремился прочь по коридору. В тот же миг Гискард оттолкнул одного из оставшихся в живых стражников и перешел из обороны в нападение, собрав всю доступную ему магию, дабы остановить бегство Ситрика. В тот же миг, как только он понял, что задумал Гискард, Джаван присоединил к его силе свою собственную.

Мощное заклятие настигло Ситрика, едва тот сделал дюжину шагов. С истошным криком он рухнул на пол, и мгновенно вспышка пламени охватила его, оставив лишь скорченное почерневшее тело. В гробовом молчании Джаван услышал шаги, гремевшие по лестнице в другом конце коридора, и кончиком меча указал на стражников, распростершихся вокруг Гэвина. А Ориэль...

---

[1] Притчи 6:17

«Сделай так, чтобы никто из них ничего не вспомнил!» — мысленно передал Джаван Гискарду и бросился к Целителю, чтобы проверить, как он.

Ориэль скорчился, стоя на коленях, прижимая к груди израненные руки. Из тонкого пореза на щеке сочилась кровь, но в остальном, казалось, он ничуть не пострадал... если не считать хаоса, царившего в его сознании.

— Мераша! — воскликнул Джаван. — Должно быть, ею смазали лезвия мечей. Карлан, скорее сюда. Подними Ориэля на ноги! Заставь его ходить, не останавливаясь. Только не дай ему лишиться чувств. Я не знаю, какую дозу он получил. *Стража!* — закричал он, завидев людей в камзолах Халдейнов. — Скорее лекарей сюда, и, Боже правый, *Гэвин*...

Он метнулся к павшему рыцарю, опустился на колени прямо в лужу крови и, отбросив меч, приподнял молодого рыцаря за плечи. Теперь на площадке было тесно от людей, стражники пытались позаботиться об Ориэле, но Джаван почти не обращал на них внимания, замечая лишь Карлана, который встал у него за спиной.

— Гэвин, сейчас приведут лекаря, только держись. Что случилось? — прошептал он, рукой в перчатке зажимая зияющую рану на груди у юного рыцаря, словно пытаясь удержать в нем жизнь... хотя, даже на самый беглый взгляд, у Гэвина было не менее трех других серьезных ранений.

Заслышав знакомый голос, рыцарь набрал в себе сил приподнять голову и открыл глаза.

— Не понимаю, — с трудом выдавил он. — Это были наши люди. Мы как раз возвращались из покоев вашего брата, и они просто... напали на нас. — Он закашлялся, сплюнул кровь, и Джаван встревоженно

оглянулся по сторонам. Даже если бы Ориэль не был одурманен мерашей, — а ведь он еще может умереть, если получил слишком большую дозу! — Джаван сомневался, что и самый лучший Целитель мог бы помочь сейчас молодому рыцарю.

— Я... пытался защитить его, мой принц, — прошептал Гэвин слабеющим голосом. — По-моему, я... убил двоих, прежде чем они до меня добрались.

— Троих, — поправил Джаван. — И ты сделал больше, чем мог бы любой другой на твоем месте.

Содрогаясь, Гэвин прикрыл глаза, затем вновь посмотрел на Джавана.

— Почему вдруг... стало так темно, сир? Я... ничего не вижу...

— О, господи, Гэвин, прости, — выдохнул Джаван, и склонился над умирающим.

— Я горжусь... что послужил своему королю, — прошептал Гэвин. На губах его вздувались кровавые пузыри. — Меч, мой господин, дайте мне крест, чтобы я мог держать его.

Джаван, заливаясь слезами, вслепую потянулся за мечом. Рукоять была скользкой от крови Гэвина, и он попытался вытереть ее о свою тунику, прежде чем передать оружие умирающему.

— Меч Халдейнов для защитника Халдейнов, — произнес он чуть слышно и помог рыцарю поднести крестовину к губам, дабы тот мог поцеловать освященную реликвию. — Сияющий крест для того, кто верой и правдой служил своему королю и предстанет пред троном Царя Небесного, коему служим мы оба. Да примет он тебя в лоно Свое, Гэвин, и да обретешь ты покой в служении Всевышнему.

Гэвин нашел в себе силы выдохнуть последнее «Аминь», и в тот же миг Джаван ощутил, как душа

его отлетела. Он стиснул мертвеца в объятиях, тряхнул головой и негромко застонал.

Но мало-помалу окружающий мир вернул его к действительности. Подняв глаза, он обнаружил вокруг людей в черных накидках с алым подбоем. Карлан с Гискардом стояли рядом, устало опираясь на мечи. Лекарь в одеждах цветов сэра Робера опустился рядом со стонущим Ориэлем, внимательно осматривая его ладони. Другой лекарь, в рясе *Custodes*, стоял у ног Гэвина, держа в руках сумку с лекарствами. Вид у него был искренне огорченный.

— Пусть кто-нибудь скажет тому лекарю, что Ориэля нужно заставить подняться на ноги и ходить, — заявил Джаван, осторожно уложил тело Гэвина на пол и, приняв помощь Карлана, поднялся. — Не дайте ему лишиться чувств, скорее всего, он получил слишком большую дозу мераши, она была на кинжале Ситрика. И поосторожнее обращайтесь с мечами, скорее всего, клинки тоже отравлены.

Весь в крови Гэвина, он ошеломленным взглядом окинул поле боя. Ран в коридоре вместе со своими людьми осматривал тело Ситрика, а двоих уцелевших халдейнских солдат взяли под стражу рыцари *Custodes* под командованием Альберта. Над кем-то из покойных священник читал отходную молитву.

— Что ж, ловко получилось, — заявил Ран, выйдя на лестничную площадку и свирепо уставившись на Ориэля. — Он убил его, и теперь при дворе не осталось других Дерини. Вы в завидном положении, не так ли, сир?

Джаван неприязненно покосился на Рана, в душе, однако испытывая облегчение, что тот решил, будто убийство — дело рук Ориэля.

— На самом деле, — заявил он, — похоже скорее, что *ваш* Дерини пытался убить моего. Это вы велели ему?

— Разумеется, нет, — воскликнул Ран возмущенно, и он говорил правду.

В таком разе, все случившееся казалось еще более необъяснимым. Джаван мог понять, почему его противники желали смерти Ориэля, и именно такова была цель Ситрика, но кто мог осмелиться отдать ему такой приказ, не спросясь Рана.

— Ну что ж, я намерен выслушать, что расскажет мастер Ориэль, прежде чем выносить суждения, — заявил Джаван, глядя на Целителя, которому лекарь сэра Робера пытался влить в горло какое-то снадобье. — Что там у вас такое?

— Это просто бодрящее средство, сир, чтобы противостоять усыпляющему воздействию мераши. Конечно, это означает, что с отравой ему придется бороться в сознании, но все лучше, чем заснуть и не проснуться.

— В таком случае, похоже, что до завтра он ничего нам не расскажет, так что придется вернуться к этому разговору позже, милорд Ран.

Король бросил взгляд на тело Гэвина.

— И пусть кто-нибудь известит семью покойного, — произнес он устало. — Я хочу, чтобы поминальную мессу отслужили в королевской часовне, а упокоился он в склепе Ремутского собора. Что же до этих людей... — он указал на двух пленников, которые изумленно озирались по сторонам, явно не понимая, что происходит и как они здесь оказались. — Робер, охраняйте их как следует. Как только Ориэль оправится, пусть допросит их. Подозреваю, что Ситрик каким-то образом контролировал их сознание. Хотя

под конец, мне показалось, они сражались между собой, так что, может быть, Ориэль сумел этому помешать. Но главный вопрос — это кто отдал приказ Ситрику, и с какой стати ему пытаться убить другого Дерини?

С этими словами он удалился в свои покои вместе с Гискардом и Карланом, чтобы скинуть с себя окровавленные одежды.

* * *

Чуть позже Альберт проводил Рана в его апартаменты. Полин с Хьюбертом встретили их в дверях.

— Это ваша работа? — негодующе воскликнул Ран, закрыв за ними дверь. Один из рыцарей *Custodes* остался снаружи, однако Альберт привел с собой еще и лекаря, и тот встал за спиной у своего господина, скромно потупив взор и скрестив на груди руки.

— Прошу вас, сядьте, милорд, — негромко попросил Полин. — Мне жаль, что вы потеряли своего Дерини. По счастью, у нас есть ему замена.

Ран остолбенело уставился на Полина, затем перевел взгляд на остальных, и лишь после этого более пристально уставился на лекаря, чье лицо было ему незнакомо. Хьюберт также смотрел на этого человека, чисто выбритого, подстриженного на военный манер, с небольшой тонзурой *Custodes*.

— Кто это такой? — прошептал Ран.

— Ран, граф Шиильский, позвольте представить вам мастера Димитрия, — небрежно отозвался Полин и усмехнулся, заметив, что Ран отвел глаза, не в силах выдержать взгляда Дерини. — Хотя он и не Целитель, но получил образование лекаря, однако у не-

го есть и куда более полезные способности. Прежде в своей свите я выдавал его за писца, однако недавно мы решили, что пора ему предстать в ином обличье. Хочу добавить также, что мастер Димитрий служит мне по собственно воле. Если бы все сложилось иначе, ваш Ситрик сейчас был бы еще жив, а мастер Ориэль вместе с несчастным сэром Гэвином ждал погребения.

— Так значит, это вы подговорили Ситрика убить Ориэля? — пробормотал Ран. — Но почему мне ничего не сказали?

— В тот момент нам показалось, что будет лучше, если лишь несколько человек будут посвящены в подробности плана, милорд, — пояснил Альберт. — А так, ваше возмущение оказалось ненаигранным, и король мог убедиться, что вы не имели к случившемуся никакого отношения. Кроме того, вы сами подсказали мысль, что это Ориэль мог из ревности напасть на Ситрика, чтобы остаться единственным Дерини при дворе. Так что теперь можно считать, что репутация Ориэля погублена окончательно. Король больше не сможет держать его при себе и будет вынужден отослать прочь из столицы. Вот тогда-то в игру вступит мастер Димитрий, и на нашей стороне окажется несомненное преимущество.

Ран шумно выдохнул, стараясь погасить обиду, затем подтянул к себе кресло и уселся.

— Полагаю, я все же заслуживаю объяснений, — заявил он. — И без *его* присутствия. Мастер Димитрий, соблаговолите извинить нас.

Едва лишь Димитрий удалился в коридор, и дверь за ним закрылась, Полин вкратце рассказал Рану их планы и подозрения насчет короля и пленных

Дерини, которые по-прежнему удерживались заложниками в замке.

— Так Джаван хочет вытащить оттуда Урсина с семьей? — переспросил Ран, выслушав рассказ.

Хьюберт кивнул.

— Все началось с вопроса, действительно ли Урсин по-прежнему остается Дерини, и принадлежит ли к этому племени его сын. Затем все свелось к богословским спорам. Именно поэтому мы прежде вам ничего и не сообщали. Ну, а кроме того, если вы чего-то не знаете, то не могли бы никому и рассказать. Однако теперь это стоило жизни вашему Дерини, и вы получили право узнать обо всем наравне с нами. Наверняка король захочет отослать из замка и семью Ситрика.

— Надо было потихоньку задушить их, пока было время, — пробормотал Ран.

— Есть возможность получше, — возразил Полин. — Я думаю, мы и впрямь должны будем послать их с семьей Урсина. Да и Ориэля было бы неплохо с ними отправить.

— Кстати, раз уж речь зашла об Ориэле, подумайте вот о чем, — заметил Ран. — Если он выживет, то что именно он сумеет обнаружить, когда примется допрашивать двоих уцелевших стражников?

* * *

Ориэль и впрямь выжил. Но прошло целых два дня, прежде чем он пришел в себя достаточно, чтобы быть в состоянии допросить пленников. По настоянию Полина, он должен был сделать это в присутствии всего Совета, специально для этого собравшегося в малом приемном зале. Перед тем, как на-

чать допрос, Ориэль торжественно заявил, что не строил никаких планов убийства Ситрика, не рассматривал его как своего соперника, а также не помнил, чтобы использовал против того магию.

— Хотя, вероятно, сам того не сознавая, сделал это для самозащиты, — заключил он, извиняющимся жестом вскинув перевязанные руки. — Целители не имеют права отнимать жизнь у других людей, но инстинкты выживания порой берут верх. Клянусь вам, на нас напали без всякого предупреждения, прямо на лестнице, и стражники явно намеревались убить нас обоих, как они убили сэра Гэвина.

Порезы на руках и на щеке Ориэль исцелил, едва лишь вновь смог пользоваться своей магией, однако повязки оставил, чтобы защитить нежную кожу... а также, чтобы напомнить слушателям о своих способностях.

Димитрий обратил на это внимание, незаметно стоя у стены за спиной у Альберта, ибо присутствовать сегодня приказали всем тем, кто стал свидетелем этого ужасного происшествия. До сих пор в словах Ориэля он не уловил ни тени лжи, и все-таки в них звучала какая-то странная нотка. Он нагнулся, чтобы шепотом проронить пару слов Альберту на ухо, и в этот момент Удаут приказал ввести первого пленника. Кивнув, Альберт передал Полину все сказанное Димитрием.

Сперва допрашивать пленников должен был лорд Джеровен как представитель королевского правосудия, а Ориэлю надлежало лишь с помощью чар истины помешать стражникам лгать. Первый из них, по имени Болдуин, рассказал собравшимся сумбурную историю, как ему сказал некто — он не помнил точно, кто именно — будто сэр Гэвин собрался убить

Ориэля. Они с товарищами бросились на лестницу, чтобы помешать ему... Нет, Ситрика он при этом не заметил. Но Гэвин оказался куда лучшим фехтовальщиком, нежели они ожидали. Им удалось свалить его, но лишь ценой жизни нескольких товарищей, — а затем внезапно капитан приказал им убить и самого Ориэля. Однако в тот самый миг, когда Болдуин бросился на него с мечом, Ориэль сделал что-то странное, у Болдуина в мозгу вспыхнуло ослепительное пламя, и внезапно он осознал, что должен не убивать Ориэля, а, наоборот, защищать его против своих же товарищей.

После этого все смешалось. Вспышки света, боли, затем кто-то вырвал у него меч из онемевших пальцев, связал его... Он даже не понимал толком, что происходит. Он до сих пор ничего не понял.

Выслушав Болдуина, советники принялись недоуменно перешептываться. Стражник, похоже, старался говорить чистую правду, — Ориэль подтвердил это, равно как и то, что попытался управлять сознанием этого человека, чтобы защититься от остальных нападающих... Но было ясно, что до истинной подоплеки этой истории они пока еще не докопались. Болдуин согласился, что в воспоминаниях его зияют прорехи, и объяснить этого он не в состоянии, хотя на коленях клялся королю, что никогда не замышлял против него предательства.

Весь дрожа, он сел на подставленный стул и вывернул шею, опасливо наблюдая за Ориэлем, который приблизился к нему со спины. Лицо его исказилось, когда Целитель опустил ему на плечи перевязанные руки.

— Я не причиню тебе зла, — прошептал Ориэль, большими пальцами касаясь шеи стражника. — Те-

перь расслабься. Ты не понесешь наказания, если действовал против собственной воли.

Болдуин покорно закрыл глаза, и Целитель склонил голову. Прошло несколько долгих минут, и наконец Ориэль глубоко вздохнул и поднял глаза.

— Сир, доказать я этого не смогу, однако похоже, именно Ситрик поработал с сознанием каждого из стражников, внушив им некоторые убеждения и команды, ослушаться которых они не могли. В основе истории лежало то, что якобы Гэвин задумал меня убить, а они должны этому помешать... Однако вторая команда была такова, что едва лишь Гэвин погибнет, им надлежит наброситься на меня. Я уверен, что второй пленник скажет нам, будто лично слышал, как Гэвин клянется меня убить... что он устал от Дерини, которые набрали слишком большой вес при дворе, что они мешают королю и влияют на здравость его суждений. Прошу простить меня, сир, но именно таковы будут слова стражника. Вы сами убедитесь в этом, когда начнете допрос, даже до того, как я коснусь его хотя бы пальцем. Если угодно, я готов даже выйти из комнаты.

Возможность мятежа со стороны Ситрика неприятно поразила собравшихся и заставила их обратиться к Рану, бывшему хозяину Дерини, однако Ран со всей искренностью отрицал участие в заговоре и без тени колебаний заявил, что никаких подобных приказов Ситрику не давал. Ориэль подтвердил, что тот говорит чистую правду, и теперь внимание советников вновь вернулось к Целителю. Похоже, среди слушателей много было тех, кто в душе соглашался с высказываниями, приписываемыми покойному Гэвину.

— А что за магия убила Ситрика? — спросил Полин, сменив тему разговора.

— Что вас интересует, милорд? — уточнил Ориэль.

— Пленнику что-то известно об этом?

— Он помнит вспышку света и как огненная пелена словно окутала Ситрика. Я... в тот момент я держал его разум под контролем, милорд. Пытался помешать его сообщникам меня убить, но мераша почти полностью парализовала мое сознание... Больше он, по-моему, ничего не видел.

Димитрий вновь готов был подтвердить искренность этих слов, и все-таки звучала в них какая-то странность. Он незаметно поспешил сообщить об этом Альберту, тогда как советники вновь принялись перешептываться между собой, а Удаут вывел первого пленника и привел в зал второго, по имени Невел.

Невел почти слово в слово повторил то же, что до этого сообщил присутствующим его товарищ, однако добавил, что лично слышал, будто Гэвин клянется убить Ориэля, из-за того что тот обрел слишком большое влияние на короля. Прочитав его мысли, Ориэль убедился, что все эти воспоминания были внушены ему Ситриком, но, разумеется, никак не мог этого доказать, ибо Ситрик и Гэвин оба были мертвы. Лишь одно удалось установить наверняка, если только Ран не лгал, это что Ситрик задумал убить Ориэля по собственной воле, без ведома своего хозяина.

— Разумеется, у нас нет причин усомниться в словах лорда Рана, — заявил Таммарон, когда Удаут увел второго пленника, а сэр Сорль удалился вместе с Ориэлем. — Однако должен заметить, что мы никоим образом не можем доказать и невиновность са-

мого Ориэля. Сир, к несчастью, мастер Ориэль остался единственным Дерини при дворе, и у нас нет никакой возможности убедиться в его собственной искренности. В особенности, когда дело касается его лично, мы никоим образом не можем доверять его словам.

— Я лично убежден в правдивости мастера Ориэля, милорд, — возразил Джаван. — Но что вы предлагаете? Как нам убедиться, что именно Ситрик, а не Ориэль был повинен в преступлении?

Пришлось признать, что убедительных доказательств не существовало, и Джаван вынужден был согласиться держать Ориэля под пристальным наблюдением. Новым телохранителем его он назначил сэра Сорля.

— Кроме того, я желаю подвергнуть домашнему аресту обоих стражников, — заявил король. — Я убежден, что они неповинны в сознательном участии в заговоре, однако не уверен, что смогу доверять им в будущем. В следующий раз, когда из Ремута будет отправляться пополнение в приграничные гарнизоны, я хочу, чтобы их отослали туда. Робер, проследите, чтобы это было исполнено.

— Слушаюсь, мой господин.

После этого Джаван распустил придворных и устало вернулся в свои покои, отправив Этьена доложить все Джорему и попросить его совета. Ориэль, несмотря на свою невиновность, находился практически в положении осужденного и не показывался из своей комнаты, расположенной прямо напротив апартаментов Джавана. Сэр Сорль и Гискард расположились в соседних покоях.

А поздно ночью, когда все в замке заснули, мастер Димитрий, неслышный, точно призрак, прошел

по темным коридорам и в свою очередь встал на часах, охраняя двух опозорившихся стражников.

* * *

На следующий день Джаван вместе с братом и сэром Томейсом прошел по парадному залу, собираясь отправиться на верховую прогулку, когда внезапно по главной лестнице ему навстречу устремился сэр Робер вместе с графом Удаутом.

— Сир, боюсь, нынче вы не пожелаете ехать на прогулку, — объявил тот и, жестом позвав за собой короля, устремился в открытую галерею, окружавшую сад. Он даже не оглянулся, дабы убедиться, последовал ли Джаван за ним.

— Ступайте с Робером, сир, — поторопил его Удаут. — Предупреждаю, зрелище не слишком приятное. Хорошо, что вы еще не успели позавтракать.

Учитывая подобное предупреждение, Джаван двинулся за Робером, полный самых недобрых предчувствий, и в дальнем конце сада обнаружил на земле труп обнаженного мужчины. Райс-Майкл и двое других рыцарей уже склонились над ним, и только Карлан старался идти помедленнее, памятуя о хромоте своего господина.

— Кто это такой? — спросил Джаван, проследив взглядом за Удаутом, который указывал на раскрытое окно четырьмя этажами выше, откуда выглядывали несколько стражников.

Робер опустился рядом с трупом на колени, развернул его голову и вздохнул.

— По-моему вы помните, сир, это Болдуин.

— Боже правый, он что, спрыгнул оттуда, — выдохнул Джаван.

— Спрыгнул, или его вытолкнули.

Робер хотел было приподнять мертвеца и перевернуть его, затем вновь тряхнул головой. На земле было полно крови, ибо несчастный Болдуин рухнул прямиком на заостренные подпорки для саженцев.

— Да, если бы даже он не погиб при падении, его бы уже ничто не спасло, — заметил рыцарь и поднялся, отряхивая ладони о бедра. Он вновь поднял голову, чтобы взглянуть на открытое окно. — Впрочем, боюсь, второму бедолаге пришлось не лучше.

— Он тоже мертв? — спросил Джаван.

Наверху, в комнате они обнаружили, что несчастный Невел также принял смерть, более медленную, но не менее болезненную, чем Болдуин. Поскольку они оба находились под домашним арестом безоружные, похоже, что Невел разбил пустую винную флягу и использовал острый, как бритва, осколок, чтобы перерезать себе запястья почти до кости, а затем попытался вскрыть себе горло. Он также был совершенно обнажен. И если относительно намерений Болдуина еще оставались сомнения, то кончина Невела, очевидно, была делом его собственных рук. Он по-прежнему сжимал окровавленный осколок в застывших пальцах. Кровь запятнала всю комнату и его бледное тело. Взгляд мертвых глаз был устремлен на окно, откуда прыгнул его товарищ, рот исказился в безумной торжествующей усмешке.

— Иисусе милосердный, но почему? — прошептал Джаван и опустился на колени рядом с Гискардом, который осматривал тело.

— Вероятно, ими двигало отчаяние, оттого что они утратили доверие короля, — ледяным тоном отчеканил Ран. Они с Альбертом уже находились в комнате, когда король прибыл туда, а вместе с ними

был и лекарь *Custodes*. — У этих людей не осталось будущего, сир, ибо их господин судил неправо и приговорил их к изгнанию из столицы.

— Это нелепость, — воскликнул Джаван, но щеки его вспыхнули. — Этого недостаточно, чтобы человек лишил себя жизни... Особенно таким ужасным способом. Робер, может быть, это Ситрик внушил им нечто подобное?

— А почему вы не спросите, не мог ли им внушить этого мастер Ориэль? — продолжил давить на короля Ран. — Если бы Ситрик велел им покончить с собой, они бы это сделали, прежде чем подверглись допросу. Но Ориэль копался в их сознании только вчера.

— Ерунда, — не удержался Карлан. — Если они не сказали ни слова против Ориэля накануне, то уж конечно, ничего не сказали бы и в будущем. Зачем им делать такую глупость? Единственное, чего они достигли, это дали повод для беспочвенных обвинений разным болтунам вроде вас.

— Сир, немедленно заткните рот этому дерзкому щенку, или я возьмусь за хлыст, — взорвался Ран. — Ты что, смеешь защищать Дерини, мальчишка?

— Милорд, вы зашли слишком далеко, — предупредил его Джаван, поднимаясь на ноги. — Карлан, подойди сюда. Я не потерплю ссор среди своих подданных. Гискард, прошу тебя...

Гискард продолжал осматривать мертвеца, стараясь вывести хоть что-то из положения тела и нанесенных ран, однако мгновенно откликнулся на голос Джавана.

— Не верю, чтобы Невел сам на такое решился, — прошептал он королю по пути в столовую, где уже был накрыт завтрак, хотя никому из них сейчас, ко-

нечно же, было не до еды. Райс-Майкл вернулся к себе, заявив, что перекусит позже. — Жаль, что Ориэлю не удастся как следует осмотреть трупы, но после слов Рана вы не осмелитесь приказать ему придти туда.

— А почему нет? — таким же шепотом отозвался Джаван.

— Потому что если Ориэль обнаружил, что их и впрямь заставили покончить с собой, то он окажется единственным подозреваемым в глазах двора. Более того, если этого не делал ни он, ни вы, ни мы с отцом, — а мы с уверенностью можем это утверждать, — то, значит, в замке есть еще один Дерини. Сомневаюсь, чтобы это был призрак Ситрика, а значит, остается лишь один человек. И вы прекрасно знаете, о ком речь.

Джаван оступился и застыл на месте, изумленно глядя на Гискарда.

— Димитрий? Здесь?

— Ну, сомневаюсь, чтобы он смог проделать все это из *Arx Fidei*, — отозвался Гискард. — Кроме того, мне пришло в голову, что они не посмели бы рискнуть Ситриком, если бы не имели еще одного Дерини в запасе.

— Тогда, скорее всего, он был в числе *Custodes*, приехавших в столицу за последний месяц, — пробормотал Джаван. — Однако я помню его лицо из воспоминаний Серафина. И там не было никого похожего.

— Но ведь у него была борода, — возразил Гискард, — и он был в мирской одежде. Но сбрейте бороду, нарядите его в рясу... Попытайтесь представить себе, сир.

Джаван внезапно поник головой, лишь теперь осознав, что последние дни лицо это постоянно было у него перед глазами.

— Лекарь, который пришел с Альбертом, — выдохнул он. — Вчера он присутствовал на допросе, а сегодня утром тоже явился с ним вместе. — Закрыв глаза, он вызвал перед внутренним взором образ этого человека, — седеющие русые волосы с выбритой тонзурой, темные глаза с осторожно опущенными веками, чувственный рот... И крохотная метка на мочке правого уха, где некогда красовалась золотая серьга.

— Боже правый, что же нам теперь делать?

* * *

И пока король задавался этим вопросом, Димитрий, сидя вместе с Альбертом, Раном и Хьюбертом в покоях Полина при Ремутском соборе, докладывал им обо всем, что стало ему известно за последнее время.

— Милорды, это утро принесло много нового, — начал он, когда все расселись перед камином. — Учитывая все, что вы рассказали мне о короле, не могу утверждать наверняка, что ощутил в нем магию Дерини... но это было нечто очень схожее, и исходила эта сила либо от короля, либо от рыцаря по имени Гискард.

— Де Курси? — переспросил архиепископ.

— Но я бы скорее сказал, что именно от короля, — отозвался Димитрий. — Хотя, возможно, замешаны они оба. Это подтверждает впечатление, которое я получил из воспоминаний стражников Болдуина и Невела, перед тем как отдал им приказ о самоубий-

стве. Поскольку ни один из них не подозревал во владении магией короля, то оба решили, будто атака исходила именно от мастера Ориэля. Но на самом деле точно этого не помнит ни один из них. К тому же мастер Ориэль получил большую дозу мераши. Едва ли он был в состоянии нанести удар такой силы.

— Значит, это король, — пробормотал Полин. — Слухи оказались правдивы, и Халдейны обладают могуществом. Может, сами они и не Дерини, но сила их явно идет из этого источника. Так что теперь мы имеем достаточно причин, дабы низвергнуть и уничтожить его!

* * *

Однако в следующие недели никто не дал повода Джавану заподозрить неладное. Лекарь-монах, в котором они подозревали Димитрия, исчез из столицы... что косвенно подтверждало его вину в недавних событиях, — однако Джаван не осмелился расспрашивать о нем. Он мог лишь радоваться отсутствию Дерини при дворе и надеяться, что ни он, ни Гискард не выдали себя в его присутствии.

Сэр Гэвин был похоронен со всеми почестями, ибо геройски погиб на королевской службе, и тело его упокоилось в склепе Ремутского собора.Самоубийцы Болдуин и Невел были похоронены на пустыре за рекой, рядом с отцом Фаэланом. Рану позволили приедать земле Ситрика на кладбище при церкви святой Хилари, и он неохотно позволил матери и сестре покойного присоединиться к семье Урсина, когда Джаван отошлет их на север к Ревану.

Ориэль старался никому не показываться на глаза, почти не выходил из своей комнаты, и понемно-

гу страсти улеглись. Теперь Джаван не мог в открытую прибегать к услугам Дерини для наведения чар истины, но, по крайней мере, у него оставался свой Целитель, и когда однажды в апреле Урсина обнаружили мертвым после очередного тестирования мерашей, Джаван, отправившись взглянуть на тело, взял с собой Ориэля.

— Никаких следов насильственной смерти нет, сир, — заявил придворный лекарь, которого позвали, когда Урсин не встал к завтраку. — Даю слово, что вчера ночью, когда я его покинул, он был в полном порядке. Конечно, после мераши он чувствовал себя скверно, но ведь я даже не дал ему положенной второй дозы. Раз уж ваше величество вознамерились отправить его к *Custodes*, то мы сочли, что в подобной предосторожности больше нет нужды. Может быть, во сне с ним случился сердечный приступ. Все-таки жизнь у него была очень нелегкая последние годы.

Лекарь говорил чистую правду, Джаван с Ориэлем оба знали это. Однако когда дверь за ним закрылась, король приказал Целителю повнимательнее осмотреть тело. С ними оставался Карлан, а Гискард с сэром Сорлем допрашивали стражников, дежуривших здесь ночью. На теле и впрямь не нашлось никаких иных отметин, кроме следов укола на руке, где Урсину вводили мерашу. Однако когда Ориэль попытался прочесть воспоминания умершего, то в ужасе отпрянул.

— Боже правый, — прошептал он, в изумлении схватившись за голову.

— Что такое? — воскликнул Джаван.

Ориэль тряхнул головой, показывая, чтобы ему не мешали, покуда он не закончит, и вновь склонился над мертвецом, прижимая дрожащие пальцы к

холодному лбу, затем вновь отпрянул и покачал головой, протягивая Джавану руку.

...Уверенные шаги в ночи. Урсин, с трудом пробуждающийся от наркотического забытья, три тени, нависшие над ним, двое удерживают его, тогда как третий прижимает к лицу подушку...

Он пытается отбиться, понимая, что эти люди желают его смерти, пытается дышать, тело конвульсивно дергается, силы уходят из него... А затем, когда несчастный уже почти лишается чувств, подушку внезапно отнимают ото рта. Челюсти насильно разжимают, и в горло вливают какую-то обжигающую жидкость, от которой немеет язык и паралич распространяется по всему телу и захватывает мозг...

Содрогаясь от ужаса, Джаван прервал контакт. Ориэль уже разомкнул мертвецу рот и заглянул в горло, ощутив следы смертельной дозы мераши.

— Но кто мог сделать такое? — шепотом спросил Джаван у Гискарда, когда труп наконец унесли, и Ориэля отправили в свои покои под надзором стражников. — И зачем? Он ведь больше ни для кого не представлял угрозы. А если *Custodes* хотели убить его, им достаточно было потерпеть пару недель, пока его не отправят в Рамос.

О том, что обнаружил Ориэль, он не сказал никому, кроме самых близких людей, ибо любые утверждения Целителя сейчас были бы поставлены под сомнение и вызвали лишние подозрения по отношению к самому Дерини. Кроме того, Гискард, допрашивая стражников, убедился, что лишь Дерини мог проникнуть в комнату Урсина через все кордоны охраны. Ему удалось использовать при расспросах лишь чары истины, однако все эти люди были совершенно непреклонны, — и говорили чистую правду,

так, как они ее помнили, — что не видели никого посторонних этой ночью.

— Похоже, Димитрий вернулся, — объявил Гискард. — Но мы даже не осмелимся спросить о нем Полина, дабы не вызвать подозрений. Ведь мы никоим образом не могли узнать о его существовании...

Рыцарь Дерини постарался в следующие дни осмотреть всех попадавшихся ему на пути *Custodes*, стараясь заметить их врага. Однако узнав, что несколько монахов уехали из Ремута в то самое утро, когда скончался Урсин, он понял, что поиски не приведут ни к чему. Конечно, все происшедшее лишь усилило их подозрения, однако они по-прежнему не могли ничего доказать и не смели задавать вопросов.

Урсин был похоронен при церкви святой Хилари, рядом с Ситриком, и архиепископ Хьюберт был настолько огорчен его смертью, что даже позволил вдове присутствовать на похоронах... хотя ей и не разрешили взять с собой сына-Дерини. Больше на церемонии не было никого, кроме стражников *Custodes*, охранявших Урсина в ночь смерти, и придворного лекаря, который посетил его накануне. Полин сам снизошел до того, чтобы прочесть отходную молитву, и даже высказал сожаление, что Урсин так и не смог предаться монашеской жизни, дабы искупить свои грехи, и теперь душа его не найдет упокоения ввиду безвременной кончины.

Джаван вместе с братом, Карланом и Гискардом во время мессы также присутствовал в базилике, стараясь с помощью чар истины определить ложь в словах Полина. Король почти сумел убедить себя, что верховный настоятель не имел отношения к гибели Урсина, но так и не смог себя заставить принять из его рук Святое Причастие. Точно также не стали

причащаться и остальные. Он мог бы приказать им, дабы не обострять отношений с Полином, но решил, что не станет этого делать. После обеда состоялось очередное заседание совета, которое Джаван с трудом высидел до конца. Хьюберт словно нарочно задался целью раздражать его, и Альберт следовал во всем его примеру. По счастью, не было хотя бы Полина.

И все же после смерти Урсина казалось, советники перестали воспринимать в штыки все предложения короля. Возможно, все же им не по душе была необходимость отослать в монастырь бывшего Дерини. Однако теперь у них не было никаких возражений по поводу того, как поступить с семьями Урсина и Ситрика, поскольку в заложниках больше не было нужды. И даже Хьюберт перестал возражать относительно Ревана, так что у короля зародилась надежда, что он сумел преодолеть основное сопротивление своих советников.

Весна пришла зиме на смену, и он отослал на север сэра Бертранда де Вилля, дабы тот узнал, как обстоят дела у мастера Ревана, тогда как совет в Ремуте продолжал заниматься донесениями королевских посланцев, поступавшими со всех концов королевства, по мере того как открывались от снега дороги и перевалы. Через Этьена де Курси Джаван старался сообщать Джорему обо всем, что происходит в столице, и попросил Дерини разработать план, как принять у Ревана трех женщин и мальчика, которые вскоре должны были отправиться на север.

Сэр Бертранд вернулся в конце апреля и принес весть, что мастер Реван вернулся на реку Эйриал и там вновь проводит крещение для очищения Дерини. Он рассказал пророку о планах короля, и один

из его помощников лично подвергся омовению в ледяной воде, дабы очиститься от деринийской скверны. После этого Реван благословил их... «Не именем своим, а именем Господа Сил», как заверил их Реван, и Бертранд после этого обряда подцепил жестокий насморк. И все же королевские рыцари вернулись совершенно уверенные в том, что Реван подлинный чудотворец и творит дела свои во благо Господа, и именно так и сообщили совету сразу по прибытии в Ремут.

— Конечно, я не стал бы утверждать, будто мастер Реван святой, — заявил Бертранд, сморкаясь в промокший платок. — Однако несомненно гораздо лучше стараться очистить тех, кто был осквернен, общаясь с Дерини, а также очищать самих Дерини от всякого зла, нежели подвергать их всех жестоким казням. Гораздо благотворнее давать этим несчастным шанс искупить свои грехи, и если милосердием и состраданием можно достичь тех же целей, что и жестокостью, то разве не лучше нам во всем следовать примеру нашего Господа?

Эти аргументы Джаван сам вложил в сознание Бертранда, прежде чем отправить его на север, однако теперь молодой рыцарь поверил в это со всей искренней страстью, ибо лично испытал очищение в руках Ревана, и, как ни странно, совет выслушал его донесение весьма благосклонно.

Возможно, даже слишком. Конечно, никто из них не лгал в открытую, и все же Джаван ощущал скрытую напряженность, источника которой не мог установить. Он знал, что Полин собирается испытать Ревана по поручению Хьюберта, однако даже верховный настоятель *Custodes* не стал насмехаться над Бертрандом, как того опасался Джаван. Несколько дней

он пытался застать Хьюберта наедине, в надежде узнать что-то новое из его сознания, однако архиепископа постоянно окружали люди. Наконец, Джаван решил, что, возможно, ему следует лично отправиться на север, дабы убедиться, что все пройдет гладко.

Он заявил об этом своим советникам, и ощутил исходящую от них смутную неловкость... Однако это лишь укрепило его уверенность в том, что он поступает правильно. Погода улучшалась с каждым днем. К тому же, в Ремуте он оставлял преданных стражников, которые помогут Райсу-Майклу справиться с любой неожиданностью, а после зимы, проведенной в четырех стенах, мысль о том, чтобы уехать и ненадолго развеяться, казалась особенно привлекательной. К тому же северянам не помешает лично увидеть своего короля. До того места, где расположился Реван, была всего неделя пути, даже если двигаться с долгими привалами, чтобы облегчить дорогу женщинам и ребенку.

Сперва советники не дали своего согласия, и заседание перенесли на следующий день, чтобы у них было время поразмыслить. Вечером, ужиная вместе с Райсом-Майклом и Микаэлой, король обрисовал им свой замысел.

— Меня не будет всего недели две, — сказал он. — И большинство недовольных уедут вместе со мной. Конечно, я оставлю вам Томейса, и, кроме того, мы можем рассчитывать на преданность Удаута. Это обеспечит нам верность гарнизона замка. Кроме того, с вами останутся Этьен и Джеровен с лордом Хилдредом.

— Думаю, я справлюсь, — согласился Райс-Майкл. — К тому же у нас остается Ориэль, если Мике понадобится помощь. — Он ласково взял жену за руку. —

Конечно, до рождения ребенка остается еще несколько месяцев. Ты сто раз успеешь вернуться. А кто поедет с тобой?

— Ну, конечно, Карлан с Гискардом, а Полин возьмет с собой Лиора, чтобы убедиться, что трое Дерини и впрямь получат «очищение». Это значит, что он наверняка пожелает взять с собой также Альберта и отряд *Custodes* для эскорта. Но зато с нами будет свита халдейнских стражников под командованием Робера. Думаю, это поможет держать *Custodes* в узде.

— А как насчет Рана?

— Готов взять его с собой, чтобы у тебя было меньше причин для беспокойства. Пусть едет с Альбертом. Знаешь, ведь он хотел бы стать в будущем гофмаршалом.

Райс-Майкл хмыкнул.

— Вот уж ни за что. Но в целом замысел удачный. Думаешь, они тебя отпустят?

Джаван хмуро покосился на брата.

— Неужто ты думаешь, что я позволю им меня удержать?

* * *

Тот же самый вопрос архиепископ задавал сейчас Полину.

— Судя по всему, он твердо решился, — ответил на это верховный настоятель *Custodes*. — Наш юный король стал очень умен к своим семнадцати годам. Не думаю, что нам удастся подчинить его своей воле. По счастью, остается еще запасной план.

Хьюберт покосился на Альберта, который сидел, молча ухмыляясь, рядом с братом, затем перевел взгляд на Полина.

— Скажите мне, что вы задумали, Полин?
— Не думайте об этом, — отозвался тот.
— Но ведь заложники — Дерини...
— Уверяю вас, это не будет проблемой.
— А король?
Полин усмехнулся.
— Пусть отправляется к мастеру Ревану.

Глава 41

И пойдет царь их в плен, он и князья его вместе с ним, говорит Господь[1]

Отъезд бывших заложников был назначен на первую неделю мая. Третьего числа Джаван отстоял мессу в королевской часовне вместе с семьей и приближенными, торжественно передал ключи от замка своему брату на ступенях парадного зала, а затем присоединился к свите, ожидавшей его во дворе.

Своих людей Робер выстроил в четыре колонны. Всего там было пятьдесят копейщиков вместе с офицерами. В лучах утреннего солнца доспехи их горели ярким золотом. Свой эскорт из двадцати рыцарей *Custodes* Альберт вывел к воротам замка, и там они образовали двойную шеренгу, через которую должна была проехать свита короля, – ибо Полин и впрямь объявил, что негоже путешествовать без солидного отряда стражи в столь неспокойные времена, в особенности, когда с ними едут Дерини.

Солдаты *Custodes* сопровождали также три запряженных лошадьми повозки, которые снаряжали сейчас во дворе замка. В одну из них поднялся лекарь

---

[1] Амос 1:15

Custodes, чтобы о чем-то поговорить с пассажирами... и Джаван с облегчением отметил, что, к счастью, это был не Димитрий. Советники согласились с королем: всех четверых заложников напичкают успокоительным на время, что они будут в дороге, однако не мерашей, ибо такие дозы на протяжении четырех или пяти дней могли оказаться смертельны.

В какой-то мере это было даже актом милосердия, ибо путешествие в трясущихся возках даже при наличии покрывал и подушек едва ли можно было назвать приятным. Джаван мельком заметил малыша Карролана, мирно спавшего у матери на руках, прежде чем лекарь задернул занавеску. В двух других повозках помещались пожилая матушка Ситрика и его сестра, миловидная молодая женщина лет двадцати. Помимо всего прочего, заложников приковали легкими кандалами за запястье к повозкам, чтобы они не попытались бежать, даже невзирая на снотворное.

В путь они тронулись вскоре после полудня, надев легкие доспехи поверх дорожной одежды. Джаван возглавлял отряд копейщиков Робера, рядом ехал Карлан с королевским штандартом, а с другой стороны — Гискард. Полин и Лиор скакали рядом с Раном, которого сопровождали четверо его охранников, сразу за королем со свитой. Рыцари *Custodes* Альберта замыкали кавалькаду позади повозок с пленниками и багажом.

Они неторопливо ехали по мощеным улицам, ведущим вниз с холма через весь город к городским воротам, чтобы дальше двинуться на север вдоль реки, и горожане высыпали на улицу, чтобы поприветствовать процессию, ибо король уже давно не выезжал из замка.

Джавану приятно было сознавать, что он выглядит так, как и положено правителю. Гнедой жеребец гарцевал под седлом, порой принимаясь прядать ушами, когда его пугал трепещущий на ветру штандарт Халдейнов в руках Карлана.

Поверх кожаного жилета король надел плащ, расшитый золотой нитью, со львом Халдейнов, ярко горевшим золотом на алом фоне, а рукоять Державного Меча отражала свет, словно живая. На голове его красовался обруч с бегущими львами, густым золотом выделявшийся на черных, как смоль, волосах, перехваченных на затылке в короткий хвост. Металлические пластины, нашитые на жилет, значительно утяжеляли его, однако по такой погоде это было также нелишним. Несмотря на ослепительное солнце, Джавану не было жарко даже в плаще, отороченном чернобуркой.

Приятно было вновь оказаться на свежем воздухе, вне городских стен, и Джаван гордился тем, что путешествие его имеет перед собой благородную цель. Вдохнув поглубже свежий весенний воздух, он не мог сдержать улыбки, переводя искрящийся лукавством взгляд с Карлана на Гискарда, а затем обернулся к Роберу с Бертрандом и пустил жеребца в галоп, не в силах больше сдержать своего веселья. Гискард с Карланом немедленно последовали за ним, и вдогонку тут же устремились шестеро копейщиков. Робер проводил короля снисходительной усмешкой, тогда как вся кавалькада ничуть не ускорила размеренного шага.

Где-то полмили спустя король развернул лошадь и вернулся, с благодарностью улыбаясь Роберу. Отныне он неукоснительно соблюдал приличия, как и подобает монарху.

Ночь они провели в монастыре *Ordo Verbi Dei*, в нескольких милях от аббатства *Custodes*. Полин предложил гостеприимство своего ордена, однако Джаван любезно отклонил приглашение. Королевская свита и заложники разместились в гостевых покоях монастыря, братия которого была глубоко польщена выпавшей им честью, тогда как солдаты разбили лагерь за стенами аббатства.

Понемногу путешествие их обрело свой четко выраженный ритм. Они двигались неторопливо, часто делая остановки, чтобы дать передохнуть лошадям, а ночи проводили в монастырях, пользуясь более длинной, но удобной дорогой вдоль реки, вместо того чтобы ехать по равнине. Каждое утро король с дюжиной рыцарей и копейщиков скакал галопом пару миль, чтобы размяться и дать возможность боевым коням выплеснуть свой пыл. К тому времени, как они возвращались к остальной процессии, там еще только заканчивали сборы в дорогу. Путешествие быстро стало утомительным, но Джаван утешался мыслью о том, что обратный путь пройдет куда быстрее, когда они избавятся от заложников.

В последнюю ночь перед прибытием к мастеру Ревану Джаван предложил Карлану с Гискардом выпить бутылку вина в отведенных им апартаментах в аббатства святого Марка. Они пренебрегли комфортом архиепископского дворца в Валорете, несмотря даже на то, что Хьюберта сейчас там не было, чтобы поближе подобраться к месту назначения.

— Завтра наконец будем у цели, — заметил Джаван, разливая вино по бокалам и угощая двоих своих помощников, которые стали также его самыми близкими друзьями. — Что вы думаете обо всем этом?

Гискард повертел кубок в руке, изучая содержимое, затем бросил взгляд на короля.

— Хотел бы я поболтать с Полином или Альбертом наедине, — произнес он негромко. — Не могу точно определить, в чем дело, но замыслили они недоброе. Мне удалось перебросится словечком-другим с парой офицеров *Custodes*, но, похоже, им строго-настрого велели не болтать лишнего при посторонних. Такое чувство, словно здесь два враждебных лагеря... и они явно не на нашей стороне.

— Думаешь, стоит вернуться? Мы могли бы укрыться в Валорете.

Гискард покачал головой.

— Едва ли это имеет смысл. Мы ничего не достигнем, только отдалим исполнение своего замысла, и уж конечно, это не решит проблему заложников. По крайней мере, мы точно знаем, что Реван на нашей стороне, и к тому же числом мы значительно превосходим *Custodes*.

— А ты что думаешь, Карлан, — обратился король ко второму рыцарю.

Тот покачал головой.

— Боюсь, мне нечего добавить. Только смутное чувство неловкости, но вы и сами это ощущаете, — он вздохнул. — Однако, полагаю, завтра мы будем знать наверняка, было ли это ощущение правдивым, или у нас попросту разыгралось воображение.

Они тронулись в путь с первыми лучами солнца и должны были к полудню достигнуть конечной цели путешествия. День выдался ярким, свежим и воздух был хрустально прозрачен, однако к полудню потеплело. Джаван откинул за плечи плащ и с любопытством принялся оглядываться по сторонам.

Как и планировали, к середине дня они добрались до места. Когда Джаван с помощниками взобрались по склону небольшого холма у излучины реки, Гискард развернул королевский штандарт, а Джаван, взглянув с возвышенности вниз, увидел ту же картину, что открылась ему с этого места несколько лет назад. Толпа была не столь велика, как тогда, ибо проповеди Ревана уже не были для всех в новинку, и все-таки у заводи собралось не меньше трех или четырех десятков человек, не считая полудюжины преданных учеников Ревана, которые никогда его не покидали. У некоторых одежда еще была влажной, — как видно, они только что прошли обряд омовения; другие просто слушали проповедь. Женщин и детей там было едва ли не больше, чем взрослых мужчин. Реван сам также не слишком изменился со времени их последней встречи: худощавый, чуть сутулый, в платье из небеленой шерсти, он стоял по колено в воде; светло-каштановые волосы падали ему на плечи, а борода и усы не так уж сильно отросли за эти четыре года. Изящные руки были молитвенно воздеты к небесам, и свежий ветерок донес до Джавана отголоски его звучного голоса.

На песчаном берегу, где сидя или стоя на коленях расположились слушатели, Джаван заметил сброшенный коричневый плащ и мохнатую флягу из козьего меха, а рядом сидел Целитель Сильвен О'Салливан, охранявший пожитки Ревана. Еще несколько лиц показались Джавану знакомыми, в основном ученики Ревана, и в их числе Тавис с Квероном.

— Простого очищения недостаточно, — говорил тем временем Реван своим завороженным слушателям. — Вы должны поддерживать чистоту, подавая пример всей своей жизнью. Те, кто бродили во тьме,

должны отвергнуть ее и устремиться к Свету. Милость Господня может даровать очищение всем, кто искренно раскаивается и предает себя в Его руки. Да, даже Дерини доступна милость Божья. Узки врата в рай, но Бог милосерден к тем, кто полон искреннего раскаяния.

В этот миг он заметил Джавана, а также, хотя и не подал виду, Полина с Альбертом, которые выехали на холм и натянули поводья рядом с королем и его свитой. Альберт едва ли привлекал к себе особое внимание, ибо, одетый в черное, выглядел как обычный рыцарь, хотя, в отличие от короля с его спутниками, на нем был воинский шлем; зато Полин вырядился в парадные одежды верховного настоятеля *Custodes Fidei*, и своим орденским посохом упирался в стремя, точно копьем. Когда же за спиной у короля стали появляться все новые вооруженные воины, люди внизу заволновались и принялись испуганно перешептываться, так что гул их голосов на миг заглушил слова Ревана.

Не дав Полину с Альбертом перехватить инициативу и сделать или сказать что-либо такое, чтобы нарушить торжественность момента, Джаван поспешил спрыгнуть на землю и дал знак подвести ближе Биргиту О'Кэррол с сыном. Отец Лиор сопровождал их, держа наготове «деринийскую колючку». Лекарь *Custodes* отдернул занавеску повозки, когда конюх остановил лошадь.

Сегодня утром заложников почти не пичкали снотворным, а Биргита, вообще, не получила никаких снадобий, поскольку была не Дерини, а человеком. Сейчас она казалась куда моложе, чем в первый раз, когда Джаван увидел ее. Возможно, это надежда на освобождение придавала ей сил, ибо король успел

кратко сообщить заложникам о том, что ждет их впереди, перед тем как покинуть утром стены аббатства.

— Прошу вас, сударыня, — он протянул ей руку. — Спасение ожидает вас.

Вся дро́жа, она стиснула сына в объятиях. Затем, когда Джаван обнадеживающе кивнул ей, неуверенно спустила ноги на землю. Карлан помог ей сойти с повозки, Бертранд нагнулся, чтобы взять мальчика, прежде чем он или его мать успели бы возразить, и усадил его прямо на лошадь Джавана в седло красной кожи.

Мальчик восторженно распахнул глаза и ухватился за луку седла, затем пухлой ручонкой потрепал жеребца по гриве. Женщина оступилась, и Джаван поддержал ее за талию, а затем едва не лишилась чувств от облегчения, когда молодой рыцарь усадил ее в седло рядом с сыном. Все это время Джаван стоял рядом, поглаживая жеребца по морде, чтобы успокоить его, ни на миг не покидая взглядом женщину с ребенком, пока не убедился, что они в безопасности.

— Вы что же, собираетесь сами отправиться с ними вниз, сир? — возмутился Полин.

Джаван ответил ему напряженной усмешкой.

— А кто же еще, милорд? Если желаете, сэр Бертранд отправится со мной. Но больше никто из присутствующих не ощущал на себе касания мастера Ревана... Хотя, если кто-то из ваших людей пожелает сопровождать нас, дабы испытать на себе очищение, у меня нет никаких возражений.

Полину ничего не оставалось, как согласиться. Однако когда несколько его рыцарей попытались двинуться за королем, он жестом пригвоздил их к

месту. Джаван же, дав понять Бертранду, что его присутствие не требуется, уверенно взял жеребца за поводья и медленно повел его по склону холма вниз, к заводи. Малыш Карролан улыбался, довольный, тогда как мать его испуганно цеплялась за седло.

Наконец, Кверон вышел им навстречу и принял из рук у Джавана поводья лошади, воспользовавшись кратким контактом, чтобы передать мысленное сообщение:

«Тавис здесь, с нами, но способности его блокированы, на тот случай, если Полину придет в голову испытать его. Здесь все считают, будто он прошел очищение и стал одним из доверенных людей Ревана. Однако теперь вам придется убедить Полина и остальных, что все это взаправду.»

Кверон отвесил королю низкий поклон, давая тому возможность окинуть взглядом остальных учеников Ревана. Тавис стоял рядом с крестителем у края заводи, и темно-рыжие волосы его горели огнем в солнечном свете, а светло-голубые глаза казались двумя осколками льда.

При виде его Джаван изобразил возмущение, ибо все придворные были уверены, что они с Тависом четыре года назад расстались после крупной ссоры. Целитель также застыл, а затем опустился на колени, прижимая к груди изуродованную левую руку. Не сводя глаз с коленопреклоненного Тависа О'Нилла, Джаван сделал несколько шагов по направлению к Ревану.

— Я вижу, сир, со времени нашей последней встречи принц превратился в короля, — произнес Реван негромко, но при этом не сделал ни шагу навстречу.

Джаван уперся в него взглядом, разыгрывая назначенную ему роль.

— И давно этот человек с вами, мастер Реван? — спросил он, ткнув пальцем в Тависа.

Реван склонил голову.

— Брат Тавис пришел к нам несколько лет назад, сир. Он был Дерини, как вашему величеству прекрасно известно, но покаялся пред Господом Сил и отрекся от своего прошлого. Воды милосердия даровали ему рождение к новой жизни. В нем не осталось и следа скверны, ваше величество, точно так же, как не осталось ее в вас.

Слегка отвернувшись, Джаван пробормотал:

— Он предал нашу дружбу, он покинул меня.

— И поступил совершенно правильно, сир, ибо, если бы остался, то погубил бы вашу чистоту, но теперь я вижу, вы привели с собой и других. Явились ли они ко мне по собственной воле?

Джаван устало кивнул.

— Воистину так. Муж этой женщины был Дерини Урсин, который пришел к вам в день нашей последней встречи. Она не Дерини, однако сын их унаследовал проклятье. Урсин молился, чтобы вы очистили его жену и сына.

— Я помню брата Урсина, — отозвался Реван, склонив голову. — Но почему ваше величество говорит о нем в прошлом? Неужто брат Урсин скончался?

— Да, — коротко ответил Джаван.

— Мне очень жаль, — промолвил Реван. — Я буду молиться за него. Но скажите, сир, сохранил ли он свою чистоту?

Джаван кивнул.

— Он должен был уйти в монастырь, чтобы стать там писцом и всеми силами постараться заслужить искупление прошлых грехов. Я... молюсь, чтобы он обрел покой.

— О том же стану молиться и я, сир... Для него и для всей его семьи. Брат Аарон, приступим же.

По знаку Ревана Кверон помог спуститься с седла сперва Биргите, а затем и мальчику, и повел их вниз к Ревану. Мальчик цеплялся за руку матери, как видно, слегка пугаясь бородатых людей, что стояли по колено в воде в странных одеяниях. Не доходя несколько шагов до Ревана, Биргита остановилась и неуверенно присела в поклоне, испуганно встретившись с ним взглядом, тогда как мальчик обнял ее за ноги, пряча лицо в материнские юбки.

— Это правда? — прошептала она. — Правда ли, что вы несете исцеление?

— Сам по себе я ничто, — отозвался Реван. — Однако Господь Сил всемогущ и творит великие чудеса.

— Но может ли он смыть скверну с моего сына? — глаза ее наполнились слезами. — Есть ли на свете сила, способная очистить его?

— Вера в Господа способна на все, сестра моя, — объявил Реван и протянул ей руку. — Готова ли ты омыться в Его благости?

Не сводя глаз с проповедника, женщина покачнулась, не находя в себе смелости взять протянутую руку. Реван, возведя глаза к небесам, принялся молиться, как в тот день, когда Джаван пришел к нему.

— Господь Всемогущий, взгляни на дочь Твою, желающую приблизиться к Твоему божественному присутствию. Однако ее одолевают страхи. Она ступала во тьме, но свет Твой взывает к ней. Дай же ей

смелость преклониться пред тобой, Господи, и даруй мне, слуге Твоему, силу достичь души ее и возвести к спасению...

Как и все молитвы Ревана, эти слова достигали самого сердца. Джавана они тоже тронули до глубины души, и он упал в песок на одно колено, склонив голову, подавая пример тем, кому, на самом деле, были адресованы речи Ревана.

Она уже попала под его чары, не сводя застывших глаз с лица проповедника и шевеля губами в безмолвной молитве. Реван медленно принялся пятиться в воде, протягивая к ней руки, и она слепо двинулась к нему, ведя за собой мальчика. У самого края воды Дерини Сильвен и еще один ученик Ревана незаметно встали с ней рядом. Сильвен подхватил мальчика, а второй мужчина поддержал женщину под локоть, придавая ей уверенности.

В этот миг Джаван осознал, что все уже сделано, и из-под опущенных ресниц начал наблюдать за происходящим. Реван стоял по грудь в воде, и Сильвен вручил сына матери. Мальчуган обнял женщину за шею, но на лице его не осталось и следа страха, и через плечо матери он с любопытством глядел на Ревана.

— Все будет хорошо, сестра моя, — произнес Реван негромко, положив одну руку ей на плечо, а другой рукой откидывая волосы со лба мальчика. — Веруй в Господа Сил, ибо Он поддержит тебя. Как твое имя?

— Биргита, — произнесла она, заикаясь.

— Биргита... прекрасное имя для отважной и прекрасной души, — отозвался Реван. — А мальчик?

— Его зовут Карролан, в честь деда, — прошептала она.

— Карролан, — с ласковой улыбкой повторил Реван, и ребенок улыбнулся ему в ответ. — Вода холодная, правда?

Вмиг посерьезнев, ребенок кивнул.

— Ну, это не займет много времени. Карролан, вам с матушкой придется сейчас окунуться в воду. Я знаю, ты наверно думаешь, что это очень глупо, нырять в воду в одежде, но, пожалуйста, держись покрепче. А вы, госпожа моя, просто откиньтесь на спину по моему знаку. Святой дух да свершит начатое.

Мать и сын кивнули одновременно. Мальчик с благоговением взирал на проповедника, и Реван, одной рукой приобняв Биргиту за плечи, знаком показал своим ученикам отдалиться на пару шагов, а затем вскинул вторую руку.

— О Святой Дух, снизойди же на них, служителей Твоих и освободи их от всяческого зла! — воскликнул он, касаясь затылка Карролана. — Даруй этой женщине мир и покой, и надели ее чистотой в глазах Твоих, и даруй милосердие этому ребенку, дабы стал он вновь невинен пред Твоим взором.

С этими словами он окунул их в воду, взывая к святой Троице, когда головы их оказались под водой.

— Будьте же очищены от тьмы, во имя Отца и Сына, и Святого Духа. И да узрите вы священный свет, что приводит все души в объятия Господа.

Они восстали из-под воды, и все вокруг с уверенностью провозгласили «Аминь». Джаван поднялся на ноги, когда Реван вывел мать с сыном обратно на берег, где уже женщины ожидали их с сухими полотенцами. Когда они вышли из воды, Джаван снял с себя плащ и закутал в него женщину, затем присел

на корточки, чтобы промокнуть лицо ребенку. Коснувшись его, он не ощутил ни следа силы Дерини и преисполнился уверенности, что отныне на испытание мерашей Карролан О'Кэррол отреагирует как обычный человек.

Он направился обратно к Кверону, державшему жеребца под уздцы, одной рукой поддерживая женщину за локоть, другой обнимая мальчика за плечи и устремил свой взор на холм, где дожидался Полин со свитой. Робер с помощником Альберта не сводили взгляд с излучины реки, но в тот самый миг, когда король взглянул на него, Робер внезапно привстал на стременах, с ужасом указывая рукой куда-то вдаль. Там, на соседнем холме, появилась шеренга всадников. Все они были в тяжелых доспехах и синих плащах с белым крестом, символом ордена святого Михаила, давно объявленного вне закона.

— Джаван, — истошно прокричал кто-то из его свиты.

К изумлению короля, это оказался Альберт, который выехал вперед перед шеренгой *Custodes* и принялся срочно строить их в боевой порядок.

— Сир, возвращайтесь, это ловушка. Там люди Анселя, те самые, что захватили в заложники вашего брата!

* * *

В то же самое время в Ремуте продолжали разворачиваться следующие шаги коварного замысла. Райс-Майкл отнюдь не был уверен, что сегодня ему следует собирать совет, ибо накануне архиепископ Хьюберт весьма нелицеприятно отозвался о том, как принц решил дело с прошением, поступившим из

Кулди от одного из управляющих его брата Манфреда. Райс-Майкл до сих пор ежился, вспоминая публичную словесную порку, которую Хьюберт устроил ему перед всем советом, словно провинившемуся школяру.

И хотя позднее Этьен заверил его, что вся вина лежала именно на Хьюберте, а не на принце, но Райс-Майкл отнюдь не чувствовал в себе готовности так скоро вновь столкнуться с архиепископом. С другой стороны, Джаван поручил ему регулярно собирать совет в свое отсутствие, чтобы принимать донесения от королевских посланцев, которые поступали теперь почти ежедневно.

Смирившись, Райс-Майкл велел объявить сановникам, что совет соберется, как обычно, затем посвятил все утро фехтовальным упражнениям с сэром Томейсом и лордом Хилдредом, который нынче взялся оттачивать его навыки верховой езды. В полдень он перекусил с женой в своих покоях, причем к трапезе присоединились Томейс с Катаном.

Когда они поели, подошли также Сорль с Ориэлем, поскольку Сорль и юный Катан сочиняли сейчас новый лютневый мотив в честь принцессы. После отъезда короля Целитель со своим охранником заняли покои, примыкающие к апартаментам принца, ибо, учитывая состояние Микаэлы, присутствие Целителя было ей весьма желательно. Так и оставил их Райс-Майкл, за музыкой, веселой болтовней и сладкозвучным пением.

Советники поднялись, завидев Райса-Майкла с помощником. Принц занял место Джавана во главе стола, но сел в обычное кресло, а не на богато украшенный резьбой королевский трон. На принце было синее одеяние наследника рода Халдейнов с выши-

той на груди алой с золотом эмблемой, однако теперь герб его был расшит серебряной нитью, вместо обычного символа третьего сына, который Райс-Майкл носил при жизни Алроя.

Волосы его, черные, как вороново крыло, украшала серебряная корона, а в правом ухе поблескивала золотая серьга. Он сел в кресло, покручивая на пальце кольцо, — на котором красовался еще прежний его герб, — и обвел взглядом присутствующих, пытаясь определить, кто из них сегодня доставит ему больше неприятностей. Учитывая, что вместе с Джаваном уехали Альберт, Ран и Полин, совет собирался в малом составе и проходил не столь формально.

Томейс занял свое привычное место по правую руку от принца, чуть позади него. Дальше восседал Хьюберт, а напротив него, по левую руку от Райса-Майкла, Таммарон. За ним было место коннетабля Удаута. На другом конце стола помещался лорд Джеровен. Место архиепископа Орриса между Удаутом и Таммароном сегодня пустовало.

Пока Томейс выкладывал перед ним повестку дня, принц покосился в сторону Хьюберта, гадая, куда же подевался Оррис, и с удивлением отметил, что сегодня в помощники архиепископ взял незнакомого светловолосого рыцаря *Custodes*, который сидел прямо у него за спиной, склонив голову над какими-то документами.

Сразу за Хьюбертом с угрюмым и дерзким видом восседал Ричард Мердок, который за день до этого вернулся в столицу из Найфорда. Они с Райсом-Майклом повздорили накануне вечером, ибо юный граф Картанский привез с собой в Ремут своего помощника — мрачного здоровяка по имени сэр Гидеон, который прислуживал отцу Ричарда в Най-

форде, а теперь поступил на службу к новому графу, — а Гидеон привез с собой слишком большую свиту, чтобы это могло понравиться принцу. В конце концов пришлось вмешаться лорду Удауту, который отверг все возражения Райса-Майкла и велел солдатам Ричарда разместиться в бараках, освобожденных копейщиками, уехавшими с Джаваном на север. Принц от души надеялся, что надолго они там не задержатся.

Он мельком взглянул на лорда Хилдреда, сидевшего рядом с Ричардом, и на Этьена де Курси, затем вновь перевел взор на пустующее место Орриса.

— Как вижу, архиепископ Оррис отсутствует сегодня, милорды, — промолвил он. — Знает ли кто-нибудь, почтит ли он сегодняшнее заседание своим присутствием?

— Архиепископ Оррис просил его извинить, ваше высочество, — небрежно отозвался Хьюберт. — По-моему, он не слишком хорошо спал прошлой ночью.

Удовлетворенный этим ответом, Райс-Майкл кивнул и поднялся на ноги. Король увез с собой Державный Меч, и потому этот символ королевской власти нельзя было сейчас выложить на стол, однако лорд Таммарон всегда ставил перед принцем Державную Корону, украшенную крестами и листьями, как символ власти, доверенной королем своему регенту. Поднявшись, принц поднес пальцы правой руки к губам, затем коснулся короны в знак почтения и преданности и наконец выжидающе покосился на лорда Удаута.

— В отсутствие гофмаршала попрошу лорда коннетабля объявить заседание совета открытым, — промолвил он.

С едва скрываемой скукой на лице Удаут поднялся, медленно обнажил меч, как он делал это каждый день всю прошлую неделю, поскольку Альберт увез с собой жезл гофмаршала. Однако вместо того, чтобы отдать честь собравшимся и произнести положенные слова, он внезапно метнулся влево, схватил лорда Джеровена за тунику и рывком поднял того на ноги.

В тот же миг, так быстро, что Райс-Майкл едва успел опомниться, остальные также обнажили оружие. Ричард Мердок бросился к лорду Хилдреду, опрокинув свой стул, и ударил его рукоятью меча по затылку, а затем напал на Этьена де Курси. Тот вскочил на ноги, но даже не попытался сопротивляться, и лишь вскинул руки в знак того, что сдается, когда Ричард разоружил его. Одновременно рыцарь *Custodes*, сидевший за спиной у Хьюберта, бросил на пол бумаги и, выхватив меч, вонзил его прямо в грудь ошеломленному сэру Томейсу, который даже не успел осознать, что происходит.

Томейс подавился испуганным криком, и Райс-Майкл словно примерз к креслу, но тут же инстинкт самосохранения заставил его отпрянуть в сторону, и он принялся нашаривать кинжал у себя на поясе. Все это было просто невероятно!

Но уже подоспел сзади граф Таммарон, ухватив принца за горло с такой быстротой и ловкостью, какой Райс-Майкл никогда бы от него не ожидал. Он вновь усадил принца в кресло и с силой прижал лезвие кинжала ему к шее за правым ухом. Райс-Майкл попытался вырваться, но граф тут же придушил своего пленника и угрожающе прошипел:

— Даже не думайте об этом.

И сразу же рыцарь *Custodes* рукой в перчатке выхватил кинжал у принца из-за пояса.

Как только он сделал это, Таммарон внезапно отпустил Райса-Майкла и отступил на шаг, лишь слегка придерживая пленника за плечо, а другой рукой небрежно помахивая кинжалом. Перепуганный Райс-Майкл с хрипом втянул в себя воздух и в ужасе уставился на происходящее, по-прежнему не в силах поверить в такое предательство... Затем, рывком обернувшись, уставился на корчащегося в агонии Томейса, которому рыцарь *Custodes* вонзил в горло собственный кинжал принца.

С возмущенным возгласом Райс-Майкл попытался помочь умирающему, но Таммарон удержал его. Убийца Томейса отшвырнул окровавленный кинжал на пол, а затем извлек свой меч из груди павшего и, не сводя ледяного взгляда с лица принца, начисто вытер лезвие об плащ умирающего. Томейс в последний раз слабо дернулся и затих, и Райс-Майкл с рыданием закрыл лицо руками, ожидая, что сейчас его также настигнет смерть.

— Итак, — объявил внезапно Хьюберт среди воцарившегося молчания, — любой, кто желает разделить участь сэра Томейса, может продолжать сопротивление. Ваше высочество, сожалею, что пришлось устранить вашего помощника столь жестоким образом, ибо, полагаю, он был также вашим другом, но я хотел бы сразу ясно дать вам понять, что все происходящее чрезвычайно серьезно. А теперь, окажите мне любезность и выпейте вот это.

И он извлек из складок своей рясы небольшую серебряную флягу, поставил ее на стол и подтолкнул ближе к принцу. Несколько мгновений Райс-Майкл непонимающе взирал на нее, внезапно испугавшись содержимого... и никто не мог придти к нему на помощь. Предатель Ричард Мердок задвинул засов на

двери, затем отволок Этьена с лордом Хилдредом к стене, усадив их на длинную скамью, где уже под охраной графа Удаута дожидался Джеровен.

— Что там такое? — с трудом выдавил он.

— Снадобье, с которым хорошо был знаком ваш брат Алрой, — с улыбочкой отозвался Хьюберт. — Мы убедились за многие годы, что зелье это весьма полезно, чтобы смягчить нрав упрямых принцев.

— Нет, — выдохнул Райс-Майкл.

— Я не желаю больше слышать от вас это слово, ваше высочество, — холодным тоном произнес Хьюберт и, взяв в руки фляжку, вытащил пробку. Затем, не сводя взгляда с Райса-Майкла, вновь пододвинул флягу к нему. — Если пожелаете, лорд Таммарон будет держать вас, пока кто-нибудь вольет вам зелье в горло, но не думаю, что это придется вам по душе, так что выпейте лучше сами.

Светловолосый рыцарь все это время стоял за спиной у Райса-Майкла. Меч он вернул в ножны, но не спускал руки с крестовины, и принц не сомневался, что тот вполне в состоянии заставить его выпить насильно, если сам он немедленно не подчинится. Решив, что не доставит такого удовольствия Хьюберту, Райс-Майкл вызывающе вскинул подбородок, смерил архиепископа уничтожающим взглядом, затем, взяв дрожащей рукой флягу, единым глотком опрокинул в себя ее содержимое. Затем, поставив сосуд на стол, вытер рот ладонью, жестом, преисполненным величайшего презрения и воинственно скрестил руки на груди.

— Благодарю, — Хьюберт вновь вознаградил его холодной усмешкой. — Теперь мы немного посидим и подождем, пока принесут весть о том, что план наш удался полностью.

Потекли бесконечные минуты. Райс-Майкл ощущал растущее напряжение, несмотря на страх и отупение, вызванное сонным снадобьем, которое постепенно отравляло его тело и разум. Ричард с Удаутом, подтянув поближе стулья, сели напротив пленников. Хьюберт в порыве величайшего лицемерия, что только мог вообразить себе Райс-Майкл, опустил свою тушу на колени рядом с телом Томейса, дабы дать тому последнее причастие.

Несколько минут спустя из коридора донеслись звуки сражения. Хьюберт поднялся, и участившееся дыхание выдавало его внутреннее напряжение. Встав за креслом у Райса-Майкла, он опустил руки ему на плечи. Рыцарь *Custodes* подошел к дверям, и, приложив к ним ухо, прислушался с мечом наготове. Таммарон вновь уселся по левую руку от принца, выложив перед собой кинжал.

Райс-Майкл подумал было завладеть им, но решил, что это ни к чему не приведет, разве что только подтолкнет заговорщиков убить его, — или кого-то из его людей. Кроме того, зелье Хьюберта оказалось настолько сильным, что принц, сейчас, наверное, даже не смог бы без помощи подняться на ноги. Откинув голову на спинку кресла, он прикрыл глаза, невзирая даже на то, что в такой позе оказался еще ближе к ненавистному Хьюберту.

Прошел наверное целый час, прежде чем стук в дверь вырвал его из тревожного полусна. Хьюберт, который за это время вновь занял место в кресле, теперь вскочил на ноги, поднялся и рыцарь *Custodes*, сидевший у дверей с мечом в руках. Райс-Майкл попытался сфокусировать взгляд и заметил на лице рыцаря мрачную усмешку, когда тот отпирал дверь, хотя оружие он пока так и не убрал.

Однако человек, показавшийся в проходе с окровавленным клинком в руке, был слишком хорошо знаком Райсу-Майклу... это был сэр Гидеон, помощник Ричарда. Бородатое лицо его кривилось в волчьей ухмылке, и, отодвинув в сторону рыцаря *Custodes*, он поприветствовал сперва своего господина, а затем и Хьюберта.

— Весь замок в наших руках, если не считать апартаментов его высочества, ваша милость, — доложил он. — Насколько нам известно, с принцессой сейчас находятся Целитель и сэр Сорль.

— Мика, — испуганно прошептал принц. Он попытался подняться на ноги, и Таммарон тут же подскочил к нему.

— Ну, будет вам, ваше высочество, — протянул Хьюберт. — Последнее, чего бы нам хотелось, это повредить будущему королю Гвиннеда. Тем не менее, мне не по душе присутствие Дерини в вашей свите. Это может пагубно сказаться на здоровье принцессы. Соблаговолите сопровождать нас, и мы избавим ее от этой опасности.

Глава 42

Глубоко погрязли они в распутстве; но я накажу их всех[1]

Джаван, прихрамывая, бросился бежать, волоча за собой женщину и ребенка. Альберт с рыцарями *Custodes* уже заходили справа вниз по склону, намереваясь, судя по всему, отрезать михайлинцев от реки, однако нападающие никак не могли быть михайлинцами, хотя их возглавлял светловолосый человек, которого, судя по всему, они желали выдать за Джорема или Анселя Мак-Рори.

— Святой Михаил и Мак-Рори! — с этим криком нападающие бросились вперед, выхватив мечи и копья. Синие плащи с белыми крестами развевались у них за спиной.

Михайлинцы, которые на самом деле не являлись таковыми, через брод устремились на другой берег, и Джаван, подтолкнув Биргиту с маленьким Карроланом к одному из учеников Ревана, метнулся к своей лошади. Он понятия не имел, кто эти люди, но точно знал, что они ему не друзья. Безоружным людям, женщинам и детям, что собрались послушать проповедь Ревана, грозила ужасная судьба, ибо они должны были оказаться как раз посреди поля

---

[1] Осия 5:2

боя... и Джавану суждено было разделить их участь, если он не вернется под защиту своих солдат.

— Но кто это такие? — выкрикнул он Кверону, когда Целитель подбежал, чтобы подсадить его на лошадь. — Предупредите Джорема и попытайтесь увести отсюда людей! Мы в ловушке!

Он дал лошади шпоры и понесся вверх по холму, откуда ему навстречу уже устремились Карлан с Гискардом и дюжиной копейщиков. Тем временем рыцари *Custodes* уже почти достигли брода, и Робер с остальными копейщиками устремился следом за ними, намереваясь либо поддержать их в сражении, либо вступить с ними в бой, в зависимости от того, как поведут себя *Custodes* при встрече с лже-михайлинцами.

Судя по всему, *Custodes* отнюдь не намеревались сражаться с незнакомцами. Чуть не доезжая брода, они внезапно развернули коней и напали на своих же недавних союзников, без труда смяв ряды легковооруженных копейщиков. Робер уцелел в первой волне атаки, но Джаван видел, как пал Бертранд под натиском предателей.

— Это западня! — закричал король, устремляясь к Гискарду.

А на вершине холма он видел, что Полин невозмутимо наблюдает за происходящим внизу, сидя в седле рядом с Раном, и внезапно Джаван осознал все масштабы этого предательства. Заговорщики надеялись устранить одновременно и непокорного короля, и загадочного Ревана с его культом крещения, обвинив во всем Дерини и михайлинцев.

Стараясь обуздать рвущегося в бой коня, Джаван постарался взвесить соотношение сил и возможные намерения сторон. Теперь, когда первоначальное

удивление было позади, копейщики без труда справлялись с *Custodes*, однако поддельные михайлинцы воспользовались этим, чтобы обрушиться на беспомощных последователей Ревана.

— Бегите, сир, — прокричал ему капитан копейщиков. — Мы не должны разделять силы!

Он был прав. Джаван даже не осмелился обернуться. С искаженным от скорби лицом он обнажил клинок и подстегнул своего скакуна, взмахнул мечом над головой и устремился к предателям *Custodes*.

— Никакой пощады предателям! — прокричал он. — Отомстим за Робера...

Но в то же самое время в душе Джаван не переставал сожалеть о горькой участи несчастных, которых он вынужден был предоставить их судьбе. У излучины реки, где Реван взывал к примирению между людьми и Дерини, нападающие уже выбирались на берег, с мечами и копьями наготове.

Одним из первых пал старик с длинной седой бородой, пронзенный копьем и растоптанный копытами лошадей, когда негодяи устремились на беспомощных жертв. Джаван надеялся, что хотя бы сам Реван с учениками сумели спастись бегством, но, оглянувшись через плечо, увидел, что проповедник все так же стоит на берегу, размахивая посохом... Он даже ухитрился выбить из седла одного из нападающих. Рядом с ним Сильвен пытался защитить какого-то ребенка.

Придя в ужас, Джаван натянул поводья, и копейщики проскакали мимо него. Гискард с Карланом также задержались, не переставая, однако поторапливать короля. Ученики Ревана рассеялись по берегу, и их испуганные пронзительные крики раздавались отовсюду, где настигали их всадники в синих пла-

щах. Джаван не видел ни Кверона, ни семью Урсина, однако внезапно заметил Тависа, бегущего к реке, чтобы помочь Сильвену, который пытался увести в безопасное место детей и стариков. Но что-то в Тависе показалось ему странным.

И лишь в этот момент Джаван осознал, что магия Целителя была по-прежнему блокирована, и он пытался дотянуться до единственного человека, способного вернуть его силу. Джаван остановил лошадь и поднялся в стременах, ибо если Тавис вознамерится использовать свое могущество для ответного удара...

Сильвен стоял по колено в воде, сжимая в объятиях ребенка и пытаясь уклониться от всадника, который летел прямо на него с коротким копьем. В этот миг Тавис достиг наконец Сильвена, и попытался оттолкнуть его в сторону. Однако всадник направил лошадь прямо на них, изо всей силы вонзив копье в грудь Сильвена, одновременно глубоко распоров руку ребенку. Убийца однако тут же поплатился за свое преступление, ибо поток зеленого света вырвался из ладони Тависа, вышиб его из седла, и он умер прежде, чем упал в воду; однако кровь Сильвена уже расплылась по воде вокруг трупов, точно уродливый алый цветок.

На берегу, отражая посохом очередную атаку синеплащника, Реван отчаянно закричал «нет», ибо подобно остальным, видел слепящую молнию Тависа. Однако Целитель, вместо того чтобы вновь прибегнуть к магии, принялся разыскивать в воде ребенка, которого пытался спасти Сильвен, и наконец за волосы вытащил рыдающую кроху.

Из зияющей раны по руке девчушки стекала кровь, и Тавис немедленно погрузил ее в сон, а за-

тем стиснув в объятиях, прижал здоровую руку к порезу, немедленно начав исцеление.

Лже-михайлинцы обступили его, неуверенно переглядываясь, ибо никто не предупреждал их, что среди последователей Ревана и впрямь могут таиться подлинные Дерини.

Но в рядах учеников чудотворца ужас внезапно сменился ненавистью, ибо они осознали, что все это время проповедник лгал им. Выходит, не все Дерини, попадавшие в его руки, лишались своей силы. Так, может, ложью было и все остальное? Сам Тавис, чье очищение вдохновило столь многих, по-прежнему оставался колдуном. Обман! Предательство! Дерини были бичом человечества, и этот Дерини должен заплатить за все их преступления... А вместе с ним и Реван, ибо он предал их.

* * *

Коридоры замка были завалены трупами, и почти на всех были камзолы цветов Халдейнов. Испуганный и притихший Райс-Майкл безмолвно последовал за своими пленителями по коридору, что вел к его апартаментам. Сопротивление было немыслимо. Таммарон с Ричардом вцепились ему в предплечья и волокли вперед силой. Рыцарь *Custodes*, убивший Томейса, следовал за ними по пятам, что еще более нервировало Райса-Майкла, тогда как Хьюберт с Гидеоном гордо шествовали впереди.

Принц до сих пор не мог опомниться от того, что произошло, когда они покидали зал совета. Мягкий, никому не делавший зла Джеровен Рейнольдс погиб. Удаут с полудюжиной стражников собирались увести пленников в темницу, когда те трое с от-

чаянием обреченных попытались отвоевать себе свободу.

Джеровен пал почти сразу же, с ним покончил один из стражей... Но зачем ему было так рисковать? Он ведь не был воином. Барон Хилдред получил ужасную рану, и почти чудом — или, возможно, благодаря слепой удаче, Этьен де Курси умудрился каким-то образом прорваться на лестницу и сбежал. Удаут со своими людьми бросился за ним в погоню. Все произошло так быстро, что принц был ошеломлен и, несмотря на наркотики, притуплявшие его реакцию, от страха ощутил приступ дурноты, ибо не мог поверить, что книжнику Этьену удастся долго обманывать своих преследователей... Или что те пощадят его, когда настигнут.

Но вот наконец и последний поворот. До апартаментов принца оставалось рукой подать. Райс-Майкл невольно оступился, пытаясь замедлить шаг, но пленители грубо подтолкнули его вперед.

У дверей его покоев, там, где прежде стояли на страже воины Халдейнов, сейчас красовались четверо *Custodes*, вооруженные маленькими смертоносными луками, на тетиву которых уже были наложены боевые стрелы. Помимо них, в коридоре находились еще шестеро стражников в одеждах цветов Ричарда Мердока, и явно ожидали приказов своего хозяина.

Все они немедленно взяли на караул, едва лишь Гидеон негромко отдал какое-то приказание их старшему. После чего они принялись о чем-то совещаться вместе с Ричардом, а рыцарь *Custodes*, до сих пор следовавший по пятам за Райсом-Майклом, встал справа от принца и положил тяжелую длань ему на плечо.

Райс-Майкл содрогнулся от отвращения, и не помогло даже зелье, которое должно было притупить его реакцию. Однако он сознавал, что у него не хватит ни сил, ни воли, чтобы оказать серьезное сопротивление. Он не мог остановить этих людей, он едва держался на ногах. В какой-то миг он подумал закричать, предупредить Мику и тех людей, что были с ней внутри, но даже на это усилие он оказался неспособен. Заслышав обреченный вздох пленника, *Custodes* обхватил его горло левой рукой, а правой зажал принцу рот.

— Не шевелись и молчи, Халдейн, или ты покойник, — произнес он негромко.

И хотя слова эти были сказаны довольно небрежным тоном, но едва он заслышал их, Райса-Майкла пробрал озноб, ибо он уже слышал прежде этот голос и эти же самые слова. Отчаяние охватило его, ибо теперь он осознал всю правоту обвинений Джавана, над которыми он прежде насмехался: что похитителями его были никто иные, как *Custodes*, ибо этот самый рыцарь, что сейчас схватил его за горло, принимал участие в похищении полгода назад. А это, в свою очередь, означало, что все случившееся тогда было частью куда более масштабного предательского плана, завершение коего они наблюдали сегодня.

Впереди, Хьюберт с Таммароном остановились чуть слева, Гидеон справа, а лучники выстроились прямо перед дверью, причем двое присели на корточки, а другие двое встали над ними. Люди Ричарда расположились позади полукругом с мечами наголо... хотя едва ли следовало ожидать, что Ориэлю с Сорлем удастся пробиться через стрелков. Райс-Майкл меньше всего желал видеть, что сейчас произойдет, но знал, что не посмеет отвести глаза, и что

пленители его желают, чтобы он увидел это... И как бы они ни пытались запугать его, он должен запомнить все, что случится сегодня, дабы рано или поздно отыскать способ расплатиться сполна с этими подлыми предателями.

— Ваше высочество, — Таммарон постучал в дверь. — Ваше высочество, это Таммарон. Мастер Ориэль с вами? Произошел несчастный случай.

Целитель не мог бы не откликнуться на зов, и предательство было хуже вдвойне, поскольку никогда прежде Таммарон активно не сотрудничал с заговорщиками.

— Мастер Ориэль, вы нужны нам, — продолжал взывать Таммарон. — Принц очень неудачно упал, по-моему, сломана кость...

Слова эти возымели желаемый результат, как и опасался Райс-Майкл. Микаэла распахнула дверь. Сорль попытался удержать ее, обнажив клинок и пытаясь одновременно прикрыть собой Ориэля, ибо Целитель заранее ощутил опасность, но Гидеон силой распахнул дверь и вломился внутрь, схватив рыдающую принцессу, дабы уволочь ее подальше от стрел лучников.

Скорее всего, Сорль погиб еще прежде, чем тело его коснулось пола, ибо первые же три из четырех стрел поразили его, и одна попала прямо в глаз. Четвертая стрела и три из следующего залпа угодили в Ориэля, который вскинул руки в тщетной попытке защититься, и одно острие пронзило ему ладонь. Две других стрелы попали в предплечье и в плечо. Все эти раны были неглубокими и не задели кость, но следующая угодила прямо в грудь, и это ранение, несомненно, должно было стать смертельным.

Целитель с криком повалился на колени, уцелевшей рукой бессильно пытаясь ухватиться за стрелу в груди. К ужасу Райса-Майкла, — а теперь его пленителя больше не волновало, закричит ли жертва, — лучники спокойно натянули тетиву по новой, чтобы дать еще один залп, тщательно посылая свои стрелы так, чтобы они лишь ранили, но не убили несчастного Дерини. Целитель вскрикивал с каждой стрелой. Две поразили его в ноги, третья — в уже раненую руку, а последняя под углом вошла в пах.

Сила ударов была такова, что Целитель отлетел назад. Колени его подкосились, спина выгнулась от боли. Заметив какое-то движение позади Ориэля, двое лучников ворвались в комнату, готовые вновь выстрелить, тогда как двое других прикрывали их из коридора; но это был лишь Катан Драммонд, младший брат Микаэлы. Заливаясь слезами, он с отчаянным криком пытался укрыться за перевернутым стулом.

Двое стражников опустили луки и схватили мальчика, грубо вздернув его на ноги и подтащив к сестре, чьи рыдания доносились из королевской опочивальни. Когда они скрылись, двое оставшихся стрелков осторожно приблизились к стонущему Ориэлю, а затем прошли вглубь комнаты, чтобы дать дорогу Ричарду и его помощнику.

Вне всяких сомнений, Ориэль был в агонии. Даже из коридора Райс-Майкл с трудом мог заставить себя смотреть на это.

От ужаса его едва не вывернуло наизнанку, и он бессильно обвис в руках рыцаря *Custodes*. Когда Ричард вошел в комнату, чтобы полюбоваться своей жертвой, чья кровь пятнала бесценный келдишский

ковер, его помощник обнажил кинжал и вопросительно покосился на своего хозяина.

— Э, нет, — вполголоса возразил Ричард, но достаточно громко, чтобы его слышали и Ориэль, и Райс-Майкл. — Мастер Ориэль, кажется, не одобряет *coup de grace*, я слышал, он сам сказал об этом моему отцу.

Райс-Майкл закусил губу, ибо лишь теперь он понял, почему именно Ричарду доверили исполнить эту часть плана. Целитель устремил полный боли взгляд на Ричарда... вероятно, он тоже понял это.

— Сожалею лишь о том, — холодно продолжил Ричард, — что мераша, которой были смазаны наконечники стрел, убьет тебя прежде, чем потеря крови из ран... хотя лучники мои были очень осторожны. Но я не мог рисковать, вдруг ты бы вздумал прибегнуть к своей грязной магии, чтобы избежать расплаты. Однако сколько бы тебе ни оставалось, Дерини, надеюсь, ты будешь страдать.

И с нарочитым презрением он плюнул Целителю в лицо, затем отошел от корчащегося на полу тела и двинулся в сторону опочивальни, откуда доносились истерические рыдания, ибо, похоже, Микаэла также видела и слышала многое из того, что только что здесь произошло.

— Пусть кто-нибудь скорее приведет сюда лекаря, — донесся голос Хьюберта, прежде чем закрылась дверь.

— Мика, — измученно прошептал Райс-Майкл.

Но они не пустили принца к жене... пока месть Ричарда, наконец, не свершилась. Скорбь и ужас окончательно лишили его воли, и принц даже не пытался сопротивляться, когда охранник втащил его в комнату и швырнул на колени между мертвым Сор-

лем и умирающим Дерини. Даже с мерашей Ориэль умирал очень долго. Но прежде чем он погрузился во тьму, из которой ему не суждено было пробудиться, Райс-Майкл взял окровавленную руку Целителя и прижал ее к груди.

— Прости меня, Ориэль, — прошептал он, прежде чем *Custodes* успел оттащить его прочь. — Я не верил... Пусть Господь дарует тебе покой...

Рыдая, он вновь опустился на колени. Больше ему не позволили коснуться умирающего, но не дали и уйти. Он все еще заливался слезами, когда Ориэль, наконец, испустил последний вздох, и не мог остановиться даже когда королевский лекарь отвел его в соседнюю комнату, беспокоясь за здоровье принца почти так же сильно, как и за юную женщину, у которой в этот миг начались преждевременные роды.

* * *

Джаван вместе с Карланом и Гискардом устремился туда, где его копейщики успешно теснили рыцарей *Custodes*, одновременно пытаясь разглядеть, что сталось с Реваном и Тависом. Последователи Ревана обернулись против своего недавнего кумира и его ученика, точно дикие звери, едва лишь осознали обман, а лже-михайлинцы стояли рядом, наблюдая, как двоих несчастных рвут на куски. Все кончилось прежде, чем Джаван успел сообразить, что происходит.

Он видел, как толпа набросилась на Ревана и поглотила его; и он никогда не забудет этой картины, когда на песок упала внезапно отсеченная окровавленная рука, лишенная кисти... А затем какой-то че-

ловек с безумными глазами, торжествующе вскинул этот обрубок, точно дубинку и с истошным хохотом устремился вместе со своими товарищами на всадников в синих плащах.

Последовала резня, которую изначально и затевали лже-михайлинцы, — дикая убийственная оргия, после которой не уцелело ни мужчин, ни женщин, ни детей, ибо те, кто командовали всадниками, не пожелали оставить в живых никого.

А Джаван не в силах был прекратить резню, поскольку им еще предстояло совладать с рыцарями *Custodes*. Его люди восторженными криками приветствовали короля, когда он вступил в бой рядом с ними, и с удвоенными усилиями набросились на предателей, нанося тем серьезный урон, несмотря даже на то, что были хуже вооружены.

Вот когда пригодились Джавану долгие месяцы изнурительных тренировок. С убийственным восторгом он ринулся в бой, размахивая мечом.

Карлан прикрывал его со спины, всегда оказываясь именно там, где он был нужен больше всего, а Гискард, держась поблизости, радостно поражал всех тех, кто пытался угрожать штандарту Халдейнов или его королю.

Медленно, но верно, они одерживали верх, и силы *Custodes* уменьшились уже более чем наполовину. Однако в этот миг на холме рядом с Полином и Раном возникли новые всадники. Их было не менее полусотни. Большинство из них оказалось вооружены маленькими гнутыми луками, и предводитель их нес знамя Манфреда Мак-Инниса, графа Кулдского. Он был слишком далеко, так что Джаван затруднялся определить, был ли то сам Манфред. Однако ког-

да он привстал на стременах, чтобы подать знак Альберту, тот приветственно замахал ему в ответ.

— Боже правый, теперь нас и впрямь предали, — крикнул Джаван Карлану. Тот собрал полдюжины копейщиков, и они сомкнулись вокруг короля, готовые отразить новую опасность. Свежие силы бросились в атаку вместе с Раном и его стражниками.

Теперь уже перевес оказался не на стороне короля. Джаван отчаянно сражался за свою жизнь, но понемногу начал сознавать, что едва ли выберется живым из этой переделки. Войска Манфреда двигались уверенно, лучники выпускали стрелы, скашивавшие королевских копьеносцев. Вот уже пали те, кто прикрывали Джавана, и несколько стрел угодили в его скакуна. Робер рухнул на землю, когда в тело его вонзилось с десяток стрел, но перед этим он успел сразить последнего противника.

Предатели пожинали свою кровавую жатву. Гискард, из последних сил удерживавший штандарт Халдейнов, сражался по меньшей мере с восемью всадниками Манфреда. Стрела торчала у него из плеча, еще несколько ранили его лошадь. Знамя покачнулось, но не упало. Кулдийцы сразили под ним лошадь, и Гискард упал, пытаясь отбиваться. Окровавленный меч по-прежнему удерживал нападающих на расстоянии. Он еще успел передать одному из товарищей штандарт и пал под напором сверкающих клинков, однако кулдийцы вмиг сразили и нового знаменосца, и штандарт Халдейнов исчез из виду.

Джаван подавил рыдание, ибо знал, что рыцарь Дерини погиб. Но сейчас он не мог оплакивать Гискарда, ибо сражался за собственную жизнь. Кулдийские лучники выпустили очередной залп, и жеребец с истошным ржанием рухнул под ним, когда еще че-

тыре или пять стрел вонзились ему в бок и в грудь. Джаван приземлился на ноги, по-прежнему сжимая в руке меч, но теперь сражаться ему было сложнее из-за увечной ноги. Карлан бросился на выручку и постарался подсадить короля в седло к себе за спину, но нападающие убили и его лошадь тоже.

Стрелы звенели в воздухе повсюду, и Джаван вскрикнул от боли, когда острие вонзилось ему в плечо, а затем другое — в ногу. Карлан также был ранен в бедро, но продолжал отчаянно сражаться, прикрывая королю спину.

Однако все было тщетно. Джаван обменялся дюжиной ударов с бесконечным потоком нападающих, лишь усилием воли держась на ногах, но в душе он сознавал, что вскоре не сможет противостоять растущей слабости. Его одолевала тошнота и головокружение. В довершение ко всему, предатели смазали наконечники стрел мерашей...

Еще одна стрела попала ему в ногу, другая угодила в грудь. Он почувствовал, что падает. Халдейнский меч выпал из онемевших пальцев. Корону с бегущими львами он потерял в пылу боя еще ранее. Теперь не имело значения, погибнет ли он от ран, или мераша убьет его прежде.

Карлан успел подхватить его, выронив собственный меч, и рыдая, обнял короля. Время замедлилось и словно остановилось. Джаван лишился слуха. Еще несколько стрел вонзилось в землю рядом с Карланом, высоко взметнув грязь, но затем вокруг них бой как будто бы прекратился, хотя откуда-то издалека продолжал доноситься звон стали.

— Мой господин, — прошептал Карлан, прижимая Джавана к груди и даже не пытаясь скрыть слезы. — Боже, что они сделали с вами?

Мутнеющим взором Джаван с трудом различал лицо Карлана... а за ним темные силуэты *Custodes*. Альберт склонился над ним с окровавленным мечом в руке и смерил короля холодным оценивающим взглядом, а затем другой человек в черном навис над Карланом и вскинул над головой тяжелый меч.

Он знал, что сейчас случится, и видел, что Карлан тоже знает это. Он успел еще стиснуть пальцы Карлана, сожалея лишь, что не может сказать ему последнее прости...

Великий магистр *Custodes* с ледяной усмешкой кивнул своему спутнику, и Джаван видел, как тот медленно опускает свой меч... почувствовал, как содрогнулся Карлан, когда лезвие пронзило его насквозь.

— Мой верный Карлан, — прошептал Джаван, и глаза его наполнились слезами.

В тот же миг он препоручил свою душу Господу, молясь, чтобы у него не было лучшего спутника, когда он предстанет пред Престолом Небесным, нежели отважный рыцарь, в чьих объятиях он покоился сейчас... и второй, погибший чуть раньше, который сейчас приветствовал их обоих в ореоле сверкающего сияния по ту сторону тьмы.

Эпилог

Наследие наше перешло к чужим, домы наши — к иноплеменным[1]

Райс-Майкл понял, что брат его погиб, задолго до того как первые гонцы *Custodes* прискакали в Ремут с вестью о нападении Анселя Мак-Рори и ренегатов-михайлинцев. Осознание этого пришло постепенно, и теперь он равно скорбел по Джавану, Томейсу, Сорлю и Ориэлю, а также по своему мертворожденному сыну, явившемуся на свет слишком рано, чтобы выжить. Скорбь эта жила в затаенных глубинах его души, куда не могли добраться даже зелья, которыми пичкали его лекари все эти дни.

Тело брата доставили в Ремут в день его семнадцатилетия. Бледному, сраженному горем Райсу-Майклу позволили встретить траурную процессию на ступенях Ремутского собора, а через несколько дней он проводил брата к месту последнего упокоения, — оба раза его окружали двое заботливых священников *Custodes*, но все, кто видел его, отмечали, что принц явно вне себя и пока не может оправиться от удара. Поэтому никого не удивило, когда сановники объя-

---

[1] Плач Иеремии 5:2

вили, что их новый правитель вместе с юной королевой настолько опечалены своей двойной утратой, что намерены несколько недель провести в уединении, прежде чем назначить дату коронации. Управление страной пришлось взять на себя королевскому совету.

Позднее в памяти Райса-Майкла от этих дней, что положили конец его юности, сохранились лишь жалкие обрывки. До конца лета новый король оставался пленником в собственном замке, его постоянно пичкали успокоительным, а порой давали и более сильные зелья, когда требовалось его появление на каких-то торжественных мероприятиях, хотя таковых было очень немного.

Когда же в сознании его наступало прояснение, ему подробно объясняли, чего именно от него ждут, и что случится, если он вздумает противиться. Оглушенный наркотиками, он лишь молча соглашался, в глубине души гадая, неужели Алрой в таком же состоянии провел все четыре года своего царствования. А с приближением коронации сделалось еще хуже.

Его короновали в день святого Михаила, когда ему исполнилось шестнадцать... Разумеется, сперва одурманили, и на протяжении всей церемонии рядом присутствовал заботливый священник *Custodes*, поддерживающий короля, чтобы тот не упал. Зрителей состояние правителя привело в ужас. Из всех принцев Райс-Майкл всегда был самым крепким и здоровым, но в день коронации все заметили, что под глазами у него залегли темные круги... Никто и не подозревал, что лекари несколько раз за прошлую неделю пускали ему кровь, чтобы окончательно лишить воли к сопротивлению.

Вид короля и его общая апатия лишь подтверждали слухи, бродившие все лето, что здоровье нового правителя пошатнулось после гибели брата, и пройдет довольно много времени, пока он вновь сумеет оправиться. Судя по всему, еще какое-то время, возможно даже до весны, он будет не в силах исполнять свои обязанности, и поэтому править должен продолжать совет.

Однако вскоре после коронации его перестали пичкать лекарствами. Кроме того, его перевели в новые королевские апартаменты, где уже поселили Микаэлу, подальше от тех комнат, где нашли свой жестокий конец Сорль с Ориэлем. Через пару дней сознание его прояснилось, аппетит улучшился, и силы начали возвращаться к Райсу-Майклу. Он был рад, что вновь способен мыслить трезво, но также прекрасно осознавал, что это означает.

Именно поэтому встреча с Микаэлой не принесла желаемого облегчения. Летом они виделись очень редко. Сперва поскольку она оправлялась от выкидыша, а позже он был не в том состоянии, чтобы общаться с кем бы то ни было. Он знал, что она испугана и из-за всего происшедшего и из-за того, в каком состоянии он находится, и сейчас страх ее ничуть не уменьшился.

Но поскольку он точно знал, *почему* сановники позволили им возобновить совместную жизнь, то тщательно воздерживался от любой близости с супругой. Сейчас их старались почаще оставлять наедине, — роскошь, которой они были лишены все лето, — но он даже не прикасался к ней. Помногу часов они проводили сидя в одной комнате, молча занимаясь каждый своим делом. Она вышивала, он пытался читать или, чаще, просто бездумно смотрел

в окно или любовался, как блестит на пальце кольцо Огня. Говорили они мало и лишь о пустяках. А поздно ночью лежали на разных концах огромной постели, принадлежавшей прежде Джавану и Алрою, а еще раньше их отцу, и он слышал порой, как она тихонько рыдает, думая, что муж ее спит.

Прошло несколько недель, прежде чем она набралась смелости задать ему вопрос. Они молча отужинали в ласковых осенних сумерках, а затем устроились в мягких креслах у камина, потягивая старое везаирское вино, которое он некогда так любил... хотя теперь пил куда меньше, чем в былые времена.

— Райсем, что с тобой творится? — промолвила она вдруг.

С печальной улыбкой он вздохнул и закрыл глаза. Вот уже несколько дней он ожидал этого вопроса.

— Я король-марионетка, Мика, — прошептал он, хотя знал, что она спрашивает совсем не о том, ибо это было очевидно с того самого ужасного дня, когда мир их перевернулся вверх тормашками.

Она продолжала хранить молчание, и он стиснул в ладонях свой кубок.

— Кто-то однажды сказал мне, — и я честно не помню точно, кто именно, — что прежде чем мои родители поженились, отец заявил матери, что ей придется стать королевской несушкой. Якобы позднее он по-настоящему полюбил ее, и все-таки полагаю, в какой-то мере слова его были истиной. Она подарила отцу пятерых сыновей за четыре года. Из них двое оказались близнецами... А затем умерла через пару месяцев после того, как дала жизнь последнему из них.

— Но какое отношение это имеет к нам? — спросила Микаэла. — Я хочу подарить тебе сыновей, но у

меня никогда не было впечатления, будто ты желаешь превратить *меня* в королевскую несушку. Я даже сомневалась, что ты так уж радуешься грядущему отцовству, хотя, конечно, ты бы полюбил нашего сыночка, если бы только...

Голос ее прервался, и она всхлипнула, но затем утерла слезы и прошептала:

— Прости.

— Жаль, что я не могу выразить словами, насколько *я* виноват перед тобой, Мика, — прошептал он и с глубоким вздохом продолжил. — Мы с тобой этого не понимали, но тебя и впрямь метили на роль королевской несушки... Точнее, это во мне видели производителя, ведь им нужен был именно я, а ты оказалась лишь беспомощной жертвой.

— О чем ты говоришь?

— Это все сановники, — он уставился в свой кубок. — Они были регентами при Алрое два с лишним года, да и после держали его в своей власти, запугивали, поили всякими зельями. Они и меня перестали опаивать лишь для того, чтобы не помешать исполнить супружеский долг. Я не хотел тебе говорить, но ты имеешь право знать истину.

— Райсем, ты меня пугаешь, — прошептала она.

— Все верно, я и хочу, чтобы ты боялась. Видит Бог, *я* напуган до смерти. — Он хотел глотнуть вина для поддержки, затем тряхнул головой и отставил бокал в сторону.

— Я сильно повзрослел за эти месяцы, — он выпрямился в кресле. — Мне непросто признаться тебе в этом, однако это чистая правда, так что лучше слушай внимательно. Джаван предупреждал меня, однако я не внял его словам, а теперь он мертв. Они убили его, потому что не могли им управлять. И

если они решат, что не могут управлять мной, то меня убьют тоже... Но сперва я должен дать им то, чего они хотят.

— О чем ты говоришь?

— Сановники желают вновь стать регентами. Как только я обеспечу престолонаследие, и лучше всего, как положено, «наследника и замену», то можно быть уверенным, что с новым королем произойдет несчастный случай. — Он горестно усмехнулся. — Только представь себе, еще двенадцать или четырнадцать лет ничем не омраченной власти для таких, как Хьюберт и Ран и им подобные, что вошли в силу со времен последнего регентства. Как ты думаешь, будет ли у наших сыновей шанс править независимо, после того как все детство они проведут с такими людьми, как Полин и Альберт. Джаван сумел устоять, но я угодил в их сети... А ведь они имели власть над нами всего несколько лет, но сумели всю жизнь отравить своей ложью.

— Райсем, неужели ты все это всерьез, — прошептала она и опустилась на колени у его ног. Почувствовав, как мужа бьет озноб, она обняла его колени. — Скажи мне, что ты все это придумал.

— Господи, если бы... — выдохнул он, устало качая головой.

— Ну, тогда мы... мы просто не станем заводить детей, раз все так должно сложиться, — негодующе воскликнула она, и на хорошеньком личике отразилась гневная решимость. Я люблю тебя, Райс-Майкл Халдейн, я люблю тебя такого, как ты есть. Я люблю твое тело, и что ты делаешь со мной, когда мы вместе, и мне нравилось носить твоего ребенка. Но если это будет означать твою смерть...

Невесело усмехаясь, он тряхнул головой.

— Я еще не все тебе рассказал. Если я наотрез откажусь сделать то, чего они хотят, то, конечно, они не могут заставить меня; зато могут заставить *тебя*.

— Я не понимаю, — расширившимися глазами она уставилась на него.

— Если говорить прямо, милая моя, это означает, что если я не подарю тебе наследника, то это сделает за меня кто-то другой, ведь никто за пределами этих стен никогда не узнает правды. Мне сказали, что уже имеется несколько желающих.

— Кто? — воскликнула она.

— Ран и Ричард среди прочих.

— Я скорее умру.

— Сомневаюсь, чтобы тебе дали такую возможность. Но даже если тебе это удастся, они попросту одурманят меня и женят на ком-то еще. Скорее всего, на дочери Рана. А если уж им не удастся уложить меня к ней в постель, то подыщут другого отца для будущих королей. И это будет концом Халдейнов, от них останется одно лишь только имя.

— Но это чудовищно! Райсем, что же нам делать? — выдохнула она.

— Ну, насколько я могу судить, есть три возможности. Первая — это бросить вызов советникам, после чего нас, скорее всего, убьют. Если я умру, не оставив потомка мужского пола, это будет означать конец рода Халдейнов и откроет дорогу Фестилам, чей претендент на трон давно уже ждет своего часа. Конечно, нашим сановникам это ни к чему, поэтому они постараются сохранить мне жизнь, покуда я не исполню своего предназначения. В худшем случае все произойдет так, как я только что описал. Это будет скверно для нас обоих. И скверно для Гвиннеда.

— А второй выход? — спросила Микаэла.

— Бросим вызов советникам, но сделаем это тайно. То есть не станем давать жизнь наследнику, однако усиленно будем делать вид, будто пытаемся. Тогда они не станут пичкать меня своими зельями, а мы сумеем выгадать время и, может быть, отыщем путь к спасению. Однако это невозможно продолжать до бесконечности, поскольку они знают, что ты способна к деторождению, несмотря даже на то, что после потери первенца тебе будет трудно забеременеть сразу... И все же это большой риск. Рано или поздно они потеряют терпение и поручат исполнить эту обязанность кому-то другому... И если это будет кто-то из сановников, то это предаст вид законности новой династии, и они обретут над ней полную власть. Разумеется, после того, как ты дашь жизнь здоровым отпрыскам, кто бы ни был их истинным отцом, я вскоре стану *покойным* королем, а ты превратишься в юную и прекрасную вдовствующую королеву. Полагаю, скорее всего, тебе они сохранят жизнь, ведь должен же кто-то заботиться о детях.

— Как ты можешь рассуждать об этом так спокойно, — прошептала она. На глазах у нее выступили слезы, и Микаэла покачала головой. — Ведь это не выход, мы не можем так поступить.

— Знаю. — У него по щекам тоже покатились слезы, и он легонько коснулся ее волос и прикрыл глаза, когда она прижалась щекой к его колену.

— Ты говорил, что есть три возможности, — промолвила она через пару минут. — Какая же третья?

Откинув голову на спинку стула, он вздохнул.

— Мы можем сделать именно то, чего они хотят. Дать им наследников и обеспечить законность рода Халдейнов.

— Но... они ведь убьют тебя, как только это случится.

— Скорее всего, но я много размышлял об этом в последние дни. По большому счету, моя жизнь не так уж важна. Гораздо важнее сохранить династию Халдейнов. Несмотря на все усилия советников, короли Халдейны всегда несли Гвиннеду благо... и были куда лучшими правителями, нежели Фестилы. Если я должен умереть ради того, чтобы обеспечить трон Халдейнам... ну что ж, это не такая плохая смерть. И кроме того... — Он через силу улыбнулся. — Возможно, сперва у нас пойдут дочери, и мы постараемся потянуть сколько сможем, после чего... ну что ж, дети все-таки не рождаются сразу, и их еще нужно подрастить. Возможно, нам подарят два или три года, и мы постараемся за это время отыскать какой-нибудь выход.

— О, Райсем... — она разрыдалась.

Он дал ей выплакаться, покуда ее отчаяние не исчерпалось, продолжая ласково поглаживать жену по волосам. Наконец она вытерла глаза подолом платья и вновь повернула к нему лицо. Он никогда не видел ее такой прекрасной, даже с покрасневшим носиком и глазами, припухшими от слез, и никогда еще он не желал ее так сильно.

— Ну, что скажешь? — прошептал он, утирая последнюю слезинку с ее щеки. — Я не могу принять решения в одиночку. В какой-то мере, что бы мы ни сделали, это больше скажется на тебе, чем на мне.

Вместо ответа она схватила его за руку и прижалась к ней губами. Затем вновь подняла на него глаза.

— Райс-Майкл Халдейн, ты мой повелитель, мой возлюбленный и мой король... и вся моя жизнь.

Если таково твое желание, я надеюсь рано или поздно подарить тебе сыновей, каких ты достоин... Даже если это будет означать, что я потеряю тебя.

Она вновь поцеловала мужу руку, затем наградила его светлой, отважной улыбкой.

— Но надеюсь, что сперва я принесу тебе нескольких дочерей, и, возможно, мы еще сумеем отвоевать для тебя корону Халдейнов — и свободу.

Список персонажей трилогии «Наследники святого Камбера»

Аарон, брат — имя, под которым *Кверона* знали *виллимиты*

Аврелиан, отец — юный гавриилитский Целитель, укрывшийся вместе с *Грегори* в *Тревалге.*

Агнес Мердок, леди — дочь *Мердока Картанского,* супруга *Рана Хортнесского,* графа Шиильского.

Аделиция Хортнесская - 8 лет, дочь *Рана.*

Адриан Мак-Лин, лорд — внук сестры *Камбера Эйслинн* и отец *Камбера-Эллина* (он же *Камлин*); убит вместе с сыном *Райса* и *Ивейн Эйданом* в *Трурилле,* солдатами регентов (*)

Айвер Мак-Иннис — 25 лет, сын *Манфреда,* граф Кирнийский, взял в жены леди *Ричелдис Мак-Лин.*

Алана д'Ориэль — супруга Целителя *Ориэля.*

Алоизий, отец — каноник Валоретского собора.

Алрой Беренд Брион Халдейн, король — шестнадцатилетний умирающий владыка *Гвиннеда,* брат-близнец *Джавана.*

Альберт, лорд — великий магистр *Equites Custodum Fidei;* в миру — *Питер Синклер,* бывший граф Тарлетонский; брат *Полина Рамосского* и отец *Боннера Синклера,* нынешнего графа.

Альфред Вудборнский — епископ Ремутский, бывший исповедник короля *Синхила.*

Анна Квиннел, принцесса — дочь князя *Эмберта Кассанского,* супруга *Фейна Фитц-Артура,* мать *Тамберта,* первого герцога *Кассана.*

Ансель Айрил Мак-Рори, лорд — 22 года; младший сын покойного *Катана,* внук *Камбера,* глава повстанцев-Дерини.

Арион Торентский, король — 22 года; правитель *Торента,* старший брат принца *Миклоса.* (*)

---

[1] Знак (*) означает, что персонаж лишь упоминается в романе.

Асцеллин, отец — священник *Custodes*, настоятель *базилики св. Хилари* в *Ремуте*, преемниц отца *Бонифация*.

Бартон, отец — священник *Custodes Fidei*.

Биргита О'Кэррол — жена *Урсина О'Кэррола*, мать *Кароллана*

Болдуин — стражник Ремутского гарнизона, участник нападения на *Ориэля*.

Бонифаций, отец — прежний настоятель *базилики св. Хилари* в *Ремуте*, ныне покойный. (*)

Боннер Синклер, лорд — 23 года, граф Тарлетонский, сын *Питера Синклера*, бывшего графа Тарлетонского (ныне лорда *Альберта*, главы *Equites Custodum Fidei*); племянник епископа *Полина*.

Варнариты — адепты *Деринии*, ученые, основавшие в *Грекоте* прообраз университета в конце VII — начале VIII вв.; от этого ордена в 745 г. отделились гавриилиты.

Виллиам, святой — ребенок, якобы замученный *Деринии*; святой покровитель движения *виллимитов*; младший брат св. *Эркона*.

Виллимиты — анти-деринийское движение, практически уничтоженное во времена правления короля *Имре*, вновь возникшее при короле *Синхиле* как фундаменталистская религиозная секта, ставящая своей целью силой заставить *Деринии* отказаться от своих способностей и принять покаяние.

Вильям де Боргос, лорд — владелец лучшего рысака в Одиннадцати Королевствах. (*)

Гавриилиты — священники и Целители ордена св. Гавриила, деринийского эзотерического братства, основанного в 745 г. и базировавшегося в *аббатстве св. Неота* вплоть до 917 г., когда орден был разогнан, а большинство братьев убиты; особенно славился своими Целителями. (*)

Гвейр Арлисский, лорд — бывший помощник *Элистера Келлена*, один из основателей ордена Слуг св. Камбера. (*)

Георгий, брат — умирающий монах в *Arx Fidei*. (*)

Гидеон, сэр — управляющий графа *Мердока* в *Найфорде*.

Гизела Мак-Лин — 12 лет; племянница *Иена*, графа Кирнийского, сестра *Ричелдис*, убита по приказу регентов. (*)

Гиллеберт — *виллимит*, бывший *Деринии*.

Гискард де Курси, сэр — 29 лет, сын барона *Этьена де Курси*, скрытый *Деринии*, подосланный *Джоремом* ко двору в помощь *Джавану*.

Годри — *виллимит*, бывший *Деринии*, последователь *Ревана*.

Гонория Кармоди — супруга Целителя *Деклана Кармоди*, казнена вместе с детьми по приказу регентов.

Грегори Эборский, лорд – *Дерини*, граф Эборский, один из первых членов Совета Камбера; отец *Джесса*. (*)

Грэхем Мак-Эван, лорд – четырнадцатилетний герцог Клейборнский, сын *Эвана*, племянник графов *Сигера* и *Хорика*.

Гэвин, сэр – 19 лет, бывший оруженосец *Алроя*.

Давет Неван, епископ – покойный епископ без кафедры. (*)

Даити, отец – священник *Custodes* в *Ремуте*, королевский духовник после отца *Фаэлана*.

Деклан Кармоди – *Дерини*, служивший регентам, державшим в заложниках его жену и двоих сыновей; был казнен по приказу *Мердока*. (*)

Де Курси – *см. Этьен* и *Гискард де Курси*.

Дерини – раса, наделенная сверхъестественными способностями.

Дермот О'Бирн, епископ – изгнанный и объявленный вне закона епископ Кашиенский.

Дескантор, епископ Кай – *см. Кай Дескантор*.

Джаван Джешен Уриен Халдейн, король – 16 лет; младший брат-близнец короля *Алроя*; хромой от рождения, царствовал с 921 по 922 год.

Джебедия Алькарский, лорд – *Дерини*, покойный глава ордена св. Михаила; один из основателей Совета Камбера. (*)

Джейми Драммонд, лорд – покойный внучатый племянник *Камбера*, второй супруг овдовевшей *Элинор*; отец *Микаэлы* и *Катана*. (*)

Джеймс – придворный лекарь.

Джейсон, сэр – пожилой рыцарь, преданный *Джавану*.

Джеровен Рейнольдс, лорд – законник, член королевского совета.

Джесс Мак-Грегор, лорд – *Дерини*, старший сын и наследник графа *Грегори*; член Совета Камбера.

Джеффрай, архиепископ – *Дерини*, покойный архиепископ Валоретский. (*)

Джокал Тиндурский – *Дерини*, Целитель и поэт. (*)

Джон, брат – личина *Ивейн*

Джоревин Кешельский – *Дерини*, автор мистических текстов. (*)

Джорем Мак-Рори, отец – младший сын *Камбера*; брат *Ивейн*; священник и рыцарь ордена св. Михаила; один из основателей Совета Камбера; возглавляет повстанцев *Дерини* и помогает королю *Джавану* овладеть магическими способностями.

Джоффри Мак-Лин, лорд — покойный младший брат *Иена*, отец *Ричелдис* и *Гизелы*. (*)

Джошуа, лорд — глава стражников в аббатстве *Arx Fidei*.

Джулиана Хортнесская, леди — 17 лет, старшая дочь *Рана*, которую тот намеревался выдать замуж за короля.

Димитрий — *Дерини* на службе у *Полина*.

Драммонд — *см. Катан, Элинор, Джейми* и *Микаэла Драммонд*.

Дуалта Джерриот, лорд — рыцарь-михайлинец. (*)

Дювесса (Синклер), княгиня — вдовствующая княгиня Кассанская, мать *Анны Квиннел*.

Дэвин Мак-Рори, лорд — покойный старший брат *Анселя*. (*)

Ивейн Мак-Рори Турин, леди — *Дерини*, дочь *Камбера*; сестра *Джорема*; *вдова Райса Турина*; одна из основателей Совета Камбера; погибла в 918 году при попытке освободить отца от действия сдерживающего заклятья. (*)

Иен Мак-Лин, лорд — граф Кирнийский; отец покойного *Адриана Мак-Лина*; племянник *Камбера*. (*)

Иеруша Ивейн Турин — новорожденная дочь *Ивейн* и *Райса*; будущая Целительница.

Имре, король — пятый и последний король *Гвиннеда* из рода *Фестилов* (годы правления 900-904); отец *Марка Фестила*, от своей сестры *Эриеллы*. (*)

Иоахим, брат — *виллимит*, основной последователь *Ревана*.

Иодота Карнедская — *Дерини*, ученица Великого *Орина*. (*)

Кай Дескантор, епископ — *Дерини*, епископ без кафедры, погибший при попытке уничтожить Портал в ризнице Валоретского собора. (*)

Кайрил — религиозное имя *Камбера*.

Камбер Кайрил Мак-Рори, святой — бывший граф Кулдский; отец *Джорема* и *Ивейн*; канонизирован как св. Камбер в 906 г.; канонизация отменена Рамосским Советом в 917 г.

Камлин Мак-Лин, лорд — 11 лет; сын покойного *Адриана Мак-Лина* и его законный наследник; выжил, будучи распятым солдатами регентов в *Трурилле*; он же Камбер-Эллин Мак-Лин.

Карлан Кай Морган, сэр — 19 лет, бывший оруженосец *Джавана*, его помощник.

Карролан О'Кэррол — 4 года, Дерини, сын *Урсина О'Кэррола*.

Катан Драммонд — 12 лет; брат *Микаэлы*, сын *Элинор* и *Джейми Драммонда*.

Катан Мак-Рори — покойный старший сын *Камбера*, отец *Анселя* и погибшего *Девина*. (*)

Кверон Киневан, отец — бывший гавриилитский священник и Целитель, основатель ордена Слуг св. Камбера; позднее — член Совета Камбера, помощник «крестителя» *Ревана.*

Квирик Фитц-Артур — 11 лет, сын *Таммарона,* паж при дворе.

Келлен, епископ Элистер — *см. Элистер Келлен.*

Кеннет Рорау — племянник Термода из Рорау, брат *Судри*; погиб в 918 году, защищая герцога *Эвана.* (*)

Кенрик, отец — беглец-гавриилит, нашедший приют у епископа *Ниеллана.*

Керис д'Ориэль — 4 года, дочь *Ориэля.*

Кешел Мердок — 17 лет, младший сын *Мердока Картанского.*

Китрон — Дерини; автор манускрипта «Principia Magica». (*)

Коллос — Дерини, предполагаемый брат *Димитрия.* (*)

Конкеннон, отец Марк — *см. Марк Конкеннон.*

Коннор — валоретский стражник, на службе регентов.

Корунд, сэр — рыцарь, служивший королю; ныне покойный. (*)

Кронин, брат — аббат обители *св. Марии-на-Холмах.*

Кустодес Фидеи (*Custodes Fidei*) — Хранители Веры; религиозный орден, основанный *Полином Рамосским,* с целью реформировать религиозное обучение в *Гвиннеде* и уничтожить *Дерини.*

Лиор, отец — священник *Custodes Fidei*; помощник верховного инквизитора.

Лирин Удаут, леди — 16 лет, дочь коннетабля *Гвиннеда,* жена *Ричарда Мердока.*

Льютерн — *Дерини,* автор мистических текстов. (*)

Маири Мак-Лин, леди — вдова *Адриана,* мать *Камлина.*

Мак-Грегор — родовое имя, взятое *Джессом,* сыном *Грегори Эборского.*

Мак-Грегор, епископ Эйлин — помощник *Хьюберта* в *Валорете.*

Мак-Дара, Имонн — деринийский поэт родом из *Меары,* автор поэмы «Дух Ардала». (*)

Мак-Иннис — *см. Эдвард, Хьюберт* и *Манфред Мак-Иннис.*

Мак-Лин — *см. Адриан, Эйслин, Камлин, Фиона, Джоффри, Гизела, Иен, Маири* и *Ричелдис Мак-Лин.*

Мак-Рори — родовое имя *Камбера*; *см. Ансель, Камбер, Катан, Девин, Ивейн* и *Джорем Мак-Рори.*

Манфред Мак-Иннис, лорд — новый граф Кулдский, бывший регент *Гвиннеда*; старший брат архиепископа *Хьюберта*; отец *Айвера* и епископа *Эдварда.*

Марк Конкеннон, отец — канцлер *Custodes Fidei,* руководящий всеми семинариям и иными учебными заведениями *Гвиннеда.*

Марк Фестил, принц — сын *Имре* и *Эриеллы*, последний представитель рода *Фестилов*.

Мердок Картанский, лорд — граф Картанский; бывший регент короля *Алроя*, отец *Агнес*, *Кешела*, *Ричарда*; убийца герцога *Эвана Клейборнского* и *Деклана Кармоди*.

Микаэла Драммонд — 15 лет; дочь *Элинор* и *Джейми*, сестра *Катана*, будущая супруга принца *Райса-Майкла*.

Миклос Фурстан, принц — 17 лет, *Дерини*, младший брат короля *Ариона Торентского*.

Михайлинцы — священники, рыцари и братья-миряне ордена св. Михаила, объединявшего воинов и ученых, преимущественно *Дерини*; основан во времена правления короля Беренда Халдейна для борьбы с нашествием мавров и защиты побережья; уничтожен регентами короля *Алроя*.

Неван, епископ Давет — *см. Давет Неван*.

Невел — стражник ремутского гарнизона, участвовавший в нападении на *Ориэля*.

Ниева Фитц-Артур, леди — супруга *Таммарона*, мать четверых его сыновей; вдова покойного графа Тарлетонского, мать его сына *Петера* (впоследствии — *Альберта*) и *Полина Рамосского*.

Ниеллан Трей, епископ — *Дерини*; объявленный вне закона епископ Дхасский; позднее — член Совета Камбера, друг *Джорема Мак-Рори*.

Никарет — *Дерини*, вдова, кормилица новорожденной дочери *Ивейн Иеруши*. (*)

Норрис — стражник в *Валорете*, на службе у *Рана*.

Нэд — кузнец в михайлинском убежище.

О'Бирн, епископ Дермот — *см. Дермот О'Бирн*.

О'Кэррол — *см. Урсин, Биргит* и *Карролан О'Кэррол*.

О'Нилл, лорд Тавис — *см. Тавис О'Нилл*.

Ордо Верби Деи (*Ordo Verbi Dei*) — орден Слова Господня.

Ордо Вокс Деи (*Ordo Vox Dei*) — орден Гласа Господня.

Орин — адепт-*Дерини*, мистик; автор «Протоколов Орина», свитков, содержащих особо могущественную деринийскую магию. (*)

Орисс, архиепископ Роберт — архиепископ Ремутский; бывший верховный настоятель *Ordo Verbi Dei*.

Ориэль, мастер — Целитель на службе у регентов, большей частью — *Хьюберта* и *Таммарона*, которые держат в заложниках его жену и новорожденную дочь.

Парган Ховиккан — *см. Ховиккан, Парган*.

Патрик, брат — *виллимит*, бывший *Дерини*, один из последователей *Ревана*.

Полин (Синклер) Рамосский, епископ — младший сын графа Тарлетонского, пасынок графа *Таммарона*; основатель ордена Братьев св. *Эркона* (912 г.); первый епископ Стэвенхемский; отказался от этого поста, чтобы стать великим магистром *Custodes Fidei*.

Пьедор, сэр — покойный рыцарь, служивший королю. (*)

Радан, сэр — оружейник в Ремутском замке.

Райс-Майкл Элистер Халдейн, принц — 15 лет, младший сын короля *Синхила*; взошел на престол вслед за своим братом Джаваном (правил с 922 по 928 г.), женат на *Микаэле Драммонд*.

Райс Малахия Турин, лорд — покойный Целитель *Дерини*; супруг *Ивейн*; отец *Райсил*, *Тиега* и *Иеруши*; один из основателей Совета Камбера. (*)

Райсил Джослин Турин — восьмилетняя дочь *Райса* и *Ивейн*.

Ран Хортнесский, лорд — прозванный Безжалостным; граф Шиильский, один из бывших регентов короля *Алроя*.

Реван — бывший наставник детей *Райса* и *Ивейн*; участник плана Совета Камбера по спасению *Дерини* путем блокирования их способностей.

Рикарт, отец — гавриилит, домашний Целитель епископа *Ниелла-на*. (*)

Ричард Мердок — 19 лет, сын *Мердока*; позднее граф Картанский.

Ричелдис Мак-Лин — 17 лет; графиня Кирнийская, супруга *Айвера Мак-Инниса*.

Робер, сэр — пожилой рыцарь, преданный *Джавану*.

Роберт Орисс, архиепископ — *см. Орисс, архиепископ Роберт*.

Рондел — рыцарь на службе лорда *Манфреда*.

Руадан Дхасский — *Дерини*, автор труда «Liber Sancti Ruadan». (*)

Рэмси, капитан — один из стражников *Хьюберта*, принявший «крещение» *Ревана*.

Секорим, отец — аббат Валоретского капитула *Custodes Fidei*.

Серафин, брат — верховный инквизитор *Custodes Fidei*.

Сигер, лорд — граф Марлийский; брат *Хрорика*, дядя *Грэхема Мак-Эвана*.

Сикст, отец — пожилой священник на службе у *Хьюберта*.

Сильвен О'Салливан — бывший Целитель в доме *Грегори*, ныне помощник *Ревана*, обладающий даром блокировать магические способности.

Синклер — родовое имя графов Тарлетонских.

Синхил Донал Ифор Халдейн, король — покойный владыка *Гвиннеда* (годы правления 904-917); отец *Алроя, Джавана* и *Райса-Майкла.* (*)

Ситрик — ищейка-*Дерини Рана.*

Сорль Далриада, сэр — 25 лет, бывший оруженосец короля *Синхила.*

Стевануc, отец — лекарь *Custodes* в *Куллы.*

Стефан, отец — священник Валоретского собора.

Стейси, леди — 12 лет, дочь *Хрорика* и *Судри,* наследница *Истмарка.*

Сулиен Р'Кассанский — великий адепт *Дерини* древности, автор «Анналов». (*)

Тавис О'Нилл — бывший Целитель принца *Джавана,* обладающий талантом блокировать способности *Дерини;* позднее — член Совета Камбера, помощник *Ревана.*

Тамберт Фитц-Артур Квиннелл, герцог — 3 года, первый герцог Кассанский, сын *Фейна Фитц-Артура* и принцессы *Анны.*

Таммарон Фитц-Артур, граф — канцлер *Гвиннеда;* один из бывших регентов короля *Алроя.*

Тиег Джорем Турин — 3 года; сын *Райса* и *Ивейн,* будущий Целитель.

Тирнан, брат — монах в *аббатстве св. Марии-на-Холмах.*

Томейс Эдергольский, сэр — бывший оруженосец принца *Райса-Майкла.*

Торквилл де ла Марч, лорд — *Дерини,* барон, исключенный из королевского совета регентами.

Трей, епископ Ниеллан — *см. Ниеллан Трей.*

Турин — родовое имя *Райса; см. Эйдан, Ивейн, Иеруша, Райс, Райсил* и *Тиег.*

Удаут, лорд — коннетабль *Гвиннеда,* отец *Лирин.*

Уильям Десский — строитель в *Ремуте.*

Урсин О'Кэррол — *Дерини* на службе у *Манфреда;* неудавшийся Целитель, лишен *Реваном* магических способностей.

Фаэлан, отец — молодой священник *Custodes* из *Arx Fidei,* ставший духовников *Джавана.*

Фейн Фитц-Артур, лорд — старший сын графа *Таммарона,* супруг наследницы *Кассана.*

Фиона Мак-Лин — младшая сестра покойного *Адриана Мак-Лина,* внучка сестры *Камбера Эйслинн.*

Фитц-Артур — *см. Фейн, Фульк, Квирик, Ниева* и *Таммарон.*

Фланн — *виллимит,* последователь *Ревана.*

Фурстан – династическое родовое имя правителей *Торента*.

Халдейн – родовое имя королей *Гвиннеда*.

Халекс, отец – настоятель аббатства *Arx Fidei*.

Хамфри Галларо, отец – священник-михайлинец, *Дерини*, убитый *Синхилом*, за то что отравил его первенца. (*)

Хилдред, барон – преданный *Джавану* советник.

Ховиккан, Парган – классический поэт *Дерини*. (*)

Хрорик Истмаркский, лорд – граф Истмаркский; младший брат *Эвана*, старший брат *Сигера* и дядя герцога *Грэхема*.

Хьюберт Мак-Иннис, архиепископ – примас *Гвиннеда*, архиепископ Валоретский, один из пятерыхбывших регентов короля *Алроя*; младший брат графа *Манфреда* и дядя епископа *Эдварда*.

Шонна – младшая сестра *Джесса*.

Эван, герцог – покойный герцог Клейборнский, вице-король *Келдора*; один из пятерых регентов короля *Алроя*, предательски смещенный с этого поста; брат *Хрорика* и *Сигера*, отец *Грэхема*. (*)

Эдвард Мак-Иннис Арнемский, епископ – 24 года, сын графа *Манфреда*, племянник архиепископа *Хьюберта*; епископ Грекотский после *Элистера Келлена*.

Эдуард, отец – *Дерини*, автор труда «Haut Arcanum». (*)

Эйдан Алрой Камбер Халдейн – покойный сын-первенец короля *Синхила*. (*)

Эйдан Турин – погибший первенец *Райса* и *Ивейн*, убит в *Трурилле* в возрасте 10 лет солдатами регентов, ошибочно принявшими его за *Камлина Мак-Лина*. (*)

Эйлин Мак-Грегор, епископ – *см. Мак-Грегор, епископ Эйлин*.

Эйнсли, лорд – королевский посланник.

Эйрсиды – древнее братство *Дерини*, до 500 г. РХ. (*)

Эйслинн Мак-Рори Мак-Лин, леди – покойная сестра *Камбера*, погибшая в *Трурилле*, вдовствующая графиня Кирнийская, мать *Иена*, нынешнего графа. (*)

Эквитес Кустодум Фидеи (*Equites Custodum Fidei*) – Рыцари Хранителей Веры; военное подразделение ордена *Custodes Fidei*, созданное на замену михайлинцам.

Элейн де Финтан – жена *Мердока*, графиня Картанская.

Элинор Мак-Рори Драммонд, леди – вдова *Катана Мак-Рори*, мать его сыновей *Анселя* и *Девина*; супруга *Джейми Драммонда*, мать его детей *Микаэлы* и *Катана*. (*)

Элистер Келлен, епископ – *Дерини*, бывший верховный настоятель ордена св. Михаила; епископ Грекотский и канцлер *Гвиннеда* при

короле *Синхиле*; на короткое время – архиепископ Валоретский и Примас Гвиннеда; альтер-эго *Камбера*; основатель Совета Камбера.

Эмберт Квиннел Кассанский, князь – покойный правитель *Кассана*, княжества к северо-западу от *Гвиннеда*; отец принцессы *Анны*, тесть *Фейна Фитц-Артура*, дед *Тамберта*. (*)

Эмрис, отец – знаменитый гавриилитский Целитель; аббат *монастыря св. Неота*, был убит там при попытке уничтожить Портал. (*)

Энском Тревасский, архиепископ – *Дерини*, покойный Примас *Гвиннеда*. (*)

Эрена – виллимитка, чьего больного сына исцелили *Реван* и *Кверон*.

Эриелла Фестил, принцесса – покойная старшая сестра бывшего короля *Имре* и мать его сына *Марка*. (*)

Эркон, святой – старший брат св. *Виллима*; принял мученическую смерть при попытке отыскать убийц брата; покровитель Братьев св. Эркона, ордена, основанного *Полином Рамосским*. (*)

Эстеллан Мак-Иннис, леди – графиня Кулдская; супруга *Манфреда*.

Этьен де Курси – барон, скрытый *Дерини*, засланный *Джоремом Мак-Рори* ко двору; законник.

Юрис, отец – гавриилитский Целитель-беглец, нашедший приют у епископа *Ниеллана*.

Географические названия

Аббатство св. Марии-на-Холмах — затерянный монастырь в горах *Кулди*, где нашли убежище *Джорем* и *Ивейн*.

Аббарство св. Марка — монастырь близ *Валорета*.

Аббатство св. Неота — оплот ордена св. Гавриила Архангела, эзотерического деринийского ордена Целителей; расположено в Лендорских горах; уничтожено войсками регента *Рана* в конце 917 г.

Белдор — столица *Торента*.

Валорет — столица *Гвиннеда* при *Фестилах* с 822 по 904 гг.

Гвиннед — центральное из Одиннадцати Королевств, находившееся под властью *Халдейнов* с 645 г., когда первый король из рода Халдейнов начал объединение земель; находилось под правлением *Фестилов* с 822 по 904 гг. Реставрация рода Халдейнов была осуществлена в 904 г. с восшествием на престол *Синхила* Халдейна.

Грекота — университетский город, где находилась варнаритская школа; резиденция епископа Грекотского.

Десса — портовый город к югу от *Ремута*.

Долбан — местность, где находилась основная обитель ордена Слуг св. Камбера, уничтоженного в конце 917 г.

Дхасса — вольный город в Лендорских горах; резиденция епископа Дхасского, традиционно соблюдающего нейтралитет в политике.

Истмарк — графство, владение *Хрорика*, среднего сына герцога *Сигера Келдорского*.

Кайрори — основное поместье *Камбера*, графа Кулдского, в нескольких часах езды к северо-востоку от *Валорета*; ныне резиденция *Манфреда Мак-Инниса*, нового графа Кулдского.

Картан — графство *Мердока*, к югу от *Ремута*, со столицей в *Найфорде*.

Кассан — небольшое княжество, бывшее владение князя *Эмберта Квиннела*, ныне герцогство *Гвиннеда*.

Келдор — королевство к северу от *Гвиннеда*, включающее герцогство *Клейборн*, графство *Марли* и графство *Истмарк*.

Келдиш — небольшое королевство к северу от *Гвиннеда*, отколовшееся от *Келдора* после его захвата герцогом *Сигером* и королем *Синхилом* в 906 г.; славится своими тканями и коврами.

Кешиен — епископская резиденция к западу от *Ремута*, ранее принадлежавшая епископу *Дермоту О'Бирну*.

Кирни — графство к северу от Кулди.

Клейборн — столица *Келдора*, владение *Грэхема*, герцога Клейборнского.

Коннаит — варварское королевство на западе, знаменитое своими наемниками.

Кор Кулди — наследная резиденция графов Кулдских, близ города Кулди, на границе *Гвиннеда* и *Меары*.

Лланнед — королевство к юго-западу от *Гвиннеда*, союзник *Ховисса*.

Марбери — епархия в графстве *Марди*.

Марди — небольшое графство, отделенное от *Истмарка* во владение *Сигеру*, младшему сыну *герцога Сигера*.

Марлор — баронство *Манфреда Мак-Инниса*.

Меара — королевство-княжество к северо-западу от *Гвиннеда*; номинальный вассал Гвиннеда.

Мурин — провинция на юге *Гвиннеда*, включающая Картмур и Корвин.

Найфорд — порт у югу от *Ремута*, столица графов Картанских, резиденция епископа Картанского.

Порти — местность, где в древности располагалась давно исчезнувшая школа Целителей.

Рамос — аббатство к юго-западу от *Валорета*, место рождения *Полина Синклера*; место сбора Рамосского Совета зимой 917-918 гг.

Ремут — древняя столица *Гвиннеда* при *Халдейнах*; перемещена в период правления *Фестилов*; восстановлена при *Синхиле* и *Алрое*.

Рендалл — озеро к северу от *Гвиннеда*; титул наследника герцога Клейборнского.

Стэвенхем — епископская резиденция на севере *Келдора*.

Собор Всех Святых — резиденция архиепископа Валоретского, примаса *Гвиннеда*.

Тарлевилль — владение графа *Таммарона* на реке Эйриан, в нескольких днях езды от *Ремута*.

Templum Archangelorum — разрушенное древнее аббатство деринийских адептов; местонахождение не указано.

Торент — влиятельное королевство к востоку от *Гвиннеда*, откуда берет начало род *Фестилов*, младшей ветви правящего Дома Торента, глава которого — король *Арион*.

Тревалга — новое владение графа *Грегори* в *Коннахте*.

Трурилл — замок лорда *Адриана Мак-Лина*; уничтожен войсками регентов зимой 917-918 гг.

Хортнесс — баронство *Рана* Безжалостного.

Ховисс — королевство к юго-востоку от *Гвиннеда*, союзник *Лланнеда*.

Шиил — усадьба *Райса* и *Ивейн* к северу от *Валорета*; позднее — резиденция графа Шиильского.

Эбор — графство к северу от *Валорета*, бывшее владение *Грегори*.

Эрнхем — место рождения епископа *Эдварда Мак-Инниса*.

Оглавление

ГОД КОРОЛЯ

Перевод Натальи Баулиной

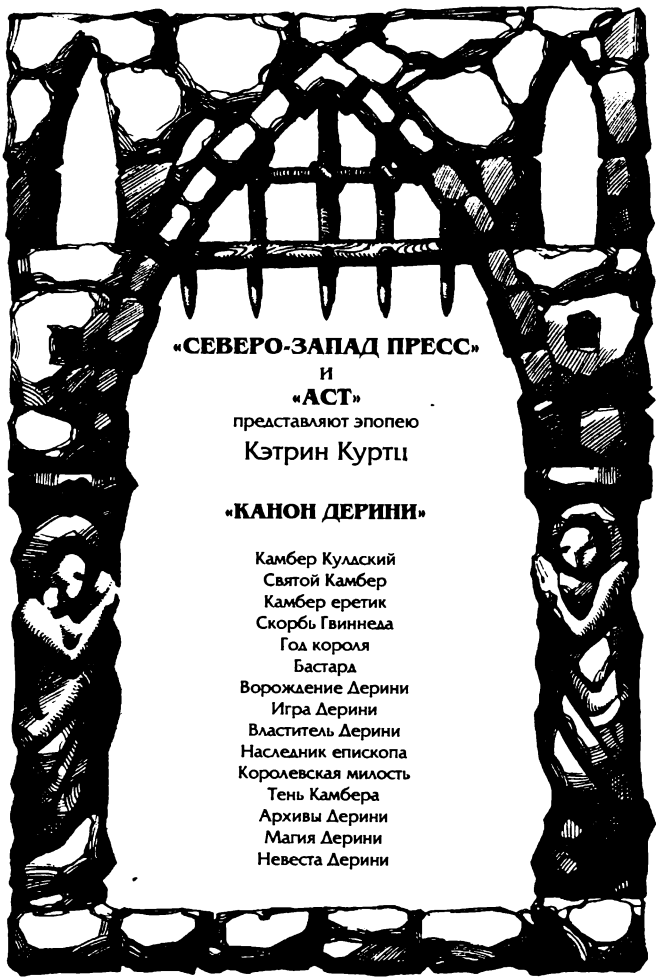

Пролог 7
Глава 1 13
Глава 2 26
Глава 3 45
Глава 4 66
Глава 5 84
Глава 6 99
Глава 7 114
Глава 8 133
Глава 9 151
Глава 10 163
Глава 11 185
Глава 12 201
Глава 13 213
Глава 14 234
Глава 15 250
Глава 16 266
Глава 17 288
Глава 18 312
Глава 19 332
Глава 20 345
Глава 21 369
Глава 22 390
Глава 23 410
Глава 24 435

Глава 25 449
Глава 26 459
Глава 27 475
Глава 28 493
Глава 29 510
Глава 30 529
Глава 31 542
Глава 32 559
Глава 33 575
Глава 34 595
Глава 35 616
Глава 36 634
Глава 37 649
Глава 38 664
Глава 39 675
Глава 40 692
Глава 41 719
Глава 42 741
Эпилог 756

Список персонажей трилогии
«Наследники святого Камбера». 766

Географические названия 776

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
и
«АСТ»
представляют эпопею
Кэтрин Куртц

«КАНОН ДЕРИНИ»

Камбер Кулдский
Святой Камбер
Камбер еретик
Скорбь Гвиннеда
Год короля
Бастард
Ворождение Дерини
Игра Дерини
Властитель Дерини
Наследник епископа
Королевская милость
Тень Камбера
Архивы Дерини
Магия Дерини
Невеста Дерини

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Куртц Кэтрин

Год короля Йавана

Художественные редакторы О. Адаскина, И. Богданов
Компьютерный дизайн: С. Шумилин
Верстка: Л. Андреева
Технический редактор В. Успенский
Корректор Н. Ушинская

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Куртц К.

К93 Год короля Йавана: Фантаст. роман / К. Куртц; Пер. с англ. Н. Баулиной. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 777, [7] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-011450-8

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-011450-8

9 785170 114504